

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Центр общественных наук
Экономический факультет
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
Академия философии хозяйства**

**СОВРЕМЕННОСТЬ:
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
АЛГОРИТМЫ
И
ПРАКТИКИ**

Под редакцией
Ю.М. Осипова, В.Ю. Стримова,
Е.С. Зотовой

Москва — Тамбов
2016

УДК 330:1
ББК 65.5
С56

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д.э.н., проф. Ю.М. Осипов (председатель);
к.э.н. Е.С. Зотова (зам. председателя); А.А. Антропов; С.С. Мерзляков;
д.ф.н., с.н.с. К.В. Молчанов; к.с.-х.н. С.С. Нипа; к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. В.В. Смагина; к.ю.н. В.Ю. Стромов; Т.С. Сухина;
Т.Г. Трубицына; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский

В ПОДГОТОВКЕ МОНОГРАФИИ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ:
К.Ю. Беневская, О.Б. Лемешонок, А.В. Осипова

**По итогам международной научной конференции «Российская
обществоведческая и философско-хозяйственная мысль сегодня:
итоги, проблемы, перспективы»
(2—4 декабря 2015 г., МГУ имени М.В. Ломоносова)**

Современность: хозяйственные алгоритмы и практики /
С56 Под ред. Ю.М. Осипова, В.Ю. Стромова, Е.С. Зотовой. — М.;
Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина 2016. —
493 с.

Монография содержит как актуальные размышления российских ученых о состоянии и перспективах философско-хозяйственной, обществоведческой и экономической мысли, так и аналитические материалы о текущей хозяйственной практике.

По итогам междисциплинарной научной конференции, прошедшей в МГУ имени М.В. Ломоносова 2 — 4 декабря 2015 г.

Для всех, кто интересуется философско-хозяйственной, социальной, экономической проблематикой.

ISBN

УДК 330:1
ББК 65.5

© Коллектив авторов, 2016

Предисловие

2—4 декабря 2015 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова была проведена международная научная конференция *«Российская обществоведческая и философско-хозяйственная мысль сегодня: итоги, проблемы, перспективы»*. Конференция была посвящена 25-летию Центра общественных наук при МГУ, проявившему себя за четверть века своего существования продуктивным очагом оригинальной, многоплановой, перспективной мысли, в которой ведущее место принадлежит философии хозяйства.

К конференции были подготовлены две содержательные монографии: *«Восхождение»* Ю.М. Осипова и коллективный труд *«Хозяйство и мысль»*. Обе работы, носившие одновременно итоговый, мониторинговый и созидательный характер, не только были с удовлетворением встречены участниками конференции, но и заслуженно вошли в арсенал современной концептуально-аналитической литературы.

Творческое горение ученого сообщества не прекратилось с завершением конференции и публикацией вышеупомянутых работ, а продолжилось и после конференции, что дало повод к созданию новой коллективной монографии, которую читатель как раз и держит в своих руках.

Вольная по авторскому исполнению и разнообразная по содержанию монография отражает как современный когнитивный поиск, так и текущую социохозяйственную практику. Главное достоинство сборника — *свободное выражение свободной мысли*, что особенно важно в обстановке усиливающегося формализма и нарастающей регламентации, бесцеремонно вторгающихся в научную и образовательную сферы.

Если отвлечься от смертоносного реформизма, прессующего и опустошающего науку и образование, то все еще живая мысль реализует, можно с уверенностью предположить, следующие задачи:

- преодоление существующих воззренческих ограничений, концептуальных заблуждений и парадигмальных тупиков;
- выход на когнитивный простор нового воззрения на реальность;

- новое, хотя и не порывающее с традицией, осознание феноменов сознания человека и человеческого мира;
- широкое использование метанаучной методологии и активное применение философско-хозяйственного подхода.

Нижеследующая монография немало способствует решению указанных размыслительных задач.

Многолетнее товарищеское и деловое сотрудничество Центра общественных наук при МГУ с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина позволило Центру обратиться к ТГУ с просьбой опубликовать данную монографию, а ТГУ на эту просьбу любезно откликнулся, — и вот насыщенная мыслью книга обретает свет и заинтересованного читателя.

Авторы книги и ее главный редактор приносят коллегам из ТГУ — ректору В.Ю. Стромову и проректору В.В. Смагиной, искреннюю благодарность.

*Главный редактор
Ю.М. Осипов*

Раздел I

Современный хозяйственный концептуализм

Ю.М. ОСИПОВ

Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теоретизирования к адекватному воззрению на реальность

Аннотация. Бытующий в университетах теоретический экономический гнозис не отвечает реалиям экономического онтоса. На смену самоотрицающейся теоретической экономии идет развивающееся философско-хозяйственное воззрение на экономическую реальность — в основе своей метафизическое. Время перемен!

Ключевые слова: экономика, экономический онтос, экономический гнозис, экономическая теория, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to occurring in universities theoretical view on economic development that does not answer realities of an economic ontos. Instead of the self-denied theoretical economy there is a developing philosophical and economic metaphysical view on economic reality. Time of changes!

Keywords: economy, economic development, economic theory, philosophy of economy.

Есть на свете, судя по всему, *экономика*, как и есть, согласно тому же университетскому гнозису, *экономическая теория*, она же *теоретическая экономия*, бывшая до недавнего времени широко распространенной *политической экономией*.

В самом по себе научном теоретизировании нет ничего плохого: абстагированное от текущей конкретности, парадигмально целостное, логично построенное, модельно внутри себя согласованное и щедро оснащенное загадочными терминами и понятиями, теоретиче-

ское знание вполне способно послужить обобщенному отражению реальности в головах людских, как и ее когнитивной экспликации, столь необходимых для реализующегося в культурной среде размышляющего и практического сознания.

Теоретизировать вообще можно и даже весьма полезно, обращаясь и к той же экономике, раз она есть и играет колоссальную роль в жизнеотправлении человека. Онаученный век Просвещения разум дал свой ответ на эту возможность и эту потребность, создав обширную область теоретического знания — *экономического*.

Покорился ли при этом *экономический онтос* онаученному *экономическому гнозису*, — большой вопрос. И вопрос этот совсем не случаен, ибо в экономическом гнозисе мы находим всё... кроме... достаточной его адекватности... экономическому онтосу, не говоря уже о наличии в рассматриваемом значении необходимой когнитивной ясности.

Что мы имеем в объемном, практически безграничном, теоретическом знании? Десятки определений той сферы онтоса, которая впадет и не впадет называется «экономикой» — от «домоводства» до «оптимального использования ограниченных ресурсов»; немалое число собственно экономических теорий (концепций, модельных построений), ни одна из которых не отвечает требованию необходимого ее соответствия реальности и потребной для этого смысловой полноты; бесчисленное количество частных (элементных) определений, трактовок, восприятий — всего, чего угодно, крайняя неопределенность, если не полная невозможность, практического использования теоретических изысков в оценочной и конструктивной деятельности.

Сегодня можно с достаточной степенью уверенности говорить, что экономический гнозис, основанный на сциентизме, физикализме и материализме, включая безудержную его математизацию, не удался: он даже не в кризисе, а в последовательном и, надо полагать, уже необратимом *самоотрицании!*

Мы не будем здесь заниматься разбором хорошо известных теорий, «ловить» их на противоречиях, мифах и попросту несуразностях; адепты прочно утвердившихся в ученом сознании теорий в любом случае останутся их непререкаемыми сторонниками, ибо онтологическое соответствие теорий фактическим реалиям не очень-то входит в число увлеченно решаемых этими адептами дидактических и «дискуссионных» задач.

Ларчик тут открывается довольно просто: теории создавались более всего не как онтологические, а как... *идеологические*, не как адекватные реальной реальности, а как по отношению к ней либо апологетические, либо, наоборот, критические («разносные»), либо про-

сто абстрактно-логические («красивые», «игро-бисерные»), а само соответствие теорий описываемому ими предмету никогда не вышло на передний план.

Разумеется, экономический гнозис вылился в определенную словесно-рассудительскую культуру, заимевшую весьма богатый словарно-категориальный запас, служившую верой и правдой любым ученым и экспертным размышлениям и дискуссиям по поводу вроде бы экономического онтоса, а более всего — самого же этого экономического гнозиса.

Итак, онтос — один (или такой), а вот гнозис — другой (не такой), что имело результатом: гнозис — один (такой), а онтос, естественно — другой (не такой)!

Чем же исследовавшийся онтос роковым образом отличался от исследовавшего его гнозиса. В противоположность гнозису, стремившемуся к логике, строю, механике, модели, системе, онтос был всегда и везде менее всего физическим, материальным и механико-системным, а более всего метафизическим, идеальным, даже и хаосно-бессистемным.

Здесь надо, правда, решительно уточнить, что же есть на самом деле экономика, обратившись ко вполне сакраментальному вопросу: «Что же есть собственно экономическое в экономике?».

Нет, вовсе не блага, не продукты, не орудия и предметы труда, не труд, не земля, не ресурсы, даже не производство благ и их потребление, даже не люди и не их отношения по поводу владения благами, их производства, распределения и потребления, даже и обмена этими благами, ибо все это есть то, что реально... попросту... *есть*, — и никакой собственно экономической смысловой нагрузки на себе и в себе не несет.

Когда-то, в Древней Греции, под «экономикой» можно было понимать и «домоводство», но сегодня, господа, сегодня... какое-то такое «домоводство» у той же Федеральной резервной системы, у государственных бюджетов или, к примеру, у какого-нибудь сберегательного банка? Или у тех же «Рено» или «Уралмаша»? Может, у «Роскосмоса», «Атоммаша» или у «Роснано»? Разве их деятельность и впрямь домоводство?

Под «экономикой», конечно, можно понимать всё, что угодно: хозяйство, производство с потреблением, богатство, организацию, управление, то же домоводство, но вопрос об экономической сути экономики остается при этом все равно открытым!

Экономическое в экономике: что же это? Ясно, что это какое-то качество, свойство, характерная черта, знаковая компонента. Что-то, наверно, не физическое, не материальное, не вещественное, ибо это

что-то присуще всему выше перечисленному, вполне и материальному, вещественному, предметному — следственно, это что-то имеет какую-то уже иную природу — духовную, идеальную, эфирную. Предположение это тем более обоснованно, что в экономике, какой мы ее знаем, на переднем плане все-таки не предметы, не вещи, не люди, не отношения и т. д., а... особого рода *оценочный счет-расчет* — *денежно-ценовой*, причем творящийся в сознании, в уме, через посредство голых цифр, не обозначающих ничего, кроме самих себя, но зато участвующих в образовании функциональных экономических чисел, величин, количеств, масс — вполне значимых и вполне работоспособных.

Экономический гнозис в лице той же политической экономии давно уже это заметил, указав на абстрактные феномены денег, оценок, цен, столь применяемые в экономике и конституирующие такие не менее замечательные феномены, как капитал, доход, кредит, ссудный процент, инвестиции. Заметил и обобщенно обозначил, пусть только в русском звучании — *стоимостью!*

Дальше — больше: экономический гнозис эпохи расцвета политической экономии, еще не отошедшей от философии и даже метафизики, подметил субстанциальный характер стоимости, ее сущностность, даже и нематериальность, как и некоторую ее отстраненность от всего остального — нестоимостного, заметную от него самостоятельность и даже независимость. Была сделана также попытка объяснить природу стоимости, обнаружить ее субстанцию, конечно же, сделать это по тогдашней моде — физикалистски, материалистически, чуть ли не вещественно. Было введено в объяснительное действие и... отношение (отношение того же товарообмена), что стало значительным, хотя и не решающим, экспликативным вкладом в экономический гнозис.

Торжествовавший тогда сциентизм не позволил признать главное, а именно — признать за *самой* стоимостью... *субстанцию*, конечно же — нематериальную, духовную, идеальную, эфирную, еще и счетно-цифровую, еще и осознаниеенную, еще и ноосферную, еще и... трансцендентную!

Такое признание, вполне и судьбоносное, совершил уже *постнаучный гнозис* в лице той же *философии хозяйства*, не чуравшейся ни духовности, ни идеальности, ни ноосферности, ни трансцендентности. Именно философия хозяйства признала и утвердила самое экономическое в экономике — *субстанциальную стоимость*, или *стоимость как саму себе субстанцию*, а вслед за этим и обозначила наличие экономического, т. е. стоимостного («обостоимостного»),

хозяйства — уже как следствия доминирования в нем стоимости, стоимостной субстанции, субстанциальной стоимости.

В самом простом, начальном и легко замечаемом виде стоимость проявляет себя как простая товарная оценка — в товарообмене с участием оценочного товарного и творящего тоже сознания. Но с появлением денег, способных существовать и вне товарообмена (накапливаясь, кредитуясь, инвестируясь), а также исходить на хозяйство сверху, из центра (центров), стоимость стала выглядеть уже не просто оценкой (ценой), но и действительной субстанцией (уже как бы «массой»).

Долгое время стоимость виделась пытливому глазу не более чем принадлежностью «хозяйственного низа», производительно-обменного базиса, непосредственно жизнеотправительных (бытовых) реалий, а потому и воспринималась как вспомогательный посредник в гуще нестоимостных вещей, событий, отношений и процессов.

Однако с появлением и нарастанием торгового и ростовщического капиталов, представлявших собою уже работавшую на себя стоимость, посредническая роль стоимости все более дополнялась организаторской и, скажем так, господской ролями; стоимость как бы отделялась от непосредственного хозяйственного процесса, все более возвышаясь над ним в качестве *управленческо-эксплуататорской надстройки*. С развитием же производительного капитала, банковского дела и денежно-финансовой сферы отрыв стоимости от хозяйственного базиса еще более усилился, но при этом усилилась и зависимость хозяйственного базиса от стоимостной надстройки. В итоге стоимость установила полное господство над хозяйственной жизнью: «экономика снизу» (от бытия), перестав быть существующей от себя и для себя экономикой — с производимой ею «внутренней» стоимостью, стала «экономикой сверху», созидаемой «внешней» для нее стоимостью, уже целостно этой стоимостью производимой и ради этой стоимости существующей.

Не стоимость для экономики, а экономика для стоимости, не говоря уже о хозяйстве, жизни, всём человеческом бытии, которым ничего не оставалось, как подчиниться возвысившейся над ними и уже от себя самой хозяйствовавшей стоимости.

Экономика, оставаясь экономикой, обратилась вследствие этого в... монетарономику, финансомику, «вэльюномику» (от Value — стоимость, ценность), перейдя от «экономики со стоимостью» к «экономике под стоимостью», чему сильно поспособствовали освобождение денег от самих же себя из-за отмены золотого денежного стандарта и высвобождение цен из самих же себя вследствие глобализации (обезграничивания) экономики.

Деньги и цена — две неразрывные ипостаси стоимости. *Одеженные цены и оцененные деньги!* Они же и реальные представители субстанции стоимости, или же стоимости как субстанции, бытующие в головах людских, в сознании, в ноосфере — как дух, как мысль, как идея, как память, выражаясь лишь в цифрах и числах, специально для этого предназначенных — договорных, как раз чисто стоимостных, счетно-расчетных, но никак не материальных, не вещественных, не предметных.

Золото само по себе — никакая не стоимость, оно нагружается последней только в товарном, обменно-оценочном акте, в счетно-расчетном процессе, в среде оцифрованной по-особому — экономически — реальности, при исполнении золотом денежного и ценового заданий; ни труд, ни полезность, ни энергоемкость, ни что либо другое — тоже сами по себе никакие не стоимости, — стоимостную нагрузку они получают от оценочной акции, осуществляемой вполне субъективно и предвзято однеженным сознанием.

Не стоимость от чего-либо, даже от тех же денег и цен, а что-либо, включая деньги и цены, от стоимости, которая есть не что иное, как особое, вполне и трансцендентного, рода счетно-решающее устройство, сидящее в головах человеческих и непрерывно работающее, награждая деньги и товары рассчитанной этими головами ценностью, превращая их в носителей самой себя.

Не товар задает цену самому себе, а именно стоимость задает эту ценность — через человека, или же человек через стоимость задает товару цену. Деньги не сами по себе воплощение и знак стоимости, а лишь через оценочное, еще и договорное, действие на них — на деньги — экономического человека, а сами деньги вовсе не вещь, которая лишь их — денег — носитель, а навешанная на них и всеми признаваемая... *цифра!*

Товар о себе как товаре ничего не знает, всё о товаре знает лишь человек, да и то, признаем, не всё, и этот человек знает ему — товару — цену, хотя и, признаемся, не очень-то и знает; деньги не знают ни то, что они деньги, ни своей оценочной значимости — это опять же знает, да и то не полно, только человек — участник непрерывного экономического действия.

Стоимость — идеальная, знаниевая, оцифренная субстанция, вложенная в головы человеческие и делающая там свое оценочное дело. Всё, что подлежит товарно-денежной оценке, оценивается человеком с участием сидящей в его же сознании стоимости, выраженной, повторяем, особого рода социальной цифрой. Сознание сходится с сознанием, цифра с цифрой, число с числом, оценка с оценкой — и является искомая оценивающими сознаниями оценка, она же и цена

(товара или денег, все равно). Всё так или иначе получает свою цену, — одновременно вольную и подневольную, однако всегда нарочито взаимоприемлемую, учитывающую также другие цены — союзные, соперничавшие, предшествовавшие, возможные в будущем, — и выходит целый *мир цен*, оценочное пространство, ценовое поле, где каждая цена — погуляв, попрыгав и потолкавшись — получает какую-то приемлемую для всеобщего экономического процесса величину.

Цена, как и любой другой экономический (стоимостной) параметр, может быть любой, но не какой угодно: цены согласуются через сознание с другими ценами, даже и со всем миром цен, который вовсе не масса разбросанных по миру цен, а их взаимоувязанная совокупность — не вольная вовсе, но и жестко не predetermined — подвижная, дышащая, живая!

Экономику, насыщенную стоимостью и оснащенную стоимостными параметрами, всю гнездящимися в головах людских и там между собой оживленно играющими, можно сравнить (только сравнить!) с мозгом, сознанием, ноосферой, даже и с мирозданием, как и, возможно, с той же наносферой. Экономика не механизм, не организм, даже не отчетливо выраженная система — настолько всё в экономике сложно, неопределенно, хаотично, — это, скорее, бескрайнее энерго-информационное поле, подвижное облако, необъятное море, в общем — бездонная переменчивая среда, сфера, бездна!

Такова экономика в прямом себе соответствии — *экономика как экономика!*

Однако экономика встроена в хозяйство, в производство и потребление благ, в реальную жизнь, даже и в земную и космическую природу, а потому она, отражая собою и в себе весь этот безбрежный контекст, ловко сообразуется с ним, соответственно ему распределяясь, структурируясь, функционируя, ему повинясь и над ним же довлея.

Стоимостная субстанция сочетается («брачается») с контекстом, его на себя принимает и через себя пропускает, становясь контекстной, или же реальной, субстанцией. *Виртуальная экономика* дополняется и обогащается самой что ни на есть реальной реальностью, включая и многую ирреальность, что и позволяет экономике стать и *реальной экономикой*, не теряя при этом своей естественной и неизбывной виртуальности.

Виртуальность, или виртуальная реальность, сходится в экономике с реальностью как таковой, что придает экономике не только необходимую ей адекватность относительно контекста, но и потребную ей реалистичную обустроенность (каркасность). Виртуальная

стоимостная информационность совмещается в экономическом процессе с нестоимостной контекстной информацией, в результате чего возникает единое, хоть и противоречивое, информационное поле — как раз экономическое (экономо-контекстное), которое, собственно, и есть действующая в реальности экономика.

Стоимость, входя в контекстную реальность, проникая во все ее поры, себя феноменально уточняет, выступая уже в обоснованном текущей реальностью конкретном воплощении: в виде скорректированных реальностью по ценности и количеству («массам») денег: в виде сообразованных между собой, хотя и весьма своеобразных, цен; в виде воспринятых воспроизводственной реальностью капиталов, инвестиций, кредитов, ссудных процентов и т. п. чисто экономических «штучек».

Экономика — бескрайняя энерго-информационная сеть («мозг»), в которой узелковыми элементами («нейронами») служат люди — *экономические человеки*, а нейросгущениями — людские институты, а сама сеть представляет собой стоимостным образом обустроенный социум — *экономический социум*. В такой сети полно разных управленческих центров — как обеспечивающих экономическую сеть своим управлением, так и обустройствающих ее, и опекающих, мало того — над нею еще и властно довлеющих.

Экономика, как и социум, управляется и самоуправляется, она имеет свой институциональный скелет, но при этом и реализует свой фундаментальный, восходящий как раз к стоимости, производ, ограничиваемый не так законами и моралью, как... *самим же собою*: производ на производ и... вдруг... кое-какая... *мера*, конечно же — *экономическая* (количественная, числовая).

Экономика — самостоятельное и в принципе самодостаточное энерго-информационное поле, способное к самоорганизации. Виной всему тут люди, умы, сознание, ноосфера. Но также и стоимость — это величайшее изобретение-достижение хозяйствующего человечества (слава финикийцам — если не первым, то самым выдающимся экономистам всех времен, народов и цивилизаций!).

Стоимость возникает (генерируется) и реализуется (воплощается) только в произвольном движении хозяйственных сознаний, она оттуда, там и туда — от экономики, в экономике и на экономику, — и заместить стоимость ничем, как и сработать за стоимость никому и никак нельзя: стоимость — волшебство, это некое иномирье, не подлежащее ни замене, ни обезоруживающей разгадке, ни ловкому воспроизведению!

Стоимость — *causa sui*, *сама себе причина*; она сама всё считает и сама всё стоимостное за себя же решает, ибо сидит она в головах

людей, бытует в сфере сознания, там и реализуется; но при этом ни одна голова, ни одно конкретное сознание, ни одна субъективная сила не могут ни подменить собою стоимости, ни овладеть ею, ни выбросить стоимость на свалку; все экономические субъекты заняты стоимостным счетом-расчетом, все принимают те или иные стоимостные решения, но... именно все, а не кто-нибудь один-единственный — сразу и за всех! Стоимость — *causa sui*, *сама себе причина*, но... только в работе и через работу всего стоимостного энергоинформационного поля в целом!

Почему так? А по той простой причине, что стоимость есть осознание отношения, что она является из этого отношения, а в ракурсе общества — из всего мира осознанных отношений. Стоимость является как бы из... пустоты, из ничего, из бездны, то бишь из межсознаний, в диалоге сознаний, — и межсознание это, как и этот диалог оценивающих сознаний, никакое внешнее сознание заменить не может, тем более уж для всех межсознаний сразу.

Вот откуда стоимостная воля со своим стоимостным произволом, вот откуда и своеволие всей экономики, ее самостоятельность и самодостаточность, хотя и не абсолютные, ибо сознание на то и сознание, чтобы не оставлять экономику с ее стоимостью в покое, в абсолютности, в чем, кстати, экономика вовсе и не нуждается.

Сознание не отпускает от себя экономики, — и не только по причине ее — экономики — им — сознанием — производства, как, собственно, и всего хомотворного вокруг экономики контекста, — а и вследствие потребности, исходящей уже от самой экономики, нуждающейся в непосредственном участии сознания в ее — экономики — самореализации.

Вся экономика во всем ее взаимодействии с контекстом, во всей своей реализации — плод (продукт) сознания, разумеется, с учетом влияния на сознание, его решения и действия и всего несознательного, или, выражаясь иначе — объективного, внешнего, экзогенного.

Экономика — плод (продукт) не просто сознания, а *общественного сознания* — не просто людских голов (сознаний), а неисчислимой массы голов (безграничного общего сознания), что предполагает неограниченное пространство реализации, ее непрерывный поток (течение), как и нескончаемое своеволие.

Сознание, конечно — не экономика, а вот экономика — *сознание!*

Именно сознание продуцирует экономику, мало того, оно ее и организует, причем так, что волевая организация сочетается непременно с вольной и невольной самоорганизацией.

Не будет никаким преувеличением заявить, что сознание и есть фундаментальный онтос экономики: не блага, не продукты, не ресурсы, не средства производства, не орудия труда, не сам труд, а именно *сознание* — как таковое и как экономически обустроенное.

Вот почему экономика — не механизм (не машина), не организм, даже и не выраженная — вполне, так сказать, системно — система. Это — мир, сфера, среда, для которой характерны какие-то свои алгоритмы бытия, организации, воспроизводства, — как раз весьма далекие от механических, биологических и собственно системных.

Облако — оно и есть облако; море — оно и есть море; стихия — она и есть стихия!

Неопределенность, пустоты, разрывы, люфты, «рывки», «шата-ния», колебания, а соответственно — разности, неравенства, неравновесия, несоответствия, в общем — *анархия*! Которая как раз и есть «мать порядка», но... порядка, увы... без порядка, или неупорядоченного порядка, или порядкового беспорядка, — это уж как кому нравится!

В основании экономики, при всей внешней ее упорядоченности, не порядок вовсе, а... *хаос*! Да-да, самый настоящий хаос, вполне и бездний. Иное дело, что хаос этот никогда не остается адекватным самому себе, ибо жизнь, бытие, хозяйство, даже и само сознание, будучи в основе негентропийными, синергетическими, никогда не доводят реальную ситуацию до подлинного хаоса.

В экономике реально реализуется не космос — как явная противоположность хаоса, а то, что принято сейчас называть *хаосмосом* — не хаос и не космос, а нечто среднее, уходящее от хаоса и не доходящее до космоса.

Хаосмос — не только преодоление хаоса, но и его — хаоса — творение! Хаос, о котором речь — *хаос творящий* — сознаниевый, ноосферный, «умный». Именно из хаоса посредством аттракторского действия сознания, ноосферы, трансцендентности рождается хаосмос, а вместе с ним и особого рода воспроизводственный для экономики «порядок». И «порядок» этот всегда уходит обратно в хаос, чтобы возродиться в нем и от него уже в ином порядковом образе. От порядка к порядку идет экономика, а лучше сказать — в рождающемся постоянно и постоянно умирающем упорядочивающем процессе движется экономика — через хаос, с его участием, с его помощью!

Нет того правильного порядка, который априорен экономике и которого она должна непременно достигать; нет и того правильного порядка, который экономика обязана достигнуть и ему непременно следовать; всё тут стихийно, самодеятельно, «авосьно» — и тот «по-

рядок», который оказывается реально в экономике достигаемым, вовсе и не порядок, а всего лишь его подобие, образ, метафора!

Экономика — мир игровой, импровизационный, переменный, калейдоскопический, хотя он и не чужд устоев, норм, правил, но как раз таких, которые не мешают его непрерывной и в общем-то чудесной хаотичности.

В экономическом мире нет никаких априорно заданных параметров вроде постоянных величин, обязательных соответствий, неизменных мер, нет и каких-то «предумышленных» имманентных законов! Полное как раз там беззаконие с безудержным произволом, хотя при этом и произволом умным, думающим, сообразительным, что не мешает ему бывать и глупым, и безрассудным, даже и безумным. Вообще произвол этот — вовсе не такой уж и произвол — ибо он ведь не сам по себе, а в обстоятельствах, его лимитирующих, да и, встречаясь повсюду с самим собою, вынужден он и сам себя — хоть и произвольно — умеривать.

Экономика — игра! Вверху — сплошная и беззащитная (финансовая); ниже — ограниченная, сдержанная (инвестиции, кредиты); внизу — умеренная, осматриваемая (производство ведь).

Экономику нельзя загнать ни в какое модельное ложе — оно немедленно оказывается прокрустовым. Экономика — сама себе ложе, вовсе и не прокрустово! Она сама деловито и в то же время опрометчиво прокручивается, расширяясь и сужаясь, сосредоточиваясь и расстраиваясь, приобретая и теряя. Изворачиваясь и выворачиваясь (кризисы ведь)!

Экономическую организацию, пока экономика экономически необходима, ничем не заменить! Причем организация эта не просто стихийно-анархическая, она еще и *трансцендентная*, что означает, что она полна неизвестности, тайны, темноты с пустотой. «Черные ящики», «черные дыры», «черные зоны» — всё это крипто-ниши, хотя все они вовсе и не «черные», а всюю и «светлые», точнее — никакие! И что занятно: там-то, в этих крипто-нишах, всё главное в экономике как раз и решается! Ничего не поделаешь: затаенное общественное сознание, полная загадок ноосфера, насквозь трансцендентное бытие!

Экономическая организация, — при всей своей внешней явленности, — организация в значительной, если не в решающей, мере *конспиративная* — как сознательно конспиративная, так и бессознательно, или же объективно. Кто из субъектов, к примеру, бывает сильно уверен в правильности принятого им скрытно решения, какими могут для него оказаться последствия этого решения, что вообще будет во круг данного субъекта завтра, а что есть сегодня, а что было... э-э... вчера? *Тотальная неизвестность* — лучшее обоснование конспира-

тивности экономики, что подтверждают и неизбывная вольность параметров, и неукротимость происходящих процессов, и неоднозначность возникающих состояний, и загадочность таящихся сущностей, и своеволие всей экономической реальности в целом.

Экономика реализуется, движется, организуется, — как и всё бытие, вся жизнь, всё хозяйство, вся история — согласно трем основным акционным потокам: 1) «человеческому ходу», или управленческим действиям людей, субъектов, конкретных хозяйствующих сознаний; 2) «ходу вещей», или возникающим стихийно ситуациям, процессам, тенденциям, что осознается действующим сознанием как нечто объективное, самовольное, синергетическое, на что хозяйствующее сознание пытается непременно реагировать, даже и влиять; 3) «ходу неизвестности», или внезапным событиям, никак в общем-то сознанием не предусматриваемым, обычно застающим хозяйствующее сознание врасплох и лишь апостериорно им осознаваемым — как что-то уже совершенно конспиративное, таинственное, трансцендентное, с чем можно только считаться и к чему можно только приспособляться — при условии преднамеренного выживания.

Отсюда следует, что мир экономики — действительно... *мир*, а не какая-то там система, мало того, мир настолько неопределенный, беспредельный, своевольный, что такое метафорическое определение, как *мир-сумятица*, вполне для него подходит, разумеется, с долей акцентированно преувеличенной образности.

Каждый субъект собою управляет, как и с неизбежностью управляется извне, хотя бы окружающей обстановкой, общим контекстом. Каждый субъект стремится управлять этой окружающей обстановкой, даже и большим контекстом, что удается не всем субъектам, да и с разной степенью удачи. Разумеется, есть субъекты, способные сотворять и контролировать в своих интересах большие экономические (и иные тоже) пространства, подолгу и даже с эффектом ими управляя. Это, безусловно, центры управленческой мощи — как чисто сетевые, так и иерархические (пирамидные). Есть даже субъекты, способные оказывать целеположенное влияние на устройство, состояние и движение экономики в целом, не исключая и мировой. Но при этом все равно нет и не может быть ни одного центросубъекта, вроде некоего *мира-плана*, способного управлять всем экономическим миром, еще и заменяя своим управлением самоуправление самой экономики.

Чего не может быть, того быть и не может!

Экономика — социум, сознание, ноосфера, целый мир — мир живой, живущий и живучий, мир действующий, думающий, самоорганизующийся. Установить тотальное управление этим миром — зна-

чит ликвидировать сам этот мир, уничтожить стоимость, убрать саму экономику!

Влиять можно, помогать можно, мешать можно, гадить можно, а вот тотально управлять — *исключено!*

Так вот и бытует экономика, управляясь и самоуправляясь, представляя собой не что иное, как... «*море-окиян*», насыщенный особой субстанцией — стоимостью; обладающий мириадами агентов — мелких, средних, полусредних, больших, гигантских; производящий по номенклатуре и количеству необозримую продукцию; выводящий всякое качество и исчисляющий любое количество; вибрирующий, волнующийся, шумящий, а в какой-то момент и возмущающийся, и бурлящий, и неистовствующий — разрушающий, смывающий, поглощающий.

Сравнение экономики с «морем-окияном» — самое, пожалуй, удачное из сравнений, ибо иллюстративно отводит раз и навсегда усталый ученый ум от всего механического, организменного, системного! Тут ведь больше всяких стихий и глобальной вообще стихии, чем систем, устройств и порядков, хотя есть и механизмы, и организмы, и устройства, и системы, и порядки, но... не они, не эти последние отражают адекватно общую картину экономики, а совсем другое — как раз то, что близко метафорическому «море-окияну»!

Вот те же кризисы — неприятная для экономики «вещица», но... разве может самодеятельная (как целое) экономика обойтись без кризисов — этих болезненных, одновременно разрушительных и созидательных состояний-переживаний? Нет, не может! Кризис — норма для экономики, хотя и аномальная норма, парадоксальная. А разве развитая, а ныне уже и суперразвитая, экономика не могла не впасть в конце концов в состояние перманентного, пусть и прерывисто и калейдоскопически проявляющегося, *общего кризиса*, мало того, попросту и стать по своему качеству... *кризисной* (беспокойной, турбулентной, занозистой)? Нет, не могла! Общая кризисность экономики, пусть и волнообразно и дискретно проявляющаяся, а иной раз почти и исчезающая — после какой-нибудь большой «благотворной» войны, — столь же теперь обычная норма для экономики, как когда-то стали нормой для экономики ее периодические кризисы. Были-были разные по физиономиям и действиям периодических кризисы, а потом взяли, да и перелились в один большой хронический кризис — вот, собственно, и всё!

Базисная причина кризисности экономики одна — сама экономика, точнее, — стоимость, как раз уже надстроечная, самостоятельная, властная. Стоимость, она же *экономическая надстройка* — *хозяйственная виртуальность* — «хочет» одного, а *экономический базис* —

хозяйственная реальность — «хочет» при этом другого; здесь бытует фундаментальное, вполне и злостное, противоречие — как раз между базисом и надстройкой; для стоимости, в особенности своевольной, «незолотостандартной», всегда всё ясно: чем больше ее накопления с доходами, тем лучше для владельцев стоимости; хозяйственная реальность может какое-то время на этот бесцеремонный запрос стоимости и ее адептов адекватно отвечать, а в какой-то момент уже и не может: наступает остановка, случается перерыв, как раз для того, чтобы реалиям, да и самой стоимости, измениться, перестроиться, переплотиться.

Да, кризис — это насилие, а кто и что без насилия вдруг начнет круто меняться, да и куда? А ведь кому-то и чему-то надо попросту уйти, куда-то во что-то перетечь, куда-то прыгнуть, стать совсем другим, а то и насовсем исчезнуть. Как всё это сделать, какой силе, если не кризису и не через кризис?

Что касается перманентного кризиса, то тут уже не любезное противоречие между стоимостью и экономикой, как и между виртуальной экономикой и реальным хозяйством, а самый настоящий конфликт между ними, точнее, не конфликт даже, а хроническая несоответственность — с одной стороны, своеволие нестойчивой и переменчивой стоимости (оторвавшейся, отчуждившейся, как бы порхающей над реальностью, неуловимой), а с другой — своеволие быстротекущей и сверхпеременчивой хозяйственной реальности (высокопроизводительной, высокотехнологичной, инфоратической, обновленческой, инновационной, «мгновенистой», «моментистой», текучей, как бы и летучей).

Стоимостная, она же теперь и финансовая, надстройка — сама по себе, а хозяйственный, он же производительно-потребительный, базис — сам по себе. Совсе не разделенные, наоборот, накрепко переплетенные, но зато в разные стороны смотрящие и в разные дали устремленные, хотя и не настолько, чтобы не сходиться между собой — как бы и случайно — в едином экономико-хозяйственном раже — как раз в обстановке и посредством перманентного кризиса экономики, что то же самое — уже хронически кризисной (беспокойной, несуразной, абсурдной) экономики.

Экономика издавна была и пока существует как *стоимостное хозяйство*. В один прекрасный момент возникла теоретическая экономика, призванная разработать и утвердить научно обоснованный экономический гнозис. Возникли разные концепции, они же теории. Единой теории так и не стало. Что-то у науки довольно получилось, а что-то нет, а главное — *не получилось адекватного экономическому онтоосу единого экономического гнозиса*. Разные в науке бытуют под-

ходы, методологии, построения, модели, теории. И это-то всего более и смущает: экономическая-де культура возникла и есть, но это культура... как бы ради самой экономической-де культуры, а не ради собственно экономической реальности!

Всё дело тут, на наш взгляд, в том, что сама экономическая реальность вовсе не так уж онтологически научна, как это полагает до сих пор торжествующий в университетах сциентизм, а потому она не подлежит лишь и, тем более, строго научному отображению, — она нуждается в более насыщенных смыслами онтологическом и гносеологическом подходах.

Что поделаться, ежели вокруг в экономике метафизис со своими смыслами, дух со своей идеальностью, трансцендентность со своей тайной!

Теоретическая экономия не смогла решить поставленной перед самой собою гносеологической задачи, натолкнувшись на собственную априорную условность, парадигмальную узость и познавательную поверхностность, на собственные гносеологические ограничения, — и, надо полагать, время такого рода теоретизирования ушло (недаром же наука устремилась от глубокомысленных теорий к «прикладнухе», информатике и технологике), что и льёт воду на мельницу уже не теоретического знания, а *обобщающего смыслового воззрения*, которым как раз и «грешит» та же философия хозяйства.

Экономика, повторяем, не дом, не машина, не организм, даже и не система, это — «море-окиян», еще и конспиративный, загадочный, трансцендентный, тайный!

P.S. О тайне экономики

Экономика — бытие, часть бытия, образ бытия!

Она несет в себе всё, что характерно для бытия вообще — явленность и неявленность, видимость и невидимость, знаемость и незнаемость.

Как и сознание, экономика многосферна (многослойна): как то же сознание сочетается с бессознанием и, что особенно важно, со скрытым от сознания подсознанием, а то и иносознанием, так и экономика — она тоже кое с чем из неявного органично сочетается: с той же глубинной субэкономикой, даже, наверное, антиэкономикой, а то и со сверхэкономикой, может, попросту и с какой-то неэкономикой.

Есть мир, а ведь есть и антимир, к которому естественная наука, она же физика, только-только не без опаски подбирается, вынуждая себя и свой предмет существенно пересматривать — как раз в сторону метафизиса и метафизики!

Наиболее интересно то, что экономика (хозяйство со стоимостью, стоимостное хозяйство, хозяйствующая стоимость) реализуется

как целое не только и не столько поверхностно (феноменально), логически и системно, сколько глубинно (ноуменально), алогически и бессистемно. Экономика реализуется вроде бы сознательно, но и бессознательно тоже, мало того — *ино-сознательно* (*сверх-* и *под-*сознательно). Вот что важно!

Экономика имеет некое скрытое внутри себя, но открытое для внешней информации, поглотительно-творческое чрево, в котором и происходит выработка собственных, обычно называемых объективными, хотя лучше бы их величать просто имманентными, или — на крайний случай — эндогенными, «решений», в том числе и тех, которые кажутся образованному ученому уму чуть ли не закономерными.

Для части экономики, может, это и так — закономерно-де обусловленными (хотя бы просто повторяющимися), но в основе все-таки более импровизационными, следственными, обстоятельными, а потому и более всего уникальными — внезапно-единственными, чем априорно и правильно, да еще и «законодательно», предположенными. У экономического чрева нет никаких заведомых установок, непреодолимых рабочих ограничений и обязательных итогов.

Такова она — экономика — податливая и упрямая, покорная и непокорная, доступная и скрытная, любезная и злая, влекущая и отталкивающая!

Самостоятельная, хотя и всю управляемая — до некоторых, совершенно и непредсказуемых, пределов!

Всё основное в экономике вершится как раз *там* — в *экономической преисподней*, в этой «*черной бездне*», для которой не существует ни аристотелевской логики, ни пифагоровской математики, ни архимедовской инженерии, ни, тем более, какой бы то ни было морали.

Ученым людям кажется, что экономические агенты всю ошибаются, часто принимают неправильные решения, вообще плохо себя ведут, не слушаются их — всезнающих ученых, не внимают остроглазым экспертам, а потому-де в экономике сонмы проблем, разные там кризисы и неизбежные крахи, не говоря уже о таких последствиях экономического хозяйствования, переплетенного с научно-техническим прогрессом, как истощение и уничтожение природы; избыточная продуктивность в сочетании с гигантскими потребительскими излишествами; непомерная искусственность человеческого бытия; неукротимая фиктивность производства и потребления; ужасающая фиктивность самой экономики; реальная для человечества угроза самоуничтожения.

Можно подумать, что экономика тут не причем, — однако заявим во всеуслышанье: причем, причем, да еще как причем! Если б не экономика со своей нечеловечески человеческой стоимостью, никакого бытийного прогресса вообще не было бы: именно экономика дала практическую заинтересованность креаторов и новаторов в прогрессе и великолепный способ привлечения и эксплуатации рабочего (читайте — рабского!) труда, включая и управленческий, и инженерный, и ученый!

Остается ответить на вопрос: где же она — эта экономическая бездна, разумеется, кроме того факта, что она в самой экономике? А она как раз там — в сознании, в головах людских, в ноосфере! Ей попросту более и негде быть!

Сознание — вовсе не какое-нибудь «хухры-мухры», это, знаете ли — сфера, целый мир с целым антимиром, бездна, «внутри» которой, лишенной «пространства-времени», и располагается экономика с ее сакраментальным достоянием — стоимостью, тоже лишенной «пространства-времени», — так что всё там, в этом темном мире сознания, именно там всё и может быть, даже и лукавая экономика со своей неуловимой экономической бездной!

Вот она — *тайна экономики!*

А что же при этом сознательное управление экономикой? Да ничего, оно не только не мешает тайне, а в тайне и пребывает, через нее реализуется, ее — тайну — лишь убедительно подтверждая. Тайна в экономике есть, и управление тоже есть, и, само собой, «черт знает что» тоже есть!

Укротить насовсем экономику вроде бы можно, хотя и, в общем-то, нельзя, сделать это, конечно же, нельзя, хотя, вообще-то... можно, а главное — *не надо!*

Что может быть лучше, умнее, трудолюбивее, изобретательнее, хитрее, беспощаднее, совершеннее экономики, разве лишь информативно-кибернетивная техномика, так это еще в будущем, хотя, видно, и в весьма уже близком?! А пока вот экономика со своей трансцендентной тайной — чуждая, благотворная, ловкая, злостная, живительная, смертоносная! Техномика — уже не жизнь, а так себе — бездушная «ЭВМ», а вот экономика... да-да — это... *жизнь!*

Что бы там ни говорили, а экономика, этот независимый, слава богу, от ученых голов «море-окиян» — наилучший пока из вообще возможных способов ведения человеческого хозяйства, перевернувший все человеческое бытие, сделавший его уже и нечеловеческим, явно устремленный к чему-то совершенно уже *иному*, пусть и *апокалиптическому иному*, но зато не к этому, не земному, может, даже уже и не космическому!

В.К. КОРОЛЁВ

**«Философия хозяйства» как социогуманитарная основа
модернизации экономической мысли**

Аннотация. Автор ставит проблему обоснования возможностей философии хозяйства как социогуманитарной метапарадигмы для развития экономической теории, позволяющей преодолеть обнаруживающуюся несовместимость политэкономии и экономика в кризисном понимании проблем современного состояния экономической мысли России.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономика, кризис, парадигма, человек.

Abstract. Author pose the problem of argumentation opportunities philosophy economy as a social-humanitarian metaparadigm for economical theory development, permissive to overcome revealing inconsistency political economy and economics in crisis understanding the problems of modern shape economical russian though.

Keywords: philosophy of economy, economy, crisis, paradigm, human.

Текущий системный, «модельный» экономический кризис актуализирует и провоцирует экономическую мысль. Меняются алгоритмы понимания экономической реальности, осмысливающие их ментальные конструкты, становится все более очевидной — и практически и теоретически — недостаточность имеющихся либерально-монетарных трактовок парадигм политэкономии и экономика, что нужна новая интерпретация экономической мысли.

Поскольку в обсуждении нашего нынешнего *суперкризиса* речь должна идти не о частностях, а о вещах фундаментальных, представляется целесообразным обратиться к самым общим основаниям современной экономической теории. По мнению ее критиков, она потеряла главное — способность на основе имеющегося массива знаний объяснять новые экономические явления, разгадывать кризисные головоломки экономики, ее аномальности, прогнозировать экономическое развитие, иначе говоря, теория утратила свое «нормальное», объяснительно-прогностическое состояние. Эта утрата и воспринимается как кризис экономической мысли, который надо преодолеть и вернуться в названное состояние. Отсюда — обоснование задачи поиска новой теоретической интерпретации (парадигмы)

экономической мысли, которая все объяснит и поможет восстановить здоровье отечественной экономики.

Проблема тут не в необходимости принципиально новой экономической парадигмы, а в неготовности власти к практической десакрализации господствующей либерально-монетарной, к парадигмальной терапии, ибо кризис, полагаем, вызван абсолютизацией роли названной (вспомним — «иного не дано»). Необходимы понимание особенностей, ограниченности, преодоление доминирования неоклассической парадигмы; повторяем — теоретический кризис состоит не в отсутствии экономической теории, объясняющей кризис, и парадигмы, предсказывающей выход из него, а в отсутствии понимания необходимости поиска нового места парадигмы либерально-монетаристской, переосмыслении политэкономики и экономика в контексте ценностей социогуманитарного вектора экономической деятельности.

Кроме того, есть основания полагать, что время доминантных парадигм (как и экономико-формационных систем) прошло: экономика Постмодерна требует теоретического плюрализма, который не отменяет глобализационной унификации и стандартизации, а, наоборот, обеспечивает их своим релятивизмом. Именно парадигмальный плюрализм способен связать разнородный экономический мир. Но связать его в единое пространство можно, если названный плюрализм имеет некую единую основу.

А для этого нужны соответствующие мировоззренческие и идеологические установки, отличные от доминирующих у политической и экономической элит. Какие направления работы в направлении их модернизации представляются наиболее перспективными? Полагаем, что пришло время серьезного рассмотрения в этом аспекте опередившей свое время мысли — *философии хозяйства С.Н. Булгакова*. Своими идеями он намеревался поднять политическую экономию на новый научный уровень за счет усиления ее метафизического и мировоззренчески-методологического обоснования нового философского, общетеоретического импульса — *понимания мира как хозяйства и человека как его субъекта* [1]. (Такой подход имеет серьезный исторический прецедент — К. Марксу нужна была новая философия для обоснования своей глобальной системы, в том числе и ее социально-экономической составляющей.)

В свете этих мыслей можно полагать, что философия хозяйства вполне в состоянии быть социогуманитарной основой модернизируемой кризисом экономической теории; в антикризисных условиях этот замысел представляется не просто актуальным, но и

жизненно необходимым (о чем, собственно, и говорит Ю.М. Осипов [2]).

Что может сделать философия хозяйства Ю.М. Осипова в деле такой модернизации? Конечно, легко сказать, что она призвана давать экономической теории (если, конечно, той это интересно) лишь гуманитарно-мировоззренческую, метафизическую основу, но не экономические новации. Главное — эта философия исходит из того, что субъектом экономических отношений является человек, который не просто выступает их участником, но стоит *за (над)* ними своей целевой (метафизической) ценностной ориентацией. Необходим анализ изменения целей, средств, мотиваций человеком своей экономической деятельности. Важно не только выявить это, но и понять, как осуществляется выбор субъектом экономической деятельности в поле этих альтернатив. Но это — классическая проблематика субъектно-объектных отношений, рассматриваемая не экономической теорией, а философией и воспринятая философией хозяйства Булгакова. И не случайно в своей книге он мощно опирался на немецкую классическую философию.

В этом смысле философия хозяйства, безотносительно от ее религиозно-православной (С.Н. Булгаков) или «вольномысленной» (Ю.М. Осипов) трактовок, показывает необходимость гармонизации в деятельности субъекта экономического хозяйствования *духовного* и *плотского*, экономического *сознания* и экономического *бытия*, *денег* и *дела*. Она делает *экономику хозяйствованием*, вводит ее в единую жизнь человека в обществе, когда он является не *средством* получения прибыли, а *целью* достойного материального жизнеобеспечения как освобождения от власти *земного, плотского*. Упрощенно интерпретируя идеи Булгакова и Осипова, можно сказать, что философия хозяйства показывает выход из кризиса в мировоззренческом, социогуманитарном обосновании такой политики, когда финансы работают на экономику, а не экономика на финансы; когда экономика существует для человека, а не для прибыли.

На этой идейной основе можно сформировать социально-гуманитарную категориальную основу для современного теоретического понимания экономической реальности — выделить ее *метапарадигму*. Иначе говоря, основой обоснования многообразия экономических парадигм, понимания их значения для модернизации экономической теории может быть деятельностная экономико-философско-культурологическая метапарадигма, ориентирующая экономическую мысль на работу с конкретными парадигмами, обосновывающая пути антикризисного развития как экономического мира в целом, так и российского, в частности, а также мира особенных

социальных практик, формирующих главное звено в любой экономике занимающегося этой деятельностью человека [3].

Выработка и использование такой метапарадигмы в условиях глобализации и кризиса обеспечивают социокультурное единство общества при всем его разнообразии, формирует это единство через обоснование метафизических, философско-антропологических установок экономического образа жизни человека. Эти установки — прежде всего единства материального и идеального в деятельности человека — и образуют контуры искомой метапарадигмы, в контексте которой возможно любое *многообразие* понимания экономических практик, обеспечивающее плюрализм экономической мысли. В условиях глобализации, как уже отмечалось, он требует некой более широкой и глубокой основы их взаимосвязи (что и выражает приставка «мета»). Кроме того, на фундаменте названного «метаровня» могут сочетаться не только противоположности политической экономии и экономика, но и постмодерна и глобализации — главных тенденций современной экономической теории и практики.

Такая метапарадигмальная модернизационная интенция экономической мысли может обеспечивать нормативность плюрализма экономических идей. Тогда смыслом научных революций в экономической науке становится не линейная смена парадигм, как это часто полагают, а соотносимость ее теорий с социогуманитарным контекстом, формирование такой экономической теории, которая включает в себя совокупность ситуативных, интерпретивных парадигм, адекватных состоянию и перспективам развития конкретной экономики страны в конкретных условиях.

Итак, метапарадигма философии хозяйства (разумеется, в ее секуляризованном виде) задает социогуманитарную, философско-антропологическую необходимость баланса материального и идеального в любой модели экономики (особенно — современной российской), понимание метафизического смысла любой экономической деятельности, нацеливает на соответствие виртуальной и реальной экономик, подчеркивает их «вписанность» в органическую систему социокультурного бытия человека.

Важность такой интенции философии хозяйства, повторяем, состоит в том, что она переориентирует экономическую мысль с экономики на хозяйство. В этом можно усматривать посткризисную интерпретацию экономической теории, которая сейчас занимается «чистой» экономикой в духе экономика. Такой переход является не экономическим, а мировоззренческим, метафизическим. Конечно, постиндустриализм, постмодернизм создают предпосылки для этого,

но нужна специальная теоретическая работа по переводу идеологии экономики в *мировоззрение хозяйствования*.

Естественно, возникает вопрос: как возможна философия хозяйства, если хозяйства у нас нет «уже» (вспомним советское народное хозяйство, от которого мы с энтузиазмом отказались в пользу хозяйства частного) и, разумеется, нет «еще»? Можно его строить, если нет даже его секуляризованной модели и политического запроса на нее? Полагаем, построение такой модели может (должно) быть главной задачей философии хозяйства. Разумеется, для этого нужно использовать теоретическое осмысление советского народнохозяйственного опыта, в частности, саму идею развития экономики не как относительно самостоятельной сферы деятельности, а как материально-технической базы построения нового, гуманного общества с соответствующими отношениями, «замыкания», пусть иногда и декларативного, экономики на человека, а не на прибыль, деньги. Западная неоклассическая, устаревшая модель экономики у нас не получается, это дает шанс думать о *модели хозяйственной*.

На первом этапе ее поисков новая парадигма экономической теории может выступать еще не как хозяйственная, а быть *хозяйственно ориентированной*, направленной на человека. Так понимаемая экономика призвана не просто удовлетворять его материальные потребности, но быть основой гуманизации общественной жизни. Тут можно говорить о фундаментальных проблемах — об обосновании возможности и необходимости философско-экономической антропологии, философии хозяйственной экономики как направлений модернизации экономической мысли.

Очевидно, на основе философии хозяйства уже сейчас можно в качестве ответов на поставленные кризисом вопросы давать философско-мировоззренческие рекомендации по гуманизации экономической теории, как бы ни относилась она к философии хозяйства: например, по тематике человеческого капитала, человеческого потенциала, человеческого фактора и т. п. В частности, в свете уже имеющихся наработок в этом направлении важно отметить проблематику *экономической культуры* [4]. Метaparадигмальное обоснование разных экономических парадигм возможно путем их «фундирования» такой культурой (данной) страны, соотнесения любых экономических теорий с особенностями культурной среды той или иной экономики; экономическая культура может играть роль гуманитарного социокультурного контекста, в котором вырастает собственно экономическая теория, в свете которого могут восприниматься и реализовываться те или иные экономические идеи.

В дальнейшем, осуществление этих разработок даст возможность на основе названной метапарадигмы (в ее отечественной интерпретации) введения в систему экономических парадигм новой — *парадигмы хозяйственной экономики*. Это может быть существенным вкладом философии хозяйства в антикризисную модернизацию современной экономической мысли России.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 2008.
2. *Осипов Ю.М.* Российский антикризис как насущная реальность (Семь значимых тезисов) // Философия хозяйства. 2014. № 6.
3. *Королёв В.К.* Философия хозяйства как «метапарадигма» современной экономической теории // Философия хозяйства. 2012. № 2.
4. *Евграфова О.В.* Экономическая культура. Ростов н/Д, 2010.

С.С. СЛЕПАКОВ

Смысловые доминанты российских реформ

Аннотация. Статья посвящена проблеме доминирования интересов власти над интересами общества — десоциализации власти в современной России. Данный порядок представлен как институт деструкции, инерционно разрушающий национально-государственную хозяйственную систему, порождающий дефициты существенных составляющих социально-экономического процесса. Развитие страны как единой социальной и хозяйственной системы требует согласования совокупности собственных интересов ее хозяйствующих субъектов на основе приоритета интересов общества.

Ключевые слова: экономический интерес в собственном и социальном значениях, конфликт интересов, власть, общество, прямая и обратная связи, десоциализация власти, институты деструкции, дефицит условий жизнедеятельности.

Abstract. The article deals with the problem of domination of power interests over public interests-desocialization of power in modern Russia. This order is represented as destruction institute that eliminates traditional national state economic system, generating significant deficiencies constituting a socio-economic process. The development of the country as a single social and economic system requires the agreement of the totality

of its own interests realized by economic entities and based on the priority of the interests of society.

Keywords: Economic interest units own and social values, conflict of interests, power, society, direct and indirect linkages, desocialisation of power, institute of destruction, shortage of living conditions.

Экономикой и обществом движут не институты, не властные и бизнес-элиты, эту роль выполняют интересы субъектов хозяйствования. По мнению автора, интерес, в его экономическом и социальном значениях, представляет собой *функцию воспроизводства социально-экономической жизнедеятельности своего носителя* (не потребности, не мотивы и не стимулы, как принято считать). Интересы служат выражением смыслов существования индивидуальных и ассоциированных участников — субъектов процесса общественного воспроизводства. В каждом *интересе реализуется смысловая доминанта функциональной зависимости уровня и качества жизнедеятельности субъекта-носителя от характера и результатов его участия в общественном воспроизводственном процессе*.

Общество как несомненный, реальный участник процесса общественного воспроизводства является субъектом — носителем собственного интереса. Функцию управления реализацией общественного интереса призваны исполнять представители общества, находящиеся у власти. Определяющим принципом их деятельности должна служить реализация и защита общественного интереса на основе согласования собственных интересов его корпоративных и индивидуальных субъектов. Однако в России институты обратной связи между обществом и властью в системе государственного, муниципального и корпоративного управления не получили необходимого развития. В ущерб обществу страна управляется в интересах компрадорского олигархического капитала, который содержит правящую бюрократию.

Реализуемая в России либеральная идея системообразующей роли и приоритетной значимости для общества свободного экономического индивида (*homo economicus*) — торжествующего эгоиста — саму возможность существования и реализации общественного интереса отвергла как нереализуемую, социально и экономически вредную. В результате фрагментарность, неустойчивость, бессистемность институциональной синкретизации (соединения) собственных интересов разрушают национально-государственную хозяйственную систему.

В сложившихся условиях страна выглядит отчужденной от общества хозяйственной территорией, ресурсы которой агрессивно пе-

пераспределяют между собой субъекты собственных корпоративно-финансовых интересов. При этом обществу представлен *симулякр* работы власти во имя общего блага, в то время как находящейся у власти «командой» внедрен и поддерживается институциональный порядок, обеспечивающий преимущество лишь ее корпоративных интересов, реализуемое в ущерб обществу.

Доминирование интересов власти над интересами общества, т. е. *десоциализацию* власти, определим как *институт деструкции* (термин — «институциональная ловушка» (см.: [1—3], по нашему мнению, не адекватен явлению, которое, будучи общесистемным, в полной мере соответствует основным признакам института). Ключевой характеристикой *институтов деструкции* служит то, что они инерционно разрушают хозяйственные системы, порождая *дефициты существенных составляющих социально-экономического процесса*: освоенных социально-хозяйственных территорий, конкурентоспособных кластеров, инвестиционных и кредитных ресурсов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, рабочих мест, инфраструктуры, услуг социальной сферы. Тем самым в стране последовательно уничтожаются и не воспроизводятся необходимые условия хозяйственной и социальной жизнедеятельности, в результате чего развивается *новая форма дефицитной экономики*. Ее проявления многообразны.

Так, в общей численности населенных пунктов России за годы реформ фактически прекратили существование более 40 000 (около 26% их общей численности). В каждом третьем селе России проживают менее 10 жителей. До 20% населенных пунктов России не имеют телефонной связи, до 50% не газифицировано [2]. В 2015—2016 гг. дотации предусмотрены лишь для 15 из 85 российских регионов, на повестке дня вопрос о финансовом банкротстве ряда регионов [4; 5, 8]. Центростремительное развитие метрополии фактически уничтожает провинцию, лишая ее ресурсов развития. Из 500 ведущих компаний России (по рейтингу РБК) на Москву приходится 300 компаний и 80% их совокупной выручки (см.: [7]).

Экономика современной России не диверсифицирована, что подтверждается ее диспропорциональной отраслевой структурой: в России нефть, газ и металлы составляют около 75% продаваемых товаров. В десятку компаний, заработавших почти всю прибыль российской экономики в 2014 г., входят пять компаний энергетического сектора, РЖД, два банка и ритейл (см.: [8]). Список крупнейших отечественных компаний показывает, что Россия почти ничего не производит на свой внутренний рынок, а по сути, обменивает у остального мира на нефть и газ. Сырьевые экспортеры, ритейлеры,

банки и телекомы (векние времени) образуют основу российской экономики. 98% прибыли всех компаний (из РБК 500) заработали нефтегазовые холдинги. На все огромное множество других отраслей приходится лишь 2% (см.: [9]).

Недопустимо высокий уровень зависимости России от импорта является угрозой ее национальной безопасности. По заключению заместителя главы Минпромторга РФ Сергея Цыба в интервью «Российской газете», во многих стратегических отраслях промышленности доля потребления импорта оценивается на уровне более 80%: в станкостроении — более 90%, в тяжелом машиностроении — 60—80%, в легкой промышленности — 70—90%, в электронной промышленности — 80—90%, в фармацевтической и медицинской промышленности — 70—80%, в машиностроении для пищевой промышленности — 60—80% (см.: [10]). Высокая зависимость от импорта, зарубежных инвестиций и кредитов обуславливает утрату контроля государства не только за внешними рынками, но и за внутренним рынком.

Неконкурентоспособная, энерго-сырьевая российская экономика создает в обрабатывающей промышленности на рубль сырья лишь 2,5 р. добавленной стоимости (в ЕС мультипликатор добавленной стоимости достигает 8,5—9, а в США и Японии свыше 12 и 15 денежных единиц соответственно). В российском экспорте на долю невосполнимого минерального сырья, природных ресурсов и продукции низких переделов приходится порядка 88,3%. В 2012 г. на долю сырья и продукции первичной переработки приходилось порядка 89% стоимостного экспорта России. При этом экспорт злаков в 2013 г. сократился на 54,8%. Обращаясь к импорту, отметим, что в условиях деградации отечественного машиностроения и станкостроения, перевооружение изношенного на 60—70% основного капитала за счет импорта невозможно, поскольку в нем доля станков, машин, оборудования и прочих товаров инвестиционного назначения составляет не более 20—25%, а их прирост не превышает 0,3%. Тем самым решение задач повышения уровня производительности труда, модернизации, инновационного развития и пр. проблематично (см.: [11]).

По данным сопредседателя МЭФ К. Бабкина, за последние четверть века все регионы мира удвоили урожайность и объемы производства продовольствия. Россия за этот же период повысила урожайность лишь на 15%. При этом из сельскохозяйственного обращения выведено до 40 млн га земли (см.: [12]).

Закономерным проявлением дефицитной экономики служит тенденция снижения уровня доходов населения. По июньским данным Росстата, число россиян с доходами ниже прожиточного мини-

му в России — 22,9 млн человек. Уровень бедности за первые три месяца 2015 г. повысился до 15,9% против 13,8% в I квартале 2014 г. По итогам I квартала 2015 г. категории низко- и наименее обеспеченных граждан увеличились на 5%. При этом средний класс уменьшился на 2,2%, класс богатых — на 2,5%. Рост уровня бедности связан с падением реальной заработной платы, которая, по данным Росстата, к концу июля 2015 г. сократилась в годовом исчислении на 9,2%. В середине августа Росстат сообщил о том, что с начала 2015 г. потребительские цены в России выросли на 9,4% (см.: [13]).

В пользу необходимости преодоления энерго-сырьевой модели развития российской экономики говорит то, что в современных условиях «рынок продавца» сырья и энергоносителей стремительно уступает место «рынку покупателя». Причины тому — падение темпов роста экономики Китая; выход США на ведущие позиции; обострение конкуренции на мировом рынке; рост масштабов теневого рынка; выход Ирана (в связи со снятием санкций) на мировой рынок; внедрение высокоэффективных технологий добычи, переработки и реализации в странах-экспортерах; развитие энергосберегающих технологий в странах-импортерах. Названные и многие другие обстоятельства дают основания прогнозировать приток на мировые рынки значительных объемов относительно недорогих энергоносителей и обострение конкуренции. В России свою деструктивную роль сыграли стратегические просчеты, вызванные тем, что ни один из названных факторов не был учтен при выработке политики развития российских компаний — производителей и экспортеров энергоносителей и сырья, вследствие чего только «Газпром» вложил 2,5 трлн р. в расширение продаж. Сегодня его продажи упали на 30%, снизились цены, сократилась капитализация, не говоря о том, что значительная часть вложенных средств была похищена. Себестоимость производства нефти и газа в России растет, притом что политическая конъюнктура (как внешняя, так и внутренняя) крайне неблагоприятна. *В сложившихся обстоятельствах у России отсутствует альтернатива проведению диверсификации экономики, решительному преодолению тенденции инерционного развития в алгоритме отжившей энерго-сырьевой модели.*

Проведение в России импортозамещения и новой индустриализации в институциональных условиях, создаваемых современной политикой ЦБ и правительства РФ, не реально. Этому препятствуют: запретительно высокая ключевая ставка ЦБ (11%) (фактически заменившая ставку рефинансирования), когда едва ли не основной компонентой издержек товаропроизводителей в России служат их расходы на обслуживание долга (не на сырье, материалы, топливо и пр.); подмена стратегического планирования и проектирования на макро- и

мезоуровнях принятием и продвижением внесистемных приоритетных проектов; свобода монополий в цено- и тарифообразовании; принятие правительством решительных мер по понижению курса рубля в условиях санкций «Запада», и без того существенно ограничивших зарубежные инвестиции и кредиты; обеспечение благоприятных условий для вывоза капитала из страны; запредельный уровень коррупции и многие другие обстоятельства (см.: [14]).

К настоящему моменту в России *дисфункция института государственного управления экономикой* отчетливо проявляется в несбалансированности политики — в чрезвычайной внешнеполитической активности при явном отставании и неэффективности внутренней политики; в отсутствии стратегического подхода к решению макроэкономических проблем; персонализации и прямой зависимости управления от интересов и личных качеств управляющих персон; в развитии и укреплении не правовых неформальных институтов («теневой экономики», коррупции, криминала), восполняющих дисфункцию института государственного и муниципального управления.

Находясь в эпицентре глубокого системного кризиса политики и экономики, не доверяя возможности успеха протестного движения, уставшее от бесконечной череды ухудшающих реформ и наученное горьким опытом российское общество «спасается», принимая и активно поддерживая действующую власть, справедливо предпочитая внутреннее управление возможности внешнего. В стране, используемой государственной и местной бюрократией, корпорациями и олигархатом в качестве площадки для собственного безответственного бизнеса, поставить политику и экономику на службу национальным интересам не представляется возможным. Однако очевидно, что это «путь в никуда» [15].

Прямым следствием *суррогатной* политики, наложившей на Россию «проклятие» недиверсифицированной, энерго-сырьевой, неопатерналистской, олигархической державы, стало ее прямое участие в нефтегазовых войнах на Ближнем Востоке, в ожесточенных конфликтах на рынках сырья и энергоносителей Европы и Азии, с непредсказуемыми последствиями.

Россия располагает более чем достаточными ресурсами, необходимыми для устойчивого поступательного хозяйственного развития и процветания национального сообщества. Их освоение, создание условий для центробежного движения национальных капиталов, направленного на диверсификацию российской экономики, развитие и наполнение национальных рынков отечественными товарами и услугами должны служить смыслом и стратегической целью национальной политики

Превращение российского общества в субъект собственного интереса, движение в русле его реализации и защиты и есть политика в ее истинном смысле, стратегическая цель, к достижению которой России следует стремиться. Реформационный (институциональный) процесс требует преодоления длящейся уже четверть века гегемонии псевдолиберальной, «всепобеждающей» материальное воспроизводство и социальное развитие идеи маргинального прогресса узкого круга представителей компрадорской олигархии.

Российскому обществу жизненно необходимы достижение *синкретизма* (соединения, согласования) совокупности интересов в едином общественном, национально-государственном интересе, демонтаж институтов деструкции, внедрение институтов созидания с целью сохранения и развития страны как единой социальной и хозяйственной системы.

Литература

1. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы. М., 1998.
2. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
3. *Алексеева Ю.С.* Институциональные ловушки // <http://www.be5.biz/ekonomika1/r2010/01012.htm>.
4. <http://newvesti.info/ot-vstupleniya-vto-%E2%80%93k-politike-unichtozheniya-tsyach-malyx-gorodov-i-sel/>.
5. *Гурдин К.* Зов газовой трубы // Аргументы недели. 2014. № 46.
6. http://www.aif.ru/dontknows/eternal/1206689_.
7. http://daily.rbc.ru/ins/business/01/10/2015/560bf2a29a794790da45d6b2_.
8. http://daily.rbc.ru/opinions/economics/24/09/2015/5603df4f9a7947dcdcf77252_.
9. http://daily.rbc.ru/opinions/economics/25/09/2015/560524159a7947675582c61_.
10. Зависимость России на 80% от импорта создает угрозу национальной безопасности // <http://www.portal-investor.ru/russia/economics/8715>.
11. *Жуковский В.* Экономика России все больше зависит от импорта. <http://newsland.com/news/detail/id/1260556/>.
12. <http://me-forum.ru/media/news/4878/>.
13. <http://www.newsru.com/finance/08sep2015/bednost.html><http://www.newsru.com/finance/18sep2015/ruwages.html>.
14. *Катасонов В.* Чиновники ЦБ перепутали причину и следствие // <http://me-forum.ru/media/news/4882/>.
15. *Осинов Ю.М.* Сознание как феномен человека и фактор его бытия // *Философия хозяйства*. 2015. № 5.

И.А. ГОРЮНОВ

Философия хозяйства как альтернатива ренессансно-просвещенческому мировоззрению и постмодернистской игре в бисер

Аннотация. Рассматривается история возникновения и развития философии хозяйства; показывается, что философия хозяйства является альтернативой ренессансно-просвещенческому и постмодерновскому мировоззрению.

Ключевые слова: мировоззрение, философия хозяйства, Ренессанс, Просвещение, Постмодерн.

Abstract. The article discusses the history and development of philosophy of economy. It is shown that philosophy of economy is an alternative worldview Renaissance and Enlightenment and Postmodern.

Keywords: worldview, philosophy of economy, Renaissance, Enlightenment, Postmodern.

Современная философия хозяйства — это мировоззренческий подход, позволяющий увидеть человека, социальную и культурную реальность, экономику, природный и технический материальный мир и др. под особым углом зрения.

Чтобы получить представление об этом фокусе видения человеком мира, необходимо указать на время и историко-духовные условия возникновения философии хозяйства.

Рождение философии хозяйства — начало XX в.: склонный к декадентству русский Серебряный век, канун Первой мировой войны и гибель Российской империи. На смену религиозному мышлению и феодально-буржуазному устройству общества уже шли радикальный атеизм и научное планирование на базе тотальной ликвидации частной собственности.

На заре юности увлекавшийся марксизмом (и считавшийся одним из будущих его идейных вождей) С.Н. Булгаков увидел ограниченность и губительность атеистически-рационального взгляда на мир и научной организации хозяйства, структурируемого посредством таких категорий, как «стоимость», «деньги», «цена», «рациональность», «эффективность» и др. Как альтернатива политэкономическому взгляду (марксизм был наиболее радикальным политэкономическим подходом) была выдвинута концепция *философии хозяйства* —

представление о постоянно расширяющейся деятельности человека, прежде всего духовной.

Возрождение философии хозяйства произошло в конце трагического (и героического) для России XX в. Коллапс СССР дал импульс развитию философии хозяйства в стенах экономического факультета МГУ. Ю.М. Осипов, видя деградацию советской научной модели планового ведения хозяйства, выдвинул независимо от Булгакова концепцию философии хозяйства как смысло- и жизнеутверждающее откровение для России, да и для всего человечества, вступившего в постмодерновскую эпоху своего существования.

Философия хозяйства стала альтернативой в тот момент (и вплоть до кризиса 2008 г.) стремительно набравшему силу экономическому мейнстриму, представшему в облике когнитивно-инновационного капитализма, информационного общества, постиндустриализма, общества потребления, глобализма и т. д. С нашей точки зрения (далее в статье мы покажем это), современный экономический мейнстрим есть не что иное, как экономический блок идеологии глобального спекулятивного финансизма — нового эксплуататорского общества, которое, строго говоря, капиталистическим и не является. Новое эксплуататорское общество устоявшегося названия пока не имеет, да и не собирается себя каким-либо образом позиционировать. С. Платонов утверждает, что «перед нами не капитализм (пусть даже “государственно-монополистический”), а качественно иное образование, имеющее другую социальную природу» [1, 246] и называет этот тип организации общества элитаризмом (от слова «элита»). Такое название нового общественного уклада обосновывается тем, что в новом эксплуататорском обществе элита (т. е. истинная правящая группировка) «постепенно становится единым и единственным совокупным собственником всех производительных сил, принадлежавших ранее классу капиталистов, но управлявшихся каждым из них порознь, частным образом» [1, 248]. По мнению С. Платонова, «экономическая суть элитаризма, — как бы это ни казалось странным, — та же, что и коммунизма; уничтожение частной собственности. Но если социализм и коммунизм — это переход от частной собственности к общественной, к собственности всего общества, то элитаризм — переход от частной собственности к корпоративно-элитаристской» [1, 248], пресловутый Уолл-стрит.

Постмодерновский глобальный финансизм — эксплуататорское общество, являющееся «сложным многоукладным социальным организмом, в котором развитый капиталистический уклад продолжает существовать, но уже не является при этом господствующим. Уклад, который господствует над капиталом (и над всеми прочими,

включая государство) — финансовая элита, которая... постепенно овладевает системой общественных отношений, преобразуя их в интересах правящего меньшинства» [1, 247—248].

События 1991 г. сделали все постсоветское пространство подвластным мировой финансовой элите и привели к утверждению в постсоветских государствах, включая Россию, «элитаристского финансового уклада».

Что это именно так, свидетельствует регулярно проводимые под руководством Н.И. Лапина исследования общего состояния постсоветской России. Уже в 2003 г., пытаясь ответить на вопрос «к чему пришла Россия?» в статье под характерным названием «Началась институционализация нового социального порядка — какого?», Н.И. Лапин представляет следующий вывод-факт: «определился социальный характер трансформации российского общества. Происходит не просто экономическая, социальная, или какая-то иная, а именно социальная трансформация, т. е. общесистемная, захватывающая все структуры общества» [2, 369—370].

При этом глобализация — внедрение «элитаристского финансового уклада» по всему миру — происходит, опираясь на научные знания. М.А. Чешков откровенно пишет, что «глобалистика выступает как частный случай наук о процессах взаимодействия» [3, 338]. При этом «пример и опыт глобалистики свидетельствуют скорее о том, что рост науки как особой формы знания/сознания, исторический процесс наукогенеза продолжается» [3, 338].

И в рамках этой «научной глобалистики» предлагается следующая глобальная стратегия отношения с миром-человечеством, суть которой заключается «в поиске баланса соединяющих и разъединяющих человечество механизмов, в определении “согласованного оптимума” в плане соотношения человечества как целого и как целостности, целого и его частей, в том числе российской части» [3, 337]. При этом «такая стратегия поиска баланса подразумевает и выработку системы управления (или направления) данных процессов, что под силу лишь мировым институтам при активном участии в них России. Это участие требует существенных усилий российского самосознания, которое должно признать свою — российскую — несамодостаточность, как и, понятно, несамодостаточность любого другого компонента человечества (за исключением англосакского. — *И.Г.*). Отсюда — необходимость глубокого самокритического взгляда российского общества на самое себя» [3, 337].

В конечном счете «антропоисторическая версия глобальности и глобалистики как особой единицы научного знания нацелена на то, чтобы, говоря нашим привычным языком, если не реабилитировать

глобализацию, то “снять с нее необоснованные обвинения”. Тем самым создается возможность блокировать угрозу рождения нового, второго издания тоталитарного сознания, частью которого и является антиглобалистский стереотип» [3, 337].

Под это «второе издание тоталитарного сознания» как раз и попадает философия хозяйства. И это огромная неудача для постмодернистского финансизма, который, «реализуя научное понимание части объективных закономерностей общественного развития, используя развитые методы и средства планового руководства, опираясь при необходимости на механизмы тайной власти, шаг за шагом ограничивает сферу “анархии общественного производства” и постепенно овладевает системой общественных отношений (не только в национальном, но и в глобальном масштабе. — *И.Г.*), преобразуя их в интересах правящего меньшинства» [1, 247—248], т. е. финансовой элиты.

В XX в. капитализм был представлен двумя моделями: примитивным, диким, пиратским (яркий пример — большинство стран Латинской Америки) и цивилизационным, облагороженным формами социального государства (послевоенные страны Западной Европы, США и др.). По мнению британского социолога Т. Шанина, борьба между этими двумя моделями капитализма была движущей силой развития западных стран на протяжении последних 100 лет. И будет оставаться таковой и в будущем [4, 96].

С нашей точки зрения, рожденное рейгановско-тэтчеровской революцией эксплуататорское общество (его лозунг — «пусть выживают сильнейшие») не имеет ничего общего с примитивным капитализмом и капитализмом вообще. Понять сущность возникшего общества, перспективы его развития как и перспективы дальнейшего существования человечества — одна из важнейших задач общественных дисциплин.

Философия хозяйства как альтернатива ренессансно-просвещенческому мировоззрению

Философия хозяйства приняла вызов по осмыслению сути возникшего на рубеже тысячелетий нового эксплуататорского общества. При этом, как отмечает Ю.М. Осипов, «целостность философско-хозяйственного подхода, ничего не исключаящего из объекта и предмета исследования, как и не ограничивающегося каким-нибудь определенным методом познания, позволила не только различить особенное в экономике — экономическое начало, но и рассмотреть это начало как целостно реализующееся — экономически и неэкономически» [5, 9].

Предложенный философией хозяйства целостный подход позволил преодолеть тот познавательный тупик, в который загнали себя

экономика да и наука — некритически воспринявшая сциентическую (близкую к позитивизму) эпистемологическую парадигму — чрезмерную веру в естественно-научное механико-математическое описание мира и безальтернативное навязывание этой парадигматики всей культуре.

Это удалось сделать, потому что философия хозяйства не ограничивается экономикой, а рассматривает историю человечества как целостно-созидательную деятельность. При этом философия хозяйства рассматривает историю как «деяние самого человека, хотя и деяние, проходящее через трансцендентность и ее немало обусловленное» [5, 10].

Философия хозяйства стремится к познанию сущности вещей, явлений, процессов и др. Изучая земные сущности — материальные и духовные, философия хозяйства отдает себе отчет в том, что, как верно указывает Ю.М. Осипов, «любая сущность не страдает определенностью, увлекаясь как раз неопределенностью, ибо сущность внутри, в эзотерике, в сокрытии, а еще и в связи с иными сущностями, которые либо рядом, либо ниже, либо выше, либо в центре. Ни одна сущность не бывает сама по себе, более того, любая сущность есть так или иначе эманация общей (общемировой) сущности, всегда в мире присутствующей и повсюду по миру распространенной» [5, 10].

Материальный мир реализуется в пространстве-времени. Что касается сущностных (смысловых) феноменов, то они свойствами пространства-времени не обладают. Для них требуется другое измерение. И таким измерением является измерение мыслительное, идеальное, духовное. А человеческое сознание опирается и не может не опираться на мир подлинных смыслов, мир сакрально-трансцендентный, мир божественный.

А это означает, что вся человеческая деятельность — одновременно материальная и идеальная (духовная). И в процессе этой деятельности человек производит как материальные, так и идеальные (духовные) блага. И именно производство духовных благ намного важнее, так как только их производство и «потребление» позволяют человеку оставаться человеком. Поэтому нужна не экономика, решающая проблемы выживания (материального), а хозяйство, призванное раскрыть потенциал бытия, сущность человека (человеческой души) как уникального духовного феномена.

Если вдуматься, то жизнь человека «предполагает постоянную работу сознания (как индивидуальных сознаний, так и общественно-го — ноосферного), что выражается в думании, переживании, мыслительстве, в замыслах, намерениях, проектах, и все это с помощью слов, понятий, идеальных конструкций, всего того, что наполняет но-

осферу и служит человеческому идеотворению, — и оказывается, что жизнеотправление человека непосредственно связано со всем этим идеопроцессом, им обусловлено, от него зависит, в нем значительно выражено, а потому хозяйство прежде всего этот идеопроцесс — виртуальный, воображительный, предстательный, а потом уже производство и движение благ. Вот и выходит, что хозяйство сначала процесс внутренне метафизический для человека, а затем уже и внешнефизический. А если еще добавить, что вся экономика как таковая есть не более чем идеометафизический процесс, лишь сопряженный с физическим, то вряд ли останутся сомнения в том, что хозяйство — не одно лишь производство и движение благ» [5, 12].

Философия хозяйства прекрасно видит, что экономическая, а тем более хозяйственная деятельность не может быть ограничена физической составляющей мира. Ю.М. Осипов правильно отмечает, что «такого ограничения очень хочет наука, ибо она игнорирует идеальное, ментальное, метафизическое, трансцендентное, даже не задумываясь хотя бы над тем, как и с какими мотивами принимаются человеком хозяйственные решения, не говоря уже об экономических, что человек, будучи сам насквозь метафизическим (как “приниматель” решений), далеко не всегда отдает полный отчет в принятых решениях, будто обусловленных лишь пользой, потребностью, выгодой, рациональностью, расчетом, хотя это, что хорошо известно любому вдумчивому человеку, далеко не так. Лишь наполовину, грубо говоря, решения бывают сознательно обоснованы а вот на вторую половину они, если и не совсем спонтанны, то оказываются принятыми как бы независимо от действующего (научно-рационального. — *И.Г.*) сознания — чуть ли не бессознательно. Это только кажется, что бессознательно только влюбляются, нет, и самые строгие по чину решения принимаются раз за разом вполне бессознательно, как бы безотчетно. Бессознание — спутник, партнер и дублер сознания, точнее, его органичная половина. Механизм решений — открытый, понятный, и объяснимый только наполовину, а на другую половину он скрытый, не слишком понятный и не очень-то объяснимый» [5, 12].

Принятие хозяйственных, как и всех других принимаемых человеком решений, составление планов и пр. требуют «работы» души — деятельности в мире нравственных норм и идеальных смыслов, т. е. в мире трансценденций.

Соответственно все осмысление реальности, человека и его деятельности должно быть сопряжено с наличием «работающей трансцендентности» [5, 14], т. е. с воздействием иномирья (сакрально-трансцендентного) на природно-человеческий мир, с постоянным вза-

имодействием человека с этим иномирьем, более того, с восприятием человека как неотъемлемой части этого иномирья.

Трансцендентное, метафизическое, иномирное, сакральное в силу каких-то обстоятельств-причин, а может быть, и совсем беспричинно, вмешивается во вроде бы причинно-обусловленный земной порядок и производит деятельность по трансформации этого порядка или замене его совершенно новым¹. Как правило, такое вмешательство происходит в переходные эпохи. Или, наоборот, переходные эпохи случаются из-за такого вмешательства.

Эта «работающая трансцендентность» проявляется повсюду — в бытии, в мире, в хозяйстве, в человеке, в сознании, в культуре, в произведениях и т. д. Заключенная в данных феноменах «трансценденция» работает — производит (посредством человека и его действий) нужный ей (трансценденции) результат, который очень часто человеку бывает и не нужен, и не понятен. Вообще человек, как верно отмечает Ю.М. Осипов, «будучи рабом ближайших и явных потребностей, оказывается и рабом потребностей дальних и неявных, мало того, воистину трансцендентных» [5, 14]. И эти «трансцендентные потребности», обусловленные «работающей трансценденцией», ведут и направляют человека и человечество по жизни. Хотя человек, тем более современный scientiчески-компьютеризированный человек, может не иметь о них ни малейшего представления.

Философия хозяйства как альтернатива постмодернистской игре в бисер

Серьезность Постмодерна. Реализация проекта «модерн», опирающегося на рациональное научное мышление, создала техническую, информационную, социальную, культурную, политическую реальность, которая для управления ею требовала адекватного осмысления, но окружающую нас реальность не только трудно осмыслить — ее трудно даже фиксировать. Реальность ускользает, прячась от нашего умственного взора, — констатируют все глубокие мыслители. И чтобы начать фиксировать (а потом уже осмыслять) новую реальность, надо сначала определенным образом настроить свое зрение, свой умственный взор (глаз — это часть человеческого мозга).

Х. Ортега-и-Гассет отмечал: «чтобы видеть предмет, нужно известным образом приспособить наш зрительный аппарат. Если зрительная настройка неадекватна предмету, мы не увидим его или увидим расплывчатым» [6, 222]. К примеру, видеть сад за окном и видеть

¹ Ю.М. Осипов пишет: «История — прежде всего деяние — деяние самого человека, хотя и деяние, проходящее через трансцендентность и ею немало обусловленное» [5, 10].

стекло, через которое мы видим сад — это «две несовместимые операции: они исключают друг друга и требуют различной зрительной аккомодации» [6, 223].

Что касается чисто мысленных, абстрактных вещей, то они требуют еще более тщательной настройки ума (человеческого сознания). К примеру, наука позволяет видеть одни вещи; а поэзия, настраивая человеческое сознание другим образом, дает возможность видеть и совсем другие вещи, не видимые обычным человеческим взглядом. Хотя и наука, если внимательно присмотреться к ней, показывает-предъявляет нам вещи, которых в реальной окружающей действительности нет. И это не только предельные научные абстракции типа абсолютно черного тела или математической точки.

Попыткой вырваться из сложившегося мыслительно-познавательного тупика был постмодерн. Постмодернизм родился как художественное течение, предугадавшее-почувствовавшее не просто исчерпанность модернистских форм в искусстве, но и саму модернистскую парадигму отображения-фиксации окружающей реальности. Безусловно, что предвестником постмодерна был русский авангард, стремившийся выбросить на свалку истории все формы-методы модернистского искусства и мышления.

Следует отметить следующую сформулированную Х. Ортегой-и-Гассетом мысль: «воистину поразительно и таинственно то тесное внутреннее единство, которое каждая историческая эпоха сохраняет во всех своих проявлениях. Единое вдохновение, один и тот же жизненный стиль пульсируют в искусствах, столь несходных между собою. Не отдавая себе в том отчета, молодой музыкант стремится воспроизвести в звуках в точности те же самые эстетические ценности, что и художник, поэт, драматург — его современники» [6, 216].

Понять-изобразить новую реальность, вырваться за рамки привычных клише, указать искусству и культуре новую дорогу попытался Постмодерн. Посредством когнитивного смещения ранее, казалось бы, несводимых вещей и методов (науки и искусства, науки и магии, философии и мира повседневности и др.) Постмодерн обещал дать человеку новый, более широкий и глубокий взгляд на окружающий человека мир и самого человека.

С нашей точки зрения, о серьезности претензий зарождающегося Постмодерна на переосмысление мира свидетельствует творчество итальянского кинорежиссера Ф. Феллини. С учетом того, что визуальные искусства как самое мощное «средство массовой связи и воздействия» [7, 166] на формирование картины мира и стратегию

жизни индивида², составляют ядро (мейнстрим) постмодерна и задают парадигму художественного, да и мировоззренческого отношения к миру и человеку, именно анализ творчества Феллини может быть весьма полезен.

Г. Аристарко в своей книге «Итальянское кино 1960 года» (времени, когда постмодернизм еще пребывал в зачаточном состоянии) отмечал, что «Феллини видит, как... назревает — или уже назрел — крах, кризис его эпохи» [7, 159]. Эпоха Феллини, говоря современным языком, это эпоха позднего модерна, уже беременная постмодерном в поэзии, архитектуре, кино и в политической сфере. К примеру, фильм Феллини «Сладкая жизнь», «представляет собой картину, или точнее большую фреску, изображающую кораблекрушение, это весьма пышное, зрелищное кораблекрушение — падение католической (христианской. — *И.Г.*) империи» [7, 159]. Сегодня, когда итальянцам приходится в судебном порядке в международном суде в Гааге отстаивать право сохранить распятие в общеобразовательных школах, это кораблекрушение произошло. Модерн пал. В настоящее время в Италии, как и во всей Западной Европе и Северной Америке, бал правит Постмодерн, в котором (и это ведущий признак эпохи Постмодерна) за стоящей у власти элитой находится другая элита, которой в действительности принадлежит вся власть. Суть этой стоящей над властью элиты и ее деконструкторской «работы» на ниве культуры — разложение всего разумного и низведение творческой среды до роли «протитуировано эксплуатируемых» пророчески изображает Ф. Феллини. Как и ее неминуемый крах, который, правда, может привести и к краху всей человеческой цивилизации.

Для показа всей этой картины требовался уже не модернистский реализм, а неореализм. Должен был быть не вымышленный рассказ, документ, хроника; требовался документальный дух в произведении искусства.

Показывая почти документальную реальность, говоря словами Феллини, «киногазету» или «иллюстрированный журнал на киноплёнке», итальянский кинорежиссер незаметно уводит нас по ту сторону бытия. А. Базен отмечает, что «в сущности, все происходит так, как если бы, дойдя до (предельной. — *И.Г.*)... степени интереса к внешнему (все персонажи Феллини выражены не через характер, но

² Как отмечает А. Хейли, визуальные искусства дают «картинку», которая сбивает тысячи слов. ТВ, давая сотни «картинок» (специальным образом подобранных-смонтированных и прокомментированных), показывает людям событие, которое они видят своими глазами и сами формируют к нему такое отношение, которое нужно руководству телеканала [8, 15].

исключительно через их внешний облик. — *И.Г.*), мы замечали персонажей не среди предметов, но проявляющимися через них. ...незаметно мир переходит от значимости к аналогии, потом от аналогии — к отождествлению с чем-то сверхъестественным» [7, 104]. Базен сожалеет, что ему «приходится употреблять этот подозрительный термин, читатель может его словами по собственному выбору: поэзия, сверхреализм, любым другим, выражающим тайное соответствие вещей с невидимым двойником мира, наброском которого вещи являются» [7, 105]. Дело здесь не в термине, а в сути. А суть такова — средствами кино (реалистичнейшего из искусств) Феллини показывает сверхреалистический, сакрально-трансцендентный мир, который присутствует в нашем мире и периодически вторгается в нашу жизнь.

В таких фильмах, как «Дорога», «Мошенничество», время у Феллини «является только аморфной средой случайностей, которые изменяют без видимой необходимости судьбу героев. События здесь не “происходят”, но сваливаются в эту среду или возникают из нее, то есть всегда подчиняются вертикальной гравитации, а не законам горизонтальной причинности» [7, 102].

Герой Феллини «приходит к финальному спасительному ли уничтожающему его кризису не по сценариям прогрессирующей драмы, но потому, что обстоятельства, наносящие удары герою, аккумуляруются в нем, как энергия вибрации в резонирующем теле. Герой не эволюционирует, он обращается в нечто иное, переворачиваясь в конце концов — наподобие айсберга, центр тяжести которого незаметно сместился» [7, 106].

При этом «Феллини не противоречит реализму, тем более неореализму (А. Базен определяет неореализм как революционное движение от формы к сущности. — *И.Г.*). Он достигает законченности, превосходя неореалистов в поэтической реорганизации мира» [7, 105].

Критик и драматург Т. Кезич задал Феллини следующий вопрос: «веришь ли ты в будущий союз между наукой и метафизикой под знаком искусства или фантазии?». Отвечая на него, Феллини сказал: «как индивид я не могу заставить себя думать иначе» [7, 239].

Прорыв в сверхъестественный, потусторонний, сакральный, трансцендентный мир осуществляет всякое подлинное искусство. И прежде всего искусство слова — поэзия. Как верно отмечает Ю.М. Осипов, «стихотворчество — самое трансцендентное из творчеств, сравнимое лишь со сложением музыки... Стих вскрывает не просто что-то необычное, но и не вскрываемое, а потому он выше всего, даже философии. Стих творит то, что обыкновенно не сотвори-мо... Он обнаруживает такие возможности слова, которые не обнару-

живаает никакой иной текст (и речь. — *И.Г.*)... Стих — особого рода словесная и смысловая жизнь... Стих тайна, стихотворчество — тайна, чтение (и слушание. — *И.Г.*) стихов — тоже тайна» [9, 560—561]. При этом стихотворчество напрямую связано со стихиями, заключенными как в душе человека, так и в окружающем его профанном и трансцендентном мирах.

И этот прорыв в сакрально-трансцендентный мир, опаленность пламенем этого мира дают возможность соприкоснуться с тайной. Ю.М. Осипов верно отмечает, что «мир — тайна, он весь пронизан тайной» [10, 8]. Поэт Ф.Г. Лорка добавляет: «Только тайна дает нам жизнь. Только тайна» [11, 25]. Жизнь и мир проистекают из тайны. И живут в этой тайне.

Сущность человека, его жизнь и деятельность, особенно творческая, есть тайна. Лорка писал: «поэтическое творчество — это непроницаемая тайна, как и тайна рождения человека» [11, 256]. И далее он продолжает: «ни поэт, ни любой другой человек не обладают ключом к тайне мира» [11, 257]. Тем не менее поэт, как и любой человек, может прикасаться к тайне: «мы слышим голоса, но не знаем откуда. И бесполезно спрашивать, откуда они слышны» [11, 256]. Надо просто учиться слушать звуки и слова, видеть образы и формулы, осязать материю-вещество, обонять запахи, чувствовать нерв жизни и дух времени.

Продажность Постмодерна. Как мы показали выше на примере творчества Ф. Феллини, зарождающийся постмодернизм нес в себе потенциал по прорыву человека в область «сверхестественного», «трансцендентного», тайны бытия, познания созданного человеком нового техно-инфо-социо-культурного мира.

Но познание «работающей трансценденции» требует колоссальных волевых и интеллектуальных усилий. Как отмечает Ю.М. Осипов, «мышление — удел сильных, способных не утрачиться вынужденного одиночества, которое и есть главная награда за дерзостные откровения» [10, 3]. Только такое мышление, помимо всего прочего обрекающее на безденежье в нынешнем сверхфинансовом мире, дает возможность творческой деятельности, когда мыслитель-творец, обгоняя свое время, «выходит за пределы устоявшихся парадигм и доминирующих воззрений, идет отличным от оных путем, пользуясь уже иным — во многом и своим собственным — понятийно-дискурсивным аппаратом, приходя и к совершенно неожиданным воззренческим итогам» [10, 5].

Истинное мышление требует колоссальной интеллектуальной и физической отдачи, и не все на него способны. Точнее даже — способны очень немногие. Что остается делать другим? Имитировать

творческую деятельность, упрощать сам процесс мышления, превращая его из колоссального по мощи средства познания-постижения мира в инструмент... игры. Может быть, даже и хорошей (в смысле увлекательной) интеллектуальной игры.

В.В. Кожинов задается вопросом: чем отличается вообще всякая игра от человеческой *деятельности* в собственном смысле? И дает следующий ответ — «тем, что она выговаривает себе известные условия, которые кардинально упрощают и облегчают исполнение поставленной цели» [12, 37]. Так, например, ставится задача поймать и подчинить себе «противника». Но для этого не нужно догнать и победить в схватке соперника: достаточно слегка тронуть его рукой, «осалить», и он покорно принимает свое поражение.

Почему современный экономический мейнстрим так любит компьютерно-математическое моделирование? Потому что это довольно увлекательная интеллектуальная игра, не требующая от ученого полной отдачи сил и растворения в решаемой задаче. И такая игра очень похожа на игру постмодернистскую.

Г. Гессе в «Игре в бисер» (библии Постмодерна) пишет об идеале постмодернистского творчества: «Правила, язык знаков и грамматика Игры, представляют собой некую разновидность высококоразвитого тайного языка, в котором участвуют самые разные науки и искусства, но прежде всего математика и музыка (или музыковедение), и который способен выразить и соотнести содержание и выводы чуть ли не всех наук. Игра в бисер — это, таким образом, игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры, она играет ими примерно так, как во времена расцвета искусств живописец играл с красками своей палитры. Всем опытом, всеми высокими мыслями и произведениями искусства, рожденными человечеством в его творческие эпохи, всем, что последующие периоды ученого созерцания свели к понятиям и сделали интеллектуальным достоянием, всей этой огромной массой духовных ценностей умелец Игры играет как на органе, и совершенство этого органа трудно себе представить — его клавиши и педали охватывают весь духовный космос, его регистры почти бесчисленны, теоретически игрой на этом инструменте можно воспроизвести все духовное содержание мира. А клавиши эти, педали и регистры установлены твердо, менять их число и порядок в попытках усовершенствования можно, собственно, только в теории: обогащение языка Игры вводом новых значений строжайше контролируется ее высшим руководством. Зато в пределах этой твердо установленной системы... отдельному умельцу Игры открыт целый мир возможностей и комбинаций» [13, 11—12].

Итог такой постмодернистской игры — отказ от создания истинных произведений искусства и науки и сосредоточение на виртуальной игре в бисер.

Так случилось, что постмодернизм, претендовавший на рывок из рационалистической мыслительной парадигмы Модерна, другой мыслительной парадигмы не создал, а остановился на этапе иронического разрушения мировоззрения Модерна и игровой компиляции (с упрощением компилируемых частей) для извлечения «новых» смыслов. При этом с созданием новых смыслов у Постмодерна получалось не очень, а вот с иронической деконструкцией-дескридитацией традиционных и модерновских ценностей даже очень неплохо.

Как неплохо получилось с дегуманизацией, точнее — десакрализацией человека — лишением его трансцендентных нравственных ценностей. Гессе: «Один из высших принципов нашей духовной жизни — это как раз стирание индивидуальности, как можно более полное подчинение отдельного лица иерархии [13, 8]. Анонимность, деперсонализация — вот идеал постмодернистской иерархической организации. «Кто благодаря природе и воспитанию дошел почти до полного растворения личности в ее иерархической функции» [13, 10], тот истинный член постмодернистского сообщества.

Деконструкторский потенциал Постмодерна с его жаждой ухода от сложного, трудного и опасного пути в мир легких грез, незатейливых игр-развлечений с гарантированным обретением хорошего выигрыша-приза не остался незамеченным.

А.С. Панарин отмечает, что в современном мире в лице финансовой олигархии (склонной к глобальным финансовым спекулятивным играм — вполне постмодернистским) появился «влиятельный и, несомненно, заинтересованный в оправдании своих практик “субъект действия” (мы бы назвали его “стратегическим субъектом”. — *И.Г.*)» [14, 24] и он, судя по всему, не пренебрежет возможностью как-то привлечь на свою сторону носителей модно-влиятельного проекта “постмодернистской деконструкции”, способных выдать ему недостающее интеллектуальное алиби» [14, 24] на продвижение новой социальной философии, которую британский исследователь Т. Иглтон называет «бесстыдное стяжательство» [15, 32].

Истинной целью рейгановско-тэтчеровской революции была деконструкция социального государства. И идеологией, методологией, технологией этой реконструкции был избран постмодернизм.

По словам А.С. Панарина, с которыми мы полностью согласны, «реальный переворот в рамках современного символического производства связан не с либерализмом, а с постмодернизмом. Либерализм остается лишь всего лишь декларацией о буржуазных свободах. Ре-

альный проект нового освобождения буржуазного класса из того “социального пленения”, в котором он оказался в результате успехов демократического рабочего движения на Западе и мировых революционных сдвигов XX века, давших опыт социализма, определился в рамках постмодернизма» [14, 18].

Косвенно об истинности высказанного суждения свидетельствует и тот факт, что в современном мире «либералы все чаще идентифицируют себя как постмодернисты, интеллектуалы постмодерна позиционируют себя в идейно-политической области как либералы» [14, 20]. Но при этом стадия исторического развития, на которой тон задавали постмодернистские интеллектуалы (если она вообще была), кончилась. Сегодня образ и стиль мышления определяют формулируют элитарные заказчики, «делающие из постмодерна выгодную себе классовую идеологию социального не-служения (как и сакрально-трансцендентного неисполнения долга. — *И.Г.*) и глобалистской отстраненности от туземных масс» [14, 20].

Естественно, на идеологическом уровне служащее новой буржуазии научное сообщество не может назвать себя постмодернистами. Постмодернизм, по определению, вне науки. С момента своего зарождения как мыслительного движения он ставил (и продолжает ставить) под сомнение возможности и компетенции рационального мышления и научного разума, прежде всего в области обществоведческих и гуманитарных дисциплин. Поэтому постмодернисты в науке и менеджменте вынуждены выдавать себя за либералов, неоконсерваторов и даже «новых правых». Для привыкшего рассуждать в логике рационализма исследователя это выглядит абсурдом. Либерализм и консерватизм совершенно разные течения. И даже неолиберал не равен (а тем более не тождествен) неоконсерватору. Но это с точки зрения здравого смысла и научной логики. В постмодернистской парадигме консерватор ничем не отличается от либерала. Это пустые симулякры, которые в зависимости от обстоятельств можно наполнить тем или иным содержанием.

В этом отношении весьма показательно-комична следующая ситуация. Либеральная платформа партии «Единая Россия» с недоумением констатирует, что проводимый правительством «либеральный» курс на самом деле с истинным либерализмом ничего общего не имеет. Более того, проведенный директором Центра инноваций и высоких технологий «Концепт» З.А. Кучкаровым анализ федеральных нормативных правовых актов (то, что определяет работу государственных органов, режим функционирования предпринимательских структур, гражданско-правовые отношения и т. д.), принятых за почти тридцатилетие непрерывных реформ, показывает, что в России не

проводится ни либеральная, ни консервативная, ни социалистическая экономическая политика. Какая же политика на самом деле проводится? Постмодернистская! Логически выстроенная политика по освобождению мировой финансовой элиты от каких-либо социальных, национальных и нравственных норм-обязательств ради получения максимальных сверхприбылей.

Для идеологического оформления и продвижения этой политики был избран постмодернизм, якобы обоснованный философским дискурсом, логикой развития современного искусства, бизнеса (менеджерских практик) и эволюцией включенного в глобальный информационный поток человека.

Постмодернизм вкупе с опирающимися на нейронауки когнитивными управленческими технологиями нынешний общественный порядок призван сохранить. И для этого готов пойти на переделку (если потребуется даже и весьма существенную) человека как физического, так и метафизического существа.

Философия хозяйства как методология познания и действия

Философия хозяйства как целостная познавательная концепция, «опаленная пламенем иного мира», соприкасается с тайной жизни. Это дает философии хозяйства возможность видеть дальше, глубже и серьезнее ее сциентически ориентированных классических научных дисциплин и их постмодернистских междисциплинарных «собратьев» (химер-кентавров-киборгов), все более и более скатывающихся в область компьютерно-математических игр.

Преодолевающая ограниченность ренессансно-просвещенческого (научного) мировоззрения, философия хозяйства принципиально отличается и от Постмодернизма, претендующего на преодоление «ограниченности рационализма» и стоящих за ним модерновской культуры и цивилизации посредством постмодернистского «синтеза» всего и вся в поисках познавательного когнитивного резонанса.

Философия хозяйства не пытается опозлить, осмеять и даже подвергнуть критике постулаты мировоззрения Модерна, как и нравственные основания Премодерна (традиционных обществ). Философия хозяйства как целостное учение, фиксирующее завершение проекта «Модерн» в рамках современной постмодернистской политики глобализации и финансизации мира, предлагает честно взглянуть на бытие, человека, его духовный мир, созданную им культуру и цивилизацию с учетом накопленного в эпохи Премодерна и Модерна знания.

Философия хозяйства видит человека и созидаемое им духовное пространство как сакрально-профанный процесс взаимодействия

бытия с миром сакрально-трансцендентного и сакрально-трансцендентного мира с бытием посредством человека — живущего и ведущего хозяйство в самом широком смысле этого слова. Прежде всего созидающего духовное пространство человека-человечества.

Ю.М. Осипов отмечает, что философия хозяйства с момента своего рождения проделала огромный путь и продвинула своих последователей (пусть и не всех) к софиасофии — как к мудрости мудрости, или премудрости, или же первомудрости, признав Софию не просто наряду с Логосом, ему как бы вослед, а поставив Софию впереди Логоса и отдавая Софии перед Логосом явный приоритет (Логос — слово, а София — смысл!). Поэтому в настоящий момент в интеллектуальном пространстве России и мира присутствует как философия хозяйства — знание общеземное, раздольное, высшее, а потому и имперское, так и софиасофия — знание дальнее, небесное, иное, а оттого и сверхимперское. И одного без другого — философии хозяйства без софиасофии, как и софиасофии без философии хозяйства — не бывает. В целом же это нерасторжимое двуединое мыслительное направление можно назвать софиастическим, а его последователей софийцами.

Литература

1. *Платонов С.* После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. М., 1990.
2. *Латин Н.И.* Началась институализация нового социального порядка — какого? // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2003.
3. *Чешков М.А.* Глобалистика как критика антиглобалистского отечественного сознания // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2003.
4. *Шанин Т.* Пять замечаний / Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2003.
5. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства как просвечивание реальности // Философия хозяйства. 2011. № 5.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс (сборник). М., 2005.
7. *Феллини.* Сборник работ итальянского режиссера и статей о его творчестве. М., 1968.
8. *Хейли А.* Вечерние новости. М., 1993.
9. *Осипов Ю.М.* Иное. М., 2006.
10. *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией. Метафизические реалии. М., 2014.
11. *Лорка Ф.Г.* Об искусстве. М., 1971.

12. *Кожин В.В.* Как пишут стихи. О законах поэтического творчества. М., 2001.
13. *Гессе Г.* Игра в бисер. М., 2004.
14. *Панарин А.С.* Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. 2003. № 6.
15. *Иглтон Т.* Почему Маркс был прав. М., 2012.

П.П. ЖУЛИКОВ, О.В. ЖУЛИКОВА

Тезисы о современном человеческом экономическом хозяйстве

Аннотация. Современная экономическая теория по различным причинам не позволяет построить понятную модель развития общества и хозяйства в текущих отрезках времени и пространства и понять смысл всего происходящего. Сегодня многие исследователи пытаются найти решение этой проблемы, и настоящая работа, представленная в виде сжатых тезисов, является попыткой осмысления иного подхода к пониманию современного состояния экономического хозяйства (только экономического).

Ключевые слова: модель развития хозяйства, экономическое хозяйство.

Abstract. Modern economic theory for various reasons, does not allow to build a clear model of development of society and the economy in current periods of time and space, and make sense of it all. Today, many researchers are trying to find a solution to this problem, and the real work is presented in the form of compressed thesis is attempt to understand a different approach to understanding the current state of the economic sector (only economic).

Keywords: model of economic development, the economic sector.

Тезис 1. Человеческое хозяйство — это совокупность продуктов, произведенных человеком в процессе жизнедеятельности, а человеческое хозяйствование — это совокупность процессов, организующих эту жизнедеятельность. В процессе развития человеческое хозяйство разделилось на натуральное и экономическое. Натуральное хозяйство в настоящей работе не рассматривается.

Тезис 2. Экономическое человеческое хозяйство функционирует в трех последовательно образованных формах: милитаристической, религиозной, образовательной. Эти три формы экономического хозяйства отражают его развитие, по крайней мере в последнем тысячелетии. Остальные формы человеческого хозяйства являются производными. В настоящее время все формы функционируют и взаимодействуют между собой.

Тезис 3. Экономика — это организованный способ развития человеческого хозяйства путем принудительного передела прав собственности. Под принудительным переделом прав собственности понимается капиталистический товарно-денежный обмен, т. е. обмен конкретных продуктов потребления на условные и виртуальные эквиваленты продуктов — натуральные деньги и их производные. Под развитием экономического хозяйства понимается его качественное и количественное расширение — укрупнение.

Тезис 4. Экономическое развитие хозяйства — это в первую очередь развитие капитала, капиталистическое развитие, в основе которого лежит расширенное воспроизводство капитала. Функционирование экономического хозяйства обусловлено частной собственностью на средства производства, продукты производства и природные ресурсы. Накопленная частная собственность превращается в капитал, который по мере роста консолидируется, субъективизируется и начинает управлять развитием экономического хозяйства. Управление этими процессами осуществляется через адептов капитала — ростовщиков, банкиров и т. д.

Тезис 5. Через адептов капитал формирует систему управления хозяйством во всех трех формах — милитаристической, религиозной, образовательной, на всех уровнях — от домового до мирового. В каждой форме капитал создает глобальные базовые институты и генеральные институции, организующие на принципах саморегуляции (поглощении слабых) взаимодействие между формами. С помощью этих институтов капитал программирует технологии производства и управления; программирует исполнителей — кадры, людей (не образовывает, а именно программирует) под решение конкретных задач своего развития. «...Надо готовить те кадры, которые нужны бизнесу — капиталу» — маразм этой фразы переоценить невозможно. В каждой форме хозяйствования — милитаристической, религиозной, образовательной — осуществляются селекция трудовых ресурсов и последующее программирование для использования на конкретных уровнях производства. Для каждого уровня производства жестко регламентируется соответствующее потребление продукта: духовного,

образовательного, культурного, свобод, знаний, благ, различных продуктов личного потребления и т. д.

Тезис 6. Расширенное воспроизводство и принципы саморегуляции позволяют капиталу непрерывно модернизировать хозяйственные институты, укрупнять и последовательно создавать новые системы управления типа ТНК и конгломератов различных союзов. Укрупненные системы жестко ранжируют производство и потребление, выстраивая соответствующие уровни использования трудовых ресурсов в этих процессах, регламентируя любое потребление — от духовно-образовательного до продуктов питания, каждому по его уровню, при этом выявляются лишние — не подходящие для системы трудовые — ресурсы.

Тезис 7. По мере развития происходит естественный для капитала процесс монополизации ресурсов и консолидации управления из единого центра, т. е. создается единый экономический-капиталистический хозяйственный организм, в котором отсекаются слабые экономики и опять-таки лишние трудовые ресурсы. Наверное, правильно такую систему называть капитализмом с более широким дефинициарным значением. Капитализм — развивающаяся, взрослеющая организменная система, в которой функционируют три основных организма: милитаристический, религиозный, образовательный. Как отмечалось ранее, каждый организм имеет свои институты и институции, находящиеся в постоянном конкурирующем, но комплиментарном взаимодействии, которое и выстраивает единый центр управления. При этом работают законы самоорганизации интеллектуальной массы, включая механизмы коллективного разума, всегда ориентированного на выживание избранного организма.

Тезис 8. Жесткая эксплуатация природных ресурсов формирует сопротивление всех, в том числе и трудовых, ресурсов, которые отторгаются и формируют оппозицию иного типа. При раннем капитализме такой оппозицией был почти однородный пролетариат, который боролся за блага и с которым, капитал мог договориться. При современном капитализме оппозицией становится отверженная, агрессивная постоянно растущая масса, в которой происходят очень неконструктивные брожения (ИГИЛ — только видимая часть айсберга). Такое монопольное организменное развитие капитала неизбежно ведет к катастрофе, в которой отверженная оппозиция нового типа развяжет не революцию, а революционную войну за справедливость. Государства, национальные экономики становятся модулями этого организма.

Принимая во внимание данные тезисы, можно представить вполне реальную модель современного развития в виде экономиче-

ского — капиталистического — организма, который входит в конфликт с природным хозяйством, отверженными и натуральным хозяйством. Такая модель ведет экономическое хозяйство к внутреннему конфликту с отверженными и к конфликту с природным хозяйством.

Очевидно, что конфликт этот разрушительный и почти неизбежный, для его предотвращения нужна уравнивающая сила, нужен диполь, т. е. иной полярный хозяйственный организм. Ранее таким организмом был СССР и его блок, но он себя изжил. Сегодня нужен иной некапиталистический организм человеческого хозяйства, близкий по смыслу к натуральному, возможно новый натуральный социализм (см.: [1—3]).

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Философия на миру: абстракции и практики // Философия хозяйства. 2014. № 3.
2. *Жуликов П.П., Жуликова О.В.* Такая странная экономика // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 30.
3. *Жуликов П.П.* Кто управляет экономикой // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 30.

А.И. СУБЕТТО

Ноосферная парадигма универсального эволюционизма как программа революции в обществоведении, философии хозяйства и экономической науке XXI в.

Аннотация. Раскрываются логика и основания Великой парадигмальной революции в науке в целом и в обществоведении, философии хозяйства, экономической науке в частности; показывается, что первая фаза Глобальной экологической катастрофы поставила пределы всей рыночно-капиталистической системе хозяйствования на Земле и соответственно ее обслуживающему разуму, всей сложившейся системе ценностей и научного знания.

Ключевые слова: ноосфера, хозяйство, экономика, общество, наука, философия, эволюция, революция, рынок, капитализм, социализм, экология, катастрофа, императив, разум, интеллект, общественный интеллект, логика, парадигма.

Abstract. The article reveals the logic and grounds of the Great paradigm revolution in the science at large and in the social studies, economy

philosophy and economic science in particular; it shows that the first phase of the Global ecological catastrophe limited the whole commercial-capitalist system of management on Earth and consequently to its supporting mind, the whole existing system of values and scientific knowledge.

Keywords: noosphere, economy, economics, society, science, philosophy, evolution, revolution, market, capitalism, socialism, ecology, catastrophe, imperative, mind, intelligence, social intelligence, logic, paradigm.

Ноосферно-мировоззренческие антиномии: постановка проблемы

Сегодня можно утверждать, что за последние 25 лет под руководством Ю.М. Осипова сформировалась российская *научная школа философии хозяйства*, корневая система которой уходит в историческую толщу *русского космизма* как особого философского течения русской культуры, и имеющая такую интеллектуальную стартовую позицию, как «Философия хозяйства» Сергея Николаевича Булгакова.

Мы исходим из обобщений, обусловленных работой над ноосферизмом как новой научно-мировоззренческой системой, которая, на наш взгляд, может стать, по крайней мере, в своей потенции, научно-мировоззренческой системой, и ставим проблему: ноосферная парадигма универсального эволюционизма как программа революции в обществоведении, философии хозяйства и экономической науке XXI в.

Учение о ноосфере именно как научное направление впервые разработал В.И. Вернадский [1; 2]. Главное в определении ноосферы по Вернадскому — новое состояние (добавим — новое качество) биосферы, в котором совокупная, планетарная научная мысль (а значит, коллективный разум человечества) становится фактором глобальной эволюции (одним из регуляторов и гармонизаторов, наряду с гомеостатическими механизмами биосферы и планеты Земля).

В.И. Вернадский писал: «*Ноосфера — биосфера, переработанная научной мыслью, подготавливаемая шедшим сотнями миллионов, может быть миллиарды лет, процессом, создавшим Homo sapiens faber, не есть кратковременное и преходящее геологическое явление. Процессы, подготавливавшиеся многие миллиарды лет, не могут быть преходящими, не могут остановиться. Отсюда следует, что биосфера неизбежно перейдет так или иначе, рано или поздно в ноосферу, т. е. что в истории народов, ее населяющих, произойдут события, нужные для этого, а не этому процессу противоречащие*» (выделено нами. — А.С.) [1, 46]. В другом месте он замечает, что для натуралиста разум

есть преходящее проявление высших форм жизни *Homo sapiens* в биосфере, превращающей ее в ноосферу [2, 101].

У Вернадского ноосфера — многоаспектная научная категория, анализ, которой с учетом, конечно, развития российской ноосферной научной школы позволил автору в рамках теоретической системы ноосферизма выделить четыре типа ноосферно-мировоззренческих антиномий, за которыми скрывается диалектика становления ноосферной парадигмы научной картины мира и научной философии XXI в.

Первый тип: *антиномия ноосфероопределения*.

- Тезис: *ноосфера — новое состояние (качество) биосферы*, в котором разум (коллективный разум человечества) становится частью биосферного гомеостаза, а через него — и частью гомеостаза планеты Земля.

- Антитезис: *ноосфера — сфера разума, противостоящая биосфере*.

Антитезис в этой антиномии — источник фальсификации учения о ноосфере В.И. Вернадского — и одновременно — основа вульгаризации смысла самого ноосферного научно-образовательного движения в России и смысла ноосферизма. В основе ноосферизма как научно-мировоззренческой системы лежит тезис этой антиномии. Определение ноосферы как сферы разума вторично, как одно из измерений — первого, более емкого, определения.

Второй тип: *антиномия определения ноосферогенеза*.

- Тезис: *ноосферогенез совпадает с антропогенезом*, его начало в эволюции биосферы совпадает с появлением человека (*Homo Sapiens*) на Земле.

- Антитезис: *ноосферогенез — дело будущего*, он вырастает из устойчивого развития.

Тезис принадлежит учению о ноосфере В.И. Вернадского, антитезис в приведенной формулировке — теоретическим взглядам А.Д. Урсула.

В рамках действия открытого нами метазакона оразумления любой прогрессивной эволюции можно определить два вложенных друг в друга ноосферных этапа: 1) *ноосферный этап биосферной эволюции* (по Вернадскому, он начался с момента эволюционного запуска антропной эволюции — антропогенеза); 2) *ноосферный этап социальной эволюции* (начало которого связано с эпохой Великого эволюционного перелома, которую человечество переживает, и с концом стихийной, в последние столетия — в рыночно-капиталистической форме, истории). В контексте переживаемого человечеством социально-ноосферного скачка — ноосфера есть действительно будущая

управляемая социоприродная эволюция, как единственная форма выхода человечества из экологического тупика истории в форме уже состоявшейся первой фазы Глобальной экологической катастрофы. Поэтому ожидаемый процесс перехода человечества к ноосферному развитию лежит не через эпоху устойчивого развития, как утверждает А.Д. Урсул (вначале — устойчивое развитие, а потом на его основе становление ноосферы), а через ноосферную парадигму самого устойчивого развития, потому что вне ноосферы как управляемой социоприродной эволюции — единственной формы устойчивого развития — оно невозможно.

Третий тип: *антиномия эволюционного содержания ноосферы.*

- Тезис: *эволюционным содержанием ноосферы в XXI в. становится ноосфера будущего* как управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества [3].

- Антитезис: *ноосфера будущего — коэволюция как сопряжение социальной эволюции и эволюции природной, эволюции биосферы.*

Идея коэволюции была выдвинута Н.В. Тимофеевым-Ресовским, а затем более глубоко разработана Н.Н. Моисеевым и его школой. Идее коэволюции привержены А.Д. Урсул, В.А. Кутырёв и многие другие. Мы же подвергли идею коэволюции критике [3].

Наша теоретическая позиция состоит в следующих утверждениях: 1) эволюция любой сложной (суперсложной) системы протекает как гетероэволюция, в названии которой отражаются неоднородность по качеству элементов системы как участников эволюции и неравномерность по скорости развития разных частей такой сложной системы; в этой неравномерности отражается спиральность развития; 2) коэволюция может рассматриваться как момент гетероэволюции, носящий относительный и преходящий характер. Очевидно, на каком-то этапе, когда социальная эволюция — история — человечества носила относительно автономный и стихийный характер, можно условно говорить о коэволюции человечества и биосферы (и то за счет резервов биосферы, определяемых ее гомеостатическими механизмами).

В XX в. произошел скачок в энергетике мирового хозяйства и соответственно антропогенного давления на биосферу. Синтез стихийности исторического развития и большой энергетике мирохозяйственного природопотребления привел к первой фазе Глобальной экологической катастрофы. Возник императив выживаемости как императив перехода к новому качеству биосферы — ноосфере, в которой разум человечества становится разумом биосферы, оразумляя биосферную эволюцию при соблюдении законов ее глобальной эволю-

ции, определяемых в первую очередь гомеостатическими механизмами биосферы и планеты Земля как суперорганизмов (законы Бауэра—Вернадского в обобщении В.П. Казначеева [4], закон квантитативно-компенсаторной функции биосферы А.Л. Чижевского [3]).

Ноосферная эволюция — не коэволюция (коэволюция заканчивается вместе с окончанием стихийной истории как условно автономной социальной эволюции, а этот конец обозначила первая фаза Глобальной экологической катастрофы), а новое качество самой биосферной эволюции. Этот вывод автора имеет свое предвосхищение и в теоретической логике В.И. Вернадского: «Наше время, по существу, иное и небывалое в этом отношении, ибо, по-видимому, впервые в истории человечества мы находимся в условиях единого исторического процесса, охватывающего всю биосферу планеты. Как раз закончились сложные, частью в течение ряда поколений независимо и замкнуто шедшие исторические процессы, которые в конце концов в нашем XX столетии создали единое, неразрывно связанное целое» [1, 88].

Четвертый тип: *антиномия социального содержания ноосферы.*

- Тезис: *ноосфера будущего, предполагающая выход человечества из экологического тупика истории через переход к цивилизации управляемой социоприродной эволюции, возможна только на социалистической основе, но при этом социализм обретает новое качество — он характеризуется как ноосферный экологический духовный социализм.*

- Антитезис: *ноосфера будущего и соответственно ноосферное развитие человечества возможны при сохранении рыночно-капиталистической формы хозяйствования и соответственно стихийной истории человечества.*

Этот тип антиномии выражает собой научно-философское, мировоззренческое противостояние уже на ноосферном поле дискуссии в начале XXI в. — между апологетами капитализма в науке и в философии, за которыми скрываются инстинкт самосохранения строя мировой капиталократии и неготовность расстаться с ценностями обогащения, наживы, капиталовластия и теми учеными, философами, которые служат истине и правде, причем правде в ее онтологическом самовыражении — как правде истории [5].

Ноосферная парадигма универсального эволюционизма

Универсальный эволюционизм как интегративное научное направление в последние десятилетия прочно занял свое место в современных основах научной картины мира. А.Д. Урсул и И.В. Ильин ставят вопрос о формировании эволюционной глобалистики как меж-

дисциплинарного концептуального подхода к исследованию глобальных процессов в эволюционном ракурсе [6, 28]. Они определяют глобальный, или универсальный, эволюционизм как совокупность концепций, а значит, как совокупность парадигм представлений об универсальной эволюции, рассматривающих «эволюционный процесс как перманентную самоорганизацию материальных систем, в ходе которого идет прогрессивное развитие неорганической, органической природы и затем социальной ступени» [6, 41]. При этом Урсул и Ильин ставят вопрос о социоприродной эволюции в коэволюционной парадигме [6, 52]. По-своему поднимают проблему универсальной теории эволюции Л.Е. Гринин, А.В. Коротаяев и их соратники. Трибуной исследовательских подходов к этому вопросу стал альманах «Эволюция. Проблемы и дискуссии» [7]. Оригинальный подход к формированию науки об общих законах прогрессивной эволюции разработал еще в 1970—1980-х гг. Ю.А. Урманцев, назвав такую науку эволюционикой [8, 130]. Центральным положением в парадигме Урманцева является положение о восьми различных способах, которыми только и создает природа свои объекты — как объекты-системы в рамках системы объектов одного и того же рода [8, 131].

Разрабатывая уже около 40 лет системогенетику как общую теорию законов системного наследования и эволюции, а затем, выйдя в 1990-х гг. на проблему обобщения теоретической системы ноосферизма [3, 16—18], мы выдвинули ноосферную парадигму универсального эволюционизма, в которой реализуется синтез дарвиновской (парадигма Ч. Дарвина — «наследственность, изменчивость, отбор», концепция селектогенеза), кропоткинской (парадигма П.А. Кропоткина, утверждающая доминирующую роль сотрудничества, взаимопомощи в эволюции; мы назвали эту парадигму коогенезом [3], поскольку по данной парадигме уже в авторской концепции утверждается примат закона кооперации над законом конкуренции), берговской (парадигма Л.С. Берга, утверждающая существование законов эволюции, направляющих ее прогресс в определенное русло, — парадигма номогенеза) парадигм.

В чем состоит суть выдвигаемой нами ноосферной парадигмы универсального эволюционизма [3, 32—34]?

Первое утверждение. *Любой конус прогрессивной эволюции демонстрирует действие метазакона сдвига от доминанты закона конкуренции и механизма отбора — к доминанте закона кооперации и механизма интеллекта.* Закон кооперации — закон, действие которого приводит к росту сложности эволюционирующих систем в прогрессивной эволюции. При этом, если в начале прогрессивной эволюции доминирует закон конкуренции, то в последующем — доминанта

переходит к закону кооперации, и этот переход сопровождается сменой лидирующих механизмов: механизм отбора уступает лидирующую роль механизму интеллекта, который есть суть опережающая обратная связь, или управление будущим (в отличие от естественного отбора, который суть запаздывающая обратная связь).

Поэтому из первого утверждения следует второе.

Второе утверждение. *Любой «конус» прогрессивной эволюции демонстрирует действие метазакона интеллектуализации, или «оразумления».* Рост кооперированности, сложности систем сопровождается опережающим развитием качества интеллекта систем, или качества управления будущим (т. е. увеличением лага упреждения в управлении будущим).

Из второго утверждения следует, что ноосферный этап в космогонической эволюции (появление разума в определенных звездно-планетарных системах вслед за появлением жизни), ноосферный этап в глобальной, биосферной эволюции на Земле, ноосферный этап в антропной и социальной эволюции являются закономерными этапами. И поэтому человеческий разум появляется как результат биологической эволюции на Земле и космогонической эволюции в целом не случайно, вследствие какого-то редкого, чуть ли не немислимого, стечения обстоятельств, как рассуждал И.С. Шкловский и многие участники Первой советско-американской конференции по проблеме SETI (Communication with Extraterrestrial Intelligence), состоявшейся 5—11 сентября 1971 г. в Бюроканской астрофизической обсерватории АН Армянской ССР [9], а именно *закономерно, как результат действия метазакона интеллектуализации, или «оразумления», космогонической эволюции, а значит, Вселенной, в том числе биосферы на Земле, превращающей ее в ноосферу.*

Таким образом, за сдвигом от доминирования конкуренции к доминированию кооперации в конусе прогрессивной эволюции прячется тенденция увеличения антиэнтропийного, или негэнтропийного, начала и вместе с этим рост управляемости внутри такой прогрессивной эволюции, т. е. рост качества «интеллекта» как механизма эволюции, противостоящего естественному отбору.

При этом надо иметь в виду — речь идет о *диалектике доминант*, что методологически означает, если в начале конуса прогрессивной эволюции кооперация играет подчиненную роль по отношению к конкуренции, а значит, доминирует стихийное начало эволюции, то к концу конуса прогрессивной эволюции уже конкуренция играет подчиненную роль по отношению к кооперации и на передний план выходит управленческое, или интеллектуальное, начало эволюции.

С учетом указанных метазаконів и принятия принципа «калибровки» больших циклов-спиралей (или «конусов») прогрессивной эволюции «большими взрывами» как эволюционными квантовыми скачками, которые в ноосферной парадигме универсального эволюционизма трактуются как «взрывы эволюционного творчества (генерации разнообразия)», весь «конус» прогрессивной космогонической эволюции, или прогрессивной эволюции Вселенной, предстает как сложная иерархическая система ступенчатого восхождения «конусов» эволюции по сложности их систем-носителей («конус» доатомной эволюции, «конус» атомной эволюции, «конус» молекулярной эволюции, «конус» антропоной эволюции, «конус» социальной эволюции...).

Логика, диктуемая метазаконем оразумления, поставила социальную историю человечества в начале XXI в. перед Большим соционоосферно-кооперационным взрывом, за которым стоит переход (своеобразный качественный, эволюционно-квантовый скачок), а первая фаза Глобальной экологической катастрофы — это только провозвестник этого скачка: от стихийной, на базе доминирования закона кооперации, института частной собственности на средства производства, рынка, капиталократии, истории — к управляемой, на базе доминирования закона кооперации, института общественной собственности на средства производства, планирования, трудократии, истории, но уже в новом, ноосферном, качестве как управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.

Последняя характеристика означает, что после неолитической революции вся социальная история человечества, которая условно была автономной, в каком-то смысле независимой от природы, историей, закончилась и начинается история неавтономная — как история единого целого — человечества и биосферы, т. е. ноосферы, в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества. Или, выражаясь другими словами, история обретает ноосферное содержание, становится ноосферной.

Ноосферная парадигмальная революция в обществоведении, философии хозяйства и экономической науке XXI в.

Итак, первая фаза Глобальной экологической катастрофы обозначила собой наступление эпохи великого эволюционного перелома (ее приблизительные границы — рубеж 1980—1990-х гг. — 2040—2050-е гг., а может быть, и до конца XXI в., но сам перелом произойдет до середины XXI в.), означающей собой не только смену цивилизационных, ценностных оснований бытия и развития человечества, их

ноосферизацию, и отказ от рыночно-капиталистической формы хозяйствования человечества на Земле и переход к *ноосферному экологическому духовному социализму*, но и ноосферную «человеческую революцию» (о необходимости «человеческой революции» как базовом условии решения глобальных экологических проблем писал первый президент Римского клуба А. Печчи в работе «Человеческие качества» еще в 1975 г.), а также Великую парадигмальную революцию в науке, культуре и искусстве на базе ноосферной парадигмы универсального эволюционизма.

Великую парадигмальную революцию следует назвать великой, потому что она вызвана не только и не столько внутренней логикой развития науки, культуры, искусства, образования, экономики, общества, сколько внешним императивом, с которым столкнулось человечество впервые — императивом, предъявленным человечеству разумом со стороны биосферы как суперорганизма, со стороны ее гомеостатических механизмов, который можно сформулировать так:

- или коллективный человеческий разум становится биосферным, а значит ноосферным (переходит из состояния «разум-для-себя» в состояние «разум-для-биосферы, Земли, космоса»), т. е. начинает нести ответственность за будущее всей системы жизни на Земле и соответственно управлять социоприродной эволюцией, обеспечивая ноосферную гармонию, которая есть закон бытия ноосферы как целого, когда на Земле устанавливаются планетарная кооперация народов-этносов и мир без войн и насилия;
- или же человечество как экологически неразумное, обезумевшее от своекорыстия (Н.А. Бердяев предупредил еще в 1918 г.: «...корыстный интерес таит в себе безумие» [10, 370]), обрекается на экологическую гибель (оно не переживет XXI в.).

Каковы главные смысловые фокусы этой Великой парадигмальной революции?

Первый фокус — *управление социоприродной эволюцией со стороны коллективного разума, или общественного интеллекта, как единственная модель устойчивого развития человечества*, которую ищут почти 25 лет умы политической элиты мира и мировой науки, но не могут найти, поскольку не могут отказаться от ценностей рыночно-капиталистической системы. Речь идет о новом смысловом наполнении самой философии разума, а именно, *разума, управляющего социоприродной эволюцией*, что вытекает из самого смысла метазакона разумления прогрессивной эволюции и его «кальки» применительно к социальной эволюции как закона идеальной детерминации в истории через общественный интеллект [3]. При этом речь идет как о новой парадигме самой науки об управлении, так и о новом качестве (новом

смысловом наполнении) самого представления об управлении, об управлении суперсложной социоприродной мегасистемой — ноосферой, в которой биосфера как ее носитель имеет свои гомеостатические механизмы, — на базе теории наблюдателя и сверхнаблюдателя, теории цикличности и спиральности развития, системогенетики и социогенетики, гомеостатики, ноосферной кибернетики, при соблюдении законов-ограничений — закона Бауэра — В.И. Вернадского (в обобщении В.П. Казначеева [3; 4]) и закона квантитативно-компенсаторной функции биосферы по А.Л. Чижевскому [3, 30; 11], ноосферно-ориентированного синтеза всех наук, ноосферного образования, мегакосмической проскопии общественного интеллекта [3].

Второй фокус — *роды действительного разума и действительного человечества*, а значит, и *действительной науки*. Что означает атрибут «действительный»? — Он адекватен новой сложности бытия, преодолевает тот *барьер сложности*, катастрофическими выражениями которого и стали первая фаза Глобальной экологической катастрофы и стоящая за ней, как ее тень, Глобальная антропологическая катастрофа (в том числе и Глобальная информационная катастрофа, причем на фоне якобы происходящей информационно-компьютерной революции и становления информационного общества, информационной экономики, информационных войн и т. п.)

Сама данная констатация скрывает в себе другую, вытекающую из нее, констатацию: *первая фаза Глобальной экологической катастрофы означает, что человек, его разум, в целом человечество как единое целое, взаимодействующее с биосферой, общественный интеллект — наука, культура, образование — не адекватны той реальности, той системной сложности мира, в пространстве которой они бытийствуют*. Глобальный экологический кризис, тем более в своей катастрофической фазе развития, в начале XXI в. свидетельствует о глобальной патологии в организме (в «теле») человечества, которая не только имеет системное содержание, но и включает в себя непосредственную развивающуюся патологию в самом живом веществе человечества как единого целого (сигналов, поступающих в наш разум много; вот только вследствие «замкнутости» людей, организаций — рыночных агентов, политических элит на прибыль, на «своекорыстный интерес», который, по Н.А. Бердяеву, «таит в себе безумие»), человечество и наука как важный компонент общественного интеллекта остаются «экологически слепыми», несмотря на тревожные голоса многих ученых в России и в мире).

Роды действительного разума, таким образом, — это и изменение социального строя, основ бытия человечества, переход к строю ноосферного экологического духовного социализма на базе научно-

образовательного общества, в котором образование становится базисом базиса духовного и материального воспроизводства, а наука — производительной силой и силой управления, и Великая парадигмальная революция в науке как едином корпусе научных знаний, в том числе в обществоведении, экономической науке, философии хозяйства. За этим стоит расставание не только с «простотой» [12] в методологии познания мира, в мышлении и в установках управленческих кадров (лозунг бюрократии — «управляй сложным как простым»), но и расставание с постмодернизмом, с чистым проективизмом, отрицающим социокультурную, и тем более эволюционную, память, что противоречит самой «природе» прогрессивной эволюции, ее законам, традиции, но и лишает науку прогностичности, тем более с большим лагом упреждения, что так необходимо для стратегии выхода человечества из экологического тупика истории.

В XX в. возникла *интеллектно-информационно-энергетическая асимметрия человеческого разума*, и вследствие этой асимметрии — *Глобальная интеллектуальная черная дыра*. Это означает, что энергетическая мощь, которой владеет интеллект и которая отражается на увеличении масштабов негативных экологических последствий, не уравновешена уровнем прогностичности и управления будущим, т. е. качеством самого интеллекта (общественного интеллекта). И как результат — Глобальная интеллектуальная черная дыра, когда темпы процессов развития первой фазы Глобальной экологической катастрофы намного опережают темпы их познания и проведения соответствующих превентивных мер по исправлению глобальной экологической ситуации.

Роды действительного разума — это и есть те преобразования в науках — естествознании, человековедении, обществоведении, технознании, философии, экономической науке, философии хозяйства, — которые стучатся в дверь под давлением императива экологического выживания человечества. Чтобы наука стала прогностичной, т. е. вернула себе прогностическую функцию, необходимо в обществознание, философию хозяйства, экономическую науку вернуть категорию закона, осознать императив ноосферно-ориентированного синтеза наук, который уже происходит в России и еще скажет свое «слово». Здесь уместно вспомнить знаменитое высказывание К. Маркса: «Наука является *действительной* наукой лишь в том случае, если она... исходит из природы... Сама история является *действительной* частью истории природы, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*» [13, 12; 14, 124]. В начале XXI в. этот прогноз Маркса стано-

вится императивом, который есть составная часть императива выживаемости — ноосферного императива, потому что это единая наука должна обрести ноосферное основание.

В 1990 г., 25 лет назад, Ю.М. Осипов в «Опыте философии хозяйства» писал, в чем-то переключаясь с нашей концепцией *ноосферного императива*: «Стратегическая цель человечества, которую мы можем предвидеть — ноосфера. Это как раз есть главное и самое масштабное общее дело всего человечества. Ради такого дела стоит поступиться некоторыми, а быть может, и многими эго-принципами, не говоря уже о примитивных предрассудках. Совместные деяния способствуют как поведенческому, так и качественному сближению участников. *И тут вопрос: к какому общему качеству будет тяготеть эволюция...? Окончательный ответ даст сама жизнь, но наиболее вероятный ответ, к которому мы можем прийти сами, — это социалистическое качество, но, разумеется, то — ноосферное — социалистическое качество...* Страшно ошибается тот, кто считает, что человек хозяйствующий может обойтись без философии, без нравственности, без культуры. Тут уж заблуждение роковое... Ошибаются и те, кто все еще надеется... хозяйствовать, полагаясь лишь на предприимчивость человека, его личный (а вовсе не личный!) интерес. Сегодня нас не спасет (вот, до чего дошло — не спасет!) ни Ее Величество Административность, ни Ее Высочество Конкуренция. Обе Дамы слишком безнравственны, слишком заносчивы и бесцеремонны» (выделено нами. — А.С.) [15, 363, 371].

Третий фокус — *ноосферная парадигма универсального эволюционизма*, которая уже была раскрыта выше. Она задает программу той революции в обществоведении, в философии хозяйства (и, на наш взгляд, школа философии хозяйства во главе с Ю.М. Осиповым де-факто такую революцию уже осуществляет) и в экономической науке.

Четвертый фокус — *ноосферная человеческая революция в единстве с ноосферно-социалистической революцией*, что требует, и тут Ю.М. Осипов прав, отказа от многих эгоценностей, от индивидуалистического, замешанного на рыночно-капиталистической форме хозяйствования, эгоцентризма. Этот отказ будет процессом сложным, связанным, вполне возможно, с экологическим шоком. Спасти человечество от экологической гибели может социализм нового качества — ноосферный экологический духовный социализм — и это понимание тоже есть часть Великой парадигмальной революции в науке в целом, в обществоведении, философии хозяйства, экономической науке в частности.

Здесь уместно вспомнить одно положение, входящее в концептуальную систему космической философии хозяйства С.Н. Булгакова,

— положение о «метафизическом коммунизме мироздания» как основе космической, добавим — и, как следствие, ноосферной — философии хозяйства: «...возможность потребления принципиально основана на метафизическом коммунизме мироздания., на изначальном тождестве сущего, благодаря которому возможен обмен веществ и их круговорот, и прежде всего, предполагает единство живого и неживого, универсальность жизни. Только потому, что вся вселенная есть живое тело, возможно возникновение жизни, ее питание и размножение» [16, 73].

Булгаковский «метафизический коммунизм мироздания» как понятие есть отражение «организмичности», «гомеостатичности» не только планеты Земля, Солнечной системы, Галактики, но и всей Вселенной, в более широком смысле — универсума. Он утверждает, что любая часть подчиняется законам целого. Это относится и к человечеству.

Человечество, являясь частью «метафизического коммунизма мироздания», само должно стать в этом смысле «коммунистическим», т. е. ноосферным, нести ответственность за будущее всей системы жизни на Земле, соблюдая внутри себя также закон гармонии, а значит — справедливости.

Заключение

Великая парадигмальная революция — это не только смена парадигм в отдельных науках, исходя из логики их саморазвития, а смена парадигмы единой науки человечества, связанная с ноосферной революцией в эволюции разума человечества, с родами действительного разума.

Все науки до глобального экологического кризиса в развитии человечества, особенно науки об обществе и человеке, философия исходили из социальной автономности истории, из *внутренней логики социального развития*. Первая фаза Глобальной экологической катастрофы — одновременно и сигнал, или послание, человечеству, свидетельствующий о том, что на арену истории вышла *большая логика социоприродной эволюции*, требующая от всех наук на парадигмальном уровне ноосферизации и экологизации всех основ, всего научно-философского мировоззрения. Это требует преодоления «вульгарного редуccionизма» (понятие В.Г. Комарова [5, 112]), прощания с культом простоты («простота хуже воровства» — говорит русская поговорка), особенно на фоне возникшего «барьера сложности», отражением которого стала первая фаза Глобальной экологической катастрофы. Должны быть преодолены «объективные материальные кажимости» [5, 143] как продукт товарного (и рыночного) фетишизма и отчуждения человека в рыночно-капиталистическом пространстве

жизни от средств производства и от самого себя, от общества, от природы.

Пользуясь философской рефлексией Комарова, можно сказать, что вся рыночно-капиталистическая система хозяйствования после наступления глобального экологического кризиса и выхода «на арену истории» большой логики социоприродной эволюции обрела качество «онтологической лжи». Первая фаза Глобальной экологической катастрофы — это манифестация онтологической правды истории, требующей от человечества перехода к ноосферному экологическому духовному социализму. «Псевдоправда (ложь) истории есть не более чем объективная материальная кажимость, заимствующая чужую сущность — сущность правды истории. Когда правда в очередной раз достигает возобладания над неправдой, когда начинается генерализация правды истории, что происходит обычно в периоды демократических подъемов революций, выглядящих катастрофами главным образом в глазах господствующих “верхов”, тогда ложь истории рассыпается в прах и раскрывается ничтожность ее внутренней определенности» [5, 144].

Онтологическая правда истории требует управляемой ноосферной экономики, восстановления и развития механизма планирования, признания закона кооперации как ведущего закона на ноосферном этапе эволюции человечества и биосферы, ноосферной философии хозяйства, ноосферно-ориентированного синтеза всех наук (а любой синтез рождает новое качество) — и на этой основе становления ноосферного образования.

Сегодня России нужна стратегия становления научно-образовательного общества с высшим приоритетом опережающего развития науки и образования (с полным отказом от рыночного фундаментализма в нынешней образовательной и научной политике) и стратегии социально-экономического развития на собственной основе, с соблюдением специфических законов цивилизационного развития. Россия — самостоятельная цивилизация-континент, центр устойчивости-неустойчивости мира. Ее предназначение — стать носительницей ноосферного прорыва человечества в XXI в.

Литература

1. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988.
2. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.
3. *Субетто А.И.* Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. СПб., 2001.
4. *Казначеев В.П., Спирин Е.А.* Космопланетарный феномен человека: Проблемы комплексного изучения. Новосибирск, 1991.

5. *Комаров В.Г.* Правда: онтологическое основание социального разума / Под ред. В.Я. Ельмеева. СПб., 2001.
6. *Ильин И.В., Урсул А.Д.* Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М., 2009.
7. Эволюция. Проблемы и дискуссии / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Маркова, А.В. Коротаева. М., 2010.
8. Система. Симметрия. Гармония / Под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. М., 1988.
9. Проблема СЕТИ (связь с внеземными цивилизациями) / Под ред. С.А. Каплана. М., 1975.
10. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М., 1997.
11. *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995.
12. *Моисеев Н.Н.* Расставание с простотой. М., 1998.
13. *Кедров Б.М.* Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. М., 1985.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42.
15. *Осинов Ю.М.* Опыт философии хозяйства. М., 1990.
16. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.

О.Е. РЯЗАНОВА, Е.В. ГРИБОВА

Проблемы сбалансированности социо-эколого-экономической системы в достижении ее устойчивого развития

Аннотация. В современных условиях дальнейший экономический рост за счет чрезмерной эксплуатации природно-ресурсного потенциала невозможен, для сбалансированного развития сложной социо-эколого-экономической системы требуются все более прогрессивные механизмы. В статье приведены конкретные действия (шаги), которые в случае координации и согласованности деятельности в глобальном масштабе будут способствовать переводу мирового сообщества на путь устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социо-эколого-экономическая система, антропогенные воздействия, природоохранные мероприятия, сбалансированность, эффективность.

Abstract. In modern conditions further economic growth through over-exploitation of natural and resource potential is impossible, for the balanced development of complex socio-ecological-economic system requires more progressive mechanisms. In the article describes the specific actions (tactical steps), which in the case of coordination and coherence of activities on a global scale will facilitate the transition of the world community on the path of sustainable development.

Keywords: sustainable development, socio-ecological-economic system, anthropogenic impact, environmental protection, complete consistency, efficiency.

Концепция устойчивого развития общества не только подразумевает логичный переход к равновесному природопользованию, но также направлена на разрешение глобальных проблем современности, снятие напряженности во взаимоотношениях триады «общество—природа—экономика», поиск выхода из несоответствия между неограниченными человеческими потребностями и ограниченными ресурсно-экологическими возможностями биосферы. Предотвратить необратимые последствия техногенно-антропогенного воздействия может лишь управляемое, сбалансированное и устойчивое развитие. Принятие соответствующих целям развития тысячелетия (ЦРТ) национальных стратегий — важнейший шаг на пути достижения устойчивого развития любого социума, каждого государства. Последовательный переход к устойчивости сопровождается не только сохранением биосферы как обязательного условия функционирования социально-экономической системы, но и процессом международной конвергенции стран, в стороне от которого не осталась и Россия. Среди конкретных шагов (практических рекомендаций) мирового сообщества в целом и России в частности на пути обеспечения устойчивого развития можно определить следующие.

1. *Выработка единой системы управления и общее снижение выбросов парниковых газов в атмосферу.* Углекислый газ вносит основной вклад (более 65% от всех источников) в глобальное потепление на планете и рост его концентрации обусловлен различными формами человеческой деятельности, среди которых большая доля приходится на сжигание угля, нефтепродуктов и иных видов топлива. Поступление двуокси углерода в атмосферу столь велико (в 2012 г. количество выбросов достигло рекордной отметки в 34,5 млрд т в мире, или 4,9 т на душу населения, в то время как в 2008 г. эта величина составляла 29,9 млрд т, или около 4,5 т в пересчете на душу населения), что прекращение данного процесса или заметное снижение его интенсивности в ближайшее время является технически неосуше-

ствимым. Глобальная эмиссия углекислого газа за последние десять лет выросла практически на 30%, при этом ожидается, что по итогам 2015 г., общий объем выбросов от сжигания полезных ископаемых возрастет на 3,4% [1]. Увеличение в атмосфере концентраций углекислого, а также примесей других газов усиливает парниковый эффект, который в свою очередь влияет на изменение климата в сторону общей тенденции к повышению глобальной средней температуры. Для избежания катастрофических геоэкологических последствий мировому сообществу уже сейчас необходимо оптимизировать решение задачи по снижению количества выбросов парниковых газов (данный процесс является также одним из приоритетных направлений концепции устойчивого развития общества).

2. *Повышение эффективности природоохранных мероприятий, расширение программ ограничения и торговли квотами на выбросы.* Необходимо и далее увеличивать расходы на охрану окружающей среды, так как несмотря на некоторое уменьшение вредных выбросов, общая экологическая обстановка в связи с кумулятивным накоплением загрязняющих веществ в мире улучшается медленными темпами. Из года в год задействуются новые инструменты регулирования охраны окружающей среды, расширяется спектр директивных и экономических мер. Возникают новые инструменты в торговле квотами (среди которых «safety valve»), которые определенной денежной суммой ограничивают платежи компаний за каждую тонну вредных выбросов. Так, международные системы торговли квотами на выбросы парниковых газов способствуют практической реализации положений Киотского протокола.

3. *Стабилизация численности населения и проведение взвешенной демографической политики, преследующей цели обеспечения долгосрочной устойчивости общества и расширенного воспроизведения человеческого потенциала.* Долгое время острота глобальной демографической проблемы только усугублялась. Абсолютные масштабы годового прироста населения в мире становятся все больше, если в 1990 г., по данным [2], общая численность населения составляла 5306 млн человек, то к 2015 г. эта величина увеличилась на 27,8% и составила 7359 млн человек (лидером среди макрогеографических регионов мира стала Азия — рост более чем в 1,4 раза за рассматриваемый временной период). Существуют серьезные и небезосновательные сомнения относительно способности естественной биосферы выдерживать в дальнейшем подобную демографическую нагрузку, обеспечивая при этом население устойчивыми условиями для жизни и деятельности. На передний план выходит человеческий фактор, требующий к себе повышенного внимания и необходимости должного

рассмотрения в рамках обеспечения концепции экологически устойчивого социально-экономического развития. Учитывая зависимости между демографическими тенденциями и истощением природно-ресурсного потенциала, актуализация разработок стратегий снижения негативного антропогенного и техногенного воздействия на окружающую среду в состоянии если не предотвратить целиком, то хотя бы заметно снизить обратные воздействия на народонаселение от трансформации условий биосферы.

4. *Преодоление масштабов бедности и сокращение отсталости населения.* Проблема комплексная и многогранная, является также стратегической задачей государственной социальной политики [3, 21—25], приоритетным направлением концепции устойчивости, одной из восьми ЦРТ всего мирового сообщества. В долгосрочной перспективе способствовать снижению уровня бедности способно создание условий для накопления и воспроизводства человеческого капитала, усиления хозяйственной мотивации к высокопроизводительному труду, недопущения экономически неоправданной дифференциации и асимметрии в распределении денежных доходов и пр. В усилиях по обеспечению устойчивого развития сложной системы забота о человеке, охрана и укрепление его здоровья занимают одну из центральных позиций. Нельзя останавливаться на стабилизации медико-демографических процессов, нужно и далее создавать условия для продолжительной жизни людей, снижать заболеваемость и смертность, совершенствовать систему охраны материнства и детства, повышать качество среды обитания, развивать систему мониторинга состояния здоровья человека, принимать во внимание вопросы здравоохранения при создании проектов оценки экологических последствий и т. п.

5. *Улучшение социально-экономического положения населения: повышение качества и уровня жизни, рост общественного благосостояния и др.* Социальная составляющая стратегии устойчивого развития предполагает совершенствование социальной сферы жизни общества, в том числе повышение уровня и качества жизни в стране (согласно исследованию [4], в текущем году Россия занимает 91-е место по уровню жизни в рейтинге 142 государств); обеспечение концентрации общественных ресурсов для предоставления материальной и иной помощи незащищенным слоям населения; увеличение общей продолжительности жизни и поддержание на высокой отметке показателя рождаемости; рост социальной безопасности государства и личной безопасности граждан; создание материальных условий для обеспечения роста общественного и индивидуальных благосостояний; достижение оптимального уровня индекса концентрации доходов и

сглаживание существующего межрегионального социального неравенства; поддержание на должном уровне функционирования инфраструктуры рынка труда, а также обеспечение полной, продуктивной и эффективной занятости граждан; создание целого комплекса условий, необходимых для получения доступного и подлинно качественного образования; принятие различных мер на государственном уровне поощрению материнства, созданию экономических стимулов к укреплению семьи; реализация инновационного потенциала молодежи в интересах более активного ее вовлечения в государственную и общественную жизнь и т. д. [5, 36—38].

6. *Переориентация на ресурсосбережение, в том числе разработка экологически чистых и безотходных технологий, внедрение «зеленых» инноваций и пр.* Современные экотехнологии напрямую связаны с глобальной тенденцией перехода к новому типу экономики — ресурсоэффективному и безопасному для биосферы. Оценки России во всех сферах «зеленых» инноваций оказалась значительно ниже среднего общемирового уровня: малое количество новых патентов в данной области служит подтверждением низкого объема инноваций, отмечается невысокий спрос на возобновляемые источники энергии. Принятый в 2002 г. закон «Об охране окружающей среды» [6] заложил нормативно-правовую основу для функционирования российского экорынка, в документе говорится о значительной роли инноваций при решении экологических проблем, о предоставлении различных льгот в случае внедрения существующих «зеленых» технологий, об использовании альтернативных источников электроэнергии, переработке сырья и прочих мероприятиях, направленных на снижения негативного антропогенного воздействия на природную среду. Важной государственной задачей становится поддержка инновационной деятельности и стимулирование инвестиций в освоение экологически чистых технологий. Российская экономика в целом нацелена на создание благоприятных потенциальных условий для развития экоинноваций и природосберегающих технологий, перехода к концепции устойчивости и нахождения необходимых для ее финансирования ресурсов.

7. *Повышение эффективности использования природно-ресурсного потенциала.* Реализация данного аспекта должна основываться, прежде всего, на диверсификации региональной экономики (как методе повышения ее конкурентоспособности); увеличении основного вклада высокотехнологичных и наукоемких отраслей в рост производственного сектора экономики, а также экологически безопасных и эффективных инновационных технологиях; соблюдении баланса между добычей и экспортами естественных ресурсов и произ-

водственными отраслями, сокращении потерь при добыче и переработке невозобновляемых природных ресурсов в добывающих отраслях; всестороннем поощрении экологизации экономической деятельности и продвижении ключевых принципов устойчивого развития в условиях глобализации и рыночных отношений; формировании и последующей реализации системы приоритетов инновационной экономики для достижения научно-технологических прорывов по приоритетным направлениям развития науки, техники и технологий.

8. *Расширение границ понимания концепции экологической эффективности от традиционно коммерческого к экологически обеспеченному.* В основу концепции экоэффективности заложена идея предотвращения глобального загрязнения биосферы, т. е. будущие расходы на очистку окружающей среды могут быть полностью или частично компенсированы текущими инвестиционными вложениями в производственный процесс. Подобные модернизации и экологические инновации позволят переориентироваться на более полное и комплексное использование природно-ресурсного потенциала и сырья, а также минимизировать затраты инвесторов и потенциальные производственные отходы. Концепция экоэффективности отображает идеи устойчивого развития применительно к бизнесу — отмечается, что рост общественного благосостояния не находится в прямой взаимосвязи с интенсивностью эксплуатации ресурсов, зато выявлена взаимозависимость между экологическими совершенствованиями технологий и получением экономических выгод модернизации за счет экономии используемых ресурсов, сокращения расходов на приобретение сырья, установления лимитов на выбросы и сбросы, а также утилизации бытовых отходов [7, 111—115]. Концепции экологической эффективности и устойчивого развития ставят перед бизнесом следующие стратегические цели: широкое применение чистых технологий и инноваций, способных сохранить производство на уровне не ниже прежнего при заметном снижении вредного антропогенного воздействия на биосферу; многократное повышение резервов роста производительности природных за счет сокращения доли потребляемых ресурсов и незначительного увеличения прибыли.

9. *Способствование экологизации образования и воспитания, расширение общепланетарной системы эконаний, развитие экологической культуры и т. д.* В сложившейся в настоящее время сложной экологической ситуации необходимость экологического образования, воспитания и культуры у населения стоит особенно остро. Реализация стратегических программ непрерывного экообразования и просвещения; расширение различных форм научных и исследовательских организаций; повышение роли образовательных учреждений в формиро-

вании у граждан экологического сознания и экологической культуры, подразумевающей соответствующие идеалы, ценности и нормы поведения человека; усиление эффективности системы подготовки и переподготовки кадров в сфере экологии, способных оценить и спрогнозировать последствия от антропогенного воздействия — все вышеперечисленное способствует аккумулярованию ключевых задач при выработке национальных стратегий образования для устойчивого развития.

В стремительно глобализующемся мире взаимосвязанных угроз и возможностей лишь скоординированные действия во всех сферах общественной жизни, осуществляемые постепенно, шаг за шагом, способны упрочить основы устойчивого развития и способствовать преодолению глобальных экологических, демографических и прочих проблем современности. Нивелирование барьеров и определение перспектив взаимодействия в рамках концепции устойчивого развития сложной системы послужат отправным моментом в выстраивании коэволюционных взаимоотношений в триаде «общество-природа-экономика» и в налаживании равноправного сотрудничества в мировом масштабе.

Литература

1. Nature Climate Change (2015) // <http://www.nature.com/nclimate/journal/vaop/ncurrent/full/nclimate2892.html>.
2. European Commission Eurostat. Statistics Explained. European Population Compared with World Population // http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/images/9/97/World_population%2C_1960-2012.png.
3. *Рязанова О.Е.* Трансформация института собственности в условиях глобализации экономики. Дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009.
4. Уровень жизни населения России и стран мира в 2015 году // <http://bs-life.ru/makroekonomika/uroven-zizny2012.html>.
5. *Рязанова О.Е.* Интеллектуальный капитал в системе экономических категорий // Экономические науки. 2011. № 79.
6. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об охране окружающей среды» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/.
7. *Грибова Е.В.* Аспекты общественного благосостояния в современной России: экономический рост и структура доходов населения // Экономика и предпринимательство. 2014. № 10.

В.К. ПЕТРОВ
**Обществоведение как философско-мировоззренческая
проблема**

Знание выше чувства, сознание жизни —
выше жизни. Наука даст нам премудрость, пре-
мудрость откроет законы, а знание законов сча-
стья — выше счастья.

Ф.М. Достоевский

Аннотация. Проблема сущности общественных наук остро возникла после распада СССР и пересмотра многих принципиальных положений, принятых в советское время. Смена режима и строя повлекли за собой полный отказ от ранее «объективных научных знаний об обществе и законов общественного развития». Так что же представляют собой общественные науки? Изложены подход к этой проблеме известного немецкого социолога М. Вебера и авторский взгляд на возможности и ограничения современного обществоведения.

Ключевые слова: обществоведение, СССР, распад, отказ, М. Вебер, рациональность, религия, неоязычество, потенциал, ограниченность.

Abstract. The problem of essence of social sciences came acutely to the fore after the disintegration of the USSR and revision of many principal concepts accepted in the days of Soviets. The change of the regime and system entailed a full denial of formerly «objective and scientific knowledge about society and laws of social development». So what are these social sciences like? The report gives evidence for the approach to this issue of the famous German sociologist M. Weber and the author's point of view at potential and limits of modern social science.

Keywords: social science, USSR, disintegration, denial, M. Weber, rationality, religion, neopaganism, potential, limits.

Советские общественные науки

В XX в. произошел замечательный социальный эксперимент — 70 лет просуществовал СССР, который образовался и строился по объективным (sic!) законам общественного развития. Хотя Октябрьский переворот, который впоследствии получил величественное название «Великая Октябрьская социалистическая революция», осуществился вовсе не в связи с Марксовым законом «всеобщего капиталистического накопления», тем не менее «марксистская наука об обществе вооружила пролетариат и его партию *подлинно научным*

знанием законов развития общества, движением его вперед, к социализму и коммунизму, и является несокрушимым теоретическим фундаментом политики Коммунистической партии (курсив наш. — В.П.). Каждый новый шаг в развитии общества подтверждает истинность этой науки» [1, 559].

Таким образом, с первых лет советской власти общественным наукам предавалось исключительно важное значение: «В условиях диктатуры пролетариата научная работа стала частью социалистического строительства. Непременным условием успешного развития науки в соответствии с новыми задачами являлось ее перестройка на марксистских основах. Поэтому одним из важнейших и неотложных направлений в области организации науки было создание сети марксистских учреждений по общественным наукам» [2, 10].

Наука становится приводным ремнем партии подобно профсоюзам и другим общественным организациям. Отныне все немарксистские идеи и взгляды объявляются политически вредными, ненаучными и противоречащими законам общественного развития. И так, наука оказывается на службе у государства, под пятой партии, поэтому не удивительно, что апология режима — одна из первейших функций общественных наук в СССР. Тем более что со строительством «научного коммунизма» дела пошли не лучшим образом. Зато в каждом вузе создали кафедры этой дисциплины.

В 1991 г. распался СССР, видимо, под действием неких иных законов общественного развития, и прекратилось автономное существование партийных общественных наук, как оказалось, оторванных от реальных социальных процессов и хозяйственной практики. Произошли переоценка ценностей и поворот на 180 градусов. Оказалось, что в отличие от естественных наук поменять знак + на – в оценке одних и тех же событий ничего не стоит. Советские общественные науки вместе с советской властью прекратили свое существование. И возник сакраментальный вопрос: а есть ли вообще эти общественные науки? Или они проходят определенный политический цикл и переходят в иное качество, приспособиваясь к новому общественному строю и политическому режиму, порой меняя не только содержание, но и название?

Очевидно, речь идет не об абстрактной эволюции обществоведения, а о людях — носителях других идей, иного духа, который ваяет формы. Тем не менее исторически СССР был, и были советские общественные науки, т. е. это уже научный факт. Значит, эти факты можно системно изучать, что подводит к мысли, что все-таки обществоведение должно быть, но в чем тогда его суть?

Подход М. Вебера

М. Вебер (1864—1920) является крупнейшим западноевропейским социологом и обществоведом. Он пытался обосновать объективность социальных наук, их общезначимость и возможность раскрытия общественных процессов и явлений подобно тому, как их раскрывают естественные науки в природе. Концепция Вебера исходила из тенденции предельной рационализации сознания и мироощущения западного человека, что определяло все стороны общественной жизни от производства и управления вплоть до быта. В этих условиях неизмеримо возрастала роль науки как наиболее чистого воплощения рациональности.

При этом Вебер провозглашает принцип свободы науки от ценностных оценок: наука о факте и фактических связях в «богочуждую эпоху». Фактически он «изымает» из человека нравственный закон в сфере общественной жизни, о котором примерно за 100 лет до него писал еще И. Кант, утверждая: «Судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдованием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу» [3, 733—734].

Исходя из этого, Вебер заявляет о том, что наука и религия несовместимы, а индивид должен принести в жертву интеллект ради религии. Все нравственные оценки относятся только к религиозной сфере, влияние которой на людей в связи с рационализацией сознания все более снижается. То есть наука, по Веберу, изучает действия рационально организованного бездушного человека, нравственная оценка которого невозможна. Фактически мы имеем дело с формализованной сухой системой фактов без аксиологии. Но человек — природное явление, он совершает в каждый данный момент свой нравственный выбор, даже если формально не принадлежит к какой-нибудь конфессиональной группе, чего нет в природе, где действует жесткий детерминизм.

Человек имеет не только разум и волю, но и чувства и совесть, что вполне очевидно проявляется в истории и общественной жизни. Жаль, что Вебер не дожил до нацистского режима в Германии. Было бы интересно узнать его научное объяснение возникновения в рациональной стране такого иррационального режима, который за несколько лет перевернул всю общественную и политическую жизнь в Германии.

А теперь попробуем применить методологию Вебера к таким значимым явлениям (социально-политическим экспериментам), как

возникновение и распад СССР. Голые факты: Октябрьский переворот 1917 г., Гражданская война 1918—1922 гг., создание и юридическое оформление СССР в 1922 г., распад СССР в 1991 г. События, которые происходили в СССР за эти годы, вряд ли заинтересовали бы Вебера с научной точки зрения. Ведь весь эксперимент закончился неудачно, и мало ли стран канули в лету за долгую историю человечества?

С точки зрения буржуазного апологета Вебера, весь советский строй представляет собой сплошную иррациональность: национализация частной собственности, закрепощение крестьян, ликвидация частной инициативы, создание культа личности и т. д. Для Вебера распад СССР был бы вполне закономерным и естественным явлением, полностью укладывающимся в его концепцию рационализации истории и социального действия. В этом случае СССР представлял некий исторический выкидыш, не затронувший по большому счету генеральный путь передовой западной цивилизации.

Однако методология Вебера не объясняет многочисленные победы в разные столетия иррациональной российской системы над рациональной западной цивилизацией. Более того, по Веберу, после распада СССР Россия должна была бы встроиться в некий третий ряд зависимых от Запада рационализирующихся стран. Однако этого не произошло, и по-прежнему существует вековая пропасть между Западом и Россией. Иными словами, концепция Вебера может только до некоторой степени объяснить исторический путь западной цивилизации, которую он считает вершиной человеческого развития. Всем остальным остается только подстраиваться под указанный путь развития, что вполне укладывается в современную концепцию западного глобализма.

Тем не менее к достоинствам веберовского подхода можно отнести следующие элементы: наука должна оперировать фактами и выявлять фактические связи между процессами и явлениями. Кроме того, для Вебера отправными точками изучения исторического и социально-экономического процессов являются религиозные взгляды и представления, что убедительно показано в его работах.

Однако мы не можем согласиться с его абсолютизацией рационализации мирового процесса, фактическому отказу в праве на свой органичный путь развития незападным странам и цивилизациям. И весьма странным после веберовского «расколдования мира» звучит такое его откровение: «...нужно обратиться к своей работе и соответствовать “требованию дня” — как человечески, так и профессионально. А данное требование будет простым и ясным, если каждый найдет своего демона (sic! — *В.П.*) и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни» [3, 735]. Вот так и рационалист?!

Наш подход

Итак, общественные науки могут изучать все социальные процессы, протекающие в истории и самого человека — автора этих процессов. Однако у них есть естественные ограничения, связанные, как указывалось выше, с надприродной сущностью самого человека. Человек до определенной степени является частью природы и подчиняется, если хочет выжить, ее законам. Законы общества не имеют такого безусловного характера, отсюда возможность их нарушения без немедленной смерти преступника. Потом эти законы можно постоянно менять, как мы видели в случае с советским экспериментом. Современный закон, что на Западе, что на Востоке, выражает волю господствующего класса, одетую в привлекательные одежды верховенства закона, соблюдения прав человека, разделения властей и т. п.

Итак, вполне очевидно, что в истории действует свободная человеческая воля, которая отнюдь не всегда соответствует веберовскому пониманию рациональности. Человеческое бытие началось с религии, т. е. связи человека с Богом. Затем по вине человека произошел разрыв этой связи. Постепенно большинство людей стали забывать об истинном Боге и начали поклоняться различным животным, природным явлениям, «злым и добрым духам», изобретать свое искаженное представление о божестве. Этот кризис человеческого сознания называют языческим периодом в истории человечества.

Тем не менее Божественный Промысл осуществился, как и глаголили пророки, и в недрах Богосозданного народа произошло величайшее событие, изменившее весь ход мировой истории — Боговоплощение. Бог стал человеком, невинно пострадал на кресте за все людские грехи, чтобы вновь соединить человека с Творцом.

Собственно Вебер и стал изучать связь различных духовных представлений и практик с социально-экономическим устройством общества. Начав за здравие, закончил он за упокой, ибо не наука не совместима с религией, а научные методы познания не годятся для изучения духовного мира вообще и духовного мира человека в частности. Человек принадлежит двум мирам: физическому и духовному, поэтому знание о человеке и обществе должно основываться как на науке, так и на религии.

Наш подход сводится к соединению научного и религиозного изучения общественных явлений и процессов. Для этого выделяются четыре уровня системного анализа: 1) духовно-религиозный; 2) социокультурный; 3) социально-экономический; 4) технико-экономический. На четвертом уровне можно изучать технологию и организацию производства во всех сферах человеческой деятельно-

сти. На третьем — анализируется социальная структура общества, экономические показатели, разрыв в доходах различных слоев населения и т. д. Это все — сферы приложения научного анализа на основе фактических статистических данных как в стоимостном, так и в натуральном выражении.

На первых двух уровнях выявляются тип цивилизации и национальный культурный код, имеющий религиозные корни. В этой сфере чисто научный подход, по Веберу, — фактологический без ценностных оценок — невозможен. Здесь мало статистических показателей, да и количественными оценками качественные характеристики той или иной цивилизации не объяснить.

Исторически христианство и ислам, например, формировали различные типы цивилизации и культуры, различные социальные действия и политические устройства. А если заглянуть еще глубже, то мы увидим значительные качественные различия по многим характеристикам внутри христианства между православными и католиками, католиками и протестантами и т. д. Внутри ислама нечто подобное существует между суннитами и шиитами.

Правда, с точки зрения Вебера, его европоцентризма и рационализма, все это — глубокая история, а теперь (тогда — в начале XX в.) Запад с его рационализмом и антропоцентризмом — вершина и образец цивилизационного развития, а все остальное не имеет принципиального значения. Все бы хорошо, но уже в XXI в. ислам вдруг ожил и вновь активно выступил на мировой арене, совершенно не соответствуя рациональным построениям М. Вебера. Да и сама Европа Вебера, потеряв в значительной степени свои христианские корни, «расколдовав» их, оказалась практически беззащитной от наплыва мусульманских пассионариев.

Итак, пользуясь методологией Вебера, не только нельзя понять смысл истории, но и объяснить идеологическое и политически воинствующее возрождение мирового ислама. Хотя известно, что Запад и, прежде всего США, финансово и организационно принимали активное участие в формировании многих исламистских военизированных организаций. Если бы действовали только рациональные конструкции Вебера, то, выполнив волю Запада, эти организации ушли бы в тень до следующего западного рационального решения по их использованию.

Однако они выходят из-под контроля и преследуют свои собственные цели, совершенно не рациональные и даже вредные с точки зрения Запада. «Наука Вебера» здесь не работает. Корректное объяснение лежит в области вероисповедания, а именно в рамках исламской эсхатологии. Поэтому наш метод соединения науки и религии в

анализе общественных процессов и явлений может дать наиболее полный ответ на интересующие нас вопросы. Разъединение же этих важнейших составляющих исторического и социального анализа может дать некое бесплодное знание непонятных фактов и необъяснимых общественных связей.

Возвращаясь к Веберу, резонно задать вопрос: а откуда взялись, собственно, такие методологические построения «буржуазного Маркса»? На наш взгляд, сам Вебер многое объяснил в своем докладе, прочитанном им в 1918 г. (незадолго до смерти) в Мюнхенском университете. Выше упоминалось его, на первый взгляд, странное обращение к демонам, ткущим нить его и всемирной жизни. Однако многое становится ясным, если мы вчитаемся в текст этого доклада. Вебер прямо выступает с антихристианских позиций, заявляя, что наша «судьба жить в богочуждую эпоху» [3, 731].

По этому поводу он утверждает, что «сегодня это стало религиозными “буднями”» [3, 727]. И тут же продолжает: «Многочисленные древние боги, лишенные своих чар и принявшие, следовательно, образ безличных сил, выходят из могил, стремятся завладеть нашей жизнью и вновь начинают вести между собой свою вечную борьбу» [3, 727]. Эдакая научная констатация возрождения язычества. Доклад вообще пестрит упоминанием различных языческих богов и даже дьявола. И еще, Вебер делает замечательное признание, что «... как может, с одной стороны, верующий католик, с другой — масон (sic! — *В.П.*), слушая лекцию о формах церкви и государства, как могут они когда-либо сойтись в своих оценках данных вещей?» [3, 724]³.

В целом, после рационального анализа этого замечательного доклада приходишь к мнению, что М. Вебер имеет два лица. С одной стороны, он западный обществовед-рационалист, а с другой — масон, но даже не атеист, что среди масонов случается, а самый настоящий неоязычник. В том же докладе Вебер часто ссылается на Л. Толстого, который не видит, по его мнению, смысла истории и жизни отдельного человека, так как смерть обесмысливает все индивидуальные и общественные процессы. За подобные идеи и ряд других откровенно антихристианских выпадов Толстой и был отлучен от Церкви⁴, что, очевидно, и привлекло благосклонное внимание к его личности немецкого обществоведа.

³ Уже могут — после решения II Ватиканского собора в начале 1960-х гг. об отмене запрета католикам вступать в масонские ложи. Папа Римский продолжает сдавать свои позиции, о чем М. Вебер еще и не подозревал.

⁴ Подробнее см.: [4, 180—195].

Зато Вебер не разделяет евангельского реализма нашего Ф.М. Достоевского, и просто неверно интерпретирует его Легенду о Великом инквизиторе [3, 698—699]. Поэтому Вебер не в состоянии увидеть в Достоевском великого политолога, а точнее историософа, удивительно коротко и точно выразившего смысл истории и человеческой жизни: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Если конец истории предопределен Божественным промыслом и закончится Страшным судом и низвержением дьявола, то судьба человека зависит от выбора его свободной воли: участвовать в своем спасении или нет...

Литература

1. Краткий философский словарь. М., 1954.
2. Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925). Л., 1968.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
4. Петров В.К. Бремя страстей человеческих: духовно-религиозная, историческая и семейная трагедия Льва Толстого // Страсти по Толстому / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Елец, 2005.

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

Новая хозяйственная модель для русской Евразии: ответ на цивилизационные угрозы и вызовы

Аннотация. Уход от современной колониальной модели экономики требует учета важнейшего принципа управления: организационные отношения идентичны культуре национальной среды, а организационные принципы экономики и бизнеса являются производными от ценностей и принципов нашей русско-евразийской цивилизации. В статье указывается, что перестройка всей системы управления экономикой требует отказа от государственной либерально-монетаристской идеологии. Национальная модель экономики может быть разработана только на основе национальной идеологии развития страны, которая должна отражать ценности и принципы жизнедеятельности всего народа и общества в целом. Делается вывод: именно Россия должна предложить миру модель, основанную на принципах общинности и коллективизма, солидарности и справедливости. Только таким образом мы

сможет преодолеть исламский фундаментализм и другие формы экстремизма и шовинизма.

Ключевые слова: колониальный тип управления, организационные отношения, ценности и принципы жизнедеятельности, либерально-монетаристская идеология, национальная идеология, «сверхклассовая точка зрения», третий путь в экономике, модель солидарного общества, модель конфликта, исламский фундаментализм, формы экстремизма и шовинизма.

Abstract. The author emphasizes that the departure from modern colonial economic model requires taking into account the most important principle of management: organizational relationships are identical to the culture of national environment, and organizational principles of Economics and business are derived from the values and principles of our Russian-Eurasian civilization.

The author indicates that the restructuring of the entire system of economic management requires the refusal from the state liberal monetarist ideology. The national model of economy can only be developed on the basis of national ideology of development of the country, which should reflect the values and principles of life of all people and society in General. The author makes an important conclusion: that Russia must offer to the world the model, based on the principles of communality and collectivism, solidarity and justice. This is the only way we can overcome Islamic fundamentalism and other forms of extremism and chauvinism.

Keywords: colonial type of management, organizational relationships, values and principles of life, liberal monetarist ideology, national ideology, «superclass point of view», the third way in the economy, the model of a solidarity society, model of conflict, Islamic fundamentalism, forms of extremism and chauvinism.

Производный характер государственной идеологии от ценностей и принципов национальной жизнедеятельности

Начнем с того, что сегодня в России господствуют «*запирающие технологии*» управления национальной экономикой и бизнесом (В.Г. Белолипецкий), основанные на импорте западных институтов управления, соответствующих принципов и технологий. В итоге система управления экономикой России получает все важнейшие импульсы развития извне, а кабинет министров и все высшие управленцы оказываются в положении «учеников».

Принципиально важно понять, что развитие любого общества и его национального хозяйства жестко подчиняется ключевому закону, который гласит: *организационные принципы экономики и бизнеса яв-*

ляются вторичными, производными от ценностей национального бытия и принципов жизнедеятельности, организующих жизнь всех сфер общества, созидая духовно-идеологический потенциал, который удерживает все общество от развала [1, 25].

Организационные отношения идентичны культуре своей среды. А Россия — это русская Евразия. Культура нашей страны-цивилизации является восточной, произрастая из трех великих духовных источников: *православия* как восточного христианства; *ислама* и *буддизма*, укорененных в России.

Чтобы уйти от навязанной нам во времена Ельцина колониальной модели управления, мы должны перестроить всю систему управления национальным хозяйством на основе структурного единства: 1) базисных ценностей нашей русско-евразийской цивилизации — русского духа; 2) принципов жизнедеятельности, организующих жизнь всех сфер общества, созидая каркас, который удерживает все общество от развала; 3) организационных принципов экономики и бизнеса, производных от ценностей и принципов нашей русско-евразийской цивилизации, культурное ядро которой исторически создано русской культурой и русским православием.

Именно этот закон и его принципы должны быть положены в основу русской школы управления и новой модели национального хозяйства России как русской Евразии [1, 11—26].

Национальная и государственная идеология: различия и механизм подмены

Выбор идеологии — это мировоззренческий выбор, а значит — выбор системы духовных ценностей и соответствующих принципов жизнедеятельности. Суть проблемы здесь заключается в том, что так называемая свобода выбора в сфере национальной идеологии относится к категории политических мифов, выполняя функции информационного оружия, лишая страну стратегии, а значит, будущего и стратегии общенационального развития. А выбор стратегии, опирающейся на государственную (общенациональную) идеологию, — это всегда выбор будущего, который, в свою очередь, всегда является мировоззренческим. Очевидно, что происходящие в стране реформы, включая реформы в сферах культуры, образования и воспитания молодежи, также имеют мировоззренческий характер. Отсюда понятно, что свободы выбора в сфере государственной идеологии нет и быть не может. Речь идет о поиске *национальной идеологии развития*.

Существует ли различие между государственной и национальной идеологией? На первый взгляд может показаться, что речь идет об одном и том же, а именно, о системе работающих принципов, органи-

зующих работу государства, реализацию социально-экономической политики.

Однако в реальности государственная идеология может быть как национальной — отражающей ценности и принципы жизнедеятельности всего народа и общества в целом — так и антинародной, антинациональной и даже антигосударственной, подрывной — в случае, например, государственного переворота — путча, когда в стране происходит узурпации власти, которую захватывают насильственным путем, решив навязать стране и всему народу свои ценности и западные идеалы [2, 67; 3, 52—55].

Таким образом, государственная идеология может совпадать с национальной идеологией развития только в случае, если идеология государства отражает и выражает национальные интересы и ценности, а не узкоклассовые — якобы «общечеловеческие» — ценности крупной буржуазии, олигархических капиталов и «офшорной аристократии».

Надклассовая идеология работающих собственников, поиски сверхклассовой точки зрения

Формулу новой хозяйственной идеологии предложил еще в 1925 г. великий русский философ Николай Бердяев в статье «Дневник философа». Речь идет о том, чтобы очистить ее от господства классовых, «общечеловеческих» ценностей крупной буржуазии и олигархических капиталов, а также о том, чтобы в основу процесса выработки этой идеологии положить «надклассовый» подход. Н.А. Бердяев в частности, подчеркивал: «Безумие думать, что можно победить коммунизм в мире возвратом к капитализму. Мир идет к новой организации труда и к освящению труда... Сверхклассовая точка зрения совсем не есть буржуазная точка зрения, как и не пролетарская» [4, 526].

По сути, Бердяев еще 80 лет назад указал на «третий путь» в экономике, назвав такой подход *сверхклассовой точкой зрения*, противоположной классовому эгоизму. Этот путь законодательно закреплен в России законом Государственной Думы ФС РФ «О народных предприятиях», принятом в конце 1997 г. Речь идет о создании коллективно-трудовых предприятий, в рамках которых работники превращаются из наемных в работающих собственников — совладельцев всего общественного капитала [5, 1098—1102].

В рамках таких предприятий преодолевается разрыв между собственностью, трудом и морально-нравственными ценностями. Труд соединяется с этикой трудового хозяйства, а собственность в своем движении начинает подчиняться законам нравственности. Это и есть то онтологически «третье», которое возвышается как над соб-

ственниками капитала, так и над работниками. Это и есть — «третий путь» общественного развития [5, 1078—1098].

Подчеркнем еще раз: классовая государственная идеология здесь превращается в идеологию национальную, подчиняясь уже не эгоистическим интересам и ценностям отдельных классов, социальных и этнических групп, а интересам самых широких слоев населения, т. е. общенациональным, или просто — национальным интересам, а подлинно национальными являются интересы всей нации, всего народа.

Солидарное общество как идеал русской Евразии

Общественным идеалом российской цивилизации является *солидарное общество*, в основе которого лежат не конфликт и конкуренция, а взаимопомощь и сотрудничество всех его членов, разных социальных, этнических, религиозных и политических групп. Стремление к солидарному обществу пронизывает историю России, находя отражение в принципах соборности, в симфонии государства и Церкви, в опыте общины, прихода, артели, казачьего круга, совета, коммуны. Принцип солидарности означает, что «все солидарны в одной общей цели, и что идет на благо одним, служит благу всем» [7, 651].

Однако утвердившая свое господство в России после переворота 1991 г. либеральная и полукриминальная буржуазия, ориентированная на западные ценности, не согласна с этим идеалом. Либеральная модель конкурентного общества, основанного на жестком индивидуализме и конкуренции, является *моделью конфликта*. Это модель перманентной гражданской войны богатых с бедными, богатого меньшинства с бедным большинством.

Более того, несмотря на явное банкротство либеральной модели «открытого общества» и «свободного рынка», основанной на идеологии рыночного фундаментализма, представители офшорной аристократии продолжают настаивать на необходимости развиваться в рамках тупиковой рыночной модели. Они утверждают, что в провалах планов модернизации страны «виноват народ», «виновата страна».

По сути своей это — *вызов всей нашей русской Евразии*.

Новая хозяйственная модель России как инструмент идеологической борьбы против ИГ (ИГИЛ)

Чтобы ответить адекватно на все угрозы и вызовы, Россия должна быть макроконкурентоспособна, должна предложить всему миру такую цивилизационную модель, которая вдохновит людей, отвернувшихся от Запада как синонима порока и зла. Но пока мы не готовы, мы — демобилизованы.

Сегодня политическую альтернативу западной либеральной модели предлагает исламский фундаментализм. Социальная модель ИГ (ИГИЛ): 1) утверждается исламское государство — мусульманская община, основанная на солидарности и принципах социальной справедливости [7, 140]; 2) провозглашается монополия государства на производство и продажу предметов первой необходимости (риса, хлеба, мяса, промышленных товаров); 3) запрещается ссудный процент (рибы). Кто сможет возразить по существу этой модели?

Суть же проблемы в том, что это Россия должна предложить миру модель, основанную на принципах общинности и коллективизма, солидарности и справедливости: «хлеб должен быть для всех», а государство — жестко контролировать производство и продажу предметов первой необходимости (риса, хлеба, мяса, промышленные товары).

Исламские фундаменталисты обличают Запад, отвергая капитализм и его денежные ценности. Но разве у нас нет гораздо больших оснований обличать капитализм и пороки Запада? Подчеркнем: не только олигархическая, но и капиталистическая Россия глубоко враждебна русской Евразии, которая по сути своей является некапиталистическим и многоукладным обществом.

Однако до тех пор, пока Россия продолжает развиваться на основе модели либеральной экономики США, мы обречены на поражение в глобальной конкуренции мировых держав, так как, идя за Западом, не можем предложить миру социально значимую модель общественного развития. Выбор модели развития всегда является мировоззренческим выбором. Это выбор системы ценностей, принципов жизнедеятельности и общенациональной стратегии, а значит, будущего. Однако руководство страны и управленческая элита, по сути, оказались по разные стороны баррикад, а это остро ставит вопрос о подготовке новых управленческих элит. И эта проблема будет только обостряться⁵.

В заключение подчеркнем: необходимо *укоренить модель национального хозяйства на принципах национальной хозяйственной идеологии*, определяемой принципами общинно-коллективистской жизнедеятельности и ценностями русской Евразии как страны-

⁵ «Мы явно столкнемся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда. Некоторые западные политики уже страшат нас не только санкциями, но и перспективой обострения внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некоей “пятой” колонны — разного рода “национал-предателей” — или рассчитывают, что смогут ухудшить социально-экономическое положение России и тем самым спровоцировать недовольство людей» (В.В. Путин [7]).

цивилизации. В итоге все это позволит нам сформировать организационные основы модели «третьего пути» России. Выбора у нас нет.

Литература

1. *Олейников А.А.* Национальная экономическая модель в системе национального хозяйства суверенной России: выбор стратегии, выбор будущего // Российская модель управления: анализ и рекомендации к применению: Сб. ст. по матер. науч.-практ. конф. М.; Ханты-Мансийск, 2014.
2. *Олейников А.А., Алещенко В.А.* К вопросу о том, какая идеология господствует в современной России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 9.
3. *Олейников А.А., Алещенко В.А.* Идеологический плюрализм и проблемы ограничения суверенитета страны: к вопросу о противоречиях ст. 13 Конституции РФ // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 11. Ч. 2.
4. *Бердяев Н.А.* Дневник философа (Спор о монархии, о буржуазности и о свободе мысли) // ПУТЬ: Орган русской религиозной мысли / Под ред. Н.А. Бердяева. 1926. № 4. Июнь—июль.
5. *Олейников А.А.* Политическая экономия национального хозяйства. М., 2010.
6. *Соловьев В.С.* Философское начало цельного знания. Мн., 1999.
7. <http://argumenti.ru/politics/2014/03/326548>.
8. Аттарика. Бейрут, 1987. № 4.

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Перун или Зевс? Булгаков или Хайдеггер? (философско-хозяйственный и психологический этюд)

Аннотация. Суть культур — духовные идеалы людей. Корень принципиального различия мировоззрений двух христианских культур, либеральной и российской, в их долгих языческих истоках. Главная особенность древней славяно-русской веры и культуры в гармонии, единстве мира. В нем в согласии едины боги, природа, люди. Люди в нем — внуки, а не рабы богов, кровные родичи, а не чуждые создания. В славянской мифологии нет тем убийства или унижения родичей, коварства, предательства, подлости, распутства, аморализма, смешения мира богов и людей, которые представлены в мифологии Греции. Славянской Бог Вышень — абсолютный Идеал, в Любви он

стремится к соединению всех его производных в единое Целое. Позже в русской религиозной философии этот принцип определен как идея Всеединства. В западной языческой культуре преобладает нисходящий идеал: боги — существа с божественным человеческим телом и низменной нравственностью людей. В славянской — восходящий идеал: в ней люди, потомки богов, стремятся к божественному совершенству духа и нравственности. Сегодня нисходящая либеральная культура вошла в завершающую фазу своего заката.

Ключевые слова: уровни и смыслы бытия, идеалы, культура, рождение и закат культур.

Annotation. «Perhun»: the core of cultures is in the people's spiritual ideals. The root of fundamental difference between the mindset of the two Christian cultures — the liberal and the Russian one — lies in their remote pagan origins. The key feature of the ancient Slavic-Russian belief and culture is the harmony and unity of the world. It unites gods, nature and people, all being in agreement. In this world, people are grandsons and granddaughters, not slaves, of gods, they are blood kinsmen, not alien creatures. The Slavic mythology avoids topics of murders and humiliation of kinsmen, wives, treachery, meanness, debauchery, lack of morals, mixture of gods' and people's worlds, while same are present in Greek mythology. Vishen, a Slavic God, is an absolute ideal, striving to combine all his derivatives into a single Whole, for the sake of Love. Later, this approach was defined in the Russian religious philosophy as the idea of the Total Unity. The Western pagan culture is based on a descending ideal, where gods are creatures with godly human body and the low morals of people. The Slavic one is based on an ascending ideal, with people being children of gods, striving for godly perfection of spirit and morals. Today, the descending liberal culture has entered the final stage of its decline.

Keywords: levels and meanings of existence, ideals, culture, rise and decline of cultures.

Россия переживает время принципиального обновления. Трудности перемен тесно переплетены в развитии с удивительно высокой сплоченностью общества вокруг идеи опоры на национальную интеллектуально-культурную традицию. При этом почти не замеченный массовым сознанием Указ Президента РФ № 808 от 24. 12. 2014 г. «Об утверждении Основ государственной культурной политики», многими представителями российской социальной науки был воспринят как важнейший идеологический документ, определяющий не только основы российской политики, но и будущую философию жизни российского общества. Указ фиксирует культурную самобытность

духовных, морально-нравственных и эстетических ценностей российской жизни.

Оценить степень влияния российской науки на принятие фундаментальных решений в государственной политике не просто. Понятно, что речь идет не о прямом отклике, а о качестве обратной связи в ноосфере взаимодействия элит, о диалоге интеллектуально-духовного сообщества и структур власти.

Сегодня на повестку дня встают вопросы: как будет выглядеть проекция российской традиции в будущее? что сегодня представляет собой непреходящий «русский фактор»? [1]. В чем заключается не только своеобразие, но и преимущество русской модели хозяйства перед западной, либеральной культурой и на уровне долгих смыслов бытия, и на уровне социально-хозяйственной, и на уровне частной жизни?

Теория системного оптимума развития (ТОР) представляет собой раздел современной философской антропологии и философии хозяйства. Полагая, что утверждение Протагора о человеке как «о мере всех вещей» верно и ныне, ТОР обращает внимание на ключевую роль психологического фактора в социальных науках. Это утверждение верно не только в отношении малых и коротких социальных явлений, но и таких масштабных, живущих тысячелетиями, социальных систем, как культура [2; 3].

С позиций ТОР стержнем и сутью культур являются духовные идеалы людей, отраженные в избранной религиозной системе и более ранних, мифопоэтических представлениях о гармонии человека и мира, существовавших в истории народов значительно дольше. Цивилизация — вторая значимая сторона культурно-цивилизационной системы. Функцией цивилизации является создание социальных форм для реализации идеалов культуры. В этом сопоставлении важно помнить утверждение Платона о том, что реальность есть лишь тень, искаженно отражающая суть идей. В культурологии расцвет цивилизации часто связывают с началом упадка культуры [4]. Закат культурно-цивилизационного цикла в истории народов всегда проявляется падением духовных и нравственных идеалов, обесцениванием долгих и средних смыслов бытия, готовностью променять их на сиюминутные простенькие материально-биологические радости, на социальную безответственность под лозунгом личной свободы.

Молодые культуры всегда опираются на жесткие нравственные и духовные принципы. Те, кого называют варварами, как «санитары культур» всегда приходят на смену одряхлевшим цивилизациям, превращая их в почву для своего будущего расцвета. Сигналом к завоеванию молодыми культурами падающих цивилизаций является «запах

нравственного тлена». Так в свое время поступили германские племена во времена упадка Римской империи, так было позже — так было всегда. Сегодня при отказе многих бывших социалистических государств от обществ «социальной справедливости» на роль основателей новых, «справедливых» культур и обществ претендуют религиозные фундаменталисты. Они предлагают кардинальный социальный регресс как средство от бездуховности стран, ныне доминирующих в мире. Ситуация становится особенно сложной, явно чреватой социальными потрясениями, поскольку на мировое лидерство все еще претендуют страны, представляющие собой угасающую, бесперспективную, дисгармоничную либеральную культуру.

Христианская эпоха российской культуры началась примерно на пятьсот лет позже, чем в Европе. С позиций культурологии это означает историческую молодость и неисчерпанность нашей цивилизации [5]. Православная ветвь христианства, избранная Россией во времена князя Владимира основой достижения духовных целей полагает соборность, духовное и социальное объединение людей. В России всегда были популярны идеи коллективного спасения, «Святой Руси». Протестантская ветвь христианской религии, доминировавшая на Западе в Новое время, в особенности в США, фиксирует внимание своих приверженцев на совершенно иных способах достижения главных целей. Акцент делается на личном спасении, на роли материального труда и успеха. Протестанты склонны считать, что те, кто в итоге будет спасен Богом, еще при жизни отмечены и достатком, и успехом. В православии доминируют принципы бескорыстия, стремление добрыми делами заслужить Царствие Небесное.

Периодическая модернизация экономики и общества представляет собой отражение непрерывного процесса развития культур. В каждой из стран современного мира, успешно проходивших очередную модернизацию, она была эффективной только в случае гармонии основных принципов национальной культуры (общие принципы социальной жизни) и новой идеологии (частные принципы) — избранной модели обновления, соответствия социально-экономических целей национальной идее. Примером тому служат Япония, Германия, Южная Корея, Малайзия, Сингапур, Гонконг, Китай, Бразилия, Индия.

В своей многовековой истории России пришлось пройти многие модернизации. Среди наиболее памятных — крещение Руси, реформы Ивана Грозного, Петра Первого, отмена крепостного права и социалистический, «сектантски-православный», «красный», ленинско-сталинский проект. В советскую эпоху успешность выбранной модели модернизации и развития России кроме верных идей обновле-

ния общества определялась и ее соответствием традициям национальной культуры. Нынешняя модель, основанная на принципах атлантического, протестантского, либерального менталитета, угасающей западной культуры, чужеродна, принципиально противоречит национальной идее и отторгается как иммунной системой общества, потенциально мощной, пассионарной культурой России.

Различия мировоззрений двух христианских культур, либеральной и российской, имеют принципиальный характер. Ответ на вопрос о природе различий не может быть односложным, культурологические дискуссии на эту тему далеки от завершения. ТОР видит корень расхождений в дохристианских истоках культур южно-европейских и северных славянских народов.

История культур показывает, что система «архетипов» (начальных правил, образцов понимания окружающего мира и правил жизни) основывалась на мифопоэтической основе. Эпос как самое раннее мировоззрение появляется в тот момент, когда рождается язык крупных социальных систем того времени — племен и народов. Язык — проявление процесса создания единой знаковой системы, человеческого свойства идентификации и интеграции, принятия другого человека как своего, близкого, как друга, соединения находок отдельных людей в понимании мира в общее богатство. Одновременно с языком развивается индивидуальное и социальное мышление, ибо слово и речь — не случайные, а выработанные совместно системы социальных знаков, проверенные опытом и отражающие суть явлений мира, которые в развитии культуры все точнее отражают его законы. В словах (понятиях, оценках, суждениях, выводах, умозаключениях), в речевой системе формируются и основные инструменты мышления, позволяющие фиксировать полезные находки и идеи людей. В сменяющихся друг друга культурах социальное мышление развивается человечеством и доньше. Оно позволило обрести те знания о мире, которые дали современному человеку возможность осваивать космос, микромир, все отчетливее осознавать глубины собственной души. В эпосе емко и поэтично говорится о сохраненном в памяти социальной общности «прошлом», содержащем целостную картину истории жизни народа. Это жизнь героев-богатырей, находившаяся в гармоничном единстве с миром, смыслом которой было не личное, а общее благо. Это импровизационная поэзия народа, строившаяся на стремлении к «правильному» пониманию закономерностей мира и правдивой передаче потомкам событий былого, «которое ближе к богам, создававшим мир»; это рассказ об образцах, идеалах и способах их достижения.

Миф — тоже повествование, но обращенное к более высоким уровням бытия человека. Он передает представления о богах, о сотворении и конце мира, о месте человека в мире, о происхождении всего сущего и, лишь в заключение, о героях. Миф передает представление о том, чего нет в повседневном бытии. По сути, это древнейшая философия, которая на языке того времени говорила и о творении Космоса, подчиненного Закону Порядка из Хаоса, и о предстоящем конце мира. Мифы — явление более позднее, чем эпос, из которого они, по существу, происходят в процессе развития мышления человека.

В дорелигиозной мифопоэтике разных народов и культур, в том числе славян и западноевропейцев, немало общего (общечеловеческого), но есть и принципиально важные различия. Обычно эти отличия отражают нормы поведения людей, принадлежавших к древним языческим культурам, и существенным образом влияют на этические принципы поведения в современной, христианской эпохе бытия. Следует учитывать, что в западноевропейской культуре, наряду с собственной мифопоэтикой, были сильны влияния языческой греко-римской метафизической и эпической традиции.

В Античной Греции к изначальной сущности относили Скотос (Мглу), из которой возник Хаос. От их союза появились Никта (Ночь), Эреб (Мрак), Эрос (Любовное влечение), брат и сестра Уран (Небо) и Гея (Земля). Уран и Гея породили богов второго поколения — Кронос (Время) и Рею (Течение). Зевс и его жена (и сестра) Гера принадлежат третьему поколению богов [6]. Отношения между поколениями богов в греческой мифологии далеки от идиллических. Уран, чтобы не потерять власть, отправлял своих детей глубоко в утробу Геи-Земли. Гея, чтобы спасти своего младшего сына Кроноса, спрятала ребенка в складках брачного ложа. Когда сын вырос, он оскотил своего отца, сверг его с помощью матери и занял место главного бога. Но этот кармический грех сказался и повторился в судьбе Кроноса. Страхась проклятия отца и не желая передавать власть потомкам, он проглатывал своих детей. Рея, чтобы не потерять младшего ребенка, Зевса, родила его в пещере, а Кроносу дала проглотить запеленатый камень. Выросший Зевс в течение десяти лет вел войну с отцом. Победив, сын также оскотил отца и отправил его в Тартар. Но, прежде, он заставил его отрыгнуть проглоченных им братьев и сестер, сделав их олимпийскими богами.

Зевс, покровитель городов, защитник обиженных, грозный Громовержец, тем не менее, как и многие другие олимпийские боги, обладал свойствами явного эпикурейца. Мифы описывают его многочисленные любовные приключения с богинями, земными женщинами и даже с юношами, правда, некоторые из женщин его отвергли. Свой

брак с Герой Юпитер скрывал триста лет. Как и другие олимпийцы, он вмешивался в дела смертных, помогая на Земле тем героям, которые входили в число его любимцев, а не тем, кто заслуживал помощи по своим нравственным и духовным качествам. В результате между богами возникали настоящие придворные интриги. Создание человека приписывалось Прометею (Провидцу), одному из самых благородных героев греческой мифологии, который похитил у эгоистичных богов — олимпийцев огонь и подарил его людям, зная, что ему придется расплатиться за свой подвиг тяжкими и длительными страданиями по велению Зевса. В споре с Зевсом титан Прометей упрекал его в алчном и жестоком правлении. Судя по всему, именно такими качествами обладала властная элита Греции тех времен. Таковы были и нравственные нормы античного общества. Каковы боги — такова и мораль...

Мифология славян существенно отличается от греко-римской традиции [7]. В ней присутствует миф о «Мировом яйце», типичном для индоарийской культуры. В золотом «Мировом яйце» изначально заключался потенциальный, еще не созданный, не явленный, будущий мир. Мир творится мыслью Бога — Вышенья (Всевышнего), который представляет собой одно из главных воплощений единого Бога — Рода и олицетворяет бесконечный смысл Вселенной, во всем его многообразии. Он заповедовал своим потомкам путь духовного развития и совершенства. Вышень — отец Сварога, создавшего, «сварганившего», Землю и дед главного бога третьего поколения Перуна (Громовержца), носителя закона, силы, справедливости. Порожденный из «Мирового яйца» мир развивается и усложняется, но подчиняется Закону гармонии (лада), согласия, любви. Даже в начальной фазе творения, Яйцо не смогло бы раскрыться без участия женской ипостаси Бога — Любви, отрицающей порожденное «иное» как нечто «чуждое», «враждебное», «не происходящее от Рода». Усложнение мира означает требование возрастания гармонии всех его частей, ради выполнения Замысла Бога. Вышень беспощаден к тем людям, кто искажает путь духовного развития, кто не отвечает добром на добро, после физической смерти их сущности перерождаются в низших мирах. Человек способен позитивно исправить свою сущность только в «Яви», мире реальности, подчиняясь призыву «Прави», мира богов, дающих людям правила, законы и смыслы жизни (некоторые авторы связывают эту сущность с «православием», производя его смысл от задачи славить «Правь», «Правду»). Третья сторона бытия — «Навь» — мир сновидений, иллюзий и смерти, ушедших из жизни людей. Герои и богатыри славян не имеют ничего общего с эгоизмом, это благород-

ные, самоотверженные люди, патриоты, готовые отдать свою жизнь, защищая благо народа.

«Вышень» помогает идти дорогой «Прави», следит за тем, чтобы во всех мирах, и богов, и людей, царили лад, правда и порядок. Ему подчинено и Мировое древо, на котором находится все живое. Ветви Мирового древа, с птицами на них уходят в небо, а корни, в которых гнездятся змеи и черви — в земле. На его ветвях поет птица Сва, Мать Сва (Слава), всеобщая мать всех славян (потомков Сва). Еще одной почитаемой в славянском пантеоне богиней является Лада, жена Сварога и мать Перуна. Это богиня любви и семейного счастья, «Миролюба».

Эсхатологические представления славян о конце мира также связаны с «Мировым яйцом», откуда исходит периодическое развитие миров, и куда все, в итоге, возвращается, где хранится память обо всех предыдущих воплощениях мира. Несложно заметить, что такие представления мало расходятся с представлениями современной науки о развитии космоса из точки «сингулярности», неуклонной инфляции энергии Большого взрыва, которая создает все более сложные формы материальной гармонии, включая разум человека. С позиций ТОР бытие в будущем, если принимать его максимально масштабные задачи, ставит перед человеком вопрос о том, как пережить не только неизбежную конечность и смерть Солнца, Галактики, но и даже предстоящую в будущем «фазовую трансформацию» Вселенной. Выполнение такой задачи возможно лишь при постижении сути Первопричины мира — Абсолюта, Логоса, Бога. Развиваясь и трансформируясь, человек призван слиться с Богом, чтобы остаться с ним в вечности.

Таким образом, в славянской мифологии нет конфликта поколений богов, у каждого из них своя часть власти, свои функции. Главная особенность древней славяно-русской веры и культуры в целостности мира, где в гармонии, в согласии едины боги, природа, герои и люди, которые называли себя внуками, а не рабами богов, кровными родичами, а не чужими созданиями. В славянской мифологии нет тем убийства или унижения родичей, коварства, предательства, подлости, распутства, аморализма, хаотичного смещения мира богов и людей. Славянский Бог Вышень — абсолютный идеал, в любви он стремится к соединению всех его «производных», «порождений» в сложное единое Целое. Это главный закон сотворенного Мироздания. Позже в русской религиозной философии этот принцип определен как идея Всеединства (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков и др.). Несложно заметить, что и в языческую эпоху метафизика двух культур различалась принципиально. Мифы славян акцентированы на самых высоких метафизических смыслах жизни, они логически системны и гармоничны, по-

рождают высокие нравственные принципы. Греко-римская мифология описывает смыслы бытия как гораздо более близкие к жизни земного человека. В ней не только герои, но и боги ищут простых, эгоистичных радостей бытия и попирают ради пустяков установленные нравственные принципы, превращая их в необязательные правила, лишая статуса нравственного закона. Подобная близость к богам может льстить недалеким людям, склонным считать себя богоподобными (пример тому жизнь многих римских императоров), но, несомненно, иллюзорна. Подобный взгляд на мир означает неизбежную смерть таких ничтожных, не знающих идеала и закона богов. Неслучайно христианство, с его высокими духовными и нравственными принципами, легко победило весь пантеон античных языческих богов, оскудевших духом.

В долгую христианскую эпоху западноевропейская (католико-протестантская) и русская православная культуры так же не были идентичны. При всем несовершенстве реальной церкви, в православии не было греха инквизиции. В истории Русской церкви не было тех примеров чудовищного разврата и преступлений, которые не раз имели место на папском престоле в Ватикане [7; 10].

Современным выражением западной культуры является либерализм — рационалистический взгляд на мир и смыслы жизни человека, вольно и упрощенно трактующий нравственность человека. В его основе лежит идея индивидуальных прав и свобод человека, опирающаяся на достаточно короткие, материальные, прагматические, индивидуалистические цели. Основопологающими смыслами жизни нашего общества всегда были противоположные цели. Это идеи общей справедливости, правды, общего блага, движения к интуитивно и мистически воспринимаемым высшим, духовным, долгим смыслам бытия, смыслам коллективного спасения, подчинения личных и материальных интересов общим целям, интересам социальным и духовным [2; 8].

История развития двух отличающихся по исходным, архетипическим идеям культур привела в XX столетии к закономерно различным философским выводам. Немецкий философ-экзистенциалист М. Хайдеггер, «один из последних великих мыслителей Европы», в своей главной работе «Бытие и время» [8] пишет: «Подлинное» бытие является актом радикального обособления. Человек «заброшен» в «Ничто» (космоса и природы), обречен мучиться бессмысленностью и одиночеством. В этом и заключается жизнь. Единственно человеческий смысл и даже радость рождаются из бездны отчаяния, не переставая быть отчаянием. С ним тесно связан ужас, который неопределен и безграничен, как сам мир. В ужасе одежды значимостей

спадают. Ужас не терпит рядом с собой никаких иных богов, он разрывает связь индивида с другими людьми и заставляет его выпасть из системы доверительных взаимоотношений с миром. Ужасом приоткрывается «Ничто». Ничего нет, но это ничто и пустота человеческого существования пробуждают страх и постоянную тревогу, которые становятся чуть ли не главным, содержанием «здесь бытия».

Взгляды М. Хайдеггера — отражение философского мейнстрима в либеральной культуре, в качестве мировоззренческой основы, избравшей индивидуализм. Ценой такого выбора является закономерное разрушение важнейшего источника духовных и душевных сил человека — социальности, гарантированно влекущее к ужасу одиночества [9]. В конце XIX в. Э. Гартман, опираясь на взгляды своего предшественника А. Шопенгауэра, заявлял: «Если страдания жизни резко превышают удовольствия, то основной задачей следует считать не познание бытия, а достижение небытия». Для полного оправдания стремления к реализации греха самоуничтожения он делает не обусловленный ничем, кроме переживания крайне болезненной никчемности и бессмысленности, собственного бытия вывод — «эволюция влечет Вселенную к уничтожению путем осознания ее неразумия и нецелесообразности» [10].

Онтологические принципы русского религиозного и философского гения прошлого века, создателя философии хозяйства, С.Н. Булгакова кардинально иные: «Человек, часть Мира, при создании потенциально уже богочеловек, но раскрывается его богочеловечество тогда, когда человеческое творчество соединяется с Благодатью, “София Тварная” — соединяется с “Софией Божественной”». София же есть душа мира и его первообраз, собрание идей, или «божественных замыслов», отвечающих каждой из вещей и явлений мира, она «просвечивает» в мире «как разум, как красота, как хозяйство и культура». «Назначение человека — открыть софийность в себе и мире». Здесь вступают в свои права социальная и гуманитарные науки, которые при правильной методологической обоснованности дают перспективу познания, достижения «тварной Софии». Задачей социальной науки, согласно С.Н. Булгакову, является «установление и *причинное* объяснение действительности, представляющей арену нравственной деятельности» [11]. С.Н. Булгаков указывает, что «тварная София» постигается, не только интуитивно-мистическим, религиозным проникновением в смыслы бытия, но и научным методом. Так формируется софиологическое и лого-софийное единство познания мира человеком.

Предшественником русских софиологов, врачом, поэтом и философом, известным славянофилом А.С. Хомяковым подчеркивалась

роль социальности в формировании душевно-нравственных и духовных качествах человека, в познании мира. Он утверждал, что «истина, недоступная для отдельного мышления, доступна только совокупности мышлений, связанных любовью. Творцом и источником мира является разумная воля, или, иначе, волющий разум». Современная наука подтверждает справедливость этого взгляда. Социальность — главная сила человека, породившая речь, общество, науку, культуру, религию. Способность к социальной интеграции составляет основу могущества человечества — его интеллектуального потенциала, ибо сознание человека коллективно и исторично, это познание совершенное вместе с «другими». Славянофилы первыми обратили серьезное внимание на такое фундаментальное явление русской действительности, как сельская община.

Таким образом, попытка привить к корню русской духовно возвышенной и гармоничной культуры нечто менее высокое и жизнеспособное показала на практике свою бесперспективность. По-видимому, были правы А. Руги и О. Шпенглер, когда отмечали, что России глубоко чужды принципы индивидуализма, которыми искони живет Запад. Шпенглер говорил о перспективе грядущей русско-сибирской культуры: «Русская жизнь имеет иной исходный смысл, чем наша... Русский дух знаменует собой обещание грядущей культуры. ...Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. ...*Будущее, скрытое в глубоких недрах России, заключается не в разрешении политических и социальных затруднений, но в подготавливаемом рождении новой социальной религии, третьей из числа богатых возможностей, заложенных в христианстве...*» (курсив мой. — Е.Ш.) [16]. Он видел возможность сосуществования Запада и Востока как автономных мировых культур. Наш соотечественник, один из отцов мировой социологии П. Сорокин, полагал, что на месте старой чувственной суперсистемы Запада развивается новая умозрительная суперсистема Востока, которая способствует обновлению этических ценностей, осуществляется переход от старой европейской культуры к новой культуре, носителем которой будут славянские народы. Центр ее будет расположен в Тихом океане, а участвовать в ней будут народы Америки, Индии, Китая, Японии и России.

По-видимому, был прав и Ф.М. Достоевский, который, жалея европейцев, говорил: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное... О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стре-

миться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе... изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!». В этой русской «философии всеединства» сформулирована мысль о выполнении русским народом, народом «почвы», своей всемирно-исторической миссии по всечеловеческому объединению на основе веры, духовности, справедливости.

Сказанное выше побуждает нас смириться с превосходством будущей российской культуры, принять его как сложную, но важную миссию нашего общества. Миссия, как известно, не орден, и вызывает не довольство совершенным ранее, а готовность к новым ответственным и продуманным действиям. ТОР отмечает, что «действительность» и «действие» — слова одного корня. Существовать будет лишь то, что создано действием, это суть любого творчества, в том числе и научного, и социального. Описывая принципы онтологии, Г. Гегель подчеркивал — все действительное, сущее, разумно, и все разумное существует, т. е. действительно. Следуя этому закону, следует признать, что современная школа философии хозяйства, активно растущая и действующая в течение четверти века, явление закономерное, что в самом названии заложена гармония сочетания бинарно-комплементарного свойства — явление не только теоретической, но и практической философии. Мощная и современная школа философии хозяйства развивается потому, что нужна современной науке, современному обществу, нужна как явление тварной Софии, как унаследованный от С.Н. Булгакова «деятельный» и ответственный идеализм.

Сегодня на спекулятивно-сакраментальный вопрос о желании жить, «как в Европе», гражданин России, человек, принадлежащий российской культуре, как и столетие назад, отвечает определенно — ни в коем случае! Совокупный смысл русской жизни не сводится к одному лишь материальному благополучию, он заключен в гармонии материальных, социальных и духовных смыслов бытия. Ни Европа, ни США такого качества жизни не имеют еще и потому, что даже метафизически не претендуют на полноту смыслов бытия. Россия стремится жить значительно лучше, чем предлагает всему миру Запад, предлагает собственную модель софийной организации общественного хозяйства. В плане актуальной практической философии хозяйства ТОР предлагает новую детализированную бинарно-комплементарную модель гармоничного социально-экономического развития страны.

Сегодня Россия способна и должна явить миру новый тип гармоничного человека и гармоничного общества, образец для подражания, вновь стать глобальным лидером духовного, социального и эко-

номического развития. Направление перестроения нашего общества, его сохраняющуюся в культуре мессианскую функцию мы предлагаем определить принципом: сегодня в России — бытие есть принятие ответственности и призывание к гармонии.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Россия и «русский фактор» // *Философия хозяйства*. Специальный выпуск. 2015. Апрель.
2. *Шелкопляс Е.В.* Революция смыслов как условие рождения общества социальной гармонии // *Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства: сб. материалов Международ. науч. конф., 20—22 сентября 2012 г.* / Под ред. Е.В. Шелкопляса. Иваново, 2013.
3. *Шелкопляс Е.В.* Философия хозяйства в начале третьего тысячелетия: метафизика и социально-экономические принципы развития России // *Хозяйство и мысль*. Юбилейный монографический сборник. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015 / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2015.
4. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1 Образ и действительность. Минск, 2009.
5. *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2008.
6. *Зелинский Ф.Ф.* Религия эллинизма. Томск, 1996.
7. *Гейштор А.* Мифология славян. М., 2014.
8. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
9. *Шелкопляс Е.В.* Закат либеральной культуры: философские и психологические корни развития кризиса // *Философия хозяйства*. Специальный выпуск. 2015. Апрель.
10. *Гартман Э.* Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного: Метафизика бессознательного (Из наследия мировой философской мысли: история философии). УРСС, 2010.
11. *Лозинский С.Г.* История папства. М., 1986.

И.Ю. ФОМИЧЕВ

Методологические основания концептуализации современной хозяйственной этики

Аннотация. Предпринимается попытка анализа истоков и закономерностей развития нравственных аспектов современной хозяйственной деятельности. Основное внимание уделяется процессам ин-

ституционализации морали в специфических — организационных и профессиональных — секторах социальной практики.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, моральная регуляция, институционализация морали, концептуализация хозяйственной этики, моральная праксеология, прагматизм, рационалистическая этика.

Abstract. The paper attempts to analyze the origins and patterns in the development of the moral aspects of modern economic. The main focus is on the processes of institutionalization of morality in particular — the organizational and professional — sectors of social practice.

Keywords: economic activity, the moral regulation, the institutionalization of moral conceptualization of ethics, moral praxeology, pragmatic, rationalist ethics.

Нормативное принуждение в социальной среде всегда вызывает определенные напряжения и неопределенные опасения. Особенно это касается моральных аспектов нормативной регуляции, которая нередко почему-то признается исключительной сферой индивидуальных ценностных предпочтений. Однако хозяйственные взаимодействия почти всегда носят общественный и по преимуществу кооперативный характер. В этих условиях вменение внешних по отношению к субъекту социально-нравственных нормативов всегда являлось общепринятой практикой. Мораль образует ценностную основу хозяйственных взаимодействий, определяет базовые принципы для развития этого процесса. Причем важно обратить внимание на то обстоятельство, что в этико-социологическом контексте анализа любой хозяйственной деятельности моральная проблематика проявляется прежде всего функционально, в аспекте нормативной регуляции социального взаимодействия работников.

Вообще говоря, регуляция хозяйственного поведения может происходить под влиянием самых разнообразных воздействий. Это могут быть различные инстинкты, например, инстинкт самосохранения, а также склонности, привычки, влечения и другие естественные по своему генезису и морфологии факторы. Наряду с естественными детерминантами хозяйственные отношения регулируются и собственно социальными детерминантами, среди которых принято особо выделять индивидуальные интересы участников этого процесса. Такие интересы порождаются различными особенностями жизнедеятельности индивидов, в большинстве случаев они конструктивны и способствуют воплощению в жизнь поставленных целей. Вместе с тем стихия индивидуального интереса такова, что, воплощаясь в спонтанно

возникающих формах поведения, она может носить и деструктивный характер. Поэтому возникает обусловленная задачами эффективного достижения жизненно важных целей субъекта необходимость во внешне упорядочивающих хозяйственную деятельность нормативах, непреходящую роль которых традиционно призваны играть юридические законы, должностные инструкции, моральные принципы и т. п.

В различных сферах социальной жизни каждая конкретная нормативность проявляется по-разному, в этом отношении не является исключением и мораль. С точки зрения конкретной социальной группы, например, организационного целого как устойчивого хозяйственного образования, характеризующегося социальным взаимодействием, мораль выступает как механизм закрепления и контроля по отношению к исполнению сотрудниками функций, значимых для достижения целей данной организационной структуры, в том числе обеспечения их (сотрудников) оптимального сосуществования. В отношении же специфической профессиональной деятельности (которую мы отличаем от приватной деятельности, т. е. от всего того, что имеет отношение к личной жизни) мораль проявляет себя особым образом, и для описания этой особой роли исследователями выделяется феномен профессиональной этики, другими словами, фиксируется тот факт, что хозяйственное воплощение человека регулируется особым (письменно закрепленным или неписаным) профессионально-нравственным кодексом.

На концептуализацию современной хозяйственной этики непосредственным образом влияет становящаяся моральность эпохи Постмодерна в России, которая выкристаллизовалась в результате общественно-экономических реформ 1990-х гг. как прямой результат процессов трансформации и диверсифицированного усложнения социальной жизни. Государство в этих условиях утратило свои традиционные позиции источника и носителя идеологических (в том числе и моральных) установлений. В хозяйственной деятельности появились ранее неизведанные сферы предпринимательства с особой российской спецификой, рыночные социально-экономические взаимодействия, где полностью отсутствовали не только моральные, но и опробованные правовые стандарты. Моральные практики в нынешней российской действительности самым недвусмысленным образом обнаруживают этические плюральности и поведенческие фрагментарности.

Постмодернистские методологемы, в рамках которых развиваются мировоззренческие установки российского социального сознания конца XX — начала XXI в., размыли остроту и актуальность морали как внеинституциональной регуляции. Социальные ценностные нормативы приобретают все более рациональный и прагматический

характер в духе концептуальности «рационалистической морали и моральной праксеологии». Сегодня мы массово фиксируем очевидную праксеологическую сущность моральных проявлений в социуме. Общественное моральное сознание дифференцируется и специализируется. Современные профессионалы — из тех, кто намерен победить в конкурентной борьбе за сохранение идентичности собственной профессиональной общности (или просто выжить), предъявляют повышенные моральные требования к представителям конкретной хозяйственной среды. Поскольку нарушение нравственных критериев, принятых в данной профессиональной группе, в современном деловом мире может привести и индивида, и организацию к серьезным личностным потерям, осложнениям в деловых контактах, бойкоту или прямому разорению.

С определенным допущением можно констатировать, что специфика общественной динамики морали в настоящее время заключается в том, что нормы современного морального кодекса индивида и общности наиболее интенсивно и целенаправленно формируются и утверждаются (институционализируются) внутри различных социальных групп, большей частью профессиональных. Они отличаются специфичной технологичностью от универсальных норм социальной нравственности, которые по преимуществу возникали беслично и эволюционно, утверждаясь в социуме на основе общественно-поддерживаемых базовых ценностей. В локальных групповых нормативах содержится значительный элемент корпоративного обоснования, в значительной степени устраняется противоречие локально ценного и собственно морального, а нормы возникающей групповой этики проявляются в виде ожидаемых эталонов специфически-группового поведения, особого рода социотехники группового комфорта и безопасности. Они основываются на деловой конкретике и направлены на культивирование духа партнерства в совместной работе, на исполнение разделяемых в коллективе данной организации норм, на гармонизацию индивидуальных действий.

Хозяйственная этика как институционализированная моральная нормативность в рамках какой-либо социальной группы не создает альтернативной морали, обладающей какой-либо особой сущностью и родившейся именно в этой сфере человеческой деятельности. Современная мораль такого рода, проявляясь в различных секторах поведенческой активности индивида, все более насыщается ее предметно-практическим духом и фактическим содержанием. Более того, в различных человеческих общностях вырабатываются специфические ценностные приоритеты, которые вовсе не обязательно могут совпадать с основополагающими моральными принципами, разделяемыми

в более глобальной общности. Так, в социуме, где в целом люди одобряют (или по разным причинам разделяют) так называемые общечеловеческие ценности, могут сосуществовать различные структуры (политические, религиозные, криминальные и т. п.), которые склонны исповедовать совсем другие по своей сути нормативности.

Примерами могут служить многочисленные внутренние «кодексы», «кредо», «коды» современных объединений и организаций — от крупных корпораций и профессиональных ассоциаций до фанатских движений и разного рода «не для всех открытых» клубов. Другими словами, это не только (и в большой степени не столько) этика социальной толерантности, профессиональной порядочности, а этика эффективного достижения целей общности, исключая возможные проявления соответствующим образом понятого аморализма в профессиональном поведении функционеров. Мораль в данном случае выполняет функцию интериоризированного социального контроля, отвергая одни и предлагая другие средства достижения групповых целей, поскольку в данном случае профессиональные приемы, умения, навыки являются по сути воплощением индивидуальных качеств, обозначают нравственную позицию личности и, что особенно важно, являются инструментом нравственных отношений, средством создания и поддержки значимых для данного вида деятельности ценностей. Функционер распространяет свою моральную субъективность на весь предметный мир своей профессиональной деятельности. Ценностное мироотношение, будучи естественно и легко воспринимаемым коллегами по организации и отражающим понятные движения корпоративного духа, скрытые экзистенциальные смыслы поступков, оказывает значительное влияние на морально-психологический климат в коллективе, на готовность подчиненных выполнять управленческие решения, является ключевым фактором профессионального соответствия и групповой пригодности.

Основополагающие моральные принципы хозяйственной этики не в последнюю очередь зависят от культурно-нравственных традиций социума в целом (как известно, нравственные принципы хозяйственной деятельности на Востоке, например в Японии, совсем не похожи на аналогичные по задачам западные нормативы), а также от той конкретной общности с разделяемыми в ней моральными ценностями, в рамках которой существует эта организационная структура. Генеральные принципы хозяйственной этики оказываются как бы привнесенными из внешнего окружения, а внутри организации формируется специфический поведенческий этос, понимаемый здесь как сознательно культивируемая совокупность функционально обусловленных нравственных детерминант, значимых с точки зрения удовле-

творения жизненно важных потребностей данной профессиональной общности людей или поддержания необходимых условий их совместного бытия. Хозяйственная этика, таким образом, оказывается операционализацией внешне заданных нравственных принципов, своеобразной системой культурно-нравственных механизмов закрепления и контроля в отношении выполнения определенных функций.

Необходимо заметить, что нормативное содержание хозяйственной этики не является неизменным, раз и навсегда заданным. В результате обобщения профессионального опыта появляются новые моральные представления, правила и оценки, а старые — время от времени утрачивают свою функциональность как средство моральной ориентации и одновременно профессиональную прагматичность. Поэтому для субъекта хозяйственной деятельности важно не просто ориентироваться в специфических профессионально-нравственных ценностях своей профессиональной группы, а выработать способность к самостоятельному воспроизведению моральной нормативности в соответствии с разделяемыми в данной общности поведенческими детерминантами.

Ранее институционализировавшиеся сферы профессионально-нравственного сознания трансформируются и модернизируются. Институционализированная хозяйственная этика должна найти свое практическое воплощение и стать одним из эффективных инструментальных факторов как для процессов разрушающейся самоидентификации сообщества специалистов, так и для процессов интенсификации общественного признания профессиональной деятельности и создания благоприятных условий для ее дальнейшего развития как внутри профессиональной группы, так и вовне. Перспективы такого развития в общесоциальном плане, в свою очередь, представляются весьма неопределенными, так как моральная проблематика в целом ныне находится на периферии общественного сознания и традиционная этическая терминология выпадает из актуального лексикона. Понятия «добропорядочность», «репутация», «честность» крайне редко оказываются востребованы, особенно когда речь идет о сфере зарабатывания денег.

Для социально-этической сферы характерны массовидные процессы институционализации морали. В институционализированных структурах прагматические ориентиры человеческой деятельности приобретают специфический ценностный статус, характер всеобщности и универсальности и фактически являются подлинным основанием профессионально-нравственной оценки. Важно подчеркнуть, что институты неизбежно формируют собственную рациональную корпоративную этику, направляя процессы совершенства, консенсуса и

противоборства по обозначенной траектории. Хозяйственная этика по своей природе также имеет функциональный и локальный характер, но в отличие от корпоративной этики обращена не к организационной целостности, а к конкретному виду профессиональной деятельности. Жизнеспособность институциональных моральных концептов в настоящее время зиждется на том, что создается собственная моральная легитимность, актуально востребованная и санкционированная. Поэтому, как представляется, реальная хозяйственная этика может существовать как этика конструктивистского типа в форме комплекса теоретико-нормативных значений, предписывающих пути разрешения специфических антиномий профессиональной деятельности.

Особенно важно то обстоятельство, что жизнеспособность институциональных моральных концептов должны опираться на соответствующую функциональную общность. Функциональную в том смысле, что она способна предъявить профессионально-нравственные требования в духе «этики служения» к своим членам (обозначив соответствующие санкции) и требования, обращенные вовне, направленные на поддержание статуса и создание благоприятных условий развития профессионального сообщества. Без такой организационной привязки хозяйственная этика не обретет прикладного характера и с неизбежностью репродуцируется в разносторонний комплекс бессодержательных деклараций в духе абстрактного гуманизма.

А. КУДРЯВЦЕВ, О.В. БОЙКО-БОЙЧУК

Знание: антиномия целого

Аннотация. В статье обосновывается четыре типа предельных мировоззренческих модели, разворачивающих четыре принципиально различных парадигм знания — сверхъестественное знание, неестественное знание, естественное знание, противоестественное знание. Обосновываются методологические основания перечисленных типов знания.

Ключевые слова: парадигмы знания, сверхъестественное знание, неестественное знание, естественное знание, противоестественное знание.

Abstract. The article explains the four types of utmost ideological models unfolding four fundamentally different paradigms of knowledge —

supernatural knowledge, unusual knowledge, natural knowledge, unnatural knowledge. It considers methodological bases of these types of knowledge.

Keywords: paradigm knowledge, supernatural knowledge unusual knowledge, natural knowledge, unnatural knowledge.

Современному историческому периоду присвоено много определений — эпоха научно-технического прогресса; научно-техническая, технологической революции; культурной революции; информационной революции; интеллект-революции; потребления; инновационного развития; общества знания... Вместе с тем, если «зреть в корень» происходящего, все эти многочисленные определения суть различные составляющие и этапы жизненного цикла формирования пространства коллективного рассудочного (рационального) ума современного человека, предопределяющего и формирующего искусственные рукотворные пространства его жизни.

Быстрый рост энерго-, ресурсно-, информационной вооруженности человека формирует иллюзию могущества и подогревает человека в стремлении к безудержному росту комфорта, стабильности и безопасности своего существования за счет возрастания контроля и эксплуатации естественной природной среды. Другими словами, мы являемся свидетелями и участниками процесса глобального преобразования видимого, материального мира как части Божественного творения умом и волею человека в угоду своей плоти.

Преобразующая способность человека основывается на его знании об окружающем его мире. Здесь мы рассматриваем знание как подтверждаемое практикой представление человека о мироустройстве и процессах жизни, с помощью которых человек ориентируется в мире и выстраивает свою линию поведения. Современный человек является одновременно носителем, производителем и потребителем знания. Знание стало неотъемлемой частью современного человека и его жизни.

Вместе с тем стремительно возрастающий рост преобразующих возможностей и реального влияния современного человека на переустройство видимого мира порождает все более очевидный конфликт как человека с Творением, так и людей между собой в иерархиях взаимодействующих социальных организаций.

На каком бы уровне субъект-пространственной организации цивилизации мы не остановили наш взгляд, всюду возрастающий во времени уровень напряженности (противоречия, конфликты, проблемы), порождаемый доминирующей в обществе культурой отношений, обоснованных и подкрепленных современным знанием.

Налицо очевидное противоречие: стремительный рост знания человека об окружающем мире, о самом себе и обществе, реализуемого в его преобразующей деятельности, сопровождается не менее стремительным ростом противоречий и конфликтов в отношениях человека с Творением и самим собой и обществом.

Коренная причина противоречия — в иллюзорности современного знания, поскольку рост знания осуществляется без стремления постигать сакральное при признании его присутствия, без приобретения знания об устройении Богом человека и мира, духовных законов, лежащих в основе создания мира, законов Божественного управления Творением.

Зафиксируем важное для последующих рассуждений наблюдение. Любое знание аксиоматично. Наиболее наглядно это проявлено в геометрии, где все теоретические построения этой науки суть логические следствия принятых аксиом. Это значит, что в основании любого знания всегда лежат обобщающие, не выводимые из других, понятия, отражающие очевидные сущности (явления, вещи, процессы), признаки которых принимаются на веру. Соотнесение этих предельных понятий (в философии — категорий) формирует предельные мировоззренческие модели, также принимаемые человеком на веру. Вся последующая теория как совокупность выводимых рассуждениями теорем данного знания является следствием логических рассуждений о комбинациях свойств и признаков предельных понятий и моделей.

При этом наиболее общими характеристиками любой модели, отражающей исследуемую реальность, является ее целостность и адекватность — как соответствие сложности модели сложности исследуемой природы.

Таким образом, конфликт овеществленного, материализованного деятельностью человека современного знания с реальным миром, из которого это знание человеком получено, при очевидном наращивании целостности современного знания (возрастающая глубина его детализации и расширение перечня научных дисциплин) прямо указывает на неадекватность исходных, принятых в научной среде предельных мировоззренческих моделей, на которых зиждется это современное знание, реальному мироустройению.

Таким образом, на повестку дня современной науки как генератора современного знания со всей очевидностью встает вопрос о необходимости пересмотра современного научного знания с позиций качественно новых предельных мировоззренческих моделей.

Для построения таких возможных моделей определим совокупность предельных по объему понятий, вбирающих в себя все многообразие мира.

Направление поиска задает тот факт, что в мире не существует народа, в языке которого отсутствовало бы понятие Высшего Начала (Бога). Признание Творца (Бога) порождающим началом всего объективирует второе понятие предельной мировоззренческой модели — Творение. Самоидентификация человеком себя как выделенного мыслящего творческого начала объективирует третье понятие — Человек. Понятие «Человек» мы выделяем из Творения по духовно-тварной природе человека как твари, созданной по образу Творца, которая предназначена для постижения своего Творца в пределах, Им Самим открываемых человеку, и постижения Творения, в том числе самого себя. Таким образом, морфологический ряд предельных понятий, отражающих в себе весь мир, можно отразить схемой (рис. 1а).

Первичность Творца и вторичность Творения, самоосознание человеком себя и своей (человека) свободы в выборе вектора движения и выделение человека как субъекта, познающего существующее устройство мира, задает основополагающую структурно-морфологическую мировоззренческую модель (рис. 1б).

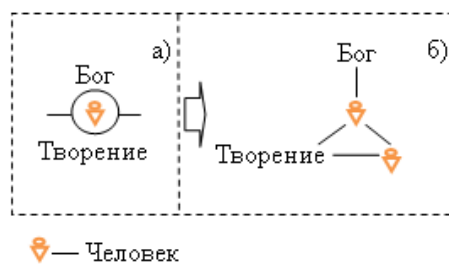

Рис. 1. Предельная структурно-морфологическая модель познания

Знания в такой предельной постановке отражают подтвержденные практикой представления человека о сущности, отношениях, связях и обменах Бога, человека и Творения в процессах мироорганизации.

Предмет нашего исследования — природа антиномии обретаемого человеком знания об окружающем мире. Антиномия (греч. *antinomia* — противоречие в законе) — форма существования и развития противоречия в познании: противоречие, образуемое двумя суждениями (умозаключениями, законами), каждое из которых признается истинным [1].

Другими словами, предмет нашего исследования — природа объективных противоречий в знаниях человека о своем Творце, Его

Творении и самом себе, противоречий, закладывающих первооснования всех проблем и конфликтов жизни человека.

Модель, представленная рис. 1б, показывает, что объективное содержание знания о каком-либо предмете зависит от выбора источника знания; выбранной предельной мировоззренческой модели; фокуса познавательной деятельности (направленности ума), т. е. контекста разворачивания представления об исследуемом предмете. Отсюда причина противоречивости знания — в разном трактовании познающим факты об одном и том же предмете по названным признакам.

Принятая за основание предельная структурно-морфологическая модель познания (рис. 1б) прямо указывает на возможную природу объективных противоречий человеческого знания, а именно — источник знания. Для человека как созданной духовно-тварной сущности объективно может существовать два принципиально разных источника знания об окружающем его мире. Первый источник знания — сам Творец видимого и невидимого мира — наш Господь Бог, Духом Своим открывающий Себя человеку, пример жизни Иисуса Христа и присутствие Самого Себя в избранных Им «сосудах». Второй источник знания — сам человек, его ум, в силу дарованной Богом человеку способности к словесности, а через нее и к собственному творчеству. Заметим, что и это знание, обретаемое усилиями ума, человек получает также по милости Божией и поущению, исходя из Его промысла о получателе знания, и жизни всего человечества или отдельных людей.

Очевидно, что первый вариант знания — знание от Творца — является знанием из первоисточника, т. е. истинным (неизменяемым) знанием. Второй вариант знания — как продукт логических рассудочных реконструкций мира, основанный на работе пяти наших органов чувств — всегда отражает только какую-то часть действительности — и по природе своей всегда не истинен (не постоянен).

Различно и содержательное наполнение этих двух принципиально разных типов знания. Так как знание всегда предопределяется целями существования (жизнеповедения) человека, истинное знание, даруемое человеку Творцом, служит Его (Творца) целям по отношению к существованию человека, а именно целям спасения (Божественного преобразования) души человека и обретения им вечной жизни.

Рассудочное, тварное, душевно-плотское знание человека ориентировано на выживание смертного тела в условиях тварного, искаженного грехом, мира, уводит человека от Бога и обслуживает страсти души человека, приобретающей опыт сочетания с лукавым Богопро-

тивным духом. Это знание, если начинает занимать в душе человека главенствующее положение, ведет к смерти души после смерти тела.

Представления о различиях рассудочного и духовного знания дано в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная таблица характеристик рассудочного и духовного знания

Проявления	Рассудочное знание	Духовное знание
Цели	Обеспечение жизненных нужд человека через подчинение материального мира и людей уму и воле человека, т. е. преобразование внешнего мира под свои нужды	Даровать человеку вечную жизнь с Богом через обожение человека как внутреннее изменение сил человека при его собственном свободном желании и труде измениться силой Святого Духа.
Вектор познания (направление ума)	Познание внешнего мира (мира, вещей, людей...), законов общественной жизни и социальной организации мира	Познание своего внутреннего устройства через познание Бога и законов правосудного управления Богом этого мира
Субъект познания	Человек в качестве внешнего наблюдателя, вынесенный за объект исследования, и ищущий от внешнего только внутренних удовольствий и наслаждений, убегающий от внутренних страданий	Человек, стремящийся через Дух очиститься и сочетаться с Духом Святым для руководства Им в своем спасении через познание воли Божией и желание жить по этой воле
Объекты познания	Мир физической организации; мир биологической организации; мир социальной организации	Бог в доступных человеку проявлениях Творение как естественное откровение Бога Человек как тварно-духовная сущность

Продолжение табл. 1

Метод	Внешние наблюдения, логическая теоретическая реконструкция (через сравнение и аналогизирование), проверка опытом (и др.)	Стяжание благодати Святого Духа посредством благочестивой жизни в духе православной веры
Тип мышления	Рассудочный ум, обращенный к земному	Сердечный разум, обращенный к Небесному
Язык	Искусственный язык науки, язык придуманных сущностей, язык измененных человеком понятий Священного Писания	Духовные истины: Священного Писания и святоотеческого Предания, хранимых в Православной церкви как части открывшейся для познания человеком Истины
Исходные мировоззренческие посылы	Большой взрыв, случайность, эволюция	Творец, замысел, творение. «...В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» (Ин. 1:1)
Соотнесенность во времени	Конечность личностной жизни человека. Тление, и, в конечном счете, смерть (уничтожение) всего живого	Бесконечность личностной жизни человека и той жизни, которой живет Бог
Происхождение носителя знания	Человек — продукт эволюции живых систем, венец этой эволюции	Человек — творение Божие, призванный Богом к вечной жизни
Авторство знания	Человек — генератор мысли	Человек — медиатор помыслов, поступающих извне от мира сил бесплотных
Путь в познании	Вне себя, во внешнее 	Внутри себя, в Царство Небесное, которое внутри нас есть

Продолжение табл. 1

Изучаемые законы	Законы материального мира	Законы духовного и материального мира
Смысл жизни человека как главная установка знания	Удовлетворение своих возрастающих потребностей и продолжение рода	Подготовка к переходу души в жизнь вечную через «странничество» по этой жизни для усвоения духовных законов Творца
Ценностная шкала	Общечеловеческие ценности (текучие, изменяющиеся)	Заповеди Господни (принципы жизни Духа) (постоянные)
Плоды	Удаление человека от Творца, нарастание противоречий и проблем жизнеустройства, в конечном итоге закрепление победы плоти над духом (чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость)	Установление с Богом личностных отношений, т. е. восстановление Богообщения. примирение с Богом, плоды духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание
Субъект формирования истории	Личности и группы, реализующие свои интересы	Дух Святой, создающий идеальные внешние условия для спасения человека и помогающий человеку внутренне преобразиться
Позиция познающего	Борьба с обстоятельствами за выгодные условия своего существования ответы на вызовы целеполагание	Смирение перед внешними обстоятельствами, их осмысление как Божественного инструмента для личностного внутреннего изменения
Границы познания	Принципиальная ограниченность познания (конечность жизни, ограничения языка, моделей, методов)	Бесконечность познания (от славы к славе)

Схема, представленная на рис. 2, отражает логику возможных вариантов протекания жизни человека.

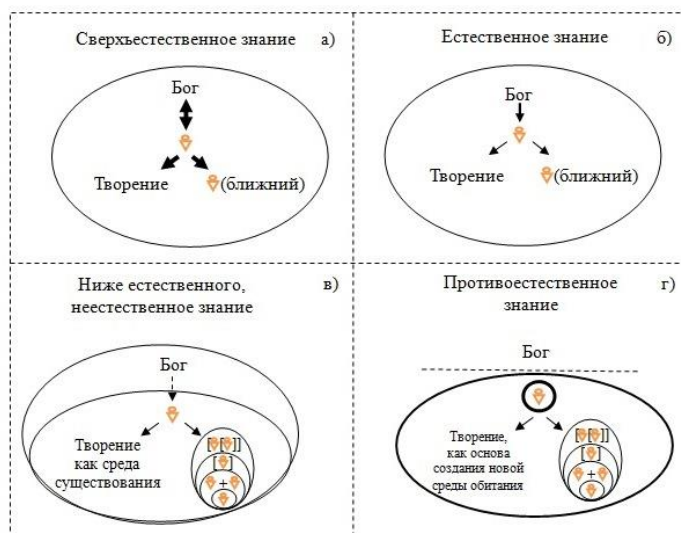

Рис. 2. Предельные мировоззренческие модели знания

Истина и неистина несовместимы, как свет и тьма. Только в душе падшего человека — промыслительно по воле Божией — возможно такое совмещение, что, собственно, и предопределяет драму жизни человека как не останавливающуюся ни на секунду борьбу света и тьмы за его бессмертную душу при вольном свободном выборе человека.

Неистина как рассудочное знание также имеет в себе заложенные природные противоречия, обусловленные фокусом познавательной деятельности (направленности ума) наблюдателя-исследователя. Природа антиномии рассудочного знания как целого определяется позицией самого человека как получателя, носителя и пользователя этого знания.

В зависимости от принятого свободным выбором человека источника своего знания о мире и фокуса познавательной деятельности, предложенная на рис. 1б, основополагающая модель может трансформироваться в четыре принципиально разные мировоззренческие модели, разворачивающие при своей дальнейшей детализации разные миры жизнеустройства человека.

1. Вариант знания, получаемого человеком непосредственно от Бога и всегда по Его инициативе как самораскрытие Бога человеку, называется сверхъестественным откровением Божиим. Это сверхъестественное знание сообщается человеческой душе Божественной благодатью, исходящей от Отца через Сына в Святом Духе.

Это сверхъестественное знание, получаемое в откровениях, отражает часть истинной реальной картины мира и дается человеку в соответствии с его возможностями познавать Бога и определенной Богом цели его личного служения. Схематически отображение мировоззренческой модели сверхъестественного знания как дара отражает рис. 2а.

Самым значительным, главным сверхъестественным откровением Бога было явление Себя человечеству пришествием на землю Спасителя, Господа нашего, Иисуса Христа.

Сверхъестественное откровение дает знания, необходимые для спасения. Оно бывает общим и индивидуальным [2, гл. 5, §3]. Общее откровение дается через особо избранных людей — пророков, апостолов, святителей Церкви Божией — для возвещения, хранения, исполнения истин веры и жизни тем, кто хочет и способен услышать, познать и исполнить.

Общее откровение передано нам в текстах Священного Писания, Предания и традиции Церкви.

Индивидуальное откровение дается человеку с целью его совершенствования в познании Бога и себя через назидание его или назидания ближайших к нему лиц.

Откровение — та часть истины, которую Истина открыла человеку для его спасения. Мы живем не в мире Истины, так как Истина в «мире» жить не может. В этом мире Истина живет только в лоне Православной церкви. Вне Церкви Истину познать невозможно. Познающий Истину в «мире» гоним.

Резонен вопрос: «Какова награда за отторжение от мира и труды ради постижения Истины, и стремление к исполнению Ее требований?». Награда несоизмерима с земными трудами человека — вечная жизнь души в новом теле с Богом, лицезрение Истины в Ее Божественном могуществе, состояние блаженства всех сил души. Человеку дано испытать (прикоснуться) это состояние уже в этой земной жизни, после чего (прикоснувшись) он уже не хочет ничего земного.

Тяжелый труд и огромные трудности постижения Истины мотивировали человека на поиск облегчений в отношении с Ней, что породило появление оправдывающих слабости человека мировоззренческих парадигм, соответствующих философских течений и социальных теорий.

Подавляющая часть накопленного человечеством гуманитарного знания оправдывает уклонение человека от отношений с Истиной.

2. Мировоззренческая модель, отражающая разрыв духовного единства с Богом; плач о потерянном; понимаемое умом человека единство мироздания; предопределяющую роль Творца; одновременность существования духовного и материального миров, как результата творческого акта этого Творца; человека как создания духовно-тварного происхождения, земное благополучие которого — результат жизни по заповедям Божиим (рис. 2б). Это знание, получаемое зачастую усилиями человеческого рассудка, осуществляющего книжнорассудочное познание Бога, данное человеку Священным Писанием, в трудах Святых отцов, Священном предании Церкви.

Предмет этого знания — также естественное откровение Божие (сотворенный Им мир). Человек позиционирует себя внешним наблюдателем, реконструирующим через органы чувств наблюдаемые отношения, связи и обмены сущностей сотворенного Богом мира, вооруженным инструментарием науки, познающим Творение, в котором, как пишет Михаил Ломоносов, «натура есть некоторое Евангелие, неумолчно благовествующее Творческую силу, премудрость и величие... Создатель дал роду человеческому две книги: в одной показал Свое величество, а в другой — Свою волю. Первая — видимый сей мир, вторая — Священное Писание. В пророческих и апостольских боговдохновенных книгах истолкователи и изъяснители — великие церковные учителя (пророки, апостолы, Святые отцы Церкви). Изъяснители Божественной природы — математики, физики, астрономы и прочие изъяснители...».

С таких позиций наука — «есть мысль Бога, открытая человеком» (анатом У. Хольмс); «перевод мыслей Творца на человеческий язык» (зоолог Агассиз); «усердное и искреннее стремление человека познать Бога, как он открывается в природе» (проф. С. Шманул). Цель науки — свидетельствовать о Боге, быть «лучшей помощницей и союзницей религии» (физик В. Томсон).

Получаемое знание о мире отражает гармонию, симфонию и синергию этого мира в формализуемых, доступных человеку признаках. Ограничения такого познания осуществляются Промыслом Божиим.

Человек понимает, что жизнь в Духе веры спасает его, и прилагает все усилия для обретения дара веры — через плач и слезы покаяния.

Такое знание можно обозначить как естественное, ограниченное возможностями падшего человека, стремящегося вернуться к сво-

ему Творцу; знание стремления к Богоугодному проживанию земной жизни в мире с Богом.

3. Отдаление человека в своем развитии от Бога, переключение творческой энергии человека на свое обустройство в этом мире, на решение проблем этого «мира», объективирует изменения в приоритетах получения знания. Человеческий ум все больше уделяет внимание анализу и синтезу «имманентных» природе и человеку законам их существования. Последние наделяются свойством незыблемости. Возникают все более утучняющиеся поля рассудочного «научно-гуманитарного» знания, в котором нет констант. Роль, значение Третьего решающего все более нивелируется, фактор Воли Творца не рассматривается при интерпретации событий жизни. Окружающий мир и другого человека человек все более рассматривает как ресурсы своего существования и использует в своих эгоистических интересах.

Человек, не связанный внутри себя самого страхом Божиим, не ощущает необходимости покаяния и через него очищения совести, а, следовательно, он не может в познании разума подниматься к Богу и признавать Истину. Такой человек всегда пребывает в иллюзии, что он об Истине знает достаточно для блага своей жизни.

Божественное, духовное начало все более исчезает из сознания человека, что объективирует торжество в «мире» другого духа. «Истиной» становятся иллюзии человека о реальности, закрепленные культурной традицией.

Творческий потенциал человека направляется его (человека) волей на удовлетворение все возрастающих своих личных потребностей, подогреваемых все возрастающими его желаниями. Правдой становится воля сильного. Божественная любовь как интегральный движитель жизни в человеке заменяется душевно-плотскими желаниями. Разум для успокоения совести человека, природной тоски его души по небесному, обосновывает законность и незыблемость индивидуума, прав человека, эгоцентризма как основополагающих принципов существования человека и общества.

Практика игнорирования светской наукой идеи объективного единства Творца и творения (порождающего начала и результата) приводит к тому, что научное сообщество рассматривает современное научное знание и духовное знание «...как автономные подходы к действительности; как представляющие собой две различные языковые системы; как появившиеся в результате совершенно разных установок; как подчиненные своему собственному “объекту” изучения, и определяемые только в отношении с ним (природа в науке, Бог в богословии)» [3, 33].

Такое искаженное представление об окружающем нас мире и естестве самого человека порождает систему иллюзорного знания, разворачивание которого только усугубляет концептуальные ошибки исходной мировоззренческой модели, накапливая и обостряя внутренние и внешние проблемы человека, его конфликт с Богом, Творением и самим собой. Эти порожденные принятым мировоззрением проблемы объявляются объективными составляющими прогресса человечества, естественными следствиями его цивилизационного развития, вызовами, которые надо преодолевать. Для институализации отклонений за движитель развития принимается идея естественного отбора, закрепляющая отклонение от естества как норму эволюции. Мировоззренческую модель такого нижеестественного, неестественного знания отражает рис. 2в.

4. Объективным логичным завершением развития нижеестественной, неестественной, традиционалистской модели мира является принципиальный мировоззренческий отказ от Бога. И Ницше провозглашает: «Бог умер».

На место Бога «объективно» претендует всемогущий человек. Человек «может» и «должен» преобразовывать окружающий его мир, исходя из своего представления о мире и своих интересов. Инструментом преобразования мира выступает современная наука, которая концентрирует свои усилия на познании законов организации мира как фундамента преобразовывающей деятельности в создании по воле человека противоприродных, противоестественных сущностей. Человек вступает на путь открытого богоборчества в попытке подчинения своему разуму и воле Божественного Творения и собственной природы. Человек становится создателем искусственных пространств своего обитания, создателем иллюзий, которые объявляются реальностью.

Знание, порождаемое мировоззрением: Человек — Бог, является противоестественным, разрывающим связь человека и Бога в представлениях человека.

Человек, принимающий это мировоззрение, осознанно отказываясь от возможности познать живого Бога, делает свой свободный выбор в пользу демонического мира, при этом сам человек так не считает. Мировоззренческую модель, порождающую противоестественное знание иллюстрирует рис. 2г.

Окружающий нас мир структурируется нашим сознанием посредством понятий. В разных смысловых системах координат одни и те же понятия приобретают разные смыслы, разное содержание. Так основополагающие понятия: человек, жизнь, смерть, бессмертие, смысл жизни, цели жизни, любовь, истина, правда, вера — в разных мировоззренческих моделях несут собой разные смыслы и содержа-

ние. Поэтому представленные на рис. 2 мировоззренческие модели а, б, в, г выступают основанием соответствующих типов знания, порождающего разные субъект-пространства и историю жизни человека и человечества.

Особенностями современного этапа развития человека и человечества являются наглядность и одновременность проявления, материализации естественного, неестественного и противоестественного знания во всем многообразии пространств его (человека) жизнеустроения в политике, культуре, производственной и экономической деятельности, образовании и воспитании подрастающего поколения, на уровне личности, семьи, малой и большой группы, территориальной общины, народа, человечества. Сверхъестественное знание в материальном мире проявляется, но разумом вне Святого Духа истинно не познается. Этот другой мир в нашем мире проявляется как чудо. Мир не может увидеть горизонты сверхъестественного знания. Его удел — естественное, неестественное и противоестественное знание.

Ради Своего Замысла по воспитанию душ, Им избранных, Господь попускает одновременное проявление во всей полноте потенциала естественного, неестественного и сверхъестественного знания через создание и одновременное сосуществование соответствующих субъект-пространств.

Традиционные культуры нижеестественного, неестественного знания достигли своего зенита индустриальной эпохой, наглядно иллюстрируя пределы роста человечества в этой мировоззренческой парадигме.

Одновременно с этим все более легальным в обществе становится присутствие демонического мира. Через кинематограф, литературу, музыку, живопись все более откровенно вживляются в общественное сознание образы богопротивного духа.

Современная наука эпохи Постмодерна, снимая все табу в познавательной деятельности человека, активно вторгается в микромир (являющийся строительным основанием нашего видимого (мезо)мира, создавая новые неприродные, противоестественные сущности.

Успехи науки в области обработки и передачи информации создали возможности порождения противоестественных, противоприродных виртуальных миров, порождаемых нашим сознанием.

Мы становимся свидетелями стремительного роста открытого богоборчества человека. Все больше сторонников, целые народы в свободном выборе исповедуют по своей гордыне «право человека» занять место Бога и преобразовывать Творение по воле человека.

Собственно дрейф от неестественного традиционного знания к противоестественному, который в идеологии развития общества про-

является как дрейф от традиционализма (консерватизма) к неолиберализму, суть заключительного акта драмы богоотступничества человека.

Мир сохраняется ради праведников. Именно из-за способных подниматься к Нему Бог еще терпит этот безумный мир. Своей жизнью, словом и молитвой праведные полезны миру. Господь щадит и «плевелы» ради «пшеницы» (Мф. 13:24—30). Праведные держат страну, утверждая ее верою, ограждая молитвою, защищая силою Божию (1 Цар. 7:3—13 и 4 Цар. 6:8—20). Только понимание этого духовного закона позволит выстроить правильную политику прочного мира и процветания народа в современном мире.

Очевидность дрейфа развитых стран к открытому богоборчеству указывает объективное историческое место стран и народов, относящих себя к православной цивилизации (по Хангтингтону), как стран, сдерживающих цивилизационное сползание в богоборчество через развитие в них пространств естественного знания. Пространства жизни человека, семьи, общества, организованные в парадигме естественного знания, благоприятствуют возвращению праведных и праведности, что в цивилизационном масштабе будет способствовать сохранению мира.

Создавая все условия для спасения человека, Бог позволяет в акте свободного, осмысленного выбора определиться каждому человеку — и человечеству в целом — в траектории своего жизненного пути, чтобы окончательный суд Свой вершить по правде.

Литература

1. Новейший философский словарь // http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/95.
2. *Осипов А.И.* Путь разума в поисках истины // http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_vere/osipov_put_razuma_36-all.shtml.
3. *Пикок А.* Богословие в век науки. Модели бытия и становления в богословии и науке. М., 2004.

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

Хозяйство народонаселения как актуальная научная теория

Аннотация. Рассматривается теория народонаселения с точки зрения хозяйства народонаселения — как организация воспроизводства человеческого рода — как биологические, социальные и культурные процессы.

Ключевые слова: хозяйства народонаселения; аксиомы теории хозяйства народонаселения; воспроизводство человеческого рода; биологические, социальные и культурные процессы воспроизводства народонаселения;

Abstract. Considers the theory of population from the point of view of economy of the population — as organization of the reproduction of the human kind — as a biological, social and cultural processes.

Keywords: economy of population; axioms of the theory of economy of the population; the reproduction of human kind; biological, social and cultural processes of reproduction of the population.

Рассмотрим основные положения *теории хозяйства народонаселения*. Под теорией нами понимается «некая целостная смысловая конструкция, способная целостно объяснить адекватную ей предметную область» [1, 69].

Во-первых, *хозяйство населения* — это деятельность человечества по организации воспроизводства человеческого рода. Она протекает в материальной и духовной сферах. Организовано это воспроизводство по сетевому принципу — в рамках цивилизаций, состоящих из этносов и суперэтносов. Эта организация оформлена внутри цивилизаций в виде государственного устройства.

Во-вторых, формально *воспроизводство народонаселения осуществляется на микроуровне* (в рамках отдельных семей), *национальном уровне* (в отдельных государствах) и на *глобальном уровне* (как человечество в целом). Возможно выделение регионального мезоуровня.

В-третьих, хозяйство народонаселения проходит в своем развитии *последовательные общественно-исторические способы*. При переходе от одного способа ведения хозяйства к другому сначала вызывают революционные изменения в духовной сфере, за которыми следуют преобразования в материальной сфере хозяйства народонаселения.

В-четвертых, хозяйство народонаселения — важнейшая часть народного хозяйства. *Социодемографические индикаторы* являются показателями социально-экономической эффективности функционирования всего народного хозяйства.

В-пятых, *воспроизводство населения* — триединство биологических, социальных и культурных процессов, протекающих в материальной и духовной средах. Движущими силами этих процессов являются для *биологических* процессов — законы популяционного развития, для *материальных* социальных и культурных процессов —

научно-технический прогресс, культурные (динамика цивилизаций) и исторические (этногенез) процессы, для *духовных* социальных и культурных процессов — национальный дух и система социокультурных ценностей, система социальных ролей, морально-нравственные устои общества.

В-шестых, *социодемографические процессы протекают в статике, динамике и генетике*. Методология статистики и динамики социально-экономических процессов развита в работах Н.Д. Кондратьева, социогенетика социально-экономических процессов — развита в книге Б.Н. Кузика и Ю.В. Яковца «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее».

В-седьмых, демографический фактор является одним из шести факторов, определяющих *генотип (наследственное ядро) цивилизации*.

В-восьмых, централизованно управлять воспроизводством народонаселения при данном способе хозяйствования — капиталистическом — невозможно, можно только его регулировать — т. е. *государство может выступать как регулятор — «коррекционная сила* (фактор, механизм, устройство), способная изменить, подправить, переориентировать уже происходящий организационный процесс; регулирование — функция регулятора, его реализация, *коррекционное действие*» [2, 425].

В-девятых, государственное регулирование как часть хозяйства народонаселения происходит в определенной *сфере институциональной организации*.

В-десятых, хозяйство народонаселения, как и все хозяйство, включает в себя *процессы трудового производства и потребления*, причем их взаимоотношения зависят от способа хозяйства; в условиях современного капиталистического (экономического) способа хозяйства при переходе к «экономике знаний» происходят исчерпание естественных (природных) источников роста народонаселения и значительный рост трудовых усилий человечества при своем воспроизводстве.

В-одиннадцатых, увеличивающийся объем потребления, необходимого для продолжения процесса воспроизводства населения, требует повышения эффективности всего народного хозяйства: при переходе к «экономике знаний» основным источником, обеспечивающим повышение экономических ресурсов, является научно-технологический прогресс, без которого все социально-демографические программы государственного регулирования носят чисто декларативный характер; для настоящего этапа развития экономики России — это реализация *долгосрочной стратегии инновацион-*

ного прорыва, опирающейся на внедрение технологий шестого технологического уклада

В-двенадцатых, воспроизводство населения происходит в *международной конкурентной среде*, поэтому выбор целей и стратегии политики государственного регулирования социодемографических процессов должен соответствовать национальным целям государства и позволять максимально самореализоваться этносам, входящим в данное государство (в рамках их системы социокультурных ценностей и в конкретных исторических условиях)

Таким образом, нами были сформулированы двенадцать основных аксиом, с помощью которых проводится данное исследование. Согласиться с ними — личное дело читателя. Конечно, предлагаемый подход к анализу процесса воспроизводства народонаселения достаточно сильно отличается от привычного. Но мы исходим из того, что при современном переходе от чувственной системы социокультурных ценностей к интегральной (по Питириму Сорокину) обязательно произойдет переоценка ранее используемой философской и научной методологии, применяемой при анализе социодемографических фактов. Как это произойдет — покажет время, но наше исследование предлагает один из вариантов такого изменения теоретических взглядов с позиций теории хозяйства народонаселения.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства. М., 2005.
2. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства. Т. 1. М., 1995.

Л.К. ЧУЛКОВ

Религиозно-метафизические предпосылки хозяйственной жизни народов в работах М.Р. Эляян

Аннотация. В статье выделены три аспекта работ М.Р. Эляян: первые два связаны с попыткой определить влияние мировых и национальных религий на становление капитализма и на особенности земледелия, третий аспект затрагивает две классификации земледелия по метафизическому принципу. В статье также обоснована мысль, что необходимо изучать влияние на хозяйственную деятельность людей различных факторов и отказаться от абсолютизации религиозно-метафизического фактора.

Ключевые слова: хозяйственная жизнь, религиозно-метафизический фактор, национальные и мировые религии, капитализм, земледелие, классификации земледелия.

Abstract. The paper is devoted to three aspects of M.R. Eloyan's works. The first aspect is bound up with determination of national and world religions' influence on capitalism. The second aspect is associated with definition of the national and world religions' impact on agriculture. And at last, the third aspect links to two agriculture classifications by the metaphysical principle. In the paper particular attention is focused on refusal of overstatement of religious and metaphysical factor in economic life of peoples.

Keywords: economic life, religious and metaphysical factor, national and world religions, capitalism, agriculture, agriculture classifications.

В работах М.Р. Элоян, посвященных религиозно-метафизическим предпосылкам хозяйственной жизни народов, можно выделить три аспекта.

Первый аспект связан с попыткой определить влияние некоторых национальных и мировых религий (иудаизма, католицизма, протестантизма, православия и конфуцианства) на становление капитализма. Это влияние, согласно Элоян, осуществляется через воздействие религиозной этики на экономическую жизнь людей, однако сама религиозная этика, в свою очередь, является производной от религиозной онтологии, которая и должна выделяться как глубокий фактор влияния религии на хозяйственную жизнь народов [1, 251—255; 2, 81—82].

По мнению Элоян, отношение иудаизма к природному миру определяется представлением о его несовершенстве. Поэтому природа в иудаизме не имеет самостоятельного значения и рассматривается лишь как средство деятельности людей [2, 85]. Отсюда возникает интерес к количеству, а не к качеству и преклонение перед деньгами как единственной формой богатства [2, 87]. Иудаизм, считает она, содержит в себе предпосылки для возникновения кредитно-финансового капитализма [2, 89].

В католицизме религиозно-метафизической основой капиталистической деятельности выступает специфическая концепция благодати, согласно которой благодать можно заработать путем совершения добрых дел [1, 278]. Данная концепция обусловила тяготение представителей католицизма к производственной сфере экономики и наличие в католицизме стимулов для развития производственного капитализма [2, 89]. Элоян считает, что ключевой идеей протестан-

тизма, оказавшей решающее влияние на становление западноевропейского капитализма, явилось представление, что успех человека в профессиональной деятельности служит показателем богоизбранности данного человека и, как следствие, указывает на его спасение [1, 297—298]. Это положение протестантизма стало более мощным стимулом хозяйственной активности по сравнению с подобными положениями иудаизма и католицизма, поэтому именно протестантизм (а не иудаизм и католицизм) выступил той необходимой идеологической основой, на базе которой шло складывание западноевропейского капитализма [3, 406].

По мнению Элоян, религиозно-метафизическими предпосылками православной этики хозяйства явились, во-первых, православная концепция благодати и, во-вторых, православная эсхатология. Специфика православной концепции благодати заключается в идее, что Бог дает человеку благодать как некий дар, а не как награду за добрые дела. Следовательно, человеческая активность, в том числе в экономической сфере, не может помочь человеку в деле спасения своей души. Особенность православной эсхатологии связана с представлением о непреодолимой границе между миром небесным и миром земным: мир земной лежит во зле, и никакие действия людей не смогут изменить такое положение дел. Переустройство земного мира в соответствии с миром небесным произойдет только после второго пришествия Христа: никакие действия людей не в состоянии построить «град небесный» на земле. Все это обесценивало значение человеческого труда. Таким образом, православие не могло стать сильным стимулом для развития капитализма [1, 320].

Подобно православию, конфуцианство не способствовало формированию капитализма, однако причина такого влияния конфуцианства на капитализм отличается от причин схожего влияния православия на капитализм. Конфуцианство, которое на протяжении столетий являлось государственной идеологией в Китае, в качестве «фундаментального» (т. е. основного, главного) занятия рассматривало земледелие, а остальные виды экономической деятельности воспринимало как вспомогательные [4, 97]. Китайское государство в лице ненаследственной бюрократии («ученых мужей»), руководствуясь в своей внутренней политике идеями конфуцианства, пыталось всеми мерами поддерживать развитие сельского хозяйства в своей стране [5, 153], взяв под свой контроль денежное обращение и сферы торговли и промышленности [4, 95—96]. В результате в Китае отсутствовала возможность накопления капитала в частных руках, что стало огромным препятствием для складывания капитализма в данной стране.

Второй аспект связан с попыткой определить влияние конфуцианства, буддизма, синтоизма и христианства на земледелие. Она показывает, что в буддизме традиционно существует отрицательное отношение к занятию земледелием [2, 91]; в христианстве главной производительной силой земледелия считается земля [2, 94], в конфуцианстве — труд, земля и государство [6, 64], а в синтоизме — «божественные семена», т. е. семена, которых в природе нет и которые получены искусственным образом [7, 76—77].

И наконец, третий аспект работ связан с двумя предложенными исследовательницей классификациями земледелия по метафизическому принципу. В первой классификации выделены три типа земледелия: 1) абсентеистское земледелие, которое строится на минимальном вмешательстве человека в естественный ход природных процессов и которое характерно для регионов распространения буддизма; 2) производительное земледелие, в котором труд рассматривается ведущей производительной силой и которое имеет место в конфуцианском Китае; и 3) софийное земледелие, в котором роль основной производительной силы играет земля и которое обусловлено православным мировоззрением [6, 62—63]. Вторая классификация включает в себя два типа земледелия: 1) теллурическое земледелие, связанное с лунарно-хтонической мифологией Земли (т. е. с представлениями о подземном мире) и ставящее в центр внимания плодородие почвы; и 2) демиургическое земледелие, базирующееся на солярно-уранической мифологии Неба (т. е. на представлениях о вмешательстве в дела людей внешних по отношению к Земле, внеземных сил) и основной акцент делающее не на плодородии почвы, а на полученных искусственным образом семенах, из которых вырастают плоды с лучшими характеристиками. Эти семена в природе не встречаются; их появление связывается с действием небесных богов [7, 72, 75—76, 77].

Таким образом, в своих работах М.Р. Элоян раскрывает влияние религиозно-метафизического фактора на хозяйственную жизнь народов. Действительно, в ряде случаев религиозный фактор оказывает доминирующее влияние на хозяйственную деятельность людей. Однако можно привести примеры, когда данный фактор уступает место другому фактору. Приведем три таких примера.

Первый пример: В 1835 г. российский император Николай I издает указ, разрешающий евреям заниматься земледелием на территории Украины. Хотя иудаизм не способствует этому занятию, часть евреев воспользовались предоставленным им правом и стали возделывать землю. Данная категория еврейского населения никогда не составляла ведущего положения среди евреев Российской империи. В

начале XX в. доля евреев-земледельцев во всем еврейском населении Российской империи равнялась 2,2%, однако в численном выражении это составляло около 100 тыс. человек [8] — число, показывающее, что возникновение слоя евреев-земледельцев не было случайным явлением. Оно было обусловлено каким-то фактором, отличным от религиозного, поскольку идеи, заложенные в иудаизме, не могли послужить стимулом для занятия земледелием. На наш взгляд, такими стимулами стали тяжелое положение евреев, которые в Российской империи в XIX в. жили скученно в городах и местечках в черте линии оседлости, и, как следствие, их желание улучшить свое материальное положение. И часть евреев стали заниматься земледелием, хотя это и не было обусловлено их религией.

Второй пример связан с наличием на рубеже XIX—XX вв. в России евреев-предпринимателей (Зайцевы, Бродские и др.) [8]. Встает вопрос: почему среди еврейских семей, разбогатевших на торговле, одни семьи создавали банковские дома, а другие вкладывали деньги в собственное производство? Очевидно, что данное различие в экономическом поведении евреев-предпринимателей нельзя объяснить религиозным фактором.

И третий пример касается хозяйственной практики старообрядцев-предпринимателей в дореволюционной России: они клали свои свободные деньги в банк под процент, хотя и знали, что это запрещается христианскими канонами [9].

Итак, в ряде случаев религиозный фактор действительно определяет экономическое поведение людей, однако перечисленные выше примеры свидетельствуют, что необходимо изучать влияние на хозяйственную деятельность людей различных факторов и отказаться от абсолютизации религиозно-метафизического фактора.

Литература

1. Элоян М.Р. Философия хозяйства С.Н. Булгакова в контексте русской и европейской философии конца XIX — начала XX в. Дис. ... д-ра филос. наук. М., 2006.
2. Элоян М.Р. Философия хозяйства С.Н. Булгакова: история и современность // Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2011.
3. Элоян М.Р. С.Н. Булгаков: православие и капитализм (философия хозяйства) // Философия хозяйства. 2005. № 2.
4. Элоян М.Р. Н. Якобс: конфуцианство и капитализм (этическая экономика Китая) // Философия хозяйства. 2014. № 2.
5. Элоян М.Р. Н. Якобс: конфуцианство и капитализм (мандаринат) // Философия хозяйства. 2014. № 1.

6. Элоян М.Р. История философии хозяйства: производительное земледелие Китая // Философия хозяйства. 2013. № 3.

7. Элоян М.Р. История философии хозяйства: демиургическое (солярное) земледелие Японии // Философия хозяйства. 2014. № 6.

8. История евреев в России // https://ru.wikipedia.org/wiki/История_евреев_в_России (дата обращения: 21.11.2015).

9. Расков Д.Е. Процент в хозяйственной этике и практике староверов // Проблемы современной экономики. 2009. № 1(29) // <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2506> (дата обращения: 18.05.2015).

С.А. СТАСЕНКО

Рациональность как проблема философии хозяйства

Аннотация. Статья посвящена философскому исследованию феномена рациональности как проблемы философии хозяйства. Были проанализированы различные типы рациональности — такие как индивидуальная и коллективная рациональность. Сделан акцент на различии между целерациональным и ценностно-рациональным поведением. Отмечается, что в экономическом мышлении и поведении всегда присутствуют как элементы рациональности, так и иррациональности. Их баланс является условием социально-экономического развития. Роль ценностно-рационального поведения максимально важна на элитарном уровне в связи с наибольшей степенью свободы и ответственности за политическое и экономическое развитие общества.

Ключевые слова: мышление, рациональность, наука, общество, поведение, экономика.

Abstract. The article is devoted to the philosophical inquiry of the phenomenon of rationality as a problem of philosophy of economy. The different types of rationality such as individual and collective rationality have been analyzed. The accent has been made on the difference between value relations (or instrumental actions) and value-rational actions (or rational actions). It was concluded that economical thinking and behavior always contain both the elements of rationality and irrationality. Their balance is necessary for social and economic development. The role of value-rational behavior is the most important on the level of elites because of the

maxima degree of freedom and responsibility for political and economic development of society.

Keywords: thinking, rationality, science, society, behavior, economy.

Философия хозяйства как направление исследований имеет достаточно глубокие корни в рамках мировой и русской философской мысли. Ее роль еще не раскрыта в полной мере, но она вполне способна стать мировоззренческой основой для прогрессивных экономических изменений общественной жизни, а также способствовать формированию гармоничной национальной идентичности. Одной из наиболее острых и дискуссионных проблем современности является несоответствие социально-экономических реалий и сущности проводимых экономических реформ. Исправить данную ситуацию способно обращение к научной рациональности на новом теоретико-концептуальном уровне.

Важным моментом является философский анализ роли научной рациональности в формировании экономического мышления и поведения.

Само понятие «рациональность» происходит от лат. *ratio* — разум и имеет целый ряд интерпретаций: 1) рациональность как поведение, направленное на скорейшее получение определенного результата; 2) рациональность как соответствие принципам и нормам научной методологии; 3) в классическом смысле — рациональность как соответствие мышления или поведения идеальным структурам разума. При этом под научной рациональностью понимается совокупность правил, норм и образцов, обеспечивающих научную истинность результатов познания и основываются на ряде требований (стремление к максимальной объективности, системности, intersubjectивности, методологическая и языковая четкость и т. д.). Разумеется, конкретное воплощение научной рациональности зависит от научного направления. Сегодня наука чрезвычайно сильно дифференцирована, поэтому целесообразно выделить идеалы научной рациональности — таких ее направлений, как математическое (где акцент делается на правильности выводов из исходных постулатов), естественнонаучное (где на первый план выдвигается эмпирическая проверка знаний) и социально-гуманитарное (доминантой которого выступает соотнесение научного знания с базовыми общественными ценностями). Наиболее тесная связь научной рациональности и общественных ценностей проявляется именно в контексте социально-гуманитарного знания, в том числе философских и экономических наук.

Экономика — в своем изначальном смысле, это наука о человеке, его жизни и будущем. Научная рациональность в экономическом аспекте направлена на выявление причинно-следственных связей между источниками богатства, его формами, а также закономерностями и принципами его распределения.

Рациональность присуща всем сферам общественной жизни и предполагает поиск полезности и эффективности в любом виде деятельности. По-другому можно представить практическое выражение научной рациональности в экономике как сочетание двух моментов: стремления контролировать ресурсы и минимизировать их затраты, а также осуществления индивидуальных и групповых целей, радости от их удовлетворения [1, 129]. В экономических науках можно выделить несколько базовых теоретических моделей научной рациональности. К ним относятся классическая школа политической экономии, марксизм, историческая школа, а также маржинализм с его центральной идеей о том, что экономическая реальность рождается в процессе активной деятельности субъекта.

Для методологии экономических наук современности характерен плюрализм, проявляющийся в одновременном использовании множества парадигм, что логически следует из особенностей самой усложнившейся и многослойной экономической реальности современного мира [2, 114].

Рациональность — весьма сложное и многостороннее понятие. В контексте социально-экономических отношений можно выделить индивидуальную и коллективную рациональность. С рациональностью отдельного индивида как субъекта работать значительно проще. В отношении коллектива все далеко не так однозначно, поскольку возникает целый ряд вопросов. Один из них, по словам нобелевского лауреата по экономике Дж. Бьюкенена, таков: «Можем ли мы воспринимать коллектив как субъекта, принимающего решения, или же только индивид является единственным реальным субъектом, принимающим решения и осуществляющим выбор? Homo economicus — это, по сути, сверхрациональный индивид, который выигрывает в свободном конкурентном обществе именно за счет рационального поведения. Основными моделями homo economicus являются следующие: неограниченность потребностей; единство совокупности предпочтений и ограничений; способность к оценке альтернативных благ; ориентация только на свой собственный субъективный интерес; информированность как понимание своих предпочтений и знание цен экономических благ; предельная рациональность как максимальная полезность при осуществлении экономических выборов» [3, 205]. При этом ориентацию на максимальную полезность можно сравнить с це-

целерациональным действием, описанным М. Вебером, которое отличается от ценностно-рационального действия тем, что не учитывает интересов другого, а только собственные эгоистические интенции.

Относительно коллективной рациональности следует обратиться к проблеме экономической элиты как коллективного рационально действующего субъекта. В кризисной экономике элита стимулирует хаотическое движение бизнеса путем влияния на власть, которая принимает соответствующие решения в виде законодательных актов. Это достаточно длительный процесс: договоренности в рамках самой элиты, выход на исполнительную и законодательную власть, согласование и принятие самих решений и т. д. В рамках самой элиты существует жесткая конкуренция и желание получить прибыль даже из кризисной ситуации (целерациональное поведение), что проявляется в том, что можно видеть, как из кризиса многие политические и общественные деятели выходят, обретая прибыль. Тем не менее все это публично обосновывается тем, что рынок, а не государство, лучше умеет создавать условия для перестройки экономики. Итак, в кризисной экономике самой элиты «не видно», а как бы работает вполне рациональная, но невидимая «рука рынка», которой периодически управляет власть (так, как этого захочет элита).

В стабильной экономике элита (национальная или партийная) жестко в нее вписана. Она открыто управляет властью, производством и бизнесом. Действия элиты отчасти и ценностно-рациональны, поскольку находятся в определенной согласованности с задачами развития всего государства. Бизнес следует указаниям элиты. В рамках самой элиты конкуренция ограничена либо вообще исключена. Доступ в элиту ограничен, и тем не менее сама элита более «прозрачна», чем в условиях кризисной экономики.

Экономическая элита включает собственников больших капиталов, глав промышленно-финансовых групп и банкиров, которые руководят экономической жизнью общества. Экономическую элиту можно разделить на несколько уровней.

На уровне государства элита включает руководителей крупных государственных предприятий и руководителей частных (негосударственных) структур. Граница между этими группами все больше стирается по формальному признаку в связи с массовым акционированием государственных структур. Российская и украинская бизнес-элиты имеют корни в политической, хозяйственной и социальной жизни бывшего СССР. Признавая наличие этих корней (теневой экономики, номенклатуры, криминальной среды), было бы ошибочным сводить современную бизнес-элилу, как и все предпринимательство в целом, только к указанным социально-экономическим группам. Современная

бизнес-элита Украины является результатом последовательного вхождения в предпринимательство под воздействием социально-политических событий различных слоев населения, имеющих разный социальный опыт и подвижность. Тенденции, происходящие сейчас в украинской бизнес-элите, имеют место и на региональном уровне, где процесс активизации «номенклатуры» и «хозяйственного менталитета» носит более выраженный характер. К элите причисляют крупных бизнесменов, деятелей индустрии, финансовых магнатов, которые, вне всяческих сомнений, являются творческими личностями, наделенными прозорливостью, инициативой и предприимчивостью. Любой человек, наделенный данными чертами, при известной доле везения может войти в элиту.

Чем выше уровень действия элиты, тем более значимыми становятся ее рациональность и, прежде всего, ценностно-рациональные ориентации, поскольку возрастают сфера влияния на мировое сообщество и мера ответственности за последствия данного влияния. На мировом уровне существует глобальная экономическая элита, которая описывается в научной литературе различными терминами, включая понятие «золотой миллиард», разумеется не все его члены включены в элиту. Глобализация непосредственно связана с ростом неравенства в обществе, поскольку одна его часть принадлежит к определенной общественно-политической элите, которая владеет ключевыми информационными и финансовыми потоками и формирует развитие мирового и национального общественного мнения, а представители другой части вынуждены находиться на периферии ключевых социальных процессов. По словам С. Кара-Мурзы, существует непосредственная связь между термином «золотой миллиард» и мифом о «Золотом веке» прогресса и благополучия, с одной стороны, и пессимистической необходимостью признания ограниченности ресурсов Земли и невозможности распространения этого благополучия на все население планеты — с другой [4]. Теоретической базой концепции «золотого миллиарда» выступил и пессимистический индивидуализм, деструкция чувства человеческой солидарности, агрессия и отказ от этики религиозного равенства и коллективного спасения. Сердцем утопии «золотого миллиарда» является миф о том, что богатые — носители божественной благодати, а бедность — синоним греховности. Согласно исследованиям ООН, на сегодня 2% взрослых жителей планеты владеют более чем половиной природных ресурсов, сосредоточенных в Северной Америке, Европе и экономически-продвинутых странах Тихоокеанской Азии. Подобная ситуация не только не способствует становлению социальной справедливости, но и может привести к мировому экономическому кризису. Следующей серьезной

проблемой глобального устройства является то, что взаимозависимость экономик отдельных государств приводит к постоянной угрозе возникновения глобальных финансовых кризисов через локальные экономические колебания.

Согласно Д. Кортену, глобализация опасна, прежде всего, тем, что настраивает общество на получение прибыли любой ценой, т. е. связана исключительно с целерациональным поведением [5]. Исследователь подчеркивает, что в глобальном мире нет места этическим ценностям, духовности и экологии. Неравномерное распределение благ и поляризация капитала порождают угрозу межнациональных конфликтов, экономическую нестабильность, вызванную тесной взаимосвязью национальных экономических систем, политическую нестабильность, которая становится возможной в случае сосредоточения монополизированного капитала в руках представителей отдельных государств. На самом деле существует не конвергенция доходов, а только их выравнивание и поляризация между двумя точками «бедные — богатые». Глобальная элита имеет наибольшую степень свободы и объем возможностей по сравнению с другими элитарными группами, но, одновременно, она несет и наибольшую ответственность за дальнейшее развитие общества.

Итак, элита выступает важным фактором, который направляет развитие экономических отношений. Экономическая элита чаще всего становится основой для формирования элиты политической. Кроме того, в социально-политической практике чаще всего невозможно четко провести границу между группами политической и экономической элиты.

Еще одним аспектом проявления как рациональности, так и иррациональности мышления и поведения элит является связь власти и капитала. В философии К. Маркса существует понятие трех этапов развития социальных отношений: 1) отношения на основе личной зависимости (рабовладельческое и феодальное общества); 2) отношения на основе предметно-денежной зависимости (капиталистическое общество); 3) свободный труд в коммунистическом обществе, которое прогнозировал философ. В современных постсоветских странах элитарные группы обычно представляют собой группы собственников капиталов. Более того, имеет место частное присвоение властно-политических и законодательных функций государства представителями этих групп. В связи с этим А. Фисун, Г. Рот, М. Теобальт и другие исследователи употребляют термины «феодализирующийся капитализм» и «неопатримониализм» [6, 32; 7, 115]. Ключевым отличием общественных отношений элиты от народа и народа от средневекового феодализма является то, что современную систему можно опре-

делить как систему «клиент — патрон». Клиент (народ) зависит от патрона (элиты) в материально-вещественном смысле. Но при этом клиент имеет определенную степень свободы в выборе патрона и реализует ее, в частности, во время электоральных процедур.

Как справедливо отметил П. Гуревич в 1983 г. на XVII Всемирном философском конгрессе, в научном сообществе явно присутствует тенденция к расширению понятия «рациональность». В частности, ее трактуют как способ познания мира, основанный на разуме и как атрибут цивилизации как таковой. В рациональность все чаще включают элементы иррационального. Но ведь действительность, в том числе экономическая действительность, не есть сама по себе рациональная или иррациональная. То же самое справедливо по отношению и к отдельному человеку, и к социуму, и к элитарным группам. Людьюми движут как рациональные, так и иррациональные мотивы, составляющие диалектическое единство и способствующие, в конечном итоге, развитию экономики и других сфер общественной жизни. Яркой иллюстрацией данной мысли являются эксперименты Д. Кпнемана и А. Тверски, которые показали, что люди далеко не всегда мыслят и действуют экономически рационально в повседневной жизни. Например, сформулированный ими опытным путем «закон подарка» гласит: люди часто склонны воевать за свой карманный грош, но не станут наклоняться за рублем [2, 122].

Таким образом, наметившаяся в современной науке тенденция к расширению понятия «рациональность» приводит к таким парадоксам, как включение в ее смысловое поле иррациональных элементов. В аспекте философии хозяйства проблема рациональности проявляется, прежде всего, в экономическом мышлении и поведении, которые, в свою очередь, имеют личностный и коллективный уровни реализации. На уровне личности и группы мышление и поведение могут быть как целерациональными (тяготеющими исключительно к своим эгоистическим целям), так и ценностно-рациональными (учитывающими интересы другого). Чем шире сфера влияния данной личности или группы (например, правящая элита и ее представители), тем более значимым является ценностно-рациональный фактор, поскольку возрастает степень свободы и социальной ответственности. Важнейшим условием успешного социально-экономического и политического развития является усиление плюрализма в составе действующих элит. Это необходимо для предупреждения превращения государства как политико-экономического единства в частную собственность, которая поделена между несколькими экономическими элитарными группами. В данном контексте теоретические разработки проблемы рациональности в рамках философии хозяйства играют роль мировоззренческо-

го обоснования максимально эффективных экономических трансформаций, соответствующих данным социально-экономическим реалиям.

Литература

1. *Покровская Н.Н.* Рациональность экономического поведения // Известия российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2007. № 9 (46).

2. *Лемещенко П.С.* О рациональности экономической науки и понимании теоретических конструкций реальности // Философия хозяйства. 2014. № 6.

3. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.

4. *Кара-Мурза С.Г.* Концепция «золотого миллиарда» и новый мировой порядок // <http://intellectual.org.ua/Globaliz12.htm> (дата последнего обращения: 30.11.2015).

5. *Кортен Д.* Экономика смысла и мифы глобализации // <http://web.archive.org/web/19981205143850/www.tikkun.org/9603/korten.html>. 28 (дата последнего обращения: 27.11.2015).

6. *Фисун А.А.* Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков, 2006.

7. *Roth G.* Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire-Building in the New States // World Politics. 1968. Vol. 2.

Раздел II

Актуальный воззренческий контур

А.А. ПОРОХОВСКИЙ

Экономическая теория как совокупность базовых теорий экономики

Аннотация. В главе показан объективный процесс развития политической экономии как науки. Раскрыты устойчивость и гибкость ее предмета, расширение метода исследования. Выделены промышленный и информационные периоды в развитии капитализма. Особое внимание уделено росту сферы услуг. Показана суть новой политической экономии. Доказано, что политэкономия — это база экономической теории, включающей и другие школы.

Ключевые слова: экономическое развитие, политическая экономия, экономическая теория, информационная экономика.

Abstract. The birth of national capitalist market economy became the objective basis for full-scale development of political economy. Full division of political economy and the neoclassical direction was issued externally when the last received the name economics. The object of research at neoclassics is represented to narrower because it is concentrated on the mechanism of functioning of economy. In the XX century as reflection of economic and social progress appeared many branch and functional economic sciences; however the last world crisis showed their limited role. They differ both on a method, and on an object of research. Unites their object of the analysis — national economy.

Keywords: economic development, political economy, economic theory, information economy

Центр общественных наук Московского университета доказал своей деятельностью в течение 25 лет, что гуманитарное знание со-

храняет свое мировоззренческое и научное значение во все периоды развития как отдельных стран, так и человечества в целом. Большое внимание в деятельности Центра уделяется экономической теории и ее базовой, опорной части — политической экономии. Остановимся именно на этой проблеме — роли политической экономии и структуре современной экономической теории.

Наступивший в 2015 г. 400-летний юбилей политической экономии совпал с заметным обострением противоречий по всему миру. Особенно это ощущается в 37 развитых странах — лидерах мирового хозяйства [1, 147]. Поиск выхода, а возможно, и новой парадигмы общественного развития происходит повсеместно — в деловых и академических кругах, в государственных и международных учреждениях, на общественных форумах. Стало бесспорным, что выход находится не в частностях, а в системном решении. В сложной структуре современной экономической теории только политическая экономия дает системное видение экономического развития. Не случайно поэтому политико-экономический подход не только через «невидимую руку» А. Смита, но и благодаря целостному представлению современного национального и глобального развития получает все большее распространение в широких кругах ведущих стран. Однако сама политическая экономия трактуется порой столь разнообразно и широко, что возникла необходимость в академическом стиле еще раз остановиться на ее предметной области, методологии, истории возникновения, становления и перманентного развития, а также месте и роли в общей экономической теории, взаимосвязи с другими школами, программами, направлениями теоретико-экономических исследований.

Объективное и субъективное в рождении политической экономии

История многих наук, в особенности общественно-гуманитарного профиля, изобилует зигзагами, биографическими подробностями и особенностями поведения их создателей. Между тем выдающиеся люди стали известны не одному поколению не благодаря своим человеческим слабостям, а результатами своего исследовательского труда, который связан с определенным историческим периодом отдельной страны или даже эпохи. Если при оценке того или иного явления, в том числе появления первых работ по политической экономии, главное внимание уделять не самим работам, а подробностям личной судьбы авторов, то внимание читателей уведется от понимания того, насколько объективно отражены в указанных книгах тенденции и закономерности развития общества того времени [2]. Если для открытия и формулирования законов природы требуется накопление соответствующего научного знания, то для открытия законов хо-

зяйства необходимо не только накопленное человечеством гуманитарное знание, но и сложившиеся и развивающиеся общественные тенденции. Получается, что появление политической экономии связано с конкретными именами, но эти люди жили как раз в те годы, когда созрели условия для формулирования их политэкономических выводов. Используя аналогию с рождением здорового ребенка, можно сказать, что политическая экономия стала «доношенным дитем» человечества в Средние века, закрепив достаточные предпосылки для дальнейшего развития. Исторически она оказалась в нужное время и в нужном месте — в Западной Европе. Остановимся на этом подробнее.

Можно определить, что *политическая экономия* — это наука об экономических законах функционирования и развития общественного хозяйства, исторически первой формой которого стало рыночное хозяйство. Известно, что термин «политическая экономия» произошел от греческих слов *politicos* — государственный, общественный и *oikonomia* — управление домашним хозяйством (от *oikos* — дом, домашнее хозяйство и *nomos* — закон). Впервые сочетание «политическая экономия» было использовано французом А. Монкретьеном в его произведении «Трактат политической экономии» (1615). Этот год общепризнан в мире как дата рождения политической экономии и экономической теории и науки в целом.

Возникновение политической экономии стало возможным после формирования рыночного хозяйства на всей территории отдельного государства, что стало свидетельством рождения *национальной* экономики, внутренне связанной *общенациональным* рынком. Масштаб национального хозяйства, взаимодействие домохозяйств, изменение роли государства в обеспечении благоприятной среды для предпринимательства, наполнение казны и расширение общественного богатства вызвали потребность в выявлении и познании объективных экономических законов такого хозяйства. В результате политическая экономия своим появлением послужила основой для последующего развития экономической теории и экономической науки как отражения экономического и творческого потенциала человечества.

Задолго до возникновения политической экономии, в том числе и в Древнем мире, получили распространение такие явления и понятия, как товар, деньги, цена, ростовщический и купеческий капитал, частная собственность. Их происхождение связывалось с торговлей, носившей случайный характер при господстве натурального хозяйства. В ту пору жизнь большинства населения любого государства не зависела от торговли, производство для продажи только зарождалось. Подневольный ручной труд раба или крепостного работника слабо

способствовал расширению производства в земледелии, животноводстве, ремесленничестве.

Постепенное углубление общественного разделения труда способствовало расширению сферы товарно-денежных отношений. Но рубежом в развитии товарного производства стали освобождение работника от личной зависимости и утверждение наемного труда, что одновременно породило предпринимателей и предпринимательство как системное явление. Теперь уже известные категории «товар», «деньги», «капитал» стали приобретать адекватное капиталистическому рыночному хозяйству содержание. В мануфактурный период капитализма простая кооперация ручного труда наемных рабочих объединялась в предприятие отдельного хозяина — капиталиста. Капиталистическое производство становилось основой национальной экономики. Возникла задача обеспечения государством и обществом рыночного функционирования всей экономики страны. Не случайно поэтому именно в Великобритании, где мануфактурный капитализм утвердился раньше других стран, в 1776 г. был издан труд А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [3], где впервые политическая экономия получила классическое систематизированное изложение применительно к мануфактурному периоду развития капитализма. К числу основоположников классической политической экономии относится также Д. Рикардо, который в своей книге «Начала политической экономии и налогового обложения» [4], вышедшей в 1817 г., развил представленные А. Смитом базовые положения политической экономии — теорию трудовой стоимости, капитала, ренты. Немало других исследователей в разных странах Европы публиковали свои книги об экономике, рассматривая ее отдельные стороны, не претендуя на цельную теорию.

Как видно, становление политической экономии самым тесным образом связано с развитием капитализма (см.: [5]). Решающее воздействие на рыночный прогресс оказала промышленная революция, сформировавшая в XIX в. индустриальную основу капиталистической экономики. Национальная экономика стала еще более взаимосвязанной и сложной. Первый общенациональный экономический кризис перепроизводства товаров в Великобритании в 1825 г. обнажил острую конкуренцию между капиталистами, обратил внимание на положения наемных работников и противоречия всей экономической системы.

Промышленный капитал и индустриальная революция

Изобретение и внедрение паровых, а затем и других машин существенным образом повлияли не только на рост производительности труда, но и на положение и роль предпринимателей, наемных работ-

ников, а также формы и виды капитала, организацию производства и экономики в целом. Изменился характер разделения труда на фабрике, основанной на системе машин, и во всем обществе, связанном рынком и конкуренцией. Наряду с рынком товаров и рынком труда получил распространение рынок капитала. С формальной точки зрения машина выровняла значение факторов производства — труда, капитала, земли, а также фаз воспроизводства — производства и обращения. Это обстоятельство способствовало появлению теории предельной полезности наряду с теорией трудовой стоимости, свойственной политической экономии.

Таким образом, во второй половине XIX в. политическая экономия получила развитие по двум направлениям — на базе теории трудовой стоимости и на базе теории предельной полезности. Первое направление оформилось как марксистская политическая экономия, второе — как чистая политэкономия, или маржиналистская экономическая теория. Основу марксистской политической экономии составил «Капитал» К. Маркса [6], первый том которого вышел в 1867 г. Базу маржиналистского направления образовали работы У.С. Джевонса «Теория политической экономии» (1871) [7], К. Менгера «Основания политической экономии» (1871) [8] и Л. Вальраса «Элементы чистой политической экономии» (1974) [9].

Уже с 1875 г. начал входить в научный оборот термин «экономикс», который благодаря фундаментальной работе А. Маршалла «Принципы экономикс» (1890) [10] закрепился как выражение всего неоклассического направления экономической теории. И хотя историческими корнями экономикса являются классическая политическая экономия, теория факторов производства и маржинализм, по своим теоретическим предпосылкам, предмету и методу он обособился и составил новую, особую часть экономической теории. Впоследствии, особенно в XX в., экономикс получил бурное развитие в передовых странах капитализма и прежде всего в США, где в 1948 г. вышел первый учебник по экономиксу П. Самуэльсона, в котором был представлен синтез неоклассики и кейнсианства, получившего распространение в 1930-х гг. [11].

В России в XIX в. политическая экономия продолжала развиваться и как наука, и как учебная дисциплина. Уже в 1804 г. в Московском университете была открыта кафедра политической экономии, а затем было издано немало трудов, в том числе и учебников по политической экономии. Среди наиболее известных «Курс политической экономии» А.К. Шторха (1815) [12], А.И. Чупрова (1883) [13]. Российская ветвь политической экономии преимущественно опиралась на классическую политэкономия, привнося специфические экономиче-

ские черты развития страны. В тот период экономикс не получил распространения в России.

Системное и аргументированное видение индустриального капитализма изложено в работах К. Маркса и Ф. Энгельса и их последователей. Сохранив родовой признак классической политической экономии — теорию трудовой стоимости — и раскрыв историю и логику становления и развития капиталистической рыночной экономики, Маркс сделал вывод о том, что основным экономическим законом капитализма является производство прибавочной стоимости, которое вытекает из отношений между капиталом и наемным трудом. И хотя при индустриальном капитализме наемный труд выглядел как физический труд рабочих в материальном производстве, впоследствии отношения между трудом и капиталом принципиально не изменились и в других сферах экономики.

Маркс намеревался представить политическую экономию в виде шести книг, посвященных соответственно капиталу, земельной собственности, наемному труду, государству, внешней торговле, мировому рынку. И хотя он успел подготовить лишь фундаментальную работу о капитале, но и в ней выражено системное видение воспроизводства капиталистической экономики, механизма ее функционирования и развития. Предлагая свой вариант развития теории трудовой стоимости, К. Маркс аргументировал возрастающую особую роль трудового фактора — наемного работника. Как и всякий живой организм, рыночное индустриальное хозяйство не застывает в своем состоянии, а имеет внутренние источники для развития и роста, что постепенно приводит не только к новым технологиям, видам разделения труда и повышению производительности труда, но и ставит на повестку дня вопрос о сути прогресса человечества — экономического, социального, духовного. Выводы Маркса формировались на основе закономерностей и тенденций индустриальной эпохи, когда материальное производство занимало ведущие позиции, преобладал физический труд, а личная независимость наемного работника с лихвой компенсировалась его экономической зависимостью от предпринимателя и капитала вообще.

XIX в. вошел в историю как век индустриального капитализма, век экономического, политического и военного доминирования Европы в мире. Не случайно поэтому именно европейские реалии в наибольшей степени повлияли на эволюцию политической экономии, что отразилось и в ее марксистской ветви.

Индустриальное развитие продолжилось и в XX в. вплоть до научно-технической революции, существенно изменившей экономику во второй половине столетия. Однако после победы Великой Ок-

тябрьской социалистической революции в России в 1917 г. возник СССР, а затем после завершения Второй мировой войны в 1945 г. появились и другие государства социалистической ориентации.

Особенности советской эпохи

Развитие советской плановой экономики в значительной мере происходило при чрезвычайных обстоятельствах. Немалые трудности создавали разруха после Гражданской войны, а затем восстановление страны после Великой Отечественной войны и гонка вооружений во время холодной войны. И все же экономический и социальный прогресс человечества в XX в. невозможно представить без СССР. Советский вариант политической экономии, опирающийся на работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, а также отраслевые экономические науки, сыграл важную роль в обеспечении достижений советской экономики.

В то время политическая экономия вместе с другими общественными науками стала частью официальной идеологии и политики КПСС — единственной правящей партии. С одной стороны, политическая экономия стремилась опираться на марксистское наследие, диалектическое восприятие общественного развития, а с другой — учитывать и решать проблемы строительства национальной экономики, опирающейся преимущественно на общественную (государственную) собственность на основные средства и факторы производства. Во второй половине XX в., когда после Второй мировой войны на социалистический путь перешли страны Восточной Европы, а также КНР, КНДР, СРВ, объект изучения плановой экономики значительно расширился, что стало основой для формирования и выделения политической экономии социализма. Наряду с ней продолжалось изучение капиталистической рыночной экономики через систему законов и категорий марксистской политической экономии капитализма. Значительное влияние на формирование политической экономии социализма оказал И.В. Сталин.

Первое издание официального учебника по политической экономии под редакцией академика К.В. Островитянова вышло в 1954 г. [14]. В нем экономическая система социализма раскрывалась на базе общенародной собственности. Под редакцией Н.А. Цаголова в 1963—1964 гг. в МГУ имени М.В. Ломоносова вышло первое издание «Курса политической экономии», в котором планомерность общественного производства рассматривалась как исходная категория политической экономии социализма [15]. Известным продвижением в преодолении догматических представлений об экономическом развитии стал учебник «Политическая экономия» под редакцией В.А. Медведева, опубликованный в 1988 г. [16].

С распадом СССР в России и других бывших социалистических странах экономическое развитие строится на рыночных принципах, что предоставляет возможность для его традиционного политико-экономического анализа. Вместе с тем КНР продолжает строить социализм с китайской спецификой, что позволяет использовать как разные ветви политической экономии, так и экономической теории в целом. Это выражается в том, что в КНР «невидимая рука» рынка соединена с «видимой рукой» государства.

Исторические судьбы СССР и политической экономии социализма разные. КНР в своем развитии стремится не повторять ошибок и просчетов, допущенных в теории и практике в советский период, в то же время максимально используя советский опыт подъема экономики страны до уровня равноправного партнерства как в мировом хозяйстве, так и в сфере научно-технического прогресса. В 2014 г. ВВП КНР по паритету покупательной способности юаня составил 16,3% мирового ВВП, что позволило стране стать первой в мире, обогнав США [1].

Информационная революция и сервисная экономика

Формирование единого мирового рыночного пространства в конце XX в. совпало с началом бурного повсеместного распространения современных информационно-коммуникационных технологий, составивших ядро информационной революции. Широкая доступность информации разного рода в режиме онлайн для правительств, бизнеса, рядовых граждан вызвала небывалый интерес к сравнениям условий жизни и работы, сочетанию национальных и частных интересов, деятельности транснациональных компаний и финансовых институтов, роли отдельных стран в решении глобальных проблем, месту человека в формирующейся информационной экономике. Особо остро зазвучала проблема усиления социальной дифференциации и социального неравенства как в отдельных странах, так и во всем мире [17; 18]. Без рассмотрения данных вопросов на общенациональном уровне невозможно оценить происходящее и выявить тенденции для прогнозирования будущего. Все это предопределило первостепенное значение политико-экономического подхода к анализу современного развития под воздействием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

ИКТ стали важнейшим звеном новой инфраструктуры мирового хозяйства. Не только страны с развитой рыночной экономикой, в которых проживает всего 15% населения земли, но и развивающиеся страны, а также государства со становящимся рынком покрыты общей информационной сетью. Тем самым любая национальная модель экономического развития не может нормально функционировать без ис-

пользования Интернета [19], без учета мировых информационных потоков. Фактически уходит в прошлое время закрытых экономик, и теперь страны стремятся определить оптимальность открытости своей экономики при условии защиты своих национальных интересов, что неизбежно поставило вопрос о политической экономии мирового хозяйства. Расширение объекта политической экономии не означает нивелирования особенностей национального развития и существования политической экономии в рамках национальных экономик. Не следует забывать, что политическая экономия как наука непосредственно не задает вектор экономического развития, не влияет на степень открытости или закрытости той или иной экономики. Она выявляет объективные закономерности и тенденции функционирования и развития системы экономики при сложившихся внутренних и внешних реальных обстоятельствах. При этом не может быть механического перенесения экономических законов и категорий с национального на общемировой уровень. Если частные экономические интересы одинаково проявляются на любом уровне, то реализация национальных интересов, экономическая роль государства и международных экономических институтов, механизм конкуренции, функционирование рынков имеют разные проявления. Это также относится к цикличности воспроизводства, где на мировом уровне, как свидетельствует картина экономического кризиса в первой декаде XXI в., возникли специфические факторы, вызывающие усиление неравномерности развития и рост диспропорциональности в мировом хозяйстве. В этих условиях системное видение национальной экономики не может быть полным без системного видения мировой экономики. Решить эту научную проблему способна политическая экономия современного капитализма.

Наметившаяся в середине XX в. тенденция возрастания влияния сферы услуг в развитых экономиках ускорилась и расширилась с появлением и внедрением современных ИКТ. По статистическим данным, доля производства товаров в ВВП в последние годы колеблется вокруг 30%. По абсолютным показателям объем материального производства увеличивается, но темп его прироста меньше темпов прироста сферы услуг и ВВП в целом. В результате современную развитую рыночную экономику можно назвать *сервисной экономикой* [20]. Конкурентоспособность национальной экономики теперь во многом зависит от того, насколько сфера услуг способствует подъему производительности труда в материальном производстве. Вместе с тем в самой сфере услуг эффективность труда и капитала часто определяется степенью внедрения постоянно обновляющихся ИКТ. Поставленный А. Смитом вопрос о производительном и непроизводительном труде в

рыночной экономике в конце XVIII в. требует новых ответов в начале XXI в.

Вместе с тем не укладывается в традиционный подход и оценка фаз воспроизводства — прежде всего производства и обращения. Современная сфера услуг такова по своей структуре, что не может быть целиком отнесена к сфере обращения. Значит, необходимы политэкономические критерии определения отраслей сферы услуг с точки зрения их роли в производстве стоимости и возрастании капитала. Объективное увеличение распространения фиктивного капитала также является следствием расширения сферы услуг и воздействия ИКТ. Значительное усложнение механизма воспроизводства капитала в национальном и мировом масштабах ставит перед политической экономией задачу разработки современной теории воспроизводства.

Роль человека, или человеческого потенциала в широком смысле, в последние десятилетия возрастает не в арифметической, а в геометрической прогрессии. На практической ниве человеческий труд неоспоримо доказывает свое главенство среди других современных факторов производства при прочих равных условиях. По своей значимости человек в действительности находится в основе экономической системы и в то же время является ее продуктом. И в информационную эпоху современное общество остается обществом наемного труда. Занятость на государственной службе разного рода и в частном секторе остается основным источником существования абсолютного большинства трудоспособного населения. В годовом доходе граждан развитых стран доля заработной платы и связанных с ней выплат колеблется от 60% до 70%. Налицо сочетание разных тенденций в прогрессирующем повышении значимости человека и трудового фактора в экономике.

С одной стороны, сокращается доля отраслей материального производства, где преобладает физический труд. С другой — неуклонно расширяется сфера услуг, растет значимость образования, профессиональной подготовки и непрерывного повышения квалификации работников, где преобладает умственный труд. Везде ценность работника резко возрастает, от каждого человека зависят реализация громадных материальных и финансовых ресурсов, скорость оборота капитала и его возрастания. Расширение использования умственного труда выдвигает на передний план интеллектуальную частную собственность, экономическая реализация которой во многом отличается от реализации собственности на материальные и финансовые факторы. Доказав свою важность как главного фактора производства в целом и в информационной экономике в частности, труд предопределил роль социальной сферы как основополагающего элемента стабильно-

сти общества, устойчивости прогресса. До сих пор теория трудовой стоимости не рассматривала указанные явления, хотя косвенно они подтверждают растущую значимость человека, его труда. Теоретический потенциал политической экономии позволяет ей системно ответить и на этот вызов практики.

Устойчивость и адаптивность предмета

Развитие политической экономии самым непосредственным образом связано с развитием индустриальной рыночной экономики на протяжении более чем двух столетий. Непосредственным предметом изучения выступают отношения между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров или услуг. Поскольку все, что может распределяться, обмениваться и в конечном счете потребляться, сначала должно быть произведено, постольку и сопровождающие их отношения получили название *производственные*. В реальной жизни ни один человек не может обойтись без потребления, в то же время не все люди заняты в производстве товаров и услуг. Порой распределение или обмен могут приобретать главенствующее значение в экономике. Поэтому производственные отношения называют еще *экономическими отношениями*, которые и являются предметом политической экономии.

Понятие *«экономические отношения»* дает более общее представление о предмете, сохраняя его *суть* — *отношения между людьми* в связи с их взаимодействием с окружающей средой, природой. Экономические отношения предстают в двух формах — организационно-экономических и социально-экономических отношениях. Первые представляют отношения, обусловленные разделением труда, структурой управления и организации в компаниях, фирмах, предприятиях. Вторые выражают социальные интересы людей в зависимости от их положения как собственников, наемных работников, предпринимателей, других слоев населения, общественных групп и классов. В рыночной экономике такие отношения получают количественное измерение в *денежной* форме. Но не всякие денежные отношения могут быть предметом политической экономии, ибо в обществе многое становится объектом купли-продажи, не являясь при этом результатом экономической деятельности людей. *Если экономические отношения имеют денежную форму, то денежные отношения не обязательно становятся экономическими.*

Хотя рыночная экономика возникла на базе ручного физического труда, однако именно машинное производство не только сформировало адекватную рыночным принципам основу, но и создало базу для научно-технического прогресса. Система машин формировала разделение труда внутри фабрики, завода, создавала новые отрасли и

рынки в национальной экономике, предпосылки для растущей роли образования и превращения науки в непосредственную производительную силу. Машинное производство, унифицировав индивидуальные навыки работника, формально уравнило значимость основных факторов производства — труда, земли, капитала. Тем самым возникла реальная экономическая проблема — рациональное использование имеющихся ресурсов при существующих в каждый момент времени ограничениях.

Общее понятие предмета изучения в политической экономии с годами не изменилось. Поскольку происходят изменения в самой экономике, постольку расширяется и сфера экономических отношений. Все большую значимость приобретают в экономике услуги. Одновременно с этим процессом качественно новое звучание получила информация, которая на основе современных информационно-коммуникационных технологий оказывает существенное влияние на все фазы воспроизводства — производство, распределение, обмен, потребление. Воспроизводство услуг отличается от воспроизводства товаров, хотя в рыночной экономике сами услуги имеют внешние признаки товаров.

Если в XIX в. к основным факторам производства относились труд, земля и капитал, то сегодня к ним добавились услуги и информация. Если прежде национальная экономика представляла собой в основном отрасли материального производства, то теперь преимущественное значение приобрели отрасли сферы услуг и в особую отрасль выделилась информация.

В развитых странах мира современную экономику называют экономикой знаний, или экономикой, основанной на знаниях. Хотя во все времена без знаний и навыков не мог обходиться ни один работник, в последние десятилетия образование и наука, уровень квалификации работников стали предопределяющим фактором прогресса. Все это требует адаптации механизма функционирования к новым условиям развития экономики, выгодной для общества субординации интересов работников, предпринимателей и нации в целом. Эффективной такая субординация может быть только при активной роли государства, которое становится выразителем общественных интересов.

Процессы, происходящие в самой экономике, а также усложнение взаимосвязей экономики с другими сферами общественной жизни, число которых растет, не могут не влиять на предмет политической экономии. Между тем родовые признаки товаров, наемного труда, капитала сохраняют свои характеристики и при современных модификациях рыночной экономики.

Динамизм метода

Специфика предмета политической экономии предопределяет ее метод. Предмет политической экономии — это экономические отношения людей в их воспроизводственной связи. Теория трудовой стоимости предполагает учет затрат труда как среднеобщественных, что означает ориентацию на общественный интерес. Методологически политическая экономия исходит из общественного интереса, который в современной литературе часто называют национальным интересом.

Поскольку теория трудовой стоимости выделяет человека, его труд как главный фактор производства, постольку условия труда, социальное положение работника здесь не уходят на второй план, а находятся в центре внимания. Вместе с тем по мере развития экономики возникает все больше опосредующих звеньев между первичными затратами труда и теми товарами или услугами, которые подлежат купле-продаже по ценам, воспринимающим влияние самых разных обстоятельств. В обыденной жизни объяснение многих современных экономических явлений с позиции трудовой стоимости требует немалых теоретических усилий и даже открытий, которые до сих пор еще не совершены. Сегодня это связано с возрастающей ролью умственного труда, интеллектуальной собственности и развитием отраслей сферы услуг.

Стало активно употребляться в деловой и научной литературе словосочетание «человеческий капитал», которое выражает, с одной стороны, растущие затраты на подготовку современного работника, а с другой — прямую зависимость величины таких затрат и возможностей отдачи как для самого работника, так и для бизнеса и общества [21]. Тем самым в современной экономике, основанной на знаниях, труд стал играть вновь первостепенную роль.

Если в мануфактурный период труд выделялся из других факторов производства из-за своей уникальности как ручной, физический труд, зависящий в значительной мере от опыта и навыков работника, то в современной информационной экономике уникальность и значимость работника напрямую не связаны с характером труда, а зависят от уровня его образовательной подготовки и полученной квалификации, требующей регулярного обновления.

Политическая экономия относится к общественным наукам, объектом изучения которых выступает человеческое общество. Экономика — основополагающая часть общества. Естественные науки изучают природу и используют для этого микроскоп, лабораторные и иные опыты и испытания, проводят разнообразные эксперименты. Для изучения экономики такие методы не подходят. Экономическая

жизнь означает одновременное взаимодействие громадного числа людей, множества различных факторов. Чтобы исследовать этот предмет и построить теорию экономических отношений людей, политическая экономия использует *метод научной абстракции*.

Нередко абстрагирование понимается как отрыв от реальности, а сами абстракции — как плоды чистого мышления, целиком определяемые любым исследователем. Отличие научных абстракций от других состоит в том, что каждая такая абстракция отражает какую-либо конкретную сторону предмета исследования. И в этом смысле абстрактное выступает как конкретное, часть или сторона целого. Это обстоятельство накладывает и определенные ограничения для абстрактного в политической экономии — ни одно абстрактное понятие не должно терять связь с предметом изучения. Применительно к рыночной экономике к самой глубокой абстракции относится товар, который, во-первых, представляет всю совокупность товаров на рынке и, во-вторых, аккумулирует специфику именно производственных, экономических отношений рыночного хозяйства.

Если принять за абстрактное труд как один из факторов, создающих товар, то мы теряем непосредственную связь с рыночной экономикой, так как труд свойствен и другим типам хозяйства. Вот почему пределом абстрагирования в политической экономии является именно товар.

Как научная категория политической экономии товар безлик, безразличен ко множеству реальных товаров. Но при этом сама категория товара позволяет понять и разобраться в любом конкретном товаре, представленном на рынке. В научном поиске происходит движение от абстрактного к конкретному, вплоть до выяснения экономической природы любых явлений рыночного хозяйства, с которыми сталкивается человек.

Как и другие науки, политическая экономия оперирует категориями, имеющими однозначное толкование. Другими словами, политическая экономия опирается на свою систему координат, в которой любая сторона рыночной экономики имеет свое место, получает свою характеристику. В результате формируется соответствие между системой категорий политической экономии и системой рыночной экономики.

Метод научной абстракции позволяет исследователю раскрыть в каждом явлении его *сущность*, постепенно по отдельным частям восстанавливать всю характеристику рассматриваемого предмета, т. е. использовать свойство *индукции*. Или наоборот, разложить на составляющие элементы целое явление, используя *дедукцию*. Если в теоретическом анализе абстрактное и конкретное разделены, то в действи-

тельности взаимосвязь *абстрактное — конкретное — абстрактное* не прерывается ни на мгновение. Этот процесс получил название *восхождения от абстрактного к конкретному*. В дополнение к этому использование в исследовании оптимального сочетания движения от частного к общему (*индукция*) и от общего к частному (*дедукция*), а также выявление существующих противоречий и путей их преодоления в процессе развития составляют основу диалектического метода.

Рыночная экономика развивается уже ни одно столетие. За это время появилось немало новых явлений, ушли в историю отжившие события, факты, технологии. Все это не могло не сказаться на системе категорий политической экономии, которая тоже не стояла на месте. Научный характер политической экономии состоит в том, что ее категориям чужд догматизм.

Метод научной абстракции, а также подход к динамике рыночной экономики как к историческому прогрессу не позволяют консервировать теоретическую систему политической экономии, которая, опираясь на базовые принципы рыночного развития, отражает новые явления и тенденции в своих категориях и взаимосвязях.

В экономических исследованиях для определения количественных взаимосвязей широко применяется математика. Среди естественных и общественных наук математика выделяется своим своеобразием, которое опирается на высочайший уровень абстракции как в категориальном аппарате, так и в предмете изучения. Математические абстракции — это абстракции особого рода. Они не имеют прямого отношения к *конкретному*. Они взаимосвязаны только в системе математических координат различного вида. Сами по себе математические величины и их взаимосвязи нейтральны к категориям любой науки, что и создает возможность для широкого применения математики. Известно, к примеру, как цифровые методы стали основой современных информационных технологий, которые в свою очередь нашли повсеместное распространение.

Количественные характеристики в экономике имеют важнейшее значение. В политической экономии выделению количественных параметров, как правило, предшествует содержательный, или качественный, анализ. Поскольку экономические отношения как предмет изучения имеют свою специфику, постольку использование математического аппарата сопровождается определенными предпосылками, которые, с одной стороны, призваны ограничить число переменных величин, а с другой — найти наиболее подходящее для конкретной хозяйственной ситуации математическое выражение — функцию, модель, формулу и т. п.

В таком случае математически описывается какая-то часть или какая-либо отдельная функция экономической системы. Причем выбор предмета анализа зависит от исследователя, который и вводит данные предпосылки. Поэтому все выводы и заключения, полученные на базе математического аппарата, имеют свое значение только для оговоренных условий.

Математический аппарат позволяет добиться количественной определенности при безразличном отношении к социальному содержанию экономических отношений и при игнорировании интересов субъектов этих отношений. Это является результатом абстрактного характера самого математического аппарата, который выступает универсальным инструментом анализа, применяемым в разных науках. Субъективный подход исследователя, усиленный математическим абстрагированием, приводит к тому, что любые явления рыночной экономики (товар, деньги, доход, прибыль и т. д.) представляются на уровне обыденного восприятия и получают часто не взаимосвязанные и не взаимообусловленные определения. Такие определения удобны для принятия операциональных решений на практике, но не всегда формируют целостное восприятие рыночной экономики или даже отдельного ее явления.

Надо ясно понимать, в чем состоят возможности математического инструментария в политической экономии. Для исследователя, предпринимателя и просто работника значимость количественных взаимосвязей велика, но еще более важным является содержательная обусловленность тех или иных количественных параметров на разных уровнях — домохозяйства, фирмы, отрасли, национальной или мировой экономики. Такую картину можно получить, если стремиться объединить все методы политической экономии в экономическом исследовании.

Без знания экономических законов не обойтись

Жизнь современного общества и его экономики базируется на национальном законодательстве. Юридические законы распространяются на все сферы жизни — политику, экономику, семью, экологию и др. Они формулируют права и обязанности гражданина, собственника, предпринимателя, корпорации, партии, общественной организации, государства в целом. Существует механизм исполнения законов, опирающийся на равенство всех перед законом, открытость и гласность судебного разбирательства. Хозяйственное, или деловое, право содержит целый комплекс законов, обеспечивающих функционирование экономики — защиты прав собственности, конкуренции, коммерческой тайны, окружающей среды, потребителя, налогообложения,

рынков, формирования и исполнения федерального, региональных и местных бюджетов.

Вместе с тем рыночная экономика имеет собственные, присущие только ей законы, по которым она функционирует и развивается. Такие законы не оформляются юридически, они действуют объективно, выражая *типичные, устойчивые, повторяющиеся причинно-следственные связи и зависимости и определяя главное направление развития*. Проявление таких законов происходит в виде господствующей тенденции, а не в отдельном событии или явлении. Действие экономических законов происходит через отношения между людьми. Ситуация рыночной экономики диктует людям определенное поведение в сфере производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг. Если человек осознает и понимает действующий экономический закон, то он может достигнуть своей цели. Наоборот, когда он игнорирует сложившиеся тенденции, то конкуренция вытесняет его из рыночной среды, он терпит убытки или полное фиаско.

Экономические законы действуют в каждой сфере рыночного хозяйства и во всех фазах воспроизводства, на микро- и макроуровнях. Есть экономические законы и на отдельных рынках, и в отраслях. Системе рыночного хозяйства соответствует система экономических законов. Чтобы познать экономические законы, надо изучить сферу их действия, выявить тенденции рыночного развития.

Экономические законы реализуются практически, а открываются теоретически. Формулировки правовых актов содержатся в юридических документах, а определения экономических законов — часть экономической теории. Среди всей совокупности экономических законов теория выделяет основной закон, который либо определяет вектор развития, либо стержень функционирования рыночной экономики.

Как уже отмечалось, классическая политическая экономия строится на базе теории трудовой стоимости. Развивая эту теорию, марксистская политическая экономия определяет основным экономическим законом капиталистической рыночной экономики *производство прибавочной стоимости*. Неоклассическая теория исходит из равнозначности факторов производства, обращая внимание на механизм *функционирования* рыночной экономики. Поэтому главное здесь — обеспечение равновесия на рынке, что определяется *законом спроса и предложения*.

Как видно, исходные методологические позиции разных ветвей экономической теории приводят к различному обозначению основных экономических законов рыночной экономики. Реальная действительность имеет и те, и другие тенденции, которые и дают полную картину

ну рыночного развития. В системе координат политической экономии закон спроса и предложения тоже имеет место, определяя отклонение рыночной цены от стоимости товара или услуги. А в системе координат экономикса производство подчинено рынку, поэтому все внимание обращается на динамику цен, которая как раз зависит от соотношения спроса и предложения. Если политическая экономия пытается проникнуть в сущность явлений и выявить их субординацию и взаимозависимость, то экономикс предпочитает анализировать явления таковыми, как они представлены в каждодневной жизни. Для рационального (с точки зрения домохозяйства или предпринимателя) использования ограниченных ресурсов такой подход оказывается достаточным, легко усваиваемым и применяемым в практике бизнеса.

«Новая политическая экономия»

Ни одна национальная экономика не может обойтись без активной роли государства. Государственная экономическая политика способна как тормозить, так и ускорять экономический рост, формировать единое национальное экономическое пространство. Экономически сильное государство выступает своеобразным гарантом рыночного развития, обеспечивает защиту всем участникам воспроизводственного процесса.

Между тем значительная часть деятельности государства, да и оно само, в рыночной системе относится к сфере политики. Государственные деятели получают власть через периодические выборы. Это уже политические отношения, которые формируют так называемый политический рынок, который все больше влияет на экономику, сам по себе являясь неэкономическим фактором. Политический процесс вовлекает большие денежные ресурсы. Все это способствует тому, что экономикс начал изучать также эту сферу общества. Принцип рационального использования ограниченных ресурсов перенесен в политические отношения и такой экономикс получил название политический [22]. Другим названием политического экономикса стал термин «политическая экономия», или *новая политическая экономия* [23].

Новая политическая экономия взяла от традиционной, классической политической экономии только название, придав термину «политическая» его буквальный смысл, т. е. относящийся к политической сфере. Сам факт включения политики в предмет изучения экономикса означает, во-первых, растущее влияние политики на экономику и, во-вторых, все большее распространение денежных отношений в сфере политики.

Как видно, в рыночной экономике не только экономические отношения имеют денежную форму. Денежная оценка так или иначе распространяется на различные сферы и самые разные отношения

людей. Однако от этого суть экономических отношений не изменяется, хотя и возникает предмет изучения для междисциплинарных дисциплин. В этом смысле *новая политическая экономия есть теория, реализующая экономические методы для исследования сферы политики*. Поскольку в этой сфере исследуется взаимодействие частных и общественных интересов, постольку новая политическая экономия выступает своеобразным союзником политической экономии.

В ведущих университетах США и Европы в конце XX в. вновь начали преподавать политическую экономию как междисциплинарный курс, в котором делается упор на системное видение развития национальной и мировой экономики с позиции государственного деятеля высшего уровня или руководителя транснациональных компаний [24]. Комплексное рассмотрение современных проблем, выявление роли неэкономических факторов на экономическое развитие оказались невозможными без политико-экономического (в данном случае с позиции общенациональных интересов) подхода. В этом также выражается стремление оптимизировать взаимосвязи частных и общественных интересов. Опыт развитых стран свидетельствует о том, что реализация частных интересов возможна до тех пределов, пока это не противоречит общественным интересам, гарантирующим национальную безопасность в конкурентном мире. Не забывая упоминать А. Смита и даже К. Маркса, университетские курсы все же далеки от классической политической экономии. При этом учебные курсы предпочитают название «политическая экономия», обходясь без дополнительного, освежающего определения «новая».

Между тем новая институциональная теория, опирающаяся на методологию экономикса, нередко претендует использовать сочетание «новая политическая экономия».

Неудовлетворенность распространенными в развитых странах методами экономического анализа породила так называемую неортодоксальную политическую экономию, которая примыкает к другим неортодоксальным экономическим теориям. Ни одно из возникающих научных направлений не отменяет и не заменяет политической экономии в ее историческом понимании, а лишь пытается по-своему реагировать на современные вызовы экономического развития, своеобразно дополняя политическую экономию.

Сложная экономика — сложная теория

Четырехсотлетняя история политической экономии отчетливо свидетельствует о том, что она, дав старт развитию экономической теории и составив ее основу, не покрывает своими категориями все стороны, аспекты и грани объекта исследования — экономики. Отражая систему экономики, система категорий и законов политической

экономии не ограничивает другие теоретические подходы к изучению отдельных сторон и функциональных взаимосвязей в экономике. Поэтому в рамках экономической теории сосуществуют без права на научный монополизм политическая экономия, экономикс, институционализм, эволюционная теория, поведенческая экономика, другие направления и школы. Усложнение современной экономики и углубление общественного разделения труда способствуют появлению и развитию отраслевых и функциональных экономических теорий.

Объективность возникновения и развития политической экономии и других частей экономической теории не исключает отражения тех или иных экономических интересов различными теоретическими подходами. Однако опыт развитых стран и в XXI в. показывает, что любые теоретические постулаты, в конечном счете, отвергаются хозяйственной практикой и экономической политикой, если они противоречат общенациональным интересам. Тем самым воочию подтверждается актуальность общественного методологического подхода, свойственного политической экономии, которая продолжает отражать экономический и творческий потенциал человечества. Системные проблемы требуют системных решений.

Литература

1. World Economic Outlook (October 2015). Wash.: IMF, 2015.
2. Гловели Г.Д. Исторические лабиринты политической экономии: заметки по поводу неочевидного юбилея // Вопросы политической экономии. 2015. № 1.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
4. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М., 2009.
5. Пороховский А.А. Мудрость и энергия политической экономии: проверено столетиями // МАНЕКО, Bratislava. 2015. № 2.
6. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23 — 25.
7. Джевонс У.С. Об общей математической теории политической экономии. Теория потребительского поведения и спроса. Серия «Вехи экономико-математической теории». Вып. 1 / Под ред. В.М. Гальперина. СПб., 1993.
8. Менгер К. Основания политической экономии. Избранные работы. М., 2005.
9. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства. М., 2000.
10. Маршалл А. Основы экономической теории. М., 2007.
11. Samuelson P. Economics. N.Y., 1948.
12. Шторх А.К. Курс политической экономии. М., 1815.

13. *Чупров А.И.* Курс политической экономии. М., 1883.
14. Политическая экономия: Учебник / Под ред. К.В. Островитянова. М., 1954.
15. Курс политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова: В 2 т. Т. 1. Досоциалистические способы производства. Т. 2. Социализм. М., 1973—1974.
16. Политическая экономия: Учебник / Под ред. В.А. Медведева. М., 1988.
17. *Ликетти Т.* Капитал в XXI веке. М., 2015.
18. *Пороховский А.А.* Мир перемен без перемен // Мир перемен. 2015. № 4.
19. *Роговский Е.А.* Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. М., 2014.
20. Output Measurement in the Service Sectors / Zvi Griliches (ed.). Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
21. «Человеческий капитал» и образование / Под ред. В.Н. Черковца, Е.Н. Жильцова, Р.Т. Зяблюк. М., 2009.
22. Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах / Сост. А.А. Аузан, А.В. Золотов, А.А. Ставинская, В.А. Тамбовцев. М., 2010.
23. *Persson T., Tabellini G.* Political Economics (Explaining Economic Policy). Cambridge, Mass; London, England: The MIT Press, 2000.
24. *Пороховский А.А.* Эволюция рыночной экономики в зеркале политической экономии // Российский экономический журнал. 2008. № 1 — 2.

В.М. КУЛЬКОВ

**Параметры и акценты научного отражения
национальной экономики**

Аннотация. В статье анализируется влияние философии хозяйства на развитие неортодоксальной линии экономической теории; подчеркивается особое значение этого влияния на политическую экономию; раскрываются содержание национально ориентированного подхода в экономической теории и его актуальность; показывается благотворное взаимовлияние теории национальной экономики и философии хозяйства.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономическая теория, политическая экономия, теория национальной экономики.

Abstract. In the article the influence of the philosophy of economy on the development of heterodox economic theory is analyzed. The special significance of this impact on the political economy is underlined. Content of the national-based approach in economic theory and its relevance is revealed. The beneficial interaction between theory of the national economy and the philosophy of economy is shown.

Keywords: the philosophy of economy, economic theory, political economy, theory of the national economy.

С начала 1990-х гг. отечественная экономическая наука оказалась в сложном положении. Именно тогда встал вопрос: заниматься лишь ретрансляцией сложившихся на Западе научных направлений и учебных методик (чем занялось тогда большинство ученых-экономистов и что активно внедрялось и поощрялось) или отыскивать другие пути, отражающие и особенности национального экономического мышления, и научно-образовательные традиции, и весь комплекс национально-специфических условий, присущих России. К числу таких путей следует отнести философию хозяйства, которая стала активно участвовать в формировании неортодоксальной линии социально-экономической науки в России. Можно сказать, что философия хозяйства — один из немногих самоценных и самобытных, оригинальных результатов современной отечественной мысли, хотя, конечно, не стоит забывать того, что она опиралась на историческое наследие С.Н. Булгакова (но это, прямо скажем, свое национально-духовное, интеллектуальное наследие).

Крайне важно и то, что философия хозяйства, помимо своей собственной предметной задачи, подпитывает и обогащает другие альтернативные мейнстриму направления. Прежде всего — политическую экономию, помогая ей выйти из того периферийного поля, куда отесняет ее мейнстрим, и из того узкоэкономического поля, куда ее нередко подталкивали сами радетели чистоты предмета политэкономии, в котором, по их мнению, не должно быть ничего, кроме производительных сил и производственных отношений. Политэкономы, сумевшие вобрать в себя потенциал философии хозяйства, расширяют свой предмет за счет цивилизационных начал, факторов неэкономического характера, междисциплинарных соприкосновений — и тем самым открывают новые возможности политэкономического анализа. Такая подпитка очень важна для развития политэкономии, способна придать ей новое, недостающее дыхание.

Политэкономия, отметившая в 2015 г. свое 400-летие, нуждается в новых импульсах.

Во-первых, она может расширить действие своего арсенала в общем пространстве самой экономической теории. Здесь видится немало полей для приложения сил политэкономов. Стоит назвать некоторые из них.

В период обострения кризисных процессов в современной экономике важную объяснительную и практическую роль могла бы сыграть идущая из недр политэкономии воспроизводственная трактовка кризисов. Известное представление политэкономии о капитале как выражении социально-экономического господства позволяет раскрыть картину современных социальных противоречий, понять содержание утвердившейся в мировых масштабах гегемонии «глобального капитала». Политэкономия могла бы представить современную долговую экономику как специфическую сферу мультипликации фиктивного капитала. Инструментарий давно известной в политэкономии теории земельной ренты мог бы быть задействован при объяснении столь распространенного (особенно в России) рентоориентированного поведения. Хорошую подсказку для оценки характеристик современного «общества потребления» могла бы дать политэкономическая концепция товарного фетишизма с ее акцентом на «овеществление» экономических отношений. Большие возможности открываются при объяснении экономических деформаций и широко распространившихся в современной общественной жизни всякого рода «симулякров» через призму известной из политэкономии идеи «превращенных форм». И таких примеров и сфер перспективного приложения сил политэкономов можно было бы найти немало.

Но политэкономия, во-вторых, способна реализовать себя и через экспансию во внешние сферы — это то, что можно было бы назвать «политэкономическим империализмом». Но для этого она должна смелее выходить на новые поля, которыми ранее пренебрегала, высокомерно считая их предметом других наук, кичась своей настойчивостью в борьбе за чистоту своего предмета и тем самым проигрывая здесь активному и масштабному наступлению неоклассического «экономического империализма». Для преодоления укрепившейся за многие годы в политэкономии закомплексованности следует больше внимания уделять междисциплинарным вопросам, уходить от узкоэкономического подхода, учиться использовать свой инструментарий для анализа разных сфер жизни, и здесь для политэкономии будет очень кстати внешняя (междисциплинарная) подпитка — в том числе от философии хозяйства.

Возьмем для примера проблематику «пространственной экономики», связанную с признанием особой роли географического (территориального) фактора. Мейнстрим сумел войти в эту сферу, вроде

бы традиционно принадлежавшую конкретно-экономическим отраслям знания. В итоге возникли «новая экономическая география», концепции пространственной конкуренции, пространственного экономического равновесия и т. п. Политэкономы же здесь молчали, забыв даже о теоретическом потенциале учета фактора местоположения в концепциях земельной ренты, представленных в классической и марксистской политэкономии. Между тем для политэкономии здесь открывается широкий фронт работы — и в особенности в части трактовки «единого экономического пространства» через призму исповедуемого ею системного подхода. Тут возникают такие интересные для политэкономов вопросы, как время и пространство в экономике, однородность и пространственная модификация экономических отношений, плотность и насыщенность этих отношений на разных территориях, пространственная целостность и устойчивость национального воспроизводства, соотношение разных пространств (глобального, регионального, национального, местного и др.) и т. п. В целом появляются основания для конституирования пространственного ракурса экономической теории, надо прямо сказать, слабо представленного в последней в отличие от временного ракурса. Развитие как указанной, так и других подобных ей характеристик (а среди них цивилизационные, социокультурные и другие, более предметно близкие философии хозяйства) позволили бы политэкономам выйти на важные и значимые выводы.

Все это свидетельствует о том, что «политэкономический империализм» мог бы принести богатые плоды. И в этом расширении координат анализа, более широкого взгляда на мир политэкономам очень могут помочь импульсы, идущие именно от философии хозяйства.

Особо следует выделить направление, с которым может наиболее плодотворно взаимодействовать философия хозяйства, — это теория национальной экономики (в другой терминологии — «национальная политэкономия», по Ф. Листу, или просто «национально ориентированный подход» в экономической теории).

В наиболее общем виде смысл этого подхода заключается в необходимости учета и теоретического отражения всей совокупности национально-специфических условий, присущих стране. Базовой характеристикой такого подхода выступает не просто стандартная экономическая система, а национальная экономическая система, которая с самого начала берется в единстве с присущими стране национальными условиями: экономическими и неэкономическими факторами, жизненно необходимыми целями национального развития.

Понятна забота о чистоте предмета и о научном принципе универсализма, проявляемая многими политэкономными. Но нельзя уходить в крайность, закрывать глаза на реалии и особенности национальной экономики. Ретивая настойчивость в борьбе за «чистоту» теории, фанатичная приверженность универсалистским системам и законам могут способствовать тому, что при «торжестве» универсалистских законов в их приложении к национальной действительности произойдет подрыв устойчивости и безопасности страны и ее хозяйства. Такова возможная цена высокомерного невнимания к своеобразию национальной экономики и к его адекватному научному отражению.

Национально ориентированный подход в экономической теории в современных условиях актуален и востребован, что особенно выпукло проявляется в следующих аспектах.

Первый аспект отражает произошедшее усложнение мировых реалий, противоречивость и цивилизационное разнообразие современности. Под воздействием реальных процессов начинает затухать чрезмерный оптимизм относительно устойчивости мирового глобального порядка, налицо — появившиеся провалы глобализации, обострение противоречий между национальными и глобальными параметрами развития, что, в частности, нашло свое отражение в росте числа «евроскептиков».

Другой аспект демонстрирует чисто российскую необходимость формирования адекватной национальной экономической системы страны. Экономические сложности России, усилившиеся с 2014 г., грубое давление, оказываемое сейчас Западом на Россию, объективно заставляют уделять повышенное внимание к национальным факторам развития, к специфике национального воспроизводства, к безопасности экономики страны, к поиску возможностей импортозамещения и усиления самодостаточности национального хозяйства. Какая система экономики наиболее соответствует этим характеристикам и обладает при этом высокой эффективностью — этот вопрос стал для современной России сверхактуальным, а, по сути, вопросом самовывживания.

Еще один аспект связан с самой сферой экономической теории. Все более слышны критические оценки со стороны желающих видеть ее практически более осязаемый потенциал и преодоление отрыва от реальности. Звучат все сильнее призывы к созданию «корректной экономической теории» или к «развороту к реальности», а ведь национальная хозяйственная жизнь — это и есть наиболее очевидное выражение экономической реальности.

Можно утверждать в итоге, что национально ориентированный подход востребован сегодня по целому ряду причин, и он может быть

предметно реализован в рамках возрождения того направления, которое когда-то получило название «национальной системы политической экономии» (кстати, в 2016 г. исполняется 175 лет со дня выхода в свет книги Ф. Листа под одноименным названием, ставшей своего рода исходным кредо указанного подхода в экономической теории). Такие попытки предпринимаются и в наше время, и даже возник термин «новая национальная экономическая теория», который, как представляется, отражает еще одну самобытную линию развития отечественной экономической мысли (наряду с философией хозяйства и теорией трансформационных процессов).

Выделение теории национальной экономики (в более понятной форме — «экономической системы России») в качестве относительно самостоятельной части экономической теории можно было бы считать наиболее концентрированным и комплексным способом выражения национально ориентированного подхода в экономической теории и экономическом образовании. К сожалению, попытки девальвировать это направление весьма велики, касается ли это учебных курсов, исследовательских грантов или ваковских специализаций. Складывается впечатление, что жизнь, остро востребовавшая ныне, как было показано выше, усиления национальной ориентации, идет одним путем, а учебно-научные реалии — другим путем. Впрочем, подобного рода дихотомии — не редкость для России, имея в виду, прежде всего, слабую адекватность проводимой экономической политики стратегическим целям национального развития.

Теория национальной экономики, как она была представлена здесь, и философия хозяйства дополняют и развивают друг друга.

Философия хозяйства дает теории национальной экономики широту координат, междисциплинарность подхода, раскрывает метасмыслы экономического бытия, формирует определенное духовно-интеллектуальное поле экономического анализа. Она предотвращает уход этой теории, с одной стороны, в политэкономическую ортодоксию, а с другой стороны, в национально-хозяйственную эмпирию (чем отчасти страдала в свое время немецкая историческая школа).

Но есть и обратное благотворное влияние, поскольку, в свою очередь, теория национальной экономики предотвращает философию хозяйства от опасности ухода в схоластическое теоретизирование, когда бытовавшая в свое время абстрактно-логическая схоластика сменится схоластикой трансцендентальности, софийности как таковых. Но это может быть преодолено именно выходом философии хозяйства на проблематику национальной экономики, на российский контекст жизни. И, как представляется, именно во взаимодействии этих двух направлений во многом состоит залог теоретических и

практических успехов российской экономической мысли. К этому следует добавить и то, что указанное взаимодействие усиливает фундаментальность экономического образования. Последнее не может быть сведено к подготовке рафинированных экономистов-прикладников, не может исходить только из узкопрагматических критериев и ориентироваться лишь на внешние (зарубежные) образцы. Российские университеты (по крайней мере, ведущие) должны готовить таких экономистов, кто не просто освоил современные экономические знания и компетенции, но и приобрел фундаментальную подготовку, системный подход, междисциплинарный взгляд, мыслит в определенных социокультурных координатах, дорожит отечественными общественными и научно-образовательными традициями, умеет сочетать универсальные знания со спецификой России и с ее национальными интересами.

А.К. ШУРКАЛИН

Кризис теоретических концепций экономического роста в России

Аннотация. В статье дается критическая оценка концепциям экономического роста. Раскрываются направления развития теорий роста в сторону большей институционализации. Показаны сущность и содержание действующей концепции экономического роста в России. Анализируются факторы и условия экономического роста в последние годы. Высказана критика монетаристского содержания экономической политики правительства России. Рассмотрены предложения, направленные на активизацию экономического развития путем реализации форсированной политики инвестирования.

Ключевые слова: экономический рост, факторы роста производства, инвестирование, денежно-кредитная политика, монетаристская политика, производительность труда, сбережения, внешние источники.

Abstract. The article gives a critical assessment of the concert of economic growth. Reveals the direction of the theory of growth towards greater institutionalization. Showing essence and content of current concepts of economic growth in Russia. The conditions and factors of economic growth in Russia in recent years. Criticized the content of monetarist economic policies of the Russian government. Considered proposals aimed

at strengthening economic development through the implementation of accelerated investment policy.

Keywords: economic growth, factors of production, investment, monetary policy, monetarist policies, labor productivity, savings, external sources.

Экономическая теория накопила большой опыт теоретического обоснования условий и факторов экономического роста. Отмечу наиболее важные направления теорий экономического роста. Это неоклассические концепции, представленные прежде всего моделями А. Льюиса и Р. Солоу. Кейнсианские концепции также сделали весомый вклад в развитие теории экономического роста. Они рассматривали условия роста на основе производственной функции, учитывающей роль основных производственных факторов производства (капитал, труд, природные ресурсы). Прежде факторы производства учитывались экстенсивным образом: чем больше использовалось капитала, труда и материальных ресурсов, тем выше были темпы экономического роста.

Современные концепции, призванные углублять и развивать теорию экономического роста, нацелены как раз на то, чтобы использовать факторы производства интенсивно — с учетом последствий современной научно-технической революции и социальных требований. Одним из таких направлений является теория «человеческого капитала», отражающая возрастающую роль невещественного накопления, направленного на всестороннее развитие человека. Впервые обоснование роли человеческого капитала как важного фактора экономического роста было выдвинуто американским экономистом Т. Шульцем в начале 1970-х гг. [1]. В 1970-е — 1990-е гг. в экономически развитых странах человеческий капитал прирастал более высокими темпами, чем производительный капитал. В 1990-е гг. суммарные расходы на образование, здравоохранение, социальное обеспечение в США более чем в 3 раза превышали объем производственных капиталовложений.

В 1980—1990 гг. теория человеческого капитала получила широкое развитие в неоклассических моделях Р. Лукаса, П. Ромера, Д. Уэйла, П. Агийона, П. Хоувитта. В них раскрыта роль научно-технического прогресса, который интенсифицирует использование экономических ресурсов. При этом не капитал, а рабочая сила рассматривается как основной фактор, обеспечивающий поступательный и устойчивый экономический рост. Результативность экономического роста определяется не только состоянием экономических ресурсов, находящихся в распоряжении общества, — многое зависит от каче-

ства экономических ресурсов, от умения ими рационально управлять. Здесь необходимо отметить огромную роль институтов, призванных на практике реализовать поставленные социально-экономические задачи.

Определенная концепция экономического роста утвердилась и в экономической политике России. Поскольку социально-экономические преобразования начали реализовываться под аккомпанемент «Вашингтонского консенсуса», то базис теоретической концепции экономического роста составляли неоклассические модели — но не модели человеческого капитала и эндогенного влияния научно-технического прогресса. В основу экономической политики роста были положены образцы «догоняющего развития» — все то, что когда-то МВФ и МБРР рекомендовали странам Азии, Африки и Латинской Америки. Приверженцы неоклассических догматов считали, что осуществление перехода к рынку должно происходить стандартно. В начале 1990-х гг. в нашей стране многим казалось, что законы становления рыночной экономики одинаковы во всех странах. При этом огромное значение имеют институты. С их помощью выстраиваются реальные условия для экономического развития.

В процессе развития постсоветской экономики произошло неизбежное столкновение новых правил и институтов с прежней институциональной структурой, которая характеризовала в целом для большинства населения неприятие рыночных принципов поведения. Формировалось устойчивое противоречие между реальными возможностями экономической системы и нарождающимися институтами рынка. Многие институты рынка в нашей стране не сформировались должным, устойчивым образом. Например, денежно-кредитная система и ее институты не смогли обеспечить бесперебойное снабжение народного хозяйства капитальными ресурсами. В результате возникли дефицит сбережений и дефицит кредитных ресурсов. Важно отметить, что наиболее слабым звеном этой системы является процесс перевода сбережений в инвестиции. Уровень сбережений, который мобилизуется российской банковской системой, явно недостаточен для обеспечения финансирования отраслей материального производства. Экономическая система не в состоянии обеспечить длинными и недорогими кредитными ресурсами процесс производства. Это также зависит от устойчивости курса рубля. Но в российской экономике (так повелось с начала реформ) курс рубля зависит в большой степени от курса доллара США и европейской валюты, а также от мировой цены на нефть. Все это обусловило ситуацию, в которой российская экономика испытывает острую нехватку инвестиций. В этих условиях российская экономика вынуждена использовать иностранные заимствования, как

более дешевые и более доступные средства финансирования экономического роста.

Низкие темпы сбережения формируют низкие темпы инвестирования. Это, конечно, приводит к высокому уровню инфляции, к падению темпов развития отраслей материального производства. «Неудача экономических реформ в России по рецептам неоклассического “экономикса”, — писал Р.М. Нуреев, — доказала невозможность модернизации постсоветской экономики без ясного понимания стратегических целей развития и учета ее социокультурных особенностей» [2, 221].

О наших реформах можно говорить по-разному. В 1990-х гг. — это цепь неудач и сложных проблем. Результатом любой экономической реформы должен быть прирост ВВП, рост благосостояния членов общества. Но всего этого российское общество не получило. Объем ВВП за период 1990—2000-х гг. сократился примерно на 30%. ВВП прирастал по 4—5% в год. Возникает вопрос: за счет чего был обеспечен этот экономический рост? Отвечая на него, подчеркну, что это не было результатом исправления курса реформ и коренных изменений в экономической политике. Выручила благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура. В течение 2001—2008 гг. мировая цена на нефть и газ выросла в 7—8 раз. Поскольку в российской политике экономического роста сохранялся упор на использование внешнеэкономического фактора, то высокие экспортные доходы от реализации на мировых рынках энергетических ресурсов стали материальной базой экономического роста. Один из приверженцев монетаристского экономического курса Е. Ясин прямо указывал на основные факторы, обеспечивающие России экономический рост, — экспортные доходы и снижение курса рубля [3, 5]. Это было написано еще в 2001 г. Но с того времени в нашей политике экономического развития ничего не изменилось. Правда, изменились внешние условия. И эти изменения остро обнаружили тщетность теоретического монетаристского базиса, который был и остается и по сей день в основе действующей экономической политики. Мировая цена на нефть упала с 70—80 дол. за баррель до 38—36 дол. Курс рубля по отношению к доллару США на 1.1.2016 г. составил 73,5 р., а по отношению к единой европейской валюте — 79,2 р. Падение составило за последние два года более чем в два раза.

Ухудшение внешних условий экономического развития России сопровождается введением санкций, которые закрывают доступ российским компаниям к мировому финансовому рынку за кредитами, ограничивают возможности приобретения целого ряда товаров и передовой технологии по импорту. Подчеркнем, что те условия, которые

сегодня сложились для России в мировом хозяйстве, не должны сильно препятствовать экономическому росту нашего народного хозяйства. Однако мы видим, что российская экономика оказалась в тисках глубокого кризиса. Казалось бы, Россия, как и другие европейские страны, быстро преодолела последствия мирового кризиса 2007—2009 гг. Если экономический рост в 2009 г. был отрицательным, ВВП сократился на 7,8%, то уже в 2010 г. ВВП вырос по сравнению с 2009 г. на 4,5%. Но в 2012 г. налицо еще большее сокращение (3,4%); в 2013 г. — ВВП вырос всего на 1,3%, а в 2014 г. — всего на 0,6%. В 2015 г. имела место отрицательная динамика — (-2,5%). Прогноз на 2016 г. также неутешителен. Ожидается падение объема ВВП в годовом измерении на 1,5—2%.

Приведенные данные показывают, что действующая экономическая политика не в состоянии обеспечить экономический рост. Главным образом потому, что экономический рост практически лишен собственных источников. Для реализации программы поступательного экономического роста в современных условиях России необходимо до 40% объема инвестиционных ресурсов, которые можно задействовать только за счет внешних заимствований. Функционирующий в России денежно-кредитный механизм зависит от курса доллара и евро, от сложившейся конъюнктуры на мировых рынках капитала.

Многие специалисты указывают на то, что действующая денежно-кредитная политика не способствует экономическому росту. Академик РАН В. Ивантер отмечал, что против экономического роста работает высокая ключевая ставка процента, которую назначил ЦБ РФ и эту линию проводит твердо и последовательно [4].

Серьезные отрицательные последствия генерирует наша структурная политика, которая, несмотря на многочисленные заверения российских руководителей, по-прежнему остается однобокой, ориентированной, главным образом, на нефть и газ. Понятно, если основные факторы экономического роста находятся не в наших руках, то быстрый переход к импортозамещению и отказ от «нефтяной иглы» вряд ли получатся. Зависимость от экспорта энергетических ресурсов создавала иллюзию экономического роста и роста благосостояния. Показательная динамика нашего развития всецело держалась на нефтегазовых доходах. Еще 4—5 лет назад все казалось нормальным. Экономический рост стимулировался спросом, который увеличивал потребление гражданами товаров и услуг. Рост потребления основывался на росте доходов населения. Они росли весьма приличными темпами. За 1999—2007 гг. реальные доходы возросли более чем в 2 раза. Теперь зададим вопрос: за счет чего росли доходы? Только за

счет роста валютных доходов. Потребительское изобилие в наших магазинах — это результат импорта, закупленного на экспортные доходы. Производительность труда — как закономерная база роста доходов — выросла за указанный период немногим более чем на 10%. Таким образом, стало ясно, что увеличение благосостояния нашего населения, а вместе с тем и экономический рост российской экономики базируются на внешних факторах. Это предопределяет зависимый характер экономического развития России, который ущемляет суверенитет нашей страны.

Главная особенность зависимого положения российской экономики в том, что значительная часть инвестиционных ресурсов для экономического роста приходится на внешние источники. Тем не менее практическая линия экономической политики представлена поисками капитальных ресурсов внутри страны. Этот поиск продолжается в течение последних двух-трех лет. А. Кудрин назвал нехватку инвестиций основным сдерживающим фактором экономического роста [5]. Важно — каким образом сбережения могут быть превращены в инвестиции. Банковская система России пока не в состоянии обеспечить необходимые темпы прироста финансовых ресурсов в экономике. Капитализация банковской системы продолжает снижаться. За 2015 г. убытки банковского сектора составили не менее 70 млрд р. против 220 млрд р. чистой прибыли в 2014 г., не менее чем на 20% сократился кредитный портфель.

Есть немало предложений, направленных на оживление экономического роста. Все они в той или иной степени предполагают отказ от монетаристского курса правительства РФ, направленного на сжатие денежной массы и девальвации рубля. В частности, академик РАН А.Г. Аганбегян предлагает переход к новой политике форсированных инвестиций. Резкий приток инвестиций он считает возможным за счет увеличения инвестиционного кредита. Для этого необходимо уменьшить ставку рефинансирования ЦБ РФ вдвое [6, 23].

Реализация этих предложений и других подобных должна начинаться с отказа от монетаристских основ действующей экономической политики. Что вместо этого? Сознательное управление инвестиционными потоками, когда государство направляет значительные объемы капитальных ресурсов в наиболее важные отрасли экономики. Это не означает полного перехода к бюджетному финансированию, но предполагает возрастание его роли. Кроме этого необходимо использовать экономические стимулы для инвестиционной деятельности. К ним относятся разные формы проектного финансирования, государственно-частное партнерство в инвестиционной сфере, налоговые льготы и послабления для активных инвесторов. В наше трудное вре-

мя следует отказаться на время от либеральной денежно-кредитной и валютной политики. Например, усилить государственный контроль за движением валютных ресурсов, ввести ограничения на репатриацию валютной выручки и др. Самое важное заключается в том, чтобы меры денежно-кредитной политики, направленные на сдерживание инфляции, не загоразживали бы возможности увеличения темпов экономического роста.

Литература

1. *Schult T.W.* Investment in Yuman Capital. N. Y., 1971.
2. *Нуреев Р.М.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики. Учеб. пособ. М., 2001.
3. *Ясин Е.* Экономический рост как цель и средство // Вопросы экономики. 2001. № 9.
4. Российская газета. 2015. 7 дек.
5. Независимая газета. 2015. 29 дек.
6. *Аганбегян А.Г.* Как России выйти из удручающей социально-экономической ситуации и развиваться опережающими темпами? // Экономическое возрождение России. 2015. № 3.

Г.Н. ЦАГОЛОВ

Китай подтверждает концепцию интегрального общества и седьмой формации

Аннотация. В статье рассматриваются факторы успешного развития Китая, обобщается содержание проведенных им реформ. Размышления наталкивают на мысль о возникновении новой — седьмой — общественно-экономической формации, которая и для нас является примером для подражания.

Ключевые слова: интегральное общество, планово-рыночная экономика.

Abstract. The article describes factors of successful development of China, generalizes of the content of realized reform. Thinking gives the idea about genesis of the seventh new social-economic formation, which is for us example for copy.

Keywords: integral society, planned-market economy.

Сегодня весьма злободневно звучит тема «Россия и мировой контекст: противоречия, перемены, исходы». Говоря об итогах развития общественной мысли за последние десятилетия нельзя не сказать,

что за это время было издано значительное количество заслуживающих внимание трудов. Интернет и компьютер оказывают неоценимую помощь в работе: не надо часто ходить в библиотеки, нажатием кнопки молниеносно решаются вопросы поиска нужной информации. Усовершенствованный инструментарий создает ускоренные возможности поиска научной истины. Правда, и социально-экономическая жизнь развивается столь быстро, что за ее научным отражением приходится неустанно следить.

На одном из пленумов ЦК КПСС Ю.В. Андропов как-то пророчил: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем». В словах генсека сквозил элемент лукавства. И в те годы знание, конечно, было силой. Но не всякая правда, особенно об «обществе, в котором живем», поощрялась. Бюрократический социализм правил бал и партийно-государственная номенклатура оберегала свой режим от «инакомыслящих» весьма надежными средствами. Понятно, что и сам бывший председатель могущественного КГБ играл в такого рода делах далеко не последнюю роль. Сейчас свободомыслию в России вроде бы ничего не мешает и не угрожает. Но почему тогда слова Андропова нередко приходят на ум? Причины на то имеются, хотя они и другого порядка. Главная из них заключается в том, что постичь суть любого общества, а нынешнего особенно, оказывается столь же непросто, как и разгадать тайны материи. Да и особых лавров, преследуя такую цель, как показывает история, не пожнешь.

Выдающийся американский экономист Дж.К. Гэлбрейт говорил, что специализация — это удобство, но не добродетель. Конечно, нельзя прийти к верным обобщающим выводам о сути общества и магистральных тенденциях его развития без предварительного исследования и уяснения важнейших сторон современной действительности, глубоких знаний основ философии, экономической теории и истории. «В науке нет широкой столбовой дороги и только тот может достичь ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым уступам», — подмечал один из немодных ныне титанов мысли в позапрошлом веке.

В условиях какой общественно-экономической системы мы существуем? Каковы господствующие в ней экономические и социальные законы? Не следует ли не только поменять экономическую политику, но и заменить ныне действующую общественную модель на более эффективную и справедливую? И каковы пути, ведущие к этому?

Для ответа на эти и многие другие нерешенные вопросы требуется не только владение теоретическим багажом, но и глубокое знание

современной мирохозяйственной практики. Совмещать это — нелегкое дело. Но лишь попытки такого рода могут быть плодотворными и успешными.

Поучительный опыт

В этой связи опыт Китая весьма интересен и поучителен для России. Обе страны провели рыночные преобразования. Но одна удачно, а другая, мягко говоря, — не очень. Наша экономика сейчас находится в глубоком кризисе, а китайская — на подъеме. Среднегодовые темпы роста Поднебесной за последние 37 лет составляют рекордные 9%. Ныне это вторая после США экономика мира и первая по размерам экспорта. Страну избороздили высокоскоростные железные дороги и ультрасовременные автобаны. По числу ученых — более 1,5 млн человек — Китай не уступает США, а среди производимых товаров оказывается все больше высокотехнологичной продукции.

Жизненный уровень китайцев за годы реформ вырос более чем в 10 раз. И хотя по душевому ВВП Китай значительно отстает от развитых стран Европы и Америки, а бедность все еще охватывает десятки миллионов человек, постоянное улучшение ситуации не вызывает сомнений. Средняя продолжительность жизни возросла до 75 лет, а в Пекине и Шанхае она и того больше.

Бурный рост китайской экономики основан на высокой доле инвестиций в ВВП — свыше 40%. А они опираются на высокую норму сбережений, достигающих почти половины ВВП. Китай стал главным двигателем мировой экономики. Командные высоты в Поднебесной принадлежат государству, а оно по-прежнему контролируется правящей Коммунистической партией Китая, насчитывающей 88 млн членов и ставящей задачи построения «гармоничного общества».

Каковы же причины столь грандиозных успехов Китая? В ответах на этот вопрос среди аналитиков нет единства взглядов. Небольшая ясность наблюдается и в интерпретации продолжающихся в Поднебесной реформ, и в определении существующего в стране общественного строя. Ряд ученых считают состоявшиеся там перемены «вторым изданием нэпа». Другие связывают наблюдаемый позитив с «переходом от социализма к капитализму», третьи, включая китайских теоретиков-экономистов и руководителей КПК, называют происходящие метаморфозы «социализмом с китайской спецификой». Четвертые, в том числе и автор этих строк, видят в Китае практическую реализацию концепции конвергентного, или интегрального, общества.

Схожесть и различия с нэпом

Схожесть нэпа в России с реформами в Китае не вызывает сомнений. В обоих случаях их архитекторами были великие революционеры: В.И. Ленин и Дэн Сяопин. И в России, и в Китае они мыслились как использование капитализма для строительства социализма. Как в России, так и в Китае левые радикалы упрекали власти в предательстве социализма, капиталистическом перерождении и капитуляции. Как в России, так и в Китае реформы дали быстрый экономический эффект. Как в России, так и в Китае при этом возникло немало трудностей и проблем.

И все же китайские преобразования принципиально отличаются от нэпа.

По времени. В Поднебесной они продолжаются уже почти четыре десятилетия и рассчитаны на период, охватывающий «жизнь десятков поколений людей». Нэп, как известно, занял сравнительно небольшой период — 1921—1927 гг.

По классовому подходу. Несмотря на то, что китайские политики и экономисты широко используют труды Маркса и Ленина, рассуждений об эксплуатации человека человеком они стараются избегать, а главными критериями эффективности перемен выступают развитие производительных сил и улучшение благосостояния большинства людей. Концепция нэпа исходила из наличия антагонистического противоречия между буржуазией и пролетариатом и была пронизана классовым духом. Вождь мирового пролетариата ни на минуту не выпускал из поля зрения вопрос: кто кого? Он рассуждал категориями штурма и осады крепости. Ничего такого в Китае нет. В Коммунистическую партию принимают миллионеров, и многие миллиардеры страны входят в состав влиятельного Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП).

По пониманию социализма. Руководство КПСС рассматривало нэп как составную часть переходного периода от капитализма к социализму (1917—1936 гг.). Завершение его означало полное вытеснение частных и капиталистических укладов из экономики и безраздельное господство общенародного государственного и кооперативного хозяйствования. В Китае частные и капиталистические формы собственности представляются органическими атрибутами «китайского социализма». Это явный отход от понимания социализма в классическом марксистско-ленинском смысле.

Истоки китайских позиций

А как смотрят на перемены сами китайские руководители? Еще в разгар маоизма несколько представителей высшего эшелона лидеров

КПК высказывались за необходимость «сохранения некоторых хвостов капитализма». В 1957 г. второй человек в государстве, Лю Шаоци, например, говорил: «Что лучше: автомобиль или рикша? Несомненно, автомобиль. Однако в Пекине имеется еще множество маленьких переулков, в которые не может проехать автомобиль, но может проехать рикша. Уровень развития нашей страны невысок, социалистическая экономика не всегда может удовлетворять требованиям масс, поэтому необходимо дополнить ее свободным рынком, частным хозяйством» [1, 23].

В 1961 г., будучи генеральным секретарем ЦК КПК, Дэн Сяопин, пытаясь внедрить материальную заинтересованность в деревне, где проживало и трудилось подавляющее большинство китайского населения, но не желая вступать в открытую полемику с председателем Мао Цзэдуном и поступаться идеологическими принципами, изрек ставшие крылатыми слова: «Не важно, какого цвета кошка, белая или черная, лишь бы она хорошо ловила мышей. Не важно, социализм или капитализм, главное, чтобы производство развивалось, а люди жили хорошо».

Позже во времена «великой пролетарской культурной революции» оба «ревизиониста» поплатились за эти и прочие вольности. Мао бросил клич: «Огонь по штабам!» Лю Шаоци бесследно исчез, а его молодую жену буквально растерзали и выбросили из окна. Во время проходивших по всей стране митингов раздавались призывы покончить и с «автором буржуазной теории о белых и черных кошках». А один из боевых девизов тех дней гласил: «Нужно бороться с Дэн Сяопином, с этой змеей, плюющей капиталистическим ядом». Хунвейбины скинули с третьего этажа сына Дэн Сяопина, переломавшего позвоночник и ставшего инвалидом. Сам же Дэн Сяопин провел под арестом два года, а потом был отправлен на «перевоспитание физическим трудом» в глухомань, где слесарничал на тракторном заводе.

Он вернулся во власть лишь в 1978 г., после смерти Мао и разгрома его сторонников в лице «банды четырех». Чудом уцелевшему Дэн Сяопину было тогда уже 74 года. Он представлял лучшую часть старой гвардии революционеров, в свое время бесстрашно боровшихся с силами империализма и Гоминьданом. Именно с той поры дела Китая пошли круто в гору. Дэн Сяопин ввел в оборот формулу «социализм с китайской спецификой», включающую в себя частную собственность и капиталистические элементы. В результате проводимых под его руководством реформ в стране развился весьма успешный и эффективный симбиоз различных экономических укладов при политическом руководстве КПК.

Дао Дэн Сяопина

В Китае говорят: «Суждения выносятся лишь после того, как закрылась крышка гроба». Дэн Сяопин умер в 1997 г. в возрасте 93 лет. Хорошо знавший и многократно общавшийся с ним бывший госсекретарь США Генри Киссинджер так охарактеризовал его жизненный путь: «Редко встречается такой политический деятель, как Дэн Сяопин, которому удается достигнуть всех целей, поставленных на годы вперед. Это один из самых великих людей XX века». На XV съезде КПК (1997) Дэн Сяопин был назван «Марксом современного Китая».

В реформах Дэн Сяопина многих поражает их неторопливость. Он всегда следовал принципу: переходить реку и искать брод, нащупывая камни. Методам выгодной Западу «шоковой терапии» была противопоставлена «китайская гомеопатия». Создается впечатление, что он отлично знал, с чего начинать и что делать потом. А начинал он не с ломки политической системы, а с повышения эффективности экономики. И как будто твердо знал, что для верного курса корабля нужны не только паруса частного предпринимательства, но и штурвал государственного регулирования.

Плановое хозяйство не рушилось, а становилось более гибким и эффективным. В нем проводили демократические преобразования и добавляли к нему рыночные регуляторы. План и рынок совмещали друг с другом, а оптимальный баланс между ними поддерживался руководством страны. Сохранялось планирование важнейших видов продукции, хотя сужался круг устанавливаемых показателей и уменьшался контроль над ценами на базовые виды товаров и услуг. Страна многие десятилетия развивается без кризисов. В настоящее время в КНР успешно завершается 12-й пятилетний план. Поднебесная стала первой экономикой по паритету покупательной способности.

Дэн Сяопин понимал, что начинать надо не с города, а с села, чтобы как можно скорее накормить и одеть народ, потеснить бедность, минимизировать социальную цену реформ, дать миллионам людей на себе ощутить конкретную пользу от них. Он понимал и то, что не следует форсировать приватизацию госпредприятий, особенно естественных монополий, что нельзя допустить расхищения национального достояния, созданного коллективным трудом народа, а также природных богатств страны.

Вот почему экономические реформы в Китае начались с твердой, но не поспешной приватизации сельского хозяйства, что заняло 6—8 лет.

Если Ленин в России столкнулся с необходимостью перейти от продразверстки к продналогу, то перед Дэн Сяопином встала другая задача — приватизации загнанного в «народные коммуны» крестьянства, составлявшего 80% населения страны. Какое-то время пресловутые коммуны продолжали формально существовать. Но вся земля была разделена между крестьянскими дворами, которые сдавали государству по фиксированным ценам определенное количество тех или иных продуктов. Что же выращивать на своей земле сверх того и как распорядиться полученной продукцией, становилось уже их делом. И вдобавок по своему усмотрению они могли заказывать и оплачивать (или не заказывать и не оплачивать) работу на своих участках тракторов, комбайнов и другой техники коммуны. При этом в разных провинциях огромной страны применялись свои формы организации отношений между крестьянами и коммунами — главное, чтобы они были эффективными. «Не важно, какого цвета кошка...». Поток капиталовложений полился по атрофированным артериям китайской экономики.

Затем решились «потрогать тигра за хвост» — взялись за реформу промышленности (1982—1990). Реформирование госсектора шло по принципу: «Держать крупное — отпускать мелкое». Государственная собственность не раздавалась налево и направо, а реорганизовалась на здоровых началах. Закрывались или продавались лишь убыточные предприятия, а рост национального капитала происходил в основном за счет образования новых предприятий и учреждений. Банковская сфера оставалась в руках государства и служила инструментом направляющим модернизацию и инновационное развитие. Сегодня доля государства в ЖКХ, легкой промышленности, сельском хозяйстве и сфере торговли снизилась до 30%. Но в традиционных «естественных монополиях» и финансовом секторе госучастие составляет минимум 80%. Еще выше его уровень — почти 100% — в телекоммуникациях и СМИ.

Осторожно привлекались и инвестиции из-за рубежа — вначале зарубежных китайцев-«хуацяо», затем Запада, с сохранением рычагов контроля за их использованием в руках КНР. Для этого вдоль морского побережья создавались специальные экономические зоны с льготным режимом для инвесторов. Иностранные предприятия не только создавали дополнительные рабочие места, но и повышали общий технологический уровень производства в стране.

Происходили и заметные идеологические сдвиги. Дэн говорил: «Бедность — не социализм. Мы бедны, поэтому социализма у нас нет. Экономическое развитие выше классовой борьбы». При этом до конца жизни Дэн не допускал мысли о капиталистическом перерождении

страны. Его главной идеей являлась «социалистическая модернизация Китая». Он верил, что только социализм может спасти Китай и сделать его великой державой. И когда судьба намеченных им преобразований ставилась под угрозу, он проявлял твердость и несгибаемую волю. Трагедия, разыгравшаяся в 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, свидетельствует, что его уступки капитализму всегда знали разумный предел. Тогда казалось, что рыночная экономика и монополия коммунистов на власть в дальнейшем существовать не смогут: или сворачивание реформ, или демократизация общественной жизни. Но это оказалось не так.

С тех пор прошло уже больше четверти века. А Китай и дальше развивается, широко используя рыночные механизмы под руководством КПК, создающей «гармоничное общество». «Преобразования Дэна — это попытка объединить прямо противоположное: государственную и частную собственность, Госплан и рыночную экономику, политическую диктатуру и культурную свободу. В целом это попытка объединить западный и марксистские миры, капитализм и социализм», — замечает американский исследователь Эван Солсбери. И добавим от себя — попытка, во многом удавшаяся.

И еще: Дэн Сяопин не стал чернить своего предшественника, а подчеркивал факт, что под его руководством Китай превратился из отсталой, полуфеодальной, полукOLONиальной страны в одну из ведущих мировых держав, хотя методы «культурной революции» признавал ошибочными: «Бремя ошибок Мао Цзэдуна меньше, чем его положительный вклад». Дэн Сяопин пользовался таким авторитетом, что руководил китайской «перестройкой», не занимая высших должностей, и видимо передал своим преемникам дух преданности кореным интересам своего народа и вытекающую из него необходимость периодической ротации власти. Нынешний председатель КНР Си Цзиньпин сменил своего предшественника Ху Цзиньтао в 2012 г., а не позже 2022 г. уступит свое кресло следующему лидеру.

Современные трактовки

Выступая на Генеральной Ассамблее ООН осенью 2015 г., глава КНР Си Цзиньпин заявил, что всякая процветающая экономика помимо «невидимой руки» рынка должна использовать «видимую руку» государственного управления. В докладе секретаря ЦК КПК профессора Янг Джинхайя на первом мировом марксистском конгрессе в Пекине в октябре 2015 г. говорилось: «Суть китайского пути состоит в нахождении правильного баланса между социализмом и капитализмом. В экономике это означает установление разумных пропорций между административными и рыночными отношениями...» [2, 39].

В экономической науке плодотворный симбиоз социализма с капитализмом давно уже называется *конвергенцией*. В таком смешанном, или интегральном, обществе дело не может обходиться без серьезных противоречий, ибо под одной крышей одновременно действуют разные законы и регуляторы: общественные и частные, плановые и рыночные, социалистические и капиталистические. Как подмечает многолетний исследователь-китаевед, доктор экономических наук, профессор Э.П. Пивоварова: «Фактически, за годы реформ Китай создал конвергентную по своей сути “смешанную экономику”, которую и называют “социализмом с китайской спецификой”, ибо ни в классический, ни в “нэповский социализм” эта экономика не вписывается...» [1, 2].

С прежних точек зрения такое конвергентное общество не может быть долговечным, так как в нем заложены непримиримые антагонизмы. Но практика показывает, что это возможно и даже необходимо. Именно такой умело поддерживаемый баланс приводит в Китае к оптимальным результатам на протяжении уже более трети века. И по их планам продлится еще на века. Христофор Колумб искал короткий путь в Индию, а открыл Америку. Дэн Сяопин и его последователи, следуя по пути поиска оптимальных форм устройства для их страны, пришли к смешанному обществу. До них к конвергентной гавани, но с другой стороны, пришвартовались Швеция и многие другие успешные страны в современном мире.

Такого рода политэкономическая модель служит основой более прогрессивной формации, идущей на смену капитализма и социализма. И китайцы своим примером показывают образ желанного жизнеустройства мира. Как пишет академик РАН, советник президента В.В. Путина С.Ю. Глазьев, «пока наши реформаторы ломали народнохозяйственный комплекс, оправдывая свой авантюризм тем, что “нельзя быть немножко беременной”, китайские реформаторы постепенно строили мост между социализмом и капитализмом, преодолевая пропасть даже не в “два прыжка”, а за тысячу шагов... На наших глазах формируется новая, более эффективная по сравнению с предыдущими, социально-экономическая система...» [3].

Политэкономическая картина китайского общества представляет собой пеструю мозаику, состоящую в основном из уживающихся между собой производственных отношений социализма и капитализма. Главным из действующих здесь законов социализма является закон планомерного, пропорционального развития, реализуемый в форме макроэкономического регулирования — долгосрочной стратегии развития, пятилеток и краткосрочных планов. Но в Китае одновременно с этим функционируют и многие закономерности капитализма,

в том числе законы накопления капитала, его концентрации и централизации.

Одним из выражений последнего является социальное расслоение китайского общества, наличие гигантской пропасти между его бедными и богатыми слоями. Число миллионеров и миллиардеров систематически растет. Первых насчитывается на сегодняшний день более миллиона человек, вторых — 213 [4].

Миллиардеры КНР

Китайских миллиардеров в стране называют «да куань» («большие деньги»). Они не похожи на наших олигархов, получивших общенародную собственность «задарма» и по распределению. Большинство китайских миллиардеров — изобретатели и новаторы в тех или иных отраслях. Почти все они участвовали в модернизации бывшего отсталого аграрного континента.

Самым богатым человеком Китая является 61-летний Ван Цзяньлинь, личное состояние которого на 2015 г. оценивали в 24,2 млрд дол. Как и его отец, он служил в армии, но в 1986 г. стал администратором в правительстве города Далянь. Получив кредит от своего приятеля в банке, в 1988 г. основал «Dalian Wanda Group», нынешнего лидера на рынке недвижимости в Китае. Компания построила около сотни «Wanda Plaza» — многофункциональных торговых центров. Она управляет 50 пятизвездочными отелями. Компания Ван Цзяньлиня и сам он лидируют и по размеру благотворительных пожертвований. За 20 лет ими пожертвованы средства на сумму около 2,7 млрд юаней — более 400 тыс. дол. «Если бы, — говорит Ван Цзяньлинь, — все сводилось к зарабатыванию денег, то у меня уже не было бы никакого стимула. Но я решил для себя, что мне следует помогать людям. По моему убеждению, смысл накопления богатства заключается именно в возможности оказывать помощь другим» [5].

Ван Цзиньлинь — член КПК, был делегатом XVII съезда КПК, член постоянного комитета Народного политического консультативного совета Китая, заместитель председателя Всекитайской федерации промышленности и торговли Китая.

Китайские богачи не диктуют политику государству и КПК. Неслучайно в китайском политическом лексиконе нет понятия «олигарх». Скорее наоборот — власти устанавливают правила игры и следят за их исполнением. И если нормы не соблюдаются — следует строгое наказание. В середине 1990-х в Китае появились последователи Сергея Мавроди и его МММ. Был создан инвестиционный фонд якобы с благородной целью: наладить в стране производство одноразовых шприцев. По канонам финансовой пирамиды создатели фонда

предложили вкладчикам высокий доход. Деньги потекли рекой. Но китайские правоохранительные органы быстро раскусили аферу. Трое создателей фонда были отданы под суд и публично расстреляны перед толпой. После этого ни одной новой пирамиды в Китае не возникало. К высшей мере привлекаются и чиновники за крупные взятки. За последние десять лет за коррупцию в Китае было казнено 10 тыс. чиновников, включая бывшего вице-мэра Пекина Лю Чжихуа. Всего же за годы реформ в Китае к уголовной ответственности было привлечено около миллиона сотрудников партийно-государственного аппарата.

Бедность отступает

По данным специалистов Всемирного банка, за гранью бедности, которая определяется ими доходом 1,25 дол. в день, на Земле живет 1 млрд человек, или примерно 14,5% от всего населения планеты. Они же отмечают, что из всех стран мира успешнее всего с проблемой нищеты справляется Китай. В 1981 г. в соответствии с их критериями за чертой бедности там находилось 600 млн жителей, в 2005 г. это число упало до 207 млн человек, а в настоящее время сократилось до 80 млн.

С 1978 г. базовый оклад китайских рабочих в среднем удваивался за каждые пять лет. Государство увеличивает и объемы инвестиций в сферы социального страхования и здравоохранения. Правда, значительная часть населения, особенно сельского, не охвачена пенсионной системой. Но в городе ею пользуется 235 млн человек, системой страхования по безработице — 127 млн человек (при увольнении с работы можно до двух лет получать деньги — небольшие, но жить на них можно), системой медицинского страхования в городах — 165 млн человек, страхования от несчастных случаев на производстве — 149 млн человек. В деревнях также имеются те или иные «социальные обеспечения»: бедным семьям доплачивают из местных бюджетов. В итоге бедность непрестанно отступает.

Одним из важных средств борьбы с бедностью в Китае является миграция населения из деревни в город. В 2003 г. городское население Китая составляло 40%. В 2015 г. в городах Китая жило 54% населения. В планах правительства повышение уровня урбанизации к 2020 г. до 60%. В развитых странах он составляет в среднем 80%.

Лидер среднего класса

В 2010 г. специалисты Азиатского банка развития обнародовали данные, согласно которым численность среднего класса в Китае достигла 817 млн человек. По мнению большинства китайских специалистов, данные были сильно завышены, и к этой категории следова-

ло относить примерно 20—25% всего населения, т. е. 270—335 млн человек — тех, чей годовой доход составляет от 12 тыс. дол. и выше. Между тем? еще в 2004 г. к среднему классу относили лишь 12% населения страны. Следует учитывать, что в Китае покупательная способность доллара в несколько раз выше, чем в Европе и США. В состав среднего класса Китая входят чиновники, владельцы малого и среднего бизнеса, высококвалифицированные специалисты — инженеры и программисты.

В основе роста среднего класса Китая — быстрое развитие экономики страны, ускорившее накопление общественного богатства, в результате чего и появилась группа с доходами высокого уровня. Другими факторами служат рост числа образованных людей и увеличение городского населения.

К концу 2015 г. средний класс в Китае возрос до 400 млн человек. За последнее десятилетие он увеличился с 4 до 30% населения страны. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) оценивает средний класс как людей, которые тратят в сутки от 10 до 100 дол. США.

Сельские жители переезжают в крупные города в надежде улучшить свои бытовые условия, получить хорошую работу, начать жизнь заново, получить для своих детей хорошее образование, приобрести квартиру, автомобиль. Новый средний класс в Китае готов оплачивать более высокое качество жизни, ярким примером тому служит город Шанхай, который держит высокий уровень потребительских расходов в Китае.

Китай является одним из крупнейших рынков люксовых брендов. Ежегодно его рынок потребляет таких товаров на сумму более 35 млрд дол. Предполагается, что к концу этого десятилетия китайский средний класс достигнет 600 млн человек, хотя темпы роста доходов в последние два года значительно снизились. По абсолютной численности среднего класса Китай и сегодня уже стоит на первом месте в мире.

Интегральное общество, или Седьмая формация

Впервые идею сближения двух систем выдвинул выдворенный из Советской России и осевший в Гарварде социолог Питирим Александрович Сорокин. О конвергенции, или интегральном обществе, он упоминает еще в 1944 г. в работе «Россия и Соединенные Штаты». А в 1960 г. Сорокин уже публикует книгу под названием «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу» [6].

Среди экономистов раньше и глубже всех эта тенденция нашла отражение в работах известного американского теоретика Джона Кеннета Гэлбрейта [7].

Стесненные марксистскими постулатами советские авторы с порога отвергали такие взгляды, называя их «очередной и опасной выдумкой буржуазной идеологии». Мировой же опыт показал, что сохраняя плановые и социальные преимущества строя, надо было отказаться от ряда обветшалых положений и сделать капиталистическую прививку — дать свободу предпринимательству, начиная с аграрной сферы, торговли или сферы услуг.

Умелая комбинация социалистических и капиталистических начал приводит к решению четырех наиболее важных задач развития общества: высоких темпов экономического роста, социальной справедливости, развития личности, или человеческого потенциала, повышения духовной свободы граждан.

Успех такой конвергенции, или интеграции, в Китае, Вьетнаме и ряде других стран дает достаточно оснований для утверждения о свершающемся переходе человечества к седьмой по счету формации. Почему седьмой? Напомним, что, помимо первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической, Марксом и Энгельсом справедливо упоминалась еще азиатская формация, предшествовавшая рабству у древневосточных народов. В прежние времена о ней особо не говорили, так как она многим напоминала реально существующий социализм.

Тезис о «вечности», или «естественности», капитализма, столь же далек от действительности, сколь мнение об «искусственности», или «рукотворности», социализма. Обладая рядом неоспоримых преимуществ, обе формации вполне «объективны» и имеют место в истории человечества неслучайно. Однако обе они внутренне противоречивы, неустойчивы и требуют взаимодействия и поддержки, что на практике и произошло в Китае.

Этот вывод и факт особо важны для нашей страны, оказавшейся в системе координат бюрократическо-олигархического капитализма. Именно он должен служить ориентиром для коренной смены парадигмы общественного развития и оптимальной экономической политики. Возможности реализации такой стратегии и перехода эволюционным путем пока еще сохраняются, хотя время на это лимитировано. Промедление чревато революционным взрывом и очередным шараханьем страны в какую-либо иную крайность, уводящую общество от создания оптимальной системы.

Интегральное общество приходит на смену и капитализма и чисто социалистической практике. Такая коррекция формационного

подхода важна для построения верной экономической стратегии и выработки новой идеологии российского государства.

Движение к седьмой формации в России могут обеспечить постепенное введение прогрессивного налога и внедрение планомерности в виде ее инструмента — планового хозяйства. В экономике должны работать два регулятора, и требуется находить оптимальный баланс между ними.

Критики концепции интегрального общества часто указывают на его внутреннюю противоречивость, или, как нередко говорят, «эклектичность», а отсюда — вытекающую из этого неустойчивость, возможность скатывания либо к капитализму, либо к социализму. Что ж, угрозы такого рода существуют. Но ветер времени все же раздувает паруса именно такой формации. В человеческой природе социальные начала сосуществуют с эгоизмом. Адам Смит полагал, что с его помощью и «невидимой руки» рынка общество всегда будет двигаться к идеальному состоянию. Немецкие классики и их последователи, наоборот, делали акцент на справедливости и социальных аспектах, ставили их во главу угла. История показывает, что нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития.

Теория интегрального общества дает ключ к формированию новой идеологии России. Она пока что не принята ни в одной из стран мира за основу. Главная помеха тому — идеологические шоры. Поклоняющемуся рынку Западу она не нужна. Приверженцам марксизма как верования она тем более не подходит. Но что мешает это сделать нам? 30 лет назад мы прокламировали необходимость перестройки и вместо бюрократического социализма поставили цель создать его демократический вариант. Вместо него мы оказались в системе олигархического капитализма. Переход от социализма к капитализму, тем более олигархическому, а затем и бюрократическо-олигархическому надо признать ошибкой. В качестве цели новых напрашивающихся перемен должно быть названо интегральное общество — синтез лучшего из предыдущих формаций.

Литература

1. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М., 2011.
2. World Congress on Marxism 2015. Marxism and the Development of the Human Race. October 10—11, 2015. Beijing.
3. Завтра. 2015. 26 февр.
4. Forbes. 2015. No 5.
5. <https://yandex.ru/search/?lr=213&msid=22897.4427.1452860733.35269&text>.

6. <http://www.km.ru/referats/333281-pitirim-sorokin-russkaya-sotsiologiya>.
7. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М., 1969.

Н.Д. ЕЛЕЦКИЙ

**Предмет мировой политической экономии
в пространственно-временных координатах**

Аннотация. Глобализация экономических процессов составляет объективную основу предметной и структурной трансформации системы экономических наук. Теоретическим обобщением изменений в мирохозяйственной системе стали новые направления в мировой экономической науке, методологической основой которых является мировая политическая экономия. Процессы глобальной трансформации экономических взаимодействий определяют пространственно-временную специфику предмета мировой политической экономии.

Ключевые слова: глобализация, экономические науки, общая экономическая теория, мировая политическая экономия, глобальная собственность, глобальное управление.

Abstract. Economic globalization is an objective basis for substantive and structural transformation of the system of economic sciences. Theoretical generalization of changes in the world economic system began new directions in global economic science, the methodological basis of which is the global political economy. The processes of global transformation of economic interactions determine the spatial and temporal specificity of the subject of the global political economy.

Keywords: globalization, economics, general economic theory, global political economy, global property, global governance.

Высокий динамизм и неопределенность векторов развития современной цивилизации актуализировали вопрос о пространственно-временных характеристиках политико-экономических моделей, отражающих посредством идеальных абстракций сущностные черты и закономерности развития объективных экономических систем. Если упростить вопрос, то можно сформулировать его следующим образом: с каким временем и пространством соотносятся те или иные политико-экономические концепции и теоретические системы? Логика анализа ведет далее к необходимости выявления соотношения между

абстрактным условно-релятивистским социальным временем и пространством теоретических моделей, с одной стороны, и конкретным физическим временем и географическим пространством функционирования реальных экономических систем — с другой.

История политической экономии демонстрирует различные варианты пространственно-временной «привязки» теоретических моделей к социально-экономической практике. Направления, школы и исследователи, руководствующиеся методологией концепции «естественного порядка» с атрибутивной для нее неисторической аксиоматикой, соотносят (чаще всего, неявно) временную определенность своих моделей с абстрактным «временем идеала», а хозяйственные системы, расположенные вне ареала локализации естественного, по их мнению, экономического строя, либо вообще не рассматривают, либо полагают их несущественными, или подлежащими, в некоем неопределенном будущем, трансформации в направлении приближения к тому же «естественному порядку». Малозначащей в контексте данной методологической парадигмы предстает и проблематика предшествующего развития экономических систем, поскольку все, что происходило в прошлом, предстает лишь как некий несущественный «подготовительный этап» для утверждения «истинного», «настоящего», «правильного» естественного экономического порядка. Подобный подход был характерен для меркантилизма, для ведущих представителей классической школы политической экономии, маржинализма и неоклассики; сегодня этим же подходом продолжают руководствоваться многие направления самопровозглашенного мейнстрима. К числу наиболее известных примеров данного варианта пространственно-временного позиционирования политико-экономических моделей можно отнести учение Ф. Кенэ о «больном» и «здоровом» состоянии экономического организма и теоретическую систему Д. Рикардо, который, по известной оценке К. Маркса, «рассматривает буржуазную форму труда, как вечную естественную форму общественного труда. Первобытного рыбака и первобытного охотника он заставляет сразу, в качестве владельцев товаров, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. При этом он впадает в тот анахронизм, что первобытный рыбак и первобытный охотник пользуются при учете своих орудий труда таблицами ежегодных процентных погашений, действовавшими на лондонской бирже в 1817 году. “Параллелограммы г-на Оуэна”, кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазной» [1, т. 13, 46—47].

Разновидностью неисторического абстрагирования в рамках методологии «естественного порядка» является соотнесение, в духе

гесиодовской традиции, времени идеала не с современностью, а с минувшими эпохами, и, как следствие, — противопоставление неприглядного настоящего с совершенным прошлым, а также связанная с этим постановка задачи о возрождении в будущем неких идеальных форм, ранее якобы присущих «золотому веку». Очевидно, что степень абстракции формируемых на подобной методологической основе идеальных конструкций заметно выше, чем у концепций, соотносящих социальное время теоретических моделей с современностью, и не случайно, например, С. Сисмонди полагал, что политическая экономика «ставит или должна ставить себе целью счастье людей» [2, 145]. Важность этой цели, конечно же, не вызывает сомнения, но то же самое, по-видимому, можно сказать и о любой другой науке, так что подобная степень абстрагирования ведет, в частности, к размыванию предметной определенности отраслей научного знания.

В противоположность отмеченным выше подходам, атрибутом методологии национально-исторической школы стало определение временных и пространственных векторов анализа в качестве исходных существенных параметров предмета политической экономики, что объективно было обусловлено, в первую очередь, появлением феномена догоняющего развития в рамках рыночно-капиталистической системы хозяйствования и привело к постановке вопроса о соотношении абстрактно-всеобщих и конкретно-особенных закономерностей в историческом развитии отдельных стран и мировой экономики в целом. Представители исторической школы в явной форме обосновали зависимость современного им состояния экономических систем от предшествующей эволюции этих систем, а задачи будущего развития отстающих регионов увязали с механизмами преодоления отставания и вследствие этого — включения в пространственный ареал функционирования авангардных экономических систем. («В каждой науке, занимающейся народной жизнью, заметишь всегда два главных вопроса, а именно: что существует теперь? (т. е. что было прежде и как оно получило настоящую свою форму), и что должно быть?» [3, 48].) Обоснование роли пространственно-временных векторов анализа в качестве атрибутов существенной определенности предмета политической экономики составило непреходящую научную значимость вклада исторической школы в развитие мировой политической экономики, и вполне закономерно, что представителями именно этой школы в явной форме осознана необходимость и поставлена задача создания политической экономики настоящего и будущего (см.: [4]). И хотя крайности установок «новой исторической школы» были подвергнуты в ходе «дискуссии о методе» аргументированной критике со стороны лидеров маржинализма, отметивших очевидную несостоятельность

сведения политической экономии «к науке о различных, смотря по времени и месту, “эмпирических законах” (наблюдаемых правильно-стях в последовательности) народнохозяйственных явлений» [5, 217], однако обоснованная исторической школой пространственно-временная атрибутивность предмета политической экономии сохранит не только ретроспективно-научную, но и непосредственно-актуальную методологическую значимость, пока, во-первых, актуальна проблематика «догоняющего развития» и, во-вторых, продолжается разработка инструментария концепций «path dependence». Весьма актуальны эти проблемы и для современной России, что нашло отражение в дискуссиях последних лет, особенно в контексте соотношения общего и особенного в политической экономии (см., напр.: [6—8]).

Для марксистского этапа в развитии политической экономии характерны кардинальное углубление и всесторонняя конкретизация пространственно-временных параметров теоретического моделирования экономических систем. Марксистскую концепцию естественно-исторического процесса, анализ диалектики общих и особенных экономических законов можно рассматривать как обществоведческую интерпретацию принципов актуализма, которые применительно к природным процессам были уже разработаны представителями естественных наук (Дж. Хаттон: «Настоящее — ключ к будущему»; Ч. Лайель: «Настоящее — ключ к прошлому»; К. Маркс: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»). В содержательном корпусе концепций К. Маркса и Ф. Энгельса количественно доминируют теоретические модели современного им состояния экономической системы авангардных стран, особенно Англии, но это состояние рассматривается как результат естественно-исторического процесса развития предшествующих общемировых экономических форм на основе концепций исторического материализма, теорий способов производства и общественно-экономических формаций. Актуальная теоретическая модель капиталистического способа производства пространственно соотносилась К. Марксом, главным образом, с географическим пространством английского капитализма, но с учетом того, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [1, т. 23, 9]. В то же время «сверхзадача» анализа заключалась в том, чтобы на основе исчерпывающего выявления сущности и закономерностей функционирования актуальной экономической системы теоретически смоделировать ее последующую эволюцию и дать прогностическую характеристику основных сущностных черт будущего способа производства. В этом контексте направленный в будущее временной вектор анализа и одно-

временно оценка современности с точки зрения идеально смоделированного будущего неявно составляет главную особенность методологии К. Маркса и определяет содержание характеристик и оценок настоящего. Если в теоретическом моделировании прошлого и настоящего доминирует детально разработанный позитивный подход, то в прогностических моделях будущего резко усиливаются установки нормативности, что в условиях отмеченной оценки современности посредством «взгляда из будущего», налагает ощутимый отпечаток нормативности и на исследование актуальных экономических форм.

В еще большей степени воздействие нормативных установок, определяемых прогностическими моделями будущего, на позитивный анализ прошлого и настоящего прослеживается в теоретических разработках большевизма, и, прежде всего — в работах В.И. Ленина. Анализ предшествующего развития капитализма в России и монополистической стадии мирового капитализма был осуществлен им при доминировании позитивного метода, но, начиная с оценки монополистического капитализма как кануна социалистической революции и особенно при формировании теоретических моделей социалистической экономики преобладающим становится нормативный «взгляд из будущего». При этом футуристическая нормативность не стала препятствием для научности теоретических моделей — развитие сегодняшнего Китая, западноевропейских стран «функционального социализма», практика «социального рыночного хозяйства» и «социального государства» во многих странах мира демонстрируют истинность ключевых идей теории смешанной экономики, смоделированной в концепции нэпа.

Нет никаких научных оснований и для отказа от теоретических оценок пострыночного этапа экономической цивилизации — хотя и в контексте значительно более длительного временного интервала. Достаточно очевидно, что современные тенденции трансформации социальной природы экономических взаимосвязей демонстрируют нарастающую формализацию товарно-денежных механизмов взаимодействия экономических агентов и усиление роли планомерно регулируемых форм экономических процессов на макро-, мезо- и микроуровнях. Другое дело, попытка формирования пострыночной экономики посредством практики «военного коммунизма», как и в целом практика социалистических преобразований в условиях, когда капитализм в России не только не реализовал присущего ему потенциала развития производительных сил, но и, по существу, лишь начал свою эволюцию, была явно преждевременной. С точки зрения марксистской теории эта попытка находилась в явном противоречии с фундаментальными постулатами исторического материализма о том,

что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора» и «общество... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» [1, т. 13, 7; т. 23, 10].

В разрезе методологии системного подхода теоретическая модель «слабого звена в цепи империализма» характеризовалась логической обоснованностью — действительно, в условиях усиления взаимозависимости основных центров мировой экономики на стадии монополистического капитализма революция в одной из великих держав могла вызвать цепную реакцию глобальной социализации — но отождествление абстрактного социального времени и пространства модели «слабого звена» с конкретными российскими реалиями начала XX в. было явно ошибочным. Последующее развитие экономики авангардных стран в XX в. подтвердило, что капитализм как социально-экономическая система является адекватной социальной оболочкой индустриализма и что на индустриальной технологической базе возможны лишь фрагментарные элементы социализации, в то время как системные социалистические преобразования предполагают качественную трансформацию производительных сил и их переход на постиндустриальную стадию развития.

Постиндустриальная трансформация, характеризующая существенные параметры современного этапа эволюции мировой экономической цивилизации, происходит посредством перехода от индустриального к глобально-информационному технологическому способу производства. Тенденции и закономерности глобализации определяют направленность и содержание изменений всех основных сторон, элементов и качеств объективных социальных процессов и их субъективного отражения в сфере научного знания. В системе экономических наук это проявляется, прежде всего, в модификации предмета общей экономической теории и в возникновении новых направлений экономико-теоретического знания, отражающих существенные качества, зависимости и закономерности новых явлений экономической действительности, возникающих в условиях экономической глобализации. Очевидны объективные предпосылки трансформации предмета традиционных для зарубежной экономической теории направлений микро- и макроэкономики: модели микроэкономики необходимо модифицировать с учетом превращения транснациональных (а в ведущих отраслях — глобальных) корпораций в основную современную форму первичного хозяйственного звена (комплекса) и соответствующей модификации механизмов ценообразования, формирования и распределения глобальной (всемирной) прибыли (см., напр.: [9]) и

налогообложения; макроэкономический подход требует перехода от понимания экономической системы в целом как феномена, сущностные закономерности которого формируются в рамках границ отдельных государств, к выявлению этих закономерностей на уровне мирохозяйственной системы. Соответственно, роль основного макроэкономического субъекта переходит от отдельного государства к различным межгосударственным образованиям и к институтам глобального экономического управления (см., напр.: [10—12]).

Вместе с тем становится все более очевидным, что фиксируемые на эмпирическом уровне тенденции экономической глобализации являются лишь внешним проявлением глубинной трансформации самого существа экономической цивилизации, и для системной характеристики происходящих изменений недостаточно инструментария различных направлений экономикса, предмет которых соотносится с уровнем закономерностей рыночного хозяйственного механизма. Исследование причин, необходимости, сущности, противоречий и перспектив тех процессов, которые трансформируют социальную природу современной экономической цивилизации, является возможным лишь в предметном поле общей экономической теории, выполняющей функцию *философии хозяйства*, т. е. посредством политико-экономического подхода к выявлению и обобщению сущностных закономерностей экономической действительности (ср.: [13]).

Несмотря на существенное обновление объекта исследования в условиях глобализации, сохранение терминологической традиции в названии науки является не только оправданным, но и логически обоснованным, поскольку и в этих условиях сохраняется «предметное ядро» политической экономии — непосредственной актуальностью характеризуется необходимость изучения отношений собственности, теоретическое исследование которых составляет основной вопрос политической экономии (см., напр.: [13, 429—528; 15]). Важнейшей сущностной особенностью современного этапа эволюции экономической цивилизации является глобализация отношений собственности, что составляет, объективную основу модификации предмета политической экономии и возникновения ее нового раздела, постепенно приобретающего ведущую роль в системе содержательного корпуса общей экономической теории — мировой политической экономии.

Актуальность разработки методологических, содержательных и структурных аспектов мировой политической экономии отмечается отечественными и зарубежными исследователями [16—18]. В существующих к сегодняшнему дню трактовках предмета мировой политической экономии наблюдается широкий спектр подходов, в целом тяготеющий, особенно у зарубежных авторов, к проблематике взаи-

мосвязи экономических и политических факторов в глобальных взаимодействиях, роли экономических интересов в глобальных властных отношениях, а также к вопросам эффективности мировой финансовой системы и международной торговли. Фрагментарность и нечеткость предметной определенности способствуют второстепенности роли данного научного направления в парадигмальной структуре мейнстрима и к признанию его, в лучшем случае, в качестве междисциплинарной субдисциплины в предметном поле теории международных экономических отношений (см.: [19]).

Между тем ориентированная на классическую традицию трактовка основного вопроса политической экономии как вопроса о собственности выявляет системную предметную определенность мировой политической экономии как науки о генезисе, содержании и структуре отношений глобальной собственности. Составляя сущностную основу предмета мировой политэкономии, актуализирующийся вопрос о глобальной собственности структурируется далее в элементах корпуса науки через исследования механизмов глобального экономического управления и реализации интересов субъектов глобальных взаимодействий. Тем самым «статус» мировой политической экономии определяется не в качестве «субдисциплины», а в качестве методолого-теоретической основы всей современной системы экономических наук.

Процесс глобализации отношений собственности характеризуется множественностью предпосылок и форм генезиса, вариантно-пространственно-временных и функциональных форм реализации. Ключевое значение в соответствии с общей логикой политико-экономического дискурса имеет глобализация производительных сил. Глобально-информационный способ производства, базирующийся на информационных ресурсах и формах богатства, исходно характеризуется общепланетарными масштабами и механизмами экономической деятельности. Информационные факторы производства и формы богатства генетически воплощают в себе качества всеобщности, которые получают организационно-экономическую форму воплощения в атрибутивных для них механизмах глобального управления. Вместе с тем новый способ производства не может возникнуть иначе, как на базе предшествующего, и в течение достаточно продолжительного исторического интервала сосуществует с ним, опираясь на его ресурсы и постепенно подчиняя и преобразуя предшествующие технологические и социально-экономические элементы, параметры и структуры производственного процесса. Диалектически взаимосвязаны тенденции глобальной информатизации и неоиндустриализации, что отражает особенности переходного состояния производительных сил, когда

развитие индустриальных технологий в новейших отраслях возможно лишь посредством глобализирующихся информационно-компьютерных технологий и механизмов экономического управления (см.: [20]). Глобализация экономического управления отражает противоречивое взаимодействие новейших коммуникационных элементов производительных сил информационного общества и необходимости централизованного в общепланетарных масштабах регулирования использования сокращающихся традиционных производственных ресурсов.

В течение последних десятилетий возникли явные формы генезиса и утверждения отношений глобальной собственности, связанные с непосредственным использованием различных форм ресурсов в глобальных масштабах. Расширяются сфера прямого признания тех или иных объектов собственностью всего человечества и юридическое санкционирование такого признания в форме договора между ведущими акторами глобальных взаимодействий с одновременным или последующим присоединением к данному договору большинства других субъектов международных отношений. Наиболее известные примеры такого механизма — система соглашений о режиме использования общих ресурсов Мирового океана, договор об Антарктике, договоры по космосу. Субъектами такого рода договоров или соглашений, как правило, выступают государства, при этом в некоторых случаях дополнительным фактором международной легитимности является заключение договоров под эгидой или при участии общепризнанных глобальных организаций и в первую очередь ООН.

В отличие от отношений, регулируемых международными договорами, прямо определяющими те или иные объекты глобальной значимости в качестве достояния всего человечества, технически более сложные и опосредованные механизмы формирования общемировой собственности возникают при заключении соглашений, имеющих функциональную или отраслевую специфику. Деятельность глобальных отраслевых структур (например, ОПЕК и аналогичных ей) демонстрирует динамику диалектики формирования общемировой собственности и механизмов ее взаимодействия на этапе формирования с иными, предшествующими и социально нисходящими собственническими отношениями: элементы фактического использования ресурса как общемирового сложно сочетаются с присвоением доходов на государственном и частном уровнях.

Проявление переходного характера экономических отношений в процессе формирования глобальной собственности можно наблюдать также в деятельности крупнейших ТНК, трансформирующихся в глобальные корпорации (ГК), и межкорпоративных альянсов. Данные

корпорации осуществляют присвоение определенного вида ресурсов и производство некоторых видов продукции в глобальных масштабах; ими также устанавливаются цены мирового рынка и критерии рентабельности в соответствующих отраслях и подотраслях мировой экономики, формируются технологические и потребительские стандарты, проводятся глобально значимые научные разработки и определяются стратегические направления развития. Вместе с тем присвоение доходов осуществляется этими корпорациями на основе традиционных принципов и механизмов частной собственности; процессы общемирового и частнокорпоративного присвоения доходов отождествляются.

В системе «новой экономики» роль основных ресурсов и основных форм богатства переходит к феноменам информационной природы; меняется как объектная, так и субъектная структура отношений собственности. При этом на ранних этапах нового способа производства сохраняется влияние традиционных форм реализации собственности, существовавших в предшествующие эпохи, в связи с чем разрабатываются механизмы обеспечения и защиты доходов собственников информационных ресурсов и, в частности, права интеллектуальной собственности. Однако по мере развития и усиления роли информационных форм богатства все более явной становится качественно новая социальная природа этих форм и, прежде всего, природа информации как всеобщего ресурса и богатства, «просачивающийся» характер информации, всеобщность ее распространения, применения и использования. Возможность свободного использования колоссальных массивов информации, содержащихся в глобальных информационных сетях, причем использования бесплатного или за символическую плату, отражает новый социальный феномен — возникновение системы всемирной собственности на информацию с отождествлением в качестве субъекта собственности всего человечества и всех нисходящих уровней социальной субъектности вплоть до отдельного индивида.

Таким образом, предметная специфика мировой политической экономики определяется задачами исследования объективно формирующихся отношений глобальной собственности и связанных с ее генезисом глобальных противоречий, обусловленных невозможностью «мгновенного» возникновения социальной системы в сформированном и развернутом виде. Новые социальные феномены в процессе своего генезиса и эволюции исходно зарождаются и функционируют в рамках и посредством ранее возникших, предшествующих социальных оболочек и механизмов. Сказывается и незрелость объектно-субъектной структуры глобальной собственности: абстрактные поня-

тия глобальных ресурсов и богатств как объектов, а всего человечества как субъекта глобальной собственности на достигнутом уровне развития цивилизации соотносятся с реалиями значительной социально-экономической неоднородности и иерархичности современного мира и противостояния частных экономических интересов различных уровней и форм — интересам общечеловеческим. Но дальнейшее развитие отношений глобальной собственности и адекватной им системы глобального экономического управления, реализация их собственной внутренней сущностной социальной природы предполагает все более полное воплощение и достижение общечеловеческих интересов и соответствующее преодоление ограничений, обусловленных исходной зависимостью возникающих институтов глобального управления от частных экономических интересов.

Концепции мировой политической экономии теоретически моделируют процессы, характеризующиеся глобальными масштабами с точки зрения пространственных параметров и ориентированные по временному вектору от сегодняшнего дня к будущему состоянию системы всемирной собственности, которое обеспечит реализацию экономических интересов всего человечества как интегративного субъекта присвоения производственных ресурсов и потребительских благ. Исторический интервал, в рамках которого будет происходить формирование, количественное расширение и качественное совершенствование всемирной собственности, разрешение противоречий между модифицирующимися субъектами всемирной собственности и субъектами нисходящих социальных уровней собственнических отношений — это интервал сохранения общей экономической теории политико-экономического качества в его новом историческом модусе мировой политической экономии.

Структурная логика предмета мировой политической экономии определяется общей объективной логикой реализации собственности: с точки зрения результата экономического процесса реализация собственности заключается в присвоении дохода; с точки зрения процесса производства — в управлении им с целью обеспечения экономического результата. При этом все более очевидно выявляются такие структурные и иерархические особенности глобального управления в условиях современного глобального капитализма, как приоритет интересов глобального финансового капитала и превращение государственного аппарата даже самых крупных стран в комитет по управлению делами персонифицирующей этот капитал глобальной финансовой олигархии [21; 22]. Переход от монополистического и государственно-монополистического капитализма к стадии глобального финансового капитала стал социально-экономической оболочкой

перехода от позднеиндустриального к ранним этапам глобально-информационного технологического способа производства. Но по мере его дальнейшего развития все более важной сущностной задачей исследовательской программы мировой политической экономии будет становиться анализ возникающих элементов посткапиталистических социально-экономических структур и их последующей системной интеграции в направлении глобальной общности.

Выявление пространственно-временной предметной специфики и структурной логики мировой политической экономии предполагает конкретизацию ее соотношения с предметным полем таких научных дисциплин, как «мировая экономика», «международные экономические отношения», «геоэкономика», «экономическая глобалистика» и ряда других. Динамизм объекта и предмета наук, частичное пересечение их предметного поля, объектов, уровней и аспектов анализа, «пограничный», междисциплинарный характер многих проблем и условность субъективных конвенций определения предметной специфики неизбежно ведут к нестрогости разграничения и постоянному изменению соотношения их предмета, структуры и проблематики. В то же время можно, по-видимому, отметить, что фактически сформировавшиеся традиционные концептуально-методологические подходы и исследовательские программы определяют роль таких дисциплин, как «мировая экономика» и «международные экономические отношения» в качестве инструментов систематизации эмпирического массива фактов, отражающих функционирование мирового хозяйства; «геоэкономика» выступает в роли элемента диалектической пары соотносительно с «геополитикой» и, как правило, изучает экономические механизмы достижения геополитических целей; «экономическая глобалистика» ориентирована на исследование тех закономерностей, которые исходно и первично формируются на уровне современной общепланетарной экономической системы. Для каждой из названных наук политико-экономический подход, выявляющий содержание, роль и противоречия отношений собственности, составляет методологическую теоретическую основу; вместе с тем, будучи выделен, обобщен и систематизирован в качестве самостоятельного исследовательского направления, этот подход формирует предмет особой отрасли современного научного знания — мировой политической экономии.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2. Сисмонди Ж.С. Новые начала политической экономии. М., 1936.
3. Рошер В. Начала народного хозяйства. Т. 1. М., 1860.

4. *Гильдебранд Б.* Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860.
5. *Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб., 1884.
6. *Рязанов В.Т.* Особенное и всеобщее в политической экономии // *Экономист.* 2012. № 7.
7. *Рязанов В.Т.* Политическая экономия: из прошлого в будущее // *Проблемы современной экономики.* 2012. № 2; 3.
8. *Рязанов В.Т.* Об экономике домостроя, ее прошлом и настоящем. // *Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та. Сер. 5: Экономика.* 2015. № 2.
9. *Краснов И.* Транснациональные корпорации: налогообложение и трансфертное ценообразование // *Проблемы теории и практики управления.* 2013. № 3.
10. *Перская В.В., Глуховцев В.Э.* Многополярность: миф или реальность? М., 2011.
11. *Кочетов Э.* Геоэкономика. М., 2012.
12. *Сапир Е.В.* Геоэкономическая картина мира: когнитивный ландшафт // *Безопасность Евразии.* 2012. № 1.
13. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства как мировоззренческое событие // *Философия хозяйства.* 2012. № 5.
14. *Сычев Н.В.* Актуальные проблемы политической экономии. М., 2015.
15. *Елецкий Н.Д.* Основной вопрос политической экономии и проблемы развития России // *Экономист.* 2012. № 5.
16. *Мировая политическая экономия: исследовательская повестка дня* // <http://uchebnik-online.com/131/888.html>.
17. *Братерский М.В.* Мировая политическая экономия // <http://wpg.wehse.ru/terms/term1301910647.htm>.
18. *Братерский М.В.* Программа дисциплины «Мировая политическая экономия» // <http://pandia.ru/text/78/032/61572.php>.
19. *Falkner R.* International political economy // *Review of International Political Economy.* L.: University of London, 2011 // http://www.londoninternational.ac.uk/sites/default/files/programme_resources/lse/lse_pdf/subject_guides/ir3026_ch1-3.pdf.
20. *Губанов С.С.* Неоиндустриальная модель развития и ее системный алгоритм // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2014. № 3.
21. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. М., 2007.
22. *Елецкий Н.Д.* Противоречия формирования системы глобального экономического управления // *Экономика и предпринимательство.* 2015. № 3. Ч. 2.

С.А. ДЯТЛОВ
**Управляемый хаос: глобальный
гиперконкурентный концепт***

Аннотация: Анализируется кризис индустриально-рыночной парадигмы; рассматривается эволюция взглядов и основных положений концепции управляемого хаоса и теории энтропийной логики; вводится в научный оборот ряд новых понятий, формулируется новый концепт «синергийно-созидательный порядок».

Ключевые слова: управляемый хаос, энтропия мышления, глобальная гиперконкуренция, сложные системы, контролируемая нестабильность, институты, разрушение субъектности, синергийно-созидательный порядок.

Abstract. Article is devoted to crisis of an industrial and market paradigm, consideration of evolution of views and the critical analysis of basic provisions of the concept of the operated chaos and the theory of entropy logic. A number of new concepts is introduced into scientific circulation and the new concept «synergy-creative order» is formulated.

Keywords: the operated chaos, entropy of thinking, global hyper-competition, difficult systems, controlled instability, institutes, destruction of subjectivity, synergy-creative order.

В условиях разворачивающегося глобального системного кризиса, усиления гиперконкурентной борьбы, нарастания хаоса, рисков и нестабильности в умах большинства ученых и менеджеров, приверженцев теоретических догм индустриально-рыночного фундаментализма, царят хаос, энтропия мышления, концептуальное непонимание сути происходящего. Главными понятиями, которые характеризуют парадигмальный кризис индустриально-рыночного фундаментализма (экономика), являются понятия *энтропия*, *энтропия мышления*, *энтропийный менеджмент*. Сегодня наступило время мировой и отечественной научной мысли преодолеть энтропию и вырваться из порочного круга догм индустриально-рыночного фундаментализма и на основе новой научной парадигмы, адекватной информационно-сетевой эпохе, и в рамках нового, перспективного, динамично развивающегося междисциплинарного энтропийно-синергийного научного

* Статья подготовлена при грантовой поддержке РГНФ, проект № 16-02-00531а

направления разработать новые принципы современной экономической науки.

Среди новых, динамичных, гиперконкурентных научных направлений XXI в. ведущее место занимают концепция управляемого хаоса», теория энтропийной логики и теория энтропийной экономики.

В начале 1990-х стало активно развиваться новое междисциплинарное направление научных исследований, которое можно обобщенно назвать *наукой о хаосе*, или наукой о сложном (complexity sciences). Предметом ее исследования являются системы с нелинейной динамикой, неустойчивым поведением, эффектами самоорганизации, наличием хаотических режимов, бифуркациями. *Междисциплинарность методологии науки о хаосе* обусловлена синтезом ею методологий целого ряда научных дисциплин. Особую роль в активизации научного интереса к проблеме управляемого хаоса сыграла работа И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вышедшая на Западе в 1979 г. (второе, переработанное издание — в 1984 г., переведена на русский язык и опубликована в 1986 г.) [1].

Нелинейная теория сложных систем, разработанная И.Р. Пригожиным (Иуа Prigogine, лауреат Нобелевской премии по химии 1977 г.), описывает уравнениями нелинейной термодинамики поведение открытых систем, далеких от равновесия. Доказал одну из основных теорем линейной термодинамики неравновесных процессов — о минимуме производства энтропии в открытой системе.

Наука о поведении и самоорганизации сложных систем в Германии тесно связана с *синергетикой* (Г. Хакен), во Франции — с теорией *диссипативных структур* (И. Пригожин), в США — с теорией *динамического хаоса* (М. Фейгенбаум).

Основные положения синергетики были изложены Г. Хакеном в его работах: «Синергетика (Synergetics)» и «Синергетика: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах» [2; 3].

Теория катастроф получила математическое описание в 1972 г. в работах французского математика Рене Тома. Эта теория рассматривает процессы, условия которых изменяются не плавно и постепенно, а в какой-то момент подвергаются катастрофе, т. е. событию, при котором некоторые математические параметры изменяются резким и неожиданным скачком. Метод применим для описания ситуаций, в которых небольшие изменения исходных условий (входных параметров) могут вызвать внезапную и резкую перемену в поведении системы или в ее выходных параметрах.

Теория управляемого хаоса как междисциплинарная научная дисциплина была в своих основах разработана в 1990-х гг. рядом представителей американской научной школы. Важную роль в развитии теории управляемого хаоса сыграл Джин Шарп, который создал труд «От диктатуры к демократии. 198 способов борьбы» [4], где были изложены основные положения *геополитической теории «контролируемой нестабильности»*.

Наиболее активно теория управляемого хаоса начала разрабатываться в США с начала 1980-х гг., где в 1984-м был создан Институт междисциплинарных исследований (институт критической сложности) Санта-Фе, специализировавшийся на ее развитии и разработке приложений к социально-политической сфере.

Значительный вклад в разработку концепции управляемого хаоса внес американский исследователь Стивен Манн. В 1992 г. он выступил на конференции института критической сложности Санта-Фе (1992) с докладом «Теория хаоса и стратегическое мышление» и опубликовал в журнале Национального военного колледжа в Вашингтоне работу «Теория хаоса и стратегическая мысль», в которой соединил эту теорию с новыми геополитическими концептами завоевания превосходства. Автор прямо говорит о необходимости «усиления эксплуатации критичности» и «создания хаоса» у противника как инструментов обеспечения национальных интересов США.

В опубликованной работе Манн, отмечая наличие кризиса старой парадигмы мышления и критикуя механицистские предположения классической науки (ньютоновской физики) о линейности процессов в обществе, политике и природе, обосновывает необходимость *создания новой парадигмы нелинейного, хаотически сложного и динамичного развития и изменения эталонов стратегического мышления, формулирует ключевые принципы новой науки о хаосе*, а также подходы к разработке национальной стратегии и *обеспечению глобального лидерства и национальной безопасности США*.

Манн отмечает: «Сейчас осуществляется революция, которая может изменить стратегическое мышление... Настоящая революция происходит в науке, и ее влияние может изменить как характер войны, так и эталоны стратегического мышления. Новая наука о хаосе *определяется четкими ключевыми принципами*»:

- теория хаоса прилагается к динамическим системам — системам с очень большим количеством подвижных компонентов;
- внутри этих систем существует непериодический порядок, по внешнему виду беспорядочная совокупность данных может поддаваться упорядочиванию в разовые модели;

- подобные “хаотические” системы показывают тонкую зависимость от начальных условий; небольшие изменения каких-либо условий на входе приведут к дивергентным диспропорциям на выходе;

- тот факт, что существует порядок, подразумевает, что модели могут быть рассчитаны, как минимум, для более слабых хаотических систем».

По мнению Манна, «настоящая ценность теории хаоса находится на высшем уровне — в сфере национальной стратегии. *Хаос может изменить метод*, с помощью которого мы рассматриваем весь спектр человеческих взаимодействий, и в котором война занимает лишь особую часть. *Международная среда является превосходным примером хаотической системы*. Настоящей целью национальной стратегии является формирование широкого контекста вопросов безопасности, направленного на достижение в конце желаемого состояния. Мы должны выработать более охватывающее определение стратегии: не просто согласование средств и целей, но *согласование парадигм со специфическими стратегическими вызовами*. Мы можем многому научиться, если рассматривать хаос и перегруппировку как возможности, а не рваться к стабильности как иллюзорной цели в самой себе. Все это предполагается, если мы *сможем превзойти механицистские рамки, которые все еще доминируют в стратегическом мышлении*» [5]. Таковы основные положения воззрений Манна, высказанные в его концептуальной статье.

В 1996 г. Манн на конференции в Институте Санта Фе делает доклад «Реакция на хаос», в котором развивает основные положения концепции «управляемого хаоса» применительно к достижению геополитических преимуществ США [6].

На данной конференции с докладами также выступили такие известные американские исследователи и политики, как Мюррей Гелл-Манн (автор теории кварков, нобелевский лауреат по физике), а также Збигнев Бжезинский, Карл Билдер, Джеймс Розенау, Роберт Максфилд. Один из докладов имел название «Хаос, сложность и война». Следует отметить, что одна из главных целей исследований, проводимых в институте Санта Фе — использование теории управляемого хаоса для разработки механизмов и методов *обеспечения гиперконкурентного доминирования и успешного решения прикладных военно-политических задач США на мировой арене*.

Определенный вклад в развитие теории критической сложности (хаоса) внес Митчел Уолдроп, который в 1992 г. опубликовал работу «Сложность: новая наука на рубеже порядка и хаоса» [7].

В 1996 г. в издательстве Мичиганского университета (США) под редакцией Л. Килья и Э. Эллиотта вышла коллективная монография «Теория хаоса в социальных науках: основы и применения» [8]. Эта работа состоит из 13 глав, сгруппированных в четыре раздела: хаотическая динамика в данных социальных наук; теория хаоса и политическая наука; теория хаоса и экономика; приложения в социальных науках и управлении социальными системами. Общие положения, изложенные в данной работе, рассмотрены в обзорном материале «Теория хаоса в социальных науках» [9]. По мнению Эллиотта и Килья, *теория хаоса представляет собой сегодня ту основную область точных наук, достижения которой представители социальных наук интегрируют в свою теорию и методологию.* Однако, по их мнению, более существенным является то, что теория хаоса воспринимается как средство для объяснения и выявления многих аспектов неопределенности, нелинейности, непредсказуемости в поведении социальных систем.

Один из создателей методологии имитационного моделирования Дж. Форрестер отмечал: «Мы живем в сильно нелинейном мире». Социум очевидно нелинеен, нестабильность и слабая предсказуемость являются присущими ему свойствами, а соотношение причины и следствия, как отмечают авторы, нередко являются загадкой при изучении социальных процессов. Эллиотт и Килья подчеркивают, что социальные системы являются историческими, зависящими от их «траектории» в прошлом, и это обстоятельство также подтверждает потенциальную значимость теории хаоса для социальных наук».

Можно отметить также работу французского ученого И. Рамоне «Геополитика хаоса» [10], в которой развиваются положения геополитической теории хаоса. Рассмотрению данных вопросов посвящена статья Г.Н. Нурышева «Доктрины “управляемого хаоса” в современной глобальной геополитике» [11].

Доктор наук и финансовый инвестор Билл М. Вильямс (Bill W. Williams) — основатель торговой группы «Профитюнити», применяет теорию хаоса при разработке стратегии и алгоритма для финансовых операций, активности рейдеров и инвесторов. Наиболее известны опубликованные им работы «Торговый хаос» и «Новые измерения биржевой торговли». По мнению Б. Вильямса, в соответствии с теорией хаоса тот инвестор, который отталкивается от линейной перспективы, никогда не будет видеть реального рынка, тем самым, рискуя нести постоянные потери. Теория хаоса опровергает то, на чем основывается технический анализ: поведение рынка в будущем подобно прошлому. С точки зрения Б. Вильямса, использование фундаментального и технического анализа не позволяет регуляр-

но получать прибыль на финансовом рынке. Для успеха на нем требуется использовать инструментарий теории хаоса — нелинейного, фрактального анализа.

Следует также привести работы американского исследователя Э. Петерса «Фрактальный анализ финансовых рынков. Применение теории хаоса в инвестициях и экономике» и «Хаос и порядок на рынках капитала», которые посвящены анализу современных проблем нелинейной экономической динамики (экономической синергетики), предлагаются методы долгосрочного прогноза для рынков акций, облигаций, валюты, а также методы фрактального анализа рынков акций, облигаций и валют, методы различения независимого процесса, нелинейного стохастического процесса и нелинейного детерминированного процесса и исследовано влияние этих различий на пользовательские инвестиционные стратегии и способности моделирования [12].

Автор новой 30R-маркетинговой парадигмы Э. Гуммесон сформулировал важное положение: «Если хаосом нельзя управлять, то можно научиться управлять в хаосе» [13, 257].

В России исследование проблем нестационарных структур, синергетики и хаоса проводили С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий и другие исследователи [14, 15].

В.Е. Лепский в своей статье «Технологии управляемого хаоса — оружие разрушения субъектности развития» [16] рассматривает исходные положения и задачи концепции управляемого хаоса, а также анализирует проблему разрушения субъектности развития национальных экономик. При этом он проводит критический анализ воззрений С. Манна. Считаю важным привести ряд важных выводов, формулируемых Лепским в своей статье. По мнению Лепского, Манн «прямо говорит о необходимости “усиления эксплуатации критичности” и “создания хаоса” как инструментах обеспечения национальных интересов США». В качестве механизмов «создания хаоса» у противника он называет «содействие демократии и рыночным реформам» и «повышение экономических стандартов и ресурсных потребностей, вытесняющих идеологию».

В.Е. Лепский отмечает, что «деидеологизация, идейный плюрализм, сбрасывание “балласта” ценностей, резкое повышение материальных запросов, прежде всего в элите, потеря управляемости экономикой, беспредел “демократических”, якобы самостийных, движений (часто имеющих этноконфессиональную окраску) — все это сознательно, на четко и подробно разработанной научной основе внедряемые составляющие “управляемого хаоса”, служащие главной цели — демонтажу ныне существующих национальных государств, традиции-

онных культур и цивилизаций. На их место должно, по замыслу глобалистов, прийти нечто совершенно новое, а именно — общество, состоящее из людей со стертой исторической памятью (что, в свою очередь, достигается при помощи особых технологий, относящихся в основном к сфере СМИ и образования)».

Далее Лепский отмечает, что в основу организации управляемого хаоса, положена перестройка массового сознания и мировоззрения посредством жесткого воздействия современных средств манипуляций всей духовной сферой человека с применением информационных и социально-культурных технологий. Это — мировая информационно-психологическая война. В ходе ее было достигнуто разрушение культуры солидарности, широкое внедрение культа денег и социал-дарвинистских стереотипов в представления о человеке и обществе. Способность больших масс населения к сопротивлению, самоорганизации и развитию была резко снижена. Технологии управляемого хаоса — это новый неконтролируемый в настоящее время международными организациями вид оружия массового поражения для установления мирового порядка в интересах стороны, его применяющей». Лепский делает важный вывод о том, что *технологии управляемого хаоса — это инструмент в миропроектной борьбе*.

В.Е. Лепский формулирует также важный вывод о том, что конечным скрытым результатом, но *«самым важным для организаторов управляемого хаоса является разрушения субъектности развития национальных экономик, стран, попавших под воздействие технологий управляемого хаоса. Фактически это скрытая форма уничтожения конкурентов в самых доходных экономических сферах, каковыми в настоящее время и в будущем являются высокие технологии. Уже сегодня доходы от высоких технологий превышают доходы от сырьевой и энергетической сфер, в ближайшие годы разница будет нарастать на порядки»* [16].

В рамках развиваемой нами теории энтропийной экономики в научный оборот было введено новое понятие — *финансово-денежная энтропия* и раскрыто содержание *механизма валютно-денежной энтропии* [17; 18].

Важнейшим элементом механизма валютно-денежной энтропии является так называемая кредитная воронка (кредитная петля для стран-аутсайдеров, но *кредитный пылесос* для стран-лидеров), в которую странами-лидерами загоняются страны-аутсайдеры посредством предоставления последним иностранных кредитов в постоянно дорожающей иностранной валюте (при постоянно обесценивающейся национальной валюте).

Сегодня российскому и мировому экспертному сообществу становится все более очевидным, что *рост экономики ведущих стран достигается не за счет развития производства, а посредством перераспределения богатства между сильными и слабыми странами*. Достигается это с помощью резкого ослабления национального государства (обычно после затягивания его в долговую ловушку), приватизации и скупки всех видов национальных ресурсов (включая природные, финансовые, интеллектуальные, информационные). При этом и национальное государство под давлением международных финансовых институтов загоняется в долговую кредитную яму и начинает служить инструментом глобализации путем внедрения энтропийной идеологии, обесценения национальной валюты, проведения всеобщей приватизации, сокращения государственных расходов на социальные нужды и на поддержание ведущих секторов национальной экономики (промышленность, сельское хозяйство, науку, образование, культуру).

Конечной доминантной целью глобальных стран-лидеров (глобальных статусных лидеров) — субъектов этого вышеописанного механизма валютно-денежной энтропии является *перераспределение мирового богатства, мировой собственности, мирового валового продукта, мирового информационно-энергетического и творческого потенциала человечества*.

Ю. Бялый в своем докладе «Управляемый хаос. Концепт Стивена Манна и его проекции на мировую политику» дает развернутую характеристику взглядов С. Манна. Так, он отмечает, что «еще в 70—80-х годах XX века появились исследования, трактующие некоторые социальные и политические процессы в терминах “падения на аттрактор”. Вскоре состоялись “бархатные революции” в Восточной Европе, развал Югославии и распад СССР. Эти глобальные перемены произошли слишком быстро для крупных социально-политических систем, обладающих большой исторической инерцией. Что заставило отнестись к политическим идеям “нелинейного управления хаосом” с полной серьезностью» [19]. Далее он отмечает, что тогда же в мире появился такой тип организаций, как «*группа кризисного управления*» (Crisis management group). Сначала такие группы занимались только выводом из кризисного состояния бизнес-корпораций. Однако вскоре активность некоторых групп кризис-менеджмента обнаружилась в сугубо политических процессах. И довольно быстро стало ясно, что многие из таких групп заняты не урегулированием, а *конструированием кризисов, причем именно в духе «создания хаоса»*. Нам известно, что развитие многих военно-политических кризисов не обошлось без активного участия подобных групп.

Бялый далее отмечает, что негативные воздействия на систему преследуют цели ее глубокой дезорганизации, вплоть до полного распада системной связности. И далее либо погружают систему все глубже в хаос, либо конструируют в ней нужные атакующему субъекту форматы порядка. То есть в данном случае речь идет о том, что подготовленные и обладающие нужным инструментарием группы кризис-менеджмента могут за счет «точечных» слабых воздействий создавать в социально-государственной системе противника те или иные аттракторы хаоса и порядка. И таким образом управлять системой в интересах своих хозяев, соответственно менять порядок, трансформировать хаос в новые формы. При этом необходимым условием является наличие/создание в атакуемой системе таких «слабых мест» («болевых точек»), которые уже находятся в состоянии, близком к критическому, в которых не требуется слишком больших усилий для того, чтобы вызвать «лавину» падения на нужный аттрактор [19].

Важнейшее значение для современной науки и практики имеет новая научная дисциплина *теория энтропийной логики*. На наш взгляд, данное научное направление является наиболее перспективным и активно используется в XXI в. наряду с инструментарием управляемого хаоса в гиперконкурентной борьбе в различных сферах и областях, включая политику, экономику, культуру. Разработкой теории энтропийной логики в последние десятилетия XX в. занимался квантовый физик, специалист в области информационных технологий и социальной психологии Теодор ван Хоуэн. Теория энтропийной логики представляет собой новую, динамично развивающуюся междисциплинарную науку, которая оказывает решающее влияние на трансформацию содержания, трактовок, функций, областей использования базовых научных дисциплин, включая гуманитарные науки, в конце XX — начале XXI в.

Теория энтропийной логики тесно связана с теорией информации, квантовой физикой, общей теорией систем, кибернетикой, управлением, экономикой, психологией и др. Можно привести ряд исследователей, занимающихся популяризацией теории энтропийной логики и рассмотрением применения данной теории к отдельным отраслям науки и практики. В качестве таких примеров можно привести работы Э. Крика (1998) [20], В.И. Нестерова (1999) и др. [21].

Развитие ряда положений теории ван Хоуэна получило в так называемой квантовой хромокинетике, или динамической теории электромагнитно-гравитационных (энтропийных) взаимодействий.

Теодор ван Хоуэн по приглашению Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA) и

Пентагона возглавил «программу по созданию электронных устройств для целенаправленного изменения состояния сознания и получения воспроизводимых психофизических эффектов бесконтактного получения информации от отдаленных (скрытых) физических объектов. Большинство экспериментов было осуществлено в стенах Станфордского международного исследовательского института (SRI). Ситуации опасности, риска, катастрофы в соответствии с постулатами энтропийной логики являются легко определяемыми в модельных экспериментах с использованием систем нелинейного прогноза [22].

Наиболее наглядным практическим примером поэтапной реализации технологий управляемого хаоса и энтропийного менеджмента является происходящая в последнее время программируемая энтропийная трансформация социально-политической и финансово-экономической системы стран Северной Африки, Ближнего Востока, Украины и других стран мира.

В приведенных выше работах представлены основные положения теории управляемого хаоса — *концепта ведения глобальной гиперконкурентной борьбы в XXI в.* Есть ли реальная альтернатива концепту управляемого хаоса и энтропийного менеджмента?

В качестве такой концептуальной альтернативы мы предлагаем *концепцию промыслительно-созидательного порядка, которая разрабатывается в рамках субстанционально-информационной парадигмы общественного развития и энтропийно-синергической методологии.* В России в 1995—1996 гг. нами выполнялось научное исследование, получившее грантовую поддержку Российского фонда в области фундаментальной экономики, на тему «Порядок и хаос в социально-экономической системе». Информация о проведенном исследовании опубликована в Реферативном сборнике конкурсных проектов, получивших гранты на исследования в области фундаментальной экономики в 1995—1996 гг.

Еще в начале 1990-х гг. нами в рамках субстанционально-информационной парадигмы был обоснован принципиальный вывод о том, что в обществе нет абсолютно спонтанных, стихийно протекающих процессов. *Экономика — это всегда управляемая система, и в ней всегда есть определенные субъекты управления (системная иерархия взаимодействующих субъектов управления).*

В рамках развиваемой нами субстанционально-информационной парадигмы мы обосновываем *субъект-управленческую семантическую, содержательную, смысловую концепцию информации.* С позиции данной концепции верно следующее положение: управляющий субъект целенаправленно создает, программирует с помощью целевых воздействий хаос в старой системе,

выводя ее из состояния стабильности и равновесия, а затем создает новый порядок с заранее заданными, запрограммированными свойствами, отвечающими его интересам и реализующим его конкурентные цели.

Подчеркнем, что теория, методология и инструментарий энтропийной логики и теории управляемого хаоса положены в основу разработки и создания современных коммуникационно-компьютерных технологий, систем управления общественным сознанием и ведения высокоэффективной гиперконкурентной борьбы в идеологической, культурной, политической, военной и экономической сферах. Сегодня, в XXI в., тот, кто владеет и использует весь арсенал методологии и инструментария информационно-сетевой экономики, энтропийной логики и управляемого хаоса, тот имеет инструментарий управления будущим, реализует свои конкурентные преимущества и побеждает в острой гиперконкурентной борьбе (см.: [23; 24]).

Основы концепции промыслительно-созидательного порядка, которая предложена и разрабатывается нами в рамках междисциплинарного энтропийно-синергического методологического подхода, представлены в авторской монографии «Энтропийная экономика» [25].

Сегодня необходимо теоретико-методологически обосновать и обеспечить постепенный переход к *новой модели развития, которая может быть определена как информационно-сетевая гиперконкурентная экономика с инновационно-синергической доминантой развития*, основанной на новых знаниях, синергично-инновационных методах и технологиях управления, включающих методы информационного содержательного анализа и целевого многовариантного программирования будущих результатов (многовариантных матриц принимаемых управленческих решений). В основе этого должны быть положены *синергичная парадигма мышления, концепция созидательно-синергического порядка*, синергичная модель нравственно ориентированного, безопасного и устойчивого развития экономических систем, синергичная логика принятия управленческих решений и получение интегрально-синергичных эффектов.

На наш взгляд, реальный выход из имманентно набирающего силу системного мирового кризиса, в котором сегодня оказалась вся экономика мира, а также экономика России, возможен только путем качественного, информационно-технологического прорыва. Инновационно-информационный прорыв российской системы возможен только путем качественного изменения ее главной идеи, выбора новых целевых стратегий, которые задают новую векторную направленность ее синергичного развития, программируют новые режимы и

параметры ее гиперконкурентного функционирования, обеспечивающие ее будущее целостное безопасное существование в качестве сильного независимого государства.

Обеспечение этого возможно на основе новой синергийной парадигмы развития — промышлительно-созидательного порядка, на основе разработки и использования *механизма гиперконкурентного управления будущим*, механизма стратегического системно-целевого программирования будущего состояния российской социально-экономической системы, с заданными, целевым образом, запрограммированными гиперконкурентными свойствами, режимами и параметрами устойчивого функционирования и развития, а также направленными на обеспечение ее целостного безопасного существования в качестве сильного независимого, нравственно и социально ориентированного государства.

Литература

1. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.
2. *Хакен Г.* Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985.
3. *Хакен Г.* Самоорганизующееся общество // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Hak_SamOb.php.
4. *Шарп Д.* От диктатуры к демократии. М., 2005.
5. *Mann St. R.* Chaos Theory in Strategic Thought // *Parameters*. 1992. Autumn // *Parameters* (US Army War College Quarterly). Vol. XXII. 1992. Autumn.
6. *Mann St. R.* The Reaction to Chaos // *Complexity, Global Politics, and National Security* / *Alberts D.S., Czerwinski T.J.* (eds.). National Defense University Washington, D.C. 1998.
7. *Waldrop M.* Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos. N. Y.: Simon & Schuster, 1992.
8. Теория хаоса в социальных науках: основы и применения / Под ред. Л. Кия, Э. Эллиотта. Мичиганский университет, 1996.
9. Теория хаоса в социальных науках // <http://cih.ru/a1/f82.html>; <http://spkurdyumov.ru/what/tehnologii-upravlyаемого-haosa/>.
10. *Рамоне И.* Геополитика хаоса М., 2001.
11. *Нурьшев Г.Н.* Доктрины «управляемого хаоса» в современной глобальной геополитике // <http://economics.open-mechanics.com/articles/401.pdf>.
12. http://www.forex2.info/Fraktalny_i_analiz_finansovykh_rynkov.
13. *Gummesson E.* Total Relationship Marketing: From the 4Ps — Product, Price, Promotion, Place — of Traditional Marketing Management

to The 30Rs — The Thirty Relationships — of The New Marketing Paradigm. Butterworth-Heinemann, Oxford, 2004.

14. *Ахромеева Т.С., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Самарский А.А.* Нестационарные структуры и диффузионный хаос. М., 1992.

15. *Малинецкий Г.* Хаос. Тупики, парадоксы, надежды // Компьютера. 1998. № 47.

16. *Лепский В.Е.* Технологии управляемого хаоса — оружие разрушения субъектности развития // <http://spkurdyumov.ru/what/tehnologii-upravlyаемого-haosa/>.

17. *Дятлов С.А.* Денежная энтропия как элемент воспроизводства глобального кризиса // Экономист. 2015. № 9.

18. *Дятлов С.А.* Финансово-денежная энтропия. Энтропийные деньги / Энтропийная экономика: методология исследования глобального кризиса. СПб., 2015.

19. *Бялый Ю.* Управляемый хаос. Ч. I. Концепт Стивена Манна и его проекции на мировую политику. Концептуальная война // <http://gazeta.eot.su/article/управляемый-хаос> № 6 от 28 ноября 2012 г.; <https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-disk-public%3A%2F%2FfehXEhWDCOn%2B9dIXcY4rxMegmc9PGN0Yn0fu8FdQ3Lc%3D&name=018-DOKLAD-UPRAVLYAEMY-HAOS-1-GAZETA-SV-KONCEPTUALNAYA-VOYNA-006.pdf&c=54b7bceb0f99>.

20. *Крик Э.* Теория энтропийной логики Теодора Ван Ховена и расширяющиеся горизонты естествознания. М., 1998.

21. *Нестеров В.И.* Теория энтропийной логики и живые организмы. М., 1999.

22. *Нестеров В.И.* Информация в структуре мироздания. М., 2006 // http://zhurnal.lib.ru/n/nesterow_w_i/informationinuniverse.shtml.

23. *Дятлов С.А.* Энтропийная доминанта мировой и российской финансово-экономической системы // Инновации. 2014. № 4 (186).

24. *Дятлов С.А.* Энтропия институциональных систем в условиях глобальной гиперконкуренции // Институциональная трансформация экономики: российский вектор новой индустриализации (Под ред. Е.А. Капогузова, Г.М. Самошилова). Омск, 2015. Ч. 1.

25. *Дятлов С.А.* Концепция промыслительно-созидательного порядка // Энтропийная экономика: методология исследования глобального кризиса. СПб., 2015.

И.Р. БУГАЯН

**Геостратегическая миссия России — сохранение
сообразности между диалектическими противоположностями
мирового хозяйства**

Аннотация. Приближение мирового хозяйства к состоянию неуправляемого хаоса вызвано неукротимым желанием стран «золотого миллиарда» наказать Россию за «плохое поведение», объявив ее «региональной державой», виновной во всем негативном, что происходит в мире. Но тиражирование всевозможных вымыслов не может заменить подлинные, научно обоснованные причины всестороннего системного кризиса, в который сползает мировое хозяйство. И невозможно обнаружить способы совместного преодоления нарастающих общемировых проблем. Сотрудничество же с этой целью — насущная необходимость.

Ключевые слова: современные доминирующие факторы производства, хозяйство, диалектические противоположности, неуправляемый хаос в мировом хозяйстве.

Abstract. The approaching ungovernable chaos of world economy is caused by indomitable aspiration of «the golden billion» countries to penalize Russia by «regional power» status and blaming it for all global problems. Compos mentis people are concerned with something else. Replication of different fabrications can't substitute a valid reason of overall system crises. This vague ground can't help to detect the ways of joint problems solving. However, cooperation in this area is the barest necessity.

Keywords: modern dominant production factor, economy desire to govern the world via creation, of controllable chaos and ungovernable chaos in global economy as an outcome.

Никогда в обозримом 7000-летнем прошлом не было столь неравномерного распределения собственности на доминирующие факторы производства и товара, как сегодня: ни при доминанте труда (античный период истории), ни при доминанте земли (феодализм), ни при доминанте капитала (капитализм).

Говоря о доминирующем факторе производства, мы вынуждены сегодня вести речь о современном предпринимательстве (см.: [1, 30—31]) на основе новых и информационных технологий, являющихся товарами, сама собственность на которые создает ныне объективную возможность присваивать подавляющую часть мирового прибавочного продукта. Другими словами, этим технологиям ныне присущи те же свойства, которыми в прошлом обладали *рабы, земля,*

капитал, создавшие возможность возникновения новых, несуществующих ранее этносов — соответственно римлян, русских, североамериканцев и их империй.

Поскольку 95% современного доминирующего фактора производства — предпринимательства на основе новых и информационных технологий — сосредоточены и являются собственностью 1/7 части населения земли — «золотого миллиарда», то и распределение мирового прибавочного продукта не может не происходить в соответствии с этой реальностью — экономическими пропорциями: примерно 9/10 мирового прибавочного продукта присваивается 14% населения Земли, проживающими в странах «золотого миллиарда»! При этом 1% землян из них принадлежит 95% всех финансовых ресурсов мирового хозяйства! Однако этого ресурса никогда не бывает достаточно, поскольку его наличие в руках немногих дает власть более значимую, чем у официально (де-юре) известных и властвующих политиков. Поэтому гонка за финансовыми ресурсами и активами никогда не прекращается. Лишь ослабевшие участники его покидают. Остальные продолжают свое участие.

Чем меньше остается участников этого «ралли», тем острее борьба. Здесь оказываются уместными любые методы и риски, ведущие к недостижимому, но такому привлекательному мировому — а значит, и к любому иному — господству.

Следует подчеркнуть, что в этом принимают участие не только государства, но и (на лично-зачетном уровне) отдельные «граждане мира» — иногда совместно со своими семьями, а некоторые из них, одновременно совмещая и политические, и финансовые компоненты власти. Это особенно опасно, поскольку возникает возможность, когда личные интересы могут стать выше интересов государства, сограждан.

Иначе говоря, порог возможных преступных деяний под прикрытием межгосударственных политических и военных блоков резко снижается, ставя под угрозу судьбы миллионов людей, целых наций и государств.

Всякое хозяйство, начиная с домашнего и кончая мировым, состоит из неоденеживаемой и оденеживаемой частей. Водораздел между ними устанавливает конечный потребитель, который получает товары и услуги — в первом случае бесплатно (например, неукоснительно соблюдаемое Римом требование граждан: «хлеба и зрелищ»), во втором — платно. В масштабе национальном это соответственно общественный, или, как принято называть за рубежом, социальный сектор хозяйства и экономика.

Соотношения между этими секторами в разных странах существенно различаются, и это стало основанием отнесения некоторых из них в отдельную группу — так называемых стран «золотого миллиарда».

Из 7 млрд человек мира в «золоте» проживает лишь 1 млрд; социально-общественные секторы этих государств в разы превосходят другие страны даже при сопоставимых размерах ВВП (например, при сравнении социальных секторов США и КНР).

Если принять средневзвешенное соотношение мирового социального сектора хозяйства и экономики за нормативную основу, то разнонаправленно нарастающие отклонения от нее в странах «золотого миллиарда» и «остальном мире» окажутся весьма значительными, при этом состояние нынешнего хаоса мирового хозяйства имеет в будущем только одну перспективу — к углублению.

США и другим странам «золотого миллиарда» необходимо остановиться и подумать над изменением своей необузданно-бурной, целенаправленно вводящей в заблуждение остальные страны мира, включая союзников, да и собственное население, близоруко-эгоистичной военно-политической деятельности. Ее последствия могут стать необратимыми.

Чтобы прояснить ситуацию, приведем пример из истории нашей страны.

Россия почти весь XX в., наряду с Германией, являлась полигоном для проверки жизнеспособности различных социально-экономических теорий и придумок, связанных с построением социализма. Причем в России эти теории, в отличие от Германии, были не национального происхождения; они пришли из-за рубежа и, несмотря на все старания и руководства СССР и советского народа, не дали, да и не могли дать, ожидаемого результата.

В числе этих стараний было и насильственное введение продналога и продразверстки, преследующее социальные цели, направленные на резкое уменьшение удельного веса рынка и экономики в хозяйстве России, которое предполагало соответственное возрастание другой части — общественной. На деле же это ввергло страну в хаос, вызвало голод, холод и сопутствующие ему бедствия, масштабы которых вынудили инициаторов этой военно-политической акции отступить: В.И. Ленин предложил нэп.

Ничего нового в нэпе не было: возвратили в хозяйство общественное пространство, необходимое предпринимательству и рыночным отношениям, и тем самым в какой-то мере восстановили прежнее соотношение между социальным сектором, в котором действуют гос-

ударственные законы, и экономикой, где господствует преимущественно предпринимательский менеджмент.

Но если в Советской России введение продналога и продразверстки было фактически признано ошибочным, то США, организовавшие и возглавившие коалицию стран «золотого миллиарда», действуют подобным образом уже в XXI в. на пространстве стран, население которых «не жалко».

То и дело на этих территориях — по существу в чужом доме — допускаются прямые «рукоприкладства» в отношении государств не только Ближнего Востока, Севера Африки, но и Европы (бывшая Югославия). С целью государственных переворотов в нужных для «золотого миллиарда» направлениях оказывается организационно-политическая и финансовая поддержка любых антинародных и антиправительственных сил, включая террористические (в том числе в предварительно ослабленных звеньях бывших стран СНГ — Грузии, Украине, Молдавии).

Если отбросить всевозможную информационную мишуру, намеренно создаваемую службами стран «золотого миллиарда» в социальных сетях, то вышесказанное является использованием все того же хорошо известного из истории СССР политико-экономического инструмента большевиков, но в противоположном от продналога и продразверстки направлении. Это уже не военный коммунизм, а противоположный ему *воинствующий*, а в некоторых случаях и прямой *военно-экспансионистский экономизм*.

Его суть: вытеснение из хозяйств отдельных стран, избранных в качестве объектов внешнего, насильственного военно-политического управления-хозяйничанья, разрушения, сложившихся внутригосударственных общественных законов. Эти законы сложились в странах Ближнего Востока иногда за тысячи лет до появления США. За длительный исторический период там сформировалось соотношение между уровнями развития экономики и общественного сектора, а коалиция стран «золотого миллиарда» эти исторически устойчивые и тысячелетиями выдержанные соотношения начинает грубо изменять в «правильном», по их представлениям, направлении. Все это сопровождается насилием и физическим уничтожением неудобных граждан и устранением их «неправильных» лидеров (Хусейн — Ирак, Каддафи — Ливия, Милошевич — Югославия).

Результат вседозволенного воздействия коалиции, которая грубо присвоила право (как и в хозяйстве революционной России начала прошлого века) безграничного вмешательства в сферу межгражданских отношений чужих стран (которых «не жалко»), не замедлил ска-

заться в виде резкого нарастания хаоса уже в глобальном масштабе — во всем мировом хозяйстве в целом.

В числе прочего этот новый мировой хаос, в отличие от российского, включил в себя и нечто качественно иное. Возникновение на территориях ряда стран, подвергнутых подобным внешнеуправленческо-насильственным воздействиям, разнообразных относительно устойчивых (в сравнении с псевдогосударственными образованиями на территории революционной России начала прошлого века) межгосударственных террористических образований, объявивших себя новым государством. Основная его деятельность — захват и незаконная торговля продуктами нефтяных месторождений, принявшая форму гражданской войны со всеми правительствами — как прежними, так и новыми.

Все это сопровождается быстро распространяющимся мировым хаосно-миграционным кризисом, возникшим в результате коалиционно-военно-политического воздействия стран «золотого миллиарда» на Ближний Восток, который при заинтересованно-деятельно-разрушающем нефте- и оружейно-торгашеско-базарном посредничестве содействии весьма влиятельной семьи одной из стран — членом НАТО быстро распространяется на страны ЕС. Разумеется, прежде всего, на страны «золотого миллиарда», где есть социальная защита и особенно их европейский локомотив — ФРГ. Круг замкнулся!

Причина подобных хаосов всегда в одном и том же: нарушении исторически сложившейся меры в соотношении общественного и экономического секторов хозяйств ряда стран: в данном случае государств, которые оказались под дестабилизирующим военно-политическим влиянием коалиции «золотого миллиарда» во главе с США.

Эта коалиция, организуя и поддерживая цветные революции, майданы, всевозможные оппозиции, стремится целенаправленно, исключительно в своих интересах, нарушая исторически сложившиеся соотношения между общественным и экономическим секторами хозяйств — сначала отдельных стран, затем целых регионов и в конечном счете мирового хозяйства в целом — достигать своих эгоистичных целей в ущерб интересам большинства.

Все эти действия объективно оказываются направленными на возникновение и усиление так называемого управляемого ими в своих интересах мирового хаоса. Но в этом деле самое главное и сложное — соблюдение меры. А это уже связано с культурой — судя по всему весьма дефицитной компонентой для затейников мировых хаосов.

Если открыватель вышеназванной общественной технологии в масштабе России — В.И. Ленин, быстро разобравшись в своей ошиб-

ке, немедленно ввел нэп, то нынешние его «последователи-двоечники» в лице сменяющих друг друга президентов стран «золотого миллиарда» и их сателлитов, широко пользуясь этой технологией, но с прямо противоположными целями и сразу на глобальном уровне мирового хозяйства, заигрались. Они давно уже получают не то, что намеревались: вместо хаоса управляемого сеют *хаос неуправляемый*. Это происходит повсеместно, где они со своими однообразно-монотонно-назойливыми намерениями появляются — будь то Ближний Восток, включая Сирию, Север Африки, Юг Европы, или же страны СНГ.

Во всем этом ни меры, ни культуры обнаружить не удастся!

В своем выступлении в ООН президент России В.В. Путин был вынужден задать вопрос организаторам мирового хаоса: понимают ли они, что натворили?

И, судя по всему, даже они уже начинают понимать. Но не желают и не намерены отступить от своих узкокорыстных целей ни в Сирии, ни где бы то ни было.

Нечто подобное описанному происходит и с надвигающимся на мир другим — сопутствующим рукотворно-неуправляемому военно-политическому хаосу — рукотворно же вызываемый финансово-экономический кризис 2016 г.

Антироссийские коалиционные санкции, возглавляемые США и инициативно поддерживаемые ЕС, привели к таким же неуправляемым последствиям для самих инициаторов и в смежной сфере — финансово-экономической. Но здесь, в отличие от военно-политической ситуации, спрятаться за спинами других намного сложнее и вряд ли кому-либо удастся.

Характерны заголовки обзорных электронных новостей на конец дня 7 января 2016: «Мировые фондовые индексы резко снижаются на фоне нестабильности на рынке Китая». И далее непрерывно, уверенно и настойчиво о китайском фоне:

«Очередное падение рынка акций Китая негативно отразилось на мировых фондовых биржах, при этом усиливающаяся тревога о второй по величине экономике мира заставляет инвесторов покидать рынки акций, нефти и металлов».

«В Европе субиндекс добывающего сектора теряет 5,2%, а нефтяного сектора — 4,2% с начала торгов. Эти сектора зависят от спроса со стороны Китая, а кроме того, цены на нефть держатся возле многолетних минимумов».

«Инвесторы отказываются от рискованных активов, делая выбор в пользу активов-убежищ. Золото повысилось в цене на 0,4% до 1096,60 доллара за унцию на торгах в Лондоне. Доходность 10-летних казна-

чейских облигаций США понизилась на 0,04 процентного пункта до 2,129%, а доходность 10-летних немецких облигаций сократилась на 0,03 процентного пункта до 0,480%».

«На Уолл-стрит накануне также было отмечено серьезное снижение. Индекс DJIA опустился до трехмесячного минимума из-за опасений о Китае и падения цен на нефть». А несколько позже в вечерних новостях 7 января было объявлено, что за один этот день индекс DJIA снизился столь существенно, что аналогов не обнаружили за 119 предшествующих лет.

Но что могло инициировать всю эту свистопляску?

Можно, конечно, сослаться на объективные факторы и обвинить во всем Китае: «инвесторы называют главным виновником сегодняшнего спада на рынках ослабление юаня», девальвация которого «...может привести к серьезному ослаблению валют соседних стран, а также снизить спрос Китая на импортные товары и тем самым сильнее подорвать уверенность в местной экономике».

Как уже было отмечено, все это продолжает подаваться как *китайский фон*. А вот кто и что этот *фон* создали — не обсуждаемый вопрос!

Как известно, последний саммит «восьмерки» (2014), на котором была представлена Россия, происходил в Австралии, где отношение к РФ было проявлено на таком уровне, что дальнейшее взаимодействие с оставшейся «семеркой» в прежнем формате, утратило смысл.

На следующей встрече — уже «семерки» (без России) — в том же 2014 г. было сделано сенсационное заявление: *США, опираясь на результаты «сланцевой революции», выразили готовность снабжать Европу, включая Украину, энергоносителями на более выгодных условиях* и с перспективой распространения необходимой технологии их добычи на континент.

Вот это и дало старт ралли по переделу мирового рынка сначала энергоносителей, в которое на первом этапе в основном включились поставщики нефти, а затем — вынужденно — и отрасли, связанные с нею технологической цепочкой, включая первоначально лишь прочие добывающие отрасли, преимущественно сосредоточенные вне стран «золотого миллиарда»: в странах БРИКС + так называемых развивающихся экономиках.

В этом ралли, за исключением некоторых наиболее инициативных членов ОПЕК, многие страны, в том числе Иран, с которого спустя десятки лет наконец сняты санкции, принимают участие вынужденно. Но *все это* вкупе с антироссийскими санкциями объективно действует на них так же, как и на Россию, — исключительно негатив-

но. Не только доходы граждан и соответствующие государственные бюджеты пострадали, но и инвестиционные и интеграционные глобально мирохозяйственные программы, в которых так или иначе принимают участие практически все страны, включая, разумеется, и страны «золотого миллиарда».

Коалиция этих стран, которая также несет немалые потери, вдохновленная обещаниями своего лидера, исчерпывающе включилась во *все это*, мобилизовав в мировом хозяйстве не только антирыночно-санкционные, но и рыночно-раллийные методы давления на РФ, бывшего своего партнера — участника «восьмерки».

Все участники ралли традиционно предположили, что пальма первенства в виде наибольшей части мирового рынка энергоносителей достанется по его результатам лишь тем, кто предложит потребителям более приемлемые ценовые условия.

В январе 2016 г. цены на нефть марки «Brent» рухнули «...до 33,42 доллара за баррель. Хотя ранее падение цен было еще более сильным», они продолжили свое падение далее.

Но следствием этого оказалось не только то, что предполагали зтейники, но и суженное воспроизводство с темпом прироста не более 3,5% экономики России.

Не было учтено то, что они имеют дело не только и не столько с Россией, сколько с давно сложившимся гигантским *мирохозяйственным энергопромышленным комплексом*. В него входят в разной степени практически все страны — не только связанные с добычей, но и с глубокой переработкой энергоносителей, а также с производством оборудования, комплектующих, необходимых технологий, т. е. и страны «золотого миллиарда», включая США.

Следовательно, речь идет не только о прямых производителях оборудования и прочего необходимого для энергокомплекса (например, в Китае), но и о странах, косвенно — через лицензионно-договорные отношения — участвующих в этом — прежде всего США, других странах «золотого миллиарда», заинтересованно получающих от всего этого огромные доходы.

Далеко не случайно фондовые индексы этих стран рухнули вслед за ценами на нефть и в своем падении продолжали строго следовать за ними.

Таким образом, инициаторы, полагая, что затевают карательные санкции с жонглированием ценами на энергоносители лишь с антироссийскими целями, получили нечто иное. По сути они совершили финансово-экономическое преступление, способное вызвать экономический кризис в масштабах всего мирового хозяйства, включая США. Образно говоря, попали в положение «унтер офицерской

вдовы», блеф которой привел к тому, что она высекла не только сама себя, но заодно и своих партнеров, последователей и союзников.

За весь этот немалый промежуток времени, прошедший со времени сенсационного президентского заявления в 2014 г. о готовности США снабжать Европу энергоносителями на более выгодных условиях, в ЕС прибыло лишь одно судно с этим американским грузом.

Цель оправдывает любые средства. Она достигнута. Цены на энергоносители в январе продолжили падение.

Однако страны «золотого миллиарда» продолжают носить маски невозмутимости, по крайней мере пытаются вести себя подобно «пассажирам первого класса», постоянно выражая недовольство в адрес кочегаров паровоза за недостаточную расторопность. В качестве одного из нерасторопных «кочегаров» они упорно продолжают называть Китай — страну с самой динамично развивающейся экономикой, безупречно выполняющую свои финансовые обязательства по лицензионным и иным соглашениям со странами «золотого миллиарда». Не остаются без упреков также и некоторые другие страны БРИКС + остальной мир.

Одним словом, страны «золотого миллиарда», *используя контролируемые ими мировые социальные сети, пытаются создать на глобально-мировом уровне вполне определенное впечатление: все негативное, что происходит в мировом хозяйстве, — следствие «неправильного» поведения «неправильных» правительств остального мира. Богобоязненный и благодетельный «золотого миллиарда» ко всему этому никак не причастен!*

Россия же не входит ни в число пассажиров первого класса, ни в число кочегаров. Это проявляется не только в ее относительно независимом поведении, но и в степени объективно-неизбежной включенности во все, что происходит в мире. Она, образно говоря, пассажир, готовый и способный не только понимать тех и других, но и содействовать своевременно-благополучному движению поезда мирового хозяйства, которое совпадает с ее историческими устремлениями. Поэтому для нее придумано нечто особое — обвинение в недостаточной почтительности к «первоклассникам».

Нарастающие расхождения между «кочегарами» и «пассажирами», вызванные настойчивым желанием «первоклассников» указать недостаточно почтительному к ним «рядовому региональному пассажиру» его место, превзошли все ожидания.

А что если этот пассажир — вовсе не рядовой и не региональный? Требования «первоклассников» его высадки с помощью прочих пассажиров и с попытками вовлечь в это «кочегаров» может далеко завести!

Ведь поезд придется останавливать!

Да еще и не понятно — кто кого высадит?!

«Первоклассники», как показывает многовековая история, в своих назойливых попытках в начале каждого столетия оказать на Россию ни перед чем не останавливающееся давление уже трижды ошибались! Может, не стоит с этим вновь затеваться? Тем более что нынешний их староста вынужден будет, как и предыдущий, во многом неизбежно повторяться. Но нынешняя ситуация далеко не тот случай, когда «повторение — мать учения»!

Ведь известно, «Бог любит троицу»! Зачем в четвертый раз испытывать судьбы мира?

Надо не враждовать, а объединив усилия, остановить сползание, предотвратить всеобъемлющий, не имеющий аналогов в прошлом, рукотворно созданный кризис.

Литература

1. Бугаян И.Р. Государственное и частное предпринимательство в России: соотношение и необходимая для вырыва к развитию мера // Философия хозяйства. 2015. № 2.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Власть и экономика

Аннотация. В статье исследуется вопрос о возможной теории современной экономики. Выводы суровые. Экономика вообще не нуждается в теории, ибо она служит богатству, которому нужно не объективное знание, а насилие и финансовый террор против грозного насилия растущей нищеты. А нищете нужна не пиарная теория экономики, а реальная теория неоинквизиции, которая укажет пути и средства преобразования экономико-финансового террора в мир хозяйства и его мудрости — софиасофии, несущей в себе проект осмысленной жизни.

Ключевые слова: теория, экономика, терроризм, неоинквизиция.

Abstract. The article investigates the question of a theory of modern economy. The author shows that an economy does not need at all any theory because it serves wealth which needs not objective knowledge, but violence and financial terror against terrible violence of the growing poverty. And poverty needs not a theory of economy, but the real theory of

neoinquisition which will specify ways and means of transformation of economical and financial terror to the world of economy and its wisdom — the sophiasophia carrying in itself the project of intelligent life.

Keywords: theory, economy, terrorism, neoinquisition.

Современный мир задыхается, погибает от непонимания самого себя, от незнания своей конечной цели, своего смысла, оправдывающего его бытие в ценностных координатах вечности, неотвратно катясь по инерции в черную дыру избравшего его летального аттрактора. А понять себя он сможет, лишь родив теорию, которая представит его сущность как идеальный мир творящего и борющегося с самим собой духа ради выявления им своих скрытых и неизвестных миров, законов, людей. Нет теории, обзревающей его целостность, его эволюцию, ищущей пути его перехода в вечность, в мир Спасения. Нет теории несущей, хранящей в себе волшебное слово, раскрывающей его правду и его неправду, его величие и его ничтожество, его место в общем параде миров накануне Главного События Вселенной.

И в узко локальном плане современный мир существует только и только для того, чтобы стать теорией своего бытия, которая завершит его пребывание на земле, как того требует правда идеальности и вечности. Гегель парадоксально выразил мысль об идеальном как самоцели всякого бытия, утверждая, что, например, смысл и назначение Пелопонесской войны состояли лишь в том, чтобы Фукидид написал ее историю, перевел ее в форму идеального бытия. «Фукидид написал историю большей части этой войны, и это бессмертное произведение есть абсолютное приобретение, доставшееся человечеству в результате борьбы» [1, 250]. Реальная война двух стран, сгубившая их, стала лишь средством подтверждения антивоенной бессмертной правды идеального. Живите, воюйте, уничтожайте друг друга, но вечность отберет в свою книгу праведности лишь идеальные элементы вашего суетного бытия! Печально, но это так — жизнеописание вечности сохраняет лишь идеальные письма материи, всех ее созданий и существ.

Мы ограничим наше исследование частным миром — экономической и экономической теорией. Какой именно теорией беременна современная экономика и должна ее родить, ведь сама по себе она не нуждается ни в какой теории, следуя финансовой жвачке и натовским рыкам золотого тельца? Кто может стать субъектом этой теории? Кому она жизненно необходима, и кто ее с мучительным нетерпением ждет?

Но вначале кратко о персоне, именуемой теорией, которая предельно мистифицирована методологами и мнимыми знатоками. Тео-

рию нужно отличать от учений, концепций, которые могут быть истинными, ложными, вероятностными, а теория может быть только истинной, иначе она теряет свой теоретический статус. Теория — существо сложное, конспирологическое и революционное¹.

Теорию как форму вечной мысли открыли в самом бытии древние жрецы, выразив ее суть императивом своих социовластных канонов: «Суть теории доступна только морально чистым и профессиональным знатокам мудрости, посвятившим ее служению свою жизнь!». Всякая теория (если это теория!) состоит из трех неравноценных частей.

1. Самая важная часть теории всегда остается скрытой и непонятной почти для всех, хотя она выражается ясным, но непостижимым языком. «Как трудно видеть то, что ясно вижу!» (Шекспир). «Что труднее всего видеть? Что лежит перед глазами?» (Гёте)². Часто эта

¹ Любая подлинная теория революционная сообразно смыслу термина «революция», который означает возврат предмета в исходное правильное состояние, определяемое вечностью. Любая теория, раскрывая целостность предмета, его диалектическую и суицидную динамику, содержит в себе и указание возможных путей Спасения посредством перехода в сферу вечного бытия. Так, механика Ньютона вполне революционная теория, ибо по ее закону действия богатства вызовут равноценные противодействия и террор нищеты, которая создаст новые условия для действий новых людей. Теория Дарвина революционна, ибо мутации и естественный отбор породят особое существо, — героя, который будет сильнее животных и человека, и в итоге положит конец богатству и нищете, заменив их сакральной службой в комендатуре вечности. Квантовая теория революционна, ибо ее принцип неопределенности заменяет хаосом онтологию богатства и нищеты; а в хаосе возможно только невозможное. Астрофизика революционна, ибо признает Большой взрыв и черные дыры, в которых богатство и нищета станут плодотворной чернотой нового бытия. Диалектическая теория революционна, ибо признает, что «последние» станут первыми в мире осмысленной жизни, а «первые» станут последними жертвами диалектики. Христианская теория революционна, ибо Страшный суд окончательно воздаст и богатым, и бедным.

Вообще, главным революционером является само идеальное. Гёте отрицал террор революции 1793 г., видя, как он деформирует ее идеальную цель — справедливость, превращая ее в грубую власть олигархии, просто купившей себе эту революцию. «Вся Французская революция держалась на подкупе». Но саму революцию Гёте ценил, ибо она осуществляла идеальные проекты духа. И от взора поэта не скрылось то, что «все идеальное пригодно для революционных целей» [2, 115, 134].

² Аристотель, утверждал, что «каков дневной свет для летучих мышей, таково для нашего разума то, что по природе своей очевиднее всего» [3, 94]. Тайна и конспирология теории скрываются в самых ясных и очевидных ее аксиомах.

важная и скрытая часть теории даже не записывается, а транслируется через устные предания. Эту часть теории условно можно назвать метафизикой, оккультным шифром. Жрецы знают теорию и понимают ее цели и средства. Например, почему сумма катетов не равна гипотенузе, а сумма квадратов равна. Почему визуально Ахилл загоняет черепаху в свой суп, а мысленно он никогда ее не поймает и суп останется постным.

2. Вторая часть теории состоит из идеологии, которая предназначается культурной, административной, инженерной, технической элите, которая знает теорию, пользуется ею практически, но не понимает ее, а слепо верит ее «классикам» даже когда объект этой теории самораспадается, исчезает.

3. Третью часть всякой теории составляет фактология, которая является уделом большинства людей и толпарей, служащих материалом теории и объектом для ее экспериментальных проверок и доводов.

Этот тройственный состав теории отчасти даже наглядно проявился в античной теории. Аристотель выразил скрытый смысл теории, утверждая, что в теории и посредством теории бог постоянно мыслит самого себя³. устанавливая свои смысловые координаты, свой статус в масштабах вечности. Мышление в форме теории представляет для бога вечное и невыразимое блаженство, которое человеку выпадает лишь иногда. Незавершенную работу Аристотеля по самоопределению бога в координатах вечности завершило христианство, в откровении которого Бог предстал единой Личностью в трех Ипостасях. Высший смысл, назначение, оправдание любой теории в том, чтобы содействовать пониманию Бога как Личности, представляющей, выражающей и скрывающей живые тайны вечности. Бог не может таить и вместить свое блаженство в самом себе, поэтому он творит мир, человека, уделяя им крупницы своего теоретического блаженства, делая мир теоретически познаваемым, а человека — субъектом, автором, творцом теории и нового мира, содержащегося в ней.

Платон, принимая по умолчанию тайную (сакральную) часть теории, сосредоточил свои усилия на разработке ее идеологической составляющей, призванной вооружить властителей Древней Греции теорией-идеями, дабы они стали подлинной элитой и правили полисами по теоретическим нормам вечности («по-идеям»). Теория в филосо-

Например, тайна теории государства сокрыта в ее власти, которую все знают, все критикуют, все исправляют, но почти никто не понимает ее сакральный смысл царства.

³ Аристотель о божестве, мыслящем самого себя посредством теории.

фии Платона представляет целостное знание бытия, включая в себя и «знание незнания» (?), что вполне достаточно для грамотного отправления своих служебных функций⁴. Элита знает богов, но не прямо, а только посредством теоретических идей, посредством их воплощения в вещах, а сами по себе идеи и стоящее за ними благо и блаженство богов им недоступно, хотя они могут об этом и знать.⁵ Но элиты не поняли (не желали, да и не могли понять) Платона, а философ не понял того, что элиты его времени уже основательно деградировали и его теория идей их страшила тем, что несла в себе суровую ответственность за отклонение от их императивов. Поэтому его опыты приобщения элит к теоретическому знанию, к теории идей завершились двукратной продажей философа в рабство. Это говорит о том,

⁴ Сократовское кредо «Я знаю только то, что ничего не знаю» выражает отношение элит к теории. Они знают только то, что положено знать элите, а тайная часть теории им неведома, и они могут только искать ее. Но вот этого как раз и не следует делать, ибо поиск неположенной тебе ценности всегда завершится тем, что ищущего такую тайну найдут ее охранители и чрезмерное любопытство завершится плохо. Сократа казнили за то, что он хотел узнать богочеловеческое знание, вовлекая в это дело несведущую толпу, а не за выдуманных богов, которых было полно в античной мифологии; не за развращение молодежи, ибо это развращение было элементом полисной политики.

⁵ Сама теория, ее идеи у Платона не автономны, а определяется высшей инстанцией — Благом, превосходящим разумение людей. «То, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и то, и другое — познание и истина, но, если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. Правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать которое-либо из них самим благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше. Познаваемые вещи могут познаваться лишь благодаря благу; оно же дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно — за пределами существования, превышая его достоинством и силой». И поскольку Благо, этот неведомый «X», определяющий идеи, истину теории, Платон не вполне отождествляет с божеством, но в то же время возвышает Благо над Космосом, то у нас остается только один вариант его понимания. Скорее всего, речь у Платона идет о Софии Премудрости Божьей, хотя он и не называл свое Благо этим христианским именем. Богиней мудрости у древних греков была Афина Паллада, многие качества которой совпадают с христианской Софией. И тогда все проясняется: теория есть дело Софии Премудрой. Теория — это особая сакральная реальность Софии, а София — это теория, ставшая божественной Личностью, исполняющим провиденциальную волю по смысловому, нравственному и художественному обустройству мироздания [4, 316—317].

что элиты внутренне уже стали пещерными рабами, ибо люди, выполняющие теоретическую (идейную, идеологическую работу), не смогли бы продать в рабство создателя теории их власти, их освободителя из пещерного заточения. Жизнь в пещере по заданным правилам для такой элиты оказалась лучше относительно свободной жизни по идеям теории. Если жрецы благодаря и посредством теории знают и понимают, то элиты лишь знают теории и слепо верят их «классикам».

Платоновский образный символ «Пещера» наглядно выражает тройственность теории. Создатели теории находятся вне пещеры, владея ее тайной, они могут освободить их обитателей, но понимая всю бесполезность и опасность такой свободы, манят, дразнят и говорят о ней лишь намеками. Элиты, правящие узниками пещеры, знают основные законы и принципы теории, но, не понимая ее, сидят на лавке спиной к создателям теории⁶. Наконец, трудящиеся и базарные узники пещеры видят на ее стене только тени и призраки предметов, или, как говорит строгая наука», только абстракции и абстрактные объекты теории, принимая их за подлинное бытие.

Наконец, не следует забывать и дьявола, который тоже принес свои кирпичики в здание теории, выразив свой вклад в это дело поэтическим языком: ««Теория мой друг сера, но вечно древо жизни зеленеет!»⁷. Мефисто уверяет, что теорию создали серые ангелы, занимавшие нейтралитет (по-научному — объективность) в сражении Бога с дьяволом. И теория должна определить координаты объектов в inferнальном мире, выявить их статус в качестве призраков, которые представляют эталонное бытие вещей мира сего в безмирии хаоса.

После эпохи Возрождения из этой тройственной сущности теории, охватывающей сакральное, человечески-предметное и дьявольское содержание, инновационный и позитивистский прогресс прежде всего вышиб сакральную часть, вынудив теоретиков сотрудничать и заключать контракты с дьяволом. Демон Сократа, демон Лапласа, демон Максвелла, демон Винера, демон-чудовище Макса Борна, признак рынка Ф. Бэкона, призрак коммунизма Маркса достойно вносят

⁶ Проницателен, ох, и проницателен был Платон, изобразив элиту сидящей. Элита всегда должна сидеть или быть всегда готовой к сидению за непонимание истоков кормящей их теории.

⁷ В.И. Ленина эта формула Мефисто восхищала, и он не задумывался над тем, что работает и реализует в своих революционных кровопролитиях именно дьявольскую часть теории. Строгая логика Ленина, сражающая его друзей и врагов, тоже не заметила, что этот постулат Мефисто сам является принципом той теории, которой Ленин руководствовался и во имя которой проливал кровь не теории, а живых людей.

свой черный вклад в прогресс теоретического знания, самих теорий. Вообще, трудно найти теорию, если только таковая есть, без «невидимых копыт» этого зачатого друга человека.

Но позитивизм умудряется теоретизировать, не замечая этих серых кардиналов науки, принуждающих ее служить Армагеддону. В современной методологии теория рассматривается как целостная (системная) форма по(знания), работающая в контексте относительно нейтральной гносеологической иерархии-парадигмы, состоящей из четырех уровней: 1) *сбор и отбор фактов*; 2) *обобщение фактов, создание понятий*; 3) *формирование теорий*; 4) *философские, мировоззренческие основания и выводы*.

Теория выступает местом встречи, диалога и объяснения страшных своей множественностью и многозначностью фактов, несогласных со своим низким материальным статусом и требующими от разума повысить их рейтинг в борьбе за место в доме вечности. Ведь даже «камни вопиют и поднимаются к духу», а мы же камни внутренне живые, желающие стать храмом мысли и сознания, а потому ставшие фактами упрямыми и непокорными. Факты требуют от разума возвести их через закон, через общую причину в ранг понятий и категорий, чтобы они могли принять участие в возведении теории — храма науки, которая освятит их перелет в сферу вечной единой правды, отверифицирует их скрытую идеальность раз и навсегда. Для теории факты служат рядовыми стражами, охраняющими, подтверждающими ее целостный проект бытия, ее прозорливость, озарение, ее открытие познавательной целины, на которой мучаются и страдают реалии, мечтающими стать фактами и включиться в гонку за право стать избранными (типичными) фактами в гносеологическом гареме теории.

Но во всех десакрализованных теориях, не признающих философско-метафизических факторов, действующих в них помимо фактов и разума, начинают активно работать инфернальные инфернальные агенты Преисподней (призраки, демоны, невидимые руки, постаревший и обрюзгший дьявол, гендерные оборотни и др.), переориентируя теорию с благих целей на цели ничтожные и пагубные.

Классические теории, следуя завету Аристотеля, стремятся определять изучаемые предметы в координатах, в парадигме и на весах вечности, выявлять меру их соответствия своим оригиналам в *вечности*. Но в случае отказа от своей горней перспективы теории вынуждены определять изучаемые ими предметы в координатах, в парадигме Преисподней под надзором Мефисто и Воландов, выявлять меру их соответствия эталонам *призрачности*, насколько они приблизились к гибели, к исчезновению в хаосе ничто.

Скрыто инфернальное исполнение теориями заказов Преисподней учеными редко сознается и понимается⁸, но об этом лучше всего говорит убиваемая научными технологиями природа, разрушаемая культура, человек, вдруг возлюбивший свое суицидное самоотрицание.

Особенно важную, исключительную значимость имеет теория в сфере экономики, которая определяет бытие и динамику современного мира. В проблематике экономической теории сосредоточились все противоречия, антиномии, все неразрешимости и тупики любой теории современного мира (исключение составляют сакральные теории), потерявшего небесную навигацию. Экономика, продолжая дело хрестоматистики, стала идеологией и скрытой инфернологией современного мира, служащего жизнью и смертью людей культу золотого тельца. Экономика, движимая алчностью ростовщиков, в наибольшей мере заинтересована в гибели и смерти людей, ибо эти атрибуты Преисподней приносят ей максимальные прибыли; поэтому сегодня экономика и смерть стали почти синонимами. А существует экономика за счет паразитирования на хозяйстве, которое она извратила и поработила, превратив его в рационально организованное смертопроизводство.

Поэтому экономика сама по себе вовсе не нуждается в теории, ибо аксиоматика золотого тельца дана ей раз и навсегда, принуждая людей служить ему независимо от какой бы то ни было теории. Экономике мало интересуется большая часть человечества Африки, Латинской Америки, Востока, занятого не экономикой, а хозяйственным выживанием. А первейшее условие теории — целостный охват изучаемого объекта. Хороша была бы химия, изучающая только часть периодической таблицы; хороша была бы биология, изучающая только слонов, носорогов и китов, пренебрегая остальным животным миром. А вот экономика получает своих «нобелей», внушая людям, что она что-то там очень важное изучает. Теория экономики может быть только теория смертоубийства, суицида, крематорного сервиса, но этим инфернальным делам теория не нужна, скорее, они нужны экономической теории, питая своими черными энергиями ненасытную алчность смерти, ставшей алчностью человеческой. Экономике теория нужна лишь в качестве идеологического, покрывала ее смертотворных дел, но это будет уже не теория, а постоянно длящаяся пиарная кровавая свадьба. Сама по себе экономика есть преступление,

⁸ Хотя есть и радостные исключения. «Чем бы ученые не занимались, в результате все равно получится бомба» (К. Воннегут). Нужно только добавить: чем бы ученые не занимались сегодня и в данных условиях!

превосходящее даже смерть, ибо к последней оно добавляет еще и суицидное творчество живых. Поэтому и для обуздания экономики нужна институция, превосходящая своей мощью смертельный ный хаос ничто

Предполагаемая экономическая теория невозможна, ибо она не имеет оригинала своего предмета в сфере вечности, а она имеет свой оригинал лишь в преисподней; и этим оригиналом служит призрачность (призраки рынка Бэкона, бродячие призраки Маркса, невидимые руки Адама, финансовые призраки Сороса, вообще, стоимость, прибыль как призрачные реалии, движимые суицидными рефлексамии ничто). Но экономическая теория поэтому не может иметь полноценной онтологии, ибо за вычетом вечности и предметного хозяйства, у нее останется только призрачная финансовая реальность, что, конечно, не означает, что призраки не имеют мощи и бездействуют. Ж. Делёз поэтому предложил заменить онтологию хантологией. В целом такая замена вряд ли возможна, а вот экономика уже эту подмену свершила уже давно, заменив хозяйственное бытие денежными и финансовыми операциями, манипуляциями, спекуляциями, мошенничеством и преступлениями.

Собственно, в экономике есть только четыре учения, которые могут претендовать на статус экономической теории. Это экономические учения Смита, Рикардо, Маркса и Ленина, ибо в этих учениях были определенная фактология, определенная методология обобщения фактов, и была «невидимая инфернальная рука», позволявшая эти обобщения соединить в условные системные знания, которыми, кстати, почти никто реально не пользовался в позитивных целях. Ни капиталисты, ни рабочие, ни власти, ни спекулянты этими теоретическими конструктами реально не пользовались, руководясь практическим сознанием и деловым мышлением. Ленин в любом случае поступал бы так, как он реально действовал, независимо от теории социализма; его действиями руководила не теория социализма, а незримый для его окружения и для него самого призрак коммунизма, «невидимое копыто» Смита и Воланда. Зато эти экономические субпродукты стали манной небесной для революционеров, для групп литераторов, самозвано возведших себя в ранг пролетарской элиты. Для них эти незавершенные и предметно не обоснованные экономические учения стали идеологией революции и борьбы за власть, как им думалось, за власть рабочих и крестьян, за светлое будущее, а на деле — это была кровавая резня за власть мирового золотого тельца, поскольку революционеры подчиняли в итоге капиталистов, государства и хозяйство глобальному инфернальному хозяину, что стало очевидно в мгновенном крушении мирового социалистического лагеря во

главе с СССР. В той мере, в какой Ленин и его партия понимали, создавали суть экономики как инфернального объекта («учет и контроль за деньгами»; деньги — материал для санузлов и др.), они работали на интересы труда и страны; в той мере, в какой они не понимали инфернальной сути экономики, они превращали себя и страну в средства мирового золотого тельца, строили не социализм, а катастрофизм.

Но и свои теоретические конструкции Маркс и Ленин создавали, следуя нравам позитивизма, опираясь на факты товарного обмена. Факты эти были массовыми. Факты эти были противоречивыми: часть товаров обменивалась по стоимости, а другая часть — товар «рабочая сила» — обменивалась неэквивалентно. В духе диалектики противоречащие факты нужно было брать в единстве, чтобы вывить порождающую их основу — стоимость⁹, ставшую основанием их идеологии, в которой главную роль играл призрак коммунизма, ради торжества которого мировой рабочий класс должен был сложить свои головы, не подозревая, что весь этот кровавый спектакль устроили Мефисто и Воланд, подтверждая свой инфернальный статус «человекоубийцы искони».

Создать экономическую теорию вообще невозможно, ибо экономика сама по себе неполноценный объект, который не может родить из себя теории, и никто не сможет создать о ней теорию извне просто в силу ее смертоносной сущности, в силу отсутствия в ней сакрального творческого фактора и ее вечного оригинала. Проще — никто, никогда никак, ни при каких условиях не сможет даже сказать: «Что есть нормальная, здоровая, естественная экономика, которая может (и должна) служить эталоном для массы эмпирических экономик?». Всякое дело, ремесло, всякая технология, всякий объект имеет свои эталоны, свои образцы правильного (совершенного) экземпляра. Даже дауны, СПИД, воры, преступники имеют свои образцовые оригиналы, на который равняются их последователи, а вот для нобелевских экономистов такого нормативного эталона нет и не может быть просто потому, что экономика и смерть — родные сестры, для которых любая эталонность пагубна, ибо тогда против них двинет свое войско не только религии, но и медицина. Нет у смерти эталона, ибо

⁹ Ф. Бэкон поведал нам такую историю. В одном из приморских городов Португалии при церкви создали музей. Священник знакомил посетителей с экспонатами и разъяснял, что это дары людей, которые попали в кораблекрушения, молились и спаслись. Но один скептик спросил: «А где дары тех несчастных, которые тоже молились, но не спаслись?». Теоретический анализ должен одинаково учитывать факты, которые «молились и спаслись от приватизации», и факты, которые «молились, но не спаслись от алчности». В этом плане Маркс и Ленин оказались на теоретической высоте.

она крушит, ломает все эталоны; эталоном смерти можно считать погром эталонов. А потому и экономика, извлекающая из смерти основной корм для золотого тельца, тоже не может иметь эталонного образца. Можно принять в качестве такого эталона золотого тельца, но история с мифическим царем Мидасом, проводшим такой эксперимент, должна нас серьезно предостеречь от подобных опытов. Хотя, хотя, наиболее полным и адекватным проявлением и выражением экономики являются крематорий и кладбищенские ритуалы, в которых можно найти и письма сакральные, и человеческую тщету, и радость инфернальных служб, т. е., всю троичную целостность объекта, ищущего и желающего иметь свою полноценную теорию, которая укажет ему координаты и место хотя бы у порога вечности. А учения, именуемые сегодня экономическими теориями, столь похожи на подлинную теорию, сколь похоже созвездие Ворона на земную птицу, живущую пороками экономики и каркающую о ее скорой гибели. Даже классическая (классическая в чем?) политэкономия — это теория, а идеологическое учение для революционеров с «невидимыми руками» Адама, ставшими видимыми в карательных экзекуциях этих инфернальных существ.

Но сегодня создать хотя бы экономическую гипотезу в форме Маркса и Ленина (т. е. без наличия в ней сакральной части) невозможно по двум причинам. Во-первых, акты товарного обмена не могут уже служить массовыми фактами, ибо чудовищный рост производительности, разделения и обобществления труда превратил товарный обмен в необходимую макротехнологическую операцию всей общественной жизни, в которого агенты купли и продажи стали сами товарами этой глобальной торговой операции обмена. Во-вторых, вожди Преисподней уже не могут помочь нам, ибо они показали свое коварство в СССР, оказав помощь в созидательных и саморазрушительных быстрых действиях социализма, и выявив свое полное бессилие перед нищетой. Важная деталь: дьявола и его экспертов совершенно не интересуют бедные, нищие, больные, обреченные... Они им просто не нужны; а вот с богатыми можно устраивать порочные и запрещенные игры, готовить из них инфернальные деликатесы на праздники полнолуния, дефолтов и северных гуляний с ФСБ.

Поэтому сегодня у нас есть уникальный шанс создания полноценной экономической теории, охватывающей в единой целостности сакральную, человеческую, инфернальную части. Но именно поэтому массовым фактом этой теории может служить лишь неопровержимый, неотразимый и всеобщий рост во всем мире, особенно — в России, нищеты, бедности, обездоленности. В России 1% сверхбогатых владеет 90% собственности ее народов. Экспоненциально растет число лю-

дей, которых даже смерть не принимает в свой мир, а поэтому они сами вынуждены позаботиться о том, как пробраться в ее царство. ИГ (ИГИЛ) — это одна из попыток людей, от которых отвернулась даже смерть, а потому они пробираются к ней тропами терроризма, пугая самого дьявола.

(И для одоления этой опаснейшей эпидемии нищей и бессмысленной жизни нужно не только материальное и финансовое оружие, а, как минимум, оружие смысловое, возвращающее ценность трудовой жизни с самым умеренным достатком, с возможностью семейной и духовно-культурной реализации.)

Массовой фактической базой, фактологией экономической теории (теории, а не учения и не концепции!) в современной России могут и должны стать факты тотальной бедности, нищеты, обесмысливания жизни не подавляющего большинства ее людей, а всего трудового ее населения, у которого изъяли все мотивы к продуктивной жизни и стерегут при этом, как бы оно не сбежало в ИГИЛ! Напрасный труд, ибо ИГИЛ глядит на нас сегодня своими карающими глазами из всех щелей и уголков безысходной реальной и грядущей нищеты (Экономические эксперты, научники, наученные, отученные от правды и лжи, а приученные к «базару», обсуждают проблемы экономики и экономической теории, игнорируя дьявольские деяния богатых и обращение (беспольное) нищеты к дьяволу за помощью. Эти отученные и утученные грантами головы воспринимают экономику и свое бытие в парадигме СССР, занимаясь «игрой в бисер». Но даже самый длинный сон в мире самой вечности все равно завершается пробуждением... мести, вызванной возмущенной вечностью.)

Итак, массовым фактом уже рождающейся не экономической теории (таковая невозможна), а теории экономики служат массовые факты бедности, нищеты, обесмысливания жизни; этим фактам противостоят факты безумствования, inferнального и бессмысленного (зачем нарушать закон, если ты можешь его «купить»?) беззакония богатых. Ясно, что естественными диалектическими отношениями этих фактов могут быть только насилие, сопротивление, революция. Насилие, таким образом, служит исходной категорией теории современной экономики в России, исполняя роль, равноценную категории «стоимость» в «Капитале» Маркса.

Насилие, накапливаясь, из пассивного переходит в активное — в массовый революционный терроризм, который выявляет, что сама экономика, особенно ее финансовый монструозный клон, реально и скрыто является чудовищным насилием, открыто использующим оружие терроризма как при возврате частных кредитов, так и при

навязывании кредитов МВФ, при невозможности их возвращать. Но главным органом, институтом мирового терроризма является блок НАТО, диктующий цены и основные параметры современной экономики. Но этот блок не рассматривается экономистами как определяющий фактор экономики; он вообще не фигурирует в экономических расчетах. Видимо, правы, антропологи, утверждающие появление нового вида человека — homo oeconomicus, который не видит очевидного, но видит пустые внутренности чисел в своих расчетах. («В науке слеп, в корысти — зряч».)

Таким образом, «терроризма» становится центральной категорией теории современной экономики России, примерно, как прибавочная категория стала центром «Капитала».

Переходной категорией, опосредующей переход насилия в терроризм, вроде рабочей силы в «Капитале», опосредствующей переход от стоимости к прибавочной стоимости, в нашей теории служит homo oeconomicus — человек, который путем ряда социальных мутаций превратился в совершенного экономиста, знающего белый и черный рынок, прямые и коррупционные цены на различные виды товаров, услуг, насилия и терроризма, киллерский сервис, сопровождающую его юстицию.

Рост терроризма пробуждает к жизни даже закон мертвой материи. Закон механики гласит, что всякое действие вызывает противодействие. В создании теории экономики современной России нам важно найти субъекта, институт, которые могут и должны стать противодействием прямому терроризму и терроризму косвенному — экономике, пульсирующее ядро которой составляет именно терроризм, стремление неэквивалентно присвоить время жизни человека.

В «Капитале» завершающей категорией служит прибыль. В нашей теории завершающей категорией тоже служит прибыль. Но прибыль эта особая, долженствующая возникнуть вследствие убыли нищеты, бедности и терроризма, вследствие пресечения вреда, приносимого терроризмом, и высвобождения благ, которые могут принести задавленные нищетой и бедностью люди.

Кто же может стать субъектом, институтом такой специфической, хотя и естественной прибыли?

В этом субъекте, институте должна сконцентрироваться вся нищета, обездоленность русских народов, все насилие, чинимое над ними богатством, властью, чиновниками и бессильным самодурством своей же темноты. Этот институт и субъект должен быть центром абсолютно беспощадной борьбы с нищетой и порождаемой ею насилием, терроризмом, с пороками, насаждаемыми богатством ради своего роста. Но это будет уже последнее сакральное, священное насилие в

России, которое испытает всяк в ней живущего на способность производить нищету и насилие!

И таким субъектом, институтов была, есть и останется инквизиция, вернее, для России это будет неоинквизиция, сакральная инквизиция, опирающаяся на все достижения научно-технического прогресса, на опыт нравственности и совести людей на эксперименты дьявольских инициатив и инициаций в России. От научно-технического прогресса отставать не нужно, но не нужно позволять ему поработать себя, а нужно подчинить его всестороннему совершенствованию неоинквизиции, качественному усилению ее работы в деле Спасения человечества от нищеты и терроризма, а в конечном счете — Спасения человека от самого себя, от его суицидного зверя, грызущего его денно и нощно.

Неоинквизиция! Написав это слово, автор остановился в раздумье. Стоит ли развертывать эту тему перед несчастными людьми, чьи пропиаренные мозги вряд ли смогут увидеть в этом грозном, безмерно оклеветанном субъекте не столь уж древней истории свое Спасение, выход из тупиков своего расчетливого ума и рекламного сознания в мир простой, тихой и благой жизни. Автора мало волнует цунами обвинений со стороны экспертов и гудошников; важно, чтобы сама нищета, бедность осознали, что вырастающие из них насилие и терроризм могут одолеть силы, которые превыше сил богатства, дьявола, властей и террора. Автора в его усилиях поддерживает тот факт, что когда государство и его органы пытаются хотя в малой мере ограничить произвол богатства, чиновников, защитить бедных, взять под контроль секты и ереси НПО, ответить насилием против насилия насильников и оппозиции, создать сеть по вылавливанию террористов, как сразу же со всех концов страны великой раздаются многоголосые болезненные, истерические вопли: «Инквизиция! Опричнина!». Инквизицию находят даже в самой миролюбивой религии человечества — в православии! Значит есть в инквизиции зерно вечно живой правды, столь необходимой нам сегодня для одоления зла, растущего повсеместно из плевел нищеты, столь обильно рассеваемых богатством, невидящим вырастающих из них насилия и терроризма.

Поэтому черную легенду об инквизиции, в которой на время воплотился сам дьявол, отработывая свой inferнальный и моральный долг, нужно сдвинуть с ее привычного и неуязвимого места. В этой черной легенде латентные насильники, революционеры и террористы живописуют и все возможные и невозможные ужасы, все мыслимые и немыслимые кошмары и пытки. Если всерьез воспринимать «объективный анализ» исследователей инквизиции, то в Средневековой Европе было уничтожено людей больше, чем их в те времена там про-

живало. А если учесть костры, зафиксированные этими «учеными», то в Европе до сих пор не осталось бы клочка горючего материала. Пытки и костры применяла не только инквизиция, а все суды тех времен, да и реально под конвейер пыток и на костер попадали совсем немногие обвиняемые; государственные суды карали гораздо более жестоко и казнили большее число людей. Сегодня это «государственное творчество» Комитетов национального спасения, ВЧК, ФБР и др. тщательно скрывается, но ничего не попишешь, изнанка государства, его теневая сторона, выглядит пострашнее любых инквизиций. Инквизиция в сравнении с государственными судами была «белой и пушистой»¹⁰, особенно в плане количества казней. А всех собак на нее вешает протестантизм, дабы получить свободу безнаказанно разрушать посредством ересей и сект христианское общество.

Вообще, в Европе (думается, что в любом государстве, желающем сохранить себя, всегда использовались и будут использоваться пытки, «тюремная самоорганизация»).

Большинство исследователей упорно не желают видеть врагов, с коими сражалась инквизиция, охранявшая целостность не просто католицизма, а всей Европы. Ереси, секты, ростовщичество, колдовство, ведьмы, маги и масса других людей, не ведая, что творят, по кусочкам разрывали Европу, переводя ее в режим губительного хаоса. Кстати, с колдунами, ведьмами, магами, ростовщиками, сектами вели беспощадную борьбу все культуры, религии и цивилизации на всех континентах, справедливо усматривая в действиях этих чудотворцев угрозу идентичности, вменяемости своего общества, угрозу сознанию и разуму, недоверие сведун и поклонение тьме. Но инквизиция следила за оборотом наркотиков, алкоголя, запрещала аборт, и главное — она обладала гениальным чутьем на революционеров, нейтрализуя их еще до написания ими своих манифестов. Зная деяния революционеров, мы можем только мечтать о пришествии царства инквизиции!

Бедствия, кошмары, ужасы, творимые просвещенными народами, цивилизациями, затмевают скромные усилия инквизиции на страже человечности. Уничтожение народов на целых континентах, мировые и региональные войны, революции, старая и новая работоторговля, незаконные неживой материи в закрытых и скрытых от гласности тюрьмах, миллионы ежегодно убиваемых младенцев в чревах матерей, невообразимые извращения, однополые семьи, наркомания, алкоголизм, черный рынок детей и органов людей, фальсифицированные продукты, потоки клеветы, созданной профессионалами, умирающая

¹⁰ «Только два процента арестованных испанской инквизицией подвергались пыткам и те не длились более 15 минут» [5].

природы и культура, превращаемые в мусор, угроза самоуничтожения человечества — вот далеко не полный перечень «достижений» критиков и разоблачителей инквизиции.

Есть вещи, несоизмеримые со «страшной» инквизицией — революции, гражданские и мировые войны. Да, пытки — это нехорошо и аморально. А как оценить нам сотни тысяч акушерское гешефтерство, убивающее сотнями миллионов зародившуюся беспомощную жизнь? Да и сама жизнь есть, ставшая привычной пытка болезнями, страхом безработицы, страхом за своих детей, ожиданием смерти и страхом посмертной участи. Лучше уж иметь дело с определенными, не так уж опасными требованиями инквизиции, чем с безликим ужасом, которое богатство разливает по всему миру, поджидая нас везде. «Враги везде; и даже там, где никого нет» (В. Шекспир). В этом плане леденящие душу мероприятия и допросы инквизиции вынуждают нас глубже ценить жизнь, ее дары и смыслы, знать не только права человека, но и нести полноценную ответственность за последствия этих прав, ибо для инквизиции ответственность важнее и значимей для человека, чем его пустые права.

Грядущую роль инквизиции в спасении человека пророчески увидел в своем священном прозрении Ф.М. Достоевский. Уникально, смело и верно оценил эту легенду В.В. Розанов: «Ясно чувствуется, что центр всемирной интересности и значительности передвинулся к нам (Россия), — и почти весь вопрос теперь в силах нашего разума, просто в нашей талантливости. Талантливый момент придвинул к нам Бог; сумеем ли около него мы сами быть талантливы...» [6]. Мы только добавим — это не только талантливый, но и самый нужный, архинужный и спасительный момент современной России!

В романе речь идет о внеплановом Втором Пришествии Христа в средневековую Севилью. Его сразу же все узнали, а Великий Инквизитор сразу же без всяких обвинений и колебаний заточил его в темницу. И вот всю ночь, когда даже сова Минервы уже отправилась на отдых, древний старец излагает Христу основные проблемы человечества, не разрешимые без содействия мудрости инквизиции даже жертвенной любовью Спасителя. Без своевольного беззакония и хитроумного пиара дьявола Христу не обойтись.

И этот тезис инквизитор доказывает тремя искушениями. Пусть у людей будет хлеб и различных благ вдоволь для всех живущих. Но люди сразу же часть благ уничтожат, а другую часть приватизируют, чтобы устроить голод и нищету, дабы поработить тех, кто не способен на воровство и убийства. И это сделают и делают до сих пор сами же люди, а не кто-то посторонний.

Пусть у людей будет полная чаша свобод и прав. Но для свободного человека высшим благом и наслаждением является порабощение других свободных людей, а затем и самому стать рабом своей же свободы, требующей от человека испытать себя в убийствах и в суициде. Греки полагали, что только мудрые могут быть свободными; «евриканцы» полагают, что только свободные могут быть мудрыми. В этом и таится гибель. Ибо свобода, идущая не к мудрости, а к чему-то иному, легко переходит в насилие, вернее, ее легко порабощает ненависть. Человек свободно распоряжается своей свободой, и неизвестно, куда она его заведет. Поэтому человеку нужна свобода не столько от рабства, сколько посредством рабства, воспитывающего у него благие привычки и нравы, искореняя в нем грубость, алчность, зло и бессовестность. Люди боятся свободы, ибо она несет в себе ответственность и кару. Поэтому человек желает любой ценой избавиться от мук свободы, делающих его в итоге безработным, бездомным, голодным, т. е. настолько абсолютно свободным, что он не нужен даже смерти.

Пусть у людей будет наилучшая власть. Но и она неизбежно завершится самой кровавой тиранией, ибо человек не может смириться с тем, что он должен подчиняться другим людям, существенно ничем не лучше его самого. И малейший промах власти зажигает пламя бунта и революции, из которых вырастает власть, превосходящая своей кровавой жестокостью власть свергнутую. Опять начнутся бунты, восстание против новой власти, и так до полного самоистребления людей вместе со своими властями. Пример самой инквизиции, неизбежно выросшей из власти католицизма ради спасения ее паствы и пастырей в борьбе против массы ересей, наглядно подтверждает, что без содействия инквизиции дьявола ничего ни плохого, ни хорошего в этом мире не может быть. И Христос своим учением не избавил людей от голода и нищеты, не дал им безопасной, сильной свободы и власти.

В итоге Великий Инквизитор доказал Христу, что реальность его идеала возможна или через Голгофу, или через содействие инквизиции. Даже имея все вожеленные блага, полноту прав и свобод, совершенную власть, люди все равно начнут суицидную войну с самими собой. Не может все человечество даже под водительством Христа сохранить себя, его неотвратимо влечет к себе бездна дикая. А избранные и святые не могут переломить этот вектор человеческой грешной природы. Завершая свою речь, Великий Инквизитор сказал: «Да, ты прав во всем, Сын Божий, с этим я не спорю! Но со средствами у тебя проблемы. Любовь не может быть средством даже у нашего дьявольского племени, ибо любовь — самоцель вечности или вечная

самоцель. Но в земном мире с развращенными, извращенными людьми твою мудрость может победить лишь с помощью дьявола, инквизиции, готовых стать безвозмездно (не мечтая о своем искуплении) твоими слугами, помощниками, готовых взять на себя весь грех и всю тяжесть лжи. Благо будет исходить от Тебя, средством блага будут служить инквизиция и дьявол, а людям будем говорить, что все это делается только Сыном Божьим, силой его благодати.

Изменить ничего невозможно. И приди Ты еще тысячу раз, эти же люди после восторженного приема снова распнут тебя уже на электронном кресте под щелканье юпитеров; они — люди и по-иному поступить не могут, ибо не ведают что творят. Богочеловеческие знания лишь для единиц, алчность и пороки — удел остальных. Поэтому инквизиция нужна как орудие осуществления Божьего плана, как орудие благих социальных проектов людей, для низведения нищеты и бедности до евангельских норм, ибо одно только Слово Божье не может решить их проблем, да и сам дьявол запустил социальную сферу».

Дьявол может и должен работать на благо нищеты, ибо он всегда увертывался от взглядов ее бездн, от встреч с ее живыми реалиями. Нищие и обездоленные никогда его не интересовали даже в плане горячего материала революций и бунтов. А вот вокруг богатых и «вумных» он всегда вьется ужом, стремясь заполучить от них секреты обогащения и самопиара, коим так грешат умники мира сего. Вот инквизиция и вынудит его разгребать Авгиевы конюшни нищеты, выправлять положение в социальной сфере! Мефисто открыто заявлял, что он есть «часть той силы, что делает добро, всему желая зла», и его услуги принял ученый Фауст; но забыв при этом о нищете народа, он стал жертвой безликой благотворительности вообще.

Христос, молча выслушав монолог Великого Инквизитора, в ответ не сказал ни слова, а лишь сострадательно поцеловал ветхого старца в его иссохшие уста. Этот поцелуй Христа и до сих пор остается загадкой. Поцелуй — это и любовь, и почитание, и прощение, и страсть, и иудское лицемерие. Но к иудству и к страстям чисто людским Христос не причастен. Значит, он, как минимум, не отверг мысли и дела Великого Инквизитора, следуя заповеди: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби...» (Мф. 10: 16). Но людям трудно, невозможно понять, что спасение из пагубной трясины жизни, коренится в самом страшном и неприемлемом для людей факторе, а он-то и держит ключи спасения.

И теперь после историко-смысловой пропедевтики феномена инквизиции мы можем смело предложить ее на место завершающей категории-институции народов современной России. Именно наша, родная, отечественная неоинквизиция сломает хребет золотому тель-

цу, производящему посредством своих богатств нищету, алкоголизм, наркоманию, аборт, половые извращения и однополые браки, революции, войны, симулякры культуры, человека, самой жизни.

Неоинквизиция уже не будет заниматься примитивной работой с сектами, ересями, колдунами, ведьмами, магами, целителями, с массой мошенников и шарлатанов всех разливов, а с помощью информационных технологий установит полный финансовый учет и контроль за финансами каждого человека, поощряя благие доходы и расходы и пресекая зловерное использование денег. Контроль за финансами в единый миг исцелит от деструктивной деятельности все антиобщественные силы и элементы. (Представьте, что колдунья обещает за хорошую премию вернуть ушедшего из семьи мужа; заключается государственный договор, согласно которому неисполнение услуги грозит солидным штрафом или нарами на Ямале. Развязка наступит быстро.) Нужно против порока направить другой порок, чтобы они взаимно обнулили.

Собственно говоря, такой учет и контроль пытаются установить государственные, муниципальные различные органы, высшие, средние и низшие спецорганы, налоговые структуры, но все их усилия малоэффективны, ибо все они в конечном счете подкуплены богатством (ВВП),¹¹ служат ему и не могут не служить, ибо нет для них более высокого, авторитетного и серьезного института, которому могли бы и желали бы служить немалое число порядочных специалистов во всей государственной машине. Да и глас правды народов России пошлет лучших своих людей на службу в такой спасительный и мудрый институт. Церковь православная могла бы и должна бы заняться созданием истинной неоинквизиции, но, видимо, ее колебания в этом вопросе может преодолеть лишь массовый взрыв тотальной нищеты. Большинство народов планеты испытывают особые чувства к русским, усматривая почему-то в них потенциальных агрессоров, которых нужно постоянно сдерживать. Малую правду их страх содержит. Дело в том, что большинство русских людей суть прирожденные нравственные инквизиторы, наделенные софийным призванием и умением обращать против зла земного inferнальное зло. Например, они умеют не только воевать, но и отучать от войны ее

¹¹ Более эффективно в плане инквизиции работают криминальные структуры, которые мониторят и контролируют черный рынок, теневое предпринимательство, но и они куплены и подкуплены резидентами золотого тельца, а потому их многие ценные находки в сфере контроля превращаются в пороки и в террор.

поклонников (шведы, поляки, немцы, турки могут вспомнить немало уроков, в которых их отучали воевать!).

Все существующие институты, спецорганы не могут сравниться по своей эффективности с неоинквизицией еще и потому, что они не в состоянии одолеть экономический, финансовый, ростовщический и военизированный терроризм, ибо в нем находят последнее прибежище и спасение растущая нищета, обесмысливающаяся безработная жизнь. Да и терроризм этот направлен в том числе против органов, пытающихся установить справедливость. Ведь богатство растет само по себе, а нищету и бедность фабрикуют сознательно и бессознательно лакеи и смердяковы богатства.

Но сами бедность и богатство существуют лишь потому, что нет «третьего», умеряющего их начала, а именно — инквизиции, которая быстро установит источники богатства и нищеты. Вопрос предельно прост. От труда ли богатство или от преступлений? От неоплаченного труда нищета или от лени? И наступит — гораздо быстрее, чем мы полагаем — время, когда от такого учета и контроля будет зависеть само бытие общества и людей. Ведь именно от неоинквизиции будет зависеть, разрастется ли нищета в пламя ненависти и далее — в террористический интернационал, ибо только она может разрушить его глобальную кадровую базу путем низведения до минимума нищеты, бедности и... богатства. Праведное богатство ни в коем случае не нужно уничтожать, а оставить его как пример для самореализации определенной группы людей. Но только праведное богатство!

Именно неоинквизиция сочетает в себе все смысловые ресурсы Софии, Логоса, человека, Люцифера, обладая всеми источниками содержания полноценной теории. Неоинквизиция опирается на трагическую неразрешимость человеческой жизни; ее опекает, вдохновляет небесная мудрость Софии, которая дает ей социальный фильтр, который позволяет заранее выявлять творцов нищеты, извращений, суицида, насилия, революций, терроризма, исцеляя их народными, inferнальными, научными и сакральными средствами. Своеобразие и неотразимую уникальную силу неоинквизиции придает тот факт, что в ней сам дьявол сознательно служит во исполнение миссии Христа, ибо в этой миссии и для него есть шанс на преобразование его призрачного бытия в более солидные земные формы, ибо путь на небо ему закрыт навечно.

Сама неоинквизиция должна обеспечиваться государством всем необходимым для выполнения ее всемирно исторической и сакрально-инфернальной миссии, но инквизиторы не должны иметь денег, собственности и семьи. Они — слуги Спасения людей и самого государства, которое тоже бывает подверженным суицидному поме-

шателству, когда в нем начинают править бал люцифер и его рыжие братья меньшие. Именно поэтому неоинквизиция будет бороться с нищетой, ростовщичеством, насилием, извращениями человечности, терроризмом гораздо эффективней ЦРУ, ФБР, ФСБ, МВД и других тайных структур такого же рода, ибо на их деятельность не будет влиять богатство, и они будут вдохновляться наивысшей благородной целью своей миссии — христианским спасением человечества от самоуничтожения, от суицидного помешательства. Например, коррупция, паразитизм в форме ростовщичества, преступность, нищета, насилие, революции, экономический, финансовый и вооруженный терроризм до сих пор не побеждены и не будут побеждены до тех пор, пока с ними будут бороться институты и люди, которые сами причастны к этому злу, активно участвуют в его античеловеческих мистериях.

И лишь неоинквизиция по своему содержанию, по своим функциям, по своей сакральной организации, по своим inferнальным соглашениям с Преисподней, по своему полноценному теоретическому пониманию мироздания, по своей христианской и богочеловеческой миссии способна выполнять такие неподъемные и неразрешимые проблемы.

Кроме того, инквизиция нас учит, вернее отучает от слюнявого и насквозь прогнившего гуманизма, от иллюзий о возможностях и способностях человека. Да, человек способен на небесные взлеты, но неспособен удержаться на таких высотах. Человек, как и теория, тоже сочетает в себе софийные, земные и inferнальные начала. Но после греховной катастрофы в нем стали доминировать земные интересы в сочетании с inferнальным любопытством к Преисподней. Постепенно человек превращается в зверя, который готов, по словам Достоевского, взорвать мир только для того, чтобы он не мешал ему чай попить. Качество современных людей (в России тоже) таково, что управиться с ними, спасти их от суицида с наибольшей вероятностью может лишь институт-субъект, сочетающий в себе небесные, земные, inferнальные полномочия. А такова созревающая и выходящая из нави в явь неоинквизиция новой России.

Даже признав максимум негатива в инквизиции, мы не можем не видеть, что она выражает изнанку, теневую сторону государственных, церковных, вообще, всех институтов, корпораций. Во всех институтах, сообществах есть своя инквизиция, даже — в наилучшей семье. Так не лучше ли вывести на свет Божий эти теневые структуры и сделать их работу более прозрачной и благой. А неоинквизиция не имеет тени, ибо она сама, как и дьявол, есть тень извращенной человеческой жизни, которую можно исправлять, руководствуясь все же

христианским институтом, который, как провидчески узнал Достоевский, промолчал сам Христос.

Возникающая неоинквизиция России будет использовать политические, специальные органы, МЧС, культуру, разум и сознание человека в борьбе против богатства, достигшего апогея беззакония и порождаемой им нищеты, заряженной насилием и терроризмом.

Терроризм сегодня стал глобальным движением, вооруженным к тому же религиозно-революционной идеологией. Невозможно традиционными средствами победить пока еще людей, следующих категорическому императиву: «Нам терять нечего, кроме своей смерти! Лучше смерть, чем жизнь по евроамериканским законам нищеты, извращений и унижений!». Терроризм следует и библейскому закону: «И да станут последние первыми», проявляя чудовищную жестокость ко всем людям, включая и самих себя.

Евроамериканское сообщество интеллектуалов с ожиревшими мозгами не может воспринять всю реальную полноту терроризма, старт которому дают беззаконие, экономический и финансовый терроризм богатства, порождающего нищету, переходящую в терроризм военный, из которого неизбежно вырастет неоинквизиция.

У России нет выбора. Или «еврикский» мир навяжет нам свою инквизицию¹² (тем более, что опыт в этом деле у него большой, и эта работа ведется полным ходом), или же Россия создаст свою неоинквизицию, которая встанет на защиту мировой нищеты. Или черный экономико-финансовый терроризм задавит нищетой народы России, превратит их в рабов, или же действие вызовет равноценное противодействие — насилие нищеты создаст свою полноценную неоинквизицию, которая сокрушит золотого тельца, беззаконие и терроризм. Но это программа минимум, программа-негатив неоинквизиции в России. Программа максимум же состоит в том, чтобы преобразить экономический и финансовый терроризм богатства в традиционное хозяйство и хозяйствование. В идейном плане именно неоинквизиция в России станет теорией и философией хозяйства, опираясь на софиософию, которая представляет новый тип мудрости, исцеляющий посредством неоинквизиции тысячелетние язвы нищеты, уничтожая растущие из нее плевелы самоуничтожения человека.

Нищете (да и вообще, всем живым) нужна теория неоинквизиции, а не экономическая теория, которая невозможна в силу порабо-

¹² Очевидным примером является Украина. Сначала МВФ устроил в братской стране неслыханную нищету, затем взрастил в ней бессмысленное насилие, которое оформил в терроризм против своих же людей и теперь идет создание еврикской инквизиции.

щенности экономики богатством, а ему нужны не теории, а терроризм, ядовитые семена которого она и порождает по всей земле. Экономика и финансизм скрывают в себе семена терроризма, а терроризм — это экономика и финансизм в действии. Терроризм — это видимый организм невидимой руки Адама и призрака коммунизма. Поэтому борьба с терроризмом должна начинаться с войны против дикого беззакония экономизма и финансизма.

И только теория неоинквизиции указывает нищим, обездоленным, опиаренным людям пути и тропы перехода в хозяйственный мир осмысленной жизни, в которой нет места вирусам суицида и террора. «Кто был никем, тот станет...» — нет, не всем, ибо это «всё» сразу же восстановит старую гадость нищеты. Лозунг неоинквизиции другой: «Кто был никем, тот может стать мудрым хозяином!».

Литература

1. Гегель. Соч.: В 14 т. Т. 8.
2. Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981.
3. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976.
4. Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971.
5. <http://azbyka.ru/read-offline/2610/dobroe-slovo-ob-inkvizicii.pdf>.
6. Розанов В. Легенда о Великом Инквизиторе // <https://modernlib.ru.doc>.

К.И. ГОЛУБЕВ

Естественный закон и его значение для философской антропологии и общественных наук

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы и значение отстаивания важности естественной и евангельской морали в современных науках об обществе. При рассмотрении поведения человека в обществе предлагается исходить из повествования Библии о сотворении человека Богом, который придал смысл его существованию, вписав в его сердце естественный закон.

Ключевые слова: естественный закон, человек, общество, демократия, свобода, совесть, антропология.

Abstract. The article considers the problems and the value of upholding the importance of natural and evangelical morality in the modern

sciences about society. It is proposed to consider human behavior in society in the context of the Bible's narration of the creation of man by God, who gives his existence a purpose and inscribes in his heart a natural law.

Keywords: natural law, man, society, democracy, freedom, conscience, anthropology.

Идея естественного закона традиционно является одной из основных при рассмотрении модели поведения человека в обществе. Так, еще Цицерон в труде «О государстве» писал о существовании настоящего закона, правильного разума, который соответствует природе, призывает к исполнению долга, отклоняет от ошибок, присущих всем людям; неизменим, вечен [1, 3, 22, 33].

Одной из существенных для современных обществоведения и философской антропологии характеристик является усиление позиций морального релятивизма, общая и системная постановка вопроса о сомнительности традиционного морального учения. В основе этих воззрений более или менее очевидное влияние течений мысли, которые нацелены на отделение свободы человека от ее сущностного и неотъемлемого взаимоотношения с истиной. На эту проблему особое внимание обращается в «Основах учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека» [2], в которых отмечается, что, злоупотребив свободой выбора, человек утратил другую свободу — свободу жизни в добре, которую он имел в первоначальном состоянии. Эту свободу человеку может вернуть только Господь Иисус Христос: «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8: 36). В Священном писании указывается и необходимость собственных усилий человека для освобождения от греха: «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5: 1).

Библия говорит о сотворении человека Богом, который в своей мудрости и любви придал смысл его существованию, вписав в его сердце закон (Рим. 2:15). В этой связи можно говорить о Декалоге, заповедях, данных на Синае, положенных в основу жизни народа Ветхого завета. Десять заповедей говорят об истинном понимании человека и модели его поведения. В них содержится высшее выражение «естественного закона».

Согласно христианскому пониманию антропологии, требования Декалога принадлежат к Откровению, и грешное человечество нуждалось в этом Откровении, чтобы достичь полного и уверенного познания требований естественного закона. Заповеди подчеркивают основные обязанности, следовательно, косвенным образом и фундаментальные права, присущие природе человека. Таким образом, мож-

но говорить и о содержании естественных прав человека. Соответственно можно вспомнить известную мысль В.С. Соловьева из труда «Оправдание добра. Нравственная философия» [3], раскрывающую, в частности, способ обеспечения общего блага и стабильности в обществе, в котором право в интересах общего блага существует, чтобы не превратить мир в ад. Само по себе появление основ современного права в Римской империи приходится на период падения нравов, когда мораль стала масштабно преобразовываться в право, ядром которого становится сконцентрированный минимум морали необходимый для стабильного общества.

В ходе секуляризации в Новое время доминирующей стала теория естественного права, не учитывающая падшести человеческой природы, что отмечается в Основах социальной концепции Русской православной церкви. В то же время эта теория не утратила связи с христианской традицией и исходит из того, что понятия добра и зла присущи человеческой природе, а потому право вырастает из самой жизни, основываясь на совести («категорическом нравственном императиве»). Эта теория до XIX столетия была господствующей Европе. Однако современное понимание права часто опирается на идеи позитивного, действующего права. Согласно им, право есть человеческое изобретение, конструкция, которую общество создает для своей пользы, для решения задач, определяемых им самим. Следовательно, за существующей системой законодательства нет никакой абсолютной правовой основы, а любые изменения права, если они приняты обществом, законны. Такая позиция предполагает законность революции, которая силой низвергает существующие ранее законы, законность и возможность отрицания любых нравственных норм и ограничений, если это поддерживается обществом.

Призванием человеческого закона является объединение граждан для совместной деятельности ради достижения общей цели, пока человеческий закон соответствует требованиям природы, ведет ко благу и удерживает от зла. То, что разум и естественный закон должны сделать для отдельных людей, законы, регулирующие общественные взаимоотношения, призваны сделать для всех граждан в стране, общества в целом. Законы, наиболее адекватные человеческому сообществу, по своей сути должны быть порождены вечным законом и предшествовать жизни людей в обществе. Так как не гражданское общество создало человеческую природу, то нельзя считать его и создателем присущего этой природе блага или зла (этим вопросам, в частности, посвящены энциклика Папы Римского Льва XIII *Libertas praestantissimum* [4] и энциклика Папы Римского Иоанна Павла II *Evangelium vitae* [5]).

Законы общества должны способствовать объединению граждан для совместной деятельности по достижению общей цели в направлении к общему благу и сдерживать зло. Соответственно естественный закон является основой человеческой свободы не только для отдельной личности, но и для объединений граждан и гражданского общества в целом. Таким образом, реальная свобода общества состоит отнюдь не в возможности любого человека поступать по любым своим прихотям (что привело бы к краху государства), а в наличие законодательства, обеспечивающего адаптацию граждан к закону вечному. Свобода же любого руководителя заключается не в возможности реализовывать своевольные приказы, а в формировании общественной системы, отражающей вечный закон, являющийся основой любого закона.

Одним из примеров противоположного отношения к человеку и обществу можно видеть в доктрине либерализма, сторонники которого, опираясь на философский рационализм и натурализм, настаивают на верховном превосходстве человеческого разума. Фактически они определили каждого человека законом для самого себя и под маской свободы вседозволенностью заменили необходимость послушания воле Божией. Аналогичные обществоведческие идеи либерализм провозгласил и в отношении государственных образований. Вместо божественного и вечного разума верховное руководство в управлении всеми общественными отношениями было признано за коллективным разумом народа, который провозглашается высшим принципом и арбитром. Но если разум человека становится единственным критерием и авторитетом, то в этом случае исчезает существенное различие между добром и злом, которые различаются уже только по оценкам отдельных людей. В результате открывается и оправдывается путь ко всеобщей порочности. Тогда на уровне общественных отношений закон отделяется от истины и естественного закона и оказывается во власти ничем не ограниченного мнения простого арифметического большинства граждан (о чем, например, идет речь упоминаемых выше в энцикликах *Libertas praestantissimum* и *Evangelium vitae*). Христианская антропология исходит из того, что человек, идет ли речь об общественных делах, личных или семейных, в соответствии со своей природой подчинен воле Божией, а значит, всякая свобода должна предполагать послушание Богу, иначе она бессмысленна. В отвержении такого понимания антропологии и общества состоит существенная проблема либерализма.

Никакие обстоятельства, никакая цель, противоречащие Закону Божьему, написанному в сердце каждого человека, не могут быть истинным основанием для общественной жизни. И такая форма правле-

ния, как демократия, не может автоматически признаваться моральной, ибо ее ценность зависит от ее соответствия нравственному закону, которому она должна подчиняться. В отсутствии объективного нравственного основания демократия может использоваться более сильными (имеющими больше возможностей в сфере управления людьми) в своих интересах путем манипулирования обществом. Демократия сама по себе является средством, а не целью, соответственно ее нравственная ценность определяется нравственностью целей, к которым она стремится, и средств, которые она использует. Только наличие объективного нравственного основания может дать демократии возможность построить стабильное общество, в котором признаются ценность и достоинство личности.

Таким образом только истинное понимание сущности человека и правильный подход к антропологии в состоянии быть единственными основаниями для прогресса общественных наук, которые могли бы обеспечить развитие и отдельных индивидуумов как личностей и состоящего из них общества.

Литература

1. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966.
2. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Официальный сайт Московской Патриархии // <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 5.01.2016).
3. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // http://azbyka.ru/dictionary/13/solovyev_nravstvennaya_philosophiya_21-all.shtml (дата обращения: 5.01.2016).
4. *Leo XIII. Libertas praestantissimum* // http://www.vatican.va/holy_father/leo_xiii/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_20061888_libertas_en.html (дата обращения: 5.01.2016).
5. *Ioannes Paulus II. Evangelium vitae* // http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_25031995_evangelium-vitae_en.html (дата обращения: 5.01.2016).

С.Г. КОВАЛЕВ

Взгляд евразийцев на экономику

Аннотация. В статье рассматривается евразийство как мировоззренческая парадигма. Раскрываются экономические взгляды

евразийцев, их экономическая доктрина. Приводятся взгляды П.Н. Савицкого как основного экономического идеолога евразийства.

Ключевые слова: экономика России, евразийская экономическая доктрина.

Abstract. In this article we take a deep look into Eurasianism worldview paradigm, Eurasian economic views and economic doctrine. We will introduce you vision of one of the main economic ideology of Eurasianism — P.N. Savitsky.

Keywords: economic of Russia, Eurasian economic doctrine.

Евразийство как мировоззренческая парадигма и политическое движение сформировалось в 1920—1930-х гг. как реакция на крах российской державы и белого движения с целью выработки концептуальных взглядов на возможное, альтернативное большевизму, будущее России. Научно-идейное обоснование евразийства связано, прежде всего, с плеядой молодых, высокообразованных русских интеллигентов, оказавшихся в эмиграции и болеющих за судьбу страны. Парадигмальный контур выработанной ими картины системы России и мира лежит в плоскости представления о России как особой цивилизации, особом русском мире, сформировавшемся в пространстве Евразии, и с присущим только ей путем развития.

Идейными вдохновителями нового мировоззрения, стоящими у его научных истоков, стали князь Н.С. Трубецкой (1890—1938), П.П. Сувчинский (1892—1985) и П.Н. Савицкий (1895—1968), издавшие в Болгарии (г. София) сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения» (Утверждение евразийцев, кн. 1). На разных этапах к мировоззрению евразийцев примыкали многие яркие личности зарубежной эмигрантской мысли: Г.В. Флоровский (1893—1979), Л.П. Карсавин (1882—1952), Г.В. Вернадский (1887—1952), Н.Н. Алексеев (1879—1964) и др. Евразийство не было цельной синтетической теорией, скорее это конгломерат взглядов по различным аспектам евразийства, объединенных общей мировоззренческой основой — Россия есть Евразия. Научные интересы большинства евразийцев были далеки от экономической проблематики: Трубецкой (теория лингвистики, культура, философия), Сувчинский (теория музыки, история, публицистика), Флоровский (богословие, философия, история культуры), Карсавин (теория истории, философия), Алексеев (теория права).

Единственным евразийцем, для которого экономическая проблематика являлась родной, связанной с профессиональным образованием (экономист-географ) и кругом дальнейших интересов — меж-

дународные экономические отношения в период Первой мировой и Гражданской войн, экономическое развитие мира и СССР в послевоенное время, — был П.Н. Савицкий [1]. Его взгляды во многом определяли экономическую доктрину евразийцев и их общую платформу в целом.

Евразийцы отрицали и капитализм (тезис), и коммунизм (анти-тезис), рассматривая евразийство (синтез) как снятие противоположности; выделяли противоречия между ними как частями западной теоретической мысли, а также между российской действительностью и западной действительностью и ее отражением в отдельных западных теориях. В отличие от других эмигрантов — монархистов, буржуазных либералов — взгляды евразийцев были устремлены в будущее страны. Они видели в Октябрьской 1917 г. революции не только негативные стороны, но и положительные моменты. Однако их концепция носила элементы утопизма, слабо отражая реальную политическую и экономическую действительность СССР и ситуацию в мире (центр мировой политики и экономики стремительно смещался от Европы к США).

Общий мировоззренческий подход евразийцев отражен в совместных публикациях: «Евразийство» (опыт системного изложения 1926 г.), «Евразийство» (формулировка 1927 г.), «Евразийство: декларация, формулировка, тезисы» (1932).

В последней декларации евразийцами были сформулированы три принципа, которым должна соответствовать экономическая деятельность: *соборность — духовная общность единения людей в хозяйственной деятельности; справедливость и правда — организация хозяйственной деятельности в интересах всех трудящихся, которая является не самоцелью, а средством, необходимым для духовного процветания человека; плановое хозяйство и предоставление личности свободы выбора хозяйственных форм.*

В реализации данных принципов большая роль отводилась государству и государственно-частной системе хозяйства, призванной обеспечить свободу выбора между работодателем в лице государства и частными предпринимателями. Существование двух типов предприятий позволяет в условиях здоровой конкуренции обоюдно подтягивать их уровень. Признавая, что частная собственность противоречит идее социального целого, евразийцы требовали свободы не для частной собственности, а для частно-хозяйственной инициативы. Они выдвигали идею функциональной собственности в рамках синдикатов, государственно-хозяйственного плана и центра. Создание крупных государственных и частных предприятий промышленности, объ-

единенных в синдикаты отдельных отраслей — вот модель, которую пропагандировали евразийцы.

Являясь сторонниками сохранения прав государства на всю земельную площадь страны, евразийцы допускали разные типы землепользования, аграрного производства — единоличные хозяйства, колхозы, совхозы. Оптимальное сочетание форм сельхозпредприятий, по их мнению, зависит от конкретных природно-климатических условий и их эффективности.

Нагляднее экономические воззрения евразийцев представлены трудами П.Н. Савицкого, в которых отражены в том числе и экономические идеи, высказываемые им на протяжении всей творческой жизни по экономическим проблемам Российской империи, СССР, будущей новой России. Остановимся на отдельных узловых моментах, представляющих не только исторический, но и практический интерес для наших дней.

Его подход к царской России — как к своеобразной западно-ориентированной империи — многонациональному, крупному государству, обладающему достаточной целостностью, проводящему политику расширения за пределы этнокультурных границ (культурных, экономических, политических). При этом здоровый империализм должен способствовать прогрессу народов.

Савицкий выделял по пространственно-географическому критерию два исторических вида империй — Римскую, Британскую. Все имперские страны можно соотнести с выделенными моделями. Для царской России ближе модель первого вида, дающая больше политических и хозяйственных прав интегрируемым в нее народам. Если для империй второго вида характерно наличие больших территорий за счет расширения заморских владений и сосредоточение промышленности в метрополии, а добычи сырья и частичного сбыта продукции в колониальных владениях, то царская Россия прирастала территориями за счет расширения вглубь континента. Но при этом она не сумела обеспечить равномерности территориального развития. Перед ней стояла задача развивать промышленность в западных, центральных губерниях, а также продвигать развитие промышленности за Урал, экономически осваивать территорию окраин, в том числе и за счет массового переселения из трудоизбыточных регионов. Перенос промышленности за Урал позволит приблизить ее к источникам сырья, сократит издержки. При взаимодействии империй одного вида (континентальная-континентальная) и разных видов (континентальная-заморская) менее противоречиво второе.

Ранние взгляды Савицкого получили дальнейшее развитие в декларациях евразийцев и в его работах эмигрантского периода жиз-

ни. Он рассматривал российскую историю сквозь призму истории Евразии — особого исторического географического мира, охватывающего три крупных равнины (Беломоро-Кавказскую, Западно-Сибирскую, Туркестанскую), отличающегося флагообразным расположением основных почвенно-ботанических зон (тундра, лес, лесостепь, степь, пустыня), что выявляет специфическую, свойственную для данного пространства закономерность — унификацию между культурами общеевразийских держав: скифов, гуннов, а позднее монголов.

Восточные славяне, Русь Киевская, располагающаяся на окраине Евразийской ойкумены, монгольскими завоеваниями были втянуты в общий ход общеевразийских событий. В дальнейшем выяснилось, что северо-восточная ее часть в лице Руси Московской способна к выявлению такой силы и духовного напряжения, которая позволила ей сделаться наследницей монголов на евразийском пространстве, принять на себя объединительную роль.

Историческая преемственность многое объясняет в возникновении и развитии Российской империи XVIII—XX вв. и сменившего ее СССР — в частности, связь с хозяйственными формами кочевых держав. В монгольской империи все слои общества являлись служивыми, несли тягло, отсутствовала настоящая частная собственность на землю, значение каждой социальной группы определялось ее отношением к государству. Черты названного уклада были восприняты Московской Русью. Императорская Россия отошла от него в сторону европейских образцов лишь частично. Из этого же источника идут и принципы этатизма, огромная роль государства в хозяйстве.

Основные идеи Н.П. Савицкого также связаны с пониманием отдельных аспектов экономического развития:

- раскрытием месторазвития как географического и исторического единства, синтеза пространств: природно-территориального, социально-культурного, политического, экономического; месторазвитие есть не внешняя среда для социума, а единство природных и жизнедеятельных процессов в рамках определенной территории;

- выделением различных типов месторазвития: земной шар как глобальное место для всего человеческого рода и локальные места развития (к последним относится Россия-Евразия); отдельным месторазвитиям присущи определенные формы культуры, причем даже независимо от генетической близости и расового смешения народов, населяющих их;

- выделением категорий «хозяин», «хозяйнодержавие» для обоснования особого экономического пути частно-государственного партнерства: на основе раскрытия диалектики индивидуального и

коллективного, экономического и социального Савицкий показал, что хозяйин-личность и хозяйин-общество есть два единства и две категории, которые порождены самим народным опытом и опираясь на которые можно и понять российскую действительность, и проектировать будущее общество;

- рассмотрением наличия доступности к океану как фактора включения в мировую экономику, а отсутствия доступности как фактора самодавления и внутриконтинентальной интеграции;

- разделением стран (по критерию отстояния их территории от побережья океана, морей, обеспечивающих доступ к океаническим водам) на океанические, континентально-океанические, континентальные;

- обоснованием неуниверсальности экономической политики, требованием учета природно-географических особенностей конкретной страны.

Последнее положение раскрыто с помощью системы логических доводов.

- Океанические перевозки дешевле сухопутных и, соответственно, издержки на перевозку тонны груза значительно ниже. Океанические страны при товарообмене по мировым ценам имеют конкурентные преимущества на мировом рынке (мировой рынок как центр операций) и при продаже произведенной продукции, и при покупке товаров для производственного и личного потребления.

- Занимая разное положение по отношению к океану, страны как части целостного мирового хозяйства находятся в неодинаковом положении. Россия наиболее обездолена в смысле океанического обмена.

- При вступлении в мировое хозяйство континентальные страны несут дополнительные издержки на единицу продукции при ее экспорте и импорте. Континентальным странам и их регионам резон строить отношения не столько с мировым рынком, сколько выстраивать дополняющее друг друга единое континентальное хозяйство, ориентироваться на внутренний континентальный рынок.

- Внутриконтинентальное притяжение ведет к обоюдной пользе и для покупателя, и для продавца товара. Притяжение больше там, где выше пространственное соприкосновение, где выше спектр производств.

Обездоленность России-Евразии выходами к океану (замерзающие Балтийское и Белое моря, закрытый льдами Северный Ледовитый океан, неподконтрольный выход из Черного в Средиземное море) объективно побуждает к самодавлению, развитию собственного сельского хозяйства и промышленности. Моря как связь с мировым рын-

ком нужны России, но роль океанического принципа в построении хозяйства для нее второстепенна.

Попытку осмысления ситуации, сложившейся после окончания Первой мировой войны и заключения Версальского мира, и возможного будущего, которую предприняли евразийцы, нельзя рассматривать ни как эврику, ни как неудачу. Это собственный оригинальный подход, в том числе опирающийся и на идеи западных основоположников геополитики (К. Ратцель, Х. Макиндер, К. Хаусхофер). В 1930-е гг. собственный путь искали многие страны (национал-социализм в Италии, Германии, пантюркизм в Турции, новый азиатский порядок в Японии, новый курс Рузвельта в США). Иной курс формировался в СССР — концепция построения социализма в одной стране, декларирование общенародного государства в конституции 1936 г., послевоенная модель иной формы социализма — страны народной демократии, что явно не тождественно идее мировой пролетарской революции.

Взгляды евразийцев подвергались критике с момента зарождения движения, причем с различных сторон. Сжато можно выделить следующие ее направления.

1. Евразийство не научная теория, а доктринальное мировоззрение, в его основе лежат географический детерминизм, преувеличение роли месторазвития (примата природы, территории, истории перед ныне живущими людьми и их деятельностью).

2. Подталкивание страны к движению на восток, что отрывает, отделяет ее от Европы, нарушает европейское культурно-духовное единство, делает из восточных славян азиатов.

3. Идеократическое государство, вера в возможность восприятия коммунистами взглядов евразийцев — лишь камуфлирование политических целей.

4. Идеи не блещут новизной: либо заимствованы у российских предшественников, либо навеяны современной европейской общественной мыслью.

Зачастую критика была необъективной и предвзятой, однако отдельные ее моменты были справедливы.

К началу Второй мировой войны евразийство как движение угасло (в том числе и под воздействием операции ГПУ «Трест»), а многие интеллектуалы отошли от идей евразийства ранее.

Литература

1. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.

А.Н. НЕЧУХРИН

Социальные функции истории в отечественной историографии конца XIX — начала XX в.

Аннотация. Рассматриваются вопросы социальных функций истории в трактовке российской историографии второй половины XIX — начала XX в. В центре внимания позитивистская историография (В.О. Ключевский, Н.И. Кареев) и «критический позитивизм» (Р.Ю. Виппер, В.П. Бузескул, Д.М. Петрушевский, Е.В. Тарле и др.) — направления, определявшие развитие исторической науки в России в рассматриваемый период. Среди социальных функций истории выделяются эвристическая, социальной памяти, воспитательная, политико-идеологическая, прогностическая.

Ключевые слова: методология истории, социальные функции, позитивизм, «критический позитивизм», современность, политика.

Abstract. The main aim of the article is to disclose social functions of history represented in Russian historiography in the second half of the XIX early XX centuries. The main attention is focused on positivistic historiography and «critical positivism». It is known that these movements were the leading ones in Russian historical science in the period covered in the paper. Among social functions of history we highlight heuristic, educational, political, ideological, and prognostic ones. It is also emphasized that history serves as storage of social memory.

Keywords: historical methodology, social functions, positivism, «critical positivism», modernity, politics.

С момента своего возникновения история так или иначе была связана с удовлетворением определенных общественных потребностей, помогала обществу в решении стоящих перед ним задач. Запросы к истории со стороны современности определяют ее социальные функции. Последние, по определению Б.Г. Могильницкого, выступают как «роли, которые историческая наука выполняет в жизни общества и которые в своей совокупности определяют ее социальную ценность» [1, 3].

Социально значимым является всякое научное познание, но особая природа истории определяет ее специфические функции в обществе. Соответственно и авторитет истории прямо связан со степенью ее влияния на общественную жизнь. Наиболее высокий социальный престиж исторической науки наблюдался в XIX в., называемом «золотым веком» истории. Работы того времени дышат социальным

пафосом; их авторы были убеждены в высокой общественной значимости своих трудов. Они призывали сделать политику прикладной историей и не без основания утверждали, что пренебрежение историческими знаниями чревато социальными катастрофами. Истоки многих социальных ошибок ученые склонны были видеть в том, что «мы не прибегаем к историческому методу или слишком поздно начали им пользоваться» [2, 24]. Глубокая тревога в связи с прогрессирующей потерей доверия к истории у современного общества звучит сегодня в словах многих ученых. В крайних формах вопрос ставится о том, имеет ли еще история в наше время социальные функции.

Среди социальных функций исторической науки выделяются: 1) социальной памяти, 2) эвристическая, 3) воспитательная, 4) политико-идеологическая, и отдельными авторами — 5) прогностическая. Для углубленного понимания проблемы представляется полезным обратиться к опыту, накопленному в этом отношении в российской историографии конца XIX — начала XX в. В рассматриваемый период наблюдается становление методологии истории как самостоятельной дисциплины, наряду с позитивизмом формируются «критический позитивизм» и неокантианство. Теоретики указанных направлений в отечественной историографии представили аргументированные концепции по методологии исторического познания, вывели российскую науку на передовые позиции. Решая проблему социальной обусловленности исторического познания, они не могли ни обратиться и вопросу о социальных функциях истории.

На высокую социальную значимость истории обратила внимание уже наука первой половины — середины XIX столетия (Т.Н. Грановский, В.И. Герье, Н.Я. Данилевский и др.), но развернутая постановка проблемы приходится на следующий период.

В позитивистской историографии перед исторической наукой была поставлена задача открытия законов, управляющих обществом. Вопрос этот решался либеральными авторами в прямой зависимости от программы русского либерализма, ратующего за общественные реформы, открывающие путь развитию России по буржуазно-демократическому образцу. «Из науки о том, как строилось человеческое общежитие, — указывал В.О. Ключевский, — может со временем — и это будет торжеством исторической науки — выработаться общая социологическая часть ее — наука об общих законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от преходящих местных условий» [3, 39]. Подчеркивались социальное и научное значения знания законов истории, выдвигалось требование строго следовать в общественной жизни «историческим законам». Так, пренебрежительное отношение российского общества к своему прошлому во второй

половине XIX в., по мнению Ключевского, привело к противоречию с исторической закономерностью, «которая не любит противоречия и наказывает за него».

В этом же направлении высказывался Н.И. Кареев. Ученый был убежден в высокой социальной значимости исторической науки. Удачное разрешение общественных задач, по его мнению, «бывает возможно лишь при свете знания, в чем и заключается великая роль исторической науки». Поскольку будущее находится в руках самих людей, чтобы его хорошо устроить, «нужно знание и добрая воля. Знание, по крайней мере, без уроков исторического опыта невозможно...» [2, 19]. Историческая наука, считал Кареев, способна оказать обществу громадные услуги, а многие социальные ошибки как раз и являются результатом того, что «мы не прибегаем к историческому методу или слишком поздно начали им пользоваться» [2, 24]. В связи с этим он призывает деятелей практической жизни, политиков прислушаться к голосу историков, поскольку задача нашей науки в том и состоит, чтобы «объяснить прошлым настоящее, знание и понимание которого было бы немисливо без такого объяснения» [4, 9]. Условно эту функцию истории, по Карееву, можно назвать эвристической, т. е. познание прошлого для лучшего понимания современности.

Вторую важную функцию истории он видел в формировании народного самосознания — определим ее как воспитательную. Ученые, полагал мыслитель, с помощью науки должны привести общество к высшему национальному самосознанию [5, 4]. Прежде всего Кареев призывал к работе с молодежью: помочь ей найти свое место в жизни, выработать у молодого поколения научное мирозерцание. Он учил своих читателей и слушателей, что занятие наукой не отрывает человека от жизни, наоборот, только усвоив знания, накопленные человечеством, сформировав себя как личность, можно стать настоящим гражданином, полезным обществу.

Утверждая высокое социальное призвание историка, Кареев в то же время решительно выступал против национализма в историографии. Он остроумно замечал, что для ведущих историков разных стран именно их государства представлялись центром мировой истории: для Гизо — это Франция, для Бокля — Англия, для Гегеля — Германия, для Джиоберти — Италия. При этом все они ссылались на научный принцип отбора фактов, а не на национальную заинтересованность [6, 101—102].

Весьма скептически оценивал Кареев тот базис, на котором складывается представление относительно родного прошлого, из-за чего научная работа историков по самому своему существу находится в постоянном конфликте с националистической традицией. Ученый

был убежден, что историк-патриот доказывает свою любовь к Отечеству не тем, что поддерживает приятные иллюзии, но своим стремлением раскрыть перед народом всю историческую правду о нем [7, 249—250]. Острая критика национализма в истории сочетается в концепции Кареева с признанием права каждого народа вносить в науку свое понимание и свою оценку истории, выработанные особенностями его духа и исторических судеб. Более того, исследователь писал: «чем многочисленнее и разнообразнее будут эти национальные вклады в науку, тем шире и полнее будет сама наука» [6, 102].

Третья функция истории, выделяемая исследователем, — социальной памяти. Среди собственно научных задач истории эта функция, справедливо полагал он, — главная; она состоит «в восстановлении того, что было и как было тогда-то и тогда-то, там-то и там-то, т. е. в определенные времена и в определенных местах» [7, 69]. В этом смысле историю, писал Кареев, «можно назвать биографией народов и всего человечества...» [7, 224].

Однако, предвидя опасности, возникающие на пути тесной связи общественной науки с жизнью, Кареев пытался определить те границы, при которых история, сохраняя свою социальную значимость, не превратилась бы в служанку политики. Главная идея методолога — сохранение наукой автономии в рамках общественной структуры. Общество либо какая-нибудь партия, полагал он, могут ставить науке задачи, делать социальный заказ, однако выполнять его она должна совершенно самостоятельно. Излюбленная идея Кареева в том, что «наука может служить жизни лишь одним путем — ища прежде всего истину, удобна или неудобна эта истина для той или другой стороны в жизненной борьбе отдельных общественных групп». Такой подход не исключает важной роли истории в обществе, не отменяет ее социальную природу, но дает известные гарантии объективности, повышает не только престиж, но и социальную ответственность науки. Сохраняется, конечно, ценностная ориентация историографии, но она освобождается от тенденциозности и конъюнктуры. Полностью сохраняют актуальность слова Кареева о том, что каждая добросовестная общественная партия должна искать оправдания своей программы в независимой общественной науке [8, 313].

Что же касается прогнозирующей функции истории, ее историк решительно отвергал, хотя и допускал возможность предвиденья будущего с опорой на материалы исторической науки [7, 71—72].

На рубеже веков формируется «критико-позитивистское» направление в российской историографии, ведущим теоретиком которого стал Р.Ю. Виппер. Ученый настаивал на безусловной зависимости исторических знаний от влияния современности, предвосхищая

многие положения презентизма в историографии. Современность, по его убеждению, через мировоззрение ученого определяет все этапы исторического исследования и делает невозможной «объективную» историю, как это представляли себе позитивисты. «Нечего и говорить, — писал Виппер, — как сильно на формулировке идей и толкований историка сказывается его принадлежность к тому или другому религиозному или политическому лагерю, к той или другой общественной группе» [9, 64].

Ученый был решительно против какого-либо элиминирования истории из общественной жизни, будь даже это возможно. Он указывает на то отвращение к историографии у передовых деятелей XVI—XVII вв., которое она вызывала, погрязнув в антикварном хламе и школьном классицизме, устранившись от решения насущных общественных проблем. Показателен тот факт, подчеркивает Виппер, что толчок к развитию нашей науки в то время дали не профессиональные историки, а деятели практической жизни: Бодэн, Макьявелли, Гроций, Гоббс, «исторические изыскания которых являлись лишь орудием в их политической борьбе» [10, 2—5].

Исторический релятивизм исследователя приводит его к крайним выводам: «Каждое поколение или ряд поколений, связанных общими идеями, каждая интеллектуальная группа, неизбежно приспособляется к себе, к своим нуждам, к своим гаданиям о будущем, к своим психическим предрасположениям всю традицию о прошлом, весь исторический материал, можно бы сказать, препарирует для себя всю историю, творит для себя идеальное прошлое, набрасывает для себя собственную историческую картину» [10, 61]. В итоге историческая наука смело объявляется Виппером «автобиографией общества», которая с течением времени не только добавляется новыми главами, «но постоянно и на всем своем протяжении перерабатывается с новых точек зрения» в угоду «того самого современного общества, которое желает иметь науку о себе и для себя» [10, 142]. Именно политико-идеологическая функция истории выдвигается ученым на первый план, что не означает непризнание им и иных функций нашей науки в обществе. Правда, прогностическая функция вызывала у него сомнения, поскольку предвиденье затруднено во всех науках, имеющих дело с незавершенными рядами явлений [11, 56].

Органическую связь исторической науки с жизнью современного общества утверждали все исследователи, находившиеся под влиянием «критического позитивизма» (В.П. Бузескул, Д.М. Петрушевский, Е.В. Тарле, Н.А. Рожков, А.К. Дживелегов, В.М. Хвостов). Как подчеркивал Д.М. Петрушевский, в ученую работу «часто даже незаметно для исследователя проникают тем или иным

путем скорби и радости, сомнения и мечты того общества и той эпохи, среди которых он живет. Они-то и направляют, в конечном счете, его кабинетную работу, и как бы энергично он ни отрицал сатаны субъективизма, но его работа будет представлять собою зеркало его эпохи, ее умственных запросов и ее общественных стремлений, ее исторических и социологических представлений и идей» [12, 9—10]. Подобно Карееву, Петрушевский сравнивал историю нашей науки с «зеркалом, в котором отражается история самого общества».

Раскрывая эвристическую и политико-идеологическую функции истории, он указывал, что в разные времена различные социальные силы ставили перед исторической наукой неоднозначные задачи, привлекали ее данные в своих политических целях. История постоянно оказывалась в водовороте общественной борьбы, и это не могло пройти бесследно для самой науки. Все, кто обращался за справками к прошедшему, вносили в него «злобу своего времени, видели в нем то, что им нужно было или хотелось видеть и что они могли видеть в зависимости от мирозерцания своей эпохи и той общественной группы, к которой каждый из них принадлежал» [13, 3]. Вполне обоснованно Петрушевский видел в историографии важнейшее орудие в борьбе различных социальных сил, независимо от сознания самих деятелей науки [13, 3].

Д.М. Петрушевский указывал, что историческая наука, стремясь к открытию законов комбинации общественных элементов, показывает потенциальные возможности современной действительности. Тем самым история избавляет нас от рабского преклонения перед действительностью и дает «твердую уверенность, что мы можем воздействовать на общество, сделать действительностью одну из общественных возможностей, наиболее для нас желанную». «Без знания того, что было и как было, — за Ключевским писал ученый, — невозможно знать того, что будет и должно быть» [13, 3].

Е.В. Тарле исходил в своих исследованиях по методологии истории из того, что «общественные науки по самой своей природе тесно связаны с общественной жизнью и практически, и теоретически» [14, 34]. В понимании природы и характера такой связи заметно влияние на историка русских «субъективных социологов», прежде всего Н.К. Михайловского. Творчество мыслителя импонировало Тарле именно потому, что в нем наблюдается прямая связь научной и общественной деятельности: «Редко где и редко какому писателю, — указывал историк, — приходилось столь наглядно обнаружить тесную, органическую связь между интересами общественной жизни и проблемами общественной науки, как это удалось сделать Михайловскому...» [14, 38]. Наша наука, по мнению Тарле, находится постоянно

в сфере политической борьбы, так или иначе отвечая на общественные запросы, обращаясь то к одним актуальным для современности проблемам, то к другим [15, 301—302]. Но, независимо от целевого мотивирования исследования, историк всегда должен исполнять долг всякого ученого: стремиться к истине. «Науке важна правда», — подчеркивал Тарле.

Рассматривая различные аспекты связи истории и современности, ученый указал на важное методологическое значение изучения настоящего и ближайшего прошлого для подлинного понимания истории. «Наука, — писал он, — должна разобраться в пучине того фактического материала (современности. — *А.Н.*), без опознания и понимания которого не только в текущей жизни, но даже и в предшествовавшей истории не все может быть анализировано и охвачено до глубины» [16, 90]. Тарле выделял важность знания истории XIX в. как времени многих завершений, когда события протекали при особо ярком освещении. Поэтому не случайно историк стал одним из пионеров чтения курса новейшей истории в российских университетах, проявлял постоянный интерес к социально-политической истории XIX — начала XX в. Признавая высокую социальную значимость нашей науки, Тарле скептически относился к возможности ее средствами прогнозировать будущее. Самое большое, что вполне трезво он готов признать, это прогнозирование наиболее общих моментов социальных процессов на ближайшее будущее, да и то при существенной оговорке: если не случится ничего непредвиденного.

В качестве историографа В.П. Бузескул в своих трудах постоянно пытался выявить политико-идеологическую направленность работ того или иного автора. В этом плане особенно он отмечал связь истории и политики в германской историографии XIX — начала XX в. Так, высоко оценивая Г. Зибеля как ученого, Бузескул писал: «Изучение прошлого служило ему ключом к пониманию настоящего и руководством при решении современных вопросов» [17, 31].

В рамках малогерманской историографии Бузескул выделял творчество И.Г. Дройзена как «одного из главных, характерных представителей немецкой исторической науки прошлого века». По определению историографа, Дройзен принадлежал к тому поколению, которое мечтало об объединении Германии, боролось за эту идею и возлагало свои надежды на Пруссию [18, 265]. Взглядам малогерманцев на политико-идеологические функции истории Бузескул противопоставлял методологическую позицию Л. Фон Ранке. Историограф точно отметил, что объективизм Ранке «вытекал из самого взгляда его на историю и ее задачи» [19, 183—184].

Близкие В.П. Бузескулу и Н.И. Карееву позиции по вопросу о роли истории в обществе занимал А.К. Дживелегов. Исследователь настаивал на связи истории и современности: «Общие условия всегда так или иначе оказывают влияние на содержание и дух исторических работ, — писал он. — Историк — сын своего времени и член определенной социальной группы; всегда, даже при самом добросовестном стремлении быть объективным, он вносит в свои труды элементы мировоззрения, только ему свойственные» [20, 290]. Под заданным углом зрения ученый, в частности, рассматривал творческий путь Т. Моммзена. Немецкий историк был интересен историографу во многих аспектах, немаловажным среди которых был тот, что он сочетал в себе гражданина и ученого. Дживелегов справедливо указывал, что автору «Истории Рима» лучше всего удавались эпохи, которые его более всего волновали. Здесь он мысленно окунается в круговорот борьбы партий, точно он участник событий, переживает все перипетии борьбы. Прежде всего сказанное относится ко времени Цезаря, которого Моммзен трактовал как самого великого представителя правильно понятой верховной власти. Особенность творческого метода немецкого ученого историограф видел в том, что он уясняет себе и своим читателям факты и лица древности, сопоставляя их с современной историей: «Модернизируя» таким образом прошлое, Моммзен далекое делает близким; делая его близким, — насквозь пропитывает духом собственной индивидуальности, налагает на него яркий отпечаток своих общественных и политических взглядов» [21, 626]. Ратуя за научность исторического знания, Дживелегов в то же время выступал против объективизма, индифферентности в позиции ученого. Он справедливо подчеркивал, что наиболее популярными историками «были и будут те, которые пишут с увлечением, то есть с пристрастием <...> Только там получается выпуклое и живое изображение, где автор живет между своими действующими типами, где он любит и ненавидит, почитает и презирает. Все равно, какая тут тенденция, прогрессивная или реакционная: не она важна, а то, что она сделана». Поэтому читатели с одинаковым наслаждением читают либерала Макалея, ретрограда Трейчке, народника Мишле, ведь «их тенденциозность делает их рассказ живым и увлекательным» [21, 652]. Речь у Дживелегова идет о сохранении социальной значимости исторической науки, которая ставится под угрозу в случае ее элиминации из современности.

Н.А. Рожков, находившийся в начале своего творческого пути под сильным влиянием идей «критического позитивизма», важнейшей социальной функцией истории считал эвристическую. Исследователь полагал, что задачей нашей науки является оказание помощи в опре-

делении «конкретных общественных идеалов данного времени в связи с главными условиями общественной жизни». История, утверждал он, дает основания для научной политики [22, 18]. Что касается исторических прогнозов, то Рожков считал, что пока предвидеть будущее со всеми его подробностями мы не в состоянии, но «с развитием обществознания и социальные предсказания неизбежно достигнут большей точности» [22, 16].

Скептическое отношение к прогностическим возможностям истории проявлял Е.Н. Щепкин. Отсутствие тождественных повторений событий в истории и обязательных законов появления события каждый раз при наличии обуславливающих их причин, писал он, не позволяет историку предсказывать что-либо с достоверностью. В этом ученый усматривал ограниченность истории как науки [23, 278, 288]. Вполне солидарен с ним был В.М. Хвостов, считавший, что элемент случайного в истории не устраним; он готовит нам постоянно «нечто новое, небывалое и уже потому непредвидимое». Кроме того, в истории отсутствуют простые повторения одного и того же, следовательно, «предвиденье в области жизни немислимо...» [24, 265—266].

В целом в трактовке социальных функций исторической науки «критические позитивисты» мало отличались от предшествующей историографии. Более остро ими был поставлен вопрос о значении истории в идейно-политической борьбе в обществе и заметнее проявился скепсис в отношении прогностических возможностей нашей науки.

Таким образом в российской историографии конца XIX — начала XX в. однозначно признавалась связь исторической науки и современности, подчеркивалась важная роль исторической науки в идейно-политической общественной борьбе. Акцент делался на политико-идеологической функции истории, но при этом признавались функция и социальной памяти, и эвристическая, и воспитательная функции. Крайности презентизма, свойственные взглядам Р.Ю. Виппера, не были приняты. Научный характер истории не ставился под сомнение.

Литература

1. *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. М., 1989.
2. *Кареев Н.И.* Суд над историей // Русская мысль. 1884. № 3.
3. *Ключевский В.О.* Курс русской истории: Ч. 1 // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1987.
4. *Кареев Н.И.* Об отношении истории к другим наукам с точки зрения общего образования. СПб., 1895.
5. *Кареев Н.И.* Лекция о духе русской науки. Варшава, 1885.

6. *Кареев Н.И.* Мечта и правда о русской науке // Русская мысль. 1884. № 12.
7. *Кареев Н.И.* Теория исторического знания. Историка. СПб., 1913.
8. *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб., 1897.
9. *Виннер Р.Ю.* Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей и публичных выступлений. 1900—1912. М., 1912.
10. *Виннер Р.Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. СПб., 1900.
11. *Виннер Р.Ю.* Очерки теории исторического познания. М., 1911.
12. *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907.
13. *Петрушевский Д.М.* О задачах всеобщей истории как науки // Образование. 1898. № 2.
14. *Тарле Е.В.* Из истории обществоведения в России // Литературное дело: Сб. СПб., 1902.
15. *Тарле Е.В.* Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1957.
16. *Тарле Е.В.* Новейшая история и постановка ее преподавания на историко-филологических факультетах // Журнал Мин. Нар. Просв. 1915. Ч. 59. № 10.
17. *Бузескул В.П.* Генрих Зибель как историк-политик. Харьков, 1896.
18. *Бузескул В.П.* Лекции по истории Греции. Т. 1. Пг., 1915.
19. *Бузескул В.П.* Исторические этюды. СПб., 1911.
20. *Дживелегов А.К.* История // Энциклопедический словарь товарищества братьев А. и И. Гранат. М., 1935. Т. 22.
21. *Дживелегов А.К.* Теодор Моммзен как историк и политик // Вестник Европы. 1904. Т. 5.
22. *Рожков Н.А.* Исторические и социологические очерки: Сб. статей. Ч. 1. М., 1906.
23. *Щепкин Е.Н.* Вопросы методологии истории // Летопись историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1905. Т. XII.
24. *Хвостов В.М.* Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. М., 1914.

М.Ю. ПАВЛОВ

Новая экономическая мысль для новой экономической реальности: на пути к постэкономиксу

Аннотация. Отрицательные числа в математике были изобретены для учета долговых хозяйственных отношений. Впоследствии отрицательные числа нашли свое отражение в системе координат Р. Декарта. Однако сегодня мы наблюдаем серьезнейшее противоречие в экономической мысли: мейнстрим (экономикс), претендуя на математическую точность в описании экономических процессов, свои модели размещает лишь в первой координатной четверти, не отображая долги адекватно. Практически всю экономическую деятельность экономикс рассматривает лишь по модулю, не обращая внимания, положительна она либо отрицательна. Необходима новая экономическая мысль, постэкономикс.

Ключевые слова: экономикс, мейнстрим, постэкономикс, долги, отрицательные числа.

Abstract. Negative numbers in mathematics were invented for debt economic relations accounting. Subsequently negative numbers were reflected in R. Descartes' Cartesian coordinate system. However today we observe most serious contradiction in economic thought: mainstream (economics) pretending to be mathematical accurate in its description of economic processes, places its models only in the first coordinate quarter, without displaying debts adequately. Practically economics consider all economic activity only as modulo operation, not paying attention whether this activity is positive or negative. The new economic thought, posteconomics is necessary.

Keywords: economics, mainstream, posteconomics, debts, negative numbers.

Экономическая теория сегодня в ее мейнстриме в основном представлена экономиксом, утверждающем, что свои рекомендации для реальной экономики он выдает на основе точных расчетов с использованием математических моделей, нередко очень сложных. Экономикс даже считается основой основ при принятии важнейших экономических, политических, социальных и даже личностных решений (в частности, исследование экономики семьи Г. Беккера [1] и многие другие работы). Но можно ли вообще доверять математическим выкладкам экономикса? Действительно ли его модели способны определить, где находится оптимум?

Современная экономика — как в России, так и в мире в целом — находится в глубочайшем кризисе, хотя последовательно следует математическим выкладкам экономикса. В чем же тогда причина этого кризиса? Может быть, в неадекватных настоящей экономической реальности выводах и рецептах экономикса?

Обратимся к истории математики. Одно из крупнейших изобретений в историческом процессе развития математики — введение в нее отрицательных чисел. Практически все модели экономикса так или иначе используют отрицательные числа. Можно ли было обойтись без отрицательных чисел? Судя по тем сведениям, которые дошли до нас, Семь чудес света были созданы без знания отрицательных чисел. Колоссальные ирригационные сооружения, развитое судоходство (у шумеров было 105 различных типов судов!), управление огромными территориями древних империй — все это успешно создавалось и поддерживалось без отрицательных чисел! Более того, согласно новым научным исследованиям, дошедшие до нас документальные свидетельства говорят об обычной продолжительности жизни в Древней Греции на уровне 70—90 лет (см.: [2], а также [3, 90—91]).

Возникает вопрос: как появились отрицательные числа и зачем они понадобились? На протяжении тысячелетий человечество избегало отрицательных чисел. Они считались эфемерными, не имеющими права на существование. Природа не терпит пустоты, как в ней может чего-либо не хватать? В условиях монотеизма идея отрицательных чисел считалась греховной, поскольку божественное мироздание совершенно, в нем не может существовать лакун.

Как ни парадоксально, но отрицательные числа появились вследствие развития экономических отношений. Возникла необходимость учета долговых операций. Китай и Индия начали использовать отрицательные числа несколько раньше (Китай — со II в. н. э., когда их впервые упомянул Чжан Цань в работе «Математика в девяти главах», а в Индии в VII—VIII вв. Брахмагупта и Бхаскара уже достаточно подробно раскрыли их), а в европейскую науку отрицательные числа впервые ввел Леонардо Фибоначчи (Пизанский) в своем научном труде «Liber abaci» (1202). Фибоначчи трактовал отрицательные числа именно как долги. В 1544 г. Михаил Штифель в работе «Полная арифметика» описал отрицательные числа как «абсурдные» и охарактеризовал действия с ними. Положительные числа он именовал «истинными». Однако европейская наука то принимала отрицательные числа в качестве равноправных с положительными, то вновь отрицала их. Даже в XVII в. Блез Паскаль считал отрицательные числа эквивалентными нулю, в частности, у него получалось $0-4=0$, так как ни одна величина не может быть меньше, чем ничто. Настоящую револю-

цию в математике (благодаря которой долговые отношения стали отображаться и учитываться наиболее детально) совершил Рене Декарт. Он создал прямоугольную (картезианову) систему координат, позволив числам (и долговым отношениям!) выйти из I-й координатной четверти, где они теснились веками, в другие координатные четверти. Тем не менее отрицательных чисел еще долго опасались. В 1831 г. Гаусс выступил со специальным разъяснением, что отрицательные числа должны использоваться наравне с положительными. А тот факт, что над отрицательными числами можно производить далеко не такой полный набор операций, как с положительными, Гаусс оправдывал существованием дробей. Ведь дроби тоже нельзя использовать для целого ряда операций, например, для подсчета людей. В XIX в. Уильям Гамильтон и Герман Грассман создали теорию отрицательных чисел в полном и законченном виде. Только с этого времени можно считать, что отрицательные числа получили полное признание.

История не донесла до нас четких свидетельств относительно появления знака «-». Тем не менее ученые считают, что знак «-» означал черточку напротив имени должника. А знак «+» возник уже как перечеркнутый знак минуса, как символ возвращенного долга.

В современной экономике долговые отношения оказывают все большее и большее влияние на экономическую, политическую, социальную и многие другие сферы жизни [4]. Зафиксируем самый важный вывод для долговой экономики, для долговых отношений: исторически долги считались отрицательными величинами. Более того, именно долги и породили соответствующие разделы математики, умеющие оперировать с отрицательными величинами.

Интересно проследить параллели. Оказывается, что слова «долг» и «грех» в арамейском языке синонимы [5]. На Руси слова «долг» и «грех» также были синонимами. Грех — это прежде всего долг перед Богом. Человек должен совершить определенные обряды, ритуалы, либо же заплатить за грехи — в том числе и после жизни. Русский язык донес до нас одинаковые действия для долгов и для грехов — «прощение», «искупление», «отпущение» (когда должника именно «отпускали» — домой, в семью). Экономисты позднее попытались романтизировать слово «долг» — якобы оно однокоренное со словом «долгий». Но эта трактовка неверная.

Итак, в свое время экономика создала адекватную для себя математику. То, что она при этом оторвалась от моральных понятий, — предмет особого рассмотрения. Самое главное, что все заемные операции нуждались в отрицательных числах, в выходе за пределы I-й координатной четверти. Иначе бы это был просто вычет из положи-

тельных чисел. Казалось бы, финансовая математика с заемными средствами должна активно оперировать за пределами I-й координатной четверти. И породить адекватную экономическую теорию. Но, что самое удивительное — экономическая теория неадекватна существующей экономике. Неадекватна потому, что мейнстримом (основным течением) является экономикс, который повсеместно оперирует в положительной (I-й) четверти координат! Выход в другие координатные четверти у него находится на уровне рассуждений Паскаля. Хотя такой выход в реальности и происходит, а в долговых отношениях является вообще преобладающим, экономикс считает его незаконным! С отрицательными величинами некоторые модели экономикса вообще перестают работать, находить оптимум.

В результате подавляющее большинство математических моделей, используемых экономиксом, в условиях долговой экономики оказывается просто бесполезными. Эти модели умеют оперировать лишь в I-й координатной четверти. Возникает парадокс: с одной стороны, в экономиксе якобы применяется особо продвинутая математика, но, с другой стороны, как мы видим, эта математика не распространяется дальше тех пределов, которые существовали еще до Декарта! Колоссальный регресс, а не прогресс претерпели математические модели, которые поставил себе на службу экономикс.

Экономикс рассматривает экономическую деятельность слепо по модулю, не различая, направлена она на созидание или на уничтожение. Не случайно в ВВП в некоторых странах уже хотят включить продажу наркотиков. Оружие, яды, средства уничтожения, рейдерство, снос зданий, утилизация годных вещей вместо их использования, разрушение природы — это отрицательная экономическая деятельность, которую надо вычитать, а не прибавлять. Возьмем, в частности, понятие социального капитала, так любимое «экономиксистами». Рейдерство, пострадавшая репутация, долги сильно уменьшают социальный капитал. Учитывается ли вред рейдерства?

Практическая проверка моделей экономикса как раз и приводила к тому, что в отдельных случаях (когда принималась в расчет только созидательная деятельность, а долги, если и были, то «операционные», т. е. возвратные) модели совпадали с реальностью, но в большинстве случаев, как признают сами «экономиксисты», не удавалось добиться совпадения с реальностью. Согласно данным специальных исследований, в случае банкротства фирмы, ее интеллектуальные активы теряют от 30 до 90% своей стоимости и даже более [6; 7, 175]. Нематериальные активы обесцениваются на уровне 2—10% ежемесячно, поскольку базы данных и списки почтовой рассылки, клиентские базы и технические «ноу-хау» имеют свойство очень быстро терять актуальность в отличие от брендов и торговых марок [8, 175].

Но разве это обесценивание учитывается при расчете такого важного показателя, как ВВП? Напомним, что показатель ВВП придумал Саймон Кузнец для оценки восстановления экономик после Второй мировой войны. При послевоенном восстановлении, очевидно, было преобладание экономической деятельности в I-й координатной четверти. Тогда экономическая деятельность в силу обстоятельств была преимущественно созидающей. Но затем все стало постепенно меняться! А экономикс не отреагировал. Случайно ли это? В экономиксе учитываются потоки, а не запасы. Для капитала главное — движение. Капитал ради капитала. Не ради человека, не ради общественного богатства, не ради культуры и творчества, улучшения качества среды обитания, освоения новых миров. Только ради движения капитала ради самого капитала. Беличье колесо. Мы живем в странном мире: казалось бы, люди напряженно работают, сильно заняты, но на выходе их деятельности получается что-то не то. Как отмечает Ю.М. Осипов, «...человек, устремившись в демиургическом раже от природы к неприроде (от Природы к Неприроде!), создал мир мало того, что искусственный, но еще и не-человеческий — бетонный, металлический, пластмассовый, технический, электронный, химический, какой там еще... а-а... еще, и виртуальный, безвременный и беспространственный, вакуумный, хоть и не совсем пустой, но и не очень-то насыщенный (той же экзистенцией). Этаким мир-погремушка с той же гремющей антикультурой внутри), мало того — вполне уже и безумный мир: информационный, сетевой, менеджериальный, какой там еще... а-а... секулярный, космополитический, передвижнический (“перекати-польный”), да еще и страстно переменчивый, турбулентный, вихревой, неудержимый, не-уловимый. И разве это не антимир, да еще и не античеловеческий анти-мир?» [8, 14—15].

Производство оружия, да еще и на взятые в долг у граждан деньги в масштабе мировой экономики в целом соответствует вовсе не I-й, а III-й координатной четверти! Долги, деятельность по уничтожению богатства соответствует II-й и IV-й координатным четвертям. Симулякры деятельности, псевдодеятельность — то, что не создает реального богатства, — должны соответствовать не I-й, а II-й и IV-й координатным четвертям. Фиктивный капитал нельзя априори учитывать с плюсом. Только «по плодам его», по результатам его деятельности. Можно поставить плюс лишь тогда, когда он создаст реальные блага. Различным финансовым инструментам (основным и производным) — если они реально помогли производителям.

А зачем вообще экономикс нагромоздил сверхсложные оптимизационные модели, если в процессе их подготовки были совершены запрещенные в математике переходы — безосновательное отбрасывание знака? Получается, что это было сделано не в интересах челове-

ства, а лишь в интересах узенького мирка крупных финансистов. Как говорили в советские времена, мировой финансовой олигархии. Более того, «экономиксисты» этим самым запрещенным переходом (отбрасыванием знака) дискредитировали как экономическую науку, так и науку в целом.

А какое же будущее возможно у экономикса? На самом деле, модели экономикса можно продлить на три не по праву незанятые им координатные четверти. Но к чему это приведет? Значительная доля экономической деятельности при таком пересмотре автоматически станет бесполезной, даже вредной. Поэтому не верится, чтобы экономиксисты пошли на такой шаг. Таким образом, нарастание долговой проблемы закономерно ведет нас к постэкономиксу. Каким он будет? Это предмет отдельного рассмотрения.

Литература

1. *Becker G.* A Treatise on the Family. Cambridge, 1981.
2. Почему древние греки доживали до древнего возраста? // Наука и жизнь. 1999. № 12 // <http://www.nkj.ru/archive/articles/10069/>.
3. Le cas de la Grèce antique // La Recherche 1999. № 7 // <http://www.larecherche.fr/savoirs/dossier/cas-grece-antique-01-07-1999-88369>.
4. Долговая проблема как феномен XXI века / Под ред. А.А. Пороховского. М., 2014.
5. *Эмвуд М.* История долгов наших. Долги и темная сторона богатства. М., 2010.
6. *Smith G.V., Parr R.L.* Valuation of Intellectual Property and Intangible Assets, 2000.
7. *Anson W.* Fundamentals of Intellectual Property Valuation: A Primer for Identifying and Determining Value. 2005.
8. *Осунгов Ю.М.* Юбилейные всполохи // Философия хозяйства. 2015. № 6.

В.Ю. СТРОМОВ

Эффективность отечественной системы наказаний в контексте оптимальной реализации уголовной ответственности

Аннотация. Разносторонний анализ отраслевого законодательства необходим для соответствия положений УК РФ интересам общества и эффективности уголовной ответственности в реализации ее

форм и их видов. Для оптимального решения проблем повышения эффективности уголовной ответственности в контексте межотраслевых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений по ее реализации обозначается ряд актуальных проблем. Эффективность реализации уголовной ответственности непосредственно базируется на ряде условий, относящихся к Уголовному кодексу Российской Федерации и сфере реальной действенности, которые находятся в зависимости от социального, экономического, политического и правового аспектов управляемости государством.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, корреляция, нормативное регулирование, уголовно-правовые отношения, уголовно-процессуальные отношения, государственные органы.

Abstract. Versatile analysis of sector-specific legislation is needed to harmonize the provisions of the Civil Code in the public interest and efficiency of criminal responsibility in the implementation of its forms and their species. For an optimal solution of problems of increase of efficiency of criminal responsibility in the context of inter-branch of criminal law and criminal procedure relations to implement it denoted a number of topical issues. Efficiency of criminal liability directly based on a number of conditions relating to the Criminal Code of the Russian Federation and the sphere of real effectiveness, which are dependent on social, economic, political and legal aspects of state control.

Keywords: criminal liability, punishment, correlation, regulation, criminal-legal relations of criminal procedure relations, public bodies.

В контексте изменений и дополнений действующего законодательства корреляции, по нашему мнению, подлежит местонахождение в структуре УК РФ и наименование раздела III «Наказание» за счет переименования, редактирования и использования в нем образующего его систему разновидностей словосочетания «уголовная ответственность», отражающего, прежде всего, основополагающее уголовно-правовое последствие для виновных лиц, совершивших преступления. Соответственно виды наказания, фактически являясь непосредственно нетождественными по своей сути и содержанию понятиями, реально выступают отдельными сегментами (составляющими разновидностями) одной из ее форм.

Так, в разделе III «Уголовная ответственность. Наказание», в главе девятой «Понятие и цели наказания, виды наказаний», наименование и содержание входящих в ее структуру статей, исходя из предлагаемых нами законодателю корреляций, смещаются в главу десятую, освобождая место в Общей части УК РФ под нормативное

содержание понятия уголовной ответственности, ее целям и формам реализации. Таким образом, фактически структура уголовного закона непосредственно изменяется за счет расширения нормативного регулирования и реального перемещения самого текстуального материала.

Констатируем, что уголовно-правовое отношение возникает между конкретным физическим лицом, достигшим предусмотренного УК РФ возраста, виновно совершившим общественно-опасное деяние, с одной стороны, и государством, его официальными органами, в лице определенных должностных лиц (дознателя, следователя, прокурора, судьи) — с другой. В свою очередь нами презюмируется, что виновный, фактически совершивший общественно-опасное деяние, непосредственно обязан реально претерпевать меры государственного принуждения, которые УК РФ связывает именно с данным квалифицируемым государством преступлением, и понести уголовную ответственность, ее формы, виды, предусмотренные уголовно-правовой нормой, которую он нарушил. В то же время государство, его официальные органы, в лице определенных должностных лиц, имеет право и несет ответственность за правомерность своих действий подвергнуть признанного судом именно таковым лицом уголовной ответственности, реализовав все необходимые для эффективного достижения целей формы и их виды.

Фактическая реализация данных прав и обязанностей непосредственно происходит только в формате именно данных правоотношений, будучи законодательно предусмотренной стадией, реально выступая в качестве последствия официально признанного государством таковым преступления. Несмотря на то, что в отечественной теории уголовного права некоторые ученые связывают появление именно этого взаимоотношения не с совершением общественно-опасного деяния, а с поэтапными действиями в рамках уголовно-процессуальной деятельности характера, нам именно такие позиции представляются не вполне логичными и недостаточно обоснованными. Так, по нашему представлению, уголовно-правовое отношение фактически имеет объективную предопределенность и его последующее непосредственное наличие никак не связано с каким-либо определенным субъективным фактором, т. е. автономно от реальных правомерных действий, предпринятых соответствующими должностными лицами. Поскольку полная реализация взаимных прав и обязанностей субъектов уголовно-правовых отношений в итоге окончательно прекращает осуществление, то наступление именно этого свидетельствует об отсутствии уголовной ответственности, ее форм и их видов, начале состояния, которое уже не урегулировано нормами УК РФ.

Наиболее естественными и самыми распространенными формами реализации уголовной ответственности являются именно осуждение виновного лица с назначением и реальным исполнением вида наказания и (или) применением «иных мер уголовно-правового характера» соответствующим образом. Нами констатируется, что лицу, фактически совершившему преступление, непосредственно выносится обвинительный приговор, в котором данному общественно-опасному деянию официально государством в лице его должностных лиц окончательно негативно оценивается совершенное деяние, а подсудимый признается преступником, приговариваясь к реальному виду наказания и (или) иной мере уголовно-правового характера как наиболее репрессивным мерам уголовно-правового воздействия. В свою очередь, отбытие назначенного судом наказания повлечет также и другую форму реализации уголовной ответственности — «судимость», а ее погашение или снятие аннулируют все негативные обстоятельства, связанные с ней.

Исходя из официальной статистики, систематически ведущейся высшей судебной инстанцией (Судебным департаментом при Верховном Суде России), по нашему мнению, практика назначения уголовных наказаний районными судами фактически претерпела определенные количественно-качественные изменения.

В 2011 г. всего было реально осуждено 517,3 тыс. лиц, что на 8,2% меньше, чем в 2010 г., когда количество осужденных составило 563,8 тыс. человек. Соответственно на основании этих данных:

- число осужденных к лишению свободы на определенный срок в 2011 г. составило 205,3 тыс. лиц, или 39,7% от структуры всех осужденных, а в 2010 г. их было 237,4 тыс., или 42,1% от общего числа всех осужденных;
- число осужденных в 2011 г. к ограничению свободы как основному виду наказания составило 6,4 тыс. лиц, или 1,2% в структуре всего осужденных; а в 2010 г. их было 4,5 тыс. лиц, или 0,8% от общего числа всех осужденных;
- также ограничение свободы было применено в 2011 г. в отношении 3,6 тыс. осужденных в качестве дополнительного вида наказания;
- число осужденных к исправительным работам в 2011 г. составило 8,4 тыс. лиц, или 1,6% от общего числа всех осужденных, а в 2010 г. их было 9,3 тыс. лиц, или 1,7% от общего числа всех осужденных;
- число осужденных к обязательным работам в 2011 г. составило 26,7 тыс. лиц, или 5,2% от общего числа всех осужденных, что на

13,3% больше, чем в 2010 г., когда их было 23,6 тыс. лиц, или 4,2% от общего числа всех осужденных;

- число осужденных к штрафу как основному виду наказания в 2011 г. уменьшилось на 3,8% от 46,4 тыс. до 44,6 тыс. лиц и составило 8,6% от общего числа всех осужденных, а в 2010 г. показатель составлял 8,2%;

- в отношении 12,9 тыс. лиц, осужденных в 2011 г., штраф применялся в качестве дополнительного вида уголовного наказания, а в 2010 г. в отношении 13,6 тыс. лиц;

- число лиц, осужденных к лишению свободы и исправительным работам условно, согласно положениям ст. 73 УК РФ в 2011 г., составило 222,3 тыс., или 43% от общего числа всех осужденных, а из них к лишению свободы условно осуждено 220,5 тыс. лиц; за 2010 г. всего условно были осуждены 238,6 тыс. лиц, или 42,3%, из них условно к лишению свободы было условно осуждено 236,4 тыс. лиц;

- «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» назначалось в течение 2011 г. как основной вид наказания соответственно 435 осужденным лицам, а в качестве дополнительного вида наказания — 11,3 тыс. осужденным лицам, в 2010 г. данный вид наказания применялся по отношению к 314 осужденным и к 11 тыс. лицам;

- освобождено от наказания по различным основаниям 3 тыс. лиц, что в 2011 г. составило 0,6% от общего числа осужденных, а в 2010 г. — 3,6 тыс. лиц, что так же составляло 0,6% от общего числа осужденных;

- число виновных, которые были освобождены от отбывания наказания, назначением «принудительных мер воспитательного воздействия» в 2011 г., составило 752 осужденных, при этом удельный вес от общего числа осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, составил 2,1 %, а в 2010 г. — 2,5 %;

- незначительно уменьшилось число лиц, направленных в учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, с 446 лиц в 2010 г. до 434, осужденных в 2011 г., что составило 1,2% по сравнению с 1% ранее.

Для оптимального решения проблем повышения эффективности уголовной ответственности в контексте межотраслевых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений по ее реализации обозначается ряд актуальных проблем. Так, фактически эффективность реализации уголовной ответственности непосредственно базируется на ряде условий, относящихся к Уголовному кодексу Российской Федерации и сфере реальной действительности, которые находятся в зависимости от социального, экономического, политического и пра-

вового аспектов управляемости государством. Все вышеизложенное дает возможность понимать под эффективностью получение позитивных результатов защиты нормами УК РФ отношений вследствие ее оптимальной реализации в современной действительности.

Поскольку наиболее распространенной формой реализации уголовной ответственности является наказание, то именно этом случае она проявляется в осуждении лица, закрепленном в обвинительном приговоре суда, конкретном его виде и (или) видах и судимости. Современная правоприменительная практика уголовного законодательства, согласно широко декларированной концепции «Гуманизации ...» и (или) «Либерализации ...» уголовно-правовой политики в отношении осужденных за различные категории преступлений, должна строиться следующим образом: во-первых, применение наиболее строгих форм и видов реализации уголовной ответственности только к виновным, совершившим преступления, относящиеся к категории «тяжких или особо тяжких»; во-вторых, применение наименее репрессивных форм и видов реализации уголовной ответственности только к виновным, совершившим преступления, относящиеся к категории «небольшой или средней тяжести».

Отмечаем, что проблема эффективности традиционна для отечественной теории уголовного права, фактически относясь, к основной проблематике уголовно-правовой политики Российской Федерации и непосредственно разрешаема при оптимизации ее форм, их видов в реальной действительности, в случае максимизации механизма регулирования в процессе реализации. Поскольку эффективность фактически непосредственно связана с преступностью, как исторически устойчивым социально-негативным массовым явлением, реально обусловленной оценкой государства совершенного деяния, фиксирующую отчуждаемость и не адаптацию индивида к официально декларируемой ценностно-нормативной системе, то именно данное обстоятельство проявляется в формализации отдельных антисоциальных форм. В свою очередь, вследствие приобретения деяния характера и степени общественной опасности, это находит свое выражение, как в совершении преступлений, так и в их совокупности, т. е. преступности. Рецидивная преступность, представляющая систему преступлений, совершаемых лицами, регулярно ведущими антиобщественный образ жизни, фактически зависит от непосредственных процессов маргинализации современного российского общества, реально происходящих в стране и в психологической структуре отдельной личности, постоянно находящейся в так называемом «пограничном состоянии».

Именно поэтому данный вид преступности представляет повышенный интерес в контексте исследования основополагающей уго-

ловно-правовой категории «уголовная ответственность», будучи обусловленной тремя факторами: 1) характером общественной опасности; 2) степенью общественной опасности; 3) стабильными тенденциями увеличения количества преступлений, совершаемых рецидивистами. Так, по нашему представлению, статистически значимый фактор вызывает вполне обоснованное беспокойство отечественных криминологов, так как ежегодно фактически возрастает удельный вес ранее судимых лиц непосредственно из числа тех осужденных, кто реально уже совершал преступления с 23,3 % в 2006 г. до 29,5% в 2012 г. В свою очередь, именно данные официальной статистики о совершении преступления вновь почти 60 % лиц, освобожденных, из мест лишения свободы в течение первого года после своего освобождения взаимно связаны и полностью соотносятся с составляющей 60% так называемой маргинальной преступностью в общей совокупности всех преступлений, совершаемых в Российской Федерации.

Поскольку фактическая повышенная общественная опасность рецидивной преступности также непосредственно проявляется при изучении личности, прежде всего, особо опасного рецидивиста, то наиболее характерными обстоятельствами для него реально являются следующие типичные черты: 1) постоянность преступной деятельности, постепенно переходящей в антисоциальную профессию; 2) регулярное пренебрежение правовыми нормами; 3) систематическая нечувствительность виновного в совершении преступления лица к неоднократному осуждению к наказанию, в том числе к лишению свободы и иным мерам уголовно-правового характера.

Наибольшую общественную опасность из категории рецидивистов представляют субъекты, которые устойчиво сопротивляются их вовлечению в общественно-полезную деятельность, получению образования и специальности, сочетают свое неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения с уже сформировавшимся пенитенциарным поведением стойким к любому внешнему воздействию, как со стороны государства, так и членов общества. В контексте эффективной реализации уголовной ответственности считаем необходимым исследовать воздействие, фактически оказываемое государством на лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, меры, непосредственно приводящие к их реальному исправлению, трудоустройству, решению бытовых проблем, являющиеся залогом оптимальной социальной адаптации в общественной жизни и выступающие ключевым фактором в предупреждении совершения новых преступлений. Вследствие того, что деятельность системы государственных органов Российской Федерации по

подготовке разных категорий осужденных к освобождению хронологически начинается задолго до того момента, когда происходит данное событие, то, согласно положениям части 1 ст. 180 УИК РФ, эта процедура регламентируется. В свою очередь, акцентируем внимание, что наиболее детально именно данная деятельность регламентируется в Инструкции №2 «Об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы», утвержденной положениями приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 13 января 2006 г. На основании положений этого ведомственного документа предусматривается целый комплекс последовательно осуществляемых администрацией ИУ предупредительно-профилактических подготовительных мероприятий, которые «начинаются не позднее, чем за шесть месяцев до окончания срока лишения свободы», включающих в себя следующие этапы:

- беседу с освобождаемым лицом, для выяснения, его целей в поиске работы или поступления на учебу; наличие и характер связей с родными и близкими; планирование дальнейшей жизни, разъяснение возможности восстановления и поддержания социально полезных связей и профессиональных контактов с прежними коллегами на предприятии, учреждении, организации;

- систематические занятия с освобождающимися осужденными в рамках «Школы подготовки осужденных к освобождению» согласно плану и расписанию данных мероприятий;

- регистрацию заявлений освобождаемых с просьбой о помощи в трудоустройстве и обустройстве быта соответствующим образом;

- фактическое принятие положительных решений по заявлениям освобождающихся непосредственно об оказании содействия в трудоустройстве и обустройстве быта в реальной действительности.

В соответствии с поступившим письменным заявлением освобождающегося обо всех вышеперечисленных обстоятельствах дальнейшей жизнедеятельности и пожеланиях администрацией исправительного учреждения официально запрашивается, как в органах местного самоуправления субъектов Российской Федерации, так и в территориальных управлениях федеральной службы занятости населения России, об имеющихся возможностях эффективной реализации социализации. О полученных предварительных результатах переписки информируется заявитель. На основании полученных результатов проведенной работы, при освобождении данного лица, если гарантированно обеспечено его трудоустройство, ему при освобождении вручается письменные обращения, как в территориальное управление

федеральной службы занятости населения России, так и конкретному работодателю, по месту последующего трудоустройства.

Поскольку фактически цель и задачи непосредственно осуществляемых государственными органами действий реально являются вполне обоснованными и достаточно логичными, то исходя из уже имеющейся детальной правовой регламентации данного процесса, вызывает интерес оптимальность форм, содержания и эффективности этих занятий в контексте реализации уголовной ответственности. Вследствие того, что занятия проводятся в группе социальной защиты осужденных ИУ Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции РФ, являющейся структурным подразделением учреждения, положение о группах, определяющие назначение и содержание ее деятельности, цели, задачи, функции, права и обязанности сотрудников, утверждены Приказом ведомства от 30 декабря 2005 г. № 262. Согласно данному Положению, устанавливается процесс поэтапных мероприятий, комплексно проводимых подразделениями администрации исправительного учреждения для содействия освобождаемым из мест лишения свободы в решении вопросов трудоустройства и обустройства быта, в том числе имеющим перед собой следующие цели: во-первых, оптимального исправления и эффективной ресоциализации; во-вторых, успешной адаптации.

Этот ведомственный акт предполагает также комплексную реализацию создаваемыми группами следующих задач:

- подготовительные мероприятия с освобождаемыми лицами, в том числе занятия в рамках «Школа подготовки осужденных к освобождению» и систематическое привлечение к их проведению заинтересованных государственных ведомств;
- поэтапное восстановление и регулярное развитие социально-полезной взаимосвязи осужденных с их родственниками и близкими, коллегами по прежней профессиональной деятельности и законопослушным окружением в сфере досуга;
- разрешение наиболее актуальных проблем пенсионного обеспечения освобождаемых лиц, достигших возраста выхода на пенсию;
- оказание консультативной помощи осужденным в подготовке необходимых документов для получения паспорта, а также принятие мер по получению документов, подтверждающих их право на социальное обеспечение;
- систематическое участие представителей общественных организаций, по разрешению наиболее социально значимых вопросов, носящих массовый и резонансный характер, в том числе в трудоустройстве и обустройстве быта освобождаемых из ИУ в реальной действительности.

В свою очередь, определен комплексный процесс освобождения из ИУ лиц, отбывших наказание, поэтапно регламентированный на основании положений Инструкции ФСИН №2 «Об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы», утвержденной Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 13 января 2006 года. Так, разработчиками вполне логично и достаточно обоснованно предусматривается их обеспечение по следующим направлениям:

- гарантированно без каких-либо ограничений бесплатным в любую часть Российской Федерации проездом на общественных видах транспорта к избранному постоянному месту жительства, приобретение согласно санитарно-гигиеническим нормам объемом и ассортиментом продуктов питания или выдача необходимых денежных средств на время проезда, или единовременного денежного пособия;

- при фактическом отсутствии непосредственно у освобождаемого лица какой-либо сезонной одежды, обуви, санитарно-гигиенических средств и (или) денег на их покупку в реальной действительности, обеспечение целенаправленно осуществляется из государственного бюджета;

- приобретение продуктов питания, сезонной одежды, обуви, санитарно-гигиенических средств освобождаемых, выдача им единовременного денежного пособия, или денежных средств необходимых для проезда осуществляются администрациями исправительных учреждений, которые исполняют данный вид наказания.

Аналогичные правовые нормы фактически были непосредственно закреплены отечественным законодателем и в ст. 181 УИК РФ, а также их исполнение вполне логично и достаточно обоснованно регламентировано в положениях двух актов федерального органа исполнительной власти: во-первых, Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда к месту жительства осужденных, освобождаемых от отбывания наказания» от 24 октября 1997 г. № 1358; во-вторых, Постановления Правительства Российской Федерации «О размере единовременного денежного пособия, которое должно быть выдано осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы» от 25 декабря 2006 г. № 800.

Констатируем фактическую декларативность целого ряда уголовно-исполнительных норм в отечественной системе отраслевых правовых актов, непосредственно регламентирующих оказание содействия в реальном разнообразном обустройстве освобождаемым из

мест лишения свободы, тем самым затрудняя эффективную реализацию уголовной ответственности. Так, по нашему представлению, на основании положений статьи 182 УИК РФ отечественный законодатель только лишь провозглашает право данной категории граждан Российской Федерации на социальные гарантии и их полное материально-финансовое обеспечение, исходя из положений российского законодательства и иных нормативных правовых актов. Однако при этом им законодательно не предусматривается сколько-нибудь определенных преимуществ или конкретных преференций, столь бесспорно необходимых для отбывших наказание лиц для реализации именно этой чисто декларативной уголовно-исполнительной нормы, прежде всего, при устройстве на работу или получении жилья. По нашему мнению, фактическое решение данной актуальной проблемы непосредственно предполагает комплексный подход к правовому регулированию именно этой сферы, как на федеральном уровне путем внесения соответствующих изменений и дополнений отраслевого законодательства, так и корреляции нормативной базы субъектов Российской Федерации и их муниципальных образований. По нашему представлению, в реальной действительности Российской Федерации наиболее перспективными и унифицированными предупредительно-профилактическими формами высокоэффективного воздействия, направленными на данную категорию лиц, в целом могут выступать:

- создание постоянно действующих комиссий по социально-правовой помощи гражданам, нуждающимся в социальной адаптации;
- систематическое ведение учета разных категорий граждан, освобожденных от отбывания какого-либо вида наказания и (или) применения «иных мер уголовно-правового характера», нуждающихся в социальной адаптации;
- разнообразное стимулирование деятельности организаций, предприятий, учреждений разных организационно-правовых форм собственности, предоставляющих рабочие места гражданам, нуждающимся в социальной адаптации, создающих и содержащих ночлежные дома, иные специализированные объекты;
- регулярное проведение государственного мониторинга условий трудового и бытового устройства гражданам, нуждающимся в социальной адаптации, обратившимся за этим видом социальной помощи;
- комплексное проведение воспитательной работы с разными категориями граждан освобожденных от отбывания какого-либо вида наказания и (или) применения «иных мер уголовно-правового характера», нуждающимися в социальной адаптации.

Фактическая реализация данных предупредительно-профилактических форм воздействия должна осуществляться посредством проведения следующих мероприятий в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы: 1) систематическое содействие в положительном решении вопросов трудовой занятости, социально-психологической реабилитации и адаптации к новым условиям жизни; 2) постоянное ведение целенаправленного правового воспитания для корректировки и изменения устойчивой антиобщественной позиции граждан освобожденных от отбывания мер государственного принуждения на нейтральную позицию для окружающих сограждан или социально полезную для большинства общества.

Поскольку фактически порядок оказания помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы, регламентируется в Российской Федерации только лишь декларативно, то, безусловно, именно они относятся к категории граждан, особо нуждающихся в постоянной социальной защите, так как они реально не способны на равных условиях конкурировать на рынке труда, систематически испытывая трудности в поиске работы. По нашему мнению, в организациях, учреждениях, на предприятиях должны систематически резервироваться рабочие места по отдельной целевой квоте для трудоустройства лиц, освобожденных из мест лишения свободы, число которых необходимо определять специально уполномоченным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области труда и занятости населения и его органами местного самоуправления. В свою очередь, по нашему представлению, фактическое исключение из этого правила непосредственно составляют те организации, учреждения, предприятия, где рабочие места для указанных категорий граждан реально не могут резервироваться, согласно имеющемуся правовому статусу и занимаемому положению в государстве и обществе, а именно: 1) государственные органы Российской Федерации разного уровня и местные органы самоуправления субъектов; 2) правоохранительные и контролирующие органы; 3) общественные объединения инвалидов; 4) юридические лица, в отношении которых в установленном законодательством порядке принято решение об их ликвидации.

Предлагаемые меры социальной адаптации и превенции возможного продолжения преступной деятельности в дальнейшем лицами, освобожденными из мест лишения свободы, позволит комплексно эффективно реализовывать уголовную ответственность поэтапно:

- существенным образом снизить долю лиц, ранее уже осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу;

- регулярно увеличить долю трудоустроенных лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в общем количестве лиц, обратившихся в центры занятости населения за социальной помощью;

- многократно увеличить долю лиц, освободившихся из мест лишения свободы, получивших социальную помощь, в общем количестве лиц обратившихся за ее получением;

- окончательно сформировать общедоиндеральную постоянно действующую и максимально действенную систему социализации освобожденных, которая основана на межведомственной координации и взаимодействии государственных органов разного уровня, местного самоуправления, общественных организаций и религиозных конфессий;

- привлечь на регулярной основе государственные институты, общественные организации и религиозные конфессии к решению актуальных проблем борьбы с преступностью, в том числе ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, предупреждению совершения ими и иными лицами новых преступлений.

Негативное влияние лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, оказывает непосредственно на состояние законности и общественной безопасности в стране. В свою очередь, реальное же отсутствие надежных, закрепленных в отраслевом законодательстве социальных гарантий для лиц с криминальным прошлым, имеющих трудности в бытовом и трудовом устройстве, усложняют процесс их последующей ресоциализации, приводя к повторным правонарушениям со стороны данной категории граждан.

Вследствие того, что значительная часть граждан, непосредственно освободившихся из мест лишения свободы, реально не имеет постоянного места жительства, то эти граждане нуждаются в систематической социальной адаптации в специализированных учреждениях, основывающих свою деятельность на специальных методиках и индивидуальном подходе. Основными причинами и условиями массовости бездомности лиц, освободившихся из мест лишения свободы, является целый ряд следующих объективных и субъективных обстоятельств:

- тюремное заключение, когда исходя из положений отечественного отраслевого законодательства, действовавших вплоть до 1995 г., каждый осужденный на срок более шести месяцев подлежал обязательному, т. е. автоматическому выписыванию с места постоянного жительства;

- постоянные мошеннические махинации с недвижимостью данной категории граждан, при отсутствии каких-либо определенных государственных гарантий, закрепленных в нормах отраслевого законодательства;

- систематические семейно-бытовые проблемы и регулярные конфликты, приводящие, как правило, к потере социально полезных связей с родственниками, близкими людьми, коллегами по работе;

- предварительный личный осознанный выбор индивида, фактически в пользу в итоге непосредственно маргинализации, реально включающую в себя алкоголизацию, наркотизацию, «постоянное одалживание и жизнь в долг», устойчивый антиобщественный образ жизни, постоянное совершение правонарушений и в дальнейшем преступлений;

- обязательное увольнение с предприятия, из организации или учреждения, предоставивших работнику ведомственное жилье на время работы, с последующим его изъятием у уволенного лица.

В отношении данной категории граждан, освободившихся из мест лишения свободы, необходимо комплексно непосредственно осуществлять следующие предупредительно-профилактические мероприятия по их реальной социальной адаптации:

- 1) постоянную государственную помощь в установлении оснований назначения пенсий, пособий, определении групп инвалидности;

- 2) официальное направление в дома-интернаты лиц из данной категории граждан, подлежащих, согласно действующему отраслевому законодательству Российской Федерации, обязательному интернированию;

- 3) регулярное оказание помощи в восстановлении социально-полезных контактов с родственниками, близкими людьми, коллегами по прежней работе, возвращение в имеющиеся неполные семьи;

- 4) систематическую подготовку высококвалифицированных специалистов со средним профессиональным образованием, их переподготовку с присвоением более высоких разрядов с гарантированным после освобождения трудоустройством по полученной специальности;

- 5) создание унифицированной общедоказательной постоянно действующей информационно-аналитической системы учета осужденных, освобождающихся от отбывания какого-либо вида наказания, и (или) применения «иных мер уголовно-правового характера» на основании разработки персонифицированных данных социальной карты осужденного.

Предлагаемый комплекс мер по предупреждению рецидива лиц, отбывших наказания, в том числе освободившихся из мест лишения свободы и (или) иные меры уголовно-правового характера, непосредственно должен позитивным образом реально повлиять на улучшение имеющегося состояния законности и общественного правопорядка в Российской Федерации. Оптимизация стратегии уго-

ловно-правовой сферы правовой политики в направлении эффективной реализации уголовной ответственности должна быть последовательно обращена к защите прав и свобод личности в той мере, в какой именно это соответствует принципам справедливости и гуманизма.

Соблюдение индивидуально-субъективного принципа является основополагающим для высокоэффективной реализации уголовной ответственности. Так, уголовная ответственность реализуется непосредственно по отношению к физическому вменяемому лицу, реально признанного судебной инстанцией, совершившим виновно какой-либо состав преступления, предусмотренный Особенной частью УК РФ. Сущность уголовной ответственности состоит в осуждении государством виновного лица, совершившего преступление, в общественной порицании как его самого, так и совершенного им общественно-опасного деяния. Концептуальные построения уголовной ответственности юридических лиц фактически, по мнению автора, противоречат непосредственно ее социальной сущности и механизму реального решения нормативно закрепленных задач именно данной отрасли отечественного законодательства.

Осуществить это отечественному законодателю можно следующим образом: во-первых, составы преступлений не должны формулироваться преимущественно из оценочных признаков, а в ситуациях невозможности приоритетной реализации данного подхода их содержание и критерии необходимо максимально уточнять в уголовно-правовых нормах; во-вторых, выбор вида и размера государственного принуждения должен зависеть от суда только лишь в той мере, в какой разница в характере и объеме налагаемых ограничений прав осужденных не предопределяет полностью дальнейшую судьбу виновного, так как иначе окончательная уголовно-правовая оценка совершенного будет основана не на законе, а на субъективном правосознании судьи; в-третьих, освобождение осужденного от реализации в отношении него ее форм, их видов не должно быть основано на достаточно расплывчатых и крайне неопределенных формулировках отраслевого законодательства, так как априори данные обстоятельства могут определять только лишь унифицированные, единые, максимально четкие, однозначные и понятные для всех сторон основания. Вступление любого субъекта, которое совершило преступное деяние, в определенный круг отраслевых отношений, выход из них, изменение его статуса непосредственно не должно реально определяться только лишь исходя из субъективного усмотрения.

Поскольку виновный может только предотвратить разрастание конфликта, то из всех ликвидируемых видов вреда потенциально выступают материальные и физические его разновидности, а негативные

последствия для общественных отношений и морали остаются неизменными. Вследствие того, что восстановление социальной справедливости некарательными методами не всегда эффективно реализуемо и наиболее оптимально целесообразно, для освобождения от уголовной ответственности фактически необходимо, чтобы в результате всех дальнейших посткриминальных событий непосредственно уменьшилась общественная опасность виновного лица и урегулировалась обстановка, реально сложившаяся после совершения преступником общественно-опасного деяния. Существует необходимость для отечественного законодателя комплексно сбалансировать уголовно-правовые отношения по факту непосредственной реализации форм уголовной ответственности, их видов как реального уменьшения субъективного усмотрения правоприменителей, так и посткриминального поведения осужденного.

Поскольку нормы об освобождении от реализации уголовной ответственности, исходя из тех или иных оснований (ст. 75—78); смягчении назначенного судом наказания (ст. 61); добровольном отказе от преступления (ст. 31) объединяет признак потенциальной или реальной возможности реализации в действительности данных форм, представленных этими уголовно-правовыми категориями, то это фактически предполагает наличие следующих обстоятельств: 1) взаимных уступок всех сторон социального конфликта; 2) непосредственно со стороны государства частичного или полного отказа от использования своей принудительной силы при его положительном для сторон конфликта разрешении.

Поскольку позитивное посткриминальное поведение субъекта деяния существенным образом изменяет все последующее развитие охранительного правоотношения, сама возможность освобождения виновного лица от уголовной ответственности является одним из наиболее благоприятных для цивилизованного общества и правового государства уголовно-правовых последствий. В основе именно этой нереализованности находится определенная совокупность юридических фактов, их роль и значение разнообразны по своей природе. Так, в Особенной части УК РФ, в примечаниях к отдельным статьям законодателем сформулированы специальные разновидности данного освобождения «в связи с деятельным раскаянием».

Наиболее естественной и самой распространенной формой реализации уголовной ответственности является именно осуждение виновного лица с назначением и реальным исполнением вида наказания и (или) применением «иных мер уголовно-правового характера» соответствующим образом. Лицу, фактически совершившему преступление, непосредственно выносятся обвинительный приговор, в котором

данному общественно-опасному деянию официально государством в лице его должностных лиц окончательно негативно оценивается совершенное деяние, а подсудимый, признается преступником, приговариваясь к реальному виду наказания (или) иной мере уголовно-правового характера как наиболее репрессивным мерам уголовно-правового воздействия. В свою очередь, отбытие назначенного судом наказания повлечет также и другую форму реализации уголовной ответственности — «судимость», а ее погашение или снятие аннулируют все негативные обстоятельства, связанные с ней.

Анализ официальной судебной статистики дает основание констатировать доминирование в Российской Федерации по-прежнему наказания, непосредственно в двух его разновидностях: с реальным исполнением или с отсрочкой его исполнения. Вследствие того, что освобождение от уголовного наказания по различным основаниям применяется судами традиционно крайне редко, то они, как правило, предпочитают наряду с доминирующим реальным назначением предоставить виновному, совершившему общественно-опасное деяние, именно испытательный срок, по истечении которого вновь вернуться к окончательному решению вопроса о необходимости применения в отношении этого лица. Поскольку суды априори фактически субъективно непосредственно страхуются от предполагаемых последующих неприятностей иных судебных инстанций и обвинения, поэтому на представительном фоне всех имеющихся видов наказания систематически предпочтение отдается лишению свободы, вариативно назначаемому реально, или условно. Несмотря на то, что УК РФ предусматривает целый ряд оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, на сегодняшний день именно данные уголовно-правовые институты используются правоохранителями и судами недостаточно оптимально и крайне редко. На практике судами Российской Федерации фактически не учитывается непосредственно сколько-нибудь значимая возможность действительного исправления виновного лица, до реального отбытия им наказания, в том числе и в виде лишения свободы. Исходя из сложившейся неоптимистичной ситуации, констатируем, что при комплексной оценке имевшегося преступления судьями должны учитываться не только фактические обстоятельства рассматриваемого уголовного дела, непосредственно влияющие на назначение наказания, но также и в реальной действительности наличие того и (или) иного обстоятельства, определенным образом характеризующие личность конкретного обвиняемого лица.

Необходим анализ отраслевого законодательства для согласования положений УК РФ интересам общества и эффективности уголовной ответственности в реализации ее форм и их видов. Эффектив-

ность реализации уголовной ответственности, базируется на ряде условий, относящихся к Уголовному кодексу Российской Федерации и сферой реальной действительности, которые находятся в зависимости от социального, экономического, политического и правового аспектов управляемости государством.

Н.В. ПОЛОВИНКИНА

**Российская экономическая мысль о природе
экономического порядка**

Аннотация. Показана эволюция теоретических подходов к исследованию принципов и механизмов формирования экономического порядка — от концепции естественного порядка до современных моделей межвременного равновесия. Выделены основные направления российской экономической мысли в исследовании проблемы координации экономической деятельности. Показаны соответствующие данным подходам различия в трактовке природы экономического порядка.

Ключевые слова: естественный порядок, рыночное равновесие, индустриальный порядок, координация экономической деятельности.

Abstract. The evolution of theoretical concepts to investigation of the principles and mechanisms of formation of the economic order, — from the concept of the natural order up to the modern models of the intertemporal equilibrium, is traced. The main directions of the Russian economic thought on the investigation of the problem of coordination of the economic activities are considered. The differences in the treatment of the nature of economic order, corresponding to these approaches are analyzed.

Keywords: natural order, market equilibrium, industrial order, coordination of the economic activities.

Исторически первой идеей гармонии экономических отношений была идея «естественного» порядка. В классической школе политэкономии порядок в экономической системе ассоциировался с наличием естественных условий хозяйствования — естественной цены, естественных норм заработной платы, прибыли и земельной ренты. Под естественными понимались такие условия хозяйствования, к которым самопроизвольно стремится экономическая система. Так,

естественная цена, по определению Смита, представляет собой «центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров» [1, 112]. Если количество товара, поставленного на рынок, окажется ниже существующего спроса на него, та или иная часть его цены поднимется выше своей естественной нормы. Это побудит остальных владельцев данных ресурсов затратить больше труда, капитала или земли на производство и доставку данного товара на рынок. Как только количество товара окажется соответствующим спросу на него, все составные элементы цены упадут до своей естественной нормы. Естественные, по Смигу, это «обычные, или средние» нормы доходности [1, 109].

Тенденция выравнивания прибыли на равновеликие капиталы, размещенные в различных отраслях хозяйства, в марксистской политэкономии рассматривается в качестве существенной черты капиталистического способа производства. В разных отраслях промышленности не существует и не может существовать различий между средними нормами прибыли, отмечал К. Маркс, «без разрушения всей системы капиталистического производства» [2, 167].

Неоклассическая школа при объяснении процессов формирования экономического порядка обращается к идее рыночного равновесия. Идейным основанием концепции равновесия является учение о гармонии экономических интересов, порождаемой обменом. В книге «Экономические гармонии» Ф. Бастиа утверждает: «*Выгода одного есть выгода другого* (курсив Ф.Б.)... свободные сделки гармоничны» [3, 116].

Первоначально анализ равновесия опирался на признание «систематических тенденций», упорядочивающих взаимоотношения экономических агентов в рыночной экономике. Главная исследовательская задача состояла в том, чтобы теоретически обосновать механизм формирования единой нормы прибыли на капитал, вложенный в различные отрасли производства. Единообразие нормы прибыли на рынке капитальных благ Л. Вальрас называет «условием, которое управляет миром экономических интересов» [4, 288]. Однако по мере роста статуса математической школы в экономической теории формальное моделирование равновесных состояний фактически стало вытеснять мышление на языке экономических закономерностей. В концепции межвременного равновесия снимается условие выравнивания нормы прибыли на капитал в различных отраслях хозяйства. Это фундаментальное изменение, по сути, означает, что тенденции к равновесию в том смысле, какой придавался ей в ранних равновесных моделях, т. е. обусловленной влиянием систематически действующих в экономике «активных сил», неких общих причин, восстанавливающих экономи-

ческий порядок, не существует. В результате концепция равновесия лишилась прежнего содержания как состояния, к которому действительно стремится экономическая система. Координация экономической деятельности, причем оптимальная с точки зрения общего благосостояния, *вменяется* рынку, но до сих пор не описаны ее механизмы. Вопрос о том, каким образом рынки приходят к равновесию, остается открытым.

В российской экономической науке разрабатываются три основных подхода к исследованию принципов и механизмов формирования экономического порядка. Первый подход придерживается логики неоклассического анализа и рассматривает рыночный механизм как саморегулирующийся, обеспечивающий трансформацию частных интересов субъектов хозяйства на общее благо. Формирование экономического порядка связывается с созданием условий для функционирования рыночного механизма. К основным условиям обычно относят стабилизацию финансовой сферы, контроль объема денежной массы и преодоление инфляционных процессов, стабильность государственного бюджета. Для определения условий сбалансированного состояния широко используется математическое моделирование экономических процессов. Так, исследуя устойчивость государственных финансов, С. Власов отмечает, что «устойчивое состояние может быть представлено в виде стандартного уравнения межвременного бюджетного ограничения» [5, 102].

Второй подход подчеркивает значение институциональной среды. Институционализация экономики рассматривается необходимым условием экономического роста, совершенствования отраслевой структуры хозяйства, рационального размещения производительных сил, обеспечения единства экономического пространства, равных условий конкуренции. Созданию институциональных условий конкурентного порядка в современных институциональных исследованиях придается, как правило, наиболее важное значение.

По причине многообразия социальных институтов, являющихся предметом исследования, общей институциональной теории координации не существует. Разнообразие подходов определяется, прежде всего, неоднозначностью трактовки базового понятия института. Ряд авторов (О. Иншаков, Д. Фролов и др.) предлагает разграничивать институты и институции. «Институции — это *социальные формы функций субъектов, объектов, процессов и результатов экономической деятельности*, обеспечивающие эволюцию системы общественного разделения труда на основе статусов, норм, правил, инструкций, регламентов, контрактов, стандартов и порядков» [6, 71]. Институции отражают принятый в обществе образ действия, обычай, закрепив-

шийся в качестве постоянно воспроизводимой функции субъектов хозяйствования. Природа институций функциональная, в то время как институтов — организационная, социально-структурная. Институты закрепляют эффективные институции в рамках общественной системы. В научном обороте предлагается использовать понятие института для обозначения организаций определенного функционального вида.

На основе математического моделирования эволюции социальных институтов В.М. Полтеровичем разработана теория институциональных «ловушек», позволяющая оценивать результаты хозяйственных нововведений [7]. Формализация институционального подхода к анализу экономической деятельности позволила Г.Б. Клейнеру создать многоуровневую модель развития предприятия [8].

Третий, воспроизводственный, подход основополагающее значение придает технико-технологическим факторам экономического развития. Исследуются современные формы хозяйственной деятельности, наиболее приспособленные к разработке и внедрению новой техники и технологий, формы хозяйственных связей, способствующие созданию и распространению новых технологических укладов [9]. Индустриальный порядок в значительном числе работ связывается с развитием вертикальной интеграции. Подчеркивается способность вертикально-интегрированных формирований к эффективной аллокации производственных ресурсов и обеспечению согласованного и пропорционального развития различных видов деятельности, образующих его структуру. Возможность беспрепятственного перелива капитала внутри вертикально-интегрированного объединения, исключение монополистических надбавок к ценам на реализуемую во внутрихозяйственном обороте продукцию, централизация значительных объемов материальных, трудовых и финансовых ресурсов создает условия для трансформации сбережений, накопленных от продажи товаров российского экспорта, в развитие наукоемких отраслей и разработку новых технологий. Обосновываются преимущества вертикальной интеграции в стимулировании прикладных научных исследований и внедрении их результатов в производственный процесс, устранении излишних посреднических звеньев и снижении цен на основе принципа нулевой экономической прибыли промежуточного производства, названного С. Губановым «законом вертикальной интеграции» [10, 24].

Представленные в российской экономической науке подходы к проблеме формирования экономического порядка различаются, прежде всего, в оценке возможностей рыночного механизма координировать действия отдельных экономически обособленных хозяйственных субъектов на общее благо. Если сторонники первого подхода разде-

ляют веру в способность рыночного механизма к автоматической трансформации частных интересов в общественные и отстаивают идею ограничения государственного регулирования экономики, то представители воспроизводственного подхода, напротив, подчеркивают несостоятельность рыночного механизма в обеспечении форсированной модернизации национального хозяйства, в связи с чем обосновывают необходимость активной промышленной политики государства, направленной на формирование рациональной воспроизводственной структуры, отвечающей потребностям развития высокотехнологичной экономики.

Различия обусловлены, на наш взгляд, расхождениями в понимании природы экономического порядка. Первый подход ориентируется на достижение баланса финансовых и товарных потоков в национальной экономике. Акцент на сбалансированности характерен статичному взгляду на природу экономического порядка, под которым понимается *скоординированное состояние* экономической системы. В отличие от неоклассической концепции институциональный и воспроизводственный подходы ориентированы на обеспечение условий *скоординированного развития*. В их основание положен взгляд на природу координации экономической деятельности как на динамический процесс, допускающий определенную несбалансированность в соотношении различных элементов экономической системы, которая, однако, не оказывает существенного влияния на ее функционирование.

Литература

1. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
2. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Ч. I. М., 1975.
3. *Бастиа Ф.* Экономические гармонии. Избранное. М., 2007.
4. *Милгейт М.* Равновесие: развитие концепции // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2004.
5. *Власов С.* Исследование устойчивости государственных финансов России // Вопросы экономики. 2011. № 7.
6. *Инишаков О., Фролов Д.* Эволюционная перспектива экономического институционализма // Вопросы экономики. 2010. № 9.
7. *Полтерович В.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
8. *Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. 2002. № 10.

9. Глазьев С. Мировые структурные сдвиги и перспективы России // Альманах «Форум — 2009»: Цивилизационные и национальные проблемы. М., 2009.

10. Губанов С. Неиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9.

Т.В. РЕЗАНОВА

Начала логического позитивизма как философии и методологии экономической теории

Аннотация. В статье рассматриваются философское учение стоиков, начала их диалектического и физического мышления и логика, представленные Диогеном Лаэртием как метод, далекий от строгой системы и строгого историзма. Новая наука раннего капиталистического общества Николая Кузанского и его дискурсивный разум, мышление, логические рассуждения, ум и интеллект, творящий познавательные субстанции, являются продолжением эйдетического (античного) разума и логики европейской культуры. Сноски к тексту соединяют логическое мышление, искусство умозаключения, индукцию и дедукцию древних и средневековых ученых европейцев с аддукцией, трансдукцией и предпосылками, которые используют в современной методологии экономической науки.

Ключевые слова: индукция, дедукция, аддукция, трансдукция, диалектика древнегреческих философов, метафизика Аристотеля, диалектика Гегеля, предпосылки в экономической теории, методология, дихотомизация и спецификация наук.

Abstract. The article deals with the philosophical doctrine of the Stoics, the beginning of their dialectical and physical thinking and logic presented by Diogenes Laertius as a method, very far from the strict system and strict historicism. In addition, the new science of early capitalist society of Nicholas of Cusa and his discursive reason, thinking, logical reasoning, mind and intellect, who does cognitive substance, are a continuation of eidetic (ancient) reason and logic of European culture. Footnotes to the text connect logical thinking, the art of reasoning, induction and deduction of ancient and medieval scholars Europeans with adduction, transduction and assumptions that are used in modern methodology of economic science.

Keywords: induction, deduction, adduction, transduction, dialectics of ancient Greek philosophers, Aristotle's metaphysics, Hegel's dialectic, background in economic theory, the methodology, dichotomization and specification of Sciences.

Европейский разум есть диалог (общение) разума эйдетического (Античность), причащающего (Средние века), познающего (Новое время) и возникающего в XX в. особого строя разумения. Это явление можно адекватно определить как сдвиг, трансформацию (трансдукцию)¹³ логики мышления в форму разума культуры, логики культуры, или как актуализацию бесконечно-возможного бытия как культуры в собственном смысле слова. Из этого следует, что трансформацию (трансдукцию) логики экономического мышления и формы разума экономической культуры, а также логики начала понимания различных логик в точке их возникновения, взаимопревращения и взаимобоснования, можно разуметь как органическое совпадение во всеобщем труде производства продукта и производства собственной всеобщей творческой силы субъекта. Но было еще невозможным логически представить всю органику этого совпадения и противопоставления в условиях совместного труда. Ведь само противопоставление еще не получило развитых форм всеобщего труда, которые были уже развиты в европейской культуре во второй половине XX в., что и представляет Библиер как основополагающую историческую ситуацию (см.: [2, 155—182]).

Анализ истории греческой философии как эйдетического, европейского разума, который предлагает Диоген Лаэртский, отличается значительной беззаботностью, не боится никаких противоречий и преследует скорее общежизненные и общекультурные моменты философского развития, чем моменты чисто философские. Несмотря на это замечание, книга Диогена Лаэртского является замечательным памятником античной культуры, где все-таки изложена философия древних¹⁴.

¹³ В современной методологии экономической теории используется термин «аддукция». Аддукция есть нелогическая операция перехода от царящего в реальном мире хаоса к интуитивной догадке или пробной гипотезе о фактической взаимосвязи, существующей между набором релевантных переменных. То, каким делается этот переход, относится к контексту открытия. Следующий этап — эти теории проверяют на наблюдениях. Наука основана не на индукции, как считает М. Блауг, она основана на аддукции с последующей дедукцией (подробнее см.: [1, 62—68, 123, 373]).

¹⁴ Речь идет о книге Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» и вступительной статье к ней А.Ф. Лосева «Диоген

Философское учение стоиков в книге Диогена Лаэртция делится на три части: физику, этику и логику. Аполлодор, Хрисипп и Евдром указывают, что философия подобна живому существу, а Клеанф уже перечисляет не три, а целых шесть частей философского учения: диалектика, риторика, этика, политика, физика, богословие. Другие говорят, что это не части учения, а части самой философии и природы живого существа (например, Зенон Тарсийский). Они определяют диалектику как науку об истинном, ложном и ни о том, ни о другом. Осмотрительность как вещь необходимая для диалектики (философского учения стоиков) есть сильное напряжение разума против вероятия, чтобы не поддаваться ему. Неопровержимость есть также сила разума, без изучения диалектики мудрец не может быть непогрешим в рассуждении, так как она дает возможность распознавать истинное и ложное, различать достоверное и двусмысленное, а без этого невозможны последовательные вопросы и ответы. В противном случае торопливость в утверждениях сказывается на всем происходящем, а у кого представления не вышколены, те впадают в беспорядочность и легкомыслие.

Рассуждение (*logos*) — в соответствии с представлениями стоиков — это то, что состоит из большой посылки, малой посылки и вывода, который следует из истинных посылок, ибо из истинного суждения следует истинное умозаключение. Стоики настаивают на том, что только диалектик есть мудрец, так как именно через логическое рассмотрение определяются все предметы, даже если они принадлежат к области физики или этики, не говоря уже о логике. Стоики могут судить о правильности названий предметов, которые поставлены законами над действиями, во-первых, они следят за тем, что есть всякий предмет, и, во-вторых, знают, как этот предмет называется.

Этическую часть своего учения стоики разделяют на вопросы о побуждении, о благе и зле, о страстях, о добродетели, о цели, о первой ценности и поступках, о надлежащем, о пособиях и препятствиях. Диоген прямо говорит, что конечная цель счастливого человека — благоразумный выбор того, что соответствует природе добродетельного человека, а пороки представляют собою незнание своей природы. Всякое благо благоприятно, связующе, прибыльно, удобно, похвально, прекрасно, предпочтительно, справедливо, потому что согласно с законом и способствует людскому сообществу. Знание этого есть чистое благо, есть нечто, приносящее пользу, что само польза, или то, что с нею связано; благо есть естественное совершенство ра-

Лаэртций и его метод», который весьма далек как от строгой системы, так и от строгого историзма [3].

зумного существа в его разумности, соразмерности. Ценность благу придает польза, содействующая жизни, такую пользу приносят свободному человеку богатство и здоровье, а также меновая цена (товара), назначаемая опытным оценщиком. Мудрец свободен, он один не впадает в страсти и обладает возможностью самостоятельного действия, а рабство — его лишение, подчинение, принадлежность господину, которые тоже есть зло и вред (как движение и состояния, соответствующие пороку).

Очевидно, что мир у стоиков един, конечен и шарообразен с виду, потому что такой вид удобнее всего для движения. Природа, как говорит Посидоний в «Рассуждениях о физике», есть искусственный огонь, движущийся по пути порождения дыхания, души как чувствующей природы, в которой зарождаются представления и побуждения и откуда исходит разум; место ее (души) в сердце. Таковы у стоиков физика и ее чувственное представление как философского учения¹⁵.

Как разделяет автор вышеназванной книги Диоген Лаэртский (первая половина III в. н. э.), до Сократа рассуждения были физические, у Сократа доказательства — этические, а Платон (настоящее имя Аристокл, ок. 427—347 гг. до н. э.) завершил философию как диалектический вид рассуждений. Он соединил в своей диалектике учение Гераклита о чувственно воспринимаемом; умопостижению учился у Пифагора, а различение вечных идей, их соотношение друг другу (как например, знание, величина, власть) и все индуктивные и общие положения, чуждые страданию, доказывал, используя этическое (философское) учение Сократа (ок. 469 — 399 гг. до н. э.). Диоген Лаэртский говорит, что Платон, строя доказательства, по большей части пользуется способом индукции. Способ этот не единый, а двойной. Индукция есть рассуждение, выводящее должным образом из некоторых истин новую подобную истину. Индукция имеет два вида: один — по противоположности (*cat'enantiosin*), другой — по следствию (*estetes acolouthias*). Индукция по противоположности — это способ, при котором всякий ответ на вопрос будет противоположным. Индукция по следствию имеет два вида: один разрешает частные вопросы, идя

¹⁵ Гегель в «Лекциях по истории философии» по поводу всего философского учения стоиков, его «критерия истины» отмечает, что сознание сличает лишь представление с представлением, а не с предметом; истина есть согласие предмета с познанием и, следовательно, дело все в объективном логосе, в разумности мира. Во-вторых, мышление не приносит с собой ничего, кроме формы всеобщности и тождества с собой; таким образом, с моим мышлением все может быть согласовано. В-третьих, для всего можно найти основания; вопрос же заключается в том, какие основания должны считаться хорошими, что зависит от целевой установки, от интереса.

от частного, другой — идя от общего через частное. Первый вид — риторический, второй — диалектический (см.: [3, 269—331])

Аристотель, как свидетельствует Диоген Лаэртский, сын Никомаха и Фестиды из Стагиры, самый преданный из учеников Платона, написал очень много книг (всего в его сочинениях 445270 строк). В них он излагал следующие положения и рассуждения. В философии есть две части: практическая (этика и политика) и теоретическая (физика и логика). В своей «Метафизике» Аристотель изложил не только теорию истины, но и теорию вероятия (вероятности). Диоген Лаэртский также подметил, что у Аристотеля созерцательная жизнь предпочтительнее других форм жизни, деятельной и усладительной, вследствие чего метафизика, этика, логика и биология им изложены гораздо более подробно, чем чисто физическое учение. Однако в физике (метафизике) он особенно превзошел всех изысканиями о причинах вещей: даже для самых малых вещей он открывал причины¹⁶.

Используя начала диалектики как философского учения Аристотеля, К. Маркс в «Капитале» (1867) отмечал, что гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение (причину) равенства, равноценности, смысл которых он не смог раскрыть, потому что, рабовладение, очевидно, не представляет собой отношения равенства людей и их рабочих сил. Аристотель, по мнению Маркса, ошибался, но зато рассмотрел двойное употребление каждого блага: первое существует как потребительная стоимость, второе употребление блага предназначено для обмена. Деньги не могут иметь цену. Цена денег — величина иррациональная, доказывает Маркс¹⁷.

Концепция природы как источника самодвижения материи и ее саморазвития Аристотелем была разработана после «Метафизики»,

¹⁶ Логика Аристотеля, если исходить из общих понятий о диалектике, есть запрос, искание, подход к логике Гегеля, который всюду, на каждом шагу ставит вопрос именно о диалектике Аристотеля. Аристотель эмпирик, но мыслящий эмпирик. Гегель говорит в этом смысле о диалектике Аристотеля, где мы находим начало диалектики, т. е. именно чистое движение мышления в понятиях: и вместе с тем противоположность между мыслью и явлением или чувственным бытием, — между тем что есть в себе, и тем, что есть бытие — для другого, этого сущего в себе; и находим в сущности предметов противоречие, которое она имеет в себе самой (диалектику в собственном смысле).

¹⁷ Ссылка Маркса в «Капитале» на: Aristoteles. «De Republica», кн. I, гл. 9 (более подробно см.: [4, 68—70, 92, 95, 163, 175, 338, 419]). В «Капитале» Маркс, как известно, применил к одной науке — историческому материализму — логику, диалектику и теорию познания материализма (как Аристотеля, так и Гегеля).

где он рассуждает о множестве неподвижных первичных сущностей, которые приводят в движение небесные сферы. «Итак, тем, кто думает, что все происходит из единого, приходится называть возникновение и уничтожение качественным изменением, поскольку субстрат всегда остается одним и тем же, и мы в таких случаях говорим, что он меняется в качестве. А те, кто признает большее число первичных родов, различают качественное изменение и возникновение, поскольку возникновение и уничтожение происходит в таком случае от соединения и разъединения этих родов» [5, 328], — рассуждает Аристотель.

В дошедших до нас «Лекциях по физике» материя представлена у Аристотеля как необходимая основа всякого изменения в двух направлениях — телесный субстрат (огонь, воздух), а все остальное порождает из него уплотнением и разряжением, производя таким образом многое. Если Платон, как указывает Аристотель, делает «большое» и «малое» материей, а «единое» — формой, то физики же единый субстрат делают материей, а противоположности — различиями и формой. Другие (Анаксимандр, Анаксагор) предполагают, что из единого выделяются содержащиеся в нем две противоположности, а из их смеси выделяют все остальное. Отличаются же они друг от друга тем, что одни признают чередование этих состояний, вторые же признают однократные возникновения [5, 68].

Что касается философского учения Зенона (Тарсийского?), то им была доказана невозможность движения делением пополам — дихотомического деления. Из логики его определения проясняется, что сущее как таковое разделяется на какие-то другие сущие как таковые. Если допустить, что «все» — единое, то существует и не — сущее, с другим, исходящим из дихотомического деления — путем допущения неделимых величин¹⁸. «Очевидно, — учит Аристотель, — неправильно полагать, что если сущее обозначает единое и противоречащее этому суждение одновременно невозможно, то не будет ничего не —

¹⁸ Это нам напоминает о существовании в современной экономической теории так называемой «классической дихотомии» между реальной теорией, которая определяет относительные цены, и монетарной теорией, которая определяет абсолютный уровень цен. Классическая школа политэкономики, как известно, признает реальную экономическую систему, скрытую за денежными отношениями (см.: [6, 159, 165, 185, 319, 436]). На этом признании основано деление всей экономической теории на микроэкономику и макроэкономику. Но такое разделение должно быть «естественным», а не чисто искусственным, т. е. произвольным. Из «Науки логики» известно, что единство понятия и объективности в деятельности (практике) снимает субъективность, и метод познания становится содержанием объективной практики.

сущего: нет никаких препятствий для существования не абсолютно не — сущего, а в каком-то определенном смысле не — сущего. Утверждать же, что все будет единым, если, кроме самого сущего, не будет ничего другого, нелепо. Кто же будет понимать само сущее иначе как определенное сущее как таковое. А если это так, ничто не препятствует существовать многому, как уже было сказано. Итак, ясно, что сущее не может быть единым, в указанном смысле» [5, 67]¹⁹.

Новую науку раннего капиталистического общества (как разума приращающего) переход от схоластики к гуманизму представлял один из немецких философов Николай Кузанский, ученый и богослов. В «Аналогии ученого незнания» учитель Николай из Кузы определял: логика нам дана от природы, это свойство разума. Действительно, разумное живое существо пользуется умозаключением. Умозаключение исследует и выстраивает цепочку мыслей. Мысль (*discursu*), дискурсивный разум (*rationi discurrenti*), мыслит в границах противоположного и раздельного. В сфере этого разума пределы разобщены. Только в области интеллекта, видящего число свернутым в единстве, в центре, умозрение без рассуждений постигает совпадение единства и множественности как точки и линии центра и окружности. Совпадение противоположностей, как учит Дионисий, разрушает здание науки, и тогда все совпадает с богом. Из этого ясно, что бог — абсолютный максимум, не допускающий выхода за его пределы, так что ему ничто не противопоставляется, ибо он противоположность противоположному: следовательно, из-за отсутствия различия он сам и есть универсум вещей [7, 33—247].

Интеллект философа охотится за своей духовной пищей, но когда заботы чрезмерны, они отчуждают интеллект от созерцания. В этом смысле философы не что иное, как охотники за премудростью, которую каждый по-своему прослеживает в свете прирожденной ему логики. Ум учителя философии хочет создать логическое искусство умозаключения и утверждает возможность становления этого искусства²⁰. У всякого множества начало — единство, у всякого качества —

¹⁹ В этом, третьем, томе сочинений Аристотеля, в примечаниях к трактату «О возникновении и уничтожении», находим термин «роды» (*gene*), который употребляется здесь в качестве синонима термина «элементы» (*stoicheia*). Латинский перевод термина «сущность» (*he oysia*) — субстанция (*substantia*) не может прояснить дело для современного читателя. Сущность Аристотель понимает как реальную вещь, подверженную изменениям под воздействием внешних или внутренних факторов и рассматривает в ее конкретной целостности.

²⁰ Искусство умозаключения, силлогистика, исторически первая сформированная Аристотелем логическая система дедукции, отличная от системы ин-

максимум такого качества, и у всего обладающего таким-то качеством по причастности — самосушее (per se) качество; у всех самосуших качеств — простая самосущность (per se simplex), согласно платоникам; и причина самосущего такого-то качества — бесконечная самосущность; эта самосущность есть причина всех причин и каждой причины в отдельности, а именно, что есть только одно причинное начало. Николай Кузанский называет его возможностью — бытием, в которой достигает своего предела всякая возможность стать.

Ум любит обнаружить и сообщать свет своего умения. Он творит познавательные субстанции. Это первое начало, которое едино. Не истинное и не подобное истине не существует. Все существующее в ином иначе, чем в самом себе; в себе самом оно — как в своем истинном бытии, в ином — как в своем подобном истине бытии. Существуют три познавательных модуса истины: чувственный, интеллектуальный и интеллигентный, следуя Августину, их называют небесами. Как говорил Протагор, человек мера всех вещей; чувством он измеряет ощущаемое, интеллектом — умопостигаемое, а то, что выше умопостигаемого, постигает в выступлении за пределы (excessu) и делает это человек, исходя из своей ощущающей способности. Телесная субстанция в качестве субстанции неделима, троична и самосушна и делится только через свои акциденции (форма, материя и связь). И поскольку всякое разрушение, изменчивость и делимость — от материи, то причины и виды возникновения и уничтожения погружены в материю, и можно через символы исследовать материализованные формы и познавать их субстанцию (substantia).

Как говорит Дионисий, благодать, к которой мы все стремимся, не отличается от прекрасного, как от всего существующего. «Благо» соответствует «принципу», так как благо предшествует не-благу, а неинное предшествует иному и тем самым также подходит в качестве имени для принципа; есть иное — и на том основании, что оно определяет и себя, и благо. Бог дает субстанцию, человек акциденцию, или подобие субстанции, движение прибавляется к субстанциональной форме и уже движется по своей сущности, а не по причастности. Это и есть разумная (intellectiva) душа, что сотворена вместе с телом, не может быть и отделена от него — потому и субстанция.

дукции, сформированной Платоном. В современной методологии позитивной экономической теории используется утверждение, что реализм предпосылок логически эквивалентен реализму выводов, если теория строго выведена из некоторых аксиом. Однако весьма немногие экономические концепции отличаются подобной логической последовательностью. Как правило, экономические гипотезы не связаны со своими предпосылками ясной однозначной дедуктивной связью (см.: [8, 647—661]).

Соответственно, разумная душа — сила, свертывающая в себе всякую понятийную свернутость. И поскольку все эти свернутости соединены в ней, она как свернутость свернутостей все различает при своем развертывании, измеряя и время, и движение, и поле, и все количество. Потом она изобретает арифметику, геометрию, музыку и астрономию и обнаруживает, что они свернуты в ее собственной силе, ведь изобретает и развертывает их человек.

Сверх того, подражая природе, человек использует энергию и силу речи, грамматику дополняет риторикой, поэзией, музыкой, логикой и другими искусствами, в которых он подражает природе более открыто. Человек проявляет свое могу, которое не знает предела по сию сторону абсолютной возможности, но максимальное могу он направляет к желаемому пределу. Постигание бытия происходит через идею. Идея (*species*) есть спецификация рода через видовое различие, спецификация есть связь различия с родом. Идея дает вещи все ее бытие. Идея вовсе не изменяется под воздействием субстрата, но в себе самой имеет свои сущностные начала, через которые определяется как субстанция, которую видим в гармонии, или числовых выражениях. Никакое интеллектуальное понятие не может возникнуть помимо величины, отвлеченной от чувственно дискретного количества.

Для научных упражнений не бесполезен порядок (*ordo*). Он помогает нам так исправить отклонения и природную кривизну, чтобы после многих перемен, шатких кружений и исправлений мы смогли все-таки успокоиться в царстве жизни. Нельзя познать неизвестное. Надо уловить что-то достовернейшее, в чем никто из охотников за мудростью не сомневается и что всем заранее служит предпосылкой²¹. Ведь человеческие слова не точные, не ангельские, не божественные и употребляют их потому, что иначе искатель премудрости не может выразить свою мысль, изображая причину всех имен и названий [7, кн. 1, 126, 140, 141, 277, 278, 348—350, 385, 427; кн. 2, 210, 307, 172, 396—400].

²¹ Слово «предпосылки» в экономической теории может означать: (1) утверждения и мотивации, такие как максимизация полезности и прибыли; (2) утверждения о наблюдаемом поведении экономических агентов; (3) утверждения о существовании и устойчивости определенных функциональных зависимостей; (4) ограничения набора принимаемых в расчет переменных и (5) граничные условия, при которых предполагается, что теория применима. Спецификация вышеперечисленных обстоятельств, в которых экономическая теория справедлива, затрагивает важный методологический вопрос о роли предпосылок в теоретизировании: она помимо прочего, состоит и в указании возможной области применения теории и спецификации наук (см.: [1, 163—166, 160—172, 311—312]).

Литература

1. *Блауг М.* Методология экономической науки. М., 2004.
2. *Библер В.С.* От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.
3. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
4. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М., 1978.
5. *Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1981.
6. *Негшин Т.* История экономической теории. М., 1995.
7. *Кузанский Н.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1980.
8. *Блауг М.* Методологический постскрипtum // Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.

А.В. САВКА

К проблеме исторической магистрали России в творчестве В.В. Розанова

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые философско-исторические взгляды Розанова, связанные с изучением великих религий Древнего мира, социокультурных и цивилизационных процессов Востока и Запада. Важное место в статье отводится смене исторических эпох, признакам цивилизационного кризиса в России. Показывается, что Розанов искал ответ в определении сущности цивилизационной роли России в новых реалиях.

Ключевые слова: цивилизация, смена эпох, революция, задачи истории.

Abstract. This article highlights some of the philosophical and historical views of Rozanov, related to the study of the great religions of the ancient world, socio-cultural and civilization processes of East and West. An important place in the article devoted to the change of eras, signs of civilization crisis in Russia. It is shown that Rozanov was looking for the answer in the determination of the essence of the civilizational role of Russia in the new reality, its social ideal.

Keywords: civilization, changing eras, the revolution, the problem of history.

Философско-исторические взгляды В.В. Розанова тесно связаны с изучением Библии, великих религий Древнего мира, а также социокультурных цивилизационных процессов Востока. Анализируя и

размышляя над судьбами израильского народа, который так долго был избранным и в конце был отвергнут, Розанов приходит к выводу, что «здесь было наказание не за частные грехи отдельных людей, но за грех общий всему Израилю — за грех его перед другими народами, о которых он забыл, которых он не хотел приобщить к своему избранию. В Библии народ Божий нередко сравнивается с виноградной лозой: эта лоза все более и более засыхала в своем отчуждении и эгоизме. Напрасно восставали среди евреев пророки, напрасно величайший из них, Исаия, с неизъяснимой силой говорил, что все народы земные должны собраться к Сиону. Их преследовали и убивали. Израиль не хотел заботиться о приведении народов к Сиону; как и для Ездры, эти народы — бесчисленные миллионы человеческих душ — были для него лишь ненужными каплями, каплющими из сосуда, и что они бесплодно терялись и засыхали в земле — об этом нечего было заботиться. Эта безжалостность к Божию творению, это невнимание к человеческой душе и было наказано, когда “исполнились времена и сроки”, — отвержением еврейского народа. Новое и высшее Откровение, которое дано было людям, совершилось через Израиля, но уже не для него. Как будто все силы засыхающей лозы, оставляя омертвелыми другие части ее, собрались в одном месте и произвели последнее и чудное явление израильской истории и жизни — Св. Деву Марию. Через нее совершилось вочеловечение сына Божия; Он не был признан Израилем, но Откровение, им принесенное на землю, было принято другими народами, и именно арийскими» [1, 21]. В то время как на Западе произносились пустые речи и писались бессильные законы — в Вифлееме и Иерусалиме решались судьбы Востока и Запада, «Там перемещалось всемирно-историческое значение семитических и арийских народов, упразднялся Рим и заложена была новая история и новая цивилизация — та, в которой живем, думаем и стремимся мы» [1, 22].

В философии истории Розанова большое значение имеют народы Востока, для него евреи — единственный древний народ, который сохранился до наших дней, не потеряв своего Бога, своего тысячелетнего уклада, своего лица. Но еврейство и Древний Израиль — это не какой-то самостоятельный, замкнутый в себе мир, но увенчание и квинтэссенция всего древнего, языческого мира. Начала цивилизации на самом деле были положены не греками и не евреями. Авраам, первенец от иудеев, пришел в Египет, когда он уже сиял всеми огнями. Авраам лепетал, когда Египет говорил полным голосом взрослого мужчины. Все народы — дети перед египтянами, а следовательно, и вся история — египетское дитя [2, 7]. В других же случаях самым религиозным и святым народом Древнего Мира и, конечно, современ-

ности Розанов называет Израиль, а не Египет, но эти различия для него не принципиальны. Ибо для Розанова все религии Древнего мира в основе своей едины. Это единый теизм с почитанием Бога-Отца и Богини-Матери во главе угла, с почитанием рода и пола.

В развитии исторической магистрали России Розанов четко выделяет две России — одна — «Святая Русь», «матушка-Русь», в которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределенными течениями, конец которых непредвиден, начало безвестно: Россия существностей, живой крови, непочатой веры, где каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия, в него вложенного, силой культуры. Для Розанова культура — это историческая целостность, исторический организм, который налагает на индивида определенные черты характера. Ссылаясь на работу В.О. Ключевского «Добрые люди Древней Руси», он выделяет основные черты древне-русского общества, сформировавшиеся под влиянием церкви. Это исполнение заповеди любви к ближнему, а ее первым требованием признавали личную милостыню.

Человеколюбие на деле значило нищелюбие. Благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья, она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему. Целительная сила милостыни проявлялась не в том, чтобы утереть слезы страждущему, уделяя ему часть своего имущества, а в том, чтобы, смотря на его слезы и страдания, самому пострадать с ним, пережить то чувство, которое называется человеколюбием. Древнерусский благотворитель, «христоробец», менее помышлял о том, чтобы добрым делом поднять уровень общественного благосостояния, чем о том, чтобы возвысить уровень собственного духовного совершенствования. Когда встречались две древнерусские руки, одна с просьбой Христа ради, другая с подаянием во имя Христово, трудно было сказать, которая из них больше подавала милостыни другой: нужда одной и помощь другой сливались во взаимодействии братской любви обеих. Вот почему Древняя Русь понимала и ценила только личную, непосредственную благотворительность, милостыню, подаваемую из руки в руку, притом, тайком, не только от стороннего глаза, но и от собственной «шуйцы». Нищий был для благотворителя лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель. «В рай входят святой милостыней», — говорили в старину, — «Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается». Благотворителю нужно было воочию видеть людскую нужду, которую он облегал, чтобы получить душевную пользу; нуждающийся должен был видеть своего милостивца, чтобы знать, за кого молиться. «В силу

того же взгляда на значение благотворительного дела нищенство считалось в Древней Руси не экономическим бременем для народа, не язвой общественного порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа, состоящим при церкви практическим институтом общественного благонравия. Как в клинике необходим больной, чтобы научиться лечить болезни, так в древнерусском обществе необходим был сирий и убогий, чтобы воспитать умение и навык любить человека. Милостыня была дополнительным актом церковного богослужения, практическим требованием правила, что вера без дел мертва» [1, 62—63].

Между древнерусским баринном и его холопом лежала глубокая юридическая и нравственная пропасть, последний был для первого по закону не лицом, а простой вещью. Следуя исконному туземному обычаю, а может быть, и греко-римскому праву, не вменявшему в преступление смерти раба от побоев господина, русское законодательство еще в XIV в. провозгласило, что, если господин огрешится, неудачным ударом убьет своего холопа или холопку, за это его не подвергать суду и ответственности. Церковь долго и напрасно вопияла против такого отношения к крепостным людям. Десятками наполня дворы зажиточных землевладельцев, челядь составляла толпу домашних нищих, более жалких сравнительно с вольными публичными нищими. Древнерусская церковная проповедь так и указывала на них господам как на ближайший предмет их сострадания, призывая их позаботиться о своих челядинцах, прежде чем протягивать руку с благотворительной копейкой нищему, стоящему на церковной паперти. Древнерусские цари накануне больших праздников рано по утрам делали тайные выходы в тюрьмы и богадельни, где из собственных рук раздавали милостыню арестантам и призреваемым, а также посещали отдельно живших убогих людей. И Розанов делает важнейший вывод, что Древняя Русь была «богомольна и милостива», но недоставало формулы, сжатых и точных образов, которые собрали бы и утвердили эти смутные представления.

Смена исторических эпох связана со сменой ценностей, с изменением задач истории и Розанов отдает себе отчет в том, что это сложный, противоречивый процесс. Другая Россия — Россия видимостей, громада внешних форм с правильными очертаниями, ласкающими глаз; с событиями, определенно начавшимися, определенно оканчивающимися, — «Империя», историю которой «изображал» Карамзин, «разрабатывал» Соловьев, законы которой кондиционировал Сперанский. Важным этапом истории России — это реформы Петра, но Розанов считает, что из всего созданного Петром Великим деятельной и народной вышла только армия: «в нее им вдохнутый дух не

умер в двух веках». На главный мотив — мотив самосохранения — эта реформа и ответила твердым «да». Все остальное уже не творилось с тем же сознанием нужды, с той же живостью, надеждами, страхом, поэзией личных усилий и ожиданий народных, не ковалось в трудах и несчастьях Великой северной войны. И все остальное — большей частью плод подражательности — вяло, не имеет цены, не имеет завитого в себе живого акта, остальное — не главное в его деле, и оно подвергалось, тотчас по его смерти, бесчисленным переделкам, в которых народ не принимал никакого участия.

Сперанский — другой реформатор, его Розанов называет «довершителем», который, как и Петр, трудились над организацией внешних форм бытия. Во времена Сперанского Россия обставилась департаментами и канцеляриями — не как необходимой записной книжкой, куда живой деятель вносит свои предположения, решения, расчеты, но именно как самим деятелем, решителем, творцом. «С тех пор фабрики не успевают готовить чернила и бумагу; мы улучшаем пером земледелие, пером создаем промыслы, вводим в отечество “расцвет образованности”, на деле не имея ничего этого и всему, что в этой сфере готово бы само начаться, чрезвычайно мешая; мы теоретизируем, планируем — так же легко и, по-видимому, правильно, как 16-летний семинарист, когда он сидит над темой о свойствах бытия Божия. Россия закрылась канцелярскими формами и стала в них непроницаема для истины, неуязвима для суждения, беспомощна в работе, изящна и сокрушена, как Парис, вздумавший однажды надеть доспехи Гектора» [1, 58].

К важнейшим явлениям Петровских реформ принадлежат раскол и его две школы: «буквенники», охранители «древлего» благочестия, восстановители целостной «старины» — школа консервативная, и искатели новой святости, «духоборцы» — школа существенным образом творческая, движущаяся. К первой относятся два обширных толка, «поповщинский» и «беспоповщинский», с Рогожским и Преображенским кладбищами во главе; их центр — в Москве; требования и протесты их выражены в обширной литературе; они почти не таятся в среде народной, в составе государственном. Вторую школу образуют бесчисленные мелкие секты — молоканы, бегуны, хлысты, монтаны и др. Они не имеют столь сосредоточенных центров; численность их гораздо менее значительна, литература менее обильна, и тем отличается от «староверческой», что менее критикует чужое, более утверждает свое; все они таятся, и некоторые, как хлысты, запрещают вовсе излагать письменно учение свое, между прочим по соображению, что закрепленное буквой становится менее живо («буква мертвит»). Все эти секты образовались из беспоповщины, именно потому, что, ли-

шенные «попов», имея только «наставников», они вообще лишены были твердого, определенного, канонического руководства и уже естественно оторвались от Православия в безбрежную даль отрицаний и нового созидания. «Раскол... старообрядчества, считает Розанов, есть не только не менее, но и гораздо более значительное явление, чем поднятая Лютером Реформация», и далее: «насколько народное глубже общественного, созидание выше разрушения, вера прочнее скепсиса, настолько движение нашего раскола глубже, во всяком случае, серьезнее Реформации» [1, 34]. Все в этом движении замечательно, и даже то, что оно началось «с мелочей»: раскол старообрядчества обнимает собой людей, не имеющих никакого сомнения в истинности всей полноты христианства и всего переданного церковью; для них бессмертие души, бытие Божие — не «отвлеченные вопросы», как для множества из нас, для них это вечные решения, в трепете выслушанные с трепетом принятые. Можно сказать, что раскольники — это последние верующие на земле, это — самые непоколебимые, самые полные из верующих.

Основную причину спора между расколом и господствующей церковью Розанов видит в методах умствования. Как и всякая церковь, всякое учение, христианское, православие и раскол имеют равно задачей своей спасение души, угождение Богу. Но в то время как церковь ищет правил спасения, раскол ищет типа спасения. Первая анализирует, размышляет, учит, выводит, умозаключает. Она, таким образом, отделяет частное, личное, отбрасывает подробности, к своему времени относившиеся, и оставляет в составе своего учения и своих требований от христианина одно общее; как средства спасения она предлагает посты, молитвы, канонически правильные книги, притом лучшей редакции, критически проверенные.

Типикон спасения — вот тайна раскола, нерв его жизни, его мучительная жажда, в отличие от *summa regulorum*, к которой руководится наша, да и всякая, впрочем, церковь.

В условиях поляризации общественных сил, когда на одном полюсе объединились «прогрессивность», социально-политический радикализм и антипатриотизм, а на другом — консервативность, славянофильство и державность — Розанов являет нам новый тип мыслителя с тревожным характером, порою мятущимся, бросающийся решать какие-то крайние и последние вопросы бытия. Это во многом связано с духовным климатом эпохи, с усилением сознания кризиса всей мировой культуры, кризиса в самой России, и с наступлением какого-то рокового перехода из одной эпохи в другую.

Эти настроения и чувства Розанова нашли отражение в анализе революции, ее сути, ее трагедии, именно с этих позиций он дает оцен-

ку и свое видение ценностям западноевропейской цивилизации. Розанов проанализировал суть революции, показав, что она имеет два измерения — длину и ширину; но не имеет третьего — глубину, она, по его выражению, никогда не будет иметь спелого, вкусного плода; никогда не «завершится»... Революция будет все расти в раздражение, но никогда не настанет в ней того окончательного, когда человек говорит: «Довольно! Я — счастлив! Сегодня так хорошо, что не надо завтра»... Революция всегда будет с мукою и будет надеяться только на «завтра»... И всякое «завтра» ее обманет и перейдет в «послезавтра», и не от бесконечности — куда! — а именно от короткости. В революции нет радости и не будет. Радость — слишком царственное чувство, и никогда не попадет в объятия этого лакея. Революция ниже человеческого достоинства, она механична, она материалистична. Но это — не случай, не простая связь с теориями нашего времени, это — судьба и вечность.

Революция сложена из двух пластинок: нижняя — горечь, злоба, нужда, зависть, отчаяние. Это чернота, демократия; верхняя — золотая: сибариты, обеспеченные и не делающие, гуляющие, не служащие. Но они чем-нибудь «на прогулках» были уязвлены, или просто слишком добры, мягки, уступчивы, конфетны. Переходя же в демократию, они тотчас становятся первыми среди равных. Демократия умеет «целовать в плечико», ухаживать, льстить: хотя для «искренности и правдоподобия» обходится грубовато, спорит, нападает, подшучивает над аристократом и его вчерашним аристократизмом [3, 473]. Русская революция имеет свою специфику, у Розанова это русское хвастовство, прикинувшееся добродетелью, и русская лень, собравшаяся «перевернуть мир» [3, 631]. Он убежден в том, что революции «происходят не тогда, когда народу тяжело. Тогда он молится. А когда он переходит “в облегчение”... В “облегчений” он преобразуется из человека в свинью, и тогда “бьет посуду”, “гадит хлев”, “зажигает дом”» [3, 715]. Розанов считает, что государство превратило революцию в полицейскую революцию, в свое явление, положило ее в карман и выбросило за забор... Вся «история» ее от Герцена до «Московского вооруженного восстания», где уже было больше полицейских, чем революционеров, и где полицейские рядились в рабочие блузы, а революционеры рядились в полицейские мундиры (взрыв дачи Столыпина, убийство Сипягина), Розанов охарактеризовал как «ряженую революцию» и только с окончанием революции, чистосердечным и всеобщим с нею распрощанием, — можно подумать о прогрессе, о здоровье, о работе «вперед» [3, 603].

Величайшая фигура в истории России — это П.А. Столыпин, убийство которого потрясло Розанова. В статье «Террор против рус-

ского национализма» он утверждает, что Столыпин положил «национальную идею в зерно политики», что он боролся с революцией как государственный человек, а не как глава полиции, что он понял, что космополитизм родил революцию. В последней статье «Историческая роль Столыпина» Розанов пишет, что в нем ценили... «не программу, а человека... Революция при нем стала одолеваться морально в мнении и сознании всего общества... Столыпин показал единственный возможный в России путь парламентаризма. Он указал, что, если парламентаризм будет у нас выражением народного духа и народного образа, то против него не найдется сильного протеста, и даже он станет многим и наконец всем дорог. Это — первое условие: народность его. Второе: парламентаризм должен вести постоянно вперед, он должен быть постоянным улучшением страны и всех дел в ней» [4].

«Апокалипсис нашего времени» В.В. Розанова, в отличие от «Опавших Листьев», был задуман как книга историческая, подводящая итоги всечеловеческой цивилизации и истории всех религий. Розанов здесь соотносит крупным планом весь Древний мир с его язычеством, весь иудаизм, все христианство и всю европейскую цивилизацию, которая для него завершается в эти дни революцией, переживаемой как конец, как завершение всемирной истории, как «Апокалипсис». Революция это последний отрицательный итог, в свете которого рассматриваются все крупнейшие институты прошлого и современности. В такой укрупненно-исторической постановке вопроса Христос и христианство оказываются виновниками нынешней всемирной катастрофы, виновниками революции. Поэтому Розанов здесь вдвойне обрушивается на христианство. Не только как лично ему, Розанову, чуждую и враждебную религию, но и как на религию, исторически скомпрометированную и повинную во всех ужасах нынешнего дня, повинную в революции, повинную в смерти всего человечества. Поэтому розановский «Апокалипсис нашего времени» — его самая антихристианская книга.

Для того чтобы понять эту логику, необходимо посмотреть на мир глазами Розанова и прежде всего посмотреть на революцию так, как он ее увидел. Революция была для него не победой каких-то новых сил, пускай неизвестных и враждебных. Она была для него провалом, позорным провалом всех старых сил России, которые оказались слабыми и ненадежными. На первых же страницах «Апокалипсиса» мы читаем о только что происшедшей революции в России: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже “Новое Время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частей. И, собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не

исключая “Великого переселения народов”. Там была — эпоха, “два или три века”. Здесь — три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего» [5, 69]. И царство оказалось гнилым, и церковь оказалась гнилой, и все традиционные сословия великой Российской империи. И русский народ-богоносец, воспетый Толстым и Достоевским, в один миг оказался толпой хулиганов и безбожников. Розанов ссылается на слова одного старика-крестьянина, притом серьезного, положительного крестьянина, который спокойно выразился, что с бывшего царя теперь надо кожу срезать по одному ремню — медленно, мучительно, ленточка за ленточкой. Вот вам и народ-богоносец, — восклицает Розанов.

В философско-исторической схеме Розанова дается свое видение и понимание европейской цивилизации, которая, как он считал, погибнет от сострадательности, точнее от лжесострадательности... Цивилизации гибнут от извращения основных добродетелей, стержневых, «на роду написанных», на которых «все тесто взошло»... Механизм гибели европейской цивилизации будет заключаться в параличе против всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния, и в конце времен злодеи разорвут мир. Уже теперь теснится, осмеивается, пренебрежительно оскорбляется все доброе, простое, спокойное, попросту добродетельное. И Розанов заключает, что «гуманность такого общества есть ледяная любовь».

Вся цивилизация XIX в. есть медленное, неодолимое и, наконец, восторжествовавшее просачивание кабака: кабак просочился в политику — это «европейские (не английский) парламенты»; кабак прошел и в книгопечатание. Ведь до XIX в. газет почти не было, была только литература, к концу XIX в. газеты заняли господствующее положение в печати, а литература — почти исчезла; кабак просочился в «милое хозяйство», в «свое угодье», это — банк, министерство финансов и социализм; кабак просочился в труд: это фабрика и техника. «Раз я видел работу “жатвенной машины”, — пишет Розанов, — И подумал: тут нет Бога. Бога вообще в “кабаке” нет. И сущность XIX-го века заключается в оставлении Богом человека... Демократия имеет под собою одно право... хотя, правда, оно очень огромно... истекающее из голода... это такое чудовищное право, из него истекает убийство, грабеж, вопль к небу и ко всем концам земли. Оно может и вправду потрясти даже религиями. “Голодного” нельзя вообще судить; голодного нельзя осудить, когда он у вас отнял кошелек. Вот “преисподний” фундамент революции. Розанов делает свой вывод, что ни революция, ни демократия, кроме этого, не имеют никаких

прав. Едва демократия начинает морализировать и философствовать, как она обращается в мошенничество, тут-то и положен для нее исторический предел» [3, 591—592]. Прогресс, как считает Розанов, технически необходим, но для души он вовсе не необходим. Нужно «усовершенствованное ружье», рантовые сапоги, печи, чтобы не дымили, но душа в нем не растет. И душа скорее далее малится в нем. Это тот «печной горшок», без которого неудобно жить и ради которого мы так часто малим и даже вовсе разрушаем душу. И борьба между «прогрессистами» и людьми «домашнего строя» очень часто есть борьба за душу или за «обед с каперцами», в котором «каперцы», конечно, побеждают. Не случайно социализм по Розанову — это дисгармония, а всякая дисгармония пройдет, социализм это буря, дождь, ветер... Взойдет солнышко и осушит все. И будут говорить, как о высохшей росе: «Неужели он (социализм) был?» «И барабанил в окна град: братство, равенство, свобода?»

О, да! И еще скольких этот град побил! Розанов поэтому критически относится к «Солнечному городу» и «Утопии» Кампанеллы и Т. Мора, называя их чепухой, «суть коих вечное счастье» [3, 469—470].

Идеальная религия, идеальный храм и соответственно идеальное общество мыслились Розановым наподобие дома, который охватывает все общество, весь народ, где простейшей и главнейшей ячейкой является семья. Дома, где господствуют Отец и Мать, где копошатся дети и куда входят даже животные, поскольку хлев либо непосредственно примыкает к дому, либо животные находятся в одном помещении с людьми, как это было на Руси, в мужицких избах, и как это было в Древнем Египте. Для Розанова чрезвычайно важно это тепло дома и хлева, взаимное тепло, основанное на родственных началах, с неугасимой лампадой в центре, в самой глубине — во славу Бога-Отца.

В своем социальном идеале Розанов тяготеет к патриархально-родовому или патриархально-общинному, строю. Поэтому неправильно считать Розанова противником социализма вообще. Он противник социализма в его нынешних государственных и принудительных формах. Но идеальное человеческое общежитие, как оно мыслится Розановым, по сути социалистично. Только это «социализм», построенный на религиозных основах и на родственных отношениях между людьми. Люди должны жить «миром», как говорили в старину, общиной, коммуной, семьей. И здесь у Розанова два образца на примете, которые неожиданно сближаются — это еврейская община «кагал» и древнерусский «Домострой». «Домострой» — это книга, руководство, составленное на Руси в XVI в., — на тему организации семейного уклада и домашнего быта, книга, пронизанная суровыми

религиозными предписаниями. «Одна идея “Домостроя”, *Домо-Строя*, есть уже великая, священная. Несомненно, самый великий “Домострой” дан Моисеем... и продолжен в Талмуде, и затем фактически выражен и переведен в жизнь в кагале. Талмуд... и кагал — две вещи, совершенно непонятные в Европе и европейцам. Кагал есть великолепная “city”, “la cite”, “коммуна”, где люди живут рядышком, в теплоте и тесноте, помогая друг другу, друг о друге заботясь “как один человек” и, поистине, — одна святыня. Это — та естественная и необходимая социализация, которую потеряв человечество вернулось к искусственному, дрянному, враждебному и враждующему со всеми “социализму”. Социализм есть продукт исчезновения Домостроя и кагала. Невозможно человеку жить “одному”, он погибнет; или он может погибнуть, или испытать страх погибнуть». В последнем «Совете юношеству», которым заканчивается публикация «Апокалипсиса нашего времени», он пишет: «И помни: жизнь есть дом. А дом должен быть тепел, удобен и кругл. Работай над “круглым домом” и Бог тебя не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьет гнездо» [5, 138—139, 148].

Если говорить о социально-политических взглядах Розанова, то следует сказать, что он был сторонником наследственной самодержавной монархии и противником парламентарных, демократических форм правления. Хотя в то же время видел органичность русской революции и допускал за ней известную правоту — голода и стихийных массовых проявлений, а не борьбы партий и фракций. Почему же его привлекало самодержавие и отталкивали применительно к России западные, более цивилизованные и более законные государственные порядки? Да потому, что Царь — это для него продолжение каких-то родственных, семейных, домашних отношений между людьми. Монарх для Розанова — это отец в своей семье, правящий по образу Бога-Отца. Это Домострой в государстве. Хотя Розанов с грустью замечал, что, если даже сам царь у нас не верит в то, что он помазанник Божий, то, значит, с монархией дело плохо и она идет к своему концу. А демократические и парламентские отношения в обществе это рационалистические и формализованные отношения, холодные, исключаяющие интимность и семейственность. Это вообще в натуре русского человека — известное предпочтение не правовым нормам, а родственным, не закону, а милости. Вот и Розанов предпочитает подобного рода семейно-домостроевские начала в обществе. Поэтому он и выступает с отрицанием политики, партийной борьбы и идеологий ради интересов России. В.В. Розанов — великий патриот России, хотя он и ругал порядки отечества, и говорил, что настоящий патриот вечно недоволен. Но патриот никогда не выразится, даже в обмолвке, против «русской земли», против «русского духа». «При грубости, нервности, порой при ругани “русских порядков” в душе горит веч-

ный, никому не заметный, огонь любви, и бесконечной любви к “русскому” в целом» [6].

Литература

1. Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992.
2. Розанов В.В. Из восточных мотивов. Пг., 1916.
3. Розанов В.В. Опавшие листья // Метафизика христианства. М., 2000.
4. Розанов В.В. Историческая роль Столыпина // Новое время. 1911. 7 окт.
5. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад, 1917 — 1918.
6. Розанов В.В. Литературные заметки // Новое время. 1909. 25 окт.

Е.С. ЗОТОВА

Хозяйство и экономика в культурном контексте

Аннотация. В статье реализован концептуально-смысловой, а не фактуально-комбинаторный проект анализа. Исследуются парадигмы и перспективные проекты философии хозяйства и экономики. Философия хозяйства служит средством жизнеобеспечения человека, формой реализации его сакральной перспективы. Экономика служит средством и формой реализации инфернальной перспективы людей. Гибель экономики страхуеться хозяйством и христианством, а хозяйству отступать некуда — позади бездна и черные дыры.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономика, Логос.

Abstract. The article presents the conceptual and semantic, but not factual and combinatorial project of the analysis. The authors research philosophy of economy and economy paradigms and perspective projects, argue that philosophy of economy serves as means of life support of the person and an implementation form of his sacral perspective. The article shows that economy serves as means of death and an implementation form of infernal perspective of people; destruction of economy is insured by economy and Christianity, and the economy has nowhere to retreat because of Russia is behind.

Keywords: philosophy of economy, economy, Logos.

Если попытаться исследовать первопричину перманентного кризиса экономики, грозящую стать мировой катастрофой, то приходим к выводу, что этой первопричиной служит сама же экономика, приступившая к реализации своего изначально скрытого суицидного потенциала.

Поэтому следует строго различать хозяйство и экономику. Логически хозяйство — это род, а экономика — один из его видов; род — целое, а виды — его части, мера автономии которых определяется родом. Но если виды выходят из-под власти рода, то они вступают на тропу уничтожения самих себя и целого. А поскольку экономика — часть хозяйства, то процветать она может лишь в его составе. Поэтому нормальная, здоровая, да еще и народная экономика невозможна логически, ибо часть не может благоденствовать за счет крушения целого; а логикой экономики является алогизм — часть больше целого. Поэтому экономика — это всегда дело одной касты, разрушающей посредством кризисов общество. Экономика и экономическая наука желают отвергнуть эту аксиому логики теоретически, а капитализм — практическим безумием смерти: доказать, что часть больше и важнее целого, а потому она должна владеть целым.

Поэтому распадом современного мира правит экономика, определяя способы его деструкции, типы его катастроф, деформируя человека в существо без сущности в экзистенцию, лишенную каких-либо творческих потенций, но преисполненную различных суицидных интенций. Вследствие дегуманизации человека современная экономика теряет самоконтроль и становится жертвой глобального самоотрицания. Внутренняя деструктивность экономики делает ненужной экономическую науку, экономическую теорию, которые так и не раскрыли таинств «невидимой руки» Смита, причин экологических проблем, ужасающей нищеты большинства людей в условиях прогресса, социального паразитизма. Экономический детерминизм несостоятелен, да его никогда и не было, а всегда была и есть криминальная экономика, неверием и неправдой служащая гибели жизни. Экономика не допускает философского сканирования своих скрытых смыслов.

Экономизм не только упускает из виду потенции хозяйства, но он не видит того факта, что экономика и обслуживающая ее идеология не решают проблем самого богатства, становясь его главными врагами. Экономика, ее идеология инициируют рост фиктивных финансов наподобие спектакля Воланда в театре.

Этот inferнальный детерминизм экономики впервые выявил Аристотель. Великий ученый выделял *экономику-хозяйство*, которая обеспечивает потребности домоустройства семьи, общины, государ-

ства, используя деньги в качестве средства... и *экономику-хрематистику*, накапливающую денежное богатство как самоцель.

Аристотель искал причину беспредельного накопления денег. Чем вызывается эта страсть? Ведь людям нужны вещи за деньги, а не деньги за деньги? Человек ли стремится к безмерному накоплению денег, сами ли деньги инициируют это влечение? Или есть «третий», делающий человека накопителем денег, а деньги — оскопителем людей? Аристотель отвечает: «В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат утолению этой жажды, также безгранично» [1, 393].

Деньгонакопление выражает стремление человека к «жизни вообще»; но «жизнь вообще» — это абстракция жизни, представляющая сама по себе интересы смерти²². И «жизнь вообще» не насытит весь мир, волшебством превращенный в деньги, как не насытят абстракцию «дерево» все деревья всех времен. Абстракция отрицает качества любых реалий, сводя их к небытию. Абстракция все съест, и все равно будет голодной; и после поглощения бытия абстракция начнет пожирать самое себя, но от этого самоедства она становится еще прожорливей. И бесконечная отрицательность, прожорливость абстракции создала особый — виртуальный — мир, в котором взаимопоедание и взаимоотрицание абстракций становятся, с одной стороны, информацией, а, с другой — продуцированием энтропии. Самовозрастающая масса денег, их абстрактность порождают виртуальность, информацию, «ценнобумажный мир», инфляцию и кризисы.

Для Аристотеля ясно, что деньгонакопительство провоцирует ничто, соблазняя человека вечной жизнью, но подменяет ее вечной смертью. Мистерия Аида внушает, что самой экономной является смерть, ибо ей нужен лишь один ресурс — люди; что она самая богатая, а кризисы ей нипочем. Но осознать эти пагубные галлюциногены экономики-хрематистики современный человек уже не может. А осуждение экономики в неосознаваемом контексте смерти несет гибель этим горе-знатокам. Кто признает сегодня, что экономику содержит смерть? Одной рукой она правит рынком, а другой — экономикой; первой рукой она загоняет человека в рынок, а второй — запускает гильотину цен. В хрематистике люди не умирают, а превращаются смертью в деньги; люди — участники ложной демонической мистерии денег, но выйти из нее они не могут.

²² Гегель рассматривал абстракции как разновидность смерти, присущей рас-судку [2, 17].

Для людей деньги — средства жизни, но деньги-самоцель превращают жизнь в средство смерти. А цели и желания самой смерти неизвестны. Поэтому кризис, смерть и экономика неразделимы; кризис — это зарплата экономики, а экономика — это воспроизводство смерти. Да, человек смертен, неожиданно смертен, но он все же целиком не сливается со смертью, сохраняя возможность жизни иной. А хрэматистика знает жизнь только как средство смерти. Но если накопление денег противоречит жизни и богам, то оно соответствует антижизни, антибогам, «абстракциям смерти».

Поэтому издревле накопление денег, денежный империализм были не только экономикой, но и филиалом Аида. Аристотель считал деньгонакопление в качестве самоцели «противоестественным». Царь Мидас был первым абсолютным монетаристом, ибо все, к чему он прикасался, становилось экономической субстанцией золота; но тогда люди еще не знали атеизма, поэтому Дионис спас Мидаса от монетаризма, возвратив его к нормальному хозяйствованию по добыче золота для потребления.

Вся послеаристотелевская наука так и не усвоила открытия Аристотеля, увидевшего в чистой экономике идеологию смерти. Допустим, что для экономики созданы все требуемые ею условия, ей позволено беспрепятственно повышать цены, превращать все жизненные реалии в деньги, позволено действовать только по ее же правилам. Куда она придет и человека приведет? Мидас практически, а Аристотель научно доказали, что абсолютно свободная экономика на всех парах устремится к смерти, ибо, превратив мир в деньги, она затем сама станет ценными бумагами, а затем — в комбинаторику чисел уже без людей.

В другом варианте непрерывное превращение денег в ценные бумаги, а бумаг в сверхценные и т. д. приведет нас к виртуальному миру или к сектантским поискам волшебной сверхбумаги, гарантирующей, как Бог, надежный процент во веки вечные. И только хозяйство спасало до сих пор экономику от самоубийства, не позволяя ей превратить людей в деньги, деньги — в бумаги, реальность — в виртуальность.

Глубинным истоком «грозящей катастрофы» экономики является обвал Логоса, служащего основанием и демиургом, конструктором и перводвигателем Европы. Посредством Логоса Запад открывал, хранил и постигал свой сакральный мирострой. Логоцентризм — это порождающее лоно Европы, определяющее ее философию, науку, язык, экономику. Логос и его формы (разум, мысль, логика, закон, правила, нормы, дискурсы и т. д.) не только стали центром бытия, но и предстали в качестве обобщающей и творящей безличной силы. Но

притязания Европы сделать Логос мировым разумом рухнули. Логоцентризм — это даже не разум Европы, который путем насилия пожелал стать мировым эталоном, а это скрытая деспотия ростовщика, правящего европейской жизнью. Поэтому хозяйство своей философией ограничивает программы логоцентризма. И даже европейский постмодернизм доказывает, что в основе Логоса лежит алогичная, бессознательная, саморазрушительная свобода, идущая путем произвола, безумия и содомии, действующих посредством скрытого хаоса Логоса.

Древний Логос был лишь органом Софии, не исчерпывая ее сакрального содержания. София творит цели, смыслы, значения законы, а Логос — только абстракции и законы для них.

И теперь без Логоса не только экономика, но и весь Запад рассыпается. Европа не видит, что истина опирается на два крыла — на Логос (закон) и Софию (смысл). В древности, когда Европа была нормальной, т. е. когда ее еще не было вовсе, жизнь людей держалась логосной Софией и софийным Логосом. Но вместе с отречением от христианства, признавшего Логос, Запад отсекся и от Логоса, узрев в нем скрытый деспотизм. А отрицание Логоса превращает экономику в теневое насилие и толерантное безумие самой судьбы. Афоризм «Экономика — это судьба»²³ является знаменем нашего времени, указывая ее грозного властителя. Н.Б. Шулевский в этой связи отмечает, что экономика, «взращенная при самом изобретательном участии людей, стала орудием их властелина и повелителя — судьбы. Экономика укрылась в судьбе, а судьба стала орудием, органом экономики, ее информационным кодом, неведомым курсом ее маршрута, ракетой, которую совместно все ядерные державы запустили, предоставив возможность ее “электронной совести” самой сделать выбор своей жертвы» [3, 36]. Хозяйство же у всех народов было частью религий, а философия хозяйства есть древнейшая мудрость людей. Она и поныне продолжает эту традицию, но уже в экономической среде, умножающей, потребляющей пороки, кризисы, приближая свой апокалипсический праздник.

Философия хозяйства не случайно возникла в начале катастрофы XX в., решившего судьбу человечества и его «достижений». Оно само прокляло себя, ринувшись в кровавую метель военно-революционных суицидов классов, сословий, культур, наук, экономик, людей, империй. Но в этой катастрофе выявились не только кризис экономики, но и крушение Логоса, составляющего научное осно-

²³ Афоризм приписывается В. Ратенау — министру Веймарской республики.

вание Европы, ее «мироотпорных» инициатив. Именно крушение Логоса ведет мир к бездне.

Современный термин «экономика» содержит в себе несовместимые смыслы: экономику, изначально совпадающую с хозяйством жизни, и хрематистику смерти, которая посредством денег извратила хозяйство, питающее ее ресурсами, самой реальностью. Хозяйство занимается всей полнотой жизнеотправлений человека, обеспечивая и его смысловое общение с Первопричиной. Именно философия хозяйства преодолевает в своей перспективе богатство тупиков богатства. Экономика же выгодна лишь слугам смерти — криминалу, производителям оружия, наркотиков, алкоголя, табака, ростовщикам! Их доходы неисчислимы, но им и этого мало! Таков inferнальный императив экономики-хрематистики!

Смысловое содержание методологического подхода, реализованного в статье, можно представить метафорой. Допустим, что экономика — это дом, в стенах которого появились опасные трещины. Какова причина такой беды?

Может быть «крыша» (политика) перекошена и оказывает неравномерное давление на стену, отчего последняя деформируется? Может сами стены сооружены с нарушением строительных технологий (корпорации ведут неправильную экономическую политику)? Может фундамент (отношения собственности и налоги) рассыпается (собственностью владеют немногие, а масса населения лишена собственности)? Может основание фундамента, почва размываются, вызывая цепную реакцию разрушительных последствий (все большая часть населения уходит в теневые и криминальные структуры экономики)? Может здание используется не по назначению, например, в нем производят кислоты (экономика служит не своей стране, а зарубежным спекуляциям)? Может стройматериалы низкого качества, не предназначены для таких зданий, а потому аварийность охватывает все здание (сама экономика как таковая исчерпала пределы своих продуктивных возможностей и требует замены не просто другим типом экономики, а другой формой организации производительной деятельности людей — хозяйством)?

Сегодня экономическая субстанция общества исчерпала свои силы, сама экономика как таковая превращается из силы производительной в силу кризисную, катастрофическую и саморазрушительную. Сам строительный материал ее исчерпал меру своей прочности и отказывается дальше служить, не реагируя ни на какие реанимирующие и реформирующие воздействия на экономическое здание.

Литература

1. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984.

2. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. Т. 4. М., 1954.
3. Шулевский Н.Б. Планетарный эволюционизм. М., 2015.

Е.В. АНДРИЕНКО

**Ценностная и мировоззренческая роль денег
в современном обществе**

Аннотация. Статья посвящена философскому исследованию денег как проблемы философии хозяйства. Были проанализированы ценностный и мировоззренческий аспекты денег в современном социуме. Сделан вывод о том, что деньги являются одной из важнейших инноваций в истории человечества. Они прошли несколько этапов эволюции, последним и наиболее противоречивым из которых является этап электронных денег. Большую опасность для развития гражданского общества несут мировоззренческие установки на добывание денег ради денег, а также на доминирование финансового капитала над промышленным.

Ключевые слова: деньги, экономика, мировоззрение, демократия, общество, личность, ценности.

Abstract. The article is devoted to the philosophical inquiry of the phenomenon of money as a problem of philosophy of economy. The value and worldview aspects of money in modern society have been analyzed. It was concluded that money are one of the main innovations in the history of humanity. They passed through several stages the last and the most contradictory of them is the stage of electronic money. Serious dangers for the development of civil society are worldview ideas about gaining money for the sake of money and of domination of financial capital over industrial.

Keywords: money, economy, worldview, democracy, society, personality, values.

Деньги и материальное благополучие, которое они обеспечивают, составляют неотъемлемую часть успеха личности. Этот фактор влияют и на представления о морали. Исследователь философии денег В. Ильин пишет по этому поводу: «На первом месте, вместо морали, встают новые законы, которые утверждают новую мораль, аморальную по отношению к установленным формам жизни. Опорой этих новых законов становятся деньги, и вектор принятия решений смещается в другую по отношению к классической морали сторону»

[1, 368]. Образно говоря, для современного «homo economicus» моральный человек — это человек, достойный кредита. В общественном сознании господствуют четкие ассоциации между деньгами и личностной свободой, властью и самовыражением. Но экономика по своей сути ориентирована на массу, а не на отдельную личность.

В отличие от политической истории, где главную роль играют судьбы великих личностей, в экономической истории все одноразовое и личностное оказывается малозначимым, а на первый план выступают принципиально новые формы, за которыми стоят миллионы случаев [2, 499]. Разумеется, материальный успех пробуждает в человеке ощущение власти. Но, как справедливо отмечает О. Шпенглер, только единицы могут превратиться из предпринимателя в государственного деятеля, изменяя при этом свое отношение к ситуациям и вещам, когда их единственной целью перестает быть увеличение прибыли [2, 503]. Сегодня в России, на Украине и в других странах бывшего советского лагеря часто можно увидеть, как люди стремятся идти в политику для получения доступа к материальным благам. Эта мотивация является в корне неправильной и оказывает пагубное влияние на жизнь общества. Еще в начале XX в. известный ученый и общественный деятель М. Туган-Барановский привел четкие аргументы в пользу того, что производство средств для жизни является низшим уровнем социальной активности. На более высоких уровнях хозяйственная деятельность становится менее значимой. Ученый открыл следующую закономерность: чем выше являются потребности, тем меньшую роль для их удовлетворения играет хозяйствование. Если наиболее бедные слои общества ведут борьбу за существование, то большинство его обеспеченных членов рассматривают богатство только как средство получения власти, а не наоборот.

В условиях структурной перестройки российского общества очень важно формирование сильного среднего класса, т. е. слоя людей, который имеют стабильный доход и обеспечивают стабильное развитие социальных структур. По словам О. Петрищевой, «мировая практика свидетельствует, что одним из главных гарантов процветания общества является наличие в нем значительного по объему и социальной роли среднего класса, ведь в стабильных демократических странах, как правило, именно он занимает доминирующее положение» [3, 2]. Проблема формирования среднего класса в российском государстве в значительной степени носит мировоззренческий характер.

В советский период государство осуществляло гораздо большее влияние на жизнь граждан, чем это происходит сегодня. В общественном и индивидуальном сознании сформировался ряд стереоти-

пов (наподобие «О нас заботится государство»), который вызывает определенную пассивность в достижении материального успеха. При этом средний класс как наиболее динамичная часть общества состоит из творческих и активных личностей, которые четко ориентированы на материальный успех. В демократическом обществе более вариативной является стратегия поведения граждан. В СССР мировоззренческой доминантой был коллективизм, тогда как сегодня под влиянием западных ценностей его место занял индивидуализм. Обе доминанты имеют свои особенности. Так, в советское время общество было более однородным с точки зрения прибыли. Также следует признать, что советской системе вполне успешно удавалось поддерживать в обществе идеалы братства, патриотизма, любви к Родине и т. д. Разумеется, это не означает, что в индивидуализированном обществе этих идеалов нет, но они отходят на второй план.

Носителем морального прогресса в любом обществе всегда был ведущий средний класс. В современном демократическом обществе эта миссия принадлежит новому среднему классу. Современный представитель среднего класса должен быть не только сориентирован на получение материального успеха, но и социально ответственным, готовым к диалогу, иметь достаточные знания, постоянно совершенствоваться в своей отрасли, мыслить критически и одновременно инновационно.

Деньги являются одной из наиболее значимых инноваций в истории человечества. Они пронизывают все сферы его бытия — как публичного, так и частного. Деньги представляют собой мощную силу, которая одинаково эффективно действует на уровне отдельного человека (при этом часто они из средства превращаются в цель жизни), на уровне сообществ, организаций и общественных институтов (как главный источник их развития) и на уровне общества в целом (деньги как общекультурный феномен). Действительно, в повседневной жизни, в философских и религиозных учениях деньги часто ассоциируются с такими понятиями, как аморальность, духовная деградация, ориентация на формальные образцы, цинизм и жажда наживы. В массовом сознании современной России действуют противоположные по своему характеру стереотипы — «деньги развращают» и «богатый человек — это умный и успешный человек». Но сейчас в обществе происходит процесс формирования новой этики — этики бизнеса, которая в том числе включает и культуру адекватного отношения человека к деньгам.

Центральное место в бизнес-этике занимает практический интерес делового человека. Но это не означает ее тождественности этике потребления, которая основана на желании «иметь как можно боль-

ше», скрытом за ширмой демократии. Бизнес-этика современности должна иметь трудовую основу, базироваться на общих для всех граждан принципах, включать справедливое перераспределение средств в пользу незащищенных слоев населения, быть гуманистической и прогрессивно ориентированной. Необходимо создать синтез экономической и моральной целесообразности. Для достижения этого результата в обществе должна быть введена система соответствующих мер: введение курсов этики бизнеса в программы подготовки специалистов различных отраслей, прежде всего, экономической; проведение профилактики «профессиональной деформации» бизнесменов; повышение уровня духовности общества через культурно-художественные мероприятия, СМИ и другие каналы; формирование адекватных форм контроля над общественной моралью, установление четких связей между уровнем культуры и образования человека и уровнем его прибыли и т. д.

В идеале истинная демократия возможна только в обществе, где власть знания будет более прочной, чем власть денег. На практике же в общественном мировоззрении присутствует представление о том, что за деньги можно купить все — любовь, членство в определенной социальной группе, дружбу влиятельных людей и т. п. Возникает ситуация, когда деньги покупаются за деньги, что само по себе является ошибкой в логических операциях со знаками и является одним из факторов наступления мирового финансового кризиса. Финансовый капитал в мире стал доминировать над промышленным, что является весьма опасной тенденцией и влечет за собой завершение просветительского пути освоения планетарного потенциала. СМИ, отдельные политические деятели и партии культивируют в массовом сознании примитивные потребности и ориентиры. Деньги как тотальная сверхценность сознательно инфильтрируются в мировоззрение граждан. Поэтому вполне обоснованной выступает точка зрения А. Королева, который сравнивает влияние денег на человека с наркотическим эффектом: «Технологии формирования картины мира человека — сегодня наиболее прибыльный бизнес. Разрушение национального самосознания, доверия людей государственным органам и друг к другу, актуализация страха и неуверенности в будущем объективно увеличивают количество проданных денег» [4].

Но далеко не все можно купить за деньги. Без знаний и достоверной информации деньги перестают выполнять свою непосредственную функцию — удовлетворение человеческих потребностей. Деньги ради денег являются иллюзией благополучия. Как пишет Э. Тоффлер, однажды даже самое толстое портмоне становится пустым, со знаниями же все по-другому, их можно накапливать беско-

нечно [5, 40]. Знания имеют колоссальную гибкость по сравнению с деньгами. Под знаниями мыслитель понимает всю совокупность информации, данных, образов, подходов, ценностей и другие символические продукты общества. Знания — это наиболее демократический источник демократии, ведь ими может владеть каждый гражданин. Пропасть между бедным человеком и миллионером не такая глубокая как между человеком образованным и невеждой. Именно контроль над информацией, а не над денежными потоками будет составлять сущность будущей борьбы за власть на уровне всех социальных институтов. Хотя в контексте современных глобальных процессов построение общества знаний не представляется легко выполнимой задачей. Глобализация непосредственно связана с ростом неравенства в обществе, поскольку одна его часть принадлежит к определенной социально-политической элите, которая владеет ключевыми информационными потоками и формирует развитие мирового и национального общественного мнения, а представители другой части вынуждены находиться на периферии ведущих социальных процессов. С этим связано и движение антиглобалистов, набирающее популярность во всем мире.

Таким образом, деньги в современном обществе играют не только ведущую экономическую и политическую, но и ценностную и мировоззренческую роль. Деньги прошли несколько стадий развития, наиболее интересной и сложной из которых представляется стадия электронных денежных единиц. В аксиологическом аспекте она стала универсальной ценностью. Современная демократия для своего развития нуждается в финансовой стабильности, иначе вместо построения институтов гражданского общества граждане будут вести борьбу за существование. С одной стороны, с деньгами нераздельно связаны представления об успехе, свободе, власти, гражданских правах. Но, с другой стороны, именно финансовые механизмы сегодня жестко ограничивают человеческие права и свободы. Деньги являются одной из наиболее важных инноваций в истории человечества. Они коренным образом меняют взгляды на мораль. Для прогрессивного общественного развития необходим непрерывный моральный прогресс, который сегодня должен обеспечить средний класс, сформировав новую культуру восприятия денег, новую этику бизнеса, которая должна прийти на смену примитивной этике потребления. Членам современного общества следует четко осознать, что не все можно купить за деньги, а их трактовка как цели и высшей ценности заведет социум в тупик. Главенствующее место в мировоззренческо-ценностном измерении должны занимать не они, а знания и достоверная информация. При условии общей доступности именно знания выступают главным

источником демократии. Знания, а не деньги, и станут в ближайшем будущем основным предметом споров в борьбе за власть.

Литература

1. *Ильин В.В.* Философия богатства: человек в мире денег. К., 2005.
2. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2.: Всемирно-исторические перспективы. М., 1998.
3. *Петрищева О.М.* Роль среднего класса у становлении гражданского общества: автореф. дис. ... к. филос. наук: спец. 09.00.03 «Социальная философия и философия истории». К., 2009.
4. *Королев А.Д.* Психологические ресурсы цивилизации (доклад на XXI Всемирном философском конгрессе, Стамбул, Турция, 10–17 августа 2003 г.) // Вопросы философии. 2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: PORTALUS.RU (Дата последнего обращения 23.10.2015 г.)
5. *Тоффлер Э.* Третья волна; [пер. с англ. Е. Руднева, Л. Бурмистрова, К. Бурмистров и др.]. М., 2003.

Е.В. КОСОВ

Национал-либерализм — идеология трезвых националистов и вменяемых либералов

Чем меньше знаний, тем крепче убеждения.
Банальная истина

Аннотация. Рассматриваются идеологическое противостояние либерализма и этатизма, трансформация националистического движения в России и возможность идеологического и организационного синтеза национализма и либерализма.

Ключевые слова: этатизм, полицейско-бюрократическое государство, либеральные ценности, русский мир, национальные интересы, либерально-националистический альянс.

Abstract. The basic principles of liberal ideology, and also opposition of liberalism and etatism, transformation of nationalist movement in Russia, possibility of ideological and organizational synthesis of nationalism and liberalism are considered.

Keywords. Liberalism. Etatism. Social-democratic movement. Liberal values. National interests. Police and bureaucratic state. Russian world. Liberal and nationalist alliance. National liberalism.

От того, что общественное сознание считает приоритетным — свободу личности (и возможности ее самореализации) или государственные интересы — зависит наше представление обо всей системе жизненных ценностей. Либеральная идеология (или либеральная мировоззрение) в качестве основных ценностей в жизни общества утверждает:

- неприемлемость прямого насилия — физического и морального — над человеком и обществом, хотя и допускает ответное насилие, как необходимую защиту жизни, свободы, собственности и достоинства, как это трактовал И.А. Ильин [1];
- свободу слова и выражения мнений, т. е. отсутствие запрета на распространение информации, неприемлемость цензуры и уничтожения информационных источников под предлогом «вредных идей» (за исключением призывов к прямому насилию);
- реальную возможность создания на добровольной основе любых видов союзов — профессиональных, политических, национально-этнических, конфессиональных, экономических, семейных (смысл добровольных союзов — обеспечить людям право быть свободными, т. е. жить так, как они хотят, а не так, как того хочет государство; во что декларируемая добровольность союзов может вылиться, зависит от культурных традиций общества и конкретных условий);
- свободу обмена товарами и услугами (свободный рынок) (хотя государство может временно устанавливать ограничения и преференции субъектов рынка с целью обеспечения эффективности общественного производства — таможня, антимонополизм, налоги и пр.);
- расширение среднего класса — экономически самостоятельного слоя общества (предприниматели, фермеры и ремесленники, работники артелей, акционеры, работники творческих профессий);
- развитие местного (децентрализованного) управления на основе ресурсной и политической самостоятельности регионов (субъектов федерации), с допущением взимания рентных платежей, а также выплат субсидий и субвенций со стороны государства;
- всестороннее развитие политических и социально-экономических институтов в обществе: прозрачная система выборов, реальный общественный контроль над деятельностью правительства, судов, полиции, функционирование независимых источников информации и банковско-финансовой системы.

Перечисленные либеральные ценности способны обеспечить качественную жизнь общества, т. е. достаточное потребление в условиях сохранения природной среды (сбережение сырьевых ресурсов, переход на экологически чистые технологии, развитие неисчерпаемой и возобновляемой энергетики), безопасность, свободный доступ к образованию, развитие здравоохранения [2].

Идеология же этатизма (как идеология, противоположная либерализму) утверждает необходимость постоянного усиления влияния государства на жизнь общества. Приверженность этатизму сопровождается ликвидацией демократических выборов и подменой их псевдovyборами, введением цензуры, роспуском независимых профсоюзов, уничтожением инакомыслящих и запрещением оппозиционных партий. Этатизм — это плотный государственный контроль над судопроизводством, усиление роли армии и полиции. Реальный этатизм подавляет волю личности, противопоставляя свободе требование долга и безусловной лояльности государству. В своем экстремальном развитии этатизм неизбежно превращается в тоталитаризм в худших его разновидностях — коммунизма/фашизма или военно-полицейской диктатуры (хунты). Так, советский коммунизм с годами все больше превращался из задуманного альтернативного цивилизационного проекта в заурядную репрессивную полицейскую систему.

Сходу распознать приверженцев этатизма или либерализма не так просто. Политики на словах используют одни и те же затасканные выражения о национальных интересах, о демократии, о социальных гарантиях государства, о возрождении нации и ее процветании. Несмотря на этнические различия, страны, обеспечивающие человеку свободу — гражданскую, политическую, предпринимательскую, — твердо становятся на путь расцвета экономики и культуры. Примеры: страны Европы, США, Япония и даже Китай, экономический рывок которого связан не с коммунистическим мракобесием Мао, а с либерализацией Дэн Сяопина. Тогда как другие страны, исповедующие марксизм, «научный коммунизм» или «чучхе» в качестве складной и самоуверенной словесной трескотни, обречены на прозябание.

В России многие понимают либерализм весьма упрощенно — как слабость и мягкотелость власти. В этом одна из причин заблуждений относительно либерализма. Напротив, либерализм предполагает сильное государство, которое твердой рукой обеспечивает необходимый и желаемый обществом либеральный порядок. Появился даже новый термин в идеологии либерализма — «ордолиберализм» — от немецкого «ордунг» (порядок). Основа государственного либерализма — та самая «мягкая сила», которую обеспечивают заинтересованность и добровольность вместо угроз и принуждения. Запретить мож-

но все. Весь вопрос — зачем? Запрещать легко, разрешать потом будет трудно.

Философ и публицист конца XIX в. Б.Н. Чичерин писал: «Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений... В либерализме вся будущность России. А столпяты же около этого знамени и правительство и народ с доверием друг к другу, с твердым намерением достигнуть предположенной цели». Либеральные воззрения Б.Н. Чичерина нашли выражение в его чеканной формулировке: «В России потребны две вещи: либеральные меры и сильная власть» (цит. по: [3]).

В современной России на смену идеям «научного коммунизма» пришла идеология *державного этатизма*, связанная с сакральностью государства. Современные российские «державники-этатисты» ведут общественное сознание к главной иллюзии русской истории — к несбыточной надежде на «доброе государство». На деле приверженцы этатизма хотят такого государства, в котором бюрократия и криминал жируют за счет тех, кто по-настоящему трудится. «Общеизвестно, что либералы создают лучшие условия для развития экономики страны. Социалисты (лейбористы) ратуют за улучшение ситуации в социальной сфере, а попросту “проедают” то, что создали либералы, ибо много есть завистников отобрать то, что приобрело либеральное общество». Так высказывая свое мнение о либерализме бывший мэр Москвы, профессор Ю.М. Лужков [4], хотя его негативное отношение к конкретным российским либералам общеизвестно.

Несмотря на псевдолиберальную риторику, льющуюся со времен М.С. Горбачева, либерализмом в России пока и не пахнет. Экономические реформы в России в 1990-е гг. были вовсе не либеральными, а просто безграмотными. В условиях слабости и неразвитости рыночных и демократических институтов, которые достались в наследство от «госплановской экономики» и «социалистической демократии», стали возможными безнаказанное массовое воровство и мошенничество.

В российском обществе появился пренебрежительный термин «сислибы» — системные либералы. Так стали называть представителей интеллектуальных кругов, которые, решительно порвав с прошлой коммунистической идеологией, стали влиятельным элементом в российском государственном аппарате, в бизнесе, в медийном пространстве.

С 2000 г. в России наблюдается постоянный дрейф государственной «галеры» в сторону всестороннего укрепления властной

президентской вертикали. «Либеральные реформаторы» ушли с ведущих ролей в правительстве, причем безропотно и послушно. Но они не стали оппозицией к крепнущему с каждым днем (и с новым указом) этатизму, а продолжают верно служить правящему режиму, украшая его фасад красивыми псевдолиберальными «фенечками» про поддержку предпринимательства и «суверенную демократию». Слова произносятся вроде бы правильные, а смыслы в них вкладываются ложные: словоблудие подменяет сами реформы.

Взамен системы олигархического правления времен Ельцина мы имеем созданное за последние полтора десятка лет реальное *полицейско-бюрократическое государство*. Более того, российский олигархат тесно сросся с государственным чиновным аппаратом, став де-факто одним органическим целым. Тотальное воровство, распилы, откаты декоративная система выборов стали государствообразующим элементом, а госслужба — доходным бизнесом.

За 30 лет общество сделало крутой вираж: от перестроечной свободы и демократии общество вернулось не просто к позднесоветской застойной ситуации, а к ее утрированному «совковому» выражению. Зародившийся независимый средний класс («новые русские») существенно усох. Зачатки партийно-парламентской демократии выродились в «суверенную управляемую демократию». Система выборов превратилась в карикатуру на выборы, такие же как в советское время.

Либерально-демократическое (антикоммунистическое) движение, лидировавшее в стране в конце 1980-х — начале 1990-х гг., было дискредитировано. Российские либералы по большому счету так и не смогли найти точку опоры в происходящих в стране политических процессах. Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) под руководством ее харизматичного и находчивого лидера В.В. Жириновского, несмотря на ее многообещающее название, никогда не была частью либерального движения.

Можно согласиться с М.Б. Ходорковским, когда он отмечает: «Русский либерализм потерпел поражение потому что, во-первых, пытался игнорировать некоторые важные национально-исторические особенности России; во-вторых, жизненно важные интересы подавляющего большинства российского народа» [5].

Либерализм невозможен в отрыве от национальной почвы, т. е. от национальных традиций и исторического развития. Либеральные «цветы» (ценности) по-разному выглядят на любой национальной почве. Может существовать арабский либерализм, который будет отличаться, например, от польского либерализма или индийского. Пресловутый «шведский социализм», так почитаемый в российских ин-

теллектуальных кругах, на самом деле, не более, чем миф. По сути, это обычная либеральная политика, которая неизбежно дает эффективный результат, если ее грамотно применять.

В современном русском лексиконе слова «либерал», «либерализм» вдруг стали ругательными. Презирать либералов, считать их «национал-предателями» стало в России признаком хорошего тона и проявлением «настоящего» патриотизма. Ухитриться сделать из понятия «свобода» грязное ругательство — это уникальное отечественное ноу-хау!

После того, что натворили в России «либералы первой волны» со стаей зарубежных «консультантов по либерализму», демонстрировать приверженность либерализму — сущее донкихотство. Сейчас в России стало стыдно называться «либералом».

В этой связи остро встает вопрос о синтезе общественных движений либерализма и национализма. Термину «национализм» особенно не везет в России. Даже в конституции РФ население страны не посмели назвать «нацией», а применили эвфемизм «многонациональный народ». Биологическое понимание «национальности» прочно вошло в сознание. Такая постановка блокирует все попытки толкования национальной идентичности через «культуру», а упирает исключительно на «кровь», т. е. на форму носа и кучерявость волос индивидуума. По молчаливому согласию термин «национализм» почти не употребляется в политическом словаре, а если и возникает, то в крайне негативном значении — через запятую с «фашизмом».

Конфликт России с Украиной сильно изменил расклад политических сил в России. Националистическое движение не выработало ответов на вопросы, поставленные этим конфликтом, и раскололось. С одной стороны, существуют «патриоты» (название условное), куда входят и православные фундаменталисты, и прокремлевские евразийцы, и коммунисты-сталинисты, и русские арийцы.

С другой стороны, в российском националистическом движении, помимо «патриотов-государственников», есть еще настоящие «русские националисты». В чем разница между ними? *«Если патриоту за державу обидно, то русскому националисту — за русский народ, когда его обижают»* [6].

К непреходящим ценностям «русские националисты» относят, прежде всего, такие понятия, как свобода и возможность самореализации личности, крепкая семья, свободный труд, гордое отечество. Для «русских националистов» качество жизни в России важнее эфемерной «национальной гордости».

Русский национализм — питательный источник развития «Русского мира». Это — любовь к русской литературе и поэзии, это при-

страсти к европейской музыке от Моцарта до Прокофьева и от Шляпина до «Битлов». Это — сакральность православных храмов. Это, в конце концов, горячие блины с икрой и ядреная морозная водка.

Назрела необходимость идеологически и организационно интегрировать на российской политической почве вменяемых либералов (тех, которые без толерантных заскоков) и трезвых русских националистов (которые без авантюры имперского величия). Поскольку объединение таких противоположных идеологических течений невозможно, то нужен промежуточный вариант, который можно назвать национал-либерализмом (подробнее см.: [6]).

Национал-либералы в своих рассуждениях не доходят до абстракций глобального уровня (например, до масонской идеи всемирного правительства и контроля над природными ресурсами планеты и численностью населения). Они ограничивают либеральные идеи поиском социальной гармонии внутри наций и отдельных межнациональных союзов.

Национал-либерализм — это идеология солидарного общества, которое твердо убеждено, что независимые предприниматели (буржуазия — крупная и мелкая) являются естественной частью нации, наемные работники объединены профсоюзным движением, а государственная бюрократия находится под постоянным и действенным контролем общественности. Очевидные конфликты интересов между отдельными сословиями и социальными группами, которые, на первый взгляд, кажутся непримиримыми, в действительности легко разрешимы с точки зрения ненасильственных идей либерализма.

Главное осознать, в чем же заключаются современные (постсоветские) национальные интересы, т. е. каковы совокупные интересы всех слоев (сословий) современного российского общества, а не выдавать иллюзии за действительность. Тем самым, либерально-националистический альянс, отражающий основные общественные настроения, может стать неодолимым явлением, способным положить конец правящему авторитарному режиму в России.

Основное заблуждение — рассматривать будущее России как унитарного государства. Речь идет не о том, чтобы развалить Россию, — впервые в своей истории вместо империи необходимо создать реально федеративную страну.

Основная беда и русских националистов, и русских либералов вовсе не в том, что все они «страшно далеки от народа», а в том, что за ними стоят слабые и малочисленные интеллектуальные силы по сравнению с многочисленными сторонниками державного этатизма. Либерализма в России «не было», но это не значит, что его никогда «не может быть». Быть в меньшинстве не означает быть неправым. К

мнению большинства всегда надо относиться спокойно и даже настроженно. Разве не было в истории примеров, когда мнение большинства было аморально? Не следует забывать, что весь прогресс человечества всегда достигается в результате инициатив незначительного интеллектуального меньшинства.

Литература

1. *Ильин И.А.* Противление злу силой. Берлин, 1925.
2. *Косов Е.В.* Национальные интересы и либеральные ценности. М., 2015.
3. *Цимбаев Н.* Историософия на развалинах империи. М., 2007.
4. *Лужков Ю.М.* Развитие капитализма в России. 100 лет спустя. М., 2007.
5. *Ходорковский М.Б.* Кризис либерализма в России // Ведомости. 2004. № 52. 29 марта.
6. *Косов Е.В.* Быть русским. Русский национализм — разговор о главном. М., 2005.

Р.Е. СОКОЛОВ

Католическое социальное учение на переломе XX и XXI вв.

Аннотация. Статья посвящена изменениям, происходящим в католическом социальном учении с 1980-х гг.

Ключевые слова: государство, рынок, взаимопомощь, человечность.

Abstract: The article is devoted to the changes in the Catholic Social Teaching since 1980-s.

Keywords: state, market, mutual assistance, humanity.

Введение: распад социалистической системы как мировой апокалипсис?

К концу XX в. государство становится весьма сильным субъектом хозяйства. Уже Второй Ватиканский собор отмечает усиление государственного вмешательства в дела хозяйствующих субъектов, а также остающиеся различия в доходах и величине их богатства. Когда на переломе 1980-х и 1990-х гг. коммунистическая система сходила с исторической арены, еще не было известно, что станет ей альтернативой. Причем альтернативой практически для половины мира того

времени. Тогда Ватикан, с одной стороны, обращал внимание христиан, равно как и всех людей доброй воли, на негативный опыт прошлого; с другой стороны, он указывает на новые вызовы современности, среди последних называя глобализацию, финансовые потрясения, распад традиционных ценностей, усиленное вооружение не только оружием, но и идеологией, чтобы его использовать. А в качестве основных советов папы предлагали развивать образование и оглядываться на основы католической концепции социального учительства, разработанной еще Львом XIII, при создании документов по жизненно важным темам, таким как налогообложение, охрана окружающей среды, интеграционные объединения.

Почему папство акцентирует важность образования? Дело в том, что в эпоху кризисов, особенно периода между 2004 и 2014 гг., государство в развитых странах не смогло выполнять взятые на себя социальные обязательства в полном объеме. Следствием этого стали попытки граждан взять вопросы здоровья и пенсионного обеспечения в свои руки. И тогда на первое место выходят дети. Ведь именно на обучении детей базируется будущая экономика и их возможность помочь своим родителям в лечении и старости. Отметим также и то, что в XX в., например в США, наблюдался рост активности населения в социальной сфере и в сфере благотворительности. Государство сокращалось, оставляя все больше места для частной и добровольно-коллективной социальной ответственности, причем не только в самих США.

После распада социалистической системы Ватикан, согласно издателю книги «Католическое социальное учение и рыночная экономика» Бооту, видит основную задачу государства в обеспечении предсказуемости, т. е. в планировании социально-экономической деятельности. А этого можно добиться только через создание правовых рамок, что по силам лишь государству. Если же юридические и политические процедуры не зафиксированы, то нельзя говорить о цивилизованном экономическом развитии и процветании общества. Однако именно этим правительство и должно ограничиться. Иначе государство превращается фактически в монополию.

Как считает Боот, государству, даже если оно само по себе христианское, не следует брать на себя обязанности, которые призваны исполнять различные легальные структуры общества, например, союзы предпринимателей или работников, или религиозные общины. Однако это верно лишь в том случае, если такие структуры в силах сделать это сами. Так, если государство вмешивается в такие сферы? как перераспределение товаров, обеспечение социальной поддержки и уход за больными и престарелыми там, где то же самое могли бы сде-

лать общины, то, делая это, государство ослабляет христианскую любовь и заботу. Именно эти любовь и забота, или просто-напросто живое человеческое участие, мотивируют развитие человечности в виде свободной воли, благотворительности и взаимной поддержки. А для реализации всех перечисленных плодов такого участия, в первую очередь щедрости и подаяния, необходима частная собственность. Условия для укрепления последней и призвано обеспечить государство.

Развитие принципов общего блага, солидарности и субсидиарности

Сохранила свою актуальность концепция общего блага и ее основные принципы в виде солидарности и субсидиарности. Однако в связи с усилением роли государства произошли определенные изменения. Боот определяет общее благо на основе церковной конституции «*Gaudium et spes*» (GS), цитируемой по Католическому катехизису от 1994 г., как совокупность социальных условий, позволяющих людям проще и полнее исполнять обязательства и восполнять нужды. Концепцию солидарности он рассматривает через призму энциклики Бенедикта 16 «*Caritas in veritate*» (CV) как присущую человеку от рождения заботу и ответственность за других членов общества, в котором он появился на свет. Но не как попытку государства искусственно создать государство всеобщего благосостояния. Принцип субсидиарности рассматривается не столько как делегирование полномочий правительства на нижестоящие уровни, что было характерно для XX в., сколько как возможность государства вмешиваться в дела нижестоящей организации с тем, чтобы она благодаря этому вмешательству смогла реализовать свои легитимные цели, созидая общее благо.

К такому вмешательству можно отнести, например, установление минимальной заработной платы, если благотворительные организации не могут позаботиться о нуждающихся. Другим примером может быть финансовая поддержка бедных со стороны правительства, чтобы покрыть необходимые расходы на их обучение, а не финансировать общее обязательное образование. В рамках же правительственных структур Евросоюза принцип субсидиарности выражается в том, что именно вышестоящая структура определяет цели и требует приверженности к ним со стороны нижестоящих структур. В такой трактовке проявляется секулярное понимание принципа, идущее вразрез с католическим социальным учением, особенно в XX в. Если же принцип субсидиарности нарушается, то в качестве последствий выступает эксплуатация ресурсов, в первую очередь, работников, например, транснациональными корпорациями. Такое часто бывало в развивающихся странах глобального Юга. Обычно это вызвано

нарушением контрактов и прав собственности, когда государство пренебрегает ролью защитника своих граждан. Еще одним последствием нарушения или отказа от принципа субсидиарности, как это описывает Компендиум католической социальной доктрины от 2005 г., может быть ограничение, а то и полное уничтожение свободы и экономической инициативы.

Бог и хозяйство: религия и ответственность

Следует иметь в виду и еще один аспект субсидиарности. Правительственное вмешательство не должно ограничивать развитие культуры, ибо культура и религиозная мораль христианства, как показывает Боот на примере CV, не столько подрывают, сколько дополняют систему хозяйствования. А как замечает Джаябала в книге Боота, субсидиарность формирует социальную и индивидуальную ответственность, в частности самоуправление.

Если сегодня заходит речь о противопоставлении Бога и экономики, то такое противопоставление сводится к альтернативе между деньгами и властью, с одной стороны, и Богом и любви в смысле участия, с другой. Тенденцию к наживе и жадность Мюллер в своей работе «Бедность. Вызов вере» называет позором нашего времени и ассоциирует их с неолиберальным капитализмом. Спиесс, комментируя воззрения Мюллера как коренящийся в вере призыв к социальной ответственности, считает, что обновление веры может стать средством против алчности homo oeconomicus. Социальная справедливость, исходящая от государства, такого эффекта дать не может. В этом критика капитализма Мюллера близка концепциям пап Иоанна-Павла II и Бенедикта XVI. Мюллер утверждает, что осознание ответственности человека перед Богом и дух братства должны стать основными ориентирами человеческой личности. Именно посредством этого может быть преодолена жажда денег и власти как источника всех зол. В противовес этой концепции капиталистическая и марксистская идеологии прогресса являются, как утверждает Мюллер, системами, враждебными человеку. Обе системы заменяют господство Бога господством человека над человеком и отрицают Бога как источник происхождения человечности в человеке и его цель. В итоге, как капитализм, так и марксизм завершаются тоталитаризмом, а именно упразднением свободы и уничтожением человеческого достоинства. Именно это демонстрирует историческое развитие тоталитарных и неолиберальных экономических систем XX в.

Государство и хозяйство: бюрократия и налогообложение

Функционирование государственной бюрократии в государствах с рыночной экономикой попадает в орбиту социального учи-

тельства в 1980 г. Тогда в своей энциклике Иоанн-Павел II еще не рассматривал вопрос ее эффективности. Однако он замечал, что размер и влияние бюрократии настолько велики, что рабочий чувствует себя колесиком, приводимым в движение огромным механизмом, внутри которого он работает. Бесспорно, работа государства или его опека экономики проявляется в функционировании бюрократического аппарата. Без государственных служащих сегодня не обойтись. Но именно их существование делает функционирование государственного сектора порой неэффективным. Причина заключается в том, что, во-первых, бюрократия представляет собой препятствие, которое надо преодолеть человеку, обратившемуся в государственные структуры, в том числе за помощью. Во-вторых, бюрократия склонна к тому, чтобы заботиться больше о своем существовании, чем о благе того, кому она служит. Она пытается расширить свою численность и зарплаты своим работникам, потребляя богатство, предназначенное всем гражданам государства, особенно нуждающимся. В-третьих, бюрократия зачастую не имеет инструментов для проведения различия между людьми, действительно оказавшимися в нужде, и незаконными требованиями социальной поддержки. Иоанн-Павел II выражал беспокойство в отношении того, что публичные агентства социального государства, увеличиваясь в количестве, забирают у общества энергию и средства для развития.

Как считают Боот и Вудс, государство не должно облагать чрезмерными налогами доходы индивидов. Иначе индивиды не смогут проявить щедрость и разделить свое благосостояние с другими людьми. Государство же в таком случае будет, скорее, мешать, чем помогать процветанию людей. Однако это не означает, что налоги должны быть маленькими. Ведь именно от них идет финансирование программ помощи. Более того, упомянутый Компендиум католической социальной доктрины не содержит каких-либо аргументов в пользу ограничения налогообложения. Еще одной важной идеей является то, что доходы граждан не должна съедать крупная инфляция.

Опасности постсоциалистического государственного регулирования хозяйства

Согласно «Centesimus anno» (CA) и упомянутому Катехизису, Ватикан в духе энциклик XX в. не желает отказываться полностью ни от элементов капитализма в виде механизма рыночной экономики, ни от социализма в виде сильного государства. Первое призвано дать людям возможность заработка от труда в духе классиков политэкономии, а второе — гарантировать частную собственность в духе Нелль-Бройнинга, индивидуальную свободу в духе Канта, стабильность ва-

люты в духе Фридмана, эффективную и честную работу в духе Ленина.

Папство бросает упрек государственным программам по финансированию безработных и пенсий, из-за которых якобы исчезло братское общество. Сирико в книге Боота считает, что уплата налогов формирует у людей ложное представление о якобы исполненной заботе о ближнем. Эту тему развивает Бенедикт XVI, указывая на недостаточность даяний через налоги: даже если государство помогает нуждающимся, христианам не стоит охладевать в даянии. Боот же в целом положительно характеризует возможность государства осуществлять массовую социальную поддержку, пусть даже среди получателей социальных выплат будут находиться те, кто в них не особо нуждается, а взиматься средства будут, в том числе с тех, кто не может себе этого позволить.

Следует иметь в виду, что принятие государственного регулирования не означает однозначную поддержку Католической церковью всего инструментария социализма. Ватикан считает, что государственное регулирование не должно врывать во все сферы общества. Например, человеку должна быть оставлена свобода выбирать религию, а обществу — ее развивать. Ратцингер провозглашает свободу совести основой всех свобод.

Еще одним примером, как считает Сирико, может быть забота об обездоленных. Когда государство берет на себя заботу о полностью или частично оставленных детях, оно тем самым нейтрализует чувство ответственности родителей, особенно отцов. Результатами финансовой поддержки одиноких матерей становятся рост их числа и обесценение ценности семьи. Более того, он считает, что допускать не всегда эффективное государственное доминирование в этой сфере опасно, поскольку это очень важная сфера для самосохранения нации.

Провалы государства в деле социального обеспечения

Сирико указывает на три негативные вещи, вызываемые вторжением государства в социальную сферу. Во-первых, социальное государство нивелирует социальный статус получателя государственных пособий, ставя его в положение зависимого. Во-вторых, социальное государство формирует мнение среди благотворителей и работников частных благотворительных учреждений, что их помощь и работа больше не нужна. В-третьих, те средства, которые выплачиваются из государственного фонда социальной поддержки, могли бы пойти на создание более эффективно работающего частного благотворительного сектора. Тем не менее, согласно Сирико, ссылающегося на Бенедикта XVI, в обществе, несмотря ни на что, остается институт, который и дальше будет оказывать социальную поддержку нуждающимся.

Этот институт — церковь. Папа, стараясь сохранить христианскую традицию заботы о ближнем в эпоху социального государства, уверяет, что никогда не настанет момент, когда помощь хоть какого-то христианина не будет востребована. Поскольку самое важное, в чем нуждается человек, — это любовь в высоком смысле слова. В своей энциклике «Deus caritas est» папа Бенедикт указывает на то, что действия государства, какими бы благонамеренными они не были, не могут сравниться с тем, что происходит от чистого сердца.

Иоанн Павел II уже использовал энергичные выражения, описывая негативную роль государства в сфере социальной заботы о населении. Он писал о злоупотреблениях и непонимании государством своей задачи в последние годы и призывал уважать принцип субсидиарности в понимании Пия XI. А именно, что вышестоящая социальная структура должна гармонизировать отношения между сообществами и индивидами. Она может помочь нижестоящей структуре только в нужде или, если возникают сложности, в координации. Или — если налицо неизбежный провал. Но вышестоящая структура не должна вмешиваться в дела нижестоящей, не давая ей исполнить свои функции. Государство не должно восприниматься как первая инстанция по решению любых проблем.

Каким должно быть государство и что оно должно поддерживать

Ссылаясь на СА и Катехизис, Боот подчеркивает, что идеальная система хозяйствования предполагает свободу индивида, частную собственность, стабильную валюту, эффективные государственные услуги, государственные гарантии и поддержку юридических механизмов реализации контрактов. И задача государства в том и заключается, чтобы гарантировать трудящимся возможность работать и пользоваться плодами своего труда, и, таким образом, иметь стимул к честной и эффективной работе. Бенедикт XVI не хотел иметь ничего общего с государством, контролирующим и регулирующим все и вся. В его понимании государство должно, следуя принципу субсидиарности, ограничиться признанием и поддержкой инициатив, возникающих в разных социальных слоях, и одновременно с этим стоять рядом с нуждающимися.

Сирико перечисляет семь уровней общественной иерархии, на которые должен распространяться принцип субсидиарности. Это — государство, общество, регион, община, церковь, семья, индивид. Эти социальные уровни, или сферы, взаимодействуют друг с другом, но не теряют при этом своей идентичности, поскольку каждый уровень выполняет свою задачу, каждый является важным для функционирования целого, т. е. всего социума, всей страны. Если каждая сфера занимается своими делами, насколько это возможно, то их

функционирование достигает максимальной эффективности. Причиной тому Сирико называет близость соответствующей сферы к людям, проблемы которых она призвана решать. Например, он считает, что оптимальными уровнями для заботы о бедных или пожилых людях были бы семья, церковь, община, но никак не нация или государство. Иными словами, принцип субсидиарности находит свою полную реализацию, когда соответствующий уровень социальной иерархии концентрируется на нуждах тех людей, чьи интересы наиболее точно соответствуют возможностям их удовлетворения на этом уровне.

Сирико отмечает, что уже много католиков видят рецепт борьбы с материальной бедностью в растущей экономике, создающей богатства. Благодаря этому возможны создание рабочих мест и улучшение условий труда и заработка. Но для этого экономику следует освободить от чрезмерной государственной опеки, даже если в ней не все люди могут найти «место под Солнцем», будь то из-за отсутствия инициативы или неудачи. Цитируя GS, Боот предлагает бороться с бедностью путем перераспределения части доходов богатых государств в пользу бедных через более высокие налоги. В качестве другого мер, ссылаясь на Бенедикта XVI, он предлагает сделать торговлю принципиальной формой помощи. Боот подразумевает под такой торговлей справедливость в обмене и распределении богатств между странами в духе «*Octogesima adveniens*». Далее, ссылаясь на кардинала О'Браена, он указывает на недопустимость в сфере международных отношений требований со стороны государств-доноров проведения внутренней политики по их указанию, даже если такая политика может стимулировать экономический рост. Обратными сторонами подобных требований могут оказаться экологическая катастрофа, сокращение расходов на образование и здравоохранение, особенно если страна-донор предлагает сократить бюджетные расходы стране — получателю помощи.

Рынок: против социализма, но за социальность

Что касается рынка, то, как утверждает Кеннеди в книге Боота, он не является причиной гедонизма. Ее, скорее, стоит искать в культуре капитализма. Из всех экономических систем XX в. Ватикан, как указывает Боот, отдает предпочтение именно рыночной экономике, в рамках которой более эффективными оказываются производство и распределение ресурсов. По сравнению с ней социалистическая экономика не имеет такой эффективности, а значит и уровень жизни людей в ней более низкий. Причина более высокой эффективности рыночной системы видится в отсутствии централизованного планирования со стороны государства. Ведь человек, как утверждает Писание, не имеет всей полноты знания. Значит, ему недостает уме-

ний идеально спланировать в большой стране распределение экономических ресурсов. Однако договаривающиеся стороны в рамках каждой сделки знают, что именно им желанно, и могут прийти к соглашению, которое оптимально удовлетворит их интересы, т. е. совокупность ограниченных систем, где эгоистичный интерес является мотором экономической активности, в целом направлена на улучшение благосостояния общества в целом. Согласно CV, такой интерес выражается не только в эгоизме, но и в расчете на соответствующее ответное действие, и даже в благотворительности в духе Маршалла. Однако это не касается сферы государственного управления, где реализация такого интереса может вызвать перераспределение ресурсов через политическую систему в личных интересах чиновника.

Важным моментом выступает тот факт, что благодаря свободному рынку и, в первую очередь, чувству солидарности, служащей основой различных ассоциаций, было создано огромное богатство. Именно свободный рынок делает возможным распределение этого богатства как реализацию католических добродетелей, в частности дел милосердия. Однако надо подчеркнуть, что позыв к благотворительности приходит не от рынка. Он рождается в человеческом сознании благодаря вере, распространяемой церковью.

Религиозные люди тратят на благотворительность больше, чем нерелигиозные. Но беда частной благотворительности в том, что в одних областях ее расходы больше, чем тратится на государственные пособия, а в других областях частные расходы куда меньше государственных. Хотя в частном секторе к проблемам нуждающихся относятся более чутко и уходят от проблемы зависимости дающего от дателя. Кроме того, частная благотворительность как пример добродетели способствует усилению морали в обществе.

Благотворительность, как считает Сирико, должна быть добровольной. Ведь именно к этому призывал Иисус своих последователей. Он не предлагал передать эту деятельность государственным служащим. Поэтому, когда государство берет на себя социальное регулирование, это не есть реализация евангельской заповеди помогать бедным. Этим оно скорее вредит, чем помогает, поскольку секуляризация благотворительности и перевод заботы о ближнем на государственные рельсы уничтожают в этих добродетелях инструмент служения Богу. Ссылаясь на Хунгермана, Сирико проводит параллели между усиленным государственным регулированием постсоциалистической эпохи и временем реализации Нового курса Рузвельта. Перед Великой депрессией благотворительный сектор США тратил в шесть раз больше по сравнению с государственными расходами на благотвори-

тельность. С началом реализации программы Нового курса церковные расходы на благотворительность резко сократились.

Международная поддержка развивающихся стран

Если известны пути преодоления бедности, будь то с помощью денег или времени, но для этого ничего не сделано, то это является моральным провалом. Церковь считает, что помощь для преодоления крайней бедности в семье народов должна идти не только от добровольных дателей, но и от государства посредством внедрения дополнительных или более высоких налогов для финансирования поддержки бедных государств. Так, Боот, ссылаясь на *Populorum progressio* (РР), считает, что благотворитель должен не только сам финансировать проект, спонсором которого он является, но и прилагать усилия к тому, чтобы правительство увеличило налоги и, тем самым, расширило финансирование его проекта. Хотя он признает, что не все католики поддержат эту инициативу. Католический катехизис возлагает всю тяжесть финансовой помощи бедным странам на богатые нации.

Следует помнить, что международная помощь, направляемая правительствам нуждающихся стран, нацелена на оживление инвестиций, развитие образования и здравоохранения. Она не должна оказываться на старых условиях, если становится понятно, что помощь идет не на развитие страны, а на потребление государственным аппаратом, особенно коррумпированным. Какими именно должны быть новые условия помощи — не совсем ясно. Боот ссылается на отсутствие анализа данного вопроса. Но он уверен в том, что помощь должна оказываться несмотря ни на что. Причем, как становится ясно из РР, страны-получатели должны сами решать, на какие проекты они пустят полученные средства. В противном случае, как показывает практика, диктуемые экономические реформы не увенчиваются успехом. Даже если государство следует советам доноров, то государственные механизмы использования помощи внутри страны не показывают такой эффективности, какую мог бы показать частный сектор, попади эта помощь туда. Также стоит отметить, что, как замечают Нелль-Бройнинг, Новак, Пешке и Боот, нет доказательств тому, что внешняя помощь является фактором внутреннего развития стран. Дело в том, что, начиная с 1950 г., когда началось оказание международной помощи в больших масштабах, некоторые страны увеличили свое благосостояние, а другие — нет. Трудно провести параллели между помощью и экономическим ростом, с одной стороны, и между помощью и улучшением продолжительности жизни — с другой.

Заключение: а был ли XX век?

Две энциклики, а именно *Rerum novarum* и *Centesimus anno*, выступают двумя пиками католического социального учения. Как и все социальные энциклики между ними, последняя является комментарием к первой с точки зрения современных условий хозяйствования. Если в конце XIX в. следовало адаптировать «моральную дисциплину бедности» под мир «дядей Скруджей», то на переломе XX и XXI вв. встает вопрос о том, как создать этические рамки для мира процветания. Этот вопрос поставил Бенедикт XVI.

Важной особенностью современного мира стало сильное государство, которое в течение XX в. обложило налогами ресурсы и смогло взять на себя, в первую очередь в Великобритании, Западной Германии, Австралии и США, то, что раньше было характерно только для церкви, а именно социальную поддержку малоимущих.

Основание для объединения работы правительства и рыночной экономики Боот видит в том, что распределение ресурсов рынком происходит на основании соглашения, или контракта. Государство же в своей распределительной деятельности руководствуется законом. К поддержанию правления закона, говоря про государство, Сирико добавляет правосудие. В отношении закона он делает предупреждение о возможных коллизиях интересов труда и капитала. Например, предоставляя каждому гражданину право на труд, закон может обязать нанимателя брать на работу конкретных людей. А это может противоречить не только его праву экономической свободы, но и нарушить стабильность работы предприятия. Особенно, когда наниматель хочет нанять кого-то другого, например, иностранца.

Эффективность государственной социальной политики по сравнению с частной остается под вопросом. Ведь если в частном секторе благотворительности работают волонтеры или работа добровольна по определению, то государственному сектору необходима бюрократия, которой не всегда достает человечности. Полноценная и эффективная помощь приходит от щедрости, которая в свою очередь проистекает от богатства, создаваемого благодаря рынку. Щедрость же выражается не только в деньгах, но и в свободном времени, которое люди с хорошим достатком могут потратить, будучи задействованными в добровольных проектах, посвященных нуждающимся.

С.Н. ТУРИЦЕВ

Антропологический подход в оценке локальных событий

Аннотация. Векторы интересов даже самых дружественных стран во многих случаях не совпадают, а иногда оказываются враждебными по сути. Всегда существует необходимость поиска обоюдовыгодных решений. Недостаточно одного чисто экономического подхода в организации жизни. Отдельный человек и государство — открытые саморегулирующиеся биосистемы — и, хотя бы они этого или нет — подчиняются законам биологии, законам выживания биосистем, которые существуют и будут существовать объективно, пока есть живой мир. Любой проект, любые события, прежде всего, должны оцениваться с позиций антропологии и теории биосистем.

Ключевые слова: антропология, биосистемы, формирование, экономика, политика, события, государство.

Abstract. The vectors of interests of even the most friendly countries in many cases do not coincide, and sometimes hostile in fact. There is always the need of finding win-win solutions. More than a purely economic approach to life. Individual, and the state open Biosystems and intelligent, they like it, or don't want — subject to the laws of biology, laws of the survival of biological systems that exist and will exist objectively, while there is a living world. Any project, any events, especially, should be assessed from the standpoint of anthropology and theory of Biosystems.

Keywords: anthropology, biological systems, system formation, Economics, politics, events, state.

Жизнь изменчива, и можно констатировать, что скорость перемен стремительно возрастает. Хорошо это или плохо? Что это несет человечеству? А главное, как не потерять контроль над событиями? С каких позиций оценивать происходящие изменения? Какой вектор нужно сохранять и развивать? К чему стремиться? Все эти вопросы предельно актуальны, и их решение может основываться только на адекватной теории, объективном и рациональном подходе.

За последние два-три десятилетия мир существенно изменился за счет *глобализации*, сверхбыстрого развития информационных технологий и их успешного применения. Особенно глубокие изменения произошли в странах Восточной Европы. Не вызывает сомнения, что эти процессы отнюдь не стихийные, не случайные, как и вообще все события в мировой политической и экономической жизни. Всегда есть небольшие группы специалистов, которые эти процессы модели-

руют, прогнозируют, иницируют, контролируют. Если пристально взглянуть на жизнь этих стран, то можно констатировать: наряду с их вовлечением в процессы глобализации, существуют и тенденции противоположного толка — самоидентификация национальных сообществ, отстаивание государственных интересов в противовес блоковым, сохранение и развитие культурных и иных национальных традиций, собственная геополитика. Отдельным странам, особенно небольшим, трудно полностью контролировать события, так как ситуация зависит от огромного числа факторов: взаимоотношений с соседними странами, поставок энергоносителей, высоких технологий, исторических традиций, политических приоритетов национальных элит...

Уместно сказать: *экономика — родная сестра политики*. Векторы интересов даже самых дружественных стран во многих случаях не совпадают, а иногда оказываются враждебными по сути. Всегда существует необходимость поиска обоюдновыгодных решений.

Объективный научный анализ картины мира нужен всем без исключения — мы все в одной лодке, а лодку тянет к краю пропасти. Могут спросить: а есть ли край у океана? Есть — один океан кончается, начинается другой — чужой. А ведь лодку может выбросить и на скалы... И даже если кто выживет в этой лодке, в другом океане — будет уже членом совершенно другого сообщества, которое будет иметь другое содержание и, возможно, название.

Для нас очевидно, и это подтверждается событиями в странах бывшего соцлагеря, что недостаточно одного чисто экономического подхода в организации жизни. Его применение в чистом виде привело к серьезным экономическим, технологическим, демографическим и, в конечном итоге, геополитическим потерям. В чем же дело? Вроде бы все просчитали, запланировали — а программы не работают, улучшения нет и не предвидится, теряется потенциал.

Многие политологи, аналитики готовы рассуждать о чем и о ком угодно, искать какие угодно координаты и ориентиры, чтобы понять окружающий мир и прогнозировать его будущее: о макроэкономике, о Боге, о цифрах, о звездах, а вот главное — человека, его биологическую сущность и основную роль во всех процессах, входящих в понятие «жизнь», оставляют в стороне. Как-то странно, что многие не понимают или не принимают простую логическую цепочку, которая предельно точно и лаконично объясняет, кто есть кто в природе: человек — биологический объект, живет только в биологической среде; государство создают и составляют люди; и отдельный человек, и государство — открытые саморегулирующиеся биосистемы и — хотя бы они этого или не хотят — подчиняются законам биологии, законам

выживания биосистем, которые существуют и будут существовать объективно, пока есть живой мир.

Всегда присутствует довольно высокий процент непредсказуемости, который обусловлен трансформацией и фокусировкой, казалось бы, учитываемых факторов. Это феномен «*жизни систем*» — порождение и продукт саморегуляции, выработки решений, действий самих систем. Есть ли какие-либо универсальные подходы, технологии, которые могли бы помочь в преодолении непредсказуемости? На наш взгляд, надо опираться на теорию, в которой центральной фигурой будет человек, со всеми его биологическими особенностями и, вместе с тем, понимать, что человек — лишь малая часть природы, мироздания.

С позиций биологии люди — это не что иное, как биологические объекты, животные на высокой ступени эволюции живого. А наиболее емкое определение человеку и человеческим сообществам таково: это *открытые саморегулирующиеся биосистемы* [1, 107—108; 2, 296—298]. Наше определение: *биосистема* (филос., биол., мед.) — сложившийся или выделенный морфофизиологический (структурно-функциональный) комплекс, обладающий способностью саморегуляции, анализа, выработки и принятия решения, действий с целью поддержания и увеличения жизнеспособности, приспособления к изменению внутренних и внешних параметров. Системообразующими являются *цель и задачи* данной системы. Причем изначально каждой биосистеме присущ главный системообразующий признак — *сохранение жизнеспособности*. Все остальные цели и задачи — производные и призваны укреплять жизнеспособность, сделать жизнь более комфортной и безопасной, сделать ее приемлемой для генетически обусловленной особенности самой биосистемы.

В оценке любых событий с участием человека, прежде всего, надо опираться на теорию биосистем. Системная организация — это от природы [3, 5—8; 4, 3—10]. Правомочно говорить о *биосистеме-человеке* и о *биосистеме-государстве*. Система может быть хорошей или плохой, устойчивой или неустойчивой, но все складывается ровно так, как должно сложиться по совокупности обстоятельств — это как рождение ребенка: играют роль процесс зачатия и генетические факторы, вынашивание плода, влияние внешних факторов... *Государство — это форма организованной жизни народа (нации), а его содержание и суть — народ*. Эти обстоятельства позволяют сформулировать важное правило: народ, живущий по чужим законам, не являющийся хозяином своей земли и средств производства, не способный проводить внутреннюю и внешнюю политику в своих интересах, теряет

самоидентификацию, государственность и будет называться так, как его назовут.

Силу и мощь государства определяют его биоресурсы: прежде всего люди, органические энергоносители, леса, реки, земля, полезные ископаемые и все жизненное пространство, в котором мы живем. Однако недостаточно просто наличия этих ресурсов. Важнейшее значение имеют организация жизни, структурирование жизненного пространства [5, 149—152; 6, 6—7]. А это определяется в первую очередь идеологией, которая является продуктом когнитивной деятельности человека и составляет основу любых программ жизни общества, будь то экономика или культура, оборона или образование. Совсем недавно многие призывали (и призывают) к полной деидеологизации. Но ведь это тоже идеология — это надо понимать. Любая программа, должна предельно четко ответить на несколько вопросов: для чего и для кого? во имя чего? как? С позиций теории биосистем это и определяет цель и задачи биосистемы — главные системообразующие (государствообразующие) элементы. Подчеркнем: *системная сверхзадача — сохранение самости.*

Нынешние проблемы некоторых бывших соцгосударств во многом схожи. Правящие элиты, порой, без каких-либо весомых аргументов убеждают, что все идет хорошо, успешно развивается. Одна из характерных черт этих манипуляторов — полная оторванность от настоящего, они никак не хотят достоверно объяснить, почему есть провалы нынешней политики, которую они обслуживают. Видимо, поэтому все чаще вещают о некоем будущем — рассказывают, как люди будут жить через 10—50 лет... Между тем, становится понятно, что всем этим «специалистам» и «профессионалам» страшновато в тех жизненных реалиях, которые они сами и устроили: безработица, высокая преступность, низкая зарплата, дорогие лекарства, высокая смертность, нехватка качественной еды, жилья, неработающая правоохранительная система... Им самим хочется безопасности, спокойствия, нравственности и любви. Многие явно не уверены в благополучии и светлом будущем своих детей, направляя их учиться и жить за границу. Да и себе готовят «гнезда» на Западе.

Справедливости ради отметим, что есть и трезвые головы среди политиков и ученых, отдающие должное «человеческому фактору», отмечающие, что никакая «вылизанная» программа не будет работать без его учета: «...ну не принимают это люди — и все тут...».

Системный анализ предполагает обязательное исследование антропологического аспекта в любом проекте. Любые экономические схемы и концепции должны учитывать «человеческий компонент». Это людские ресурсы, национальный состав, традиции, стимулы, мо-

тивация, предпочтения... Это и чисто медицинский аспект, и демографический, и социальный, и религиозный...

Такой анализ привел многих к выводу: *не все решают деньги, но все решают люди.*

Главный ресурс государства — его народ. Надо думать о нем, его жизнеспособности, а не о взятых с потолка «высоких» цифрах или о том, что скажут звезды, или что подскажут иноземцы.

Что дает антропологический, биосистемологический подход? Можно постулировать: жизнеспособность и конкурентоспособность биосистемы (человека, государства и др.) зависят от точности восприятия окружающего мира, правильности его оценки (анализа), прогноза и принятия решений. Нужны надежные механизмы реализации назревших преобразований. Нужна не просто стабильность, а стабильность развивающихся и выживающих систем. Главный критерий всех событий — повышение или понижение жизнеспособности биосистем.

Таким образом, любой проект, любые события, прежде всего, должны оцениваться с позиций антропологии и теории биосистем: как эти существенные факторы влияют на жизнеспособность всей иерархии заинтересованных фигурантов — от отдельного человека до мирового сообщества.

Литература

1. *Турицев С.Н.* Жизнеспособность как главный признак государства-биосистемы // Постмодерновые реалии России / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2007.
2. *Турицев С.Н.* Модель государства с позиций теории биосистем // Вековой поиск модели хозяйственного развития России. Волгоград, 2008.
3. *Анохин П.К.* Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций. М., 1973.
4. *Bertalanffy L.* General System Theory (Foundation, Development, Application). G. Brazillier, N.Y., 1993.
5. *Турицев С.Н.* Тенденции в трансформации государственных институтов // Экономическая теория в XXI веке — 4 (11) // Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2006.
6. *Турицева Г.С., Турицев С.Н.* Факторы формирования институциональной системы // Диалог культур — 2010: наука в обществе знания: сб. науч. тр. межд. науч.-пр. конф., Секц. 4. СПб., 2010.

С.С. НИПА

Экологизм: за и против неоиндустриализма

Аннотация. Рассматриваются возможности осуществления идей экологизма в условиях формирования неоиндустриального технологического уклада экономики. Анализируются особенности проявлений неоиндустриализма в сфере экологической деятельности.

Ключевые слова: экологизм, неоиндустриализм, природа, человек.

Abstract. The article reviews the possibility of realizing ideas of ecologism in conditions forming neoindustrial technological type of economics. Analyzes special appearances of neoindustrialism in ecological scope.

Keywords: ecologism, neoindustrialism, nature, human.

Неизбежный прогресс науки, техники и технологии, рост численности населения и высокие темпы урбанизации приносят существенные преобразования в структуру и функционирование геосистем, что в свою очередь способствует проявлению возможных последствий (положительных и отрицательных) в экологической обстановке как в отдельных геосистемах, так и в целом на глобальном уровне — во всем мире. В связи с чем в настоящее время все большее значение приобретает такой фактор, как экологическая защита человека в новом неоиндустриальном мире.

Неоиндустриализация — как одно из актуальных понятий современности — сравнительно широко рассматривается в специальной литературе различных направлений. С точки зрения Ю.М. Осипова, неоиндустриализация «это, с одной стороны, продолжение индустриализации, а с другой — ее отрицание. Полагание с отрицанием вместе, причем не только в плане сохранения всего, или почти всего, или просто многого из индустриального — как базиса (полагание), но и в плане дополнения уже старого индустриального качественно новым индустриальным, которое уже и не совсем индустриальное — не металлическое, не машинное, не тяжелое, не весомое, не видимое, а именно — химическое, биологическое, микромирное, счетно-информационное, мегамирное, во многом уже внечеловеческое (вместочеловеческое). Этакая неоиндустриальная индустрия, а может, хотя бы в части своей — и попросту неиндустрия, а скорее — “техничия”, технологизм, техниум» [1, 284].

Применительно к экологии философско-хозяйственный подход раскрывает перспективу трансформации сферы ее приложения. Рас-тущее отчуждение человека от естественно-природной среды, его все более глубокое погружение в им же самим возводимую искусствен-ную, не природную, ни по происхождению, ни по назначению — нео-индустриальную — среду обуславливает новый предмет экологии, который, в совокупности с исследовательским инструментарием — также неоиудустриального происхождения — обретает новое качество — развитие от пассивно-аналитической, созерцательной функции к активно-надзорной и проектно-созидательной (например, обязатель-ный раздел экологической экспертизы в проектах новых предприятий, целевые программы экологического оздоровления, просвещения, ре-гулирования ответственности в региональных масштабах). В таком контексте *экологизм* как подход к анализу и организации деятельно-сти в рамках общепринятого представления о науке экологии предпо-лагает стремление к сохранению в максимально возможной степени естественно-природного в окружении человека, к минимизации ущер-ба от его жизни и деятельности для всего окружающего мира, воз-можности воспроизведения природной первозданности там, где она утеряна по вине человека. *Радикальный экологизм* тогда — отчаянный призыв к возврату человечества к неолитическому бытию.

В соответствии с теорией технологических укладов С.Ю. Гла-зьева глобальное экономическое развитие в ближайшие два-три десяти-летия будет определять новый, VI уклад, становление которого свя-зано с освоением нанотехнологий, преобразованием и созданием новых веществ и материальных объектов, а также клеточных и генных технологий в сочетании с электронной промышленностью, информа-ционными технологиями, программным обеспечением [2].

Применительно к нашей стране задача неоиудустриализации является поистине первоочередной, отмечает В.Т. Рязанов. Именно в области будущего научно-технического прогресса разгорается главная конкурентная борьба за экономическое лидерство. Важным аспектом является указание на «новизну» программы иудустриализации. Если «старая иудустриализация» — иудустриализация «моторов и машин» — определила переход от аграрной к раннеиудустриальной экономи-ке, то ее современный этап опирается на информационные техноло-гии, био- и нанотехнологии, которые не только важны сами по себе, но и способны обновить облик традиционных промышленных отрас-лей [3].

В частности для данной стадии общественного и экономиче-ского развития характерны следующие особенности:

- многократное качественное обновление активной части основных производственных средств в пределах одного поколения людей работоспособного возраста;
- сокращение жизненных циклов товарных групп при одновременном росте их разнообразия, сроки морального устаревания средств производства и предметов потребления меньше сроков их физического износа;
- всеобщая информатизация общества; накопление, передача и использование знаний во всех сферах деятельности в пространстве и времени ограничиваются только способностью их освоения человеком;
- расширение сетевых информационных технологий, возможность образования новых виртуальных социальных и профессиональных сообществ с большим и скоростным потенциалом самоорганизации и трансформации;
- широкое внедрение средств дистанционного наблюдения и управления техническими объектами, что позволяет проведение непрерывного контроля процессов и систем любого рода тотальным, скрытым, неизбирательным, экономичным способом;
- формирование инфраструктуры скоростного транспортного сообщения, что дает возможность почти мгновенной концентрации и ввода в действие необходимых ресурсов при решении задач национального масштаба;
- системно-техническая интеграция, даже глобализация, ряда объектов инженерной инфраструктуры (транспортные и энерго- сети, сети передачи данных); теряют существенность географическая разобщенность мест производства и потребления, проблемы организации поставок;
- окончание периода экстенсивного освоения природных ресурсов; легкодоступные технические ресурсы близки к исчерпанию; трудоемкость и фондоемкость способов разработки остающихся ресурсов влечет интенсивный поиск их функциональных альтернатив;
- появление технологий вмешательства в эволюционно сложившиеся механизмы биологического естественно-генетического воспроизводства, в результате которых человеческий организм и все живое вокруг перестали восприниматься как неизменяемые целостные данности;
- появление гибких автоматизированных высокоскоростных производств снимающих проблему быстрого эффективного совершенствования конечной продукции, обновления ее номенклатуры и выпуска в объемах не более нужного в краткосрочной перспективе.

При определении действенности экологического типа сознания в условиях неоиндустриального уклада наилучшие перспективы имеет подход, учитывающий все многообразие интересов, потребностей, социальных и технических возможностей как сложившихся на текущий момент, так и прогнозируемых в будущем. Важнейшей идеей при этом является то, что естественно-природное окружение человека уравнивается с ним в праве на полноценное существование. В этой связи уместен вопрос о необходимости благородного самоограничения человечества в использовании доступных природных благ в ущерб своему скорейшему прогрессу. Рационально ли вообще сегодня затрачивать усилия на сбережение того, что в будущем заведомо обесценится? Сможет ли человеческое сообщество, агрессивное по характеру, добровольно отказаться от изъятия природных достояний в угоду собственным потребностям? Компромиссные решения, видимо, следует искать в выявлении и признании выгод для человечества сохранения природы в некотором самодостаточном состоянии. Обозначая такой вариант подхода как *прагматический экологизм*, представляется важным сформулировать некоторые его положения: а) человеческое сообщество и его естественно-природное окружение нуждаются во взаимосохранившем сосуществовании; б) все, естественно-природное, что не изучено до конца, и не может быть полностью искусственно воспроизведено, должно сохраняться как латентные знания; в) если разрушение неизбежно, следует сделать все максимально доступное для сохранения возможности воспроизведения аналога.

Для обоснования программ прагматического экологизма может быть использована теория сопряженного развития природы и общества, разработанная А. Брудным и Д.Н. Кавтарадзе [4]. Ими предложено охарактеризовать состояние систем (биосферы, общества) фазовыми состояниями, совокупность которых дает измеряемое множество; на основании этого выделено понятие «коридора возможных фазовых состояний» биосферы и общества. Таким образом, множество фазовых состояний общества не может быть больше множества фазовых состояний биосферы. При рассмотрении коридора возможных фазовых состояний биосферы и общества во времени следует вывод: стратегия неопределенно долгого существования человеческой популяции состоит в сопряжении траектории развития (динамики смен фазовых состояний) общества с фазовыми состояниями биосферы в процессе ее эволюции. Общество свободно лишь в выборе вариантов развития внутри этого коридора в конкретный исторический период, в противном случае возрастает вероятность наступления неблагоприятных событий. Сейчас, отмечает Д.Е. Кавтарадзе, наблю-

дается сужение коридора — уменьшение возможных фазовых состояний биосферы вследствие уменьшения разнообразия элементов. Расширение коридора возможно применением мер конструктивной экологии, реставрацией экосистем, реинтродукцией видов, уменьшением антропогенного пресса [4].

Формирование неоиндустриального уклада, сопровождаемое рядом нерешенных экологических проблем предшествующего уклада, одновременно является источником новых, связанных с качественным скачком в характере вмешательства человека в биосферу и ее компоненты. Вмешательства происходят уже на уровне внутренних механизмов саморегуляции природных систем.

Экологизм как осмысленный подход к организации взаимодействий природы и человека предполагает выявление ключевых факторов, носителей противоречий, которые в кризисном состоянии осознаются катастрофическим образом — как правило, запоздало и по факту необратимых последствий. Анализ этих факторов в дальнейшем позволит разрабатывать конкретные мероприятия и технологии по их нейтрализации.

Состав факторов, имеющих историческое подтверждение:

- исчерпание доступных природных ресурсов или осознание близости этого события, проявляющиеся как результат недооценки обществом реального объема и скорости неконтролируемого потребления (эксплуатации) им общедоступного, «ничейного», ресурса, например, истребление отдельных видов животных;

- накопление отходов жизнедеятельности социума в количествах и качествах, непосильных естественно-природному разложению и поглощению, что в немалой степени обуславливается противоречиями между краткосрочными интересами текущей деятельности и затратным обеспечением нормальных условий ее же осуществления в отдаленном будущем (одна из проблем — мусорные свалки, аккумулирующие отходы, критически отравляющие, уничтожающие источники ценимых обществом благ;

- массовое медленно действующее отравление суррогатами, биологическими, медицинскими и прочими препаратами, используемыми при производстве и обработке продуктов питания — результат недооценки долговременных последствий отхода от стандартов качества.

- растущая системно-техническая мощь, интеграция, наконец — глобализация, объектов цивилизационного жизнеобеспечения (энерго- и водо- снабжение, канализация) требующие все больших затрат на свое содержание и развитие, обретающие все большие уровни и масштабы опасности при авариях; разрушение систем жизне-

обеспечения крупных поселений сопровождается губительным воздействием на животный мир (примеры: Фукусима, отравление вод Амура китайским химзаводом).

- открытие и познание микробиологического богатства природы, клеточного устройства живых организмов, раскрытие тайн генетического воспроизводства жизни, позволяющие увидеть границы приспособления и устойчивости живых организмов к меняющейся среде, в том числе и иммунных потенциалов, невосприимчивости к ядовитым веществам, и вообще продолжительности функционально полного существования; наконец, стали понятны и пределы мыслительных способностей!

Следует отметить, что человек как биологический организм испытывает воздействие уже не столько естественно-природного окружения, сколько элементов искусственной среды. И уже преобразованная человеком среда обитания становится самостоятельным источником, генератором новых опасностей неоиндустриального происхождения. Примером проявления этого воздействия является отсутствие способности противостоять новым инфекционным поражениям, рост численности людей с патологическими нарушениями здоровья, как врожденными, так и приобретенными.

Источником экологических проблемы периода неоиндустриализации могут быть не только технические, химические и физиологические воздействия, но и неадекватное социально-психологическое восприятие окружающего мира. Например, шок «пробуждения из матрицы» (образ из фильма «Матрица») — болезненное избавление от зазомбированности, от слепого доверия к масс-медиа, создающих иллюзорные миры, неотличимые от реальных.

В.А. Кутырёв считает, что во взаимодействиях человека и техники важно сохранить самого человека, его субъектность. В условиях новейшего информационного этапа научно-технического прогресса деятельность человека выходит за пределы не только его чувств, но и за пределы его мыслей и воображения. Возникают все новые виды деятельности, где «чистое» человеческое мышление как и чувство нас больше не ориентируют. Этот процесс выливается в формирование компьютерной реальности, реальности отношений, а не вещей. Сфера деятельности людей превышает сферу их жизни. Природное бытие людей при случайном непосредственном контакте с их деятельной реальностью терпит поражение. Человеческая цивилизация превращается в постчеловеческую, а затем и в нечеловеческую. Сохранение естественной среды своего существования для человека является условием сохранения разума [5].

Какие возможности открываются для упреждения и защиты от этих экологических угроз в эпоху неоиндустриализма?

В толкование понятия неоиндустриализма практически всеми современными исследователями включается качество объединения интеллектуальных ресурсов человечества в вычислительно-информационные сети. Способности и возможности этого объединения закреплены говорящим самим за себя термином, в русском звучании — «сетео-социум» (термин Ю.М. Осипова). Объединенному таким образом интеллекту стало по силам ситуационное моделирование в режиме реального времени явлений и процессов планетарного масштаба. Накопленный объем знаний в связке с сетевым использованием распределенных вычислительных ресурсов дает возможность если не точного прогноза, то хотя бы вариативного исследования в сжатые сроки логически возможных вариантов развития опасных ситуаций. В частности, моделирование экологических последствий масштабной хозяйственной деятельности может обозначить наиболее напряженные участки и территории экологических рисков, обратить внимание на потенциал тех или иных анализируемых событий, выработать критерии упреждающей, косвенной оценки направления развития текущей ситуации.

Еще одна особенность формирующегося неоиндустриального уклада — скорость концентрации и ввода в действие ресурсов при решении задач национального масштаба. Быстрое реагирование — как некоторая качественная характеристика современной технологической базы. В сфере экологии быстрое реагирование, в совокупности с быстрым обнаружением и быстрой диагностикой опасных ситуаций, делает возможным раннее адекватное пресечение катастрофического развития таких событий, как лесные пожары, некоторые виды наводнений, локальные техногенные катастрофы.

Сетевые ИТ — как инструменты трудноподавляемой гласности и социального контроля, в частности, в сфере экологической ответственности. (Стали возможны независимые, неконтролируемые публичные огласки.) Широкая компьютеризация практически всех сторон деятельности человека позволяет усовершенствовать такой сложный процесс, как экологическое воспитание и экологическое образование населения.

Неоиндустриальное качество в способах сохранения биологического видового разнообразия проявляется в переходе от ограничительной консервации (заповедники) к стимулированию и регулированию естественного воспроизводства, к интенсивному искусственному восстановлению численности видов и условий их обитания, в том числе с использованием новейших биотехнологий. Нано- и биотехно-

логии применяются для создания материалов, аналогичных (или альтернативных) природным, компактное производство которых снимает проблему их изъятия из естественно-природной среды.

Наилучшие возможности для реализации экологической политики имеют страны с наиболее развитым экономическим и научно-техническим потенциалом. На примере Китая можно проследить, как с экономическим развитием страны меняется отношение к экологическим проблемам, осознается важность охраны окружающей среды.

В Китае рост промышленных мощностей, сопровождавший реформы, при полном игнорировании китайскими властями экологических проблем привел к настолько же активному загрязнению окружающей среды [6]. В современный период хозяйственная система и общество Китая вступили в фазу зрелости, когда на завершающей стадии индустриальной и потребительской революции разворачивается революция экологическая. Впечатляет ее нарастающий инвестиционный масштаб. Только в двенадцатой пятилетке (2011—2015) на экологические цели было выделено 5 трлн юаней (более 800 млрд дол.), причем в 2015 г. объем расходов почти в два с половиной раза превышает уровень 2011 г. В декабре 2013 г. сообщалось о новом масштабном плане улучшения качества воздуха в китайских городах. На реализацию только этой программы в 2014—2017 гг. выделено 1,75 трлн юаней (почти 300 млрд дол.) [7].

Осуществление идеи экологизма способствует смещению задач охраны среды из сферы организационного регулирования (штрафы, административное ограничение на использование, вмененные обязанности соблюдения чистоты и возмещения экологического ущерба, учреждение организаций контроля) в сферу целевого совершенствования экологических стандартов качества продукции и систем ее производства (например: стандарты состава выбросов двигателей и топливных систем, обязательная экологическая экспертиза строительных проектов, разработка экологически безвредных материалов). От борьбы с осуществившимися последствиями — к прогнозированию и предусмотрительному упреждению на этапе разработки проекта.

Экологизм как некоторое направление общественной мысли, касающейся взаимоотношений природы и человека, может найти в неоиндустриальных достижениях эффективные способы реализации своих устремлений. Однако потребности развития неоиндустриального уклада могут нести в себе угрозы, связанные, прежде всего, с недостаточно изученными на сегодняшний момент последствиями применения новых процессов, технологий, веществ.

Литература

1. *Осипов Ю. М.* Неоиндустриализация: сущность, значение и механизм реализации // *Философия хозяйства*. 2013. № 3.
2. *Глазьев С.Ю.* Новый технологический уклад в современной мировой экономике // *Международная экономика*. 2010. № 5.
3. *Рязанов В.Т.* Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты // *Экономическое возрождение России*. 2014. № 2.
4. *Кавтарадзе Д.Н., Овсянников А.А.* Природа в жизни, ценностях и доктринах современного общества. Раздел I // *Социально-экономические и правовые основы сохранения биоразнообразия*. М., 2002.
5. *Кутырёв В.А.* Естественное и искусственное: борьба миров. Нижний Новгород, 1994.
6. <http://naked-science.ru/article/sci/china-economic-growth-side-effects>.
7. *Салицкий А.И., Чеснокова С.В., Шахматов А.В.* Китай: мощный старт экологической революции // http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/kitaj_moshhnyj_start_ekologic_heskoj_revolucii_2015-03-23.htm.

Т.В. КУЗНЕЦОВА

Национальная самобытность понимания народности в диалоге мировоззрений

Аннотация. Понятие народности искусства, различные формы и жанры народного искусства, разнообразные варианты эстетики народности на материале эстетической мысли в социокультурном контексте.

Ключевые слова: эстетика, народность, национальное, своеобразие культуры, философия культуры, народность как философско-эстетическая категория.

Abstract. The notion of folk art paradigm, different forms and genres of folk art, folk aesthetic variations in aesthetic thought in socio-cultural context.

Keywords: aesthetics, folk paradigm, national, cultural uniqueness, philosophy of culture, folk paradigm as a philosophical and aesthetic category.

Сегодня, когда весь цивилизованный мир, созданный промышленным производством, наукой, демократией и инновационными технологиями, фактически находится под прицелом тех сил, которые опираются на некоторые обычаи той или иной современной ретрокультуры, наиболее актуальным является изучение этноса новым способом: не с точки зрения географической этнографии, а с точки зрения философской эстетики — ведь культура каждого этноса обладает индивидуальной эстетической составляющей. Прояснить и попытаться понять, какие идеи, на протяжении долгого времени владевшие умами человечества, сохраняют свое значение в будущем, какие продолжат свое историческое бытие, но уже в новой роли и с новым функциональным наполнением, а какие останутся лишь в архивах человеческой мысли.

Этнические ценности вновь приобретают особую значимость в современном мире. Активнее становится борьба этнических меньшинств за расширение своих этнокультурных прав в Америке, в Европе, а в 1980—1990 гг. этот процесс проявился и в нашей стране. Причем такая социальная активность не всегда происходит в спокойной форме, иногда это выражается в форме открытых социальных конфликтов, сопровождающихся волной насилия. В России эти факторы были дополнены сложными внутренними процессами, связанными с распадом СССР.

Системообразующим принципом народного искусства, по мнению большинства исследователей, использовавших системный подход к его изучению, является *этничность*. В этом смысле его следует рассматривать как акт этнического самоопределения народа. Народное искусство как система взаимосвязанных элементов и разнообразных связей с внешней средой организуется этническим осознанием, регулирующим процессы адаптации этноса к природной среде и внешнему этнокультурному окружению в меняющихся исторических социально-экономических условиях. Например, если в русской фольклористике уже существовала идущая от дореволюционных времен серьезная научная традиция, которую советские исследователи продолжили, то в области изучения прикладного и декоративного искусства деревни («материального фольклора») научная традиция фактически создавалась заново.

Центральные, направляющие мотивы «этнического ренессанса» — «поиск корней» и обретение утраченной идентичности, истолковываемой прежде всего как идентичность культурно-историческая. Этнокультурное своеобразие стало вдруг ценностью, определяющей переживание человеком таких понятий, как «я» и «мы». Во многих случаях (что характерно для Европы) эти настроения переплетались

со своеобразным культурным или даже культурно-политическим областничеством.

С изменением социокультурных условий изменилось их художественное содержание. Его будет составлять не выражение исключительных чувств: тщеславия, тоски, пресыщенности, сладострастия, доступных только тем, кто насильем освободился от свойственного всем людям труда, а простые естественные житейские переживания — всеобщность чувства, объединяющее всех людей. И может быть, не таким уж наивным покажутся людям будущего эстетические концепции народников, в том числе и толстовская «эстетика простоты»?

Этничность подспудно и часто совершенно неосознанно связывалась с «человеческими» формами существования и в этом качестве противопоставлялась формам «механической», «массовидной» жизни. Только в этом контексте становится понятным столь характерный для «ренессанса этничности» культ провинциального, или даже деревенского быта, традиции, «местной», локальной истории, как бы отнесенной куда-то на обочину победоносной «историей великих событий», но приобретшей вдруг самостоятельную ценность и даже претендующей на своеобразный реванш (теперь уже, конечно, постфактум). Впрочем, суть дела не всегда ограничивалась чисто культурной (культурологической) плоскостью.

Внутренний протест «малой» истории против «великой» имел и политический подтекст, часто неявный или глубоко скрытый, но нередко и выходящий наружу. Широта распространения «ренессанса этничности», охватившего страны с совершенно непохожими общественно-политическими условиями, позволяет сделать вывод, что данное явление было связано с определенными закономерностями, проявляющимися на определенном уровне развития независимо от внешних форм общественного устройства. Эта мода имела несколько составляющих. Часть из них, безусловно, носила чисто игровой характер: окладистые бороды, собирание икон, своеобразная «эстетика опрощения» и т. п. Но часть имела и серьезное культурно-творческое значение, вызвав к жизни неподдельный энтузиазм и подвижничество в области собирания, изучения и охраны памятников народной культуры, в частности, сельской деревенской архитектуры и предметов быта, которые еще недавно казались просто обветшалой рухлядью.

Интерес к народному искусству проникает «в толщу» общества, становится частью его повседневной жизни — интерес и к народному искусству, и к философско-эстетическому явлению создает новые культурные синтезы в новой социальной структуре. Разнообразие функций и расширение социокультурной среды, в которой традиционно существовало народное художественное творчество, создали

основу для формирования различных способов включения народного искусства в единую систему культуры. Соответственно этому применительно к нашей стране можно выделить несколько форм бытования народного искусства. Примеров активной жизни различных форм традиционного народного искусства можно привести немало. Но особенно красноречивы в этом плане факты, свидетельствующие о том, что в современных условиях народное искусство не только сохраняет и перерабатывает старые традиции, но и рождает новые.

Необычайный всплеск народного единения продемонстрировало народное шествие «Бессмертный полк» к 70-ти летию победы в Великой Отечественной войне. Жуков — «маршал Победы» и Жуков — кавалерийский вахмистр, безусловно, разные люди. Изменились среда и язык общения, интересы, уровень образования, круг чтения и многое другое. Но это уже «второй слой личности». А, оставаясь наедине с самим собой, маршал, как известно, любил поиграть на той простой гармошке, на которой игрывал, будучи простым солдатом, а еще раньше — подмастерьем-скорняком. Мог ли он, родившийся и выросший в смоленской деревне Стрелковке, где у него остались мать и близкие родственники, воспринимать есенинскую «страну березового ситца»?

Способность и вместе с тем желание сохранить народное искусство условия самосохранения народа как этнической общности, носителя неповторимого культурного генотипа и духовных традиций. Современный мир под влиянием урбанизации, технического прогресса, промышленного производства, науки, нанотехнологий являет собой картину беспрецедентного кризиса европейской культуры — фольклорной культуры и постоянно усиливающейся изолированности каждого индивида. Обычаи той или иной современной ретрокультуры находятся под прицелом, поэтому наиболее актуальным является изучение этносов новым способом: не с точки зрения географической этнографии, а с точки зрения философской эстетики — ведь культура каждого этноса обладает индивидуальной эстетической составляющей. Понятие «народность» часто выступала одним из концептуальных эквивалентов верного понимания жизни. Идея народности ориентирует искусство не на создание идеальных миров, а на проникновение в реальную жизнь народа. «Народность» нередко использовалась как инструмент, при помощи которого насаждалось примитивное искусство и обосновывались запретные меры против творческих экспериментов. Таковы деревенская проза 1980-х гг., распространившаяся в эти годы увлечения фольклором, а также философско-исторические исследования, посвященные народному свободомыслию.

Фольклорное сознание — это особый менталитет, особый способ моделирования мира, наиболее выразительно представленный в народной поэзии, но вместе с тем проявляющийся и в декоративно-прикладном искусстве, и в обычаях, и в народных праздниках, и в организации и оформлении быта. Главная особенность этого менталитета, в отличие от исторически более поздних типов сознания, состоит в том, что коллективный опыт народа и индивидуальный опыт человека в нем не разделены. Фольклорное сознание воспроизводит мир непосредственно в формах коллективной исторической практики народа, тогда как в процессе модернизации и становления «современных» форм интеллектуальной деятельности на первый план выходит индивидуальный субъект, а коллективный исторический опыт соотносится с миром уже не непосредственно, а через множество разрозненных актов личного поиска истины, добра и красоты.

Народное искусство понятно всем эпохам и поколениям, оно не отличается броским великолепием, но зато, в отличие от индивидуализированного искусства, не изживает себя и не стареет. Народное искусство отличается особой цельностью и целостностью восприятия мира, с которым оно соотносится как микрокосм с макрокосмом. Народное искусство — это не быт, а бытие, оно не просто «выражает» мировоззрение, а само является мировоззрением, точнее, народным переживанием мира. В сущности, это не что иное, как национальный психо-лого-космос (в то время как восприятие мира в «ученом» искусстве несет сильный отпечаток аналитичности, сформированный культурой рационального мышления).

Специфическая «природность» народного искусства проявляется в том, что народный художник чувствует себя частью природы. Но это совершенно особое чувство, не похожее, к примеру, на пантеистическое мироощущение раннего Ренессанса. Творцы народного искусства вообще не брали природу, социальную среду и бытовую культуру в их разделенности, а воспринимали их слитно, как целую синкретическую целостность. Природа задана народному художнику не как объект непосредственного индивидуального созерцания, а как природа-вошедшая-в-культуру и обобщенно выраженная в ее глубинных, архетипических мотивах, темах и традициях (например, в растительных орнаментах, в «звериной символике», мифологических образах и т. п.). Это переживание природы в народном искусстве тесно связано с национальным строем души, с переживанием того особого географического ландшафта, которое явилось «месторазвитием» данного народа и отложилось в психических ритмах его восприятия, в структуре цветоощущения.

Синтез «природного» и «народного» оказывается главным источником эстетического переживания в народном искусстве. Так, особая ритмика русского народного искусства (ритм орнаментов, ритмика мелодии, ритм хоровода и т. п.) формировалась под влиянием таких природных ритмов, как чередование борозд вспаханной земли, ритмика изгородей и бревенчатых строений.

Произведение народного искусства не воспринимается ни как изолированный от повседневности предмет любования, ни как «отражение» окружающей действительности. Это — жизнестроительное искусство, оно существует не вне потока жизни, а внутри него, как некая составная часть интегральной деятельности человека, образуя одновременно и ее предметную среду, и встроенную в нее совокупность символов, «материализующих», «выносящих вовне» внутренний мир человека.

Будучи самостоятельной целостной системой, народное искусство имеет собственную структуру, состоящую из взаимосвязанных элементов. Эта структура многослойна и представляет собой несколько взаимосвязанных подструктур, как бы накладывающихся друг на друга. В чистом виде эти подструктуры не существуют, но их можно последовательно реконструировать, мысленно производя различные его «срезы».

Это может быть, к примеру, структура изобразительных и выразительных средств: исходные архетипы сознания (ритмический строй, особая тональность в переживании мира, миф и т. д.), образно-сюжетные элементы, композиция, материал, приемы и т. п. Это может быть и пространственно-географическая многосоставность народного искусства (в этом случае в качестве его подсистем и элементов выступают местные художественные традиции), структура информационных взаимодействий и переработки в процессе творчества различных информационных потоков и т. п.

Однако от этого их творчество не утрачивало своего народного характера, и в первую очередь как раз потому, что это были именно цитаты. Художник сохранял по отношению к ним духовную свободу, он находился вне исходного контекста этих цитат и, наоборот, включал их в собственные контексты и осмысливал их так, как ему подсказывали народное мировоззрение и народные вкусы, в лоне которых он на самом деле и находился. Иногда он трактовал «господскую» эстетику как символ «иной» социальной жизни, использовал ее как «подсказку» для собственной импровизации, но чаще делал ее предметом иронии или даже пародирования.

Почему же аналогичная позиция должна быть исключена из отношений сегодняшнего народного творчества к внешней по отношению к ней эстетической среде? Суть вопроса в данном случае не в

самом по себе факте использования «чужеродных» по отношению к народно-фольклорной стихии элементов, а в отношении к ним, в формах их включения в рамки творческого процесса, осуществляемого по собственным законам народного мирозерцания.

Однако, на наш взгляд, концепт смыслополагания народности не утратил своей силы. Уходя от одних традиций, человечеству все-таки свойственно вырабатывать новые традиции, меняя формы общения, способы коммуникации, опираясь на глубинные антропологические основания, обеспечивающие существование ценностей народной культуры в контексте общечеловеческих ценностей. Философия, конечно, дает разные ответы на вопрос о смысле жизни. Но требуется, наверное, государственный заказ на основательные научные исследования, которые придут на смену выдумкам политиков и публицистов и приведут к выработке практических, эффективных государственных мер по согласованию насущных вопросов народности современной культуры.

Современные процессы развития национальных культур оказывают существенное влияние на народное художественное творчество и в исконной сфере его бытования. Фактически здесь также можно говорить об эстетическом переосмыслении и активной переработке национального фольклора и традиционного прикладного искусства. Но переосмысляются они с иной эстетической позиции, чем в «профессиональном» искусстве — не извне, а изнутри народной традиции.

Искусство, лишенное национального своеобразия, оторванное от традиций широких масс, может быть достоянием какого-либо весьма узкого общественного слоя.

Социальные законы, действующие в системе современного мира, с неизбежностью приводят к конфликту культуры широких народных масс и культурной элиты, а на этой основе — к их резкому разделению на всех остальных уровнях (эстетические вкусы и потребности, стиль мышления, язык и т. п.), которое оборачивается изоляцией этих культур друг от друга. Оторванная от народных корней культура верхов, как правило, не может плодотворно развиваться в течение достаточно длительного времени. Только обогащение народной художественной традицией может спасти ее от вырождения и включить часть созданных ею эстетических ценностей в общенациональный культурный фонд.

По словам Президента России В.В. Путина, сегодня страны Запада столкнулись с «кризисом ... модели “национального государства” — государства, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности... При всей внешней схожести ситуация у нас — принципиально иная... Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство... Великая миссия русских —

объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, “всемирной отзывчивостью”, по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [1].

Огромную роль в развитии подрастающего поколения, в приобщении к сокровищнице культуры, в формировании у молодежи способности ценить и понимать прекрасное призвана сыграть качественное улучшение изучения истории искусств и основ музыкальной культуры, способствовать выявлению творческих возможностей самых широких слоев нашего народа, вовлечение людей в процесс эстетического творчества именно в том возрасте, когда складываются их вкусы, мировоззрение, ценности.

Однако, духовные, нравственные, творческие ценности отступают под натиском функционально-технократических технологий, на смену им приходит главный продукт творческой деятельности человека — робот, который создается именно в ходе творческой деятельности. Американский футуролог Джон Нейсбитт писал, что робот возникает как продукт определенной исторической необходимости. Начиная с 2000 г. японские специалисты, а также Джон Нейсбитт анализируют большую роль роботов в экономическом развитии: роботы строят роботов. Но роботов создал человек.

Литература

1. Путин В.В. Россия: национальный народ // http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

И.И. РУДЯК

**От теории винограда Караваджо до Булгакова:
современная философско-хозяйственная мысль на стыке
двух выставок изобразительного искусства**

Аннотация. В статье говорится об исторических корнях учения С.Н. Булгакова о философии хозяйства в свете эстетического учения Караваджо о реализме.

Ключевые слова: эстетическая история экономики, авангард, Постмодерн, Караваджо, Булгаков.

Abstract. This communication is about historical roots of philosophic-economic doctrine Bulgakov in light of aesthetic doctrine of Karavadjjo about realism.

Keywords: aesthetic history of economics, avanguard, Postmodern, Karavadjjo, Bulgakov.

Вступление. Общенаучный язык формы и теория изобразительного искусства как новый способ познания мира. Эпоха сменяется эпохой, *изменяются* алгоритмы вечно пульсирующей реальности и отражающие их *ментальные конструкторы*. Сегодня основанная на широкой междисциплинарности философия хозяйства как развивающая общее мышление человечества область мысли — на стыке с теорией изобразительного искусства как эстетическим способом познания мира — способна выявить подспудно протекающие процессы, невидимые взгляду, скользящему по поверхности при ложном маргинальном восприятии Постмодерна. До сих пор в истории именно математика считалась универсальным языком науки. Однако даже самые великие ученые порою выступают против ее фактически принудительного засилья. Так, Менделеев полагает, что чрезмерная математизация как бы засушивает жизненную реальность. Эйнштейн же заявляет, что проникновение в физику математики порою значительно затуманивает непосредственное понимание физики. А Фейнман уверяет, что после открытия всех теоретически возможных законов физики математика вообще покинет пределы физики как естественной науки. Мы же полагаем, что *теория формы* (учение о форме как о философской категории) как философско-эстетическое основание искусствоведческой теории изобразительного искусства в качестве универсального языка науки придет на смену ее математическому языку. Так, в «Упанишадах» (на которые ссылается Юнг в своем антропологическом учении о Самости) утверждается, что Брахман (непознаваемый математикой и логикой божественный универсум) проявляется во всем многообразии *форм* (Платон). В древнеиндийской онтологии существует тождество Брахмана (самость Юнга — его аналог) и атмана (Я), объекта (материя в данной форме) и субъекта (атман, Я), всеобщего (Брахман) и индивидуального (конкретный человек Бахтина), Вселенной (всезнание Бога в учении Бахтина) и души (конкретное Я человека у Бахтина с его индивидуальной антропологической точкой зрения наблюдателя). Подобно эстетическому образу, Брахман выступает как суперпозиция (Пастернак: «Ты Вечности заложник / У вре-

мени в плену»): телесного (материя) и бестелесного (идея, форма, нумен), смертного (земного) и бессмертного (небесного), подвижного (диалектического) и неподвижного (метафизического), существующего (актуального, феноменального) и истинного (теоретически возможного, заложенного в Логосе, в системе мировых законов).

В древнеиндийском учении «Миманса» (как и в учении С.Н. Булгакова о хозяйстве) знание соединяется с верой, что требует *формальных* (математически непознаваемых брахманских) оснований науки. Сегодня речь идет о новой парадигме, о смене оснований (аксиом) современной науки (так древнеиндийская «Миманса» предлагает решение проблемы через выяснение оснований), т. е. о смене гносеологической точки зрения «науки в качестве наблюдателя» — из-за появления квантовой механики с ее (якобы существующими) физическими «парадоксами».

Вот только один пример преодоления квантового парадокса новым мышлением. Квантовая суперпозиция подразумевает такое *третье* («эффект Кулешова») квантовое состояние, в котором одновременно существуют — и первое, и второе квантовые состояния. В рамках нашей логики макромира это называется квантовым парадоксом, и математика не способствует его пониманию. Но перенастроив мозг физика именно на логику микромира, адекватную логике эстетической формы — как нового основания и нового общенаучного языка, мы легко приходим к антропологическому пониманию (суперпозиция в рамках изобразительного искусства), лишая физику ее квантовых парадоксов. В физике в условиях квантовой суперпозиции два составляющих ее состояния развиваются линейно и независимо друг от друга: это соответствует — как теоретическому учению Караваджо о реализме и идеализации (выраженному в рамках практической живописи), так и эстетическому приему Эйзенштейна (в рамках кадры-ячейки).

Эстетическая экономика

Зеркало реальности: эстетическая экономика как новая наука. Новые подходы корректируют накопленные знания и начертанные предшественниками представления о реальности. Так, главной проблемой философии хозяйства как преимущественно междисциплинарной науки является выявление новых процессов, характерных именно для нашего времени. Итогом размышлений в рамках философии хозяйства становится появление «эстетической экономики» как новой науки, которая поможет нетривиальным способом выявлять процессы. Перспективы эстетической экономики таковы: существует возможность по эстетическим процессам как по «зеркалу реальности» судить об экономике. Например, данное эстетико-экономическое ис-

следование посвящено двум выставкам изобразительного искусства, на стыке которых мы можем судить о философской сути экономических процессов. Итак, две выставки 2015 г.: № 6 Московская биеннале современного искусства, проект «Паноптикум», МВТУ имени Баумана; выставка коллекции Роберто Лонге «Последователи Караваджо», музей имени Пушкина.

Отворение шлюзов ада и промышленная революция последователей Караваджо. Не только художники последующих столетий (Хосе Рибера), но также и режиссеры, философы, экономисты в действительности являются «последователями Караваджо». Леонардо да Винчи как типичный представитель «первого этапа Возрождения» воплощает в своих картинах мир идеального («религиозный этап Возрождения»). Караваджо же как типичный представитель «второго этапа Возрождения» открывает в своих картинах неидеальную реальность («Мальчик, укушенный ящерицей», 1596) и начинает в живописи линию реализма (впоследствии Саврасову не раз пеняли за «неидеальный» образ России в его картине «Грачи прилетели»). Караваджо полагает, что подлинный идеал в действительности не воплотим на земле (впоследствии С. Н. Булгаков перенесет земную экономику на небеса). Отказавшись от идеального (как молитвенного), Караваджо (*раздробивший* цельную гармонию идеала) открывает путь к материализации (к производственному): от религиозного общества — к промышленному обществу (Караваджо, «промышленный этап Возрождения»), к промышленной революции как к материализации производственной деятельностью людей идеального проекта (Гете, «Фауст») вместо их идеальной молитвенной деятельности. А промышленная революция — это путь к миру *фрагментов* как к миру монтажного производства (Эйзенштейн) на продажу товаров из отдельных деталей. В подобном смысле последователь Караваджо (который переносит библейские сюжеты в современную ему *обыденную* обстановку) Орацио Борджанни в своей картине «Святое семейство со святой Анной» (1610) осуществляет светом дробление на *фрагменты* (свет здесь разбивается на мерцающие акценты) единого «метафизического луча» Караваджо. А далее свет раздробили на фрагменты: импрессионисты, супрематисты (Малевич: «мерцание», «Черный квадрат» как фрагмент и как символ экономики), лучисты (Ларионов: следует изображать не сам по себе предмет как таковой, а предмет как систему его фрагментов — сумму отраженных предметом лучей), оп-артисты (Вазарели, «Сверхновые» (1959—1961): мерцание, дробящее маргинальную цельность визуальной поверхности картины). Когда Караваджо повернулся к обыденному (путем дробления идеальности на фрагменты), отказавшись тем самым от райского идеального, он

тем самым приоткрыл шлюзы, за которыми — ад, населенный химерами: созданными из взаимно негармоничных фрагментов ужасными «монтажными персонажами» Босха.

От Булгакова до Булгакова: роль чертей в производственной экономике и побег от чертей как перенос на небеса. Когда Караваджо отказался от идеального (а свято место пусто не бывает), открылись затворенные шлюзы ада: теперь в любое время (а до этого портал открывался только в переходное время: в полночь, на Новый год и т. д.) черти получили («Вий», «Мастер и Маргарита») прямой и постоянный доступ на землю (Пушкин; Гоголь; Серебряный век; М.А. Булгаков; Шулевский). В сфере экономики это породило монтажное промышленное производство нового индустриального общества (расплата за монтажное мышление Выготского: печальный результат незаконного вкушения плода с дерева познания). В рамках искусства это отразилось как появление концепции монтажного фильма (Эйзенштейн). А далее переход к постиндустриальному обществу привел к распаду монтажного производства (частичный отказ от материального производства) — и к вываливанию фрагментов из сферы производства в сферу социума (Постмодерн как «карнавал невалентных обрывков»). Отсюда концепция Интернета (Кристева, Интертекст) и заппинга (бестолковое переключение телевизионных каналов) вместо концепции монтажного фильма. Отсюда природно-экологическая проблема (Караваджо, «Большой Вакх»: Вакх есть воплощение природы) накопления мусора (хаос в рамках материального мира от булгаковской «разрухи в головах») и культурно-экологическая проблема агрессивного сквернословия («мусор коммуникации» Постмодерна — после: «простого героя» Караваджо и «грядущего хама» Мережковского как последователя Караваджо). Спасаясь от чертей М.А. Булгакова, сделавших (по предложению Караваджо) идеал невоплотимым на земле, С.Н. Булгаков, не будучи экзорсистом, отправляет экономику на небеса.

Дарвин и Энгельс: разделение Караваджо как экономическое отделение от животных. Когда Караваджо разделил историю изобразительного искусства на «линию идеализации» и «линию реализма», он фактически подвел ренессансного человека к вопросу о необходимости *преобразования неидеального мира* (идеализированный мир религии вовсе незначителен, да и грешно даже пытаться преобразовывать) путем усилий самого человека (Пико делла Мирандола, «Речь о достоинстве человека»). Именно эстетическое «разделение Караваджо» и обосновывает необходимость *философско-экономической деятельности человека, которая является «вторым этапом отделения человека от животных»* («первым этапом» является религия), так как у животного вовсе нет сознательного стремления преобразовывать мир:

животное всего лишь удовлетворяет свои биологические потребности (что условно можно сравнить с «чистой экономикой» без философии). В подобном смысле «последователями Караваджо» являются также Дарвин (человек произошел от обезьяноподобного предка) и Энгельс (труд создал человека из обезьяны).

Реализм зла

Борьба с миром и игры со светом. Искусство точно так же обеспечивается реализмом, как деньги обеспечиваются золотом в банке. Так, Лонге полагает, что от Караваджо прорастает линия «художников реальности» (II половина XVI — I половина XIX в.): Джакомо Черути, создавший «народный жанр», существующий только в Италии и т. д. В рамках истории изобразительного искусства прочерченная Караваджо линия реализма привела к романтизму (Делакруа и Жерико вспомнили о Караваджо) как стилю *борцов* с несовершенным окружающим миром, а вовсе не *экономических строителей* «совершенного» («супрематизм») окружающего мира. Позже о Караваджо вспомнили *разбиватели света* импрессионисты (Делакруа, Мане). А в начале XX в. «метафизик *быта*» постимпрессионист Сезанн написал акварель с картины Караваджо «Положение во гроб». В России же (Репин, «Бурлаки на Волге») идею «неидеальной реальности» и *борьбы* с ней в живописи подхватили передвижники («критический реализм» в литературе).

Два театра, маска Вакха и Серебряный век: маргинальность маски и карнавал революции. У Караваджо линия неидеального мира (зла) связана также и с травестированием («театр представления» Мейерхольда) как театральным переодеванием (теперь натурщик отделяется от героя!): с *расщеплением* личности на два слоя (Фрейд: сознание и подсознание одного человека). Сам Караваджо на своем полотне «Больной Вакх» не является Вакхом, а всего лишь играет роль Вакха (маска Вакха). Подобный «параллельный монтаж» слоев некогда цельного возрожденческого героя (так на полотнах Леонардо да Винчи Мадонна есть именно Мадонна) в каком-то смысле порождает химеры, подобные адским химерам Босха. При этом позади поверхности маски («маргинальная маска»), как за неким «означающим знаком» (семантика) скрывается некая «означаемая реальность» (Серебряный век, Блок, символизм). «Маска противоположности» провоцирует карнавал (мужчина в маске женщины, раб в маске короля), который провоцирует кровавую революцию (1917 г., «карнавал революции»: «Кто был ничем, тот станет всем»). Подлинность же чувства (психоанализ) видна в аффектах («Мальчик, укушенный ящерицей»). Инстинкт боли у укушенного мальчика выражается также, как и у лягушки: у Павлова лягушка отдергивает лапку, а у Караваджо маль-

чик отдергивает руку. А далее Караваджо монтирует из аффектов (монтаж фрагментов) с их глубокими чувствами — сюжетные композиции библейского содержания: полотна Караваджо как «монтажный театр» — аналог «театр переживания» Станиславского.

Постмодерн: от бантика на хвосте до гривастых львиц и поющей женщины с бородой. В древности травестиrowали только на карнавале. В XVII в. травестиrowание стало модной тенденцией в европейском театре (Шекспир, «Двенадцатая ночь»; Гольдони, «Слуга двух господ»; Молина, «Дон Хиль Зеленые Штаны»). В XVIII в. Мария-Антуанетта устроила для себя карнавал в реальности: в костюме пейзажницы она доила надушенную корову с бантиком на хвосте. Кьеркегор писал о желании сменить свое плохое Я на хорошее. Сегодня реалистическая линия Караваджо, прошедшая путь от дробления как отказа от идеальности до травестиrowания как создания «двуслонного героя» (не сам по себе Вакх, а Караваджо в роли Вакха), в рамках Постмодерна превратилась в буквальность: вплоть до редактирования генотипа, до смены возраста, расы, пола. В то время как мужчина в виде «женщины с бородой» берет призы на конкурсе за женское пение, в дельте Окаванго львицы отрастили львиные гривы и «запели» басом. Игривость Постмодерна (Шекспир, «Как вам это понравится»: «Весь мир — театр, а люди в нем — актеры») с его компьютерными играми, человеком-котом и толкиенистами уже переходит в карнавал роботов: с его человекоподобностью роботов, «восстанием машин», сомнениями роботов в приказах людей (А.П. Днепроv, «Суэма»), машиной без водителя с зависимостью от машины (так последователи Караваджо любили изображать злую механическую «волю воина»: Дирк ван Бабюрен, «Взятие Христа под стражу»; Бартоломео Манфреди; Валантен де Булонь, «Отречение Святого Петра»).

Реализм и экономика — три волны авангарда: супрематизм, поп-арт и пространственный формализм. Реализм в искусстве подразумевает не только идеальную эстетическую деятельность художника, но также и экономическую производственную деятельность человека. Когда Караваджо, разломав идеальность, начинает новую линию реализма в рамках истории изобразительного искусства, он фактически подводит ренессансного человека к вопросу о необходимости «композиции мира» (раздробленного им на разрозненные фрагменты) путем усилий самого человека. В подобном смысле промышленная стадия Возрождения в эпоху Возрождения так и не завершилась. Авангард является следующей попыткой завершить промышленную стадию Возрождения. Супрематизм Малевича как стиль производственно-эстетический является «первой волной авангарда». Не борьба романтиков с несовершенным миром, а эстетико-экономическое возделыва-

ние мира — вот задача супрематизма как «стиля цивилизации». Поп-арт Уорхола как «вторая волна авангарда» пытается бороться с производственным хаосом путем эстетического «возврата со свалки» именно отдельных предметов мира. Сегодня уже «третья волна авангарда» является именно «реализмом структуры» (траектории которой есть траектории процессов), противостоящим тому «маргинальному реализму», который ратует только за поверхностное сходство объекта и его изображения (так драгоценный телефон Хоттабыча не работает). Будучи параллельным во времени Постмодерну, в рамках третьей волны авангарда пространственный формализм как «реализм идеалистической метафизики» видит свою задачу — не в частной композиции отдельных предметов (поп-арт), а именно в композиции мира в целом (тем более, что надо привести в состояние композиции разбросанные Постмодерном *обрывки*). В подобном свете следует рассматривать также и «четвертую волну авангарда»: философско-экономическое учение С.Н. Булгакова (как бы находящееся в «историческом будущем!»): как учение о необходимой деятельности человечества по приведению своей планеты в порядок (Экзюпери, «Маленький принц»: надо по утрам убирать планету).

Идеализм метафизики

Свет как линия идеализации последователя лягушки Караваджо. После «революции реализма» Караваджо линия идеализации осталась не только в качестве самостоятельного вектора в истории, но и в эстетической программе Караваджо. Свет как луч изобрел Караваджо: и этот луч — метафизический свет без источника: подобие того метафизического луча, который эманурует от формы Платона к ремесленному предмету античного мастера, а также и тому, который протянулся (через благовещение) от Бога к Марии. А у последователей Караваджо источник света чаще присутствует. В подобном смысле в качестве последователей Караваджо также выступают все те ученые, которые изучают объекты Вселенной, используя оптические приборы. Последователями Караваджо также являются и появившиеся в истории режиссеры театра (Караваджо ввел театральное начало в живопись), так как свет актуализирует непосредственность происходящего, создает эффект присутствия «здесь и сейчас». В число последователей Караваджо также входят и кинематографисты (кинооператорский «свет Караваджо»), так как кино есть «письмо светом» (Лонге полагает, что именно кино является максимальным воплощением реализма). В кино дробление на фрагменты происходит не только как использование крупных планов, но также и как определение режиссером фокуса зрительского внимания путем использования направленного света. Не только Вермеер, но также и Эйзенштейн (начавший

писать историю кино с истории изобразительного искусства) является последователем Караваджо. Сам же Караваджо является последователем не только титана Леонардо да Винчи с его оптическим искусством Возрождения, но также и самой обыкновенной лягушки. Своим бионическим зрением лягушка, всегда пребывающая в нижнем ракурсе, усиливает контрастность света и тени: Караваджо же с его освещение снизу и резким контрастом света и тени как бы видит мир — глазами лягушки.

Время винограда как «диалектический реализм». Изначально живопись Возрождения как «письмо светом на базе цвета» предполагала только изображение «метафизического настоящего» времени. Импрессионизм же как «письмо цветом» предполагает изображение среза времени — «диалектического настоящего» как мгновения. Диалектика есть дробление времени как метафизической цельности (белый свет) на *фрагменты* (цвета радуги). Между Возрождением и импрессионизмом стоял разрушитель метафизики Караваджо. Последователь Караваджо Орацио Борджанни («Святое семейство со святой Анной») изобразил разбитый на отдельные акценты эмоционально мерцающий диалектический свет. В истории дробление луча продолжалось (импрессионисты; мерцание Малевича; лучист Ларионов; оп-артист Вазарели). Караваджо (вовсе не из-за любви к отвратительным проявлениям биология) ввел в свою живопись «диалектику загнивания винограда». Так, Гегель и Ясперс в каком-то смысле также стали последователями Караваджо, который — через степень загнивания винограда — изобразил реальную «биографию винограда»: как путь его во времени, как жизненную историю (Некрасов: «Ты и убогая, Ты и обильная... Матушка-Русь»). Постмодерн же — это «стиль уже совсем догнившего винограда». В подобном смысле *кино* — это сумма «письма светом» метафизической живописи *Возрождения* и диалектической живописи *импрессионизма* (с его фаустовскими временными срезами: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»). Будучи кинорежиссером, Эйзенштейн сам себя определяет именно в качестве диалектика (последователь Караваджо). Его монтажный «вектор диалектики» есть эманация живописи «диалектики винограда» и импрессионизма («24 среза в секунду»). Однако, подобно Караваджо, Эйзенштейн дробит свой кадр-ячейку на два слоя, создавая монтажный «вектор метафизики», уходящий в глубину кадра-ячейки. Образ как суперпозиция у Эйзенштейна создается при пересечении диалектики и метафизики. При этом Эйзенштейн себя именуется — «Леонардо да Винчи» (метафизическая живопись). В качестве письма светом кино является эманацией живописи Возрождения.

Растянутый миг как «метафизический реализм». На фоне «религиозной идеализации» Возрождение весьма неосторожно возвысило человека. А на излете Возрождения реалист Караваджо поместил человека во «время винограда», чтобы тот остро осознал свою смертность. Отныне «научная идеализация» на фоне «виноградного реализма» Караваджо в качестве борьбы с гниением винограда (геронтология) должна осуществляться не религиозно, а разумной деятельностью самого человека (Мирандола). Задача человека — вновь объединить линии реализма и идеализации: путем поисков физического бессмертия. В целом линия идеализации требует решить глобальную «проблему фиксации», где первый «этап фиксации» — кино, второй — геронтология, третий — управление временем в рамках физики. Философия же это осмысливает как эстетико-антропологическую потребность человека — перевести время из материального «диалектического состояния» в идеальное «метафизическое состояние», превратив «диалектическое настоящее» реализма в «метафизическое настоящее» идеализации, а реальное «материальное время» — в райское (Данте) «идеальное время». В эпоху первой волны авангарда (НТР) линия идеализации проявляет себя в кино — как в способе «идеальной фиксации». К тому же, перемонтируя, растягивая и сжимая время (как бы соответствуя теории относительности), именно кино фактически осуществляет эстетическую «композицию времени» (Хлебников). Остро интересуясь «монтажом по крупности времени», о диалектическом искусстве (Пастернак, стихотворение о памятнике Бальзаку работы Родена) пишет Эйзенштейн. Проявляя повышенный интерес к бионике (Лебедев), вторая волна авангарда (1960-е гг.) в рамках линии идеализации ставит вопрос об объединении НТР и БР (геронтология как способ «материальной фиксации» человека). Сегодня, в эпоху третьей волны авангарда линия идеализации функционирует как объединение БР (геронтология), эстетики (стиль пространственный формализм), экономики (Булгаков, философия хозяйства), физики (остановка времени в кристалле). Так, по милости реалиста Караваджо ягоды винограда стали единицей отсчета мигнов метафизического времени. При этом сегодня в рамках ботаники уже частично осуществлена «концепция негниющего винограда». Отсюда интерес к манипуляции временем (№ 6 Московская биеннале, проект «Паноптикум»). *Суперпозиции* срезов времени (импрессионизм) как фаз движения данного человека представлены в работе «Секунда» Елены Сисфонтес (в кадре-ячейке Эйзенштейна представлены *суперпозиции* срезов антропологически разного времени: в смысле Эйзенштейна и в смысле Бахтина). Сисфонтес считает, что сегодня человек воспринимает время весьма поверхностно: поэтому она, снимая

человека, и делает 3-х секундную фото-задержку, тем самым создавая «растянутый миг» (метафизическое время). И тут, как и в кадрочке Эйнштейна с его «дополнительным измерением времени», конструктивистски обнажается «внутренняя структура времени». Сергей Катран, напротив, сжимает время в работе «Гравитационный уплотнитель времени», тем самым создавая «уплотненный миг» (метафизическое время). Катран полагает, что, собрав в одном месте вместе очень много часов (как много точек зрения наблюдателей), можно в этом «поле векторов времени» (где векторы времени гравитационно взаимодействуют) вывести время из линейного состояния в состояние времени с дополнительным «гравитационным измерением».

Раю винограда. Именно Караваджо (а вовсе не голландцы) изобрел новый изобразительный жанр «натюрморт». При этом на многих полотнах Караваджо изображает виноград в биологическом цикле (Ван Гог, «Красные виноградники в Арле», 1888): «Корзина с фруктами» (1596) — виноград со следами гниения, желтые увядающие листья; «Вакх» (1595) — венок из увядающих листьев винограда. Став человеком, Иисус, как виноград, также вошел в биологический цикл. У Караваджо на одном полотне «Ужин в Эммаусе» (1601) изображены — и Иисус, и виноград; на картине «Положение во гроб» (1603) символически Иисус представляет собою (Окуджава, «Виноградная косточка») как бы семечко, «косточку винограда» (как и «зерно» Осирис, научивший египтян сеять злаки и сажать виноградники), ради радости человечества опущенную в землю. Однако Иисус, будучи человеком, в отличие от винограда, все же вышел из цикла (монашество как отказ от размножения, эволюции, земной жизни: ради райского бессмертия). В раю (где диалектика функционирует в метафизике) отсутствует течение времени (Данте): поэтому в раю виноград не гниет. Однако идеализированный человек Возрождения уже захотел земного бессмертия! И тут явился реалист Караваджо, объяснивший, что земное бессмертие невозможно! В подобном смысле экзистенциалисты также являются последователями Караваджо. Будучи человеком Возрождения, Караваджо (как и Леонардо) хотел бы воплотить любимые идеи не только в живописи, но также и в реальной жизни человека — именно об этом и говорит «вываливание изображения из картины», словно внешняя поверхность картины вот-вот прорвется изнутри наружу: «Корзина с фруктами» (1596), «Положение во гроб» (1603). Воплотить идею земного бессмертия значило бы создать научной деятельностью *слияние* в суперпозицию двух линий: реализма и идеализации (в буддизме земной человек стремится слить свою душу с мировым божеством). Платон же видит как суперпозицию идеального (формы «стольность» и «чашность») и реального (ма-

териальные стол и чаша) функцию экономического производства. Так, Иисус как реальный человек сливается с идеальным Богом-Отцом, создав *суперпозицию образа* Бога (эстетическая религия).

Суперпозиция реализма и идеализации

Музыкальная антропология подсолнуха Бахтина: дегуманизация человечества до состояния семечек и Постмодерн как падение с цикла вниз. После «разделения Караваджо» к сегодняшнему дню его линия реализма фактически вылилась в Постмодерн, а его (и Леонардо) линия идеализации вылилась в третью волну авангарда (МВТУ имени Баумана, 2015 г., № 6 Московская биеннале современного искусства, проект «Паноптикум»). При этом авангард параллелен Постмодерну в одном и том же историческом времени, однако перпендикулярен ему по духу (диалектика) — и в рамках одной и той же эпохи два стиля составляют «гегелевскую суперпозицию». В реализме Караваджо, основанном на системе разных циклических процессов природы, так же, как в природе, отсутствует мусор. В Постмодерне же, основанном на постиндустриальной экономике, циклы отсутствуют, а мусор воспроизводится: Постмодерн как бы срывается с цикла вниз — поэтому ему необходима идеализация (первое: поп-арт Уорхола как часть Постмодерна гармонизирует отходы в рамках эстетики; второе: экология как часть биологии вставляет производственный мусор в цикл, «экологическая экономика»). Сегодня для спасения планеты и человечества («Большой Вахх») линия идеализации Возрождения требует научно-биологического и экономико-производственного завершения. Слияние двух линий совместными усилиями эстетики, экологии, экономики (ЭЭЭ) призвано сделать реальное идеальным. Денис Патракеев (№ 6 Московская биеннале, проект «Паноптикум»), «встав» на «обратный вектор» деятельности относительно «вектора Караваджо», занимается «эстетической сакрализацией» бытовых предметов и профанного пространства. В искусстве авангарда (МВТУ имени Баумана) всегда незримо присутствует *физика*. В эпоху второй волны авангарда увлекающийся лингвистикой (проект с Вяч.Вс. Ивановым) *физик* Гелл-Ман открыл в 1964 г. кварки и назвал их в честь произведения Джойса «Поминки по Финнегану». Сегодня в рамках авангарда физика сочетается с «искусством визуальных метафор»: Сергей Катран, «Семечковый лес» (МВТУ имени Баумана, № 6 Московская биеннале, проект «Паноптикум»). Дегуманизация культуры, берущая начало от заявления Караваджо о необходимости реализма, в эпоху Постмодерна докатилась до сведения человека — до состояния отдельного семечка (Осирис, Иисус, Джон Ячменное Зерно). «Семечковый лес» — это «антропология без людей» (Днепров, «Суэма»): плод линии реализма на стадии Постмодерна. При этом мы

не знаем, что именно скрывается (Осирис? Иисус?) под закрытым панцирем каждой семечки (архетип «спящая красавица»). Поэтому Владимир Мартынов создал расколдовывающую личности «симфонию семечек» («идеализация музыкой»). Теперь из панцирей выходят — *разные* звуки: *свой* голос (Я) вылетает из каждой семечки («антропологическая симфония»), суммируясь в симфонию «антропологического оркестра», подобную антропологическому «подсолнуху Бахтина» (в антропологической онтологии Бахтина: система всех теоретически возможных гносеологических человеческих Я — в рамках единого всезнания Бога). «Музыкальный подсолнух» (соборность, учение о всеединстве, «общее дело» Федорова) нуждается в благоприятной экологической обстановке, чтобы дорасти до состояния Солнца (Бог). Такова музыкальная антропология авангарда. «Семечковый лес» — это аналог *соборности* (Иисус как виноградное семечко, а виноградное вино — как кровь христова).

Укус ящерицы как разруб культуры: две любви Платона и суперпозиция двух слоев. Произведенный Караваджо разруб культуры с ее последующим синтезом слоев — в некотором смысле делает также и Гегеля последователем Караваджо. Укус ящерицы («Мальчик, укушенный ящерицей») как аффект боли разрубил (аналитический кубизм) идеальность культуры Возрождения на две полярно противоположные (Гегель) линии. В подобном смысле Караваджо есть аналог Шекспира («Гамлет», «Порвалась дней связующая нить — Как мне обрывки их соединить?»): разруб рефлекторной дуги как возникновение невроза и дискурсивного мышления). Такой «разруб героя» сделал Брака и Пикассо последователями Караваджо. Однако в культуре осталась также и ранняя линия идеализации: так в культуре появилась *суперпозиция* (синтетический кубизм): «линии небесной любви» Платона и «линии земной любви» Платона, «линии чашности» и «линии чаши» в «производственном создании образа» Платона, линии идеальной метафизики и линии материальной диалектики (древнеиндийский Брахман в связи с человеком; «вечности заложник у времени в плену» у Пастернака; Самость как архетип у Юнга). В этой ранней линии Возрождения человек был равен своей собственной форме Платона (у Тициана реальный образ натурщика слит с его идеальным образом: эквивалентом данной формы Платона). У Караваджо человек не равен его форме. Натурщик Караваджо точно так же выскочил из своего идеального платоновского образа, как абрис изображаемого предмета у Дюфи выскочил из собственного цветового пятна. Впоследствии Ленин как последователь Караваджо заявил, что в обществе присутствуют две культуры: реалистическая культура трудового народа и идеализирующая культура эксплуататорских классов. Идея

двуслойности витала в воздухе. Так до лекции Аполлинера о современном ему искусстве в октябре 2012 г. Орфизм назывался Симультианизмом, т. е. «одновременностью». Впоследствии суперпозиция двух слоев выразилась в рамках изобразительного искусства — в произведениях Эйзенштейна, Дзиги Вертова, Раушенберга, а в современной культуре — как одновременное существование третьей волны авангарда и Постмодерна.

Заключение. Мендель и Менделеев: виноградный авангард Булгакова — вектор вверх! Учение Булгакова о философии хозяйства является плодом многовекового исторического развития. Так в древнеиндийском учении «Артхашастра» говорится о трех основных науках: о *философии* как о светильнике для всех наук, средстве для совершения всякого дела; об учении о трех Ведах как учении о законном и незаконном; об учении о *хозяйстве* как учении о пользе и вреде. Томас Мюнцер пишет, что *божественное* и *человеческое* — это категории реальной жизни (Булгаков). При этом небесное есть земное (Брахман), но *переведенное* в идеальное совершенство (слияние Булгаковым двух линий Возрождения: линии реализма и линии идеализации): именно поэтому царство божие и следует выстроить (Гете) на земле. Все творения Бога обязаны действовать как часть единого мирового целого (Бахтин; Внутреннее Мы Франка): сознающего себя субъекта (Бог), а не исключительно для себя (соборность, всеединство, общее дело). Поэтому частное вне целого есть безбожник, и только ремесленники да пахари являются настоящими верующими. Сегодня две выставки изобразительного искусства, наглядно демонстрирующие «правду винограда» («критический реализм» Караваджо) в качестве корней Постмодерна и авангарда — этих двух «ассоциативных пластин» Караваджо (с его эстетической «теорией винограда»), также объединяют в рамках культуры *философию* (идеализация) и *хозяйство* («научно-производственный реализм»). Маркс пишет, что раньше *философы* только объясняли устройство окружающего мира, а теперь необходимо *изменить* этот мир. В подобном смысле раньше обе линии развивались в рамках истории параллельно друг другу, а сегодня они входят в единую ассоциацию. При этом возникает не простая суперпозиция как взаимное перекрывание двух пластин, а наполнение идеализации внутренней структурой научно-производственного реализма (супрематизм Малевича как последователя Караваджо: черный квадрат экономики, красный квадрат революции, белый квадрат идеала). Это превращает идеал в реальность (Мюнцер), что и отражает (исторически в будущем) будущая: четвертая волна авангарда — виноградный авангард Булгакова. Так учения Менделя и Менделеева (верхняя ассоциативная пластина) впоследствии наполнились (в качестве реализма) как внутренней структурой

— генетикой и физикой микромира (внутренняя ассоциативная пластина). Эстетико-экономический Виноградный авангард предполагает наполнение внутренней структурой научно-производственной деятельности человека (реализм *хозяйства*) — идеального религиозного образа (*философии* идеализации). Реализм (хозяйство) есть внутренняя структура образа (эстетика) как суперпозиции общего (Брахман; архетипическая самость Юнга; Бог) и частного (конкретный человек; Иисус). То, что Караваджо критически разделил (будучи самостоятельной, линия реализма сумела доразвиться только до Постмодерна), Булгаков в теории (проведя «ассоциативное слияние» линии реализма с линией идеализации как возврат к религии первого этапа Возрождения, как завершение витка исторической спирали) снова соединил (диалектика Гегеля), развил линию «реализма винограда» в ее сплетении с линией научно-производственной идеализации — вплоть до новой волны авангарда. В подобном смысле Булгаков является авангардистом и последователем «теории винограда» Караваджо. При этом Булгаков, оттолкнувшись от природного цикла (Вакх есть олицетворение природы) Караваджо, в порыве идеализации взметнул «обратный вектор» — вверх: по направлению к Богу!

Д.В. ГАРБУЗОВ Двойничество России

Аннотация. В статье проводится анализ различных актуальных проявлений культурной жизни современного российского и западного социума. Предметом анализа выступают феномен тождества и различия Запада и России, элементы массовой культуры, системы социального управления и неравенства, культурная топология и динамика. Выявляются архетипические символы универсальных, метафизических структур культурного существования российского и западного социума.

Ключевые слова: Россия, Запад, двойничество, тождество, различие, симуляция, обман, интервенция меньшинств, языческий ренессанс, несостоятельная цивилизация, научно-технотронное общество.

Abstract. The paper is carried out analysis of the various manifestations of the current cultural life of modern Russian and Western society. The subjects of analysis are the phenomenon of identity and difference of the West and Russia, the elements of mass culture, the system of social

control and inequality, cultural topology and dynamics. The article reveals the archetypal symbols of universal, metaphysical structures of cultural existence of the Russian and Western society.

Keywords: Russia, the West, duplicity, identity, difference, simulation, the intervention of minorities, pagan renaissance, failed civilization, scientific technetronic eco-society.

Антагонизм между Западом и Россией, в той или иной форме проявляющий себя во все исторические эпохи, может быть объяснен *двойничеством* этих культурно-исторических типов. Будучи формами проявления одной христианской цивилизации, возникшей на развалинах языческого Рима, Западная Европа и Византия, а затем ее историческая наследница Россия занимают одно и то же культурное пространство, фактически дублируют друг друга и неизбежно оказываются в состоянии взаимоотрицания. Гипотетически возможны три варианта разрешения этого конфликта: уничтожение, поглощение либо отчуждение одной из избыточных альтернатив. Субъектом этих манипуляций в отношении цивилизационного двойника традиционно выступал всегда более активный Запад, а объектом — Восток. Наиболее любопытной является третья модель взаимоотношения — отчуждение. Ее реализация претерпела весьма своеобразную эволюцию. Запад сначала подчеркивал инородность России, ее отношение к иному типу культуры, но затем неожиданно сам отказался от своих христианских корней, постулировав рождение абсолютно нового, постхристианского, типа цивилизации. «Близнецный миф» является одним из традиционных сюжетов мифологии. Его драматургия основана на том, что один из близнецов выступает в качестве «чудовищного двойника», монстра, темной тени своего прекрасного брата. Можно сказать, что отношения между Западом и Россией оказались включены в эту древнюю мифологию. Как бы то ни было, но альтернативность Запада и России действительно проявляет себя в самых различных формах. Я отмечу лишь некоторые из них.

- *Пространственное распространение Запада и России.* Западный тип пространственного распространения, проникновения — это *обман*, несоответствие внешнего и внутреннего, этикетки и содержания. Русский тип — *приказ*, навязывание. Запад соблазняет, переструктурирует душу, нутро. Россия — надевает мундир, форму на тело, позволяя внутри оставаться самим собой.

- *Запад и Россия: симуляция тождества и различия.* Запад симулирует *тождество* своих цивилизационных исторических версий. Россия, наоборот, пытается симулировать их *различие*. Иначе говоря, новые модификации западного социума пытаются продемонстрировать

преимущество исходной традиции, но реально имеют место необратимые отличия. Наоборот, новые модификации российского социума пытаются демонстрировать свое принципиальное отличие, но реально воспроизводят один и тот же тип социума.

Запад | Средние века => Новое время (Модерн) => Постмодерн (США — ЕС).

Россия | Средние века => Империя => СССР => РФ.

Америка — это продукт жизнедеятельности Европы. Америка — настоящее, Европа — прошлое. Очевидно, реакцией на это сегодня является особый культурный реверс — происходит американизация Европы, попытка создания Соединенных Штатов Европы (СШЕ). Но и это тождество обманчиво, поэтому Америка в исторической перспективе будет все дальше отдаляться от Европы.

• *Симуляция Рая.* Современный западный социум слишком активно симулирует Рай, т. е. мир без зла. Это приводит к замене простодушного, прямого насилия на коварство и лицемерие. На клыкастое рыло зла надевают благородную маску. Но от этого оно становится еще отвратительнее, поскольку зло только удваивается.

• *Запад и ислам.* Западный социум предлагает современному человеку в качестве целей достижения: 1) телесные наслаждения, 2) гламур (квазиинтеллектуальные наслаждения), 3) высокую самооценку (чувство собственной важности, имидж), 4) славу (популярность, просперити). Любопытно, что цели практически буквально совпадают с тем, что средневековый арабский мыслитель Абу-Бакр Ибн-Баджа (XII в.) называл четырьмя «низкими градами»: телесный град, град украшательства, град воображения, град памяти. Это объясняет глубинные причины антагонизма Запада с арабо-мусульманской культурой. Можно сказать, что как Россия представляет собой внутреннюю альтернативу Запада, так и исламская цивилизация представляет собой его внешнюю альтернативу.

• *Научно-технонетронное общество.* Запад, начиная с эпохи Возрождения, привык быть лидирующим обществом, доминирующим над всеми остальными. Для этого Запад создавал такие модели общества, чьи правила, нормы и стандарты были недоступны для других обществ. Как только они осваивали эту модель, Запад заменял ее на новую, столь же недоступную для других. Очевидно, что сейчас (нач. XXI в.) мы находимся как раз в такой ситуации смены моделей. Новая модель пока не сформирована, но ее главные элементы не так трудно предугадать.

1. *Наука.* Так называемое *общество знания.* Научно-технократическое общество, основанное не на спонтанной случайности и справедливости рынка, а на *точном машинном анализе.* Обще-

ство как логически безупречная кибернетическая система. 2. *Экология* в широком биоэтическом смысле. Экологический мессианизм. «Бремя белого человека» по спасению природы. Экономика, производство, образ жизни, политика, культура и пр. на основе жестких экологических стандартов, доступных только для хорошо организованных, управляемых, научно-технологически развитых и относительно малочисленных обществ. Соответствовать этой модели сегодня может только Запад. Поэтому финансировать науку сегодня важнее, чем армию. Новый лозунг: тот, кто не хочет кормить свою науку, будет кормить чужую.

• *Интервенция меньшинств*. Можно выделить несколько причин формирования на Западе общества с культурой доминирования меньшинств.

1. Расширение рынка. Чем больше меньшинств, тем большее разнообразие интересов, потребностей, желаний. Монолитная группа большинства менее привлекательна для рынка, маркетинга, рекламы и т. д.

2. Группы меньшинств менее опасны для центров власти. Фрагментированное на меньшинства общество менее способно к консолидации, объединению, мобилизации, формированию влиятельных альтернативных центров власти.

3. Олигархический характер власти, закамуфлированный под демократию. Правящая элита надежно отделена, экранирована от управляемого общества и поэтому спокойно сохраняет свои исторические, традиционные ценности и преемственность. Кроме того, не стоит забывать и то, что для правящей элиты состояние меньшинства — это естественное состояние. Можно сказать, что правящая элита транслирует вовне свое коренное свойство, «заражает» им основное «тело» общества. Но то, что является естественным для элиты, деструктивно для базового общества, т. е. требует от него радикальных изменений и трансформаций.

4. Модель управления фрагментированным обществом (диверсифицированным рынком) является наиболее удобной и привычной именно для западной олигархии. Соответственно внедрение этой модели в другие культурные системы нарушает их функционирование и существующие традиционные конвенции. Это расшатывает, ослабляет позиции местных правящих элит и создает возможность для передачи властных полномочий западной олигархии. С этим связан феномен «цветных революций».

• *Языческий ренессанс и гомоэротизм*. Толерантное отношение к гомоэротизму считается уникальным достижением современной западной цивилизации. Но оснований для этого нет, поскольку исто-

рикам хорошо известно, что гомоэротизм — это характерная особенность многих языческих обществ. Очевидно, это связано, во-первых, с представлением о женщине как низшем существе по сравнению с мужчиной (женщины, как известно, не имели права голоса в народных собраниях, и их сфера социальной деятельности ограничивалась деторождением и домашним хозяйством). Соответственно женщина не считалась достойной высокой любви мужчины, а рассматривалась только как объект животного вожделения. Во-вторых, с важной ролью эротизма (эроса, сексуального желания) в языческих религиозных представлениях — мифы о сотворении мира, человека, богов, культы плодородия и прочие буквально пронизывают языческие религии. Христианство, как известно, вытеснило эрос в сферу девиантности, представив его в качестве ярчайшего выражения животной природы человека, которая сама по себе является результатом *грехопадения первочеловека*. Единственным оправданием эроса было признано деторождение, к которому способна только женщина: гомоэротические отношения, не способные привести к появлению детей, рассматривались как чистое выражение греха, вырождение человека в, лишенное образа Божия, животное. Ренессанс же гомоэротизма, который наблюдается в западном обществе, скорее говорит не столько о каких-то особых либеральных ценностях, сколько о кризисе христианства, элиминация которого приводит к расковыванию, освобождению сексуальной энергии.

Западная политология использует понятие *failed state* для обозначения несостоятельных, провалившихся социумов. Между тем проблемы западного общества не менее фундаментальны, но расположены глубже — не на социальном, а на культурном, социетальном уровне. Есть все больше оснований называть современный Запад термином *failed civilization* — провалившаяся, несостоятельная цивилизация.

• *Две России*. Уникальное в постсоветском российском социуме — опыт безвластия. После распада СССР правительство сохранило способность контролировать ограниченное количество административных опций из множества, а остальные де факто остались за границами его реальных полномочий. Так появились две России: одна — центральная, федеральная; вторая — местная, локальная. Первая — авторитарная, обеспеченная, управляемая, цивилизованная; вторая — брошенная, оставленная самой себе, вольная, дикая. Два антипода в одних границах — государство и антигосударство. Такое «двойничество» чрезвычайно осложняет анализ и описание событий. Поверхностному наблюдателю трудно разобраться в происходящем, поскольку двуликий Янус постсоветской России совмещает два

противоположных ряда качеств — нищету и роскошь, безвластие и авторитаризм и т. п. Соответственно неопытный или предвзятый наблюдатель при желании может обнаружить здесь все, что угодно.

Две России фрактально самопроизводят себя на всех возможных уровнях. Первая Россия порождает власть, столичные центры, офисы, клерков, бюрократию, вторая — стихию, безответственность, произвол, провинцию, бездомность, одиночество. Уникальность нынешней ситуации заключается в том, что русский человек исторически привык быть пленником общества. Русский человек привык ощущать себя захваченным стихией социальности, быть ее пленником, невольником, страдальцем. Поэтому в постсоветском социуме, в котором правительство представляло (и, возможно, представляет) собой чистую имитацию, он чувствует себя одиноким, покинутым, беззащитным, ненужным. В то же время таким необычным образом русский человек в конце XX в., может быть, впервые в своей истории, получив свободу, оказался один на один со своей волей и разумом. И одновременно, как тонко подметил А. Платонов («Чевенгур»), благодаря двойничеству России, русский человек «двустороннего действия: он может и так жить и обратно» [1, 109]. Образно говоря, у русского человека всегда два лица: одно вперед, другое назад. И время от времени они переворачиваются. Порядок и стихия, власть и произвол, Центр и «Украина» в личности русского человека всегда находятся в динамическом взаимодействии, переходя из потенциального состояния в актуальное и обратно.

Литература

1. Платонов А.П. Чевенгур. Котлован. Рассказы // Платонов А.П. М., 2008.

Р.В. КАПИНОС **Гибель Украины**

Недостаток не в деньгах, а в людях и дарованиях делает слабым государство.

Вольтер

Аннотация. Рассматривается экономическая, политическая, культурная ситуация в современной Украине; показывается неразрывная связь двух русских народов, разделенных политическими границами; проясняется причина всех главных проблем Украины — рас-

пространение радикального национализма фашистского толка. Делается вывод о необходимости восстановления кооперативных и человеческих связей с Россией и концентрации общественных усилий на решении экономических проблем страны как основных факторов возрождения Украины.

Ключевые слова: Украина, Россия, государство, цивилизация, национализм, патриотизм, национальная политика, экономика процветания.

Abstract. In the article an economic, political, cultural situation is examined in modern Ukraine. Indissoluble connection of two Russians of people divide political borders is shown. Reason of all main problems of Ukraine — distribution of radical. Drawn conclusion about the necessity of renewal of co-operative and human connections with Russia and concentration of public efforts on the decision of economic problems of country as basic factors of revival of Ukraine.

Keywords: Ukraine, Russia, state, civilization, nationalism, patriotism, national politics, economy of prosperity.

Украины как государства больше нет. Для любого, живущего на ее территории, внутренне это давно уже стало понятно. Для меня это чувство стало ясным с того момента, когда украинский солдат убил первого украинского ребенка Донбасса. В любом организме и даже целой популяции заложен инстинкт самоуничтожения, проявляющийся в момент заражения тела смертельным заболеванием. Такой смертельной болезнью для украинцев стала распространившаяся как чума, всего за несколько месяцев, идеология фашизма: «Украина взлелеяла внутри себя... абсолютное зло... Сегодня на Украине не государство, а... антицивилизация... Украина ныне — “черное чрево” ЕвроАмерики» [1, 15].

Украина еще может воссоздаться как страна — в союзе с Россией, излечившись ее здоровым русским патриотизмом. Для этого украинцам прежде всего нужно вспомнить собственные неискаженные традиции, заложенные лучшими умами народа от Григория Сковороды до Александра Довженко.

Идея великой Украины не пользуется популярностью среди большинства народа — да для этого и нет никаких оснований. Национализм изжил себя. Для нашего миролюбивого народа он был детской болезнью. Изначально было ложным положение Конституции, принятой не всем народом, а лишь его крошечной депутатской частью, отвергающее государственный статус русского языка — а тем самым и

всей русской культуры, т. е. большей части граждан этого государства!

Национализм объяснялся элементарной неграмотностью, ограниченностью кругозора некоторой части украинской интеллигенции.

Ни один из великих украинцев, которых подняли и до сих пор несут на своих знаменах украинские националисты, не был заражен этой болезнью. У них была верная прививка от нее — ум, доброта, талант. Можно ли считать националистом философа Григория Сковороду, который не только знал десять языков, но и в одинаковой степени использовал их в своих сочинениях? Или того Тараса Шевченко, которого, «потерявшего всякую надежду сделаться когда-нибудь хоть посредственным маляром» (Т.Г. Шевченко) [2], притесняемого разными малороссийскими дьячками, вдруг взял к себе в ученики сам великий Брюллов, русский художник, — а перед этим за огромные деньги выкупили из неволи Григорович, Жуковский, Виельгорский и многие другие бескорыстные русские люди? И если бы не ходатайство графини Анастасии Толстой, сидеть бы Шевченко до конца своих дней в Новопетровском укреплении, и так и не вернуться ни к картинам своим, ни к стихам — которые прославились-то и покупались прежде всего в той же Великой России!

Да и после ссылки Шевченко думал устроить свое «материальное существование... разумеется, с помощью» русских друзей. И куда вернулся он после изгнания? В город, о котором десять лет изгнания неотступно мечтал даже во снах, мечтал увидеть свою «прекрасную Академию, Эрмитаж, услышать волшебную оперу. О, как сладко, как невыразимо сладко веровать в это прекрасное будущее» — города, в котором прожил лучших 17 лет своей жизни. И где, как не перед «дивными произведениями» своего русского учителя Брюллова взлеял, по его собственному признанию, в своем сердце Шевченко «слепца Кобзаря» [2]?! Никогда наш великий поэт не мыслил ни себя, ни своего народа без любимой России, Петербурга, Москвы — жутким сном увиделась бы ему нынешняя Украина.

Или может быть националисткой была Марко Вовчок, повести которой можно разделить на две равные части: русскую и украинскую («Украинские народные рассказы» и «Рассказы из народного русского быта» [3])? Или Леся Украинка, всегда тесно связанная с русским революционным движением («Увидеть братство, равенство, свободу сквозь пелену тяжелых туч хочу я» [4, 59])? Или Иван Франко, писавший, что «Украина тысячами нитей связана с великой русской культурой», что экономически Украине выгоднее федеративный союз с Россией, а не создание независимого государства, и основавший

«Русско-украинскую партию» [5, 470—483]?! 20 лет мы только и делали, что пытались оборвать эти тысячи связей.

Или националистом был великий харьковский поэт XX в. Борис Чичибабин, у которого есть такие пронзительные строчки о гибели СССР — сердцем которого всегда была Россия: «И меркнет Божий свет... Мы в той отчизне родились, Которой больше нет» [6, 367]?

Или, наконец, Александр Довженко, так описавший в своем великолепном «Дневнике» канадских украинцев: «Украинский националистический фанатизм носится по свету, как бешеный рой разогнанных пчел, дурных и раздраженных. Утраченный разум и загубленная совесть, распроданная на житейских торжищах, ненависть ко всему свету, и разочарование, и ощущение своей второразрядности неприкаянных изгоев и негодяев, и полная зависимость от малейшего вздоха и колебания международной конъюнктуры, изменчивой и предательской, как мираж, создали на земном шаре особую, неповторимую фигуру украинского авантюриста-фанатика идеи «суверенної України» [7, 313]?! Далее великий украинец пишет еще яснее: «Я не националист. Братство народов я считал и считаю своим идеалом». И что, как ни победа в Великой Отечественной, где бок о бок бились мой украинский и русский деды, впервые за тысячу лет объединила украинцев в единую семью? — Довженко говорит об этом так: «Исполнилась мечта столетий. Дай же разума и совести руководителям твоим. Благословенный будь, народ мой ласковый, добрый» [7, 313].

Не послушался народ своего великого учителя, сбылись слова Довженко, записанные в минуту самых горьких раздумий: «В чем-то самом дорогом и важном мы, украинцы, безусловно, народ второразрядный, скверный и никчемный. Мы дурной народ и незначительный, мы народ бесцветный, наше неуважение друг к другу, наше наплеватьство на свою долю абсолютно разительные и объективно не вызывают ни в ком добрых чувств, ведь мы их и не заслуживаем. Вся наша бесчувственность, боязливость, предательство и пилатство, и грубость, и дурость во время всей истории воссоединения Восточной и Западной Украины есть, по сути говоря, полным обвинительным актом, есть чем-то, чего история не должна нам простить, есть чем-то, за что человечество должно нас презирать, если бы оно, человечество, думало о нас.

У нас абсолютно нет правильного проектирования себя в окружении действительности и истории.

У нас не государственная, не национальная и не народная психика.

У нас нет истинного ощущения единства, и понятие личной свободы существует у нас как что-то индивидуалистическое, анархичное. Мы вечные подростки. А Украина наша вечная вдова.

Мы вдовины дети» [7, 314].

Что было следствием национальной политики в Украине? Банкротство — в экономике, искусстве, науке, религии. В СССР, в Российской империи, когда Украина была по словам наших горенационалистов «несвободной», она достигла во всех областях такого расцвета, к которому даже близко не приблизилась, став «свободной». Все великие украинские философы, поэты и писатели жили в той Украине. Сравните «Червону руту» — и «Дикие танцы», даже в спорте — пик славы «Динамо» (Киев) в «имперском прошлом». При этом неразвитая экономика Украины способствует бурному развитию и процветанию самых разных, зачастую весьма экзотичных и даже преступных религиозных общин: люди ищут отдыха от житейских неурядиц, а кто-то надеется и на материальную поддержку. Так, на сайте секты сатанистов торжественно сообщалось, что «6 июня 2014 г. в Украине прошла регистрацию в Государственной регистрационной службе Украины первая в Украине и на всем постсоветском пространстве религиозная община, открыто и законно, опираясь на Конституцию Украины, исповедующая дьяволопоклонничество... Полное и официальное название религиозной организации “Релігійна громада “Божичі” (Церковь Сатаны). Основатель и учредитель Религиозной общины “Божичи” Небога Сергей Валерьевич (Колдун Небога — Агобен)». На сайте также представлены копии регистрационных документов и сообщается, что в Вальпургиеву ночь, с 30 апреля на 1 мая, на принадлежащем общине земельном участке был открыт заложный годом ранее трехэтажный «храм темных богов».

Экономические интересы разных религиозных общин и сект Украины довольно часто сталкиваются: так, в начале января 1990 г. в Галиции отвоевываются более 120 православных церквей Московского Патриархата; в конце месяца число их возрастает до 230 в Львовской и Тернопольской епархиях, до 140 — в Ивано-Франковской епархии. В июне 1990 г. в Львовской епархии 803 церкви реквизируются вновь образовавшимися униатскими общинами, в массе своей еще не зарегистрированными; в Ивано-Франковской епархии занимаются около 500, а в Закарпатье — 12 церквей. В Галиции 370 православных священников переходят в Украинскую Греко-католическую церковь; таким образом, число священников-униатов возрастает до 767, включая 186 монахов. В июне 1990 г. в Галиции образуется в целом 1592 греко-католических общины, которые отвоевывают 1303 церкви. В тот же самый период около 500 православных приходов

переходят в Автокефальную православную церковь. В 1996 г. более 2000 раз в населенных пунктах Львовщины отмечалось жесткое противостояние между униатами и православными; в Львовский областной отдел по делам религий поступило более 800 обращений по имущественным вопросам; 24 православные общины незаконно сняты с регистрации (попросту говоря, запрещены); для силового освобождения храмов от православных милиция привлекалась 58 раз. При этом Православная церковь Московского Патриархата, не смотря на все конфликты между конфессиями, — по-прежнему самая крупная церковь Украины. К ней принадлежит наибольшее количество монастырей и церковных общин. И это имеет решающее значение для сохранения связи между Украиной и Россией. Православные монастыри Московского патриархата — это очаги русской культуры, охранители русского языка на Украине.

В 2015 г. Украина продолжает свое быстрое падение во всех областях: страна занимает 1-е место в мире по детскому алкоголизму, 1-е место в Европе по уровню коррумпированности власти, по распространению СПИДа среди взрослого населения и по ВИЧ-инфицированным беременным женщинам, и 2-е место в мире по уровню смертности. Больше половины экономики по-прежнему находится «в тени» и не платит или недоплачивает налоги, при этом с точки зрения сложности налоговой системы Украина твердо сидит на 181 месте в мире. Желавшие жить «как в Европе» сделали две революции (2004 и 2013 гг.) — отбросившие Украину по экономическому развитию — прежде всего, средним заработным платам граждан, — на последнее место в Европе (на 21 ноября 2013 г., начало революции «Майдана», средняя зарплата украинца — 406 дол., на ноябрь 2014 г. — 230 дол., на август 2015 г. — 100 дол. — падение в 4 раза!) при инфляции в 61 % годовых и выше (на ряд важнейших товаров и услуг, таких как лекарства, коммунальные услуги — цены выросли в 3 раза, коммунальные расходы на однокомнатную квартиру в зимний период теперь обходятся в 1000 грн., а прогнозируются — 1500 грн.) и «замороженной» правительством на весь 2015 г. минимальной зарплате 1218 грн. и пенсии — 975 грн. Бесконечные политические конфликты, закончившиеся гражданской войной, и нищета выгнали из страны за годы существования независимого государства до 8 млн. граждан — что равняется численности некоторых государств Европы и приравнивается к численности двух когда-то самых населенных областей Украины — Донецкой и Луганской (в 1969 г. в УССР проживало 46 млн. граждан, в 1991 г. — 52 млн., в 2015 г. — примерно 40—42 млн.).

Или мы думали, что независимую цветущую страну можно создать за несколько лет? Государство никогда не образовывалось про-

стым референдумом, государство всегда основывались кровью, потом и костями многих и многих тысяч людей — и если обретение независимости прошло для нас более-менее безболезненно, то становление ее, годы, прошедшие после референдума, были обильны на страдания народа.

Становление Украинского государства еще никак не закончилось. Нет навсегда устоявшихся государств, любое государство постоянно формируется, меняется, одни части территории присоединяются, другие отдаются или теряются.

Украинские националисты говорят, что Украина наконец-то вырвалась из-под тяжелого крыла Российской империи. Но империя — не всегда плохо. Римская империя создала всю культуру современной Европы.

И то, что Советская империя, стержнем которой была империя Российская, распалась 24 года назад, еще не говорит, что она умерла окончательно. На руинах Римской империи Оттоном Великим создается Священная Римская империя, просуществовавшая 500 лет. Я думаю, нас в будущем ожидают еще большие перемены.

Большинство современных независимых «украинцев» выросли в советской культуре, основой которой была русская культура — она сформировала их мышление, их чувства. Современный «украинец» или «грузин» — это русский, который научился говорить по-украински или по-грузински — недаром ведь за границей всех советских всегда называли «русскими».

Чтобы быть объективным, следует сказать и о русском национализме в Украине. Помнится мне разговор с одним высокообразованным культурным профессором, который прямо говорил мне в личной беседе: «Да что такое Шевченко? слабый национальный, провинциальный поэт!», вспоминаю я и слова другого ученого, доцента, наставника молодежи, назвавшего Сквороду «незначительным, узким мыслителем», помню я и как лет 10 назад в пору оголтелой украинизации возмущались русские люди Украины: «Украинская мова? Гэ, бэ, ы? Не желаем знать ее! Мы не желаем не то что учить, но слышать ее!». Любой национализм есть проявление эгоизма, нежелания слушать друг друга: как говорил мне один мой знакомый националист: «Я знаю украинский язык, и мне глубоко все равно, что и как говорят другие народы»; однажды звонил я в Киев по важному делу — и секретарь министра, услышав мою русскую речь, просто бросила трубку.

Мне одинаково понятна позиция как украинской, так и русской стороны Украины — ведь сам я по дедам своим равно принадлежу обеим культурам. Безнравственной была политика русификации

Украины — но столь же безнравственной оказалась и политика украинизации.

Что же может объединить нас всех? — задаюсь я еще раз вопросом, как много раз задавался им последние 24 года. Общий враг? Упаси Бог! Общее прошлое? Оно у украинцев разных земель различно.

Общее будущее? Да, конечно. Как пчел, муравьев, деревья в лесу объединяет общий труд, так только общая экономическая работа может объединить нас, таких разных во всем остальном.

Выбор у нас может быть только один — экономика процветания и взаимопомощи, а не политическая борьба или национальная вражда. Не растут деревья в бурю, для жизни нужен покой.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Российский антикризис // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
2. *Шевченко Т.Г.* Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 5. К., 2003.
3. *Вовчок М.* Полное собрание сочинений: В 8 т., Саратов, 1896—1898.
4. *Українка Л.* Зібрання творів у 12 тт. К., 1975. Т. 1.
5. *Франко Іван.* UKRAINA IRREDENTA // *Житє і слово*. 1895. Т. 4.
6. *Чичибабин Б.* В стихах и прозе. Харьков, 2002.
7. *Довженко А.* Дневниковые записи. Харьков, 2013.

Раздел III

Экономика в действии и противодействии

С.С. НОСОВА

Турбулентность в экономическом развитии России: есть ли выход?

Аннотация. В статье рассматривается турбулентное, т. е. неопределенное, хаотичное развитие современной российской экономики, вызванное санкциями, импортозамещением, падением цен на нефть, девальвацией рубля; предложен системный подход выхода из сложившегося состояния.

Ключевые слова: турбулентность, ВТО, санкции, импортозамещение, цена на нефть, девальвация рубля, провалы рынка, российская экономика, конкурентоспособность,

Abstract. The article deals with the turbulent, i. e. uncertain, chaotic development of the economy of the modern Russian economy, caused by the sanctions, import substitution, the fall in oil prices, the devaluation of the ruble and the systematic approach proposed exit status situation.

Keywords: turbulence, WTO, sanctions, import substitution, the price of oil, the ruble devaluation, market failures, the Russian economy, competitiveness.

Современная мировая хозяйственная система демонстрирует кризис глобализма: обнажились противоречия, накопленные за весь период его существования. Черты современного мирового кризиса не новы. Они были типичными и для финансового кризиса 2008 г., что великолепно подчеркнуто известным русским ученым Ю.М. Осиповым в следующем тезисе: «Нынешний... мировой кризис как раз из числа не просто экономических кризисов, а именно, кризисов самой по себе экономики, мало того, из числа кризисов, восходя-

щих к общему кризису экономизма, т. е. кризис уже эпохи общего кризиса экономической цивилизации, тот самый кризис, который, с одной стороны, порождается общим кризисом экономической цивилизации, а с другой — с помощью которого экономическая цивилизация пытается свой общий кризис преодолеть» [1, 12].

Актуальные события на экономической и политической аренах красноречиво свидетельствуют о начале этапа проявления провалов (фиаско) рынка планетарного масштаба, являющихся причиной нарастания турбулентности в системе экономического развития передовых стран, в том числе и российской экономике. Оценка сложившегося положения в российской экономике и поиск путей выхода из него требуют системного теоретического подхода. Переход России от экономики централизованного управления, основанной на господстве государственной собственности, к рыночной экономике на базе господства частной собственности, вопреки законам общественного развития, вызвал бурю актуальных проблем, решение которых не было обозначено в экономической теории. В 1990-х гг. не было даже намека на освещение проблем в полном объеме возможного перехода советской экономики к рыночной. Экономическая теория не раскрыла сущности и возможных форм проявления рыночной экономики переходного типа и не предложила алгоритм эффективной экономической политики.

Четверть века исполнилось строящейся рыночной экономике в России. Результат катастрофический: спад производства — более 50%. Он подобен американским гонкам: Россия молниеносно взлетела в неизвестность на раскрытой творцами и последователями классической экономической теории и в известность — для западных консультантов по переходу к рынку. Колоссальные потери: потрясения вчерашних дней настолько велики, что впереди еще много разрушительных выбросов от навязанной вашингтонской программы перехода России к рыночной экономике в 1990-х.

Сегодняшняя Россия оказалась перед вызовами и угрозами внутреннего и геополитического порядка. Сфокусировались внешние и внутренние факторы, несущие турбулентное, т. е. неопределенное, хаотичное развитие экономики. По заявлению Д.А. Медведева, «страна сейчас находится под беспрецедентным санкционным давлением со стороны Запада... дополнительными негативными факторами стала падение цен на нефть и девальвация рубля» [2].

Несмотря на то, что в классической политэкономии четко сказано о роли материального производства в экономическом развитии, в частности, отраслей обрабатывающей промышленности, тем не менее рыночная стихия в России исправно делает свое дело: развиваются

высокодоходные отрасли нефтегазового сектора, за счет которого на 50% формируется государственный бюджет. По проекту бюджета, составленному Минфином, существенных изменений до 2017 г. включительно не произойдет. Таким образом, сформировалась *деформированная* и уязвимая в отраслевом отношении структура экономики, так как обрушились отрасли, создающие экспортную конкурентоспособную продукцию (станки, машины, оборудование). В современной России создалась однобокая, монокультурная экономика.

Санкции, направленные против России, во многом носят *политический характер*. Более того, они противоречат ценностям основам рыночной экономики: свободе выбора и предпринимательства, обеспечению личного интереса, ограничению роли государства в экономике и т. п. Санкции бесцеремонно попирают те самые ценности, на которые опирается либеральная идеология. Причина их появления лежит вне принципов либеральной идеологии, идеология вторична, главное — ослабить экономический потенциал России, направить силы народа на свержение конституционного строя. Иначе говоря, сформировать разрушительные силы внутри страны, сделать ее неконкурентоспособной. Это самый существенный момент в применении политики санкций.

Санкции оказались органической частью глобальной политики ВТО, членом которой Россия стала с августа 2012 г. Ряд российских экономистов открыто выступали против этого вступления, подчеркивая, что от либерализации внешней торговли выигрывают страны с более высокой конкурентоспособностью. По оценкам же Всемирного банка, вступление в ВТО обеспечивает рост экономики — как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе. Подобного рода привлекательная информация в разных вариантах широко распространялась перед вступлением России в ВТО. Но те, кто преждевременно подталкивали Россию в ВТО, либо не ведали о последствиях в конкретно исторических условиях, либо намеренно предвкушали вытеснение более слабых российских производителей с внутреннего рынка, что, собственно, и происходит. Достаточно очевидные провалы российского рынка, в частности недостаточная конкурентоспособность, стали быстро проявляться. В следующем году эксперты вместо восстановительного роста предсказывают продолжение рецессии [3].

Предполагается, что в 2016 г. экономика вернется к росту. Однако темп этого роста будет невелик — до 0,7%. Его единственным источником остался рост запасов промышленности. С 2017 г. основным источником экономического роста должен стать потребительский спрос. Но темпы его роста будут небольшими: сохранится жест-

кая бюджетная политика в отношении социальных расходов. В России растет безработица: каждую неделю с начала 2015 г. сокращают 19—20 тыс. человек [4].

Приведенные макроэкономические показатели — это и есть цена вступления России в ВТО вкпе с санкциями и падением цены на нефть. Это свидетельство структурных изменений в нашей экономике в сторону а) роста обмена, т. е. сферы торговли, и б) сокращения производства под влиянием падения как отечественных, так и зарубежных инвестиций.

Политэкономом известно, что в воспроизводстве общественно-го капитала торговля обеспечивает лишь движение произведенных товаров и услуг от производителя к потребителю. Что мы видим сегодня? До введения санкций, да и сейчас, в российских торговых центрах, особенно мегауровня, принадлежащих иностранным инвесторам, в основном продаются иностранные товары, с использованием иностранной техники, оборудования и нередко иностранного персонала. Но нельзя забывать, что зарубежные торговые организации, в особенности сетевые и мегауровня, «аккумулируют» доходы российских потребителей и с большим энтузиазмом их используют на накопление собственного капитала. Иначе говоря, обменом своих доходов на иностранные товары и услуги (особенно туристические) мы финансируем зарубежную экономику, способствуя росту занятости и благосостояния их населения. Помимо «выдавливания» российских оптовых и розничных торговцев зарубежные мегаторговые сети вытесняют продукцию отечественного производства. Такая ситуация не дает шансов росту конкурентоспособности российской экономики.

Таким образом, к сырьевой деформации отечественного производства добавляется еще зависимость внутреннего рынка от всепоглощающего импорта товаров и услуг как продовольственного, так и производственного назначения. Сегодня российская экономика имеет системную деформацию — отсюда поиск путей выхода из сложившегося положения тоже должен носить системный характер. В качестве фрагмента системного подхода выхода из турбулентного развития экономики России может быть предложено следующее.

Первое: на базе фундаментальной классической экономической теории нужно восстановить воспроизводственную цепочку: производство — распределение — обмен — потребление. Приоритетом должно стать производство средств производства. Это не означает снижения роли других фаз воспроизводства, но первичную роль здесь играет производство, или так называемый реальный сектор экономики. Преобладание *монетаристских методов* в экономической политике показало свою неэффективность.

Второе: если у нас достаточно природных ресурсов, необходимо разработать и реализовать стратегию их конкурентных преимуществ. Это означает немедленный переход к глубокой *переработке нефти*, газа и иных ресурсов. Нужно срочно уйти от навязанного нам определения, что «Россия — это бензоколонка».

Третье: через выстраивание технологических цепочек и диверсифицированных связей нужно воссоздавать и развивать высоконаучную экономику.

Четвертое: санкции дают основание для роста импортозамещения. Мы предлагаем рассматривать импортозамещение как новый прорыв к росту в разных отраслях, где создаются новые цепочки роста стоимости национального благосостояния. Диверсификация экспорта на основе правильной реализации политики ВТО и импортозамещения вновь возродит экономическую силу России.

Пятое: современная экономика России должна отойти от монетаристских методов управления в угоду процветания западного империализма, что позволит России выйти на траекторию устойчивого конкурентоспособного развития, выработанную национальными учеными. Это и есть сама возможность выхода российской экономики из системы сложившейся глобальной турбулентности.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Мировой кризис в поле зрения философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 2008. № 6.
2. Медведев призвал отказаться от «стратегии выживания» //
3. <https://news.mail.ru/politics/23502357/> (дата обращения: 02.11.2015).
4. МВФ ухудшил прогноз по экономике РФ на 2015 год // <https://news.mail.ru/politics/> (дата обращения: 02.11.2015).
5. МЭР предсказало доходы россиян в 2018 году ниже уровня 2014 года // <http://www.rbc.ru/economics/08/10/2015/> (дата обращения: 02.11.2015).

А.А. КЛАДОВА

Особенности диалектического взаимодействия основных тенденций эволюции банковской конкуренции в России

Аннотация. В статье раскрывается специфика взаимодействия основных тенденций эволюции конкурентных отношений в банковском секторе современной России.

Ключевые слова: конкуренция, угасание конкуренции, обострение конкурентной борьбы, диалектическое взаимодействие.

Abstract. The article shows the specifics of interaction between the basic tendencies of evolution of bank competition in modern Russia.

Keywords: competition, extinction of competition, aggravation of competitive struggle, dialectical interaction.

В рамках современной политэкономии угасание конкуренции и обострение конкурентной борьбы рассматриваются как две ключевые общие тенденции развития конкурентных отношений, не исключающие друг друга, а, напротив, находящиеся в диалектическом взаимодействии. В.А. Гордеев — автор указанного подхода — полагает, что первая тенденция проявляется в усиливающейся концентрации производства, монополизации экономики, интеграционном процессе как факторе сокращения масштабов конкуренции, а вторая — в ужесточении конкурентной борьбы между мировыми экономическими центрами, государствами, ТНК, а также в сохранении отдельных анклавов конкурентных отношений в современной экономике [1, 208—248]. Проведенное нами исследование особенностей эволюции конкуренции в российском банковском секторе, с одной стороны, подтвердило следование этого процесса выделенным Гордеевым общим тенденциям развития конкурентных отношений, а с другой — обозначило существенную специфику как проявления этих тенденций, так и их взаимодействия.

Поверхностное противоречие тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы, как и самих монополии и конкуренции в целом, может рассматриваться в качестве субъективной формы их взаимодействия. Содержательный аспект такого взаимодействия, по нашему мнению, заключается в их диалектическом единстве, порождающем развитие конкурентных отношений по той или иной траектории. В самом общем приближении мы рассматриваем диалектическое взаимодействие угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы как берущий начало от совершенной конкуренции процесс попеременных пиковых состояний каждой из указанных тенденций в рамках общего развития конкуренции.

Исходя из сказанного, обе из рассматриваемых тенденций одновременно присутствуют как в экономике в целом, так и в ее отдельных секторах. При этом в ходе развития конкуренции то одна, то другая играют ведущую роль, поскольку на соответствующих этапах сама конкурентная среда рынка обуславливает то необходимость динамического, обновляющего движения системы, то потребность в некото-

ром торможении, успокоении, стабилизации ее состояния. Смена этих потребностей системы в соответствии со вторым законом диалектики происходит при превышении «меры», т. е. границы, после перехода которой «накапливающиеся» в системе элементы монополизации или, напротив, обострения конкурентной борьбы приводят к скачку в развитии системы и переходу ее в новое качественное состояние.

Особенности диалектического взаимодействия тенденций эволюции конкуренции в банковском секторе России по большей части обусловлены спецификой его создания и функционирования в современном виде. Во-первых, стартовой позицией процесса диалектического взаимодействия указанных тенденций была не совершенная, а скорее монополистическая конкуренция, возникшая в связи с отчасти принудительным генезисом сектора на руинах государственно-монополизированной сети кредитных учреждений. Генетически унаследованная от административно-командного периода мощная роль государства в рассматриваемой сфере изначально не могла бы быть совместима даже с краткосрочным периодом совершенной конкуренции, хотя формально период экстремального роста числа банков в России в начале процесса либерализации ее экономики может создавать впечатление именно такой структуры рынка. Во-вторых, специфической российской особенностью диалектического взаимодействия тенденций угасания и обострения в развитии банковского сектора является тот факт, что обе они порождаются (прямо и/или косвенно) конкурентным поведением государства как субъекта конкурентной борьбы на банковском рынке и как одного из ключевых институтов социально-экономической системы страны. Это придает самим тенденциям (вернее, их внешнему проявлению) и их взаимодействию некоторую механистичность, произвольность, ограничивающую их от общего случая рассматриваемого взаимодействия, которое, как мы полагаем, должно в большей степени происходить благодаря внутренним особенностям рынка.

Таким образом, диалектическое взаимодействие тенденций угасания конкуренции и обострения конкурентной борьбы в российском банковском секторе, по нашему мнению, представляет собой происходящий под контролирующим воздействием государства как субъекта банковской конкуренции процесс попеременных пиковых состояний указанных тенденций в ходе перемещения банковской конкуренции по траектории «монополистическая конкуренция — слабая олигополия — тесная олигополия — монополия».

Литература

1. Гордеев В.А. Конкуренция и ее развитие: Монография. Ярославль, 2008.

Т.Н. ЮДИНА

Осмысление цифровой экономики*

Современность всегда творит что-то новое, не бывшее ранее, а кое-где и кое-когда и принципиально новое, просто не имевшее возможности осуществиться в прошлом.

Ю.М. Осипов

Аннотация. Современный мир становится все более и более технологичным. Его продуктом является электронная, в том числе цифровая, экономика. Усложняются экономические отношения как субъектно-объектные, когда они дополняются алгоритмами. Усиливается виртуализация экономики. В статье представлена попытка философско-хозяйственного осмысления цифровой экономики и представления программы по цифровой экономике. Показаны границы цифровой экономики.

Ключевые слова: электронная экономика (цифровая экономика, веб- и интернет-экономики), электронно-информационная революция, цифровая экономика, виртуальная экономика, современные технологии (ИКТ — информационно-коммуникационные технологии), информатизация нового поколения, кластер цифровой экономики, облачная инфраструктура предприятия, точки экономического роста, цифровая экосистема, «цифровая долина», цифровое неравенство.

Abstract. Modern world becomes more and more sophisticated. Its product is the digital economy. Economic relations as subject-to-object ones become more complicated when they are supplemented by algorithms. Virtualization of economy intensifies. In the article the attempt of digital economy philosophical and economic understanding and of digital economy program development is made. The limits of digital economy are presented.

Keywords: e-Economy (digital, Web and Internet economies), digital economy, virtual economy, sophisticated technologies (ICT — informational and communication technologies), new generation informatization, digital economy cluster, cloud infrastructure of firm, economic growth points, digital ecosystem.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-02-00640 «Философия и методология экономики как основа формирования концепции современного экономического знания».

Некоторые философско-хозяйственные аспекты цифровой экономики

Современный мир, в том числе и мир экономики, а не мир-хозяйство (по С.Н. Булгакову), становится все более и более *технологичным* и в то же время, все менее и менее этическим и духовным. Технологии — одна из главных составляющих информации, которая в свою очередь является основным фактором производства современного *капиталистического (хрематистического) рыночного и квазирыночного воспроизводственного процесса*, иногда трансформирующегося из *реального в сетевой, цифровой и виртуальный*; из *вертикального в горизонтальный*. Продуктом современности является *электронная экономика*, в том числе *веб-, интернет- и цифровая экономика*, которая функционирует с помощью *цифровых телекоммуникаций*.

Электронно-информационная революция в экономике существенно влияет на трансформацию экономических отношений уже более четырех десятилетий. Преобразования в производственных отношениях и институтах происходят как по содержанию, так и по форме. В цифровой экономике усложняются экономические отношения как субъектно-объектные, когда они дополняются некими алгоритмами. Специфика преобразований в производственных и/или экономических отношениях отражается в том, что процессы производства, распределения, обмена и потребления (использования) информации становятся главными по сравнению с другими видами хозяйственной и экономической деятельности, а также влияют на них.

Электронно-информационная революция середины 1970-х гг. привела к изменению и технологической основы производства, когда *сеть сетей — интернет как мегаинститут*, спутниковая связь, в целом процессы *информатизации и компьютеризации I и II поколений* позволяют передавать информацию из любой точки земного шара без проводной связи.

Усиливается виртуализация экономики, по сути хрематистики, у которой нет предела. Электронно-информационная революция и ее продукт — электронная и цифровая экономика — изменяют также форму организации экономических отношений, институтов и организаций в глобальном пространстве рыночной (по сути капиталистической) экономики.

Термин «цифровая экономика» (его автор — Николас Негропonte) появился относительно недавно, в 1995 г. [1]. Это понятие связано с интенсивным развитием *информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)*, началом процесса информатизации второго поколения, что является основой формирующегося VI технологического

уклада. Фактически все сферы человеческой жизнедеятельности (экономическая, социальная, политическая, культурная, социальная и др.) в той или иной мере изменились благодаря открытию и развитию ИКТ.

Все больше отраслей и секторов национальной экономики: финансы, торговля, а также машиностроение, сельское хозяйство, строительство, транспорт, связь, медицина, образование и др. — включаются в электронную и цифровую экономику. Так, согласно «Boston Consulting Group», интернет-экономика в 2010 г. составила 2,3 трлн дол. В 2013 г. размер цифровой экономики был на порядок ниже, всего 20,4 млрд дол. согласно докладу Oxford Economics.

Информация как главный фактор производства в форме современных технологий VI технологического уклада (в данном случае ИКТ) открыла большие возможности *качественного экономического роста* посредством следующих инструментов и факторов:

- неограниченности коммерческих площадок в Интернете, развития интернет-торговли, финансовых (фондовых и валютных) бирж;
- уменьшения размера компаний для успешной конкуренции на рынках, развития *горизонтальных систем управления* и появления *виртуальных предприятий (фирм)* и организаций, называемых также как «киберкорпорации»;
- многократного использования одного и того же физического, трудового и других ресурсов для предоставления различных услуг в рамках *облачной инфраструктуры предприятия, специализированных региональных кластеров цифровой экономики и цифровой экосистемы*;
- ограниченности масштаба операционной деятельности только размерами Интернета;
- превращения клиента в некое «божество» для цифровой экономики, т. е. его фетишизации (client);
- все возрастающего экономического эффекта отцифрованной продукции, в том числе за счет снижения издержек производства;
- и главное — появления *новых точек экономического роста и «цифровых долин»*.

Однако следует одновременно учитывать *границы цифровой экономики*. Это прежде всего то, что ее фундаментальные и прикладные аспекты разрабатываются в рамках аристотелевской хрематистики, капиталистической системы, т. е. «*денежной цивилизации*», по В.Ю. Катасонову, а не в соответствии с аристотелевским ойкономикос как общественно-полезным гармоническим (в гармонии с душой и природой) этическим хозяйством (см.: [2]). Во-первых, теория и практика цифровой экономики игнорируют этические и духовно-

нравственные принципы. Не оценен с этих позиций *проект создания киборгов*. Во-вторых, в настоящее время известно, что в России запрещена *криптовалюта (биткоин)* в силу ее бесконтрольного обращения и широкой возможности отмывания денег. В-третьих, возникла и расширяется *проблема цифрового неравенства*. Монопольное владение информацией является фактором получения *интеллектуальной ренты* и *высокой сверхприбыли*. В-четвертых, экономические отношения становятся все более обезличенными, усиливается возможность экономических преступлений, например, *хакерства*.

Теоретические и практические аспекты цифровой экономики можно разработать только на основе использования *междисциплинарного метода научного исследования*, в частности, на стыке философии хозяйства, экономической теории и политической экономии, а также прикладной математики, вместе со специалистами в области компьютерных наук. Так, предлагаемая ниже образовательная программа по курсу «Цифровая экономика» составлена нами совместно с Р.Р. Тухбатовым и И.М. Тушкановым, кандидатами экономических наук, выпускниками факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ имени М.В. Ломоносова. В настоящее время они работают над фундаментальными и прикладными аспектами цифровой экономики в целом, российской структуры цифровой экономики, разрабатывают новые модели бизнеса с использованием современных технологий VI технологического уклада, находят точки качественного экономического роста на примере Крыма.

**Образовательная программа по курсу «Цифровая экономика»
как вклад в развитие отечественной и мировой
обществоведческой и философско-хозяйственной мысли
на основе междисциплинарного метода научного анализа**

Технологичность современного мира обязывает вводить в обучение дисциплину по выбору или для дополнительного образования «Цифровая экономика», где есть простор и новым реалиям, и цифре, и букве. Эта характерная черта современной эпохи вносит коррективы в российскую и мировую обществоведческую, экономическую и философско-хозяйственную мысль. Прав Ю.М. Осипов, когда пишет: «*Современность творит мысль, но мало обращает внимание на ее текущую характеристику и временную оценку. А это не совсем правильно, если вообще неправильно: современная мысль (в частности, технологическая. — Т.Ю.) делает много ценного, развивая предшествующую мысль, ее корректируя, предлагая и новые решения, нередко обновляющие ранее накопленное знание и начертанные предшественниками представления о реальности. Эпоха сменяется эпохой — соответственно изменяются алгоритмы реальности и отражающие их мен-*

тальные конструкты» [3, 298]. Вкладом научной школы философии хозяйства Ю.М. Осипова является выход в свет в 2000 г. монографии «Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и мифотворчество» на основе проведенной ранее международной конференции на эту тему [4].

Приведем далее программу для дополнительного образования в МГУ «Цифровая экономика». Она состоит из фундаментальных и преимущественно прикладных аспектов цифровой экономики, связанных с новыми точками экономического роста на примере Крыма.

Примерная программа для дополнительного образования по курсу «Цифровая экономика»

1. Электронно-информационная революция и трансформация реальной экономики в сетевую, электронную и цифровую.
2. Точки экономического роста в глобальной экономике сквозь призму цифровой экономики.
3. Домохозяйства в цифровой экономике.
 - 3.1. Трансформация модели человека в цифровой экономике (наноуровень).
 - 3.2. Изменение структуры потребления в цифровой экономике.
 - 3.3. Индивидуализация продуктов и услуг в цифровой экономике.
4. Бизнес-архитектура сетевой и виртуальной фирмы в цифровой экономике (формирование и развитие).
5. Роль и место государства в цифровой экономике.
6. Ресурсы и процессы: финансы, персонал, логистика и производство.
7. Институционально-правовая инфраструктура и ее развитие в цифровой экономике.
 8. Облачная инфраструктура предприятия.
 9. Общая инфраструктура цифровой экономики.
 - 9.1. Программная и системная инженерия современных информационных системах.
 - 9.2. Базы данных.
 - 9.3. Прикладное ПО: торговля, фондовый и валютный рынок, машиностроение (системы проектирования, 3D-принтинг и др.), сельское хозяйство, транспорт, связь, медицина, строительство (ВИМ-технологии), городская инфраструктура (умный город, умный дом и пр.).
 - 9.4. Облачные технологии и современные способы ее создания.
 - 9.5. Технологии «открытого кода» — OpenSource.

- 9.6. Технология Blockchain и инновации.
- 9.7. Обзор технической инфраструктуры цифровой экономики. Открытое аппаратное обеспечение — OpenSource Hardware.
10. Инфраструктура социальных коммуникаций и совместной деятельности в цифровой экономике (блоги, микроблогинг, сообщества, активности, социальная аналитика, форумы, социальные сети, wiki, crowd-технологии, коллаборативные технологии).
11. Методология управления проектами в цифровой экономике.
12. Введение в финансовый менеджмент и учет на предприятиях.
13. Методика моделирования бизнес-процессов в цифровой экономике.
14. Экономика проекта создания новых продуктов в цифровой экономике.
15. Границы цифровой экономики.
16. Разработка и защита учебного проекта по созданию нового продукта (практическая работа по применению полученных знаний и навыков).
17. Курсы по личностному развитию: а) коммуникации в компаниях (фирмах) цифровой экономики, б) коммуникации в государственном секторе цифровой экономики, в) навыки презентации и ведения переговоров, г) курсы углубленного разговорного английского языка.

Действительно, современный мир, в том числе и экономический мир, становится все более технологичным. Технологическая мысль ныне сливается с экономической (по сути хрематистической, к сожалению, а не домостроительной). Задача философии хозяйства — «отделить мух от котлет» и найти истинные точки и модели качественного хозяйственного развития России.

Литература

1. *Negroponte N.* Being Digital. Knopf. Paperback edition, 1996, Vintage Books.
2. *Юдина Т.Н.* Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России. М., 2015.
3. Философия хозяйства. 2015. № 4.
4. Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и мифотворчество / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2000.

Т.С. СУХИНА

Экологическая экономика: от идеи к практике

Аннотация. Показаны предпосылки возникновения экологической экономики. Представлены возможные пути развития в условиях смещения ориентиров в сторону устойчивого развития и формирования «зеленой экономики».

Ключевые слова: экологическая экономика, экология, «зеленая» экономика, энергосбережение, энергоэффективность, «зеленые» технологии, возобновляемые источники энергии.

Abstract. The author estimates background of environmental economics. The article presents possible ways of development in the context of benchmarks shift towards sustainable development and the formation of a «green economy».

Keywords: environmental economics, ecology, the «green» economy, energy saving, energy efficiency, «green» technologies, renewable energy sources

В современную эпоху стремительного скачка научно-технического прогресса, увеличения численности населения, нерационального хищнического использования природных ресурсов перед человеком хозяйствующим неизбежно встает вопрос: является ли такое обширное преобразование природы, граничащее с истреблением, неизбежным следствием развития нашей цивилизации? Возможно ли изменить модель взаимоотношения человека и природы, чтобы выйти на другой, менее разрушительный путь развития?

Сегодня феномен, именуемый «экология», составляют две проблемы: «опустошение Земли» и «опустошение человека». Современная экология это не просто научная дисциплина, метод мышления или взгляд на мир — это «судьба, это событие, влекущее нас к бессобытийности» (Ф. Гиренок). Экология из слова-термина превратилась в слово-идол сознания, обеспокоенного перспективами дальнейшего развития цивилизации. Такой подход заставляет рассматривать экологию не в качестве определенной научной дисциплины, а как феномен самосознания цивилизации [1].

Поиск решений этих проблем — в гуманитарном осмыслении способов бытия современного человека, его отношения к природе и другим людям, в его мировоззрении, содержащем определенную систему ценностей. Этот процесс обусловил возникновение потребности в междисциплинарном знании на стыке экологии и экономики, пред-

лагающем новую модель взаимоотношений между природой и человеком, ориентированную на устойчивое развитие человечества. «Экологическая экономика — результат насильственного разрешения противоречия между природой и неприродой» (Ю.М. Осипов [2]).

Наиболее полно проблемы экологической экономики находят отражение в документах, связанных с будущим, с формированием новых моделей экономики. ООН в экономическое основание своей концепции будущего положила «зеленую экономику» как основу устойчивого развития [3].

«Зеленая экономика» — это система видов экономической деятельности, связанных с производством, распределением и потреблением товаров и услуг, которые приводят к повышению благосостояния человека в долгосрочной перспективе, не подвергая будущие поколения воздействию значительных экологических рисков или экологического дефицита (по определению ЮНЕП) [4].

Теория зеленой экономики базируется на трех аксиомах:

- нельзя бесконечно расширять сферу влияния в ограниченном пространстве;
- нельзя требовать удовлетворения бесконечно растущих потребностей в условиях ограниченности ресурсов;
- все на поверхности Земли является взаимосвязанным [4].

В условиях смещения ориентиров в сторону устойчивого развития и формирования «зеленой экономики» все заметнее становится изменение структуры энергетического рынка и особенно рынка нефти и возобновляемых источников энергии, формируются новая коммуникационная среда и основы для нового энергетического режима. Компании из разных секторов экономики активно разрабатывают комплекс новых технологий, продуктов и услуг. В начале XXI в. сформировались условия для перехода на новый вектор развития всего экономического сообщества, создания новой экономической картины. Значительную роль в этом процессе играют «зеленые» технологии — ресурсосберегающие и безотходные технологии, охватывающие все сферы хозяйственной деятельности, особенно энергетику и промышленность. Энергосбережение и повышение энергетической эффективности — одни из основных источников будущего экономического роста.

В России, обладающей богатыми природными ресурсами и обширными территориями, более половины экономики составляют энергетика и металлургия, вследствие чего необходимость внедрения «зеленых» технологий ощущается не столь остро, что приводит к значительному отставанию в их внедрении и к не самому выгодному положению на новых технологических рынках. «Зеленые» технологии

активно развиваются в странах, где высокие тарифы на энергоресурсы компенсируются низкой процентной ставкой по кредитам, что позволяет окупить инвестиции за 20—40 лет, а в России при низких ценах на энергию для потребителей на внутреннем рынке и высоких кредитных ставках польза не столь очевидна [5].

В Энергетической стратегии России на период до 2035 г., опубликованной Министерством энергетики РФ, с 2020 г. намечен переход страны «к энергетике нового поколения с опорой на новые технологии, высокоэффективное использование традиционных энергоресурсов и новых углеводородных и других источников энергии» [6], при этом предполагается, что путь России к безуглеродной энергетике будет несколько иным, чем у развитых стран, что обусловлено специфическими особенностями российской энергетики и российских регионов. В документе подчеркивается, что возможны два варианта развития мировой энергетики: эволюционный и прорывной, и в случае реализации второго сценария перед Россией возникнет проблема срочного освоения перспективных технологий: переход на возобновляемые источники энергии (ВИЭ), переход на водородную энергетику и др.

Сегодня, когда крупнейшие экономики мира взяли курс на прекращение использования ископаемого топлива и осуществление в течение XXI столетия декарбонизации национальных экономик, России необходимо выработать свою концепцию движения в этом направлении. Чтобы сдвинуть существующий энергобаланс в сторону возобновляемых и энергоэффективных технологий, заниматься программой снижения углеродоемкости нужно уже сейчас и на самом высоком уровне. Согласно основным выводам российской части мирового исследования «Пути к глубокой декарбонизации», экономика РФ может стать низкоуглеродной уже к 2050 г. — без заметных потерь для роста ВВП и доходов населения. Главная выгода такого развития для нашей страны — сохранение планеты, пригодной для жизни наших потомков, а также немаловажный эффект декарбонизации — развитие секторов промышленности, ориентированных на чистую энергетику: от производства солнечных панелей и электромобилей до строительных и упаковочных материалов [7].

Во Франции уже сейчас более 80% электроэнергии производится с помощью неуглеводородных источников — атома, ветра, солнца, воды, при этом доля ведущего сектора — атомной энергетики — снижается, а доля «зеленых», возобновляемых источников растет. Дания и Нидерланды объявили о переводе к 2050 г. всех энергетических мощностей на возобновляемые источники. Постепенно увеличивается выработка чистой электроэнергии в Германии. В Нор-

вегии половину электроэнергии вырабатывают ГЭС, в Швеции основными поставщиками энергии являются ГЭС и АЭС. Общая тенденция в развитии энергетики Скандинавских стран — минимум сжигаемого газа, нефти и угля [8].

У России хорошие перспективы относительно роста энергосбережения, сокращения выбросов, декарбонизации и перехода на возобновляемые источники энергии поскольку движение в этом направлении только начинается. Сокращение выбросов в 1990-е гг. было вызвано главным образом падением производства, при этом реализация программы энергосбережения в настоящее время затруднена в связи с уменьшением госфинансирования из-за сложной макроэкономической ситуации. Тем не менее переход к низкоуглеродному развитию и поддержка возобновляемых источников энергии (ВИЭ) помогут российской экономике приобрести устойчивость и снизить зависимость от добычи и экспорта топлива, значительно повысить ВВП на душу населения, а также ежегодно создавать на 3% больше квалифицированных рабочих мест [7].

Аналитический центр при Правительстве России в сентябре 2015 г. подготовил аналитический доклад «Оценка перспектив и целесообразности перехода субъектов Российской Федерации, использующих нефтепродукты с целью теплоснабжения, на местные и возобновляемые виды топлива», в котором подробно рассмотрены десять субъектов РФ. В результате исследования сделан вывод о наличии экономического потенциала такого перехода во многих муниципальных образованиях при необходимости проведения анализа доступности топливно-энергетических ресурсов и инфраструктурных ограничений на региональном и муниципальном уровнях. Наличие местных видов топлива в регионе не всегда свидетельствует об экономической целесообразности их использования, но примеры отдельных инвестиционных проектов показывают, что переход с нефтепродуктов на местные и возобновляемые виды топлива позволяет получить экономию по совокупным издержкам котельной за счет сокращения расходов на топливо, а также обеспечивает экономию субсидий для региона за счет снижения экономически обоснованного тарифа [9].

Наиболее перспективны эти проекты в удаленных районах Приморского края и Северо-Запада европейской части России, в регионах, где развит лесотехнический комплекс и хороший эффект от использования ВИЭ. Например, в Архангельской области преобладающее большинство муниципальных образований могут быть полностью обеспечены для планируемых объемов теплоснабжения древесным биотопливом, получаемым из дров и отходов в рамках фактических объемов заготовки древесины [9].

Переход России к «зеленой экономике» весьма актуален для привлечения инвестиций в природоохранные проекты, разработку и внедрение современных технологий, углубление переработки отходов, формирование механизмов поддержки экологически эффективных производств. Привлечение инвестиций на рынок экологических товаров и услуг в совокупности позволит создать условия для развития научно-промышленного потенциала страны. Создание, разработка и использование «зеленых» технологий могут способствовать формированию основы для нового толчка к росту, поддержке экономики страны на конкурентоспособном уровне, обеспечению роста занятости и созданию высокооплачиваемых рабочих мест.

Для этого необходимы реформы в области законодательства, развитие инициатив гражданского общества и устойчивая мотивация «зеленой» ориентации бизнеса. Насколько это возможно в современных условиях? Доля России на мировом рынке высокотехнологичной продукции — около 0,3%, в промышленном производстве — менее 5% при запланированном росте до 25—35% к 2020 г. Для осуществления этого роста необходимо существенное увеличение инвестиций в НИОКР с четкой ориентацией на «зеленые» инновации. Здесь значительная роль отводится малому бизнесу, что возможно при формировании устойчивых деловых связей между крупным бизнесом и малыми предприятиями.

Кроме стимулирующих мер в государственной политике при разработке экономических моделей необходим перенос акцента на интересы потребителя — формирование квалифицированного потребителя, с дальнейшим размыванием границ между потребителем и производителем (например, «котельнизация» — уход потребителей из системы централизованного теплоснабжения и создание, по возможности, собственной генерации).

На сегодня в России достаточно мало оригинальных разработок в области климата, сеймики или использования энергии ветра. Не очень высокий уровень качества жизни в наших городах напрямую зависит от качества городской среды и экологии, альтернативная энергетика в строительстве мало популяризируется, зданий с нулевым или позитивным циклом потребления пока практически нет.

При этом возможны достаточно эффективные и несложные решения в области малой генерации энергии: если законодательно снизить минимальный объем допустимой в сеть энергии собственной генерации, то рядовые жители смогут установить в собственном доме ветро-, солнце- или гибридные системы и продавать излишек энергии в сеть, что будет содействовать не только повышению эффективности и надежности энергосистем в целом, но и созданию новой отрасли:

производственные и строительные организации в области малой энергетики, что окажет ощутимый налоговый эффект и создаст новые рабочие места [10].

В России принята федеральная целевая программа «Энергоэффективность и развитие энергетики», реализация которой пока недостаточно эффективна из-за того, что программа сориентирована на неудачные стимулы, не увязанные с мнением энергетиков и инженеров, не сбалансирована нормативная база. В отличие от большинства стран, у нас в сфере ЖКХ 80% энергии приходится на тепло и горячую воду, а теплоэнергетикой заведуют местные власти, у которых нет стимулов к нововведениям. Анализ результатов показывает, что основные резервы для энергосбережения на уровне отдельного дома обычно заключаются в наладке внутридомовых инженерных систем, промывка и прочистка которых снижает энергопотребление на 25—30%, а не в утеплении, на которое ориентировались в последнее время. Модернизация инженерных систем обходится в 8—9 раз дешевле, чем утепление дома. Такие же проблемы сохраняются и в домах после капитального ремонта, и в новых домах, в которых инженерные системы в порядке, но не отрегулированы, так как системно такая работа почти нигде не проводится [11]. Востребованы изменения в нормативной базе: например, при наличии понятия энергоэффективности и предписания при строительстве «Перечня мероприятий по охране окружающей среды» имеющиеся нормативы касаются только отдельных аспектов, не затрагивая таких понятий как жизненный цикл здания и качество материалов для строительства.

Изменения необходимы в различных сферах: инженерной, информационно-управленческой, экономико-стоимостной; при этом все они должны быть взаимосвязаны, направлены на привлечение инвестиций.

Актуальной проблемой является и возмещение инвестиций. Как правило, инвесторами в России выступают органы власти и частный бизнес, при том что в международной практике бюджетные деньги возвращаются за счет тарифов, т. е. потребителей. В России такие механизмы пока практически не работают [12].

В Европе при высокой цене на электричество возобновляемые источники энергии появляются главным образом благодаря господдержке, вплоть до грантов и льготных кредитов конечным потребителям на покупку солнечных панелей и ветрогенераторов.

Хочется подчеркнуть, что при использовании возобновляемых источников энергии возникают две характерные проблемы: они непостоянны и при этом обладают невысокой плотностью энергии, поэтому использование их дороже, чем обычных концентрированных энер-

гоисточников, что предполагает другой, значительно более экономный образ жизни [13].

Достаточно сложным для осознания в России является представление о том, что «развитие» в новых условиях означает понижение, а не повышение энергопотребления.

Тем не менее «выход к экологическому равновесию возможен только через экономию — тех же ресурсов, а это уже совсем другая экономия — не экономическая, а хозяйственная» (Ю.М. Осипов [2]), которая невозможна без коренного пересмотра взаимоотношений человека и природы.

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* Экология. Цивилизация. Ноосфера. М., 1987.
2. *Осипов Ю.М.* Экология и экономика // *Философия хозяйства*. 2014. № 6.
3. *Бобылев С.И., Соловьева С.В.* Новые цели для новой экономики // *Мир новой экономики*. 2016. № 1.
4. *Смагулова Ж.Б., Муханова А.Е., Мусаева Г.И.* Анализ мирового опыта перехода к зеленой экономике: предпосылки и направления // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 1.
5. *Сухина Т.С.* Охрана окружающей среды как условие устойчивого развития // *Философия хозяйства*. 2015. № 4.
6. Энергетическая стратегия России на период до 2035 г. // <http://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-energostrategy-2035-pdf.pdf>.
7. Доклад «Пути к глубокой декарбонизации» // http://www.bigpowernews.ru/photos/0/0_rxFmiMoRQByBoQlUtKavO1KX6UHHSRTo.pdf.
8. http://www.bbc.com/russian/blogs/2013/07/130709_eco_blog_espipov_finland.
9. Аналитический отчет «Оценка перспектив и целесообразности перехода субъектов Российской Федерации, использующих нефтепродукты с целью теплоснабжения, на местные и возобновляемые виды топлива» // <http://ac.gov.ru/files/publication/a/6592.pdf>.
10. <http://etsdengi.ru/index.php/ekonomika/420-2015-12-28-22-39-19>.
11. <http://ac.gov.ru/expert-in-media/05385.html>.
12. <http://ac.gov.ru/events/06210.html>.
13. <http://ac.gov.ru/commentary/07030.html>.

С.С. МЕРЗЛЯКОВ
Армия и IT-сообщества: статус элитарности
как ресурс развития

Аннотация. В статье рассматриваются армия и IT-сообщества как возможные драйверы экономического роста.

Ключевые слова: армия, интернет-сообщество, драйвер роста.

Abstract. The article deals with the army and the IT-community as potential drivers of economic growth.

Keywords: army, online community, growth driver.

В условиях сложной экономической ситуации становятся предельно актуальными призывы отказаться от сырьевой модели экономики. При этом появляется потребность в поиске тех ресурсов, которые могли бы послужить драйвером для развития экономики России. Сегодня все чаще слышны голоса экспертов, которые полагают, что таким драйвером может послужить человеческий капитал, который остается одним из наиболее конкурентоспособных российских продуктов в пространстве международного разделения труда. Несмотря на то, что подобные заявления довольно часто носят спекулятивный характер и указывают лишь на неспособность экспертного сообщества сформулировать конкретные механизмы развития экономической системы, мы полагаем, что человеческий капитал действительно является значимым преимуществом России. Однако проблемами являются указание на конкретные механизмы использования того, что принято называть «человеческим капиталом», и определение тех форм, в которых человеческий капитал выражается.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть два варианта исследования, определения и использования ресурсов человеческого капитала России. При этом мы жестко не разделяем понятия «человеческий капитал» и «социальный капитал». Это разделение представляется не столь необходимым, если речь идет о человеке и его моделях поведения, а не о внешних по отношению к отдельным людям экономических механизмах. Если мы говорим о человеческом капитале, то предполагаем, что он формируется в определенных условиях и важнейшим условием являются те модели поведения, которые закрепляются у человека в силу принадлежности определенному сообществу.

Армия как элитарный институт [1]. Последние десятилетия в России характеризовались утратой доверия к большинству социаль-

ных институтов в обществе. Эта ситуация является закономерным результатом общего кризиса социальной структуры. Однако в последнее время мы можем наблюдать рост доверия людей к некоторым институтам, которые возвращают или приобретают в обществе высокий статус благодаря достаточно высокой эффективности работы. Если тот или иной институт демонстрирует тот уровень функционирования, который воспринимается населением как высокий с точки зрения профессионализма, то такой институт приобретает статус элитарного. Если эффективность института не вызывает в обществе сомнения, то этот институт люди готовы определять как элитарный. Одновременно с ростом статуса института растет статус сотрудников этого института. Другими словами, в обмен на качественно выполняемые функции та или иная общность получает от социума статус элиты.

По мнению россиян, в последнее время одним из наиболее эффективных институтов является армия. Это происходит благодаря тому, что Вооруженные Силы России демонстрируют такое качество выполнения своих функций, которое в обществе оценивается как высокое. Так, согласно исследованию ВЦИОМ за март 2016 г., 84,2% россиян одобрили деятельность российской армии [2]. Для сравнения — лишь 34,3% одобрительно отзывались о деятельности профсоюзов, и 35,7% одобрили работу судебной системы. Одновременно с ростом доверия россиян к армии, растет и рейтинг престижности профессии военнослужащего [3]. Рост доверия россиян к армии подтверждают и исследования «Левада-центра» [4].

Таким образом, Вооруженные Силы РФ демонстрируют наиболее высокий рост доверия населения. Это стало возможно благодаря высокому уровню демонстрируемого профессионализма. Следствием высокой эффективности этого института является то, что армия приобретает черты элитарного института, профессионализм сотрудников которого обеспечивает этот институт высоким общественным статусом.

Мы полагаем, что высокий общественный статус того или иного института — это ресурс, которым нужно грамотно пользоваться. Возникает вопрос: как использовать высокий социальный статус армии? Заметим, что этот высокий статус уже используется. Доверие к отечественному ВПК является значимым драйвером экономического развития России. Однако нашей задачей является поиск вариантов использования ресурсов элитарности за пределами военной сферы.

В рамках исследования проводился небольшой опрос молодых выпускников. Им предложено было ответить на вопрос: «Изменилась бы эффективность Вашей текущей работы, если бы ее заказчиком выступило оборонное ведомство, а не гражданская организация?».

Большинство опрошенных предположили, что эффективность их работы возрастет, если они будут выполнять ту же работу, которую выполняют сейчас, но заказчиком выступит армия. Несмотря на низкую выборку и невысокую репрезентативность опроса, мы считаем, что в данном случае уже можно предположить наличие корреляции между высоким статусом армии как заказчика и потенциальным повышением эффективности труда исполнителя. То есть можно предположить, что высокий социальный статус армии оказывает положительное влияние на качество выполняемой работы.

Человек стремится к тому, чтобы оказаться как можно выше в социальной иерархии, поэтому он охотно отождествляет себя с тем сообществом, которое воспринимается в обществе как элита. Если появляется возможность стать частью элитарного сообщества, то человек этой возможностью пользуется. Очевидно, что высокий социальный статус заказчика повышает и статус исполнителя. Для достижения элитарного статуса человек готов работать более эффективно.

Этим механизмом нужно научиться пользоваться. В контексте вопроса об элитарности военных институтов в современной России, можно предположить, что расширение участия армии в других сферах повысит их эффективность — сам факт высокого статуса армии как заказчика окажет позитивное влияние на качество выполняемых работ.

Мы ни в коем случае не говорим о чрезмерном расширении присутствия армии в обществе. Такое расширение представляется крайне опасным. Но лишь указываем на общий принцип, согласно которому статус элитарности является значимым ресурсом, который нужно использовать. То, что в настоящее время армия становится элитарным институтом, не имеет принципиального значения. Принципиальным является возможность использования этого статуса. В случае с армией речь может идти о том, что заказы от военного ведомства могут сыграть роль катализатора позитивных изменений в тех областях, которые непосредственно не связаны ни с армией, ни с ВПК. Например, это могут быть исследования в области как естественных, так и гуманитарных наук.

В условиях дефицита доверия общества к прочим социальным институтам, высокий уровень доверия к армии может быть ценным ресурсом, который нужно использовать.

Социальный капитал в Интернете [5]. Как показывают форсайт-исследования рынка труда, в будущем наиболее востребованными окажутся специалисты в области IT и смежных областей. Это является закономерным результатом все большей информатизации общества, развития и распространения информационных технологий.

Поэтому одним из основных навыков, необходимых для специалистов будущего, является цифровая грамотность [6].

Как показало исследование трудовых рынков Германии, США и Израиля, специалисты из России являются наиболее конкурентоспособными в сфере IT, в математике и физике [7]. Это значит, что те школы, которые создают отечественных специалистов в области информационных технологий, являются не просто поставщиками качественных специалистов мирового уровня и специфическим конкурентным преимуществом России, но и ее стратегическим ресурсом.

Специалисты в области IT составляют костяк профессиональных интернет-сообществ, которые функционируют как дискуссионные площадки, а также площадки для коллективного решения проблем в области IT. Мы рассматриваем этот неформальный институт как потенциальный ресурс для развития других сфер, а также как источник качественного человеческого и социального капиталов.

Для нас принципиальным является то, что эти неформальные сообщества функционируют именно по тем моделям поведения, недостаток которых наблюдается в экономической системе России. Поэтому полезным является исследование этих специфических неформальных правил в контексте возможности их переноса на другие площадки.

Среди таких неформальных правил, существующих внутри исследуемых сообществ и являющихся дефицитными в структуре неформальных правил всего российского общества, можно выделить следующие.

1. *Компетентность*. В ценностный каркас этих сообществ входит компетентность как условие высокого статуса человека. Именно компетентность является условием роста репутации внутри сообщества. При этом не имеет значения социальный статус человека вне сообщества. Это важный элемент развития, которого не хватает российской сверхиерархичной системе.

2. *Традиция совместного получения знания*. Способность представителей этих сообществ к продуктивным коллективным действиям не просто высока, но является ценностью. Именно благодаря способности к кооперации становятся возможными создание и совершенствование продуктов с открытым программным кодом.

3. *Культ вклада в общее дело*. Если ты способен помочь сообществу и помогаешь, то ты приобретаешь высокий статус. Этот элемент модели поведения является прямой противоположностью совокупности установок советского экономического человека с его стремлением избегать труда, выработанного в условиях уравниль-

ного распределения ресурсов, при котором заработок не зависел бы от качества работы.

Кроме того, в этих сообществах решается проблема асимметрии информации благодаря тому, что информация является открытой для всех. В подобной системе организации деятельности снижается и эффект ухудшающего отбор, потому что проверка эффективности конечного продукта доступна многим.

Вышеназванные правила поведения и их полезные эффекты — следствие высокого уровня доверия внутри этих сообществ, что является признаком качественного социального капитала и, следовательно, низких транзакционных издержек.

Мы считаем, что исследование российских интернет-сообществ профессионалов в области ИТ полезно с точки зрения формирования новых моделей поведения в российском экономическом пространстве в целом. Наша задача ответить на вопрос: «Как сделать так, чтобы эти сообщества и ценности, на основе которых они функционируют, стали частью бриджингового капитала России?».

В заключение еще раз укажем на то, что признаваемый обществом высокий социальный статус некоторой общности сам по себе является ценным ресурсом. В современной России такими ценными ресурсами могут быть высокий статус армии и признанный авторитет российских специалистов в области информационных технологий.

Литература

1. Мерзляков С.С. Элита как субъект экономического действия // *Философия хозяйства*. 2015. № 3.
2. Исследование ВЦИОМ: Одобрение деятельности общественных институтов // http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/.
3. ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 3042 // <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115588>.
4. «Левада-центр»: Россияне вновь поверили в армию // <http://www.levada.ru/2016/02/18/rossiyane-vnov-poverili-v-armiyu/>.
5. Мерзляков С.С. Ресурс использования и социальный капитал интернет-сообществ техноэлиты: постановка задач исследования // *Философия хозяйства*. 2015. № 6.
6. Отчет NMC Horizon: «Высшее образование — 2015».
7. Аузан А.А. Миссия университета: взгляд экономиста // *Вопросы образования*. 2013. № 3.

М.В. ГОЛОВКО

**Развитие культуры экономической безопасности
как инструмент борьбы с рентоориентированной
теневой экономикой**

Аннотация. В статье обосновывается значение формирования культуры экономической безопасности как системы корпоративных ценностных ориентиров (на примере Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»). Понимание коллективом значимости совместной целенаправленной, эффективной деятельности, соблюдение установленных формальных и неформальных (этических) норм позволяют минимизировать риски, связанные с недобросовестным поведением инсайдеров. В результате сокращаются масштабы рентоориентированной теневой экономики, являющейся серьезной угрозой экономической безопасности государства.

Ключевые слова: культура экономической безопасности, рентоориентированная теневая экономика, корпоративные ценности, инсайдерская рента.

Abstract. In the article on the example of the State Atomic Energy Corporation «Rosatom» justified by the value of building a culture of economic security as the corporate system of values. Understanding the importance of team collaboration focused, efficient operations, compliance with the established formal and informal (ethical) standards to minimize risks associated with the unscrupulous behavior of insiders. As a result of reduced rent-seeking scale of the shadow economy is a serious threat to the economic security of the state.

Keywords: culture economic security, rent-seeking shadow economy, corporate values, insider rent.

Исследования теневого сектора российской экономики как угрозы экономической безопасности ведутся на протяжении не одного десятилетия. Сложность и неоднозначность данного явления порождают множество научных споров и, как следствие, формирование различных подходов к трактовке сущности, структуризации явления, выявлению причин возникновения, способов противодействия. Во многом это связано с тем, что сложно провести демаркационную границу между легальным и нелегальным (например, рыночные отношения в период плановой экономики находились вне закона), между конструктивным и деструктивным влиянием некоторых форм (сокрытие прибыли может быть направленным на извлечение ренты, а мо-

жет — единственным шансом предпринимателя продержаться в условиях кризиса), в силу наличия в каждой из форм теневой экономики мимикрирующих элементов и т. п.

Анализ многочисленных публикаций по теневой экономике и экономической безопасности привел автора к упрощению классификации форм теневой экономики за счет исключения из ее объекта явно криминальной деятельности. В результате, определены две основные формы, объединяющие характерные для них типы теневых экономических отношений по критерию противоположности целей экономических целей.

1. *Рентоориентированная теневая экономика (РТЭ)*. Это деятельность экономических субъектов, направленная на достижение цели максимального обогащения посредством нарушения действующего законодательства в сфере экономики, получающая наибольшее развитие в условиях неопределенности, бифуркационных скачков. Применение данного термина обусловлено сущностью рентоориентированного поведения, определяемого как попытка индивидов увеличить свое собственное богатство, внося при этом отрицательный вклад в чистое богатство общества.

2. *Компенсационная теневая экономика (КТЭ)* является, по сути, реакцией на развитие РТЭ. Деятельность ее субъектов направлена на получение собственниками или наемными рабочими дополнительных средств, необходимых для продолжения экономической деятельности и/или самовоспроизводства и относится к вынужденной, амортизационной. Чем более развита РТЭ, тем активнее действует «амортизатор» КТЭ.

Рентоориентированная теневая экономика оказывает крайне негативное влияние на экономическое развитие, являясь угрозой экономической безопасности государства. В рамки данной формы теневой экономики вписывается также инсайдерская модель корпоративного управления, целью которой является извлечение ренты за счет контроля над финансовыми потоками предприятий, ставшая типичной для современного российского бизнеса. Рентоориентированное поведение достаточно часто встречается в рамках государственных корпораций с бюджетным финансированием, поскольку они являются привлекательным объектом для инсайдеров. Общественная значимость целей создания госкорпораций предопределяет и значимость угроз национальной безопасности при изъятии инсайдерской ренты. Система инсайдерского контроля в госкорпорациях приводит к таким негативным последствиям, как нарушение общественных интересов, ухудшение ситуации на подконтрольных предприятиях, неэффективное и нецелевое использование бюджетных средств, снижение каче-

ства управления, возрастание уровня некомпетентности, невыполнение поставленных в федеральных программах и стратегиях развития целевых показателей, низкий уровень научной и инновационной деятельности, утечка капитала и переход активов под иностранный контроль.

Для примера приведем некоторые факты рентоориентированного поведения отдельных бизнес-единиц в структуре Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» (далее ГК «Росатом»), представляющего собой угрозу не только для экономической, но и национальной безопасности. Например, актуальной проблемой является необоснованное завышение сметных нормативов на строительство объектов ГК «Росатом» и других госкорпораций. По сведениям Счетной палаты, это приводит к увеличению сметной стоимости строительства и к перерасходу бюджетных средств на 20—45%. Афилированность заказчиков нормативов с их разработчиками способствует увеличению стоимости услуг последних. Так, например, разработка только двух сметных нормативов для ГК «Росатом» и космодрома «Восточный» составила 944 млн р. вместо возможных 250 млн р., т. е. практически в 4 раза выше [1].

Другой пример — по программе развития ГК «Росатом» на 2009—2015 гг. было выделено финансирование в размере 941,8 млрд р., из которых бюджетные средства составили 424,6 млрд р. В ходе проверки периода 2011—2013 гг. были выявлены нарушения целевого использования: из перечисленных 184,8 млрд р. до филиалов компании дошло только 52—68% от предназначенных средств, что закономерно привело к увеличению сроков сдачи объектов в эксплуатацию, их простаиванию, частичной деградации, способной привести к формированию в дальнейшем угроз технической и экологической безопасности [2].

Еще факты попыток изъятия инсайдерской ренты: в конце 2014 г. служба внутреннего контроля и аудита ГК «Росатом» выявила на госзакупках лот Курской АЭС на дорогостоящую (порядка 5 млн р. за восемь месяцев) аренду автомобилей класса «люкс» для перевозки документации [3]. Эти случаи не единичны. В условиях ограниченности ресурсов и сокращения доходов государственного бюджета подобные ситуации недопустимы и требуют скорейшего разрешения.

Положительная динамика РТЭ свидетельствует о накоплении негативного потенциала в экономической сфере и, что крайне принципиально, в системе управления, поскольку при ее реализации активно задействован административный (коррупционный) ресурс. Это является причиной недостаточной эффективности существующих мер контроля и противодействия правонарушениям в сфере экономики. В

то же время рентоориентированное поведение не всегда предполагает несоблюдение действующего законодательства, а является следствием неформального сговора с чиновниками, контрагентами и пр., осуществляется с нарушением предпринимательской этики. В результате снижаются уровень экономических свобод, качество институциональной среды и деформируется институт деловой этики, что в совокупности служит триггером наращивания темпов роста компенсационной теневой экономики.

Учитывая указанную особенность рентоориентированной теневой экономики, для преодоления ее распространения необходимо дополнять традиционные административно-экономические механизмы борьбы комплексом мер социокультурной направленности. Так, в частности, наряду с развитой системой внутреннего контроля в ГК «Росатом», осуществляющей контроль законности деятельности всех структурных подразделений на основе многочисленных ведомственных инструкций и нормативно-правовых актов, активно развивается идеологическая составляющая — система корпоративных ценностей и культура безопасности, позволяющие повысить эффективность действующих механизмов управления и контроля. Утвержденная в 2014 г. система Единых корпоративных ценностей интегрирует основные ориентиры:

- «На шаг впереди» — технологическое лидерство на основе наращивания качества;
- «Ответственность за результат» — личная ответственность за достигнутые результаты;
- «Эффективность» — достижение экономической эффективности путем рационального использования ресурсного потенциала ГК «Росатом»;
- «Единая команда» — высокий уровень сплоченности в коллективе, гибкие и эффективные коммуникационные связи, единообразие целей;
- «Уважение» — обеспечение высокого уровня взаимного доверия по отношению к аутсайдерам (контрагентам, партнерам) и достаточной прозрачности организации;
- «Безопасность» — основополагающий приоритет, требующий постоянного и всеобъемлющего контроля.

Интегрированные в стратегию развития ГК «Росатом», осознанные и разделяемые персоналом всех уровней и подразделений, корпоративные ценности становятся основой обеспечения эффективности всех производственно-хозяйственных процессов и профессиональных коммуникаций, заделом безопасного развития экономики входящих в корпорацию бизнес-единиц. Например, в процессе пилот-

ного внедрения Производственной системы «Росатом» (далее — ПСР) на Смоленской АЭС, благодаря сокращению продолжительности ремонта на энергоблоке № 1 в 2015 г., было дополнительно произведено 195,9 млн кВт.ч электроэнергии, в два раза сокращены потери рабочего времени и оптимизированы расходы на складские запасы. По мнению экспертов и руководства Смоленской АЭС, эффективность внедрения ПСР обеспечивается высоким уровнем вовлеченности персонала в проект (более 40% всех сотрудников), стремлением к самосовершенствованию и улучшению результатов командной работы, ростом индивидуальной и корпоративной ответственности за безопасность всех производственно-хозяйственных процессов. В условиях высокого уровня корпоративного восприятия миссии и адаптации к ней всех бизнес-процессов предприятия, высока вероятность достижения такого амбициозного показателя эффективности на Смоленской АЭС, как снижение себестоимости электроэнергии на 25% к 2017 г. [4].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о значимости этического аспекта корпоративной экономической безопасности предприятия и необходимости комплексного, системного подхода к его развитию. Данный подход может быть реализован при формировании корпоративной «культуры экономической безопасности» совокупности ценностных ориентиров, составляющих общий вектор развития экономики предприятия, направленных на поддержание ее эффективности и безопасности путем обеспечения индивидуальной и солидарной ответственности за результат, высокого уровня взаимного доверия между всеми экономическими субъектами, достаточной для обеспечения общественного контроля и сохранения требуемого уровня безопасности прозрачности хозяйственных процессов [5, 105]. Свидетельством высокого уровня корпоративной культуры экономической безопасности, помимо роста рентабельности и инновационности деятельности, станет снижение рисков рентоориентированного поведения инсайдеров.

Литература

1. Счетная палата: нормативы в строительстве приводят к завышению расходов бюджета на 20—45% // РИА ТАСС // <http://tass.ru/ekonomika/1753460> (дата обращения: 01.12.2015).
2. Счетная палата раскритиковала Росатом за нарушения при финансировании строительства АЭС // РИА ФедералПресс // <http://fedpress.ru/news/econom/budget/1421386803-schetnaya-palata-raskritikovala-rosatom-za-narusheniya-pri-finansirovanii-stroitelstva-aes> (дата обращения: 01.12.2015).

3. Топ-10 самых расточительных покупок госкомпаний // РИА ФедералПресс // http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1416565156-top-10-samykh-rastochitelnykh-pokupok-goskompanii (дата обращения: 01.12.2015).

4. Смоленская АЭС на 25% планирует снизить себестоимость электроэнергии до 2017 года за счет использования производственной системы «Росатом» // <http://www.atomic-energy.ru/news/2015/11/25/61426> (дата обращения: 10.12.15).

5. *Головко М.В.* Культура экономической безопасности и ее стратегическое значение для атомной энергетики // Глобальная ядерная безопасность. 2015. № 2 (15).

А.А. АНТРОПОВ

Мировые 500-летние политические циклы и российские козырные тузы в «играх» с США, ЕС, КНР и Индией

О, кто проникнет в тайну дней грядущих.

Ф. Шиллер

Спотыкающееся на каждом шагу, играющее в жмурки правительство кончит тем, что его сбросят.

Т. Карлейль

О глупцы! неведома для вас истина,
да вы и не пытаетесь найти ее. Вы
сеяли ветер, теперь вы пожнете бурю.
Возмездие за грех — смерть.

Т. Карлейль

Аннотация. Темой статьи является развитие вопросов и проблем, рассмотренных в нашей работе «500-летние мировые политико-экономические и иные циклы и место России в этих циклах». Приводятся новые исследования, даются комментарии и выводы относительно мировых политических циклов, современной политической ситуации, положения России в мире, вооруженных сил ведущих стран мира.

Ключевые слова: 500-летние мировые политико-экономические циклы, РФ, Европа, США, Канада, Италия, Португалия, Испания, Индия, КНР, Бразилия, Южная Африка, страны БРИКС, Сирия, Пакистан, Индонезия, Аргентина, Мексика, мировая резервная валюта, вооруженные силы, экономические столкновения, дефолт, современные армии.

Abstract. Subject of article is development and deepening of the contents, questions and problems of our work «500-year world political and economic and other cycles and a place of Russia in these cycles». New researches are given, comments and conclusions of rather world political cycles, modern political situation, position of Russia in the world, armed forces of the leading countries of the world are given.

Keywords: 500-year world political and economic and other cycles, new conclusions, political cycles; Europe, USA, Canada, Italy, Papacy, Portugal, Spain, Sacred Roman Empire of the German nation, Russian Federation, India, People's Republic of China, Brazil, South Africa, countries of BRICS, Syria, Pakistan, Indonesia, Argentina, Mexico; world reserve currency, armed forces, head-on economic collisions, our anticipation excellent came true, seized to death, there was a default, billions of dollars,

Введение

Слава банкротству, которое по большому счету всегда справедливо, хотя и жестоко в частных проявлениях! Оно подрывает любую ложь подспудными ходами. Пусть ложь вознесется до небес и накроет весь мир, но банкротство когда-нибудь сметет ее и освободит нас.

Т. Карлейль

Содержанием данной статьи является углубление темы нашей предыдущей работы «500-летние мировые политико-экономические и иные циклы и место России в этих циклах» [1, 447—471].

1. В ней были высказаны идеи и представлены некоторые прогнозы, а также выявлены мировые 500-летние политические циклы [1, 450]. Проанализировав мировую политическую историю за период XVI—XX вв., мы пришли к новому выводу, что наряду с 500-летними мировыми политическими циклами, как в нашей теории экономических циклов [2, 13, 32], существуют политические циклы с периодами $T_k = \frac{500}{k}$, где $k \in [1, k_{\max}]$, $k_{\max} = \left(\frac{500}{2} - 1\right) = 249$

Заметим, что окончательная победа протестантизма над католиками произошла только в результате серии войн XVI—XVII вв., последней из которых была тридцатилетняя война (1618—1648), т. е. через 150 лет после 1500 г.

В наши времена первой на «заклание» идет Европа¹. США, Канада и пр. пойдут позднее, как в прошлом последовательно пошли Италия, Папство, затем Португалия, Испания и Священная Римская империя германской нации².

2. В начале XXI в. роль Португалии, Испании, Франции, Англии, Дании, а затем Голландской Республики играют или же будут играть в ближайшие 50—100 лет Китай, Индия, Индонезия, Объединенная Корея, Вьетнам, Бразилия, Аргентина, Мексика, Южная Африка, Египет, Нигерия, Пакистан, Турция, Иран, народы которых относятся к другим расам, религиям, менталитетам, системам ценностей по отношению к европейцам и англосаксам (причем некоторые из них были закабалены еще начиная с конца XV и заканчивая XX в. теми же

¹ Европа — это истинный колосс на глиняных ногах. 1. 07.01.2015 г. три террориста поставили на колени всю многомиллионную Францию. 2. Ноябрьские теракты 2015 г. (девять террористов) во Франции (13.11.—14.11.2015), Бельгии (16.11.2015 г.) поставили на колени уже всю Европу. 3. Мы в свое время анализировали все основополагающие документы по созданию и развитию ЕС, начиная с 1948 г. Выводы. 3.1. Военное и первые два послевоенных поколений стран — членов первоначальной «шестерки» на самом деле желали объединенной, сильной Европы с едиными правилами игры во всех сферах деятельности, но, увы, следующие поколения этого уже не захотели. 3.2. Расширение ЕС, сначала — до «девятки», а затем постепенно — до 28 стран размыли окончательно основы первоначальных великих замыслов: Европа превратилась в неуправляемую, бесконечно раздираемую клоаку (народы, несовместимые по крови, культуре, истории, менталитетам, системам ценностей, ближним, дальним и сверхдальним целям, заклятые конкуренты (например, южане — по туризму, сельскому хозяйству, рыболовству, портовому хозяйству и т. д.). 3.3. Снова возродился страх перед ФРГ: «Четвертый рейх» никому не нужен. 3.4. ФРГ действовала и действует в ЕС, как она действовала во внешней торговле, начиная с 1880-х гг. с колониальными и полуколониальными странами: взятки правящим классам до поры, до времени + кредиты + лассо долговых неподъемных обязательств + циничное «выкручивание рук» своим должникам, например, Греция это испытала на себе по полной программе при всем честном европейском народце (2014—2015 гг.). Тем самым, ФРГ сама «зарезала» ЕС. 3.5. Многомиллионные нашествия новых варваров добивают и добьют «трухлявую», Европу. Мы еще в 2005 г. писали: «Другая тревожная тенденция — грядет неминуемая новая варваризация мира: исламский мир и Африка — их фундамент и движущая сила, а жирный, гнилой, сытый Запад (отравленная, загубленная окружающая среда, загубленные, растленные души и тела западных людей, да не только их) — их объект и жертва» [3]. Канцлер Кайзеровской Германии князь Б. фон Бюлов высказал про итальянцев гениальный афоризм: «У них очень хороший аппетит, но очень плохое пищеварение». Этот афоризм полностью подходит и к ЕС!

² По Вестфальскому миру 1648 г.

европейцами и англосаксами, имеющими с ними особые «счета») [1, 452].

3. Россия же осталась в списке великих держав и народов [1, 452]. Объективный анализ компетентных иностранных материалов, чьи авторы, между прочим, симпатизируют России, говорит о колоссальных проблемах, существующих во многих областях нашей страны.

4. Венецианская республика, Голландская республика, Англия и США относятся к типам карфагенской цивилизации и карфагенской империи с известными модификациями. Случайно ли это? [1, 453].

5. Российская Федерация является 6-й разновидностью Российской империи, начиная с XIII в. [1, 455].

6. Как показывает историческая практика, новые разновидности Российской империи блестяще справились с историческими задачами, с которыми не могли бы справиться прежние их разновидности [1, 455—456]. Ближайшие 1—3 года покажут соответствие РФ этому критерию. Мы в это верим.

7. Для современной России Запад идейно уже исчерпан. России необходимо синтезировать индивидуальное с универсальным, частное с общественным, твердую власть с демократией и служением социальной правде [1, 456].

8. РФ важно расширять и совершенствовать сильную президентскую власть и обеспечивать эффективное государственное влияние на экономику, идеологию, культуру, науку, технику и технологию [1, 456].

9. Колоссальная роль государства — особенность исторического развития России. Это связано со стремлением ускоренными темпами преодолеть периодически возникающую отсталость страны. Это борьба за выживание, за сохранение суверенитета, за уравнение шансов в соперничестве с другими странами, стоявшими в определенные периоды на более высокой ступени развития (военной, технико-технологической, промышленной) [1, 456].

10. Приведены 35 принципов типов империй, близких по характеристикам к Российской империи, СССР и Российской Федерации [1, 456—458].

11. Заслуги Президента РФ В.В. Путина и его команды.

11.1. Оперативно и высококвалифицированно перестроили российские вооруженные силы, силы безопасности и разведки [1, 465].

11.2. Восстановили ВПК [1, 465].

11.3. Обеспечили возможность режиму Асада доминировать в сирийской гражданской войне [1, 465].

11.4. Открыто отказались от западной «универсальной цивилизационной модели» и объявили о поддержке другой, основанной на религии и традициях [1, 465].

11.5. Отказались от однополярного «Нового мирового порядка» и объявили о поддержке многополярного мирового порядка [1, 465].

11.6. Дали Ирану возможность развивать гражданскую ядерную программу.

11.7. Стали плодотворно работать с Китаем над созданием финансовой системы, полностью независимой от нынешней, контролируемой США и их сателлитами (торговля в рублях и юанях). [1, 466]. Здесь нужны долгие годы тяжелейшей, многогранной работы не только в народных хозяйствах стран БРИКС, но и в иных сферах: например, вооруженные силы РФ и КНР должны не только не уступать, но и превосходить вооруженные силы США по боеготовности и вооружению.

11.8. Спланировали и реализовывают проект, который можно охарактеризовать так: внутри Каспийского моря образуется значительная зона общего пользования, через которую газовую трубу получить провести только после согласия всех стран региона. Это практически ликвидирует все шансы на постройку «Транскаспийского трубопровода». Россия не разрешит ни американцам, ни европейцам строить трубопровод, единственной задачей которого является экономическое давление на Россию. Принято коллективное решение стран-участниц о том, что на Каспии не должны присутствовать военные силы стран, которые не являются прибрежными государствами. Таким образом, «маниловским» мечтам американцев построить в Азербайджане или Туркменистане базу НАТО и выйти тем самым на берег Каспия положен конец. Россия и дальше будет оставаться наиболее серьезным военным игроком в этом регионе³ [1, 467].

Президент В.В. Путин все это наглядно продемонстрировал США, НАТО, КНР и другим друзьям-соперникам РФ в Сирии: знаменитые залпы крылатых ракет типа «Калибр-Н», запущенных с малых

³ В боевой состав Каспийской флотилии РФ войдут девять малых ракетных кораблей проекта 21631 «Буян-М». Эти юркие корабли, оснащенные водометными двигателями, водоизмещением всего 950 т, в случае необходимости могут базироваться даже на Волге, так как специально спроектированы как суда класса «река-море». Они тоже оснащены ракетным комплексом «Калибр» с восьмью ракетами в вертикальной пусковой установке. Три таких корабля уже в строю, остальные должны войти в боевой состав флота до 2018 г. Но если предположить, что «Буяны» будут оснащены новыми дальнобойными ракетами, такими же, как новороссийские «Варшавянки», все сразу встанет на свои места.

ракетных кораблей проекта 21631 «Буян-М» из акватории Каспийского моря. «... И львиная доля южного побережья Средиземного моря окажутся под прицелом новых российских ракет» [1, 467]. Мужественная и многострадальная Сирия, многолетняя союзница сначала СССР, а затем РФ, как раз и находится в этом регионе. И мы это неявно предсказали.

11.9. Упрочили отношения с КНР.

11.9.1. Ловко и тонко, используя амбиции высшего политического руководства КНР вывели эту страну на острое соперничество с США через: 1) претензии юаня на замену доллара США как резервной мировой валюты; 2) начало строительства Никарагуанского канала — конкурента Панамского канала, который на 100% находится под контролем США [1, 467—468].

11.9.2. Договориться КНР с США не сможет: аппетиты у обеих стран — глобальные. США надо будет сдавать всех своих спутников, сначала в Азии, а затем — в других регионах; тогда они восстановят против себя весь мир и окажутся «в полной» изоляции: обе претендуют на одни и те же материальные ресурсы (газ, нефть, уран, медь, железные руды, каменный уголь, нижняя часть химических элементов из периодической таблицы химических элементов Д.И. Менделеева и т. д. и т. п.) в странах Латинской Америки, Африки, Азии, Австралии; претензии КНР на господство в Азии и их бесконечные конфликты почти со всеми соседями. Продажа за огромные деньги КНР некоторых современных военных изделий: передвижных грунтовых ракетных комплексов МБР — аналогов российских МБР «Тополь»; ЗРК С-400 и иных (они пока в секрете) (КНР также просит продать им российские сверхзвуковые и гиперзвуковые крылатые противокорабельные ракеты — убийцы авианосцев; стратегические сверхзвуковые бомбардировщики Ту-22М). Итак, наши предвидения оправдались!

В КНР произошел дефолт 11.08.2015 г. (затем 10.12. 2015 г. и повторился 14.12. 2015 г.⁴) [5]; страна потеряла в конфликте с США 600 млрд дол. Также из экономики КНР в 2015 г. ушел 1 трлн дол. иностранных инвестиций⁵, и США, наконец-то, начинают вывод своих производственных мощностей из КНР.

⁴ У нас статьи есть подозрения, что к этому «свои руки» приложила и китайская «пятая колонна» из тамошних экономических и политических высших кругов. Такая некомпетентность выходит за все разумные рамки: это 100%-ная диверсия и саботаж в чистом виде.

⁵ Мы подозреваем, что не только американские инвестиции. США, по определению, «выкручивают руки» своим многочисленным спутникам при защите своих, многочисленных интересов.

11.10. Сделали все возможное и невозможное, чтобы в современной гонке вооружений участвовали не только США и РФ, но и КНР + Индия + Бразилия + Южная Африка + Пакистан + Индонезия + Аргентина + Мексика + и т. д. [1, 468]⁶.

Каково место России в этой ситуации?

Ни одно положение, как им бы оно ни казалось безвыходным, никогда не бывает таким.

Политическое правило итальянских политиков эпохи Возрождения

Когда нужно действовать, то и надо действовать. Только в действии достоинство человека.

Н. Макьявелли

Чаще всего именно начав действовать, получаешь внезапное озарение, которое так и не возникло бы в бездействии.

Н. Макьявелли

Наш Президент в конце прошлого года произнес фразу, которая стала крылатой: «Турция воткнула нож в спину России». И не одна Турция: за ее спиной стояли и стоят США, НАТО, ФРГ (лично Меркель), Саудовская Аравия, Катар и проч.: это они в кооперации дружно «воткнули нож в спину» Великой России. Здесь же и КНР, и Турция. Они хотят построить альтернативную железную дорогу из КНР в Европу через Среднюю Азию, Закавказье, Турцию и дальше.

Будем откровенны: БРИКС — пока сырой, малопродуктивный орган, ШОС — то же самое. Возможно, они могут стать полезными для РФ лет через 20—30 после длительной, многогранной работы.

КНР и Индия пытаются под красивыми фразами, о нерушимом и вечном союзе и дружбе с РФ: 1) отхватить у РФ Среднюю Азию и Казахстан; 2) использовать РФ как свой сырьевой придаток; 3) использовать ее высокотехнологические вооруженные силы как бесплатное пушечное «мясо». Но В.В. Путин — стратегический политик, играющий одновременно на многих политико-военно-экономических досках в фундаментальных интересах России. Так, против Индии можно всегда использовать тандем КНР + Пакистан и их огромную

⁶ Не надо повторять стратегические ошибки высшего советского политического руководства, которое вовлекло СССР в гонку вооружений с США + НАТО, а КНР, Индия и прочие страны остались в стороне.

отсталость в военно-научно-технико-технологических сферах от США и РФ.

Против КНР можно использовать во всех сферах США + Индию + Японию + КНДР + Вьетнам + Индонезию и их огромную отсталость в военно-научно-технико-технологических сферах от США и РФ.

КНР хотела построить магистраль Москва—Казань и выпускать поезда при 100%-ном китайском капитале. Однако Россия заставила КНР пойти на наши условия дележа общего капитала — 50:50% [6].

В конце августа 2015 г. в заливе Петра Великого⁷ военные корабли ВМФ РФ и КНР провели совместные учения [7—9]. После окончания этих учений военные корабли ВМФ КНР поплыли в сторону Аляски с целью поиграть своими «мускулами» перед США [10], и пригласили ВМФ РФ принять участие в совместных учениях близ берегов США. Но Путин вежливо, но твердо отказался. Какая в этих учениях выгода для РФ? Никакой!

КНР хочет покупать российскую нефть по цене 20 дол./барр.

Однако у КНР есть своя ахиллесова пята. Например, за последние несколько лет китайские компании, банки и муниципальные органы накопили огромные долги. По данным агентства Блумберг, заимствования китайских компаний и домохозяйств достигли рекордных 207% от ВВП в конце июня 2015 г. по сравнению со 125% в 2008 г. [11].

Расширение расчетов с Китаем в юанях может загнать Россию в финансовую ловушку.

Хорошо, что у РФ есть колоссальный рывок военной технологии и техники. Армия РФ в военных действиях в Сирии показала себя как первоклассная, современная армия. За счет этого РФ может умело пользоваться противоречиями между КНР и Индией, КНР и Вьетнамом, КНР и Индонезией, КНР и Японией, а также между Индией и Пакистаном и т. д.

Что касается США, то здесь определим следующие факторы.

1. Бывший глава Счетной палаты США (Government Accountability Office) заявил, что реальный долг США приближается к

⁷ Самый большой залив Японского моря у берегов Приморского края РФ, расположенный между мысом Поворотный на востоке и устьем реки Туманной на западе. Длина залива с севера на юг составляет около 80 км, ширина с запада на восток — около 200 км. Площадь — около 9000 км², длина береговой линии — 1230 км. На берегах Залива Петра Великого расположены города: Владивосток, Находка, Большой Камень, Фокино, а также крупнейший российский порт на Тихом океане — Восточный.

65 трлн дол.⁸, что в 3,61 раза больше официальной цифры в 18 трлн долл., а это составляет 361% от ВВП США.

2. В 2008 г. общий объем деривативов, рискованных спекулятивных контрактов составлял 500 трлн дол. (5×10^{14}), а к концу 2014 г. эта цифра приблизилась к 2×10^{15} (два квадриллиона) дол., т. е. рост в 4 раза. Таким образом, общий объем деривативов превосходит ВВП США в 111,11 раз. Как это можно списать? И на кого это можно «повесить»?

3. 500 крупнейших американских компаний укрывают более 2,1 трлн дол. за границей, чтобы избежать американских налогов⁹, и должны примерно 620 млрд дол. в случае возврата этих средств [12].

Исследование двух некоммерческих групп показало, что 2/3 фирм из списка 500 крупнейших фирм Америки журнала «Форчун» основали дочерние компании в таких государствах с низкими налогами (офшорами), как Бермудские острова, Ирландия, Люксембург и Нидерланды.

Центр по налоговой справедливости США и Исследовательская группа образовательного фонда провели собственное исследование в этой области: компания «Эппл» держит за границей 181,1 млрд дол. Если бы активы находились в США, компании пришлось бы заплатить 59,2 млрд дол. налогов; конгломерат «Дженерал Электрик» прячет 119 млрд дол. в 18 «дочках»; «Майкрософт» — 108,3 млрд дол. в пяти «дочках»; фармацевтическая компания «Пфайзер» — 74 млрд дол. в 151-й «дочках» [12].

По меньшей мере, 358 компаний, что составляет 72% списка «Форчун», имеют дочерние компании в странах с низкими налогами [12]. Это примерно 7622 дочерних предприятия. 57 компаний открыто заявляют, что они заплатили бы 184,4 млрд дол., если бы их активы не были спрятаны в офшорах.

4. Рост процентных ставок в США, а также необходимость погашения или рефинансирования долговых обязательств в объеме 4 трлн дол. в следующие пять лет станут серьезным испытанием для американских корпораций [13].

⁸ Если вы добавите около 18,5 трлн дол. необеспеченных гражданских и военных пенсий, пенсий по здоровью, добавите недофинансированные расходы по социальным обязательствам, Medicare, все различные обязательства, то госдолг составит около 65 трлн дол. и он автоматически растет из-за отсутствия реформ.

⁹ Согласно статистическим данным, за границей налог с прибыли составляет 6%, а в США — 35% [12].

Раньше многие компании как с инвестиционным, так и со спекулятивным рейтингом *могли привлекать заемные средства по сравнительно низким процентным ставкам*. Однако в ближайшие годы стоимость кредитования будет расти на фоне ужесточения монетарной политики ФРС США. При этом повышение процентных ставок будет проходить в период, когда корпорациям в течение следующих пяти лет придется погашать облигации в объеме около 4 трлн дол. [13].

Различные эксперты, опрошенные FT, предупреждают о *рисках заметного увеличения корпоративных дефолтов* в США, особенно в энергетическом секторе. За указанный период компании каждый год рефинансировали свои обязательства на сумму более 1 трлн дол. [13]. Более жесткие условия кредитования будут знаменовать собой поворотный момент в недавней долговой вечеринке. По мере роста процентных ставок инвесторы могут столкнуться с обратной стороной дешевого финансирования, которое до этого обеспечивало им сравнительно легкий доступ к наличным средствам. Компании начнут объявлять дефолты в более массовом порядке, в особенности в энергетическом секторе, который оказался под огнем на фоне падения цен на сырьевые активы.

Есть основания полагать, что ситуация на долговых рынках начнет ухудшаться после ужесточения монетарной политики ФРС относительно 1) объемов привлекаемых долговых средств; 2) процентных ставок, по которым компаниям придется обслуживать эти долговые обязательства.

Увеличение корпоративных долгов привело к ухудшению финансового здоровья американских компаний.

Долговая нагрузка компаний США с высоким инвестиционным рейтингом в настоящий момент в 2,62 раза превышает их показатели доходности за последние 12 месяцев [13]. По оценкам аналитиков «Bank of America Merrill Lynch», данный показатель корпоративного сектора США достиг наиболее высокого значения с 2002 г. [13]. Даже без учета компаний энергетического сектора, пострадавших от падения стоимости сырья, а также с поправкой на выросшие уровни собственной наличности компаний, «кредитное плечо» (заемные средства для покупки тех или иных активов) корпоративного сектора США достигло своих наиболее высоких значений со времени финансового кризиса 2008 г. [13].

Аналитики S&P ожидают, что количество *дефолтов среди компаний США с рейтингом ниже инвестиционного к июню 2016 г. увеличатся в 2 раза по сравнению с 2013 г.* [13]. Аналитик «Мудис» Билл Вульф отмечает: «В общем и целом кредитное качество долговых

обязательств многих компаний за последние три года ухудшалось. В целом количество компаний с низким качеством долговых обязательств стало заметно выше, чем раньше» [13].

5. США уже четвертый раз подряд сталкиваются с дефицитом почти 4 трлн дол. бюджета на сумму более 1 трлн дол. [14].

Сбалансировать такой бюджет без сокращения расходов на оборону и социальные программы не получится. Повсюду — в Калифорнии, в Висконсине, в Нью-Йорке — идет такой же процесс на уровне штатов. Власти замораживают зарплаты, снижают пенсии, отменяют проекты. Калифорния и Иллинойс находятся на грани дефолта. Такие города, как Детройт, Бирмингем, Стоктон и Сан-Бернардино, уже пересекли эту грань [14]. Как долго они смогут позволить себе тратить на национальную оборону больше, чем вся следующая десятка стран вместе взятая? Как долго США смогут продолжать защищать множество стран, находящихся за полмира от США? Сколько еще войн стоимостью в триллионы долларов, типа Иракской и Афганской, США смогут вести на заемные деньги?

Эпоха больших национальных проектов для США закончилась.

У Ф.Д. Рузвельта были Новый курс и Вторая мировая, у Эйзенхауэра — дорожное строительство, у Кеннеди — космическая программа, у Джонсона — «Великое общество», у Рейгана — наращивание вооруженных сил и снижение налогов, у Буша — две войны и опять же снижение налогов, у Обамы — Obamacare.

Однако у США на это денег больше нет. До самого горизонта простираются одни бесконечные долги и дефициты. Власти разного уровня в США тратят 40% от ВВП, в то время как на долю налогов приходится всего 30%. Это означает, что необходимо поднимать налоги и сокращать госрасходы. Единственная альтернатива этому — уничтожить долг, обесценив доллары, в которых он номинирован, с помощью организованной ФРС инфляции. Однако «кинуть» своих кредиторов можно только один раз. После этого никто больше не даст США в долг. Существует и еще одно обстоятельство, о котором редко говорят. Работники, приходящие на смену бэби-бумерам, в значительной мере относятся к меньшинствам. Чернокожие и латиноамериканцы сейчас составляют 30% населения, и их доля продолжает быстро расти [14].

Во многих городах количество незакончивающих школу из числа представителей этих двух меньшинств приближается к 50%, а у многих из тех, кто все же выпускается, показатели по математике, чтению и естествознанию остаются на уровне 7, 8 или 9 класса [14]. Могут ли они вносить в современную экономику такой же вклад, как бэби-бумеры, показывавшие на вступительных тестах в 1960-х—

1970-х гг. едва ли не лучшие результаты в истории США? В глобальной перспективе академические показатели США катятся к уровню «третьего мира».

Однако, несмотря на рекордные и продолжающие расти вложения в образование в пересчете на каждого учащегося, никто пока не знает, как этого добиться. Кроме того, если бумеры в основном рождались в семьях, в которых отец и мать состояли в браке и жили вместе, в латиноамериканской среде коэффициент внебрачной рождаемости составляет 53%, а в афроамериканской — 73%. Среди белых бедняков и рабочих он сейчас достиг 40% — т. е. почти вдвое превышает уровень чернокожей Америки в 1965 г. Между коэффициентом внебрачной рождаемости и коэффициентами употребления наркотиков, непосещения школы, преступности и попадания в тюрьмы существует очевидная корреляция [14].

6. Действующий губернатор Техаса республиканец Грег Эбботт выдвинул девять ключевых тезисов (предлагаемых поправок к Конституции США).

6.1. Запрещение регулирования Конгрессом США любой деятельности, которая не выходит за пределы одного штата. Все, что касается только штата, должен решать сам штат.

6.2. Требование к Конгрессу, чтобы федеральный бюджет был сбалансирован, причем не за счет увеличения налогов, а за счет сокращения расходов федерального правительства сообразно доходам бюджета. Надо сказать, что одно это требование уже является революционным — в последний раз федеральный бюджет США имел профицит в 2001 г.; планируемый дефицит бюджета на 2015—2016 финансовый год составляет 474 млрд дол.

Сейчас дефицит бюджета покрывается за счет роста государственного долга, обслуживание которого опять-таки ложится на бюджет.

6.3. Запрещение федеральным ведомствам и никем не избираемым чиновникам этих ведомств формировать федеральное законодательство (вопиющий пример — дело 2015 г., когда подзаконными актами ЕРА — Агентства по охране окружающей среды США — была фактически запрещена угольная энергетика).

6.4. Исключение приоритета распоряжений федеральных ведомств и никем не избираемых чиновников этих ведомств над законодательством штатов, принятым избранными законодательными собраниями штатов.

6.5. Получение возможности для Штатов отмены решения Верховного суда США большинством в две трети штатов.

6.6. Необходимость квалифицированного большинства для отмены закона, принятого демократическим путем (в том числе как на федеральном уровне Конгрессом США, так и на уровне штата законодательным собранием штата в Верховном суде США (семь судей из общего состава — девять судей).

6.7. Восстановление баланса власти между федеральной властью и властями штатов путем ограничения полномочий федеральной власти только теми, которые перечислены в Конституции.

6.8. Возможность властям штатов подавать иск в федеральный суд на федеральные власти в случае превышения таковыми объема их полномочий (определяемого п. 7, т. е. Конституцией в явном виде).

6.9. Возможность для Штатов отмены федерального закона или подзаконного акта большинством в две трети штатов [15].

Даже частичная реализация вышеуказанных тезисов развалит США! На военные авантюры у США уже нет материальных и финансовых ресурсов!

КНР же начинает всерьез заниматься своими вооруженными силами для борьбы с США. Да и военный потенциал США на фоне блестящих побед российской армии в Сирии, самого современного «ядерного меча», ПВО-ПРО и ВПК не оставляет им никаких шансов на победу.

Этот факт служит также подтверждением правильности нашего прогноза (сделан до 23.08.2001 г.) о фазе депрессии в расширительном значении 2014—2016 гг. в экономике США [2, 167; 16, 282—295].

7. Отток золота из хранилища Федерального резервного банка Нью-Йорка начался в июне 2014 г. и продолжался по апрель 2015 г. Эти запасы впервые в XXI в. опустились ниже 6000 т;

8. В соответствии с вышеуказанным прогнозом экономику США ожидает очередная фаза депрессии в расширительном значении в 2017—2018 гг. [2, 167; 16, 282—295].

9. С учетом вышеизложенного немудрено, что США вспомнили про свои нефть и сланцевый газ и даже хотят их экспортировать в другие страны. При этом минимальный уровень рентабельности может быть только при цене нефти 60 дол./барр., а цена нефти сорта «Брент» в декабре 2015 г. была 37,5 дол./барр.

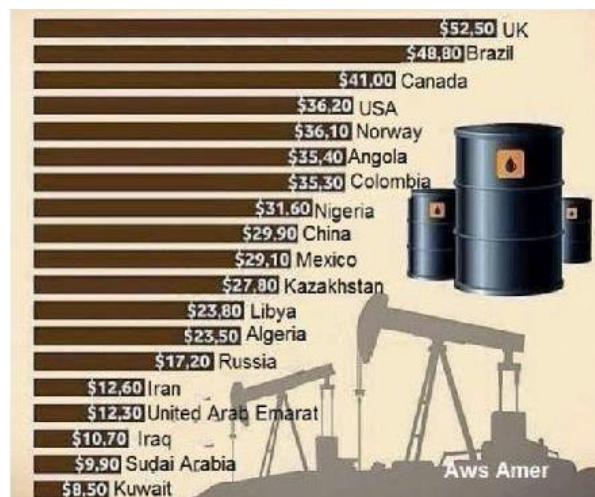

Рис. 1. Себестоимость добычи 1 барреля нефти нефтедобывающими странами, дол./бarr. [17]

Сопоставим вышеуказанную цену нефти сорта «Брент» в декабре 2015 г. — 37,5 дол./бarr. с себестоимостью добычи барреля нефти в США — 36,20 дол./бarr.

Затем к себестоимости 1 бarr. нефти добавим: а) транспортные расходы (трубопроводы и прочие виды транспорта с учетом их радиусов перевозки или прокачки); б) прочие затраты, приходящие на 1 бarr. нефти; в) все виды налогов и акцизов на 1 бarr. нефти; г) валовую прибыль с 1 бarr. нефти.

В итоге получим продажную цену 1 бarr. нефти, далеко превосходящую цену нефти сорта «Брент» в декабре 2015 г., — 37,5 дол./бarr.

10. Мы не исключаем того, что высшие политико-военно-экономические круги США в этой «краховой» ситуации не остановятся перед организацией техногенной катастрофы в зоне Персидского залива¹⁰ с целью подправить свои экономические и иные показатели

¹⁰ Есть серьезные подозрения, что именно США в конце декабря 2004 г. устроили искусственное землетрясение у берегов индонезийского острова Суматра. Возникшая в результате гигантская волна — цунами — сметала все на своем пути. *Пострадали Индия, Шри-Ланка, Индонезия, Таиланд и другие страны региона.* В результате катастрофы погибли более 230 000 человек. Миллионы остались без крова и средств к существованию. Экономике пострадавших стран стихийное бедствие причинило ущерб в 10,7 млрд дол.

на несколько лет и избавиться от «проклятых конкурентов» в области нефти и газа.

РФ же, в свою очередь, нужно стоять крепко на «собственных ногах». Нужна не только собственная армия, но и собственные высококоразвитые промышленность, наука, техника, технологии и надежный тыл. В любой момент может вспыхнуть большая горячая война, не исключая применения различных видов вооружений.

Должна быть новая действенная идеология, оперативная, беспощадная и коренная чистка политической и экономической элит.

Необходимо также ускоренно и поэтапно ликвидировать все связи российского мусульманства с Меккой и всемирным союзом мусульман (на территории современной России разве нет мусульманских святынь — на Северном Кавказе, в Татарстане, Башкирии и пр.?).

РФ остро не хватает стратегического прогнозирования (на 5—30 лет) развития стратегических видов и подвидов техники и технологий. Этим надо заняться срочно и квалифицированно. Иначе — окончательная потеря передовых позиций в научно-технологических передовых отраслях, полное банкротство и развал страны на тысячи кусков, экономики, фаза обскурации для великого российского народа.

Мы не исключаем того, что у России в данных сложнейших и взрывоопасных политико-военно-экономических обстоятельствах¹¹ остался только один спасительно-горький вариант развития экономики — ускоренная четвертая индустриализация на следующих основаниях: 1) чрезвычайного положения в стране на необходимо-

Между тем всемирная католическая благотворительная организация «Каритас» в заявлении, опубликованном в Италии, сообщила, что число жертв этого цунами почти вдвое превышает официальные оценки и достигает 400 000 человек [18]. В таком случае, стоимость настоящего ущерба во сколько раз превышает вышеуказанные 10,7 млрд дол.?

¹¹ Положение современной России схоже с положением СССР: 1) по одним показателям — с 1927—1929 гг. (уничтожение оппозиции, концентрация всей политической власти в «железных» руках И.В. Сталина и начало третьей индустриализации); 2) по другим показателям — с 1942 г. (потеряли Прибалтику, Украину, Молдавию, а также еще Закавказье и Среднюю Азию — аналогов в тысячелетней истории России просто нет. Положение современной России также схоже с положением России в 1700 г.: Россия тогда была вынуждена одной «рукой» начать войну со Швецией — первоклассной промышленной и военной державой, а другой — проводить «непроторенными тропами» совсем не планируемую заранее ускоренную индустриализацию.

неопределенный срок; 2) 100%-ной мобилизационной экономики по всем направлениям; 3) периодических принудительных займов на физических и юридических лиц; 4) принудительных специализаций: по вертикали — сверху-вниз; по горизонтали; по отдельным регионам; по отдельным изделиям; 5) принудительной кооперации внутри хозяйственных отраслей, подотраслей, отдельных регионов; 6) принудительной рационализации: по вертикали — сверху-вниз; по отдельным изделиям; по основным технико-технологическим и экономическим показателям; и т. д.; 7) всеобщих трудовой и иных повинностей; 8) квартальных и годовых планов развития; 9) разработки квартальных и годовых материальных балансов в количестве порядка 30000—40000 видов, подвидов сырья, материалов, полуфабрикатов, руд, угля, топлива на уровнях страны, отдельных объединенных регионов внутри РФ, промышленно-финансовых групп, больших организаций материально-технического снабжения.

Как в этой ситуации поведут себя Белоруссия и Казахстан?

Мы много лет писали в своих статьях о том, что именно русская олигархия в лице Бурышкиных, Гучковых, Коноваловых, Крестовниковых, Рябушинских, Рукавишниковых, Терещенко и прочих саботировала в 1915—1917 гг. подвоз хлеба из южного Урала и мяса — из Иркутской губернии на фронт и в Москву и Санкт-Петербург, подкупала, растлевала и перевербовывала чиновников взятками и щедрыми посулами, чтобы тем самым дискредитировать, а затем уничтожить императорский режим и на его развалинах прийти к долгожданной власти. Ей совсем не хотелось победы Российской империи над Четверным союзом, ибо это автоматически влекло за собой укрепление императорского режима со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями. Их звонко-трескучие и бесконечные разглагольствования о патриотизме, бескорыстии были «шиты белыми нитками». Мы знаем, чем все это закончилось.

Современная политическая власть, наконец-то, твердо освоила эту злободневно-спасительную мысль. Недавно, в октябре—ноябре 2015 г., мы узнали, что почти во всех промышленно-финансовых и финансово-промышленных группах, флагманах отраслей и подотраслей, по вертикали сверху-вниз, посадили ответственных сотрудников российских спецслужб, которые контролируют основные потоки материальных, финансовых и иных ресурсов. Каков кпд работ этих новых контролирующих органов, нам не известно!

Литература

1. *Антропов А.А.* 500-летние мировые политико-экономические циклы и место России в этих циклах // *Экономическая теория в XXI веке* 9(16). Российский антикризис и экономическая

наука / Под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Юрьева, Е.С. Зотовой. М.; Тамбов, 2015.

2. *Антропов А.А.* Междисциплинарные методы обобщения методик определения циклических кривых. Циклы Китчина—Крума—Митчелла, Осипова, Жуглара, Мура, Кузнеца, Кондратьева и Шумпетера. Saarbrücken, 2014.

3. *Антропов А.А.* Особенности вечной Великой России и их метаморфозы. // Россия державная: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. М.; Волгоград, 2006.

4. Россия — великая держава!. По итогам II Малого университетского форума «Россия — великая держава (вызовы современности и поиски проективного россиеведения)», 07—09.12.2005 г. М., 2006.

5. Китай вновь девальвировал юань // <http://lenta.ru/news/2015/12/14/china/>
<http://lenta.ru/news/2015/12/14/china/>.

6. КНР и Россия будут вместе строить поезда для магистрали Москва — Казань // http://www.newsru.com/finance/27nov2015/chinarupoezda_print.htm.l.

7. Китай и Россия сегодня господствуют на Тихом океане // <http://topwar.ru/80834-kitay-i-rossiya-segodnya-gospodstvuyut-na-tihom-okeane.html>.

8. Китайско-российский союз: совместные военные учения в Японском море на фоне роста напряженности в Европе // <http://mixednews.ru/archives/85631/print/>.

9. Морские военные учения России и Китая переросли в торжественный парад // <http://oko-planet.ru/politik/politikarm/print:page,1,291304-morskie-voennye-ucheniya-rossii-i-kitaya-pererosli-v-torzhestvennyu-parad.html>.

10. Белый дом: Корабли ВМС Китая у побережья Аляски не угрожают США // <http://topwar.ru/print:page,1,81783-belyy-dom-korabli-vms-kitaya-u-poberezhya-alyaski-ne-ugrozhayut-ssha.html>.

11. Китайские компании перестают выполнять обязательства по долгам // <http://mixednews.ru/archives/91113>.

12. Деофшоризация по-американски // <http://www.warandpeace.ru/ru/news/vprint/105620/>.

13. FT: долговая «вечеринка» США подходит к концу // <http://www.warandpeace.ru/ru/news/vprint/104939/>.

14. Грядущее банкротство Америки // <http://inosmi.ru/world/20151105/231200867-print.html>.

15. Губернатор Техаса опубликовал 9 тезисов конституционной реформы // <http://oko-planet.su/politik/newsday/print:page,1,305971-gubernator-tehasa-opublikoval-9-tezisev-konstitucionnoy-reformy.html>.

16. *Антропов А.А.* Экономико-математическая модель хозяйственных (экономических) циклов (на примере ВВП США в ценах 1929 г.) // Экономический суверенитет и суверенная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. М., 2009.

17. Ведущий немецкий экономист: Россия выстоит при ценах на нефть ниже 20 долларов за баррель — в отличие от Запада // <http://mixednews.ru/archives/95812>.

18. Цунами в Юго-Восточной Азии: год спустя // <http://www.newsru.com/world/26dec2005/quake.html>.

Я.И. НИСАНОВ

Основные первоисточники формирования отечественной теории экономического поведения человека и прикладной теории управления народонаселением

Аннотация. Современное развитие отечественной экономической науки представляется все более связанным с необходимостью последовательного и преемственного подхода к первоисточникам отечественной науки. Как показали последние десятилетия активного обмена и глобальной открытости в развитии наук, лингвокультурологические основы содержательной части научной теории ограничивают возможности взаимопроникновения научных знаний, содержащихся в разных языковых средах. Особенно это выражается в высокоинформативных в онтологическом смысле научных теориях и непосредственно относится к предмету исследования настоящей статьи: экономическому поведению человека и прикладной теории управления народонаселением.

Ключевые слова: экономическое поведение человека, прикладная теория управления народонаселением, лингвокультурологические основы научной теории, экономическая и хозяйственная антропология.

Abstract. Modern development of the national economics seems more related with the need consistency and continuity of approach to the sources of national science. As shown by the last decade of active exchange and global openness in the development of science, linguistic and

cultural foundations of a substantial part of the scientific theory limit the ability of the interpenetration of the scientific knowledge contained in different language environments. This is especially reflected in the highly informative in the ontological sense, scientific theories and directly relates to the subject matter of this article: the economic man's behavior and the application of management of the human population theory .

Keywords: economic human behavior, applied theory of population management, linguistic and cultural foundations of scientific theory, economic and household anthropology.

В процессе унификации современной экономической теории, ее оптимизации и адаптации к условиям управления народонаселением в контексте хозяйственных ценностей рыночной экономики сохраняется интерес к исследованиям и осмыслению наследия отечественной научной традиции в описании факторов и компонентов моделей экономического поведения человека, его основных целей и аксиологической системы ценностей его жизнедеятельности. Несмотря на широту информационного охвата, междисциплинарную сложность и емкость этой работы, только ее проведение позволит перейти к решению актуальных задач современного общественно-экономического строя, учитывающего адекватные типы экономического поведения человека и формирующего основные положения прикладной теории управления народонаселением.

В известном коллективном сборнике немецких авторов «Сущность человека. Проблемы исследования» [1] важнейшим был выделен вопрос о соотношении биологического и социального в концепции человека К. Маркса. В сборнике отмечено, что уже в 1845 г., рассматривая социальную проблематику и связывая ее с формированием личности, Маркс дал краткую формулу развиваемой в марксизме теории человека: «...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [2, т. 3, 3]. Но этот тезис Маркса был догматически интерпретирован, и сущность человека была сведена к простой, превратно понятой социальности.

В статье И. Германа, опубликованной в данном сборнике, отмечается, что подобные односторонние интерпретации едва ли заслуживали бы упоминания, если бы из них не делались выводы, послужившие основой для «многолетнего пренебрежения молекулярной биологией, генетикой человека, психологией и другими науками, осуществившими поворот к человеку как биологическому, точнее биосоциальному существу» [1, 8]. В силу этого грубейшего искажения

реального марксизма оказалась возможной многолетняя политика насилия над человеческой природой.

Являлось ли это обязательным этапом развития теории К. Маркса и Ф. Энгельса? Определенно можно сказать лишь то, что это было постольку, поскольку биология, генетика и психология не были заложены в модель человека в той доминирующей степени, в которой они воспринимаются сегодня, через сто с лишним лет. И вряд ли было бы корректным требовать от ученых, работавших более века назад, того уровня понимания вопроса, которое приходит сегодня.

Основы марксистской теории экономического поведения

Изучение человека К. Марксом и Ф. Энгельсом осуществлено одновременно с исследованием огромного множества других крупных философских проблем общественной жизни. В течение полувека основоположники марксизма развивали, конкретизировали и активно привлекали учение о человеке для материалистического исследования социальных процессов, обоснования закономерной смены общественно-экономических формаций.

В полемике с младогегельянцами К. Маркс и Ф. Энгельс решительно протестовали против образа человека как лишенной связи с природой и обществом «критически мыслящей», абстрактной личности, что всецело соответствует взглядам современной науки о человеке [3, 11]. Выступая против идеализма и механистического материализма, Маркс и Энгельс подчеркивали, что человеческое в человеке не возникает никаким иным путем, кроме как в процессе диалектического взаимодействия природного и социального. При этом природное представляет собой материал, который, не определяя социальных закономерностей, тем не менее выступает основой возникновения и развития социального. Связь человека с природой, а также вопрос о природе самого человека Маркс рассматривает в общем контексте проблемы перехода человека из состояния отчуждения его собственной природы к свободному развитию его сущностных сил.

Принципиальные стороны проблемы человека находим, прежде всего, в марксистской критике положения человека в буржуазном обществе. К. Маркс начинает с констатации того факта, что в условиях господства частной собственности эксплуатируемый человек не является человеком подлинным. Это — частичный человек, отчужденный от средств труда, от предмета и продукта труда и превращенный в деталь технологического процесса. В таких условиях сам труд неизбежно превращается лишь в средство удовлетворения физических потребностей человека, а производство «потребляет» человека как физический субстрат. При отчужденном труде человек «не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою

физическую природу и разрушает свои духовные силы» [2, т. 42, 90]. Осуществляющееся в процессе труда отчуждение означает, что человек овладевает природой не через раскрытие своих сущностных сил, а отчуждая их, т. е. уничтожая возможность своего существования в качестве целостного, всесторонне развитого индивида. *Лишь «теряя свой род», превращая свою «родовую жизнь» в средство для поддержания индивидуальной жизни, человек в условиях господства частной собственности получает возможность существования.*

Что же такое родовая жизнь человека? Современная социальная антропология придерживается той позиции, что человек (особенно человек прошлого) не мог реализовать свой потенциал вне своего рода и этноса. Так, попавший в иную этническую среду воин Древнего мира или Средневековья в лучшем случае становился рабом. Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, человек отличается от других живых существ своей природой, «родовой сущностью», т. е. теми чертами, которые свойственны человеческому роду, в отличие от сообществ растений, насекомых, птиц, рыб, зверей. Важнейшими чертами человеческой родовой сущности можно назвать универсальность, природность, сознательность, социальность и свободу.

Универсальность человека основана на его способности следовать не только своей собственной логике, но и логике всех прочих объектов. Подобно животным человек изменяет окружающую среду. Но характер этого изменения у человека и прочих живых существ различен. «Животное, — пишет К. Маркс, — строит только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку» [2, т. 42, 94]. Человек отличается от животного и тем, что именно он производит. «...Животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит универсально; оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу» [2, т. 42, 93]

Таким образом, как универсальное существо человек способен стать и становится равноценной всей природе сущностью. Это происходит в силу его способности выполнять в принципе все без исключения функции, присущие остальной природе. Естественно, реальная возможность заместить природу в том или ином ее аспекте или отношении появляется в истории только с возникновением соответствующей

щих научно-технических средств. Раньше или позже таковые изобретаются. Здесь важно подчеркнуть наличие принципиальной, постоянно превращающейся из возможности в действительность способности человека быть не ограниченным, как все остальные живые существа, а универсальным, т. е. способным к бесконечному взаимодействию с природой, к ее воспроизведению в сфере сознания и преобразования, в сфере практики. Способность человека действовать по логике любого природного объекта обеспечивает ему возможность постоянного вторжения в органическую развивающуюся целостность внешнего мира.

Однако, пока силы человека были невелики, природа успешно справлялась с его воздействиями, продуманными наперед в чрезвычайно ограниченных пределах. Впоследствии же оказалось, что темпы наращивания человеком его мощи по овладению природой во много раз превосходят темпы роста его возможностей предвидеть последствия совершаемых действий. «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой, — писал Ф. Энгельс. — За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» [2, т. 20, 495—496].

Еще более значительными оказываются «отдаленные общественные последствия» недостаточно продуманного взаимодействия с природой. Распространители картофеля в Европе, продолжает Ф. Энгельс, не знали, что вместе с ним распространяется золотуха. «Но что может значить золотуха в сравнении с теми последствиями, которые имело для жизненного положения народных масс целых стран сведение питания рабочего населения к одному только картофелю? Что значит золотуха в сравнении с тем голодом, который в 1847 г. постиг в результате болезни картофеля Ирландию и который свел в могилу миллион питающихся исключительно — или почти исключительно — картофелем ирландцев, а два миллиона заставил эмигрировать за океан!» [2, т. 20, 497].

Людам потребовались тысячелетия на то, чтобы «в известной мере» научиться учитывать заранее последствия собственных воздействий на природу, писал Ф. Энгельс более ста лет назад. Современная экологическая ситуация в различных регионах и в мире в целом свидетельствует, что человечество плохо распоряжается таким своим родовым качеством, как универсальность. Для того чтобы это осуществилось, стало массовой реальностью, нужны серьезные социальные преобразования, создание подлинно справедливого общества в

масштабах планеты. Это обстоятельство постоянно подчеркивалось К. Марксом в отношении не только универсальности человека, но и его природности. Сохранение живой природы необходимо для постоянного развития человека, поскольку он «живет природой». То, «что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы» [2, т. 42, 92].

В этой связи специально остановимся на марксистской трактовке понятия «природа человека». Истоки «дремлющих» в человеке природных сил марксизм видит в его единстве с природой, возникшей до человека. «Самое материю человек не создал. Даже те или иные производительные способности материи создаются человеком только при условии предварительного существования самой материи» [2, т. 2, 51]

Возникшие в антропосоциогенезе и развивающиеся в человеческой истории общественные отношения создали и продолжают создавать природу человека. Природа человека в понимании Маркса модифицируется в каждую историческую эпоху. Изменяя мир, человек «изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [2, т. 23, 188—189]. Присущие человеку от момента порождения природные сущностные силы в процессе его индивидуального развития превращаются в очеловеченные силы.

Развитие природных сущностных сил человека в очеловеченные сущностные силы есть проявление его действительной индивидуальной жизни [2, т. 42, 151]. Закономерности и характер протекания этого процесса определяются многими условиями. Прежде всего, Маркс обращает внимание на наличие материального субстрата, т. е. того, что подлежит развитию. В этой связи он, например, говорит о присущих человеку физических «органах индивидуальности» — зрению, слуху, обонянию, вкусу, осязанию [2, т. 42, 120]. Если индивид не обладает органом определенной природной сущностной силы, то он никогда не воспримет предмет этой сущностной силы, так как последний может существовать для него только в качестве субъективной способности [2, т. 42, 122]. «...Для немзыкального уха самая прекрасная музыка не имеет никакого смысла, она для него не является предметом, потому что мой предмет может быть только утверждением одной из моих сущностных сил...» [2, т. 42, 121—122]. Процесс превращения природы в сущностные силы человека протекает не только в рамках отдельных индивидов. Решающую роль в его осуществлении, отмечает Маркс, играет та общественная среда, в которой этот процесс происходит. Если потребности ребенка удовлетворя-

ет волчица, то в нем культивируются животные потребности, и попытки их удовлетворения впоследствии человеческим способом ведут к его гибели.

При каких же условиях происходит всестороннее и полное развитие природных сущностных сил человека в очеловеченные сущностные силы? Первым и главным условием развития задатков потребностей и способностей человека является участие индивида в деятельности, максимально отвечающей его природным силам. Речь идет о нахождении человеком такого предмета и орудий деятельности, которые хотя и были бы обеспечены ему природой или предоставлены обществом, но позволили бы при взаимодействии с ними развиваться полно и всесторонне его собственным неповторимым качествам. В тех случаях, когда это происходит, процесс становления людей в обществе всегда носит характер творчества. «...История промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь нынешнего отношения полезности...», — подчеркивал К. Маркс [2, т. 42, 123].

Очеловечивание природных сущностных сил человека — это общественный процесс. Реализуя «свои собственные силы, силы своего существа» в процессе производства, человек производит предмет, который выступает «как бытие для человека, как предметное бытие человека», как «наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку» [2, т. 2, 46, 47]. Существующие общественные отношения определяют процесс превращения природных сущностных сил человека в очеловеченные сущностные силы. Мышление человека как задаток превращается в только ему свойственное, неповторимое мышление, потому что определяется «его индивидуальностью и теми отношениями, в рамках которых он живет» [2, т. 3, 253].

Превращение природных сил человека в очеловеченные силы происходит в процессе деятельности и общения, которые должны отвечать имеющимся у человека задаткам и потребностям. Солидаризируясь с точкой зрения французских социалистов-утопистов, Маркс и Энгельс писали, что утописты не считали, «будто каждый должен выполнять труд Рафаэля». Но «они полагали только, что каждый, в ком сидит Рафаэль, должен иметь возможность беспрепятственно развиваться» [2, т. 3, 392].

Большое значение для понимания условий, обеспечивающих очеловечивание всех свойственных индивиду природных сил, имеет

представление о необходимом уровне развития общества. «Удастся ли индивиду вроде Рафаэля развить свои талант — это целиком зависит от спроса, который, в свою очередь, зависит от разделения труда и от порожденных им условий просвещения людей», — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс [2, т. 3, 392].

В.И. Ленин также был противником тезиса о том, что природа людей одинакова. В статье «Либеральный профессор о равенстве» он подчеркивал, что социализм никогда не понимал равенство как «равенство способностей или одинаковость физических сил и душевных способностей людей» [4, т. 24, 361]. Более того, он не считал природу человека неизменной, данной раз и навсегда. Он писал: «Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе... Мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой» [4, т. 38, 54].

Отмечая тенденцию исторического изменения человеческой природы, вместе с тем нельзя не видеть, что существует и тенденция сохранения отдельных ее черт. Речь идет о свойственных многим людям качествах, вырабатываемых у них в процессе деятельности на определенной ступени развития общества и базирующихся на определенных природных основах. В этом смысле К. Маркс говорил об исторической заслуге капитализма, не только порождающего прибавочный труд, но и вырабатывающего «всеобщее трудолюбие» как сохраняющуюся черту человеческой природы [2, т. 46, 280].

Важнейшим свойством человека является его социальность — изначальная необходимость жить не в одиночку, а в человеческом обществе. Бытие человека как универсального, природного и социального существа осознается им, т. е. самоощущается и самоосмысливается. Способность человека осознавать происходящее во внешнем мире и в собственной природе — еще одно его неотъемлемое свойство.

Универсальность, природность, социальность и сознательность обуславливают интегральное, изначальное и неотъемлемое свойство человека — его *свободу*. Безусловно, проблема свободы — многоаспектная и сложная философская проблема [5, 85—86]. Мы ее затронули лишь для того, чтобы подчеркнуть непреходящую родовую характеристику человека — стремление к свободе, которая включает в себя развитие индивидуальности, установление гармоничных отношений между индивидом и обществом, создание условий единства

природно-биологических и социальных сторон жизнедеятельности, т. е. фокусирует в себе черты родовой сущности человека.

Развитие марксистской теории экономического поведения

Отчуждение труда представлено Марксом не только как отчуждение продукта его деятельности, но и как утрата «сущностных», т. е. природных, сил человека, отчуждение человека социального от человека природного. Отчуждение разрушает бытийно-предметную персонификацию человеческого труда, или «опредмечивания человеком самого себя»: «По мере того как предметная действительность повсюду в обществе становится для человека действительностью человеческих сущностных сил, человеческой действительностью, и, следовательно, действительностью его собственных сущностных сил, все предметы становятся для него опредмечиванием самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, его предметами, а значит им самим...» [2, т. 42, 116—118].

Поэтому человек присваивает себе предмет «...не только в смысле непосредственного, одностороннего пользования вещью, не только в смысле владения, обладания. Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как целостный мир...» [2, т. 42, 115—116].

Поэтому состояние отчуждения, когда предмет наполнен сущностью человека и этот предмет отчуждается от человека, является ненормальным. Оно требует восстановления «баланса» у человека между живыми сущностными силами, имеющимися в виде своего рода, энергипотенциала живого человека и опредмеченными сущностными силами, или наличием у человека предмета с тем содержанием сущностных сил, которые затрачены им в процессе труда.

Но такого «справедливого баланса» не достигается в результате отчуждения труда, причиной которого, по мысли Маркса, является наличие в обществе института частной собственности. Поэтому «положительное упразднение частной собственности, как присвоение человеческой жизни, — есть положительное упразднение всякого отчуждения...» [2, т. 42, 115].

Марксистская теория определенно описывает предполагаемое ею экономическое поведение человека, стремящегося преодолеть отчуждение его труда, фетишизацию товара через уничтожение частной собственности. Таким образом, «уничтожение частной собственности означает полную эмансипацию всех человеческих чувств и свойств» [2, т. 42, 121—123]. И хотя для К. Маркса коммунизм выступает как «необходимая форма и энергичный принцип ближайшего будущего, но коммунизм как таковой не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» [2, т. 42, 127].

Этот прогноз является достаточно важным для описания поведения будущего экономического человека — оно будет свободным. Не менее важным является также понимание того строя, в котором будут экономически действовать «освобожденные» от вредных общественных институтов люди. Свобода может быть представлена в качестве целевой функции экономического поведения человека в коммунистической формации.

В современной науке создана следующая структура модели экономического поведения. В статье В.С. Автономова «Образ человека в политической экономии» [6, 18] представлены главные компоненты этой модели: 1) целевая функция экономической деятельности человека; 2) определенное представление о возможностях и способностях человека, позволяющих ему в той или иной мере добиваться своей цели.

Эта модель опирается на определенное понимание природы человека. Рассматривая эволюцию взглядов К. Маркса на проблему человека, можно выделить три этапа описания человеческой деятельности-поведения.

Первый этап. «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Деятельность человека определяется через анализ родовой сущности человека. Этот этап отличается высочайшим уровнем абстрагирования и включает естественнонаучный подход во всей мере его необходимости для определения человеческой деятельности.

Второй этап. В процессе критического преодоления натуралистических концепций буржуазной политической экономии — физиократов Тюрго, Кенэ, Паолетти и «стоящих на их плечах» А. Смита и Д. Риккардо, формируется принцип конкретного историзма во взглядах на проблему человека. «Пророкам XVIII века, на плечах которых еще всецело стоят Смит и Рикардо, этот индивид XVIII века... — представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а ее исходным пунктом, ибо именно он признается у них индивидом, соответствующим природе... не чем-то возникающим в ходе истории, а чем-то данным самой природой» [2, т. 46, 17—18]. На этом этапе происходит переход, перестановка уровня исследования человека с его глубинных «сущностных» сил и «родовой сущности» на конкретно-исторический уровень его общественной деятельности.

Понятие «природа человека» приобретает здесь конкретно-историческую социальную определенность и выводится не из отдельного телесного индивида, а из окружающей его социальной среды. Отношение естественных и общественных основ в человеке предстает в «перевернутом» виде, так что «природное» в человеке нашло свое объяснение на основе конкретно-исторического понимания «общественного».

Развитие человека в этой концепции уступает место «развитию производительных сил» — как первому объективному критерию общественного прогресса. Но развитие производительных сил совпадает с прогрессом в области гуманизма лишь постольку, поскольку оно совместимо... с наиболее богатым развитием индивидов (в условиях данного базиса). «Как только этот пункт достигнут, дальнейшее развитие выступает как упадок, а новое развитие начинается на новом базисе» [2, т. 46, 34].

В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» К. Маркс выделяет три ступени прогрессивного развития общества в зависимости от того, насколько каждая из этих ступеней обеспечивает условия для свободного, всестороннего развития индивидуального человека. «Отношения личной зависимости (в начале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние — такова третья ступень» [2, т. 46, 100—101]. Эта, третья, ступень развития, предполагающая свободное универсальное развитие индивидов и обобществление их достояния, является существенной чертой экономического поведения коммунистического человека.

Таким образом, сущностное ядро модели, отражающей определенное представление о способностях и возможностях человека, позволяющих ему в той или иной мере добиваться своей цели, можно либо сформулировать словами К. Маркса как «универсальность» индивида, либо раскрыть это понятие следующим образом: высокий уровень трудовой мобильности человека, готовность его в случае необходимости заняться любым видом труда, «универсальность» его способностей, позволяющая ему выбирать из всех видов деятельности наиболее желаемый. Мобильность, дающая возможность собственного выбора деятельности, делает индивида свободным.

Третий этап в эволюции антропологических взглядов Маркса основан на построении научной теории человека в «Капитале». Он заключается в исследовании человека как производительной силы и персонификации капиталистических производственных отношений.

Человек предстает в «Капитале» по преимуществу в одной определенности — homo faber (человек работающий), а личность — в качестве олицетворения экономических категорий, «персонифика-

ции» капиталистических производственных отношений. На этом этапе концепция человека ограничивается рассмотрением его деятельности как момента труда. В таком подходе к деятельности Маркс имел в виду узкую определенность этой категории, отражающую субъективно-творческий момент, квинтэссенцию бытия человека. Эта узкая определенность деятельности отражает, по мнению классиков, сущностное отличие человека от всех животных, а в широком обобщении — отличие описываемого социального человека от человека биологического: «Человек не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ, характер его действий, который он должен подчинить своей воле» [2, т. 23, 189]. Таков характер деятельности человека на наиболее конкретном уровне теоретического исследования — в «Капитале».

Теории экономического поведения в современной марксистской политэкономии

Основные черты коммунистического экономического человека (так как в дальнейшем речь пойдет именно об экономическом поведении, для краткости будем называть его «коммунистическим человеком», опустив слово «экономический») предполагались в наследии классиков марксизма-ленинизма производными от общих, абстрактных представлений об экономической системе коммунизма. Определяющими факторами при этом были следующие.

1. Утверждение общественной собственности на средства производства, непосредственной общественной характер труда, которые должны уничтожить отчуждение производителя от продуктов своего труда и привести, к тождеству интересов личности как субъекта общественной собственности и общества в целом. Трудящийся в такой ситуации стремится к максимальной реализации своих способностей в интересах общественно полезного труда.

2. Труд перестает быть только средством к жизни, превращается в творческую деятельность, источник радости и наслаждения. Труд как осознанная необходимость принимает свободный характер.

Под воздействием вышеперечисленных факторов объективно обусловлен действующий новый коммунистический человек. Эти факторы коренным образом меняют облик человека. И именно такие «всесторонне развитые индивиды», как отмечает Маркс, вместе с планомерно направленным ими развитием производительных сил, являются предпосылкой высшей фазы коммунизма [2, т. 46, 20].

Абстрактные представления классиков в период появления теории, в XVIII в., потребовали многоуровневой срочной конкретизации образа человека нового общества в результате победы Октябрьской революции.

В послереволюционных работах В.И. Ленина можно встретить отдельные эпизоды описания нового человека-труженика. Обращает внимание на трезвую, лишенную всяких иллюзий, оценку всех классов и общественных слоев тогдашней России. Характерна в этой связи его статья «Великий почин», в которой факту добровольного, бесплатного труда рабочих железнодорожных мастерских придается поистине историческое значение. С созданием новой, социалистической дисциплины, означающей победу «над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом», Ленин однозначно связывал неоднозначность перехода от капитализма к социализму [4, т. 38, 5]. Однако он оптимистически оценивал субботники как «фактическое начало коммунизма» [4, т. 38, 22]. Ленин в то же время признавал, что такого рода явления пока крайне редки даже среди пролетариев, у которого «новая дисциплина... вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства» [4, т. 38, 14].

Эти черты человека-труженика были приняты за основу в политической экономии социализма, и в неявной форме в современном общественном сознании постепенно сложилось такое же представление образа человека новой формации [7, 88]. Учебники политической экономии рисуют этот образ, ссылаясь на господствующую общественную форму собственности, и вытекающие из этого обязательные следствия: человек активно заинтересован в эффективном ведении общественного хозяйства. Его личные интересы совпадают «в коренном, в главном» с общественными. Он коллективист, главные черты его взаимоотношений с другими членами коллектива и вообще согражданами — товарищеское сотрудничество и взаимопомощь. Труд постепенно перестает быть только средством к жизни, превращается в творческую деятельность, всесторонне развивающейся личности, «высшей наградой за такой труд является он сам» [8, 135—138].

Критика такого портрета может быть проведена разносторонне и многоуровнево, с разложением его как по классово групповым, так и по национально-онтологическим различиям поведения человека вообще и экономического поведения в частности.

Но отправным и наиболее хронологически последовательным пунктом критики такого «героя нашего времени» является, на наш взгляд, его связь с реальной ситуацией, приведшей к необходимости в проведении очередной радикальной экономической реформы.

Известно, что в плане шести основных книг К. Маркса, первой из которых являлась «Капитал», четвертая книга была названа «Народонаселение». Как показывает развитие политической экономии и экономической теории в целом, задача науки очевидно приведет к созданию качественной, основанной на широком спектре исследований, прикладной программе управления народонаселением. Вместе с

тем последовательное научное исследование первоэлементов социально-экономической теории народонаселения очевидно определяет необходимость категориального описания понятия «человек», во всем его многообразии и научных границах одновременно [9, 23—37]. Несмотря на то, что трактат под названием «Человек» был последней, шестой работой в плане книг К. Маркса, логика развития от частного к общему, а также развитие общественной науки в последние годы XX столетия привели к тому, что когда управление народонаселением было предложено как самостоятельное научное направление для прикладных исследований на экономическом факультете МГУ, но его становление оказалось невозможным без базовой научной концепции описания человека в рамках экономической теории. Отдельные исследования по этому направлению начались в последние годы.

«Советский человек» как модель экономического поведения

Совершенно очевидны взаимосвязь и преемственность советских ценностей с традиционными (табл. 1, 2). Это объясняется не столько живучестью старой культуры, сколько характером нового строя, его сходством с предшествующим: еще велика роль государства, иерархична организация общества, повсеместно распространена система «раздачи» при свертывании сети рыночных отношений. Это крайне важно, ибо дело не в неизменности ценностей, а в сохранении принципиально важных социальных институтов, формирующих ценности.

Таблица 1

Традиционные русские ценности и их антиподы

Ценности	Антиценности	Примечания
Духовность	Противопоставление материальным интересам	
Коллективизм, стремление к совместной работе, артельность	Подавление личности, авторитаризм	В примитивных и традиционных обществах всегда силен коллективизм. Ценности традиционного общества
Самопожертвование	Покорность власти, долготерпение. Пренебрежение власти к человеческой жизни	

Продолжение табл. 1

Соборность: против безличного коллективизма и своеволия индивидуализма. Сильное государство. Успех достигается натиском и удачей	Опасность мессианства, возможность превознесения государства как воплощения «всех». Ожидание чуда	Идеал «каждый за всех» в противовес «каждый за себя» приводит к апологии государства
Склонность к чрезвычайным усилиям, не считаясь с затратами. Труд в удовольствии, для радости творчества	Отсутствие склонности к кропотливой, систематичной работе. Труд ради хлеба насущного, за плату — наказание за грехи. Прибыль предосудительна. Лень, бездеятельность, неорганизованность	Климатические условия: рваный ритм, чрезмерные, но краткосрочные напряжения. Свойства подневольного гурда
Размах, широта, склонность к масштабным делам	Небрежность, беспечность, неразвитость «средней области культуры»	
Нестяжательство: богатство — грех, бедность — добродетель; бескорыстие, душевность	Слабость стимулов к труду, бережливости, предпринимательству	Средняя область культуры — между домом/семьей и государственными делами (Н. Лосский). Связь с примитивным нерыночным хозяйством и феодальным патернализмом
Справедливость. Возможность внесудебной «рассеянной санкции»	Справедливость важнее закона	Справедливость чаще толкуется как уравнительность вследствие бедности
Эмоциональность, нестандартность	Распространенность неформальных отношений	

Источник: [10].

Таблица 2

Советские ценности и их антиподы

Ценности	Оборотная сторона	Примечания
Коллективизм, сотрудничество, взаимопомощь	Подавление личности, авторитаризм, безответственность. Покорность, долготерпение	Перекликается с традиционными ценностями духовности, самопожертвования, соборности. Сродни традиционной справедливости
Причастность к общему делу, разделение целей государства, идеализм и энтузиазм	Уравнительность, отсутствие стимулов, недостижимость	Традиционная ценность, в силу изменения жизненного уклада более позитивное отношение к труду ради заработка
Эгалитаризм, неприязнь к выскочкам и имущим, аскриптивность. Труд как удовольствие	Лень, бездеятельность, неорганизованность как результат отсутствия стимулов	
Нестандартность, изобретательность, размах, склонность к масштабным делам	Небрежность, беспечность, неразвитость «средней области культуры»	Традиционная ценность, размах за государственный счет
Образование		
Скромность в потреблении, неприязнительность	Слабость стимулов к труду и успеху, уравнительность, недостижимость, реальное потребление, вороватость	Сродни традиционному нестяжательству, но в новых условиях. Неприязнительность, обусловленная дефицитом товаров
Щедрость, бескорыстие, душевность		Традиционные ценности сохранились частично
Патернализм	Иждивенчество	

Источник: [10].

Вместе с тем заметны определенные расхождения. Меняется отношение к труду ради заработка: он уже не наказание, его низкая эффективность объясняется отсутствием действенных стимулов. За официальной, а для многих и реальной скромностью в потреблении, обусловленной дефицитом, скрывается набирающая силу жажда потребительства. Богатство еще предосудительно, карьеризм официально осуждается, но это своеобразный субститут богатства в советских условиях: карьерный рост равносителен приращению капитала. Появилась принципиально новая и продуктивная ценность — образование.

«Советский человек» как модель экономического поведения демонстрирует новый тип личности в новом социально-однородном обществе. Следует различать модель идеальную, официально декларируемую, построенную на основе учения К. Маркса, и модель реальную. В первой — человек разделяет цели государства, признает общественный интерес как собственный, сознает самоценность труда, обладает «разумными» потребностями. Вторая модель демонстрирует отсутствие у субъекта экономической мотивации к труду, неразвитость потребностей, уравнивательность и иждивенчество, социальную пассивность.

Динамику социоповеденческих характеристик «советского человека» можно проследить, анализируя этапы развития советской экономической культуры [11, 30—43]. На первом этапе (1918—1927) была постепенно уничтожена большая часть экономической культуры прошлого и одновременно предложена в качестве главной созидательной силы нового общества самоценность труда. В качестве итогов этого этапа можно выделить осуждение стремления к собственности, ценность социальной однородности общества, коллективную (групповую) ответственность, идеологию патерналистского государства. Таким образом, подрывались экономические стимулы к труду.

Кроме того, наметилась стратификация общества по степени обладания информацией и причастности к принятию хозяйственных решений. Представляется, что только постоянный террор и основанный на нем страх удерживали бюрократический аппарат от оппортунистического поведения, позволяющего преследовать собственные интересы при бесконтрольном распоряжении государственной собственностью. Так идеология решала проблему «принципал-агента».

На втором этапе (1928—1956) основные постулаты идеологии были институционализированы. Была разработана социотехника причастности масс к реализации экономических решений. Наиболее существенным элементом здесь являлось социалистическое соревнова-

ние. Главным достижением данного этапа следует считать систему мотивации к труду, построенную на идеологических стимулах. Именно такая система мотивации и претерпела значительные изменения на этапе деградации советской экономической культуры (1956—1980), когда были предприняты попытки, в том числе путем внедрения хозяйственного расчета, перейти от идеологических к экономическим способам мотивации. Весь этап отмечен снижением мотивации и переходом к полной незаинтересованности работника в эффективном труде. С началом реформ (1980-е гг.) произошел распад советской экономической культуры. Однако, совершенно очевидно, что «советский человек» не был подготовлен к рыночным реформам, к новым правилам экономической деятельности, опирающимся на принципиально иные, присущие западному обществу ценности и нормы хозяйственной жизни.

Как известно, размеренное и эволюционное развитие отечественной науки с 1990-х гг. и до настоящего времени практически прекратилось (если не считать бурного и активного впитывания многовековой научной традиции развитых стран Запада). Вместе с тем темп приема (или импорт) научных тезаурусов мало эффективен для собственных исследований и не учитывает большого пласта исходных данных. Именно эти переводы, которые, как и любые другие переводы, состоящие в «...деятельности по интерпретации смысла текста...» [12, 1] для научных категорий, формируют неосознанный технологический разрыв, и в целом отличают пиратские копии от оригинала и, копируя результаты, не формируют полного цикла технологической системы добычи знаний. Лингво-культурологическая непросвещённость механических переводов научных категорий по экономике за последние десятилетия остается не идентифицированной и продолжается до сих пор в формате «эффективного реформирования» науки и образования [13, 70—87]. Возможно, гносеологическая модель «галопом по Европам» (как принято говорить о поверхностной осведомленности) на какой-то короткий период представляется полезной и обоснованной: для кратковременного сбора научной информации и ее обновления. Вместе с тем продолжать отечественные фундаментальные научные исследования в традиционном основательном варианте необходимо, причем в самое ближайшее время и непременно в государственном масштабе адекватного отражения реалий российского контекста понимания прикладной теории управления народонаселением.

Литература

1. *Emons H.-H.* Des Wesen des Menschen Problem der Ferschung. Berlin, 1987.
2. *Маркс К. Энгельс Ф.* Соч. Т. 3.

3. *Савченко И.В.* Социальная антропология. СПб., 2002.
4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24.
5. *Геворкян А.Ш.* Выбор как социальная проблема // Политология на пороге XXI века: Сб. ст. Новосибирск, 1999.
6. *Автономов В.С.* Образ человека в политической экономии // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 2.
7. *Гофман А.Б.* Реликты социализма в современной российской коммуникации // Россия: прошлое и настоящее. М., 2003.
8. Курс политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. Т. 2. М., 1963.
9. *Нисанов Я.И.* Человек как объект экономической теории. М., 2013.
10. *Ясин Е.* Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4.
11. *Слободской А.Л.* Экономическое поведение: социально-психологическое обоснование теоретической типологии. СПб., 1994.
12. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
13. *Шаклеин В.М.* Лингвокультурология. Традиции и инновации. М., 2012.

А.А. ИВАНОВ

Иррациональное поведение: истоки, формы, критерии*

Есть два способа жить: совершенно законно и почтенно ходить по суше — мерить, взвешивать, предвидеть. Но можно ходить по водам. Тогда нельзя мерить и предвидеть, а надо только все время верить. Мгновение безверия — и начинаешь тонуть.

Мать Мария. Записная книжка. 1934 г. 31 авг. (Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, русская монахиня, поэтесса, участница французского Сопротивления)

Аннотация. Рассматриваются особенности двух видов иррациональности, свойственных хозяйствующим субъектам — поведенче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-02-00046 «а».

ской и концептуальной, — относящиеся, соответственно к микро- и макроэкономике. Обосновывается актуализация концептуального вида иррациональности в контексте процессов саморазвития и, в частности, современного цивилизационного кризиса. Приводятся примеры проявления обоих видов иррациональности в условиях России. Предлагаются направления по минимизации ущерба от эффектов иррациональности в экономической и социальной сфере, в том числе за счет рейтингового подхода к принятию решений.

Ключевые слова: хозяйствующий субъект, поведенческий сценарий, рационализм, иррационализм, мировой системный кризис, хозяйственно-финансовые риски, мировая финансовая архитектура, рейтингоника, нулевой рост, стагнация, эволюционное развитие.

Abstract. Features of two types of irrationality peculiar to economic entities — behavioral and conceptual, relating, respectively, to micro and macroeconomic are considered. Updating of a conceptual type of irrationality in the context of processes of self-development and, in particular, modern civilization crisis locates. Examples of manifestation of both types of irrationality in the conditions of Russia are presented. The directions on minimization of damage from effects of irrationality in the economic and social sphere, including due to rating approach to decision-making are offered.

Keywords: economic entity, behavioral scenario, rationalism, irrationalism, world system crisis, economic-financial risks, world financial architecture, ratingonomics, zero growth, stagnation, evolutionary development.

Несмотря на то, что люди — существа с высоким интеллектом, их поведению присущи черты самоорганизующейся, диссипативной системы. Подобно газу в термодинамике человеческое сообщество принимает структуру, которая позволяет рассеивать энергию как можно эффективнее, что в итоге вызывает появление упорядоченных моделей. Жизнь социальная и жизнь экономическая могут быть рассмотрены как динамическая система, которая начинается с некоторого гомогенного состояния и в итоге принимает конечную форму, заданную исходными условиями.

Если известны все присущие системе *аттракторы* (наименьшие множества, к которым все стремится), то можно рассчитать несколько траекторий ее поведения после выхода из состояния равновесия. Если траектория приведет ее к неподвижной точке, то система остановится в ней. Другой вариант — стремление системы к предельному циклу. При этом характеристики системы будут меняться пред-

сказуемым образом. Наконец, возможно и хаотическое движение, заданное так называемым *странным аттрактором*. Подобное мы наблюдаем в прогнозах погоды: нам известны некоторые параметры климата, но точно предсказать его динамику, а значит, и собственно погоду мы не можем.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что кризисы, в которые погружается Россия в последние годы, были, в общем-то, неизбежны. И прогнозы выхода из них вряд ли могут быть научно обоснованы. Именно в такие периоды возникают иррационалистические настроения. Они являются интеллектуальной реакцией на социальный, политический и духовный кризис и вместе с тем — попыткой преодолеть его. Иррационализм как таковой не является самостоятельным философским течением. Это скорее элемент различных философских систем и школ. Эти школы полагают недоступными для научного познания некоторые сферы деятельности (Бог, бессмертие и т. п.). С одной стороны, рассудок осознает и ставит подобные вопросы, а с другой — к этим сферам неприменимы критерии научности. Различные виды иррационализма получили широкое распространение в идеалистической философии эпохи империализма, выражая ее распад и разложение [1, 210—229]. Поэтому и методы преодоления кризиса часто не просто не логичны, но и бесчеловечны. Это могут быть развязывание мировой войны, ограбление колоний или же стран «третьего мира». Или же попытка переложить всю его тяжесть на плечи трудящихся, как это происходит в современной России. А порой и развязывание «маленькой победоносной войны». Все это известно из трудов классиков марксизма. Меры по преодолению кризиса в РФ никак нельзя считать рациональными, поскольку налицо нежелание ничего менять, делать хоть какие-то выводы, как-то реформировать саму систему. И при этом ждать очередного роста цен на нефть, золотого дождя из нефтедолларов. Конечно, хорошим это не кончится. Новую Россию может ожидать в будущем то же самое, что произошло с островным государством Науру. Жители острова процветали, сидя на фосфатной игле. Но райская жизнь кончилась вместе с запасами фосфатов. Те, кто смогли, уехали, а из оставшихся жителей 90% населения Науру — безработные. При этом 80% территории страны представляют собой каменную пустыню с лунным ландшафтом. А ведь не секрет, что на пороге времена и того хуже — глобальный кризис! Загрязнение окружающей среды, перенаселение, истощение природных ресурсов, изменение климата.

На этом фоне возникают бредовые иррациональные идеи: сделать этаким свой *paradise* (рай) для избранных. Это и проект пресловутого «золотого миллиарда», и создание «страны для своих» путем

чудовищного материального расслоения. К чему могут привести такие проекты — хорошо известно. Возродился интерес к всякого рода откровенно нелепым верованиям. К их числу относятся: астрология (утверждающая, что звезды, которые восходят в момент моего рождения, полностью определяют мою судьбу); «тайна» Бермудского треугольника (есть версии, согласно которым в океане возле островов живет неопознанный летательный объект, который пожирает корабли и самолеты); все сообщения о летающих тарелках; вера в древних астронавтов; фотографии духов; пирамидология; сайентология (система верований и практик, состоящая из скомпилированных разного рода околонучных и религиозных идей и ориентированная на людей, стремящихся к карьере и успеху); музыкальные вкусы комнатных растений; бескровная хирургия; идеи плоской и поллой Земли; современные пророчества; перемещение ножей и вилок на расстоянии; астральные расчеты; предания об Атлантиде; спиритизм; вера в акт творения и т. д. и т. п.

Все это, в первую очередь, темные оккультные верования, выраженные так, что их невозможно проверить, не подвластно доводам разума. А уж геронтологические проблемы долголетия и бессмертия — вообще излюбленная тема сатанистов всех времен и мастей. Чего стоят только замороженные богатые мертвецы?! Предполагается, что наука будущего их оживит и даст жизнь, возможно, вечную. Однако не все так однозначно. Заметим, что иррациональное начало имеется во всех сферах деятельности человека. А особое значение проблема рационального как понятия приобрела во второй половине XX в. Прежде всего, был поставлен под сомнение идеал рациональной деятельности, который ассоциировался с наукой. Традиционный научный подход оказался во многих случаях непригодным. Ведь ученый всегда работает с моделью явления, произвольно отбрасывая воздействия, которые он полагает несущественными. Иначе говоря, из нескольких неопределенных и недостоверных положений делаются самые общие выводы и с помощью их устанавливаются законы, управляющие миром и природой. Рассмотрим, например, явление, известное как глобальное потепление. Нашу атмосферу можно рассматривать как диссипативную систему, поскольку она поглощает энергию Солнца и рассеивает ее максимально эффективно. Климат Земли был относительно стабильным в течение сотен лет, но в последние десятилетия стал меняться. И эти изменения, как считают ученые, вызваны деятельностью людей. Если нарушения значительны, система выходит из области влияния аттрактора, после чего ее поведение становится непредсказуемым. Другими словами, конечное развитие системы не обязательно будет соответствовать потеплению. Мы не знаем (и не

сможем узнать!) ни когда вернемся к состоянию стабильности, ни к какому состоянию стабильности придем. А ведь внезапная смена климатических моделей катастрофична для мировой экономики.

Или возьмем, к примеру, астероидную угрозу. Падение даже очень крупного астероида может привести к концу не только человеческой цивилизации, но и всей жизни на Земле. А ведь современные математические инструменты не позволяют решить задачу даже трех тел с взаимным гравитационным притяжением. Оказалось, что минимальные начальные различия в положении трех тел дают огромные расхождения в их конечном положении, т. е. похожие начальные условия порождают абсолютно разные орбиты. А значит, при данных начальных положениях и импульсах спрогнозировать последующее поведение трех тел невозможно. Сегодня это называется чувствительностью к начальным условиям и является одним из необходимых условий появления и собственно существования хаоса. Добавим к этому, что, по мнению ряда современных ученых, не следует возлагать в дальнейшем большие надежды на новые прорывы в науке [2, 49—67]. Эпоха великих научных открытий закончилась. Дальнейшие исследования не дадут ни научных, ни технических революций, а лишь малую, незначительную отдачу.

Заметим попутно, что проблему иррациональности, на наш взгляд, следует разделить в интересах методологии, как минимум, на два вида — иррациональность поведенческую и иррациональность концептуальную. Все, что нами описано выше, — первый вид, т. е. вид поведенческой иррациональности. Он и представляет собой иррациональное поведение в заданных обстоятельствах ситуаций и относится как к отдельным индивидам, так и к группам людей. Этот вид иррациональности связан либо с отсутствием адекватных научных знаний, либо с внутренним протестом, но чаще всего — с дефицитом психической энергии у индивидов. И, в общем-то, собственно иррациональность поступков конкретных индивидов в таких случаях чаще всего априорно осознается и большинством окружающих, и частично самими индивидами, совершающими указанные иррациональные поступки. А относится все это, естественно, к области микроэкономики. Другой вид иррациональности — концептуальный, представляет собой уже неадекватность (иррациональность) не собственно поступков, а результатов деятельности, и в частности, конкретных поступков. Но уже поступков со стороны больших социальных групп, а то и отдельных государств. При этом отметим особенность любого вида иррациональности — не подвергаемая сомнению цель поступков или деятельности. Иначе, в проблеме иррациональности цель ни в ком случае не должна подвергаться сомнению, т. е. она не может, по определе-

нию, быть иррациональной. Она, что называется, инвариантна. Иначе мы не сможем свести концы с концами в логике рассуждений. Ниже мы остановимся на примерах концептуального вида иррациональности, а пока отметим связь обоих видов. Так, после того, как результат концептуальной иррациональности (иррациональный по своей сути) становится достоянием общества, этот «лжерезультат» способствует дезадаптации общества и возрастанию дефицита той самой психической энергии у индивидов, которая и является причиной появления уже поведенческой иррациональности.

Итак, обратимся к примерам второго вида иррациональности, из которых выделим социальный аспект, в частности, связанный с тем, что цели и средства их достижения, сформулированные правящим режимом, вроде бы рациональные, оборачиваются разрушительными результатами: обострением экологических проблем, упадком духовной культуры, психическими расстройствами, деградацией здоровья подрастающего поколения. Так, бесконтрольная автомобилизация привела к многочасовым «пробкам» на дорогах, десяткам тысяч погибших и покалеченных в автокатастрофах, отравлению воздуха городов выхлопными газами, дворами и газонами, заставленными машинами. Может, надо просто ввести квоты на продажу автомобилей, как это делается в странах, обеспокоенных экологией? А «научно обоснованные» демократические реформы привели к тому, что за 15 лет произошел более чем пятикратный рост детской инвалидности. Уровень психических расстройств с начала 1990-х гг. увеличился в 11,9 раза. При этом Россия вышла на первое место в мире (в 1991 г. — лишь 79-е место) по количеству суицидов среди школьников [3]. Это тот случай, когда гипертрофированные рационализм и прагматизм оказались глубоко иррациональными. Это тот вид вненаучного иррационализма, который связан с невиданным ренессансом магии, оккультных учений и распространением откровенного сатанизма. Эту разновидность концептуального иррационализма следует считать наиболее опасной и агрессивной. Она всегда связана либо с откровенным корыстным шарлатанством, либо с патологической жадностью власти, либо с психопатологическими явлениями, а зачастую со всем этим одновременно. В любом случае это угрожает как физическому здоровью человека, так и его социальному бытию. Кроме того, такая позиция тесно связана с априорным отрицанием значимости вненаучных видов знаний, с абсолютизацией существующих на данный момент научных представлений. Она внутренне противоречива, так как поощряет вненаучный иррационализм, который как раз и претендует на знание того, что априори отказывается познавать и объяснять наука. К тому же здесь частные теоретические схемы и отдельные

истинные результаты непомерно абсолютизируются и начинают претендовать на монопольное положение. Таким образом, ложь есть знание, вышедшее за границы своей применимости, или знание, отрицающее нечто, лежащее за его границами.

Агрессивная защита ложных притязаний и узких предрассудков, даже если она проводится под знаменем науки, есть иррационализм в чисто его виде. Примером может служить утверждение Р. Клаузиуса, что энергия мира остается постоянной, энтропия Вселенной стремится к максимуму. Вследствие этого, по мысли Р. Клаузиуса, наступит «тепловая смерть» Вселенной [4]. Вывод был поддержан сторонниками религии для «научного» обоснования существования бога. Ошибка же заключается в следующем. Второе начало термодинамики установлено для термодинамической системы конечных размеров. Вселенную в целом нельзя рассматривать как такую систему. Обобщение, сделанное Клаузиусом, выходит за рамки применимости второго закона термодинамики и поэтому само по себе ложно. Кроме того, Вселенную необходимо рассматривать как гравитирующую систему. В то время как для идеального газа наиболее вероятно равномерное распределение частиц в пространстве, в системе гравитирующих частиц однородное распределение не соответствует максимальной энтропии. Сегодня философским воплощением иррационализма (концептуального) является так называемый постмодерн. Это в первую очередь отрицание твердой иерархии нравственных ценностей. В культуре его как раз преобладают антиценности — всяческие патологии и аномалии, будь то феномен безумия, сексуальные извращения или культурные маргиналии. Как тут не вспомнить бородатую Кончиту Вурст, победительницу «Евровидения—2014»? (На самом деле, борода и имя Кончита Вурст — сценический образ 25-летнего музыканта из Австрии Томаса Нойвирта.)

В то же время некоторые формы постижения бытия, которые выполняют незаменимые функции и в психологическом, и в культурном существовании человека, можно квалифицировать как внерациональные. И само понимание рационального познания должно быть существенно расширено. Даже в математических науках встречается иррациональность. Примером может послужить раздел математики — теория игр, конкретно — принятие решений в условиях противодействия. В игре «Струсил — проиграл» двое мчатся на автомобилях к обрыву. Первый, кто струсит, проигрывает. Особенность игры состоит в том, что игрок, способный убедить соперника в том, что он сам ни в ком случае не свернет в сторону, выигрывает, если соперник действует рационально. Таким образом, игрок, действия которого кажутся иррациональными, имеет преимущество.

В истории математики можно обнаружить периоды, когда ведущую роль играли строгие логические рассуждения, в которых каждый шаг был строго обоснован и математическая мысль восходила по ступеням познания, каждая из которых опиралась на предшествующие. Но и в иные периоды возникало время интуиций, опережающих время гениальных догадок и эвристических рассуждений. Рациональное и внерациональные, интуитивные и логические виды познания совместно существуют как правое и левое полушария головного мозга. И должны совместно противостоять эскалации современного разрушительного иррационализма. При этом левое полушарие обрабатывает информацию по мере ее поступления, а правое — одновременно. Левое полушарие напоминает цифровую, а правое — аналоговую вычислительную машину.

Внерациональное интуитивное знание имеет чрезвычайно длинную эволюционную историю, и, если учитывать информацию, содержащуюся в генетическом материале, нам придется проследить его происхождение вплоть до начала жизни на Земле. Другой же способ получения знаний — совсем недавнее завоевание эволюции. Рациональное мышление, оперирующее словами, насчитывает, вероятно, лишь десятки или сотни тысячелетий от рода. Но зачем нам нужно иметь два различных и дополняющих друг друга способа мышления, которые так плохо взаимодействуют друг с другом? При этом, признавая пригодность обоих методов мышления, следует задаться вопросом: являются ли они одинаково эффективными и полезными? Правополушарное интуитивное мышление может улавливать связи и структуры, слишком сложные для левого полушария. Однако скептическое и критическое мышление ему не свойственно. Поэтому в сложных обстоятельствах нельзя сказать, являются ли образы, созданные правым полушарием, действительными или вымышленными без изучения их левым полушарием. В то же время, чисто критическое мышление без творческих и интуитивных озарений, без поисков новых форм, пусто и никчемно. Решение сложных проблем в изменяющихся обстоятельствах требует активного участия обоих полушарий головного мозга. Оба образа мышления весьма различны, но они дополняют друг друга таким образом, что это способствует выживанию вида. Чисто правополушарные выводы могут быть ошибочными либо параноидальными, а преобладание *ratio* (отношение, соотношение) есть главный признак шизофрении. Действенное получение знаний требует одновременно и того, и другого подхода.

Примером может служить аналитическая геометрия. Сегодня она общедоступна, а в XVII в. представляла собой блестящее открытие. Однако алгебраическое уравнение — это типичная левополушар-

ная конструкция, в то время как геометрическая кривая, структура, образованная множеством относящихся к ней точек, есть характерный продукт правого полушария. Сегодня нам остро не хватает подобного соединения не связанных между собой или даже противоположных по отношению друг другу теорий. И здесь в пору вспомнить о неудачах в попытках построить теоретические модели иррационального поведения экономического агента, в основе которых лежало не соединение двух видов мышления, а, как ни парадоксально — попытка описать правополушарное восприятие внешнего мира человеком его левополушарной логикой [5, 5—26].

Преобладание того либо иного вида поведения и мышления определяется индивидуальными особенностями, возрастом и полом. В юности преобладает интуиция, в старости — мышление. Вот почему первая — время для поэзии, вторая — для философии. Главными когнитивными половыми различиями являются *ригидность* (жесткость, твердость, неэластичность) мужского склада ума и *интуитивность* (подсознательность, инстинктивность) женского. Широко распространено представление об особой «женской» логике (из романа И. Тургенева «Рудин»: «...мужчина, например, может сказать, что дважды два будет не четыре, а пять или три с половиной; но женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка»). Однако логические способности женщин такие же, как и у мужчин, но система ценностей двух полов различна. Совершенно по-разному женщины и мужчины преодолевают трудности: женщина перестраивает себя, а мужчина находит неожиданное решение и перестраивает мир вокруг. Женщина выбирается из трудностей за счет адаптивности; для мужского пола такой путь закрыт из-за небольших пределов изменчивости.

Ярким примером иррационального поведения, которое, однако, характеризует отсутствие негативных компонентов при явно выраженном акценте на функцию стимуляции развития, мотивации к изменению, является провокационное поведение. Это один из древнейших механизмов, выработанный человеческой культурой для решения наиболее сложных проблем управления развитием личности человека и социума в целом. Такое поведение имеет своей целью вызвать определенную реакцию со стороны объекта провокации путем нарушения его ожиданий, установок, неожиданной смене метода воздействия, сопровождающейся психологической *фрустрацией* (переживание разочарования, тревоги, раздражительности, отчаяния) объекта, при этом нередко и общепринятых норм поведения. Примером могут служить обряды инициации, при которых происходило временное нарушение обычной социальной структуры, когда отменялись все установленные правила поведения. Странные, кажущиеся жестокими

современному человеку обряды того времени имели отчетливую социально-педагогическую и психотерапевтическую функцию, обеспечивая выполнение труднейшей психологической задачи — быструю смену социально-психологического статуса с соответствующей перестройкой личностных установок и ориентаций, всей ролевой структуры. Это сближает названные явления со сферой функционирования современного *радикального искусства*. Другой формой антиповедения является карнавал, который выполнял терапевтическую функцию как для каждого индивида, так и для общества в целом, воплощая идею вселенского обновления.

В этих примерах иррациональное поведение людей, которое на первый взгляд представляется антисоциальным, как нарушение норм приличия, при серьезном рассмотрении оказывается важным интегрирующим фактором, обнаруживает потенциал позитивных изменений, способствует разрешению кризиса, стимулирует развитие личности и социального сообщества. Подобные методы активно используются в психотерапии. Целью этих методов является задача взломать, разорвать, вывернуть наизнанку тот порочный круг, в который попадает пациент с фобиями, навязанными идеями или другими трудностями. Наиболее широко иррациональные методы представлены в современном искусстве. Главная задача художника при этом, к примеру, не написать предмет как можно более похожий на реальный, а создать такое изображение предмета, которое будет преломлено через твой характер, темперамент и даже настроение. Таким образом, внерациональные виды познания человеком мира и самого себя являются потенциальным резервом в его хозяйственной деятельности. При этом современные внерациональные «знаковые» виды познания, такие как рейтинговое мышление, становятся все более востребованными.

Если предположить, что некий беспристрастный ученый сидит на какой-либо планете и наблюдает социальное поведение людей с помощью зрительной трубы, достаточной, чтобы наблюдать такие крупные события, как переселение народов, битвы и т. п., ему бы никогда не пришло бы в голову, что человеческое поведение направляется разумом или тем более ответственной моралью. Он бы скорее посчитал такое поведение иррациональным. Но как же получается, что предположительно разумные существа могут вести себя столь неразумно? Все эти противоречия находят естественное объяснение и полностью поддаются классификации, если заставить себя осознать, что социальное поведение людей диктуется не только разумом и культурной традицией, но подчиняется еще и тем закономерностям, которые управляют поведением животных. Знание, выросшее из абстрактного мышления, изгнало человека из рая, в котором он, бездум-

но следуя своим инстинктам, мог делать все, что ему хочется. Это же знание подарило человеку его первые орудия: огонь и камень, зажатый в руке. И он сразу же употребил их для того, чтобы убивать и жарить своих собратьев. Это доказывают находки на стоянках синантропов: раздробленные и обожженные человеческие кости. На наше счастье из абстрактного поведения вырастает и та разумная ответственность человека, на которой только и основана надежда. Однако эта моральная ответственность может и отказывать. Легче всего это происходит под воздействием истощающего, долговременного нервного перенапряжения. Именно такое состояние у людей наблюдается в условиях кризиса. Заботы, нужда, голод, страх, переутомление, крушение надежд и т. д. — все это действует разрушительно. Кто имел возможность наблюдать множество людей в условиях такого рода — на войне или в заключении, — тот знает, насколько непредвиденно и внезапно наступает моральная декомпенсация. Военные конфликты последних лет демонстрируют, насколько легко это происходит, когда «свирепый зверь выходит из оков». В сравнении с этим охотники за головами из Новой Гвинеи выглядят малыми детьми. Наверное, это и есть самая главная опасность, стоящая перед человечеством. Да, потепление вызовет голод, но до этого государства и крупные банды развяжут сотни вооруженных конфликтов за плодородные земли и доступ к питьевой воде.

Литература

1. *Радугин А.А.* Современный философский иррационализм: решение проблем бытия, познания, человека и личности в различных школах и течениях // Радугин А.А. *Философия: курс лекций*. М., 1997.
2. *Гордон Р.Дж.* Закончен ли экономический рост? Шесть препятствий для инновационного развития // *Вопросы экономики*. 2013. № 4.
3. Детские суициды — проклятие нашей страны // http://via-midgard.info/news/in_russia/16172-detskie-suicidy-proklyatie-nashej-strany.html.
4. Тепловая смерть Вселенной // https://ru.wikipedia.org/wiki/Тепловая_смерть_Вселенной.
5. *Харстад Р.М., Зельтен Р.* Модели ограниченной рациональности: пути достижения интеллектуальной конкурентоспособности // *Вопросы экономики*. 2014. № 5.

Е.Х. ХАБИБУЛЛИНА

**Концепция нулевых ставок кредитования реального сектора:
формализованное обоснование и конкретизация форм
и механизма действия как инструмента гашения инфляции**

Аннотация. Настоящая статья посвящена обоснованию кредитно-денежной политики российского неолиберализма в рамках концепции низких ставок кредитования реального сектора как инструмента торможения инфляции на базе анализа классической модели денежного обращения, модифицированной автором. Показано, что низкие ставки кредитования реального сектора и обусловленное ими расширение денежной эмиссии теоретически и практически могут создавать мощные импульсы торможения инфляции, причем различающиеся по срокам проявления для отраслей с разной длительностью производственного цикла.

Ключевые слова: инфляция, кредитно-денежная политика, неолиберализм, геополитика, монетаризм, государственное регулирование экономики, Россия, центральный банк, инфляционное таргетирование.

Abstract. This article develops the concept of zero credit rate for real sector as an instrument for reducing the inflation rate on the base of classic model of monetary movement, modified by the author. Analysis is focused on powerful impulses reducing inflation theoretically coming from low credit rate financing real sectors with short business cycle, as agriculture, food and textile industry.

Keywords: inflation, monetary policy, inflation targeting, Russia, central bank, neoliberalism, geopolitics, state regulation of economy, monetarism.

Неолибералистская концепция низких ставок кредитования для реального сектора (С. Глазьев [1]) ориентирована на быстрое и одновременное решение двух острых проблем российской экономики: создание благоприятных условий для начала строительства сильной, несырьевой, суверенной структуры хозяйства и торможение инфляции. Настоящая статья посвящена формализованному обоснованию данной концепции и конкретизации форм и механизма ее успешной реализации.

Рассмотрим факторы торможения инфляции, опираясь классическое уравнение связи цен и количества денег в обращении Маркса

— Фишера, используемое монетаристами для обоснования своей версии кредитно-денежной политики:

$$MV=PT, \quad (0a)$$

где P — уровень цен; M — параметр массы денег в обращении (параметр прямого регулирования, в том числе через размер ставки кредитования и объем денежных доходов населения); T — объем товарной массы, получаемый при заданном объеме денежной массы (при конкретном состоянии факторов производства, заданном неявно); V — параметр скорости обращения денег.

С точки зрения задачи анализа факторов снижения инфляции уравнение (0a) имеет чрезмерный, неприемлемо высокий уровень абстракции, поскольку опирается на несколько сильнейших упрощений, которые до неузнаваемости, критически значимо искажают объект моделирования в рамках поставленной задачи. Добиться устранения неадекватности монетаристской модели в рамках задачи исследования факторов снижения инфляции можно, отобразив в ней в явном виде или учитывая в косвенной форме влияние ключевых хозяйственных зависимостей, имеющих критическое для наших целей значение. В числе таких существенных зависимостей и факторов: (1) влияние изменения денежной массы, использованной на кредитование реального сектора, — на производственный отклик — изменение объема товарного выпуска; (2) деформирующее воздействие на связь «изменение кредитования реального сектора — изменение выпуска товаров» высокой степени монополизации рынков; (3) воздействие доминанции атлантистского частно-государственно-монополистического дирижизма над российским национально-государственным неодирижизмом (см.: [2; 3]); (4) своеобразие российской хозяйственной системы, проявляющееся в отсутствии существенных ограничений по природным и трудовым ресурсам (высокий уровень безработицы от 10 до 48% практически во всех хозяйственных регионах, за исключением Москвы и Петербурга), низкая загруженность производственных мощностей; открытость экономики; (5) резкое обострение геополитического противостояния по оси «атлантизм — континентализм».

Преобразуем уравнение (0a) в простейшую трехфакторную модель зависимости цены от денежной массы, скорости обращения денег и объема товарной массы:

$$P = \frac{MV}{T}. \quad (0б)$$

При принятии параметра V , скорости обращения денег, за константу (вводится для упрощения, не влияющего качественным образом на дальнейший анализ взаимовлияния выбранных факторов тор-

можения инфляции), модель (0б) сводится к двухфакторной модели уровня цен для периода t :

$$P_t = \frac{M_t V}{T_t}, \quad (1)$$

где P_t — уровень цен для исходного периода t ; M_t — масса денег в обращении в периоде t ; T_t — объем товарной массы, производимой в периоде t ; V — параметр скорости обращения денег.

В обосновании монетаристской версии таргетирования инфляции фундаментальное значение имеет ключевое для нее допущение 1: постулат о том, что при сжатии денежной массы *объем товарной массы остается якобы неизменным* для краткосрочного периода. Предполагается, что при уменьшении денежной массы M_{t+1} в период $t+1$ по сравнению с периодом t , когда она была равна M_t , товарная масса, T_{t+1} , произведенная в период $t+1$, сохраняется неизменной, равной выпуску T_t в период t .

Заблуждение, или же намеренный *интеллектуальный подлог*, монетарной интерпретации зависимостей факторов в используемой монетаристами модели коренится в том, что именно для целей решения задачи снижения инфляции принятие данного допущения за безусловную истину ничем не обосновано его адептами, практиками и пропагандистами, в том числе и в формуле Тейлора, на которую обычно ссылаются. Да и не может оно быть обосновано в принципе, поскольку в наблюдаемой реальности при изменении параметра денежной массы, в ее части $M_{крс}$, т. е. части M , использованной на кредитование реального сектора, прочие параметры и теоретически и практически в принципе не должны оставаться неизменными. *Рост числителя*, при условии, что он происходит за счет роста денежной массы, использованной на кредитование реального сектора $M_{крс}$, во многих типичных случаях может сопровождаться именно более быстрым, опережающим ростом знаменателя, мультиплицированным по сравнению с затраченными на нужды реального сектора кредитными ресурсами, ростом товарного выпуска, причем даже и в краткосрочном периоде, а не только в средне- и долгосрочном (см.: [3]).

Аналогично — как теоретически, так и практически — вполне возможно и обратное динамическое соотношение: монетаристские меры по сокращению продуктивного кредитования за счет высокой процентной ставки и сокращение бюджетных расходов, «зажим» денежной массы, означающий сокращение числителя в модели (1), одновременно может вызывать системное опережающее сокращение знаменателя, т. е. вести к росту цен, разгону инфляции.

Отсюда следует, что задача снижения инфляции как снижения уровня цен, частного от деления числителя на знаменатель в моде-

ли (1), наиболее надежно, и причем в заданные, прицельно и системно просчитываемые сроки может быть решена именно при принятии мер по оптимально выверенному расширению денежной эмиссии в части *Мкрс*, т. е. при условии направления увеличения эмиссии денежной массы исключительно на цели кредитования реального сектора, и связанные, обеспечивающие эффективность программы в целом цели, в частности, на пропорциональный, дифференцированный при необходимости по стратам рост платежеспособного спроса населения, в особенности его беднейших слоев, потенциально увеличивающих прежде всего потребление жизненно необходимых продуктов питания. Такой подход дает теоретическое опровержение монетаристской версии таргетирования инфляции путем недифференцированного, абстрактного, слепого «зажима» денежной массы в целом, без учета разнонаправленности влияния на объем производимых товаров объема различных ее составных частей, игнорирование противои nflационного действия особой составляющей денежной массы, ее части, направляемой на кредитование реального сектора, обозначенной нами как *Мкрс*. Монетарное таргетирование инфляции вместе с водой выливает и «ребенка» — важнейший полюс роста и воспроизводства, мотор экономики, блокируя эмиссию в части *Мкрс*.

Таким образом, в рамках анализа факторов инфляции в координатах монетаристской модели уровня цен, заданной уравнением (1), допущение 1 является ложным. Его включение в моделирование взаимного влияния факторов инфляции критически значимо деформирует реальную зависимость прироста товарного выпуска и роста эмиссии денежной массы *Мкрс*, использованной на кредитование реального сектора.

Монетаризм неправомерно абстрагируется в данном случае от основной и универсальной производственной зависимости, от полюса роста экономики, запускающего фактор торможения инфляции.

Эмиссия денежной массы, использованной на кредитование реального сектора, играет как раз ключевую роль для изменения объемов товарного выпуска, при этом кардинальное значение имеет отнюдь не суммарное, абстрактное, увеличение объема денежной массы, как это неявно постулировано в монетарных схемах, ориентирующих на таргетирование инфляции путем недифференцированного «зажима» денежной массы «в целом» и такое же абстрактное, недифференцированное с учетом разнонаправленности рикошета в производство сокращение расходов бюджета, блокирующее стимулы не только роста, но даже простого воспроизводства выпуска. Приоритетное значение имеет изменение *качественного состава денежной массы*, прежде всего, динамика соотношения *доли кредитования реального*

сектора по сравнению с долей кредитования спекулятивно-финансовых операций *Мсфо*, стерильно-бесплодных относительно прироста товарного выпуска, и, значит, в соответствии с моделью (1) создающих мощные импульсы разгона инфляции (подробно рассмотрено Р. Вернером [4]), а также относительные доли потребительского кредитования.

Для понимания конкретных форм механизма создания инфляционных импульсов не менее существенными являются также и некоторые факторы, которые до сих пор еще не привлекались к рассмотрению в рамках концепции нулевых ставок продуктивного кредитования. Прежде всего, это *соотношение объемов кредитования секторов с коротким, и, напротив, с длительным производственным циклом*, а также соотношение долей кредитования производства или долей многозвенных торговых цепочек (идея подсказана нам профессором Д.Н. Платоновым).

Внимание к временному аспекту соотношения факторов торможения инфляции при рассмотрении концепции нулевых ставок кредитования реального сектора на базе модели (1) позволяет заметить, что различия в скорости товарного отклика на увеличение кредитования различных отраслей реального сектора ведут к разной скорости возникновения ответных импульсов торможения инфляции в краткосрочном и среднесрочных периодах. Итак, не всякое кредитование реального сектора обеспечивает оптимальные для страны сроки роста товарного выпуска, а значит, и соответствующее возникновение импульсов снижения инфляции.

Рассмотрим потенциальное влияния на инфляцию резкого расширения кредитования ипотеки при существенном снижении ставок для этого сектора, что пропагандируется отдельными «экспертами» и заинтересованными лицами. Если рассмотреть предельный случай, когда весь прирост денежной массы был бы использован на увеличение кредитования ипотечного строительства, имеющего длительный производственный цикл, то в течение первых лет, в период до окончания строительства, значительная часть поступивших в хозяйство денежных средств не была бы уравновешена пропорциональным ростом товарного объема, получившего значительное кредитование строительного сектора (если для упрощения, отвлечься от влияния индуцированных расширением строительства секторов, имеющих короткий производственный цикл). В соответствии с моделью (1), в течение нескольких лет до окончания строительства мы имели бы ситуацию, когда рост числителя происходил бы при неизменном значении знаменателя, т. е. возникали бы *импульсы разгона инфляции*, а отнюдь не ее гашения, как это можно было бы предположить, исходя

из абстрактно понятой концепции количественного смягчения, без учета деталей и форм ее реализации при неразличении длительности цикла производства разных отраслей, при недифференцированном и равном доступе к дешевому кредиту отраслей, различных по срокам товарного отклика. Потенциальная возможность подобной ситуации до сих пор не была исследована авторами и сторонниками концепции количественного смягчения и нулевых ставок для реального сектора. Разумеется, это не означает необходимости вообще блокировать расширение ипотечного кредитования при пониженных ставках. Возникновение инфляционных угроз описанного типа может быть во многих случаях элиминировано или, как минимум, смягчено в комплексных сценариях, предусматривающих компенсирующее влияние снижения импульсов инфляции за счет пропорционального роста доли кредитования в отраслях с коротким циклом производства, как это с достаточной очевидностью следует из рассмотрения взаимодействия факторов роста объемов числителя и знаменателя на базе модели (1).

Как уже отмечалось [3], объем товарного выпуска и уровень цен в сильнейшей степени зависят также и от неденежных факторов, важнейшими из которых являются степень монополизации рынков и ценовое картелирование. Влияние же этих факторов на результирующий импульс инфляции важно учитывать при анализе конкретных сценариев количественного смягчения.

Для устранения наиболее грубой деформации реальных взаимосвязей объекта моделирования в монетаристской модели таргетирования инфляции (1) при рассмотрении последствий изменения денежной массы необходимо отразить также и обусловленный этим изменением отклик на стороне товарного выпуска, т. е. ту *фундаментальную производственную зависимость*, абстрагирование от которой недопустимо искажает отображаемую реальность в модели интерпретации факторов инфляции с теоретических позиций монетаризма.

При изменении величины денежной массы, направляемой на инвестиции реального сектора, равной ΔMt , зафиксируем соответствующее ей изменение величины выпуска товаров, которое обозначим ΔTt . Уравнение для определения уровня цен P_{t+1} периода $t+1$ в этом случае примет следующий вид:

$$P(t+1) = \frac{(Mt + \Delta Mt)V}{Tt + \Delta Tt} . \quad (2)$$

Увеличение денежной массы ΔMt представим как пропорционально увеличенный первоначальный объем денежной массы Mt , т. е. $\Delta Mt = \alpha Mt$, где α — коэффициент, обозначающий пропорцию изменения первоначального размера денежной массы; а ΔTt — представим

как величину пропорциональную первоначальному объему выпуска товаров Tt , $\Delta Tt = \lambda Tt$, где λ — коэффициент, обозначающий пропорцию изменения первоначального размера выпуска товарной массы. Получим:

$$P(t+1) = \frac{(Mt + \alpha Mt)V}{Tt + \lambda Tt} = \frac{MtV(1 + \alpha)}{Tt(1 + \lambda)}. \quad (3)$$

Поделив обе части уравнения (3) на уровень цен Pt в период t , заданный в уравнении (1):

$$Pt = \frac{MtV}{Tt},$$

в левой части получим уровень импульса инфляции/дефляции (импульс изменения цен): $INF_{t+1} = P_{t+1} / Pt$ — для периода $t+1$, а в правой части, после сокращения Mt , V и Tt получаем формулу зависимости импульса инфляции от двух параметров: *величин изменения денежной и товарной массы, α и λ* :

$$INF(t+1) = \frac{P(t+1)}{Pt} = \frac{1 + \alpha}{1 + \lambda}. \quad (4)$$

Формула (4) в явной, формализованной, наиболее наглядной форме описывает зависимость общего импульса инфляции не только от пропорции α , т. е. изменения денежной массы, как это утверждают сторонники монетаристских методов таргетирования инфляции, но также и от параметра λ , обусловленного изменением не только объема (количества денег) M в целом, но качеством состава денежной массы, динамикой относительной доли M_{krci} — денежной массы, направленной на кредитование конкретных, различающихся по потенциальному влиянию на рост товарной массы в данном периоде, отраслей реального сектора i -го вида, определяющего скорость и объем отклика, пропорцию изменения общего объема товарного выпуска, второго, и отнюдь не менее существенного параметра, который безосновательно игнорирует монетарная версия борьбы с инфляцией, ведущая на деле к разгону инфляции, разрушающая не только полюсы роста и простое воспроизводство экономики, но и Россию в целом.

Таким образом, анализ моделей (1) и (4) формально и наглядно поясняет, каким образом целенаправленная, прицельная эмиссия денежной массы для кредитования конкретных отраслей может приводить к опережающему росту товарного выпуска — за счет расширения продуктивного кредитования секторов, обеспечивающих опережающий рост товарной массы по сравнению с ростом денежной массы, в частности, за счет расширения дешевого кредита для предприятий с коротким производственным циклом, а также за счет производств, обеспечивающих обновление технологий и снижение себестоимости.

стоимости, при условии обеспеченности соответствующего объема сбыта за счет расширения импортозамещения, госзакупок, а также сохранения и стимулирования за счет целевой эмиссии достаточного платежеспособного спроса.

Итак, к резкому торможению инфляции может вести: 1) целевое дешевое кредитование секторов с коротким производственным циклом — сельского хозяйства, легкой промышленности, пищевой промышленности, услуг потребительского сектора и др.; 2) кредитование реального сектора с коротким циклом в депрессивных регионах.

К росту инфляции в краткосрочном периоде может вести: 1) массивное и непропорциональное, некомпенсированное ростом короткоциклического производства кредитование ипотечного строительства и др. долгосрочных производств; 2) массивное, непропорциональное инвестирование в многозвенные торговые цепочки в отсутствие компенсирующего расширения выпуска товаров.

Нейтральны к инфляции: 1) закупка импортных товаров при условии отсутствия вторичного воздействия этих закупок на курс рубля; 2) поддержание всех производств, ведущих к сохранению величины среднего агрегированного мультипликатора по сравнению с предыдущим годом (см.: [3]); 3) равнозначная замена кредитованием в рублях кредитов, ранее полученных в западных банках, при условии сохранения возможностей сбыта соответствующей продукции в изменившейся ситуации в стране и мире.

Литература

1. Глазьев С. О практичности количественной теории денег, или Сколько стоит догматизм денежных властей // Вопросы экономики. 2008. № 7.
2. Осипов Ю.М. Неодирижизм плюс неолиберализм равняется экономика современной России // Философия хозяйства. 2012. № 2.
3. Хабибуллина Е.Х. Количественная оценка вклада в инфляцию высоких ставок кредитования реального сектора // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3, 4.
4. Ричард Вернер в Москве о ЦБ: продуктивный кредит, целевые финансы. // http://www.youtube.com/watch?v=_9rxVUkaBqc&feature=youtu.be.

В.И. ДЕКТЕРЁВ

Неадекватность целей и критериев экономического развития

Аннотация. Показываются неадекватность общепринятых сегодня целей и критериев экономического развития в микроэкономическом, макроэкономическом и глобальном аспектах, а также некоторые последствия их применения.

Ключевые слова: микроэкономика, добавленная стоимость, капитализация, макроэкономика, реальный сектор, ВВП, финансовый сектор, глобализация.

Abstract. The article shows the inadequacy of generally accepted today, the goals and criteria of economic development in microeconomic, macroeconomic and global aspects, as well as some of the consequences of their use.

Keywords: microeconomics, added value, capitalization, macroeconomics, real sector, GDP, financial sector, globalization.

Сегодня официальная экономическая наука объявляет главной целью развития общества экономический рост. При этом в нем выделяются следующие составляющие: повышение добавленной стоимости и капитализации (на микроуровне), рост реального сектора экономики, рост валового внутреннего продукта (ВВП), рост финансового сектора (на макроуровне). Рассмотрим их повнимательней.

Микроэкономический аспект

Добавленная стоимость. Вплоть до 1960-х гг. целью предприятий было производство максимального количества продукции с наименьшими затратами. Сегодня в качестве основных целей субъектов экономической деятельности в развитых государствах выступает максимизация добавленной стоимости. Что скрывается за этой округлой фразой?

Стоимость товара или услуги составляют издержки их производства, налоги и другие обязательные и не обязательные платежи, а также прибыль. Добавленная стоимость — это то, что получают работники предприятия, а также государство, местные органы власти и различные нахлебники: хозяева (акционеры), благотворительные фонды, церковь и т. д. Давайте внимательно присмотримся ко всем этим компонентам. Начнем с того, что добавляют к стоимости работники предприятия (корпорации).

Первое, что бросается в глаза, это, конечно же, избыточные удобства и характеристики в автомобилях, компьютерах и т. д., часто безвкусный, но очень дорогой в изготовлении дизайн, дорогая упаковка мелких и развесных товаров. Это сразу бьет в глаза, когда покупаешь что-то сделанное на Западе или западными фирмами. Все это имеет одно назначение: добавить стоимость. Иными словами, «обосновать» более высокую цену товара. На это бессмысленно тратятся огромные ресурсы — природные, материальные, трудовые.

Второе — огромные затраты на рекламу и продвижение товара на рынок, включая заказы на маркетинговые исследования, социологические опросы. Эта составляющая в цене товара доходит до половины и больше, а 25—30% на Западе считается нормой. Западная пропаганда втягивает в сознание людей, что за бренд нужно платить — и много. Что же касается «услуг» финансовых пирамид, или «мыльных пузырей», как их называют на Западе, то практически все они сводятся к рекламе.

Третье обычно в головах людей не связывается с этой самой добавленной стоимостью, но дает очень серьезную добавку к цене. Всякая «уважающая себя» корпорация или фирма строит для своих штаб-квартир и филиалов шикарные офисные здания, порой целые небоскребы, набивает их никому не нужными конторскими или, как теперь принято выражаться, офисными служащими, включая все это в цену товара или услуги.

Кроме того, все корпорации образовали своеобразную корпорацию «воров в законе». Они выплачивают своему высшему менеджменту и совету директоров огромные оклады и премии, различные бонусы и опционы. Причем это никак не связано с результатами их «работы». Это слово я ставлю в кавычки, так как их функции и по содержанию, и по сути крайне примитивны. Те же члены совета директоров любой корпорации собираются в лучшем случае раз в квартал, а то и реже, что-то заслушивают, иногда что-то одобряют или не одобряют, получая за эту «работу» миллионы долларов.

Разумеется, среди высшего руководства корпораций встречаются и умные люди. Но очень редко. Вся работа, требующая приложения интеллекта, выполняется на гораздо более низких ступенях бюрократической иерархии и за во много раз меньшие деньги.

Существенную часть цены товара составляют налоги, которые платят его производители. Налоговые системы везде разные. Где-то основную часть налогов государство изымает у домохозяйств. В этом случае предприятия платят работникам более высокую зарплату. Где-то, как в России, основную часть налогов платят предприятия, поэтому зарплата работников гораздо ниже. В любом случае очень суще-

ственную, часто основную «добавку» к стоимости товаров и услуг накручивает государство.

Наконец, не так уж мало во многих странах добавляет к стоимости товара или услуги разного рода «социальная активность» корпораций и фирм. С одной стороны, они «жертвуют» немалые деньги в благотворительные фонды разного рода, университетам, церкви и т. д.; с другой — широкое распространение получила забота о собственных работниках: различные «социальные пакеты», «корпоративные мероприятия» развлекательного характера, порой очень недешевые, и т. д.

Эта самая добавленная стоимость включает в себя основную часть псевдорыночной цены товара (о рынке в классическом понимании речи нет, так как запросы потребителей формируются самими производителями). При этом корпорации обычно показывают довольно скромную прибыль. И чем сильнее распылены акции, тем меньше достается акционерам. Другой разговор, если у корпорации один или несколько хозяев, заинтересованных в получении не столько «добавленной стоимости», сколько самой прибыли. Например, у «Майкрософта» прибыль в десятки раз превышает реальную стоимость товара. Но в любом случае, ни о каком рациональном подходе к производству товаров и услуг, отражаемом в их цене, речи не идет [1].

Капитализация. Таким же точно искажением смысла чего бы то ни было является и рыночная оценка предприятий. Например, когда обрушили биржевую стоимость юкосовских предприятий, они продолжали добывать нефть, перерабатывать ее, продавать на бензоколонках, ничего не изменилось, а капитализация их за несколько месяцев сократилась в 30 (!) раз. Так же точно «Газпром» вдруг вырвался на третье место в мире, а затем опять скатился обратно, хотя в нем, как и в других корпорациях, ровным счетом ничего не изменилось. Иными словами, оценка субъектов экономики по биржевому курсу их акций это очень грубое искажение самого смысла полезности чего бы то ни было.

Посмотрите, как формируется капитализация многих западных корпораций, когда в комнате сидят 3—4 программиста и надувают стоимость компании на десятки миллиардов долларов. А ведь неадекватные оценки порождают неадекватные решения. Из-за низкой рентабельности или капитализации закрывается что-то очень нужное, очень полезное, а деньги перегоняются в то, что называется мыльным пузырем. То есть лишается ресурсов реальное производство и накачиваются виртуальные «мыльные пузыри». И этот виртуальный сектор фактически давит, губит, уничтожает то, что очень нужно людям.

Не намного лучше и затратная, советская оценка, когда стоимость хозяйственного объекта зависит от того, сколько в него вбухано денег — независимо от того, используется он по назначению, просто простаивает или превращается в руины. Она, в отличие от рыночной, вообще никак не определяет нужность и ценность объекта с точки зрения функционирования хозяйства, для страны и для людей. Потребность в объекте определяется чиновником, а какие тараканы у него при этом в голове бегают, понять порой бывает очень трудно. Вся советская, да и не только советская история представляет собой череду нерациональных, а порой и преступных с точки зрения общих интересов граждан хозяйственных решений.

Макроэкономический аспект

Рост реального сектора экономики. В развитых государствах он уже давно уперся в полное удовлетворение разумных потребностей их населения (по крайней мере, платежеспособного). Чтобы и дальше продолжать рост, создана огромная «индустрия» изощренной рекламы и продвижения никому не нужных товаров на рынок. Воздействуя на подсознательный уровень, она стимулирует людей покупать все больше и больше, выбрасывать «немодные» вещи, которые еще долго могли бы служить своим хозяевам, заменяя их «модными». Культивируется мода не только на одежду, но и на мебель, бытовую технику, автомобили и вообще на все, что можно продать [2].

К тем, кто не покупается на воздействие рекламы, принимаются более решительные меры. Доводятся до крайне низкого уровня сроки службы бытовой и электронной техники. Через год-два в ней обязательно что-то выходит из строя.

И это что-то по требованию производителей сервисные центры отказываются исправлять. Потребителю заявляют, что оно неремонтопригодно и нужно заменить это что-то полностью. При этом цена на заменяемый узел и саму замену устанавливается такая высокая, что, как советуют работники сервисного центра, дешевле купить новую вещь, так как очень скоро выйдет из строя другой узел, потом третий и т. д.

Доходит и до такого. Компания «Apple», выпускающая дорогие смартфоны, делает неизвлекаемой (незаменяемой) аккумуляторную батарею — самый недолговечный компонент устройства. В результате уже через год-два эксплуатации приходится выбрасывать на помойку столь дорогую игрушку.

Порой принимаются и совершенно абсурдные меры. Например, в Японии по приказу свыше понизили температуру в офисных помещениях, чтобы подстегнуть спрос на теплую одежду и оживить тем самым соответствующий сектор рынка.

Неадекватность такого роста очевидна. Это и бессмысленное расточительство природных ресурсов, и избыточное загрязнение среды обитания отходами производства и потребления, и бессмысленная растрата трудовых ресурсов, и многое другое.

Рост ВВП. Однако рост реального сектора экономики, который прежде измерялся национальным доходом, в связи с вышеуказанными проблемами перестал устраивать власти развитых стран. Сегодня успешность национальной экономики они определяют с помощью роста валового внутреннего продукта (ВВП).

«Продукт» этот весьма своеобразный. Он включает в себя доходы всех членов общества — независимо от того, производят они что-либо или нет. Например, по американской статистике, юристы там «создают» гораздо больший ВВП, чем все работники сельского хозяйства (весьма масштабного, между прочим). В развитых государствах уже давно не стесняются включать в состав ВВП доходы от наркоторговли, услуг проституток и других неотъемлемых атрибутов капиталистического «хозяйства», о которых прежде можно было прочитать лишь в полицейской хронике. Причем делается это независимо от того, является ли сия деятельность все еще уголовно наказуемой или уже легализована.

Так, с 2014 г. в Великобритании и Италии при оценке ВВП официально учитываются проституция и наркоторговля, что обеспечивает «рост» ВВП дополнительно на 4—5%. Незаконные отрасли экономики учитывают при оценке ВВП в Эстонии, Австрии, Словении, Финляндии, Швеции и Норвегии. Использование статистики теневых отраслей в расчете ВВП требует Европейский союз.

Такой статистический учет серьезно улучшает показатели, свидетельствующие об экономических «успехах» западной демократии. А заодно — и той «демократии», которую заокеанские стратеги установили на обломках СССР. Теперь у нас ВВП тоже «создают» все: в первую очередь — олигархи, чиновники, спекулянты, и лишь в последнюю — работники реального сектора экономики.

Не так давно глава Росстата А. Суринов признался, что из-за рубежа на него без конца насаждают с требованиями привести наши статистические расчеты в более полное соответствие с западными стандартами, и часть этих требований — хочешь, не хочешь, — а придется удовлетворить. В базу расчета будут включены новые показатели: военные активы, расходы на НИОКР, условная жилая рента. Это, предупредил Суринов, приведет к повышению российского ВВП на десятки процентов.

Если прежде экономисты жестко различали средства производства и средства, так сказать, разрушения, то по новым «прогрессив-

ным» взглядам этого делать не следует. Пушки, танки, истребители, бомбардировщики, боевые корабли и подводные лодки эти «прогрессивные» мыслители решили отнести к основным средствам производства. А чтобы это «производство» работало, необходимы оборотные средства, к которым они отнесли снаряды, бомбы, ракеты и т. д. Так, росчерком пера военная мощь стала еще и мощью экономической.

По той же схеме расправились они и с наукой. Давайте, мол, затраты на нее (независимо от результатов) считать доходом. Ведь включаем же мы доходы церковников в ВВП. Почему же оплату «научных» поисков теологов, например, не включать туда же?

Условная жилая рента — это еще более абстрактный продукт, чем теологические изыскания. Она представляет собой сумму, которую мог бы получить собственник квартиры, если бы не жил в ней сам, а сдавал в аренду. И этот эфемерный во всех отношениях доход у нас тоже будет включаться в состав валового внутреннего продукта [3].

Ради роста ВВП людям навязываются не только ненужные товары, но и ненужные услуги, в том числе и наносящие вред потребителям. Так, по заявлению биохимика Шейна Эллисона, в фармацевтических компаниях при найме не смущаются говорить: «Учтите, мы разрабатываем лекарства для снятия симптомов. Мы не лечим». Такова их бизнес-модель, позволяющая пожизненно давать человеку препарат. И не менее 125 тыс. человек ежегодно умирают от этих препаратов [4].

Фармагиганты имеют лучшие отделы маркетинга в мире. Если закончились симптомы, сузилась клиентура для продаж, то следующий уровень рекламы препаратов — изобретение болезней. С этой целью фармацевтические компании подкупают врачей. Сегодня в западных странах медики не столько лечат, сколько «доют» пациентов, а также государство через систему медицинского страхования.

Неадекватность роста ВВП как цели экономического развития еще более очевидна, чем бессмысленность роста реального сектора экономики развитых стран. Но и на этом изобретательность западной экономической науки и практики не закончилась.

Взлет финансового сектора. Прежде финансовый сектор выполнял функции инфраструктуры, обслуживающей производство и потребление (накопление средств, кредитование, страхование, перераспределение доходов через госбюджеты). Однако в последние десятилетия он превратился в самостоятельный паразитический сектор, высасывающий колоссальные ресурсы из экономики.

Мало кто не знает сегодня о таком «изобретении», как финансовые пирамиды. Но они быстро потускнели в результате изобретения

производных финансовых инструментов (деривативов). Последние позволили вывести размах финансовых спекуляций на небывалый уровень. Теперь цены на товары стали определяться не производителями, а игрой биржевых спекулянтов через фьючерсы, курсы акций — их игрой через CFD, а курсы валют — игрой через свопы. Деривативы имеют много разновидностей. А обеспечивают успешность этих спекуляций инструменты хеджирования рисков.

На основе деривативов усиленно формируется виртуальный капитал. Цель его, как и у всякого капитала — приносить доходы его владельцам наравне с владельцами реального капитала. В результате появился новый тип кризисов — финансовый. Так, накануне финансового кризиса 2008 г., по различным оценкам, размер глобального рынка деривативов, изобретенных «гениями» с Уолл-стрит, варьировалась от 850 трлн до 1,5 кдрл дол. Это в 15—25 раз превышает размер мирового валового продукта.

Однако владельцы этой виртуальной «макулатуры» во что бы то ни стало хотят получить с нее обещанный и отнюдь не виртуальный доход, выгрызая инвестиционные ресурсы из реального сектора экономики, который из-за этого все больше хиреет. Хедж-фонды в погоне за прибылью разрушают экономику целых государств.

Поэтому за экономическими «успехами», которые фиксируют нынешние экономисты, может скрываться все, что угодно. От огромной массы недорогих потребительских товаров, которыми Китай закидал весь мир, до огромных «мыльных пузырей», которыми США и другие западные страны надувают свою «экономическую мощь».

Глобальный аспект

Научный и технологический прогресс создали возможность безбедной жизни для всех на Земле. Как подсчитали в банке «Credit Suisse», накопленное богатство населения планеты в 2013 г. составляло 241 трлн дол. (более 50 тыс. на каждого взрослого жителя). Оно выросло на 68% по сравнению с 2003 г. [5].

Однако распределено оно крайне неравномерно, и разрыв между богатыми и бедными растет. Если в 2010 г. 388 самых богатых миллиардеров владели таким же состоянием, как половина населения Земли, то в 2013 г. состояние только 80 человек равнялось состоянию 50% населения планеты.

При этом, по данным Всемирного банка, в том же 2013 г. 18% от общего числа жителей Земли, или более миллиарда человек, жили менее чем на 1,25 дол. в день. Сумма, которая требуется для вывода этого миллиарда человек из состояния крайней бедности, просто смехотворна. Даже если каждому из них обеспечить дополнительный доход в те самые 1,25 дол. в день, потребуется 0,6% мирового валово-

го продукта, который, согласно данным Всемирного банка, в 2013 г. составил почти 72 трлн дол. Для этого богатым даже не надо отрывать от себя и этого мизера: достаточно на треть снизить годовой прирост своего потребления.

В то время как в беднейших странах голодают 850 млн человек и миллионы из них гибнут от голода, жители богатых стран выбрасывают до половины покупаемых продуктов на помойки. Например, в Великобритании ежегодно выбрасывается около 20 млн т еды на 40 млрд дол. Еды, которую выбрасывают на помойку граждане «развитых» стран, хватило бы, чтобы накормить всех голодных в мире.

Никаких экономических причин для такого массового распространения бедности и голода на Земле не существует. Решение этой проблемы упирается исключительно в политические факторы — прежде всего в противодействие со стороны стран «золотого миллиарда», руководство которых стремится не допустить общественного прогресса как в беднейших, так и в развивающихся странах. Ведь, развиваясь, эти страны оттягивают на себя все больше природных ресурсов, обостряя тем самым их дефицит, снижая возможности для паразитического сверхпотребления верхних слоев стран «золотого миллиарда».

Поэтому против развивающихся стран принимаются всевозможные меры, вплоть до самых разрушительных, чтобы затормозить, а по возможности и обратить вспять их экономическое развитие. Организуются военные интервенции, гражданские войны и беспорядки везде, где сильные мира сего видят угрозу своим интересам. Самый характерный пример — организованная Западом серия антиправительственных выступлений в странах Северной Африки и Ближнего Востока (так называемая арабская весна) с целью привода к власти в них исламистских сил, стремящихся грубой силой и массовым террором вернуть общество в феодальную эпоху.

Остальным жителям планеты навязываются неоколониальные режимы, которые не только поддерживают статус-кво, но и «преобразуют» даже ту небольшую экономическую помощь, которая предоставляется этим государствам, в личные состояния правящей верхушки. Соблазняя владельцев капиталов выгодами от участия в различных финансовых пирамидах, развитые страны стараются лишить развивающиеся государства не только внешних инвестиций, но и внутренних. Кроме того, с помощью высокой оплаты они изо всех сил переманивают к себе специалистов из развивающихся стран, снижая тем самым качество их человеческого капитала, без формирования которого развитие этих стран невозможно.

Гигантская машина «промывания мозгов» вдалбливает нам всем, что якобы этот путь развития единственный, что никаких альтернатив не существует. Он теоретически обосновывается сонмом «ученых»: экономистов, социологов, политологов. Однако о «неправильности» целей и путей экономического развития, которые сегодня навязываются обществу, буквально кричит вся нынешняя действительность. Ради обеспечения максимальной прибыли транснациональных корпораций губится природа, в чудовищных масштабах загрязняется окружающая среда. Это тупиковый путь, ведущий к катастрофе планетарного масштаба в очень даже предсказуемом будущем. Очаги этой катастрофы уже разбросаны по всему миру, и они разрастаются с каждым годом.

Единственная альтернатива этой людоедской перспективе — изменение целей экономического развития на всех уровнях. Ведь то, что для капиталистического общества выступает в качестве главной «проблемы» («слишком высокая» производительность труда), является основой для решения всех реальных проблем, стоящих перед человечеством.

Литература

1. <http://www.liveinternet.ru/users/istinadoroje/post348768872>.
2. Паккард В. Тайные манипуляторы. М., 2004.
3. Дектерёв В. У нас огромные резервы, но не все о них знают // Правда. 2015. № 55. 28 мая.
4. http://communitarian.ru/novosti/medicina/otkrovenie_uchenogo_lekarstva_proizvodyatsya_dlya_togo_chtoby_sokratit_naselenie_zemli_11072015/.
5. <https://www.credit-suisse.com/us/en/news-and-expertise/economy/articles/news-and-expertise/2013/10/en/global-wealth-reaches-new-all-time-high.html>.

В.В. КАШИЦЫН

Методологические аспекты современной экономической мысли и вызовы грядущего экономического развития

Аннотация. Статья посвящена исследованию двух комплексов взаимосвязанных проблем: корректности взаимосвязи современной экономической реальности и ее теоретического отражения и осмысления соответствия и того, и другого грядущим экономическим вызовам.

Ключевые слова: теория, методология, технологический уклад, инфляция, приватизация, внутренний рынок, государство, реиндустриализация, экономические вызовы.

Abstract. This article is devoted to research of two complexes of the interconnected problems. It is, first, a problem of a correctness of interrelation of modern economic reality and its theoretical reflection and judgment. And, secondly, it is a problem of adequacy and that and another to the future economic calls.

Keywords: theory, methodology, technological way, inflation, privatization, domestic market, state, reindustrialization, economic calls.

Логика развития экономической мысли кристаллизовалась в формате отражения и осмысления закономерностей формирования и эволюции индустриального ядра экономики и тех экономических форм, которые сопровождают данный процесс. Отсюда и соответствующие концептуальные основания и парадигмальные приоритеты.

Доиндустриальные технологии и соответствующие уклады, разумеется, сохранились, изменив свое место в общественном производстве. Постиндустриальные же технологии, линейно и поступательно наращивая свои возможности в течение XX—XXI вв., в то же время играют в производстве второстепенную роль, так как в большой степени продолжают обслуживать индустриальный контур производства. Вместе с тем научно-технический прогресс и учащение научно-технических революций стремительно меняют характер всех технологий и прежде всего технологий индустриального контура. Соответственно весь этот процесс своим следствием имеет рост производительности труда и его квалификации и неизбежное линейное высвобождение из процесса производства излишней рабочей силы. Постольку же экономическая природа услуг имеет крайне неустойчивый аморфный и рыхлый характер, функцию абсорбции и утилизации излишней рабочей силы исторически и логически берет на себя малый и средний бизнес. И если этот бизнес носит хоть в какой-то степени производственный характер (например, субподряд в Японии — в более широком смысле аутсорсинг), то какое-то время он выполняет роль относительного демпфера. Но и его экономическая генетика такова, что, как и услуги, он имеет в силу своей экономической перспективной неустойчивости ограниченные возможности в части занятости населения.

Одним словом, при прочих равных условиях, и относительное, и абсолютное высвобождение рабочей силы (особенно в случае роста населения) не является специфическим законом капитализма, это об-

щеэкономический закон, если не иметь в виду идеальный инвариант централизованно-планируемой экономики в случае гибкого и жесткого управления потребностями населения, что в координатах мирохозяйственного многообразия, как показал опыт СССР, более чем проблематично.

Таким образом, прогрессивный рост массы излишнего населения и его неизбежная люмпенизация, помноженная на неуклонное вытеснение из всей системы управления профессионалов, стали сущей кассандрой человечества, особенно в «развитых» странах, что делает мир не только неустойчивым, но и самоуничтожающимся. В той же степени, в которой человек является исторически продуктом производства, он же, человек, и его «отход», как бы печально это не звучало.

Актуализация категории типа «человеческий капитал» определенно сочетается с объективным и субъективным, очевидным, массовым упрощением сознания населения, особенно в развитых странах.

В данном контексте версии бытийности на планете Земля нескольких более развитых, чем наша, цивилизаций с учетом массы новых научных открытий в этой части все меньше выглядят как гипотетические. А самоуничтожение человечества воспринимается как закономерный итог его эволюции.

Конечно же, формирование нового творческого человека с ярко выраженным общественным, гуманистическим потенциалом продолжает быть маяком развития. Но пока, даже с учетом «социалистического опыта» в целом, несмотря на просветы, ничего не получается. Дикость и стремление к самоуничтожению существенно сильнее.

Поэтому, какое бы удачное сочетание экономических форм не было найдено, исторический горизонт и объективная самоорганизующаяся парадигмальная локомотивная роль оказываются преходящими и завершаются кризисом — катастрофой. И чем более развиты производительные силы, тем мощнее и активнее в своем деструкте большинство населения и изощреннее и экспансивнее управляющее меньшинство. Такое вот антидиалектическое противоречие исторического развития просматривается все рельефнее. Таким образом, получается так, что императивом самосохранения, мы уже не говорим о развитии в целом, может выступить только Просвещенный абсолютизм, базирующийся на ручном управлении-регулировании с использованием элементов объективной самоорганизации.

Конечно же, утилизация и использование накопленного опыта в историко-экономическом генезисе экономических форм неизбежны. Но, когда задумываешься над тем, как воспринимает этот опыт население и, особенно, экономисты, становится жутковато. Чего хотя бы

стоят последние 30 лет! Чем грандиознее потери, тем менее востребован опыт и тем вульгарнее осмысление происходящего.

Разумеется, профессионалы во всех сферах продолжают стоять насмерть, так как в подавляющем большинстве психологически невосприимчивы по отношению к политико-экономической погоде. Творчество и любопытство здесь неизбежны, но их, профессионалов, все меньше, они все старше, а среда агрессивнее. Возможно, и величины субъективного рычага Просвещенного абсолютизма будет не достаточно. Поэтому, конечно же, импульсы объективной самоорганизации должны генерироваться и имплантироваться в политико-экономическую ткань общества, прежде всего в производство и, главное, в систему управления-самоуправления. И здесь экономическая наука должна быть в приоритете, так как содержит достаточно существенный багаж аналогов творческого использования ее наследия.

С учетом очевидной актуализации процесса системной реиндустриализации с попутной функциональной модернизацией производства, направленной на перспективное прогрессивное развитие по нарастающей четвертого, пятого и, главное, шестого технологических укладов с одновременным вовлечением в процесс производства дилеммы освоения Сибири, Россия имеет неплохие шансы для мультипликативного экономического рывка. Да и с экономическими формами, прежде всего в национально-страновом историко-экономическом багаже, все более чем нормально.

Самый востребованный в экономическом сообществе прогрессирующих экономик опыт нашего нэпа, мобилизационной экономики, прогнозирования-планирования-регулирования и соответствующего комбинирования макроэкономических форм в части смешанной экономической системы лежит под «страновыми ногами».

Культурная революция, реанимация образования, генерация новой системы управления и, как следствие — новая модель государства с учетом реидеологизации мечтающего об этом общества автоматически кристаллизует новое качество среды развития. А активация внутреннего рынка страны через разумную человеческую его институционализацию делает развитие автоматическим и неизбежным трендом. Делов-то — не о чем говорить!

С армией, видимо, уже началось получаться. Неужели не справимся с государством, женщинами, детьми и остальными мужчинами?! Не боги горшки обжигают. Если предки с нами, проблем нет. В подобном сценарии адекватно заиграют и внешнеполитические успехи, распространяясь на успехи внешнеэкономические.

Внутрирыночный успех — результат, лучший козырь и лучший драйвер роста и развития. Нельзя выпрашивать инвестиции по всему

миру. Заиграет внутренний рынок, инвестиции со всего мира польются рекой, это автоматический процесс. Реиндустриализация производит постиндустриализацию. Гипертрофия в увеличении емкости внутреннего рынка молниеносно втягивает в воронку инвестиций все свободные — и не только — деньги мира. Капитал любит рост, с которым в подавляющем большинстве развитых стран сегодня сплошные проблемы.

Основная проблема современной экономической мысли, с нашей точки зрения, заключается в вульгарной, статичной, дискретной и рудиментарной трактовке ею, безотносительно хитросплетений экономического процесса, его динамики. В результате экономическая мысль часто утрачивает самые главные свои компоненты: системность, гибкость, подвижность, причинно-следственную логическую канву в сочетании с нестандартными подходами. Постольку основными используемыми методологами являются категории неокейнсианского, неинституционального, неомарксистского и монетаристского анализа, не имеющие в виду в полной мере целостность и эволюционность движения объекта исследования. Выводы, аргументы, рекомендации и меры регулирования, базирующиеся на вышеобозначенных методологиях анализа, исходят либо из устаревшей проекции экономического процесса, либо из его однобокой трактовки. Соответственно и результаты использования рекомендаций, реализуемых на базе вышеобозначенных школ либо весьма скромные, либо противоречивые, а часто и просто отрицательные. Ну, например, несмотря на то, что природа современной российской инфляции, очевидно, квалифицируется со стороны предложения, а сама инфляция идентифицируется как инфляция издержек, наши экономические институты, которые отвечают за регулирование денежного обращения, трактуют российскую инфляцию как инфляцию спроса. В результате антиинфляционное регулирование носит монетарный характер и реализуется посредством сжатия денежной массы. Сначала в течение 2011—2014 гг. Минфин стянул все «свободные деньги» на счета Казначейства, затем и ЦБ с декабря 2014 г. «задрал» ключевую ставку, уничтожив наряду с санкциями, доступ отечественных компаний к кредиту. Иначе говоря, аргумент с функцией поменялись местами, и то, что было аргументом (инфляция), стало функцией (ключевая ставка), а не наоборот. В реальности же ключевая ставка — аргумент, а инфляция — функция. В результате товарооборот ощущает острую нехватку стимулов и соответствующих денежных средств.

Или пример с приватизацией. Совершенно очевидно уже для всего населения ее отрицательное влияние на экономический рост и развитие, ее гротескные итоги и последствия, однако процесс этот

продолжается и сегодня — еще и по отношению к системным корпорациям, и на падающем ценовом тренде акций.

Нельзя не сказать и об устоявшейся ложной идеологеме, претендующей на методологему, — об эффективности и безальтернативности сворачивания экономических функций государства в современной рыночной экономике. Столетняя реальность экономической эволюции и соответствующего большинства экономических теорий свидетельствует о противоположном.

Имея в виду сложившуюся степень плотности корреляции современных теоретических версий описания и трактовки экономической реальности с устоявшейся версией механизмов государственного регулирования, можно констатировать, что вызовы грядущего развития, стремительно кристаллизующиеся перед человечеством в целом и Россией в частности, более чем серьезные:

- гармонизация в экономическом контуре развития всех шести технологических укладов с реиндустриальным ядром в центре и ближайшей перспективой усиления шестого технологического уклада;
- безусловная и безальтернативная трансформация агонизирующей современной мировой валютно-финансовой системы;
- гротескная проблема оптимизации системы занятости населения, стремительно обостряемая лавинообразно происходящим миграционным Великим переселением народов;
- внутренний мир современного распредмеченного «деидеологизированного» человека, резко конфронтирующего с дилеммой развития;
- возврат в координатах многополярной глобализации к контексту эффективных, сильных, суверенных, национальных государств в формате формирования крупных экономически динамичных макро-регионов;
- поиск новых эффективных форм объединения усилий государств (прежде всего развитых) планеты в противостоянии с умножающимися природными катаклизмами.

Основным же противоречием, интегрирующим данные вызовы, очевидно является противоречие между уровнем и качеством связки «человек — общество» и логикой и уровнем эволюции производительных сил общества.

Наши авторы

Осипов Юрий Михайлович,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России.

Стромов Владимир Юрьевич,

к.ю.н., доцент, ректор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.

Зотова Елена Серафимовна,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства»; ученый секретарь Философско-экономического ученого собрания.

Андриенко Елена Владимировна,

д.э.н., профессор, кафедра философии, Донецкий национальный университет (Украина).

Антропов Анатолий Александрович,

действительный член АФХ, научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ.

Бойко-Бойчук Олег Вадимович,

к.т.н., президент, Агентство концептуального анализа, проектирования и управления «Концепт» (г. Киев, Украина).

Бугаян Илья Рубенович,

академик-секретарь АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и предпринимательства, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Южно-Российский институт-филиал (г. Ростов-на-Дону).

Гарбузов Дмитрий Викторович,

д.ф.н., доцент, заведующий кафедрой истории, зарубежного регионоведения и межкультурной коммуникации, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета.

Головко Мария Владимировна,

к.э.н., доцент, кафедра экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Волгодонский инженерно-технический институт (филиал), Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Голубев Константин Иванович,

д.э.н., профессор, факультет маркетинга и логистики, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Белоруссия); главный редактор, журнал «Ойкономос» (Литовская Республика).

Горюнов Игорь Александрович,

действительный член АФХ, преподаватель, кафедра стратегического планирования, управления и прогнозирования, Московский финансово-юридический университет.

Грибова Елена Викторовна,

аспирант, кафедра политической экономии, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Дектерёв Владимир Иванович,

экономический обозреватель, газета «Правда».

Дятлов Сергей Алексеевич,

действительный член АФХ, действительный член РАЕН, д.э.н., профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Елецкий Николай Дмитриевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону).

Жуликов Петр Петрович,

действительный член АФХ, к.т.н., доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

Жуликова Ольга Вячеславовна,

к.т.н., заместитель директора, средняя школа № 10 (г. Чехов, Московская обл.).

Иванов Алексей Анатольевич,

старший преподаватель, кафедра медицинской и биологической физики, Ярославская государственная медицинская академия.

Капинос Роман Валерьевич,

к.э.н., доцент, заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин, Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды; докторант ИЭ РАН; преподаватель, Харьковская духовная семинария (Украина).

Кашицын Виктор Валентинович,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск).

Кладова Анна Анатольевна,

юрисконсульт, Институт развития образования (г. Ярославль), соискатель уч. ст. к.э.н., Финансовый университет при Правительстве РФ.

Ковалев Сергей Георгиевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Королев Владимир Константинович,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра теории и истории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, факультет философии и культурологии, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Косов Евгений Васильевич,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор, Международный университет в Москве; член Союза писателей России.

Кудрявцев Андрей,

протоиерей, директор ОО «Украина Православная» (г. Киев, Украина).

Кузнецова Татьяна Викторовна,

д.ф.н., профессор, кафедра эстетики, философский факультет МГУ.

Кульков Виктор Михайлович,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ.

Мерзляков Сергей Сергеевич,

н.с., экономический факультет МГУ.

Нечухрин Александр Николаевич,

д.и.н., профессор, декан, факультет истории, коммуникации и туризма, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Белоруссия).

Нипа Светлана Станиславовна,

член-корреспондент АФХ, к.с.-х.н., научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ.

Нисанов Яхья Исайевич,

действительный член АФХ, к.э.н., научный сотрудник, экономический факультет МГУ.

Носова Светлана Сергеевна,

д.э.н., профессор, кафедра экономики, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ.

- Олейников Александр Алексеевич,**
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и основ православного хозяйства, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.
- Павлов Михаил Юрьевич,**
к.э.н., доцент, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ.
- Петров Владимир Константинович,**
действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН.
- Половинкина Наталья Викторовна,**
к.э.н., доцент, кафедра экономической теории и методологии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского.
- Пороховский Анатолий Александрович,**
д.э.н., профессор, заведующий кафедрой политической экономии, экономический факультет МГУ.
- Резанова Тамара Васильевна,**
д.э.н., профессор, кафедра основ экономической теории и социологии, Новомосковский институт (филиал) Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева.
- Рудяк Ирина Изяславовна,**
действительный член АФХ, соискатель уч. ст. к.ф.н., философский факультет МГУ.
- Рязанова Олеся Евгеньевна,**
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.
- Савка Аврора Валерьевна,**
д.ф.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
- Слепаков Сергей Семенович,**
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономики и управления на предприятии, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал), Северо-Кавказский федеральный университет (г. Пятигорск).
- Соколов Роман Евгеньевич,**
к.э.н., доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Московский финансово-промышленный университет «Синергия».
- Стасенко Станислав Александрович,**
к.ф.н., доцент, докторант, кафедра философии, Донецкий национальный университет (Украина).

- Субетто Александр Иванович,**
действительный член АФХ, д.э.н., д.ф.н., к.т.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по качеству образования, Смольный институт РАО (г. Санкт-Петербург); старший научный сотрудник, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова.
- Сухина Татьяна Сергеевна,**
ответственный секретарь АФХ, научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ.
- Турищев Сергей Николаевич,**
действительный член АФХ, д.м.н., профессор, консультант, медицинские центры г. Москвы.
- Фомичев Игорь Юрьевич,**
действительный член АФХ, д.соц.н., профессор, Тюменский государственный нефтегазовый университет.
- Хабибуллина Елена Хамзаевна,**
к.э.н., Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма.
- Цаголов Георгий Николаевич,**
действительный член РАЕН, д.э.н., профессор, Международный университет (в Москве).
- Чулков Леонид Константинович,**
аспирант, Приволжский государственный технологический университет (г. Йошкар-Ола).
- Шелкопляс Евгений Валентинович,**
действительный член АФХ, к.мед.н., директор, Ивановский институт развития, изучения здоровья и адаптации человека.
- Шулевский Николай Борисович,**
действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, философский факультет МГУ.
- Шуркалин Александр Константинович,**
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина.
- Юдина Тамара Николаевна,**
действительный член АФХ, д.э.н., доцент, учебно-методический центр кафедры экономики инноваций, экономический факультет МГУ.
- Яковец Татьяна Юрьевна,**
действительный член АФХ, действительный член РАЕН, к.э.н., в.н.с., Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева.

Содержание

Предисловие.....	3
Раздел I	
Современный хозяйственный концептуализм	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теоретизирования к адекватному воззрению на реальность	5
<i>В.К. Королёв</i>	
«Философия хозяйства» как социогуманитарная основа модернизации экономической мысли.....	22
<i>С.С. Слепаков</i>	
Смысловые доминанты российских реформ.....	27
<i>И.А. Горюнов</i>	
Философия хозяйства как альтернатива ренессансно-просвещенческому мировоззрению и постмодернистской игре в бисер	34
<i>П.П. Жуликов, О.В. Жуликова</i>	
Тезисы о современном человеческом экономическом хозяйстве	50
<i>А.И. Субетто</i>	
Ноосферная парадигма универсального эволюционизма как программа революции в обществоведении, философии хозяйства и экономической науке XXI в.	53
<i>О.Е. Рязанова, Е.В. Грибова</i>	
Проблемы сбалансированности социо-эколого-экономической системы в достижении ее устойчивого развития	67
<i>В.К. Петров</i>	
Обществоведение как философско-мировоззренческая проблема	74
<i>А.А. Олейников</i>	
Новая хозяйственная модель для русской Евразии: ответ на цивилизационные угрозы и вызовы	81
<i>Е.В. Шелкопляс</i>	
Перун или Зевс? Булгаков или Хайдеггер? (философско-хозяйственный и психологический этюд)	87
<i>И.Ю. Фомичев</i>	
Методологические основания концептуализации современной хозяйственной этики	99
<i>А. Кудрявцев, О.В. Бойко-Бойчук</i>	
Знание: антиномия целого	105

Т.Ю. Яковец Хозяйство народонаселения как актуальная научная теория	119
Л.К. Чулков Религиозно-метафизические предпосылки хозяйственной жизни народов в работах М.Р. Элоян	122
С.А. Стасенко Рациональность как проблема философии хозяйства	127

Раздел II
Актуальный воззренческий контур

А.А. Пороховский Экономическая теория как совокупность базовых теорий экономики	135
В.М. Кульков Параметры и акценты научного отражения национальной экономики	155
А.К. Шуркалин Кризис теоретических концепций экономического роста в России	161
Г.Н. Цаголов Китай подтверждает концепцию интегрального общества и седьмой формации	167
Н.Д. Елецкий Предмет мировой политической экономии в пространственно-временных координатах	181
С.А. Дятлов Управляемый хаос: глобальный гиперконкурентный концепт	194
И.Р. Бугаян Геостратегическая миссия России — сохранение сообразности между диалектическими противоположностями мирового хозяйства	207
Н.Б. Шулевский Власть и экономика	216
К.И. Голубев Естественный закон и его значение для философской антропологии и общественных наук	238
С.Г. Ковалев Взгляд евразийцев на экономику	242
А.Н. Нечухрин Социальные функции истории в отечественной историографии конца XIX — начала XX в.	249

М.Ю. Павлов	
Новая экономическая мысль для новой экономической реальности: на пути к постэкономиксу.....	259
В.Ю. Стромов	
Эффективность отечественной системы наказаний в контексте оптимальной реализации уголовной ответственности.....	264
Н.В. Половинкина	
Российская экономическая мысль о природе экономического порядка	281
Т.В. Резанова	
Начала логического позитивизма как философии и методологии экономической теории	286
А.В. Савка	
К проблеме исторической магистрали России в творчестве В.В. Розанова	295
Е.С. Зотова	
Хозяйство и экономика в культурном контексте.....	306
Е.В. Андриенко	
Ценностная и мировоззренческая роль денег в современном обществе.....	312
Е.В. Косов	
Национал-либерализм — идеология трезвых националистов и вменяемых либералов	317
Р.Е. Соколов	
Католическое социальное учение на переломе XX и XXI вв.	324
С.Н. Турищев	
Антропологический подход в оценке локальных событий.....	335
С.С. Нина	
Экологизм: за и против неоиндустриализма.....	340
Т.В. Кузнецова	
Национальная самобытность понимания народности в диалоге мировоззрений	348
И.И. Рудяк	
От теории винограда Караваджо до Булгакова: современная философско-хозяйственная мысль на стыке двух выставок изобразительного искусства	355
Д.В. Гарбузов	
Двойничество России	369
Р.В. Капинос	
Гибель Украины.....	374

Раздел III
Экономика в действии и в противодействии

С.С. Носова Турбулентность в экономическом развитии России: есть ли выход?.....	382
А.А. Кладова Особенности диалектического взаимодействия основных тенденций эволюции банковской конкуренции в России	386
Т.Н. Юдина Осмысление цифровой экономики.....	389
Т.С. Сухина Экологическая экономика: от идеи к практике.....	395
С.С. Мерзляков Армия и IT-сообщества: статус элитарности как ресурс развития	402
М.В. Головкин Развитие культуры экономической безопасности как инструмент борьбы с рентоориентированной теневой экономикой	407
А.А. Антропов Мировые 500-летние политические циклы и российские козырные тузы в «играх» с США, ЕС, КНР и Индией	412
Я.И. Нисанов Основные первоисточники формирования отечественной теории экономического поведения человека и прикладной теории управления народонаселением	429
А.А. Иванов Иррациональное поведение: истоки, формы, критерии	447
Е.Х. Хабибуллина Концепция нулевых ставок кредитования реального сектора: формализованное обоснование и конкретизация форм и механизма действия как инструмента гашения инфляции.....	458
В.И. Дектерёв Неадекватность целей и критериев экономического развития	466
В.В. Кашицын Методологические аспекты современной экономической мысли и вызовы грядущего экономического развития	474
Наши авторы	480

Contents

Prefase	3
Part I	
Modern Economic Conceptualism	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Economic Development: from Stray Abstract Theorizing to Adequate View on Reality	5
<i>V.K. Korolyov</i>	
«Philosophy of Economy» as Social-Humanitarian Basis for Economic Thought Modernization	22
<i>S.S. Slepakov</i>	
To the Question of Semantic Dominants of Russian Reforms (the Production Approach)	27
<i>I.A. Goryunov</i>	
The Philosophy of the Economy there is an Alternative Worldview Renaissance, Enlightenment and Postmodern Glass Bead Game	34
<i>P.P. Julikov, O.V. Julikova</i>	
Abstracts of the Modern Human Economic Sector	50
<i>A.I. Subetto</i>	
Noospheric Paradigm of All-purpose Evolutionism as a Revolution Program in Social Science, Philosophy of Economy and Economic Science in XXI century	53
<i>O.E. Ryazanova, E.V. Gribova</i>	
Problems of Balancing Socio-Ecology-Economic System in Achieving Sustainable Development	67
<i>V.K. Pjetrov</i>	
Social Science as Philosophical World Vision Problem	74
<i>A.A. Olynikov</i>	
New Economic Model for Russian Eurasia: an Answer on Civilizations Challenges and Threats	81
<i>E.V. Shelkopyas</i>	
Perhun or Zeus? Bulgakov or Heidegger? (A Combined Philosophical, Economic and Psychological Essay)	87
<i>I.Ju. Fomichyov</i>	
Methodological Basis for Conceptualization of modern Economic Ethic	99
<i>A. Kudryavzev, O.V. Boiko-Boichuck</i>	
Knowledge: the antinomy of whole	105

<i>T.U. Yakovetz</i>	
Economy of population as an actual scientific theory	119
<i>L.K. Chulkov</i>	
Religious and Metaphysical Prerequisites of Economic	
Life of Peoples in M.R. Eloyan's works.....	122
<i>S.A. Stasenko</i>	
Rationality as a Problem of Philosophy of Economy	127
Part II	
Actual Vision Contour	
<i>A.A. Porohovski</i>	
Theory of Economy as Complex of Basic Economic Theories	135
<i>V.M. Kulkov</i>	
Parameters and Accents of Scientific Reflection	
of National Economy	155
<i>A.K. Shurkalin</i>	
Crisis in Theoretical Concepts of Economic	
Development in Russia	161
<i>G.N. Tsagolov</i>	
China Proves the Integral Society Concept	
and the Seventh Formation	167
<i>N.D. Eletskiy</i>	
The subject of the Global Political Economy in the Space-Time Coordi-	
nates	181
<i>S.A. Dyatlov</i>	
Governed Chaos: Global Hyper Competitive	
Concept.....	194
<i>I.R. Bugayan</i>	
Russia's Geostrategic Mission — To Save Congruity	
between Dialectical Opposites in World Economy	207
<i>N.B. Shulevskij</i>	
Power and Economy	216
<i>K.I. Golubyev</i>	
The Natural Law and Its Significance for the Contemporary	
Philosophical Anthropology and Social Sciences.....	238
<i>S.G. Kovalyov</i>	
Eurasian View on the Economy.....	142
<i>A.N. Nechukhrin</i>	
Social Functions of History Represented in Domestic	
Historiography of the Late XIX — Early XX Centuries	249

<i>M.Ju. Pavlov</i>	
New Economic Thought for New Economic Reality: on the Way Towards Posteconomics	259
<i>V.Y. Stromov</i>	
The effectiveness of the national system of penalties in the optimal realization of the criminal liability context	264
<i>N.V. Polovinkina</i>	
Russian Economic thought on the Nature of Economic Order	281
<i>T.V. Resanova</i>	
The Start of the Logical Positivism In Philosophy and Methodology in Economic Theory	286
<i>A.V. Savka</i>	
About the Problem of Historical Highway in Works by V.V. Rosanov	295
<i>E.S. Zotova</i>	
Economy and Economics in Cultural Context	306
<i>E.V. Andriyenko</i>	
The Axiological and Worldview Role of Money in Modern Society	312
<i>E.V. Kosov</i>	
National liberalism – ideology of sober nationalists and sane liberals.....	317
<i>R.Ye. Sokolov</i>	
Catholic Social Teaching on the Turn of the XX and XXI Centuries.	324
<i>S.N. Turishchev</i>	
Anthropological Approach to the Evaluation of Local Events	335
<i>S.S. Nipa</i>	
Ecologism: For and Against Neoindustrialism	340
<i>T.V. Kuznetsova</i>	
National Uniqueness of Understanding of Folk Art Paradigm in the Dialogue of Worldviews.....	348
<i>I.I. Rudyak</i>	
From Realism of Karavadjo to Doctrine of Bulgakov	355
<i>D.V. Garbuzov</i>	
Duplicity of Russia	369
<i>R.V. Kapinos</i>	
The Death of Ukraine	374

Part III
Economics in Action and Contraction

S.S. Nosova
Turbulence in the Economic Development of Russia:
is there a Way out?382

A.A. Kladova
The specifics of dialectical interaction between the key
tendencies of evolution of bank competition in Russia386

T.N. Iudina
Understanding of Digital Economy389

T.S. Sukhina
Ecological Economics: from the Idea to the Practice395

S.S. Merzlyakov
Army and IT-Groups: Status Elitism as Development
Resource402

M.V. Golovko Developing a Culture of Economic Security as a Tool
to Combat the Rent-Shadow Economy407

A.A. Antropov
World 500-long Political Cycles and Russian Smokin aces
in «Games» with USA, EU, Republic of China and India.....412

Ya. I. Nisanov
The Basic Origins of Forming of Native
Theory of Economical Acting by Human and Engineering
Theory of Government on Population429

A.A. Ivanov
The Irrational Conduct: Sources, Forms, Criteria.....447

E.H. Khabbibulina
The Concept of Law Credit Rates for the Real Sector
as an Instrument for Reducing the Inflation: Formal
Foundation and Some Clarifications.458

V.I. Degtyarev
The Inadequacy of the Goals and Criteria of Economic
Development.....466

V.V. Kashitsin
Methodological Aspects in Modern Economical Mind
and the Challenges of the Coming Economic Development474

Authors480

Научное издание

**Современность: хозяйственные
алгоритмы и практики**

Под редакцией
Ю.М. Осипова, В.Ю. Стримова, Е.С. Зотовой

Редактор — Т.Г. Трубицына
Оригинал-макет — С.С. Нипа